

Один
из тех авторов
современной НФ,
кто пишет
и увлекательно,
и легко.
Джо Хилл

ДЖОН СКАЛЬЦИ

В КЛЕТКЕ
•
ВИРУС
•
НАПРОЛОМ

В клетке. Вирус. Напролом
Джон Скальци

Аннотация
Джон Скальци. В клетке. Вирус. Напролом
В клетке. Роман
Синдром Хаден
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18

Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Благодарности
Вирус. Повесть
Пролог
Часть первая. Эпидемия
Часть вторая. Синдром Хаден
Часть третья. Полет на Луну
Часть четвертая. Трилы
Часть пятая. Новый мир
Часть шестая. Двадцать пять лет
Напролом. Роман
Смерть Дуэйна Чэпмена
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8

Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Эпилог
Благодарности

Аннотация

По земному шару распространяется очень странный вирус. У большинства людей болезнь протекает как легкий грипп, но у тех, кому не повезло, у одного процента заразившихся – а это пять миллионов только в США, – развивается синдром клетки. Жертва вируса остается в сознании, все видит и чувствует, но не способна шевельнуться, не отвечает на внешние стимулы. Мир, чтобы спастись, был вынужден полностью измениться. Агент-ветеран Лесли Ванн получает в напарники только что начавшего службу в ФБР Криса Шейна. Им поручено расследовать убийство, связанное с хаденами – жертвами синдрома клетки. Главный подозреваемый – интегратор, человек, способный предоставлять свое тело в пользование хаденам. Если интегратор совершает убийство, когда несет в себе чужое сознание, крайне сложно выйти на настоящего преступника… Но в данном случае и следователи не так уж просты, ведь Лесли Ванн сама бывший интегратор, ну а Крис Шейн – хаден-инвалид, уже много лет

прикованный к постели и способный перемещаться только в искусственных телах… Блестящая трилогия от звезды научной фантастики, написанная в лучших традициях Айзека Азимова, – впервые на русском!

Джон Скальци
В клетке. Вирус. Напролом

John Scalzi
LOCK IN
Copyright © John Scalzi, 2014

UNLOCKED
Copyright © John Scalzi, 2014

HEAD ON
Copyright © Copyright © John Scalzi, 2018
All rights reserved Публикуется с разрешения автора и Ethan Ellenberg Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© Д. С. Могилевцев, перевод, 2020
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

В клетке
Роман

Джо Хиллу, которому я сказал, что сделаю это, и Дэниэлу Майницу, моему очень дорогому другу

Синдром Хаден

Синдромом Хаден, или синдромом клетки, была названа совокупность физических и умственных заболеваний и отклонений, изначально вызванных «Великой инфлюэнцей», гриппоподобной глобальной пандемией, приведшей к смерти более четырехсот миллионов человек по всему миру. Люди умирали и на первой стадии болезни, когда проявлялись лишь симптомы обычного гриппа, и на второй, которой были свойственны характерные для менингита воспаления оболочек головного и спинного мозга, а также на третьей, когда осложнения вызывали полный паралич соматической нервной системы, в результате чего жертвы оказывались запертыми в своем собственном теле, как в клетке. Синдром Хаден получил свое название после того, как вирус поразил первую леди США Маргарет Хаден, ставшую самой известной жертвой этой страшной болезни.

До сих пор не установлено, где именно возникла «Великая инфлюэнца», но впервые она была диагностирована в Лондоне, и почти сразу же подобные случаи зафиксировали в Нью-Йорке,

Амстердаме, Торонто, Токио и Пекине. Долгий инкубационный период до проявления видимых признаков позволил вирусу широко распространиться до его обнаружения. В результате более 2,75 миллиарда человек были заражены во время первой волны заболевания.

Развитие болезни проходило совершенно поразному в каждом отдельном случае и зависело от состояния здоровья, возраста, наследственности и условий проживания. Наиболее опасной стала первая, гриппоподобная стадия, повлекшая за собой семьдесят пять процентов от всех смертей, вызванных синдромом Хаден. Однако у такого же процента пораженных болезнь и ограничивалась лишь первой стадией. У всех остальных развивалась вторая стадия, которая на первый взгляд напоминала вирусный менингит, но, плюс ко всему, вызывала у некоторых заболевших глубокие и необратимые изменения мозговой структуры. Несмотря на то что второй стадии подвергалось меньшее число людей, процент смертности на ней был выше, чем на первой.

Большинство из тех, кто выжил на второй стадии синдрома Хаден, не получили продолжительных физических или когнитивных расстройств, однако значительное число людей — более одно-

го процента от изначально зараженных вирусом «Великой инфлюэнцы» — перешли в состояние запертых. Еще у четверти процента произошли нарушения умственных способностей вследствие изменений в их мозговой структуре, при этом их физическая активность не пострадала. Еще меньшее число заболевших — менее ста тысяч человек по всему миру — не испытали никаких физических или ментальных отклонений, несмотря на существенные изменения их мозговой структуры. Некоторые индивидуумы из этой последней категории в дальнейшем стали «интеграторами».

В Соединенных Штатах Америки жертвами синдрома клетки стали 4,35 миллиона граждан страны и резидентов. Аналогичный процент запертых был характерен и для других развитых стран. Это подтолкнуло США и их союзников вложить три триллиона долларов в Исследовательскую программу Хадена (ИПХ), амбициозный инициативный проект, нацеленный на глубокое изучение функции мозга и скорейший выход на рынок соответствующего программного обеспечения и оборудования, которое позволило бы людям, получившим синдром клетки, несмотря на болезнь, участвовать в жизни общества. В

результате за два года, прошедших после утверждения программы президентом Бенджамином Хаденом, появились такие новшества, как первые внедренные нейронные сети, транспортеры личности (ТЛ) и доступное только для хаденов интернет-пространство, получившее название «Агора».

Хотя разработки в рамках ИПХ позволили добиться значительного прогресса в изучении развития и структуры мозга и подтолкнули к созданию нескольких новых отраслей промышленности, которые обслуживали страдающих от синдрома клетки людей, со временем появилось много жалоб на то, что связанные с хаденами — так стали называть запертых — исследования приобрели излишне первостепенное значение, а сами хадены благодаря правительственным субсидиям превратились в привилегированный класс. Это привело к тому, что сенаторы США Дэвид Абрамс и Ванда Кеттеринг представили на рассмотрение билль об урезании субсидий и программ для хаденов, что означало снижение налоговой нагрузки для остальных граждан. Вначале билль Абрамса—Кеттеринг был отклонен, но после внесения изменений был представлен снова и получил одобрение обеих палат конгрес-

са с незначительным большинством голосов.

Несмотря на серьезный прогресс в изучении вируса, вызывающего синдром Хаден, и развитие программ социальной гигиены, препятствующих его распространению, надежной вакцины от болезни до сих пор не создано. Ежегодно в мире заражается около двадцати миллионов человек, а в США от пятнадцати до сорока пяти тысяч становятся запертыми. Хотя вакцина по-прежнему не дается разработчикам, уже можно говорить о некотором прогрессе в лечении инфицированных, которое включает в себя новейшую терапию по «перепрошивке» соматической нервной системы. В текущее время эта терапия проходит испытания на животных.

Статья
«Синдром Хаден» на HighSchoolCheatSheet.com.

Глава 1

Мой первый день на работе совпал с первым днем забастовки хаденов, и я не покривлю душой, если скажу, что это было не самое удачное совпадение. Репортаж о том, как я вхожу в здание ФБР, тут же попал на все хаденские новостные сайты и форумы. Для первого рабочего дня самое то.

Лишь благодаря двум обстоятельствам не вся «Агора» обрушила ярость на мою голову. Для начала — далеко не каждый хаден поддержал забастовку. В первый день в ней приняли участие единицы. «Агора» раскололась на два шумных враждующих лагеря: одни непременно хотели протестовать, другие считали это бессмысленным, потому что билль Абрамса—Кеттеринг уже принят конгрессом.

Вторым обстоятельством послужило то, что ФБР, строго говоря, стояло на страже закона, а значит, исполняло важную общественную функцию. Возможно, поэтому тех, кто называл меня штрейкбрехером и предателем, оказалось гораздо меньше, чем я ожидал.

Перепалка на «Агоре» хоть немного разбавила нестерпимую скуку первого дня. Кучу времени

я проторчал в отделе кадров, заполняя разные формуляры и терпеливо выслушивая невыносимо подробные объяснения насчет моих льгот и пенсионной программы. Затем мне вручили личное оружие, последние обновления софта и значок. Зато я рано отправился домой, потому что моя новая напарница выступала свидетелем в суде и не ожидалась на работе до конца дня, а чем меня занять, никто так и не придумал. Дома я не стал загружать «Агору», а сел смотреть кино, одно за другим. Зовите меня трусом, если хотите.

Мой второй рабочий день начался большей кровью, чем мне бы хотелось.

Я заметил свою напарницу, когда шел к отелю «Уотергейт». Она стояла недалеко от входа и тянула электронную сигарету. Когда я подошел ближе, данные с чипа на ее значке полились ко мне в поле зрения. Таким способом Бюро оповещало своих агентов о том, кто перед ними. Очков на моей напарнице не было, так что ее подобный поток сведений, но уже обо мне при моем появлении не захлестнул. Хотя, с другой стороны, едва ли он ей вообще требовался. Она прекрасно вычислила меня и невооруженным глазом.

— Агент Шейн, — сказала она, протягивая руку.

— Агент Ванн, — сказал я, отвечая на рукопожатие.

И умолк в ожидании того, что́ она еще изречет. Всегда интересно наблюдать, что люди станут делать при встрече со мной, не только из-за того, кто я, но и из-за того, что я хаден. Обычно либо одно, либо другое вызывает комментарии.

Ванн не сказала больше ничего. Просто убрала руку и продолжила посасывать никотиновую палочку.

Ну что ж, выходило так, что разговор надо было начинать мне.

Я взглянул на машину, рядом с которой мы стояли. Из ее раскроенной крыши торчало большое кресло.

— Наше? — спросил я, кивая в сторону машины с креслом в крыше.

— Косвенным образом, — ответила она. — Вы записываете?

— Могу, если хотите. Некоторые предпочитают, чтобы я не записывал.

— Я хочу, чтобы вы записали, — сказала Ванн. — Вы на работе. И значит, должны записывать.

— Извольте, — согласился я и включил запись.

Потом стал обходить машину со всех сторон, снимая ее с различных ракурсов. Ударопрочное

стекло в окнах растрескалось, несколько кусочков выпало. На машине были дипломатические номера. В десяти ярдах какой-то мужчина орал в трубку мобильного по-армянски. Меня так и подмывало перевести его крик.

Ванн молча наблюдала за мной.

Закончив съемку, я посмотрел вверх, на дыру в стене отеля на седьмом этаже.

— Это оттуда кресло прилетело? — спросил я.

— Не исключено, что догадка верная. — Ванн вынула сигарету изо рта и сунула ее в карман жакета.

— Идем наверх?

— Я ждала вас.

— Простите, — сказал я и снова задрал голову. — Столичная полиция уже здесь?

— Я перехватила звонок из их канала. Подозреваемый — интегратор, а это наша территория.

— Вы уже сообщили об этом полиции? — спросил я.

— Я ждала вас, — повторила Ванн.

— Простите, — снова сказал я, и она мотнула головой в сторону вестибюля гостиницы.

Мы зашли внутрь и доехали на лифте до седьмого этажа, откуда прилетело кресло. Ванн прицепила свой фэбээровский значок на лацкан,

я вывел свой на нагрудный дисплей.

Когда двери лифта открылись, мы увидели копа в форме. Она сразу подняла руку в предостерегающем жесте, останавливая нас. Мы дружно указали на значки. Она скривилась, пропустила нас вперед и что-то прошептала в рацию, когда мы направились к толпе полицейских у входа в номер.

Мы уже прошли полпути, когда из номера высунулась какая-то женщина, повертела головой, заметила нас и, громко топая, двинулась навстречу. Мельком взглянув на Ванн, я увидел, что она нацепила на лицо улыбку.

— Детектив Тринх, — сказала моя напарница, когда женщина подошла ближе.

— Нет, — отрезала полицейская вместо приветствия. — Ни за что. Это не имеет к тебе никакого отношения, Лес.

— Я тоже рада тебя видеть. Увы, ты ошибаешься. Твой подозреваемый — интегратор. Ты понимаешь, что это значит?

— «Все предполагаемые преступления с участием транспортеров личности или интеграторов подпадают под федеральную юрисдикцию», — процитировал я из устава Бюро.

Тринх окинула меня мрачным взглядом, по-

том демонстративно отвернулась, обращаясь к Ванн. Я решил отложить наше личное общение на потом.

— Мне неизвестно, что мой подозреваемый — интегратор, — процедила Тринх.

— Зато мне известно, — заметила Ванн. — Когда ваш офицер позвонил с места преступления, он идентифицировал подозреваемого. Это Николас Белл, интегратор. Состоит в нашей базе данных. Зафиксирован его пинг-запрос в момент, когда ваш офицер вырубил его.

При упоминании имени я повернулся к Ванн, но она продолжала смотреть на Тринх.

— То, что у него такое же имя, еще не делает его интегратором, — буркнула та.

— Брось, Тринх. Неужели ты правда хочешь заниматься этим перед детьми?

Я не сразу понял, что она говорит обо мне и копах в униформе.

— В нашей перебранке ты точно проиграешь, — сказала Ванн. — Лучше пусти нас внутрь и дай выполнить нашу работу. Если окажется, что все замешанные были в это время в Вашингтоне, мы передадим тебе все, что накопали, и отвалим. Давай будем паиньками и решим все миром. А то я ведь могу и перестать благодушествовать. Ты

же еще помнишь, что это значит.

Тринх молча развернулась и скрылась за дверью номера.

— Я кое-чего не уловил, — заметил я.

— Вы знаете все, что вам нужно, — отрезала Ванн и шагнула в номер 714; я последовал за ней.

На полу ничком лежало тело мужчины с перерезанным горлом. Кровь пропитала ковер, забрызгала стены, кровать и стул. По комнате гулял ветер: в окне, занимавшем всю стену от пола до потолка, зияла дыра, куда, судя по всему, и улетело кресло.

— Известно, кто он? — глядя на труп, спросила Ванн.

— Документов никаких, — ответила Тринх. — Пока выясняем.

Ванн оглядела комнату, словно что-то искала.

— Где Николас Белл? — спросила она у Тринх.

Та криво улыбнулась.

— В участке, — сказала она. — Первый прибывший на место преступления офицер обезвредил его, и перед вашим приходом мы отправили его в участок.

— Что за офицер?

— Тиммонс. Его здесь нет.

— Мне нужна его съемка ареста.

— Я не…

— Тринх, она нужна мне прямо сейчас! Куда выслать, ты знаешь. Передай Тиммонсу.

Тринх снова скривилась, но вытащила телефон и позвонила.

— Что-нибудь передвигали? Трогали? — спросила Ванн у полицейского в форме.

— Мы — нет, — ответил тот.

Ванн кивнула.

— Шейн! — позвала она.

— Да, — сказал я.

— Начинайте снимать картограмму. Не упускайте никаких деталей. Осторожней со стеклом.

— Уже, — сказал я.

Я заранее включил режим записи. Наложил сверху трехмерную сетку, чтобы облегчить идентификацию, когда заглядываешь под кровати и в углы, и маркировал все объекты. Обошел номер, старательно заглянул в каждый угол, опустился на колени перед кроватью, включил налобный фонарь, чтобы лучше все разглядеть. И под кроватью действительно нашлось кое-что интересное.

— Там окровавленные осколки, — объявил я, потом встал и показал на стол, где стояли стаканы и две бутылки с водой. — На полу возле стола

тоже осколки. Похоже, наше орудие убийства.

— Вы закончили с картограммой? — спросила Ванн.

— Почти, — ответил я и еще несколько раз прошелся по комнате, чтобы ничего не упустить.

— Полагаю, у вас тоже есть картограмма, — обратилась Ванн к Тринх.

— Она сейчас в обработке, — ответила та. — И у нас есть записи от побывавших здесь офицеров.

— Мне нужно все, — сказала Ванн. — Картограмму Шейна я тебе тоже пришлю.

— Прекрасно, — раздраженно процедила Тринх. — Что-нибудь еще?

— Пока все.

— Тогда будьте так любезны, покиньте место преступления. Мне надо работать.

Ванн улыбнулась и двинулась к выходу из номера, я за ней.

— Столичная полиция всегда такая? — спросил я, когда мы зашли в лифт.

— Никто не любит федералов на своей делянке, — ответила она. — Они нам никогда не рады. Большинство старается не хамить. У Тринх с этим проблемы.

— Со всеми федералами или лично с вами?

Ванн снова улыбнулась. Двери лифта откры-

лись, и мы шагнули в вестибюль отеля.

— Не против, если я закурю? — спросила Ванн.

Она вела вручную к зданию участка и шарила в карманах в поисках сигарет, на этот раз настоящих. Машина была ее, и курить внутри закон не запрещал.

— У меня иммунитет к пассивному курению, если вы об этом, — заметил я.

— Как мило.

Она наконец выудила сигарету и надавила на автомобильную зажигалку, чтобы прикурить. Я убавил обоняние.

— Зайдите в мой ящик на сервере ФБР и проверьте, пришла ли уже запись ареста, — велела она.

— И как я это сделаю? — спросил я.

— Вчера я открыла вам доступ.

— В самом деле?

— Вы же теперь мой напарник.

— Ценю ваше доверие. А если бы вы после первой нашей встречи решили, что я — недостойный доверия засранец?

Ванн пожала плечами.

— Моя прошлая напарница была недостойной доверия засранкой, — сказал она. — Мы делили один ящик на двоих.

— Что с ней случилось? — спросил я.

— Получила пулю.

— При исполнении?

— Не совсем. Была на учебных стрельбах и пальнула себе в живот. Так и осталось неясным — намеренно или случайно. Разговоры разные ходили. Потом инвалидность и отставка. Я особо не переживала.

— Ну, я-то точно обещаю не палить себе в живот.

— Две шутки про тело меньше чем за минуту, — заметила Ванн. — Кажется, вы усиленно пытаетесь на что-то намекнуть?

— Просто хочу убедиться, что вы не испытываете при мне неловкости, — сказал я. — Не все знают, как себя вести, когда встречают хадена.

— Вы не первый хаден, с которым я познакомилась. — Зажигалка щелкнула в гнезде; Ванн вытащила ее и зажгла сигарету. — Это вполне очевидно, учитывая нашу службу. Вы нашли запись ареста?

— Секундочку. — Я зашел на свидетельский сервер Бюро и открыл ящик Ванн; файл уже лежал там. — Она здесь, — подтвердил я.

— Запускайте, — сказала Ванн.

— Хотите, чтобы я вывел ее на приборную

панель?

— Я за рулем.

— Говорят, уже изобрели беспилотники.

Ванн покачала головой.

— Это машина Бюро, — сказала она. — Вряд ли стоит доверять автопилоту, купленному через тендер по самой низкой цене.

— Разумно, — согласился я и включил запись ареста — скачущую, снятую в низком разрешении.

Как и ФБР, вашингтонская полиция, наверное, тоже покупала свою аппаратуру через тендер по дешевке. Съемка велась в стереорежиме, с одной точки, — скорее всего, камера была установлена на защитных очках. Запись началась с того, что коп — Тиммонс — вышел из лифта на седьмом этаже, уже с шокером наготове. У дверей номера 714 стоял охранник «Уотергейта» в скверно подогнанной униформе горчичного цвета. Когда камера приблизилась, стало видно, что в руке у него зажат тазер. Выглядел охранник так, что вот-вот обмочится от страха.

Тиммонс обошел охранника, и в кадр вплыл сидящий на кровати человек с поднятыми руками. Его лицо и рубашка были испачканы кровью. Изображение дернулось, после чего Тиммонс

долго смотрел на труп, лежащий на пропитанном кровью ковре. Потом изображение снова дрогнуло и вернулось к сидящему на кровати человеку.

— Он мертв? — послышался чей-то голос — Тиммонса, как я заключил.

Человек на кровати посмотрел на труп.

— Да, думаю, мертв, — сказал он.

— И какого хрена ты убил его? — спросил Тиммонс.

Человек на кровати перевел взгляд на него.

— Не думаю, что это я, — сказал он. — Послушайте…

В этот момент Тиммонс всадил в него разряд. Человек вздрогнул, изогнулся и свалился с кровати, неподвижно застыв на ковре, будто зеркальное отражение мертвеца.

— Интересно… — пробормотал я.

— Что? — спросила Ванн.

— Тиммонс только заглянул в комнату и почти сразу вырубил нашего подозреваемого.

— Белла, — добавила Ванн.

— Да, — ответил я. — Кстати, это имя не кажется вам знакомым?

— Белл что-нибудь сказал перед тем, как его вырубили? — проигнорировав мой вопрос, произнесла Ванн.

— Тиммонс спросил его, почему он убил того парня. Белл ответил, что так не думает.

Ванн нахмурилась.

— В чем дело? — спросил я.

Ванн снова окинула меня взглядом, и я понял, что она смотрит не на меня, а на мой ТЛ.

— Новая модель, — заключила она.

— Ну да, — сказал я. — «Зебринг-Уорнер 660XS».

— Шестисотая линейка у них недешевая.

— Недешевая, — согласился я.

— Выплаты за аренду великоваты для зарплаты стажера ФБР.

— А значит, вот так мы будем с вами дальше?

— Я просто отмечаю очевидное.

— Прекрасно, — согласился я. — Полагаю, вам кое-что рассказали обо мне, когда сделали вашим напарником.

— Рассказали.

— И, полагаю, вы немного знаете о сообществе хаденов, поскольку это ваша работа.

— Да, — подтвердила Ванн.

— Тогда давайте пропустим ту часть, где вы притворяетесь, будто не знаете, кто я, из какой я семьи и почему могу позволить себе «Зебринг-Уорнер 660».

Ванн улыбнулась, потушила сигарету в пе-

пельнице на дверце, потом опустила стекло и выбросила окурок.

— Видела, вчера на «Агоре» вам крепко всыпали за выход на работу.

— Не случилось ничего такого, с чем бы я не сталкивался раньше, и ничего такого, с чем бы я не смог справиться. Для вас это проблема?

— То, что вы — это вы?

— Именно.

— С чего бы это должно быть проблемой для меня?

— Когда я пошел в академию, многие посчитали это капризом богатого сынка. Считали, что я просто буду протирать там штаны, пока не вступлю во владение своим трастовым фондом или еще чем-нибудь.

— Ну и как? — спросила Ванн. — Я имею в виду трастовый фонд. Вступили во владение?

— Еще до того, как пошел в академию.

Ванн хихикнула.

— Нет проблем, — сказала она.

— Уверены?

— Да. И кстати, это даже хорошо, что у вас такой элитный трил, — заметила Ванн, употребив жаргонное название транспортера личности. — Значит, снятая вами картограмма будет приличного

качества. Что уже обнадеживает, ведь Тринх едва ли пришлет мне что-нибудь стоящее. Запись ареста, небось, вся дерганая и нечеткая?

— Ну да.

— Это полный бред. У копов все камеры на защитных очках снабжены автоматическими стабилизаторами и пишут с разрешением повышенной четкости 4k. Наверняка Тринх велела Тиммонсу испортить запись перед тем, как послать нам. Такая уж она засранка.

— То есть вы намерены эксплуатировать мои незаурядные технические возможности? — спросил я.

— Именно так. А для вас это проблема?

— Нет. Прекрасно, когда люди замечают твои достоинства.

— Хорошо, — поворачивая на стоянку возле участка, сказала Ванн. — Потому что у меня на вас большие планы.

Глава 2

— Это еще что за «бряк»? — спросил у Ванн полицейский, встретивший нас в участке.

Моя программа распознавания лиц определила его как Джорджа Дэвидсона, капитана второго участка столичной полиции.

— Ну надо же, — не сдержался я.

— Я что-то не так сказал? — Дэвидсон посмотрел на меня. — Никогда не могу запомнить, какое из слов — «трил» или «бряк» — мне не стоит сегодня употреблять.

— Вот вам подсказка, — любезно предложил я. — Первое происходит от любимого миллионами персонажа андроида одного из самых популярных фильмов всех времен. Другое описывает звук сломанного механизма. Угадайте, какое нам нравится больше.

— Понял, — ответил Дэвидсон. — Мне казалось, все ваши сегодня бастуют.

— Господи боже, — раздраженно проворчал я.

— Какой ранимый трил, — обратился Дэвидсон к Ванн.

— Какой засранец коп, — улыбнулась ему она.

Дэвидсон улыбнулся в ответ.

— Это агент Крис Шейн, мой новый напарник, — сказала Ванн.

— Охренеть! — выдохнул Дэвидсон и снова уставился на меня.

Очевидно, имя он все-таки знал.

— Сюрприз! — сказал я.

Ванн помахала перед носом Дэвидсона рукой, чтобы привлечь его внимание:

— Эй, у тебя тут кое-кто сидит под замком. Мы хотели бы переговорить.

— Ну да, сидит. Тринх предупредила, что вы скоро заявитесь.

— Надеюсь, с тобой не будет так же трудно, как с ней.

— О, ты же знаешь — я целиком и полностью за сотрудничество между стражами порядка, — горячо заверил ее Дэвидсон. — К тому же мне ты пока на любимые мозоли не наступала. Прошу. — он махнул рукой, приглашая нас в недра участка.

Через несколько минут мы уже смотрели на Николаса Белла через стекло. Тот молча сидел в комнате для допросов в выжидательной позе.

— Не похож он на парня, способного выкинуть кого-то из окна, — с сомнением заметил Дэвидсон.

— Он никого не выкидывал, — напомнила Ванн. — Труп остался в номере. Вылетело только кресло.

— И на парня, способного выкинуть кресло из окна, тоже не похож, — настаивал Дэвидсон.

— Это интегратор, — сообщила Ванн и указала на Белла. — Он проводит массу времени с другими людьми в своей голове, а у этих людей могут возникать самые разные желания. И он в лучшей форме, чем тебе кажется.

— Как скажешь, — ответил Дэвидсон. — Тебе лучше знать.

— Вы уже говорили с ним? — спросил я.

— Детектив Гонсалес пытался, — сказал Дэвидсон. — Так этот просто сидел и молчал — и так минут двадцать.

— Ну, у него же есть право хранить молчание, — заметил я.

— Пока он не объявлял о желании им воспользоваться и адвоката тоже не просил, — сказал Дэвидсон.

— Как думаешь, это может быть связано с тем, что ваш офицер Тиммонс вырубил его прямо на месте преступления, а? — спросила Ванн.

— Я еще не получил полного рапорта от Тиммонса.

— Дэвидсон, да ты у нас просто путеводная звезда безопасной конституционной практики, — усмехнулась Ванн.

— Он уже давно очухался, — пожал плечами Дэвидсон. — Если вспомнит, что у него есть права, значит вспомнит. А пока нет, можете подкатить к нему, если хотите.

Я вопросительно взглянул на Ванн.

— Пойду пописаю, — сказала она. — А потом поищу себе кофе.

— И то и другое дальше по коридору, — сообщил Дэвидсон. — Ты еще должна помнить.

Ванн кивнула и удалилась.

— Крис Шейн, надо же, — сказал мне Дэвидсон, когда она ушла.

— Это я, — подтвердил я.

— Я вас помню, когда вы были еще ребенком. Ну, в смысле, не настоящим ребенком… ну, вы меня поняли.

— Абсолютно, — кивнул я.

— Как ваш отец? Собирается баллотироваться в сенаторы или как?

— Пока не решил, — сказал я. — Но это не для протокола.

— Я раньше смотрел все его игры, — сообщил Дэвидсон.

— Непременно ему передам.

— Долго уже с ней? — Дэвидсон махнул рукой в ту сторону, куда ушла Ванн.

— Первый день как ее напарник. Второй день на работе.

— Новичок, значит?

Я кивнул.

— Да, а так и не скажешь, глядя на это… — он указал на мой трил.

— Понятно, — сказал я.

— Хороший трил.

— Спасибо.

— Извините за «бряк».

— Никаких проблем.

— Думаю, нас вы тоже между собой называете какими-нибудь малоприятными прозвищами, — предположил Дэвидсон.

— Доджеры.

— Что?

— Доджеры, — повторил я. — Это сокращенно от «доджер-доги». Хот-доги такие, их продают на стадионе «Доджер» в Лос-Анджелесе.

— Да знаю я, что такое доджер-доги. Только не понимаю, как вы их с нами-то связали.

— Двумя способами. Во-первых, все вы в основном состоите из мяса, набитого в кожу. Так

же как и хот-доги. А во-вторых, хот-доги — это большей частью губы и жопы. Так же как и вы — большей частью излишне болтливы и непривлекательны.

— Мило, — выдавил Дэвидсон.

— Вы спросили — я ответил.

— Да, но почему именно доджер-доги? Я всю жизнь болею за «доджерсов»[1], имею право знать.

— А почему трилы? Почему «бряки»? Такой сленг.

— А для него есть сленг? — спросил Дэвидсон, кивая на тихо сидящего Белла.

— «Мул».

— Логично.

— Ну да.

— Когда-нибудь пользовались таким?

— Интегратором? Один раз, — ответил я. — В двенадцать лет родители взяли меня в парк развлечений «Мир Уолта Диснея». Решили, что будет лучше, если я прочувствую чудеса в человеческом теле, и наняли для меня интегратора на целый день.

— И как оно? — спросил Дэвидсон.

---

[1] Примечания: 1

Бейсбольная команда «Лос-Анджелес доджерс».

— Отвратительно, — сказал я. — Было жарко, через час у меня заболели ноги, и я чуть не описался, потому что понятия не имел, как вы писаете. Обо мне ведь все время заботились, а хаденом я стал совсем маленьким и уже не помнил, как это делается естественным образом. Интегратору пришлось, что называется, выйти на поверхность, чтобы помочь мне, что им, вообще-то, не полагается, когда они с кем-то в голове. Через пару часов я совсем расхныкался, мы вернулись в отель и переключили меня обратно на трила. И вот тогда я и в самом деле отлично провел время. Хотя интегратору все равно заплатили за целый день.

— И с тех пор вы больше не пробовали?

— Нет, — сказал я. — Чего ради?

Дэвидсон что-то неопределенно промычал, а потом дверь в комнату для допросов открылась, и вошла Ванн с двумя стаканчиками кофе в руках.

— А ведь она тоже. — Дэвидсон показал на нее.

— Что — тоже?

— Интегратор. Ну, или была, пока не пришла в Бюро.

— Я этого не знал, — сказал я, глядя, как Ванн садится напротив Белла.

— Вот почему она вами и занимается. Знает

вас, как никто из наших. Без обид, но у нас у всех просто в голове не укладывается, как вы вообще живете.

— Понимаю.

— Да, — сказал Дэвидсон и умолк, а я уже знал, что дальше последует рассказ о родственниках-хаденах — скорее всего, дядюшке или кузине. — У моей кузины был синдром Хаден, — печально поведал Дэвидсон, и я мысленно поставил галочку в графе «гениальные прозрения». — Она заболела еще в первую волну, тогда никто вообще не понимал, что это за хрень. У вируса даже названия не было. Кузина подцепила грипп, потом вроде пошла на поправку, и тут — оп. — Он пожал плечами.

— Клетка, — подсказал я.

— Она самая. Помню, пришел в больницу навестить ее, а там целое крыло ступорных. Лежат и дышат, и все. Несколько десятков. А ведь всего пару дней назад ходили, жили нормальной жизнью.

— И что случилось с вашей кузиной?

— Не выдержала. От ступора что-то в мозгу не так пошло, психоз или вроде того.

— К сожалению, такое часто случается, — подтвердил я.

— Ну да. Пожила еще пару лет, а потом тело не выдержало.

— Сочувствую.

— Да, дерьмово, — сказал Дэвидсон. — Только эта зараза ведь никого не щадит. Вот и первая леди заболела. Даже вирус в ее честь назвали.

— Все равно хреново.

— Это точно, — согласился Дэвидсон и кивнул на Ванн. — Она же его тоже подцепила, правда? В какой-то момент. Поэтому такая и стала.

— Отчасти. Существовал лишь крошечный процент людей, у которых вирус изменил структуру мозга, но не вызвал ступора. В свою очередь, у крошечного процента уже от них мозг изменился настолько, что они смогли стать интеграторами. — На самом деле все обстояло гораздо сложнее, но едва ли Дэвидсону это было интересно. — Думаю, на всей планете интеграторов всего тысяч десять.

— Ага, — согласился Дэвидсон. — В общем, она интегратор. Или была им. Так что как-нибудь разговорит этого парня.

Он увеличил громкость колонок, чтобы мы могли слышать разговор в комнате для допросов.

— Я принесла вам кофе, — сказала Ванн, пододвигая Беллу стаканчик. — Взяла на себя смелость

предположить, что вы любите с сахаром и сливками. Простите, если не угадала.

Белл посмотрел на кофе, но ничего не сказал и стаканчика не взял.

— Чизбургеры с беконом, — вдруг объявила Ванн.

Как ни странно, Белл неожиданно отреагировал на эту явную бессмыслицу.

— Что? — спросил он.

— Чизбургеры с беконом, — повторила Ванн. — Когда я работала интегратором, то съела целую прорву гребаных чизбургеров с беконом. Вы наверняка знаете почему.

— Потому что первое, чего всегда хочет запертый после интегрирования, — это чизбургер с беконом, — сказал Белл.

— Значит, не только со мной так, — улыбнулась Ванн.

— Нет, не только.

— На улице, где я жила, была бургерная, — сказала Ванн. — «Файв гайз», знаете, наверное. Как только я переступала порог, там сразу шлепали бекон на гриль. Даже не ждали, пока я закажу. Привыкли.

— Само собой, — подтвердил Белл.

— После того как я перестала интегрироваться,

я два с половиной года не могла даже смотреть на чизбургер с беконом.

— Похоже на правду. Я бы по своей воле их и в рот не взял.

— Крепитесь, — сказала Ванн.

Белл схватил кофе, понюхал, отпил глоток.

— Вы не из полиции, — сказал он. — Я никогда не встречал в Вашингтоне копа-интегратора.

— Я — агент Лесли Ванн. Работаю в ФБР. Мы с моим напарником расследуем преступления, к которым причастны хадены. Разумеется, вы не хаден в строгом понимании этого слова, но вы интегратор, а значит, участие в этом какого-нибудь хадена вполне возможно. Если это так, то мы оба понимаем, что вы не отвечаете за свои действия. Но вы должны рассказать мне все, и тогда я смогу вам помочь.

— Хорошо, — согласился Белл.

— В полиции мне сказали, что раньше вы были не слишком разговорчивы.

— Догадайтесь с трех раз почему.

— Наверное, потому, что они вырубили вас, как только увидели?

— В самую точку.

— Николас, может, для вас это и не важно, но я все же хочу извиниться за поведение полиции. Я

бы попыталась вести себя по-другому.

— Я просто сидел на кровати с поднятыми руками. Я ничего не делал.

— Знаю. И, как я уже сказала, прошу у вас прощения. Полицейский поторопился. С другой стороны — и это не оправдание, просто объяснение, — пока вы сидели с поднятыми руками и ничего не делали, на полу лежал труп, а его кровь была на вас, — сказала Ванн и указала пальцем. — Вообще-то говоря, она до сих пор на вас.

Белл спокойно смотрел на нее и молчал.

— Как я и сказала, это не оправдание, — после пятнадцати секунд тишины добавила Ванн.

— Я арестован? — спросил Белл.

— Николас, вас обнаружили в гостиничном номере с мертвецом, и вы были в его крови. Надеюсь, вы понимаете, что нас очень интересуют обстоятельства произошедшего. Все, что вы расскажете, может оказаться полезным. Тем более если это поможет обелить ваше имя.

— Я арестован? — повторил Белл.

— В ваших силах помочь мне, — сказала Ванн. — Я прибыла туда слишком поздно. И видела только сам номер, но вас уже увезли. Поэтому, если можете, сообщите мне, что произошло в том номере и что мне следует искать. Нам пригодится

любая информация. А если вы поможете мне, то мне будет легче помочь вам.

Белл сухо улыбнулся, скрестил руки на груди и отвернулся.

— Снова играем в молчанку? — спросила Ванн.

— Если хотите, можем опять поговорить о чизбургерах с беконом.

— Вы можете хотя бы сказать, были вы интегрированы или нет?

— Вы шутите? — сказал Белл.

— Я не спрашиваю о деталях. Мне важно, работали вы в тот момент или нет. Может, собирались работать? Я знала интеграторов, работающих без контракта. Доджеры иногда хотят сделать что-нибудь, не афишируя этого. Они добывают эти полулегальные сканирующие шапки, эрзац, но для работы годится. И теперь, когда билль Абрамса—Кеттеринг принят, у вас есть причина искать халтуру на стороне. Правительственных контрактов все меньше. А вам надо думать о семье.

Потягивавший кофе Белл поставил стаканчик на стол и сглотнул.

— Вы сейчас говорите, как Кассандра, — сказал он.

— Вас никто не обвинит. Конгресс отзывает

финансирование хаденов после первой стадии болезни и прохождения переходной терапии. Считается, что технология социализации хаденов развилась настолько, что их состояние больше нельзя считать инвалидностью.

— Вы в это верите? — поинтересовался Белл.

— Мой напарник — хаден, — сказала Ванн. — И я скажу вам, что для меня это преимущество, ведь трилы во многом лучше человеческого тела. Но есть немалое число хаденов, которые ускользают от внимания. Например, ваша сестра. Она ведь не делает того, чего ожидает от нее конгресс. Она не работает.

— Раз вы знаете, кто я, значит наверняка знаете, кто она, — с видимым раздражением произнес Белл. — Так вот, у нее есть работа. Если только вы не считаете, что быть одним из главных вдохновителей забастовки хаденов на этой неделе и марша протеста, который они планируют на выходных, — это лишь способ провести свободное время.

— Николас, я с вами не спорю, — сказала Ванн. — Она уж точно не делает сэндвичи в «Саббее». Но, занимаясь тем, чем она занимается, она не получает денег.

— Деньги для нее не важны.

— Нет, но скоро станут важны. Принятие билля Абрамса—Кеттеринг означает, что уход за хаденами передается в частные руки. Кто-то должен будет покрывать расходы на содержание вашей сестры. Вы — ее единственный близкий родственник. Значит, расходы лягут на вас. Что возвращает нас к номеру в отеле и трупу. А меня — к моему вопросу. Меня по-прежнему интересует, были ли вы уже интегрированы, или вас только собирались интегрировать. Я хочу это знать, чтобы помочь вам.

— Агент Ванн, я ценю ваше желание помочь, — сухо произнес Белл. — Но, полагаю, сейчас самым полезным для меня будет дождаться адвоката и поручить мои дела ему.

— Мне не сказали о том, что вы просили вызвать адвоката, — растерянно проговорила Ванн.

— Я и не просил. Я позвонил ему еще из номера, до того как полиция меня вырубила. — Белл дотронулся пальцем до виска, напоминая о том, сколько высокотехнологичной аппаратуры в его черепе. — Разумеется, эту сцену я записал, как записываю почти все и всегда. Потому что в одном мы с вами сходимся, агент Ванн. Пребывание в номере с трупом, конечно, усложняет дело. Но получение разряда еще до того, как зачитаны

права, осложняет его еще больше. — Он улыбнулся и посмотрел вверх, будто прислушивался к чему-то невидимому. — А вот и сообщение от моего адвоката. Он уже здесь. Мне кажется, агент Ванн, ваша жизнь скоро станет гораздо более интересной.

— Похоже, на этом беседу можно завершить, — резюмировала Ванн.

— Похоже, — согласился Белл. — Но было приятно поговорить с вами о еде.

Глава 3

— Итак, резюмируем, — сказал Самуэль Шварц и поднял руку, чтобы отсчитывать пункты. — Мой клиент был незаконно вырублен в то время, когда он не оказывал никакого сопротивления, потом без всяких к тому оснований помещен в камеру, после чего подвергнут допросу двумя отдельными правоохранительными структурами, местной и федеральной, которые не зачитали ему его права и задавали вопросы без присутствия адвоката. Капитан? Агент Ванн, я что-нибудь пропустил?

Капитан Дэвидсон неловко поерзал в кресле. Ванн, которая стояла за его спиной, просто промолчала. Она смотрела на Шварца, а точнее, на его трил, стоящий перед столом капитана. Трил был такой же марки, как и мой, «Зебринг-Уорнер», но, к моему легкому удивлению, серии «Аякс-370». Не дешевый, конечно, но далеко не первосортный — и для «Зебринг-Уорнер», и для модели «Аякс». Обычно адвокаты предпочитали топовые импортные модели. Либо Шварц не имел понятия о статусных символах, либо ему не требовалось возвещать о своем статусе окружаю-

щим. Я решил поискать его в базе данных, чтобы понять, с каким из случаев имею дело.

— Ваш клиент не объявлял ни о своем праве хранить молчание, ни о желании позвать адвоката, — сказал Дэвидсон.

— Да, не правда ли, странно, что разряд в пятьдесят тысяч вольт мешает человеку озвучить и то и другое? — невозмутимо заметил Шварц.

— Он не сказал об этом и после того, как прибыл сюда, — напомнила Ванн.

Шварц повернул голову к ней. Стилизованная голова модели «Аякс-370» чем-то напоминала оскаровскую статуэтку, были изменены лишь области вблизи рта, глаз и ушей, чтобы, во-первых, не нарушать авторские права, а во-вторых, дать возможность разговаривающим с трилом людям на чем-то сосредоточиться. Головы трилов можно было как угодно подгонять под требования заказчика, и многие молодые хадены увлекались этим. Но для взрослых клиентов с серьезной работой это считалось дурным тоном, что заставляло сделать вывод о возможном социальном статусе Шварца.

— В том не было нужды, агент Ванн, — сказал Шварц. — Он связался со мной еще до того, как полицейские лишили его дара речи. Сам факт,

что он позвонил адвокату, ясно указывает на то, что он знал свои права и намеревался воспользоваться ими. — Шварц посмотрел на Дэвидсона и добавил: — А тот факт, что ваши офицеры лишили моего клиента возможности подтвердить свои права, не означает того, что он бы отказался от них, даже если он и молчал здесь.

— С этим пунктом можно поспорить, — заметил Дэвидсон.

— Хорошо, давайте, — согласился Шварц. — Пойдем к судье прямо сейчас. Но если вы не намереваетесь идти прямо сейчас, будьте любезны отпустить моего клиента.

— Вы шутите, — выдохнула Ванн.

— Агент Ванн, вы не можете видеть, как я улыбаюсь в ответ на ваше замечание, — сказал Шварц. — Но поверьте мне на слово — я улыбаюсь.

— Ваш клиент находился в одном номере с трупом, и на нем была обнаружена кровь жертвы, — сообщила Ванн. — Это не является признаком полной невиновности.

— Как и признаком вины, — парировал Шварц. — Агент Ванн, перед вами человек, ни разу не имевший ни малейших проблем с полицией, даже за переход улицы в неположенном

месте. По роду занятий он должен отдавать контроль над своим телом посторонним людям. Как результат этого, время от времени он встречается с клиентами, незнакомыми ему лично, а те в свою очередь имеют дело с другими людьми, также незнакомыми ему лично. Как, например, тот умерший джентльмен в «Уотергейте».

— Вы утверждаете, что ваш клиент был интегрирован в момент убийства, — заметил я.

Шварц повернулся и посмотрел на меня — наверное, в первый раз за всю беседу. Как и у него, мой трил тоже был с фиксированной головой и лицом без всякого выражения. Но адвокат, без сомнения, как и я до этого, только по отношению к нему, оценил его модель и стоимость, чтобы знать, с кем он разговаривает. А также мой значок, по-прежнему выведенный на нагрудный дисплей.

— Агент Шейн, я сказал лишь то, что мой клиент был в номере «Уотергейта» по рабочей надобности, — выдержав паузу, проинформировал он.

— Ну, так скажите нам, с кем он был интегрирован, а мы уж дальше сами, — предложила Ванн.

— Вы же знаете, что я не могу.

— Ее основная работа — ловить всякую мразь с трилами, — сообщил Дэвидсон и указал на

Ванн. — А закон не запрещает отслеживать человека по информации на его триле.

Я поневоле дернулся, чтобы поправить неудачное сравнение Дэвидсона, но вовремя поймал взгляд Ванн и ничего не сказал. Шварц какое-то время молчал, а потом пискнул планшет Дэвидсона, и тот взял его в руки.

— Капитан, — сказал Шварц, — я только что отправил вам всю судебную практику, касающуюся статуса интеграторов, за последние десять лет. Сделал я это потому, что интеграторы встречаются довольно редко, а следовательно, вы, в отличие от агентов Ванн и Шейна, которые только что продемонстрировали нам свое вопиющее лицемерие, просто можете пребывать в полном неведении, а не пытаетесь, как это заведено в вашем департаменте, осложнить жизнь мне и моему клиенту.

— Ну ладно, и что с того? — даже не глянув в планшет, спросил капитан.

— Может показаться, что интеграторы выполняют ту же функцию, что и транспортеры личности, — сказал Шварц. — Они так же позволяют запертым синдромом Хаден передвигаться, работать и участвовать в жизни общества. Но это, — Шварц постучал по груди своего трила, —

машина. Без человека, управляющего им, трил — всего лишь груда деталей. У нее не больше прав, чем у тостера или другой собственности. А вот интеграторы — люди. Несмотря на внешнее сходство с функциями трила, то, что делают интеграторы, — это профессия, требующая способностей и долгого обучения, как это, без сомнения, вам может подтвердить агент Ванн. Кстати, агент Ванн, вы могли бы пояснить капитану, к чему я клоню.

— Он клонит к тому, что отношения «клиент — интегратор» являются частными и сугубо конфиденциальными, — сказала Ванн.

— Равно как и отношения «адвокат — клиент», «врач — пациент», «исповедник — прихожанин», — добавил Шварц и указал на планшет Дэвидсона. — Я не собираюсь доказывать вам это. С этим уже разобрался суд, неоднократно и последовательно подтверждавший частный и конфиденциальный характер отношений «интегратор — клиент».

— Но Верховный суд ни разу не подтверждал этого, — заметила Ванн.

— И это должно было кое о чем вам сказать, а именно о том, что идея конфиденциальности отношений «интегратор — клиент» очевидна и

бесспорна. Никто и не думал беспокоить Верховный суд апелляцией по такому вопрому. К слову, справьтесь о решении по делу «Винтур против Грэхэма», вынесенном апелляционным судом округа Колумбия. Оно непосредственно касается нашего случая.

— В общем, вы хотите сказать, что ваш клиент никого не убивал, потому что убивал клиент вашего клиента, — сформулировал Дэвидсон. — А кто тот клиент, вы сказать не можете.

— Да, он не может вам сказать, кто его клиент, — поправил Шварц. — И мы не говорим о том, что это было убийство. Этого мы не знаем. И поскольку ни вашингтонская полиция, ни ФБР пока не соизволили официально объявить моего клиента подозреваемым в убийстве, полагаю, вы тоже не станете этого делать. По крайней мере, пока.

— Но вам-то известно, — заметила Ванн. — Белл сказал, что обычно записывает все. Значит, он записал и убийство.

— Во-первых, если вы попытаетесь использовать сказанное моим клиентом во время этого вашего незаконного допроса против моего клиента, я очень сильно осложню вам жизнь, — пообещал Шварц. — Во-вторых, если и существует запись

того, что произошло в том номере, она подпадает под право неразглашения. Мой клиент не обязан предоставлять ее вам. Если хотите, попробуйте добиться разрешения на передачу. А мы будем настаивать на том, что мой клиент занимался своей работой с момента, когда переступил порог номера отеля, до момента, пока ваши головорезы, — при этих словах он для убедительности указал пальцем на Дэвидсона, — не вырубили его электрошокером и не выволокли из номера. У вас нет ничего на моего клиента. Так что либо арестуйте его и позвольте мне развеять в прах ваши обвинения, возбудив весьма и весьма прибыльный процесс о полицейском произволе, либо выпустите его из комнаты для допросов прямо сейчас и позвольте пойти домой. Агент Ванн, капитан Дэвидсон, ваш выбор.

— Как он смог воспользоваться услугами такого адвоката, как вы? — спросил я.

— Простите? — снова повернувшись ко мне, сказал Шварц.

— Мистер Шварц, вы — главный юрисконсульт «Акселерант ивестментс», — процитировал я из найденных данных. — Эта компания входит в список «Топ-100» журнала «Форчун». Вы наверняка чрезвычайно занятой человек. Мне кажется,

вы вряд ли занимаетесь частной практикой на стороне, а если и занимаетесь, едва ли мистер Белл может позволить себе оплату ваших услуг. Мне крайне любопытно было бы узнать, как мистеру Беллу удалось заслужить честь вашего появления здесь.

Шварц снова замолчал, и снова пискнул планшет Дэвидсона. Тот открыл послание, затем показал экран Ванн и мне. На планшете была яркая страничка с изображением счастливых козлят и праздничных каруселей с лошадками.

— Это называется «День в парке», — пояснил Шварц. — Как вы, наверное, знаете, не все находящиеся в клетке — адвокаты и профессионалы своего дела. Часть хаденов умственно отсталые. Для них трудно или даже практически невозможно управлять транспортером личности. Они ведут весьма ограниченную жизнь. Поэтому я запустил программу, позволяющую им провести день в парке: покататься на карусели, сходить в контактный зоопарк, полакомиться сахарной ватой или еще как-нибудь раскрасить свою жизнь на пару часов. Агент Шейн, вы должны об этом знать. Ваш отец последние семь лет — один из спонсоров программы.

— Мистер Шварц, мой отец не делится со мной

всеми подробностями своей благотворительности.

— Неужели? — удивился Шварц. — Как бы то ни было, мистер Белл жертвует своим временем ради этой программы, делает больше, чем любой другой интегратор в Вашингтоне. В благодарность я предложил себя на случай, если ему вдруг понадобится адвокат. И вот я здесь.

— Какая трогательная история, — откладывая планшет, прокомментировал Дэвидсон.

— Полагаю, что так, — сказал Шварц. — Тем более что сейчас я намерен счастливым образом разрешить данную проблему моего клиента. А именно — либо я покидаю эти стены вместе с ним, либо получаю возможность не работать всю жизнь за счет того, что выплатит Бюро и управление городской полиции. Выбор за вами, агент Ванн, капитан Дэвидсон. Сообщите, когда будете готовы ответить.

— Какие мысли? — спросила Ванн за ланчем.

Мы сидели в дрянном мексиканском ресторанчике недалеко от второго участка. Ванн истребляла тарелку карнитас, я на это смотрел. Впрочем, быстрый контроль статуса показал, что дома мое тело получило свою полуденную дозу питательной жидкости. А значит, я все-таки имел

полноценный ланч с агентом Ванн.

— О нашем деле? — уточнил я.

— Разумеется, — сказала она. — Это же ваше первое дело. Я хочу знать, что вы замечаете и чего не замечаете. Или чего не замечаю я.

— Прежде всего, сейчас дело должно стать целиком нашим. Шварц признал то, что Белл работал интегратором. Стандартная процедура работы с хаденами подразумевает, что расследование должно быть поручено нам.

— Да, — подтвердила Ванн.

— Думаете, с передачей могут быть сложности?

— Не с Дэвидсоном. Я когда-то оказала ему пару услуг, и вообще мы с ним нормально ладим. Тринх наверняка будет недовольна, но мне плевать. Вам тоже советую не обращать на нее внимания.

— Как скажете.

— Так и скажу. Что еще?

— Раз дело теперь наше, нам следует переправить труп в управление, чтобы его могли изучить наши эксперты, — предложил я.

— Приказ о передаче тела уже в работе.

— Хорошо бы также запросить у полиции все записи. На этот раз в хорошем разрешении, —

вспомнив присланный детективом Тринх файл, добавил я.

— Правильно, — сказала Ванн. — Что еще?

— Установить слежку за Беллом?

— Я отправила запрос. Но не рассчитываю на положительный ответ.

— Мы не станем отслеживать потенциального подозреваемого в убийстве?

— Возможно, вы обратили внимание на то, что в выходные намечается марш протеста.

— Это проблемы полиции, — указал я.

— Только в том, что касается проведения самого марша. Но присматривать за протестными лидерами и прочими особо важными персонами — целиком наша работа. Что насчет Шварца?

— Он зануда? — предположил я.

— Я не это имела в виду. Вы верите в историю о том, как он стал адвокатом Белла?

— Почему нет? Шварц по-настоящему богат. Я проверил это, когда собирал данные о нем. С помощью «Акселеранта» наш адвокат подорожал по меньшей мере на двести-триста миллионов. А богачи совершают много репутационных сделок.

— Понятия не имею, о чем вы, — сунув в рот очередную порцию карнитас, заметила Ванн.

— Богатые люди выказывают свою благодар-

ность услугами. Когда все твои знакомые имеют больше денег, чем знают способов их потратить, деньги перестают быть полезным инструментом сделки. Поэтому вместо них ты предлагаешь услуги. Соглашения. Ты — мне, я — тебе. То, что предполагает твое личное участие, а не деньги. Потому что, когда ты богат, самое ценное — твое личное время.

— Это из личного опыта? — спросила Ванн.

— Из опыта очень пристальных наблюдений, — ответил я.

Ответ, казалось, ее удовлетворил.

— Значит, по-вашему, со стороны Шварца это может быть любезным одолжением наемному работнику? — сказала она.

— Я бы этому не удивился. Если только вы не предполагаете что-нибудь еще.

— Именно «что-нибудь еще» я и предполагаю. Вернее, кого-нибудь. Лукаса Хаббарда.

Я задумался. Хм, Лукас Хаббард. А затем меня будто шлепнуло селедкой по лбу.

— О мой бог! — выдохнул я.

— Ну да. Председатель совета директоров и генеральный директор «Акселеранта», богатейший хаден планеты. Он живет в Фоллс-Чёрч и почти наверняка использует интегратора для собраний

совета и личных бесед. При встречах лицом к лицу необходимо это самое лицо. Живое. Только без обид.

— Я и не думал обижаться, — заверил я. — А мы точно знаем, что Николас Белл его интегратор?

— Можно выяснить. В Вашингтоне не так много интеграторов, и половина из них — женщины, что автоматически исключает их из списка, судя по тому, что мне известно о Хаббарде.

— Я знаю людей, которые связывают интеграторов долгосрочными контрактами, — сказал я, — запрещающими их использование, кроме как в случаях общественных работ по требованию Национальных институтов здравоохранения. Если Белл на таком контракте, мы можем выяснить, с кем он заключен.

— Ну да, — процедила Ванн. — Как же я ненавижу это дерьмо.

— Вы же сами сказали Беллу про Абрамса—Кеттеринг, — напомнил я. — Закон прошел, и внезапно куча народу задумалась о том, откуда берутся их зарплатные чеки. Всем живущим за счет хаденов теперь придется искать новые способы заработка. Богатые хадены смогут платить за интеграторов. А интеграторам надо на что-то жить.

Ванн недовольно уставилась в тарелку.

— Вряд ли для вас это сюрприз, — добавил я и уже хотел спросить о ее собственном интеграторском опыте, но пискнул сигнал сообщения, прежде чем я успел это сделать. — Простите, одну минуту.

Она кивнула. Я открыл в голове окно сообщения и увидел Миранду, мою дневную сиделку. На заднем фоне был я собственной персоной в своей комнате.

— Привет, Миранда, что нового? — спросил я.

— У меня три пункта, — сообщила она. — Первый: тот пролежень на вашем бедре опять появился. Вы уже чувствуете его?

— Я сегодня работаю с трилом, поэтому переключил ощущения на него, — ответил я. — Никаких изменений со своим телом не заметил.

— Хорошо, — сказала Миранда. — Я на всякий случай поставила анестезию. Нам придется немного изменить расписание движений вашего тела, чтобы избежать воспаления, поэтому не удивляйтесь, если по возвращении домой сегодня обнаружите себя лежащим ничком на кровати.

— Понял, — сказал я.

— Второй пункт: не забудьте, что в четыре часа доктор Аль придет заниматься вашим коренным

зубом. Возможно, вы захотите перед этим уменьшить чувствительность тела. Доктор сказала мне, что, скорее всего, работы предстоит много.

— Это нечестно — зубами не пользуюсь, а все равно кариес, — попытался пошутить я.

— Третий пункт: заходила ваша мама и просила напомнить вам, чтобы вы были у них ровно в семь вечера. Она хотела, чтобы я непременно передала, что прием устраивается в вашу честь по случаю вашей новой работы и вам не следует конфузить ее опозданием.

— Не буду конфузить, — пообещал я.

— А я хочу напомнить вам: скажите своей маме, что передавать сообщения — это не моя работа, тем более что ваша мама сама вполне способна с вами связаться.

— Знаю. Извините.

— Мне нравится ваша мама, но если она не оставит своих гребаных эдвардианских манер, мне придется отравить ее хлороформом.

— Справедливо, — сказал я. — Я поговорю с ней, Миранда. Обещаю.

— Ну ладно. Дайте знать, если пролежень начнет беспокоить. Вот же беда с ним!

— Непременно. Спасибо, Миранда, — сказал я.

Она отсоединилась, и я снова переключился

на Ванн:

— Прошу прощения.

— Все в порядке? — спросила она.

— У меня пролежень, — сообщил я.

— Это опасно?

— Все нормально. Моя сиделка меня поворачивает.

— Представляю себе, — проговорила Ванн.

— Добро пожаловать в мир хаденов, — объявил я.

— Возможно, я не слишком разбираюсь в этом, но странно, что у вас нет одной из тех «колыбелей», которые создали специально, чтобы не допускать пролежней, поддерживать мышечный тонус и все такое прочее.

— Есть, — сказал я. — Просто я легко покрываюсь язвами. Такая болезнь. Никак не связанная с синдромом Хаден. Я бы страдал от нее, даже если бы не был, — я шевельнул рукой, показывая на свой трил, — вот этим.

— Да, не позавидуешь.

— У каждого свои проблемы.

— Ладно, давайте вернемся к Беллу, — предложила Ванн. — Что-нибудь еще мы можем придумать?

— Нужно ли нам принять во внимание его

сестру? — спросил я.

— С какой стати? — удивилась Ванн.

— Не знаю. Возможно, потому, что Кассандра Белл — самый известный в стране хаден-сепаратист и в данное время организует общую забастовку и тот протестный марш, о котором вы мне напоминали?

— Я знаю, кто она, — заметила Ванн. — Я спросила, почему вы считаете ее причастной.

— Я так не считаю. Но мне кажется, когда прежде ничем не засветившийся интегратор оказывается братом лидера хаденского радикального движения, вовлеченным в дело о предполагаемом убийстве, и использует свое тело как оружие, нам стоит учитывать все аспекты.

— Хмм, — промычала Ванн и снова уставилась в тарелку.

— Ну что, — спросил я после минутного молчания, — я прошел тест?

— Какой-то вы колючий, — сказала Ванн.

— Нервничаю. Всего второй день на работе — и первый с вами. Вы мой старший напарник. Мне хочется знать, как вам со мной.

— Шейн, я не собираюсь выдавать вам каждую пару часов призы за участие. И я не такая уж загадочная женщина. Если вы меня взбесите или

задолбаете, я уж как-нибудь дам вам знать.

— Договорились, — согласился я.

— Поэтому перестаньте беспокоиться о том, как вы что-то делаете, и просто выполняйте свою работу. Делитесь со мной своими мыслями, не ждите, пока я спрошу. От вас требуется только внимательность.

— Например, как сегодня, когда вы посмотрели на меня в офисе Дэвидсона.

— Когда вы собирались поспорить с Дэвидсоном на предмет того, что интеграторы и трилы, в принципе, одно и то же? Да, это пример. Я рада, что вы поняли намек. Не стоило помогать Шварцу.

— А ведь он прав. Шварц то есть, — указал я.

Ванн пожала плечами.

— По-вашему, мне следует помалкивать всякий раз, когда кто-нибудь несет ахинею либо попросту лжет о хаденах? — спросил я. — Просто хотелось бы прояснить, о чем именно вы просите.

— Я говорю о том, что надо правильно оценивать, когда стоит говорить, а когда молчать. Бывают ситуации, когда надо попридержать правду. Вы же, как я поняла, привыкли говорить кому угодно и когда угодно все, что думаете. Милая привычка любимого сына богатой семьи.

— Да ладно вам, — сказал я.

— Это не критика, а лишь наблюдение. Шейн, говорить когда угодно и кому угодно — не наша работа. Наша работа — наблюдать, учиться и решать проблемы.

Ванн закинула в рот последний кусок карнитас и полезла в карман жакета за электронной сигаретой.

— Я попытаюсь, — пообещал я. — Но у меня не всегда получается заткнуться.

— Вот поэтому у вас и есть напарник, чтобы спустить на него пар. Потом. А пока давайте вернемся к работе.

— Куда теперь?

— Я бы хотела получше рассмотреть тот номер в отеле, — сообщила Ванн и затянулась сигаретой. — Тринх устроила нам слишком уж быструю экскурсию. А хочется потанцевать помедленней.

Глава 4

— Как-то не похоже на «Уотергейт», — заметил я, когда мы спустились на третий подвальный этаж здания Бюро.

— Мы не идем в «Уотергейт», — объявила Ванн и пошла по коридору.

Я поспешил следом:

— Я думал, вы хотели еще раз взглянуть на номер.

— Хотела. Но теперь возвращаться туда бессмысленно. Полиция там уже поработала. Тринх со своими людьми при обыске наверняка все безнадежно испортила, и никаких следов не найти. Я даже не удивлюсь, если она разрешила отелю провести в номере уборку. Это как раз в ее стиле. — Ванн остановилась перед какой-то дверью и добавила: — Поэтому мы взглянем на номер прямо здесь.

«Визуализационная аппаратная», — прочитал я на прикрепленной рядом с дверью табличке.

— Заходите, — пригласила Ванн и открыла дверь.

За дверью оказалась комната примерно шесть на шесть метров. Белые стены были абсолютно

голыми, только в каждом углу висел проектор, а возле одной стены за выставленными в ряд мониторами стоял техник. Увидев нас, он улыбнулся:

— Агент Ванн, вы вернулись?

— Вернулась, — подтвердила она и указала на меня. — Агент Шейн, мой новый напарник.

— Рамон Диас, — махнув рукой, представился техник.

— Привет, — сказал я.

— Все готово? — спросила Ванн.

— Как раз заканчиваю диагностику проекторов, — ответил Диас. — Один последние несколько дней барахлил. Но у меня есть все данные, переданные полицией.

Ванн кивнула и посмотрела на меня:

— Вы загрузили свой скан номера на сервер?

— Еще до того, как мы оттуда вышли, — сказал я.

— Используем скан Шейна как основу. — она повернулась к Диасу.

— Понял, — сказал тот. — Дайте знать, когда будете готовы.

— Врубай, — попросила Ванн.

Вокруг нас возник гостиничный номер. Скан был не видеозаписью, а набором стационарных фотографий, соединенных так, чтобы получить

статичное, насыщенное деталями воссоздание всего номера. Я посмотрел на него и улыбнулся. А ведь неплохая работа. Все на месте, четко, детализировано.

— Шейн, — Ванн указала на какой-то изогнутый предмет на ковре, не очень далеко от трупа, — смотрите.

— Гарнитура, — определил я. — Головной сканер и передатчик для нейронной информации. Похоже, наш неизвестный был «туристом». — Наверное, Ванн и сама это знала, но решила проверить, догадаюсь ли я.

— Хотел позаимствовать тело Белла, — добавила Ванн.

— Ну да, — подтвердил я и опустился на колени, чтобы получше рассмотреть.

Как и все гарнитуры подобного рода, эта была уникальной. По закону пользоваться услугами интеграторов могли только хадены. Но когда возникает спрос на не вполне легальные услуги, появляется черный рынок.

Гарнитура была одновременно и медицинским прибором, предназначенным для диагностики ранней стадии синдрома клетки, и средством коммуникации. Это была подделка, но очень неплохая. Она не давала «туристу» ничего да-

же отдаленно напоминающего настоящее и полноценное восприятие интегратора — для этого требовалась имплантированная в голову сеть, — но обеспечивала трехмерную картинку высокого разрешения, а также слабые, хотя и вполне реальные сенсорные ощущения. Само собой, в кинотеатре такого не испытаешь.

— Аппаратура довольно высокого уровня, — сказал я. — Сканер — «Фаэтон», а передатчик, похоже, от «Дженерал дайнемикс».

— Серийные номера?

— Пока ни одного не вижу. Они у нас изъяты как вещдоки? — спросил я.

Ванн взглянула на Диаса, тот оторвался от монитора и кивнул.

— Могу взять покрупнее, если хотите, — предложил Диас.

— Если ничего не найдете снаружи, попробуйте просканировать внутри, — сказал я. — На чипах процессора, вероятно, есть серийные номера — можно будет узнать, когда выпущена серия, а потом выяснить, кто владелец сканера и передатчика.

— Стоит попробовать, — согласилась Ванн.

Я встал и посмотрел на труп, лежащий на ковре лицом вниз:

— А как насчет него?

Ванн снова взглянула на Диаса.

— Пока ничего, — сказал тот.

— И как такое может быть? — спросил я. — Для получения водительских прав нужно сдавать отпечатки пальцев.

— Наши эксперты его только что получили, — пояснил Диас. — Полиция сняла отпечатки пальцев и просканировала лицо. Но в управлении иногда не спешат делиться информацией, если вы понимаете, о чем я. Поэтому мы проводим собственную экспертизу и прогоняем результаты через наши базы данных. Анализ ДНК тоже проводим. Думаю, пока вы здесь, мы успеем выяснить, кто он.

— Покажи мне скан лица, — сказала Ванн.

— Вы хотите только лицо или широкоугольный снимок, когда труп перевернули на спину?

— Широкоугольный.

Тело на полу мгновенно перевернулось. Оливковая кожа, лет тридцать пять — сорок. С этого ракурса разрез на горле выглядел намного страшнее. Косая рана тянулась от левой стороны шеи, рядом с челюстью, и уходила вниз и направо, до ямки на горле.

— Что скажете? — спросила у меня Ванн.

— Теперь понятно, почему все залито кровью. Рассечена артерия, хлестало сильно.

Ванн кивнула, но промолчала.

— И что? — поинтересовался я.

— Дайте подумать.

Пока она думала, я всмотрелся в лицо трупа.

— Он латиноамериканец? — спросил я.

Ванн все еще думала и никак не отреагировала на мой вопрос. Я посмотрел на Диаса. Тот подтащил отдельно лицо, присмотрелся:

— Хм, возможно. Мексика или Центральная Америка. Но не пуэрториканец и не кубинец, я думаю. Очень похож на метиса. Не исключено, что американский индеец.

— Из какого племени?

— Без понятия. Этнические типы — не мой конек.

Тем временем Ванн подошла к изображению трупа и стала смотреть на руки.

— Диас, битое стекло у нас в вещдоках? — спросила она.

— Да, — проверив, ответил тот.

— Шейн снял битое стекло под кроватью. Покажи мне его, пожалуйста.

Изображение номера сделало головокружительный виток, когда Диас повернул его; нас

затянуло под кровать, и окровавленные осколки повисли прямо над нашими головами.

— Вот и отпечатки пальцев, — указала Ванн. — Мы знаем, чьи они?

— Пока нет, — ответил Диас.

— Что вы думаете об этом? — спросил я у Ванн.

Она снова проигнорировала вопрос и обратилась к Диасу:

— У вас есть запись офицера Тиммонса?

— Да, но плохого качества и с низким разрешением.

— Черт, я же сказала Тринх, что хочу видеть все.

— А может, она ничего и не скрывает, — сказал Диас. — Столичные копы теперь часто записывают всю смену целиком. Тогда они включают низкое разрешение, чтобы все уместилось.

— Да мне плевать, — буркнула Ванн. — Запускай, наложив на снятое Шейном изображение номера.

Комната снова крутанулась, вернувшись к привычному ракурсу.

— Включаю запись, — объявил Диас. — Из-за расположения Тиммонса картинка будет рельефной. Дрожь и скачки́ я убрал.

На кровати появился Белл с поднятыми рука-

ми. Запись пошла в реальном времени.

— Останови, — приказала Ванн.

— Сделано, — доложил Диас.

— Можешь четче показать руки Белла?

— Не уверен. Могу только увеличить, но особой четкости не будет из-за низкого разрешения.

— Тогда увеличь.

Белл дернулся и вырос, его руки потянулись к нам, словно какой-то великан решил поиграть в ладушки.

— Шейн, опишите, что вы видите, — сказала Ванн.

Я присмотрелся, но все равно не заметил то, что ожидал заметить. И вдруг понял, что имела в виду Ванн.

— Крови нет, — сказал я.

— Правильно, — подтвердила Ванн и указала пальцем. — У него кровь на рубашке и лице, но не на руках. Притом что на битом стекле полно кровавых отпечатков. Верни все назад, Диас.

Белл принял нормальный вид, и Ванн подошла к изображению трупа:

— Хотя у этого парня все руки в крови.

— Выходит, он сам себе горло перерезал? — удивился я.

— Возможно, — допустила Ванн.

— Вот уж странно так странно. Получается, это не убийство, а самоубийство. Значит, и Белла надо снимать с крючка.

— Не исключено, — сказала Ванн. — Другие версии?

— Белл мог сделать это и вытереть руки до того, как появилась служба безопасности отеля.

— У нас есть окровавленное стекло, — напомнила Ванн. — И мы можем добыть отпечатки пальцев Белла. Он должен был сдать их, когда получал лицензию интегратора.

— Его могли прервать, — заметил я.

— Могли, — без всякой уверенности сказала Ванн.

Мне вдруг пришла в голову одна мысль.

— Диас, я посылаю вам файл, — сообщил я. — Выведите его, пожалуйста, сразу как получите.

— Получил, — ответил Диас через пару секунд, а еще через пару секунд перед нами появилось изображение кресла в крыше искореженного автомобиля перед входом в отель «Уотергейт».

— И что мы тут ищем? — спросила Ванн.

— То, чего не искали, — сказал я. — То же, чего не нашли на руках Белла.

— Кровь. — Ванн внимательнее присмотрелась к креслу. — Да, ее там не видно.

— И я не вижу. Значит, велика вероятность того, что кресло вылетело из окна еще до того, как наш труп перерезал себе глотку.

— Это лишь гипотеза, — усомнилась Ванн. — Но какой смысл? — она указала на труп. — Этот парень заключает с Беллом контракт на интегрирование, а когда тот приходит, выкидывает кресло в окно и прямо у него на глазах совершает кровавое самоубийство. Зачем?

— Выбросить кресло в окно седьмого этажа — очень хороший способ привлечь внимание охраны отеля. Он хотел подставить Белла под обвинение в своем убийстве и принял меры к тому, чтобы охрана прибыла в номер вовремя.

— Что не снимает главного вопроса о том, зачем он покончил с собой прямо на глазах Белла, — резюмировала Ванн и снова посмотрела на труп.

— В общем, пока мы точно знаем одно, — сказал я. — Белл, вероятно, не лгал, когда говорил, что не делал этого.

— Он не так говорил, — заметила Ванн.

— По-моему, так. Я видел запись.

— Нет, — отрезала Ванн и повернулась к Диасу. — Включи запись Тиммонса еще раз.

Картинка снова переключилась на номер отеля, и появилось рельефное изображение Белла.

Диас нажал воспроизведение. Тиммонс спросил у Белла, зачем тот убил человека в номере. Белл ответил, что не думает, что это сделал он.

— Стоп! — приказала Ванн.

Диас остановил запись на моменте, когда Тиммонс всадил разряд. Белл застыл, перекошенный судорогой.

— Он не утверждал того, что не убивал, — объявила Ванн. — Он сказал, что не думает, что это он. Получается, Белл не знал.

Я вспомнил свой единственный опыт с интегратором, и меня осенило.

— Но этого не может быть! — воскликнул я.

— Да, на время сеансов интеграторы остаются в сознании, — кивнула Ванн. — Они просто отступают на задний план, но им разрешено выходить на поверхность, когда их клиент нуждается в помощи или собирается совершить что-то выходящее за рамки контракта.

— Либо что-то глупое или незаконное, — добавил я.

— Что заведомо выходит за рамки контракта, — уточнила Ванн.

— Да, но что это меняет? — Я снова показал на труп. — Если этот парень покончил с собой, слова Белла не добавляют ничего нового к тому, что

мы уже знаем. Ведь теперь мы тоже считаем, что Белл, возможно, и не убийца.

Ванн покачала головой:

— Суть не в том, убийство это или самоубийство. Суть в том, что Белл не может вспомнить. А он должен помнить.

— Если только он уже не был интегрирован, — возразил я. — Но мы же считаем, что он пришел туда, чтобы подработать на стороне, верно? То бишь в его мозгу никого не было в тот момент, когда он якобы отключился.

— А с какой стати ему отключаться? — спросила Ванн.

— Не знаю. Может, он пьяница?

— На записи он не похож на пьяного, — указала Ванн. — Когда я его допрашивала, от него не пахло и вел он себя не как выпивший. Да и вообще… — Она снова внезапно замолчала.

— И часто вы будете так делать? — спросил я. — Меня это уже начинает доставать.

— Шварц сказал о праве на конфиденциальность в отношениях «клиент — интегратор», а значит, Белл работал, — заключила Ванн.

— Правильно, — ответил я и указал на труп. — И вот его клиент.

— В том-то и дело, что он не клиент.

— Не понимаю, — признался я.

— Интегрирование — это лицензированная, узаконенная практика, — стала объяснять Ванн. — Ты находишь клиентов и принимаешь на себя ряд обязательств перед ними, но стать твоей клиентурой может лишь определенная прослойка общества. Подразумевается, что клиентами интеграторов могут быть только хадены. А этот парень «турист». — Она ткнула пальцем в труп. — При жизни он был вполне дееспособен.

— Я не юрист, но все же позволю себе усомниться, — сказал я. — Священник может выслушать исповедь кого угодно — не только католика, а врач может объявить о врачебной тайне в первую же секунду, когда кто-то переступил порог его кабинета. Полагаю, Шварц заявлял именно об этом. Только то, что этот парень — «турист», еще не значит, что он не клиент. Отнюдь. Так же как некатолик вполне может исповедоваться.

— Или же Шварц случайно проговорился и сболтнул нам, что в голове Белла кто-то сидел, — предположила Ванн.

— Это бессмысленно, — возразил я. — Если Белл уже был интегрирован, зачем ему встречаться с каким-то «туристом»?

— Может, они встречались ради чего-то дру-

гого?

— Тогда зачем это? — спросил я и указал на гарнитуру.

С минуту Ванн молчала, затем призналась:

— Ну, не все мои теории безукоризненны.

— Это я уже понял, — сухо отметил я. — Но не думаю, что дело в вас. Здесь вообще все лишено особого смысла. Убийство, а может, вовсе и не убийство; жертва без каких-либо документов, которая приходит на встречу с интегратором, возможно уже интегрированным и почему-то, по его словам, не способным вспомнить то, что он обязан помнить. Какой-то клубок несуразностей, да и только.

— И что вы думаете? — спросила Ванн.

— Да откуда я знаю! Я всего второй день на работе, а уже такие головоломки.

— Ребята, закругляйтесь, — предупредил Диас. — У меня другой агент заказал аппаратную на пять.

Ванн кивнула ему и снова повернулась ко мне:

— Ладно, спрошу по-другому. Каковы наши дальнейшие действия?

— Труп опознали? — спросил я у Диаса.

— Пока нет, — не сразу ответил тот. — Как-то странно это. Обычно опознание не занимает

много времени.

— Значит, перво-наперво мы должны выяснить личность нашего мертвеца, — сказал я, уже обращаясь к Ванн. — И то, как он умудрился не засветиться в национальной базе данных.

— Что еще? — спросила Ванн.

— Узнать, чем Белл занимался в последнее время и кто в его клиентском списке. Может, всплывет что-нибудь интересное.

— Ладно, — объявила Ванн, — труп беру на себя.

— Ну разумеется. Полу́чите массу удовольствия.

Ванн улыбнулась:

— Не сомневаюсь, что Белл доставит вам не меньше удовольствия.

— А мне обязательно нужно быть здесь в процессе его получения? — поинтересовался я.

— А что? У вас свидание?

— Да, с риелтором, — ответил я. — Ищу жилье. Одобренное правительством. Вообще-то, по закону у меня сегодня для этого должен быть короткий день.

— Не ожидайте их слишком много, — предупредила Ванн. — В смысле, коротких дней.

— Да, эту печальную правду я уже понял, — со-

знался я.

Глава 5

Риелтор оказалась маленькой элегантной женщиной, которую звали Латаша Робинсон. Она встретилась со мной прямо напротив здания управления ФБР. Недвижимость для хаденов была одним из направлений ее деятельности, поэтому в Бюро мне ее и посоветовали для поиска квартиры.

Учитывая ее клиентуру, шансы на то, что она может не понять, кто я, были близки к нулю. Это предположение подтвердилось, едва я подошел. При виде меня она очень знакомо улыбнулась. Я навидался таких улыбок в свою бытность официальным «ребенком с плаката», частью рекламной кампании хаденской семьи. Впрочем, это меня нисколько не задело.

— Агент Шейн, — сказала она, протягивая мне руку, — очень приятно с вами познакомиться.

Я пожал ее руку:

— Мне тоже, миссис Робинсон.

— Прошу прощения, это так волнительно, — сказала она. — Я не так часто встречаюсь со знаменитостями. То есть не с политиками, я имею в виду.

— Само собой, такой уж город, — поддакнул я.

— А политиков я не считаю настоящими знаменитостями, вы согласны? Они ведь просто… политики.

— Абсолютно согласен, — сказал я.

— Вон моя машина. — она указала на ничем не примечательный «кадиллак», поставленный так, что ему непременно грозил бы штраф за неправильную парковку. — Почему бы нам не приступить к делу?

Я уселся на пассажирское кресло, Робинсон — на водительское, тут же достала планшет и скомандовала: «Поехали».

Автомобиль тронулся с места и съехал с бордюра — за полминуты до прибытия дорожной полиции. Я заметил их в зеркало заднего обзора. Мы покатились на восток по Пенсильвания-авеню.

— Машина просто проедет несколько минут, пока мы все обговорим, — сообщила мне Робинсон и принялась тыкать пальцем в планшет; несмотря на все разговоры о волнении, она мгновенно переключилась на деловое настроение. — У меня есть перечень ваших основных требований и личные данные, — она окинула меня взглядом, словно хотела удостовериться,

что я действительно хаден, — поэтому давайте просто кое-что уточним, прежде чем начать.

— Хорошо, — согласился я.

— Как близко к работе вы хотите жить?

— Чем ближе, тем лучше.

— Ближе в смысле метро или в пешей доступности?

— Метро тоже подойдет, — ответил я.

— Предпочитаете оживленный квартал или тихий?

— Все равно.

— Это сейчас вам все равно, но если я предложу вам квартиру рядом с каким-нибудь баром в Адамс Морган[2] и вы ее возненавидите, то будете проклинать меня.

— Обещаю вам, что шум меня не побеспокоит. Я всегда могу приглушить свой слух.

— Вы хотите использовать квартиру для встреч?

— Не совсем. В основном я предпочитаю общение где-нибудь на стороне, — ответил я. — Хотя время от времени могу пригласить друга.

Робинсон снова посмотрела на меня и, казалось, решала для себя, стоит ли выяснять у меня

---

[2] Примечания: 2
Район на севере Вашингтона.

подробности, однако передумала. Хотя вопрос был бы вполне резонным. Сейчас вокруг хватало трил-фетишистов. Только это, должен признаться, совсем не мое.

— Будет ли там физически присутствовать ваше тело и если да, то понадобится ли вам комната для сиделки? — спросила она.

— С моим телом и уходом за ним уже все улажено. Для него место не потребуется. По крайней мере, прямо сейчас.

— В таком случае могу предложить на выбор несколько малогабаритных квартир специально для хаденов, — сказала Робинсон. — Желаете взглянуть?

— Они стоят моего времени?

— Некоторым хаденам нравится, — пожав плечами, ответила Робинсон. — Я лично считаю их довольно маленькими, но ведь это специфические квартиры.

— Это далеко отсюда?

— Целое здание с такими квартирами расположено на Д-авеню, в юго-западном квадранте, прямо у метро «Федеральный центр». В министерстве здравоохранения и социальных служб работает много хаденов, им удобно жить там.

— Хорошо, давайте взглянем, — согласился я.

— С них и начнем, — решила Робинсон и надиктовала «кадиллаку» адрес.

Через пять минут мы остановились перед каким-то депрессивным образчиком безымянной брутальной архитектуры.

— Как мило, — сухо выдавил я.

— Думаю, раньше это было правительственное офисное здание, — поделилась мыслью Робинсон. — Лет двадцать назад его перестроили. Это одно из первых зданий, переделанных под запросы хаденов.

Она проводила меня в чистый, скромно оформленный вестибюль. За стойкой дежурного сидел трил. Он сразу начал передавать свои личные данные в общий канал. В моем поле зрения данные его владельца высветились над головой трила: Женевьева Турне, двадцать семь лет, уроженка Роквилла, штат Мэриленд; адрес для личных сообщений.

— Здравствуйте, — сказала Робинсон Женевьеве и показала удостоверение риелтора. — Мы бы хотели осмотреть свободную квартиру на пятом этаже.

Женевьева посмотрела на меня, и я запоздало осознал то, что не отправил своих личных данных в общий канал. Некоторые хадены вос-

принимали это как грубость. Я поспешно передал информацию.

Она кивнула, встрепенулась, но тут же справилась с собой и сказала Робинсон:

— Квартира пятьсот три будет не заперта ближайшие пятнадцать минут.

— Спасибо, — сказала Робинсон и кивнула мне.

— Секундочку, — попросил я и повернулся к Женевьеве. — Будьте добры, вы не могли бы открыть мне гостевой доступ к каналу дома?

Женевьева кивнула, и в моем поле зрения появилась иконка. Я тут же соединился.

Стены вестибюля сразу заполнились надписями.

Часть из них были просто банальными объявлениями: люди искали соквартирантов, сдавали жилье в субаренду или спрашивали о своих потерявшихся домашних питомцах. Однако большинство сообщений касалось забастовки и предстоящего марша — в них квартирантам предлагали оставаться дома, публиковались планы забастовщиков, а также просьбы пустить хаденов, прибывших в город на марш протеста, в квартиры, с сардоническими замечаниями, что, мол, «много места они не займут».

— Все в порядке? — забеспокоилась Робинсон.

— Да, просто рассматриваю объявления на стенах, — ответил я.

Я почитал еще немного, а потом мы прошли к лифту и поехали на пятый этаж.

— Здесь особенно широкие кабины, и лифт гидравлический, — заметила Робинсон. — Чтобы облегчить подъем тел в квартиры.

— Я думал, здесь только малогабаритные квартиры, — сказал я.

— Не все. Часть из них полномерные, с медицинским оборудованием и комнатами для обслуживающего персонала. Но даже в маломерках есть крюки для «колыбелей». Вообще-то, изначально они предназначались для временного размещения, но я слышала, что некоторые хадены уже пользуются ими постоянно.

— И почему? — спросил я, когда лифт остановился и двери раскрылись.

— Закон Абрамса—Кеттеринг, — выходя из лифта, обронила Робинсон и пошла по коридору, я за ней. — Государственную помощь урезают, и многие хадены вынуждены сокращать расходы. Из собственных домов они переезжают в квартиры, из квартир — в маломерки, да и в маломерках кто-то заводит соседей, и они заряжаются по очереди. — Она снова окинула взглядом мой

сверкающий дорогущий трил, словно хотела сказать, что уж мне-то эти проблемы точно не грозят. — Конечно, для рынка это скверно, но хорошо для вас как для потенциальных клиентов. Сейчас у вас выбор гораздо больше, и все сильно подешевело. — Она остановилась возле квартиры 503. — Ну вот и пришли. Надеюсь, вы будете не слишком шокированы. — Робинсон открыла дверь и отступила в сторону, пропуская меня вперед.

Малогабаритная квартира для хаденов за номером 503 была размером два на три метра и совершенно пустая, если не считать крошечного встроенного стола. У меня тут же начался приступ клаустрофобии.

— Это же не квартира, это шкаф! — воскликнул я и шагнул вперед, чтобы Робинсон тоже смогла войти.

— У меня она обычно ассоциируется с ванной комнатой, — сказала риелтор и указала на маленький, облицованный плиткой пятачок с двумя прикрытыми сливами в полу и несколькими электрическими розетками. — Вот это, кстати, медицинский уголок. Он как раз на месте, где должен быть унитаз.

— Миссис Робинсон, что-то непохоже, чтобы вы

пытались настойчиво навязать мне эту квартиру, — заметил я.

— Ну, честно говоря, это не самый плохой выбор, если вы просто ищете место, где оставлять трил на ночь. — Она указала на правый дальний угол, где размещались кронштейны и вмонтированные в стену высоковольтные розетки для индуцированных зарядников. — Тут все спроектировано в расчете на стандартные размеры «колыбели» для трила, есть отличная проводка, быстрая беспроводная сеть, надежные контакты. Помещение продумано специально для трилов, поэтому нет ничего лишнего, что только занимало бы место, вроде шкафов и раковин. Здесь есть все, что вам нужно, и абсолютно ничего из того, что вам не нужно.

— Я ненавижу эту квартиру, — признался я.

— Я так и подумала, поэтому показала ее первой, — невозмутимо произнесла Робинсон. — Теперь, когда с этим покончено, можно будет взглянуть на то, что действительно вас заинтересует.

Я снова посмотрел на выложенный плиткой угол и представил себе подвешенное там человеческое тело. Подвешенное на долгие годы. Навсегда.

— И эти квартиры пользуются спросом? — спросил я.

— Еще каким, — ответила Робинсон. — Обычно я с ними не вожусь — на них слишком маленькая комиссия. Как правило, их сдают через объявления в интернете. Сейчас эти квартирки расходятся, как горячие пирожки.

— Я уже чувствую себя немного подавленным.

— Вам это совершенно ни к чему. Вы же не будете здесь жить. И тело свое оставлять здесь не будете.

— Но ведь кто-то же будет.

— Да, — подтвердила Робинсон. — Может, и слава богу, что тела ничего не чувствуют.

— Но это не так, — поправил я. — Да, мы заперты в клетке, но мы в сознании. Поверьте мне, миссис Робинсон, мы замечаем, где наши тела. Мы замечаем это каждую секунду, когда бодрствуем.

После нескольких следующих остановок я стал чувствовать себя Златовлаской[3]. Квартиры были или слишком маленькими, хотя мы больше не смотрели те, что официально считались маломерными, или чересчур большими, или просто

---

[3] Примечания: 3
Героиня английской сказки «Златовласка и три медведя».

неудобными, или слишком далеко расположенными. Я уже начал отчаиваться, что придется хранить свой трил за столом Бюро.

— Последняя квартира на сегодня, — объявила Робинсон.

Она старалась изо всех сил, но было видно, что даже ее профессиональная бодрость дает слабину. Мы стояли на Капитолийском холме, на Пятой улице и смотрели на дом из красного кирпича.

— Что здесь? — спросил я.

— Нечто не совсем традиционное, — сказала она. — Но, как мне представляется, вам может вполне подойти. Вы знаете, что такое «идейная община»?

— Идейная община? — переспросил я. Разве это не то же самое, что общежитие? Хотя для общежития место странноватое.

— Не совсем общежитие, — уточнила Робинсон. — Этот дом совместно снимает группа хаденов. Они живут вместе и ведут общее хозяйство. А идейной общиной они себя назвали потому, что делят между собой обязанности, в том числе присмотр за телами друг друга.

— Это не всегда хорошая идея, — заметил я.

— Среди них — врач из клиники Говардского университета, — сказала Робинсон. — Поэтому,

если появляются серьезные проблемы, под рукой всегда есть кто-то, кто сможет их решить. Я понимаю, это не то, что вам нужно, но есть и другие преимущества, и мне известно, что там есть свободная комната.

— Откуда вы знаете этих людей? — спросил я.

— Лучший друг моего сына живет здесь, — объяснила она.

— А сам сын?

— Вы спрашиваете, хаден ли он? Нет, Дэмиен не заразился. Его друг Тони подхватил вирус в одиннадцать лет. Я знаю Тони всю его жизнь, до и после синдрома клетки. Тони сообщает мне, когда у них появляется свободное место. Он знает, что я не приведу никого, кто бы им не подошел.

— И вы посчитали, что я подойду?

— Кажется, да. Конечно, мне случалось ошибаться. Но, думаю, вы — особый случай. Агент Шейн, вы ищете жилье не потому, что нуждаетесь в нем, а потому, что хотите иметь свое жилье.

— Приблизительно так, — подтвердил я.

— Вот я и подумала, что просто покажу вам его, а там посмотрим.

— Хорошо, давайте взглянем.

Робинсон подошла к крыльцу и нажала на звонок. Дверь открыл какой-то трил и при виде ее

сразу широко развел руки.

— Мама Робинсон! — сказал он и заключил ее в объятия.

Робинсон чмокнула трила в щеку:

— Привет, Тони. Я привела тебе потенциального соседа.

— В самом деле? — воскликнул Тони и окинул меня взглядом. — А, Крис Шейн.

Я на мгновение удивился — неужели мой новый трил уже так знаменит? — а потом вспомнил, что не отключил передачу личных данных по общему каналу. Через секунду в поле зрения выскочили данные Тони: Тони Уилтон, тридцать один год, место рождения — Вашингтон, округ Колумбия.

— Привет, — сказал я.

— Давайте не стойте на пороге, заходите, — махнул рукой он. — Крис, пойдем, я покажу тебе комнату. Она на втором этаже.

Тони повел нас внутрь и вверх по лестнице. Когда мы проходили холл второго этажа, я заглянул в одну из комнат. Там, рядом с мониторами, в «колыбели» лежало тело. Я посмотрел на Тони. Тот заметил.

— Упс, это я.

— Прости, я инстинктивно.

— Не извиняйся, — сказал Тони и открыл дверь в другую комнату. — Если поселишься здесь, то будешь, когда придет очередь, проверять всех нас и смотреть, дышим мы еще или нет. Так что привыкай заглядывать. Вот комната. — Он отступил, пропуская нас с Робинсон вперед.

Комната была большая, скромно, но со вкусом обустроенная, с выходящим на улицу окном.

— Здесь и правда хорошо, — осмотревшись, объявил я.

— Рад, что тебе понравилось, — сказал Тони и указал на мебель. — Конечно, тут обставлено, но если не нравится, можно перенести в подвал.

— Нет, все замечательно, — заверил я. — Особенно ее размер.

— Ну так это самая большая комната в доме.

— И никто из вас ее не захотел? — спросил я.

— Вопрос не в том, захотел или нет, а в том, мог ли себе позволить, — ответил Тони.

— Понял. — теперь мне стала ясна еще одна причина, по которой Робинсон решила, что место мне подойдет.

— Мама Робинсон уже объяснила, какие у нас порядки?

— В общих чертах.

— Уверяю, тут нет ничего сложного, — пообе-

щал Тони. — Мы делим работу по хозяйству и наблюдаем друг за другом, чтобы у каждого было все в порядке с трубками и мониторами, собираем деньги на ремонт дома. Иногда мы все вместе выходим наружу и участвуем в жизни общества. Мы назвали себя идейной общиной, но на самом деле это больше похоже на университетское общежитие. Только меньше пьянок и травки. То есть никто из нас вообще никогда не пил и не курил. Ну и конечно, меньше разборок с соседями. Их-то мы навидались, если ты помнишь, как это бывает в колледже.

— Это ты — врач? — спросил я. — Миссис Робинсон сказала, что один из вас — врач.

— Нет, Тайла, — сказал Тони. — Она сейчас на работе. Все на работе, кроме меня. Я программист на контракте. Сегодня работаю на «Гренобль системз», пишу программку для нейронного интерфейса. Завтра буду работать на кого-нибудь еще. Обычно я работаю отсюда, если, конечно, клиент на захочет видеть меня у себя.

— Значит, здесь всегда кто-то есть?

— Обычно да, — согласился Тони. — А теперь следует ли мне сделать вид, что я не знаю, кто ты, или все-таки признаться, что я читал про тебя вчера на «Агоре»?

— Вот и ложка дегтя, — вздохнул я.

— Как ты заметил, я сказал, что все сейчас на работе. Так что за это тебя вряд ли кто осудит. У нас тут плюрализм.

— То есть тебе известно, что я — агент ФБР.

— Конечно, — признался Тони. — Занимаешься заговорами и убийствами?

— Ты удивишься, но таки да.

— Удивлюсь. В общем, хоть мы с тобой и только что познакомились, ты мне уже нравишься. Но еще надо познакомиться с остальными и заручиться их согласием.

— И сколько остальных?

— Четверо: Тайла, Сэм Ричардс, Юстин и Юстина Чоу. Они близнецы.

— Интересно, — заметил я.

— Все — отличные ребята, даю слово. Заглянешь вечерком? Тогда бы и повидал всех.

— Увы, не смогу. Сегодня вечером я должен быть дома. По случаю моего второго рабочего дня намечается официальный ужин под девизом: «Ура, наш малыш нашел себе место».

— Ну да, такое не пропускают, — согласился Тони. — Когда думаешь освободиться?

— Точно не знаю, возможно, в полдесятого, самое позднее — в десять, — ответил я.

Тони отправил мне по общему каналу приглашение:

— Вот смотри. По вторникам у нас вечер встречи на «Агоре». Мы болтаем, вышибаем друг дружке мозги в шутере. Заскакивай. Перекинешься парой слов с нашими, схватишь пару пуль в голову.

— Звучит заманчиво.

— Отлично! Тогда я высылаю форму заявления на комнату и улаживаем формальности. Нужна плата за первый месяц и залог.

— Хорошо, — согласился я.

— Ну, вообще класс! Если сегодня все поставят подписи, ты сможешь заехать, как только придет платеж.

— Ты не собираешься проверять биографию и все такое? — поинтересовался я.

— Крис, мне кажется, вся твоя жизнь — сплошная проверка биографии, — ответил Тони.

Глава 6

— Ох, чтоб мне провалиться! — выдохнул я, завидев у дверей нашего дома камердинера.

В четыре мне вырвали зуб, действие обезболивающего уже начало проходить, и я был в скверном настроении. Присутствие камердинера означало одно: на ужин приглашены спонсоры. Вообще-то, большинство автомобилей уже ездили и парковались сами, но оставались еще люди, которые во что бы то ни стало желали сами крутить баранку и пыжились от гордости в своих тупых машинах. Именно к этой плеяде принадлежала и кучка тронутых стариков, готовых поддержать моего папу в борьбе за сенаторское кресло. Общение с ними обещало быть даже неприятнее, чем удаление зуба.

Мама точно определила мое настроение, как только я поднялся к ней. Она протянула ко мне руки и миролюбиво произнесла:

— Крис, пожалуйста, не вини меня. Я думала, у нас будет просто семейный ужин. Я даже понятия не имела, что папа собирается превратить его в благотворительный прием.

— Что, в самом деле?

— Твой скепсис понятен, но это правда.

За ее спиной нанятый персонал из кейтеринговой компании под руководством нашей домоправительницы Лисли раскладывал приборы. Я посчитал их.

— Мам, тут шестнадцать приборов! — воскликнул я.

— Знаю, — ответила она. — Извини.

— И где же все?

— Пока не все приехали. А те, кто приехал, сейчас в ветлечебнице.

— Мама, — предупредил я.

— Знаю, мне не следует произносить это вслух, — сказала она. — Я исправлюсь. Они в «зале трофеев».

— Значит, это не обычное сборище идиотов.

— Ты же знаешь своего отца. Пускает пыль в глаза новым толстосумам. Это было бы вульгарно, если бы не действовало так эффективно.

— Что не отменяет вульгарности, — заметил я.

— Не отменяет. Но ведь действует, — возразила мама.

— Папе не нужны их деньги, чтобы стать сенатором.

— Твоему отцу нужно, чтобы они поверили, что он заинтересован в их капиталах. Вот почему он

берет их деньги.

— Да-а, тут никаким вероломством и не пахнет.

— Что ж, для избрания твоего отца нам всем нужно постараться. А как твой второй день?

— Интересный, — сказал я. — Работаю над одним делом по убийству. А еще, мне кажется, я нашел себе квартиру.

— Я по-прежнему не понимаю, зачем тебе квартира, — сердито проговорила мама.

— Мам, ты единственный в мире человек, для которого разговор о моей квартире интересней разговора об убийстве.

— Мне кажется, ты увиливаешь от ответа, — напомнила мама.

Я со вздохом поднял руку и принялся загибать пальцы:

— Во-первых, затем, что добираться каждый день из Потомак-Фоллс до Вашингтона — удовольствие не из приятных, и ты это знаешь. Во-вторых, потому, что мне двадцать семь и уже как-то неприлично жить с родителями. В-третьих, мне надоедает выступать средством наглядной агитации для политических амбиций моего папочки. И с каждым днем все больше.

— Крис, это нечестно.

— Брось, мам. Он ведь и сегодня устроит то же самое. А я больше не пятилетний малыш, которым можно козырять на слушаниях в конгрессе для сбора пожертвований на хаденов. Господи боже, я же теперь федеральный агент. Выставлять меня напоказ уже даже противозаконно. — Я почувствовал острую боль, когда действие обезболивающих совсем закончилось, и невольно приложил руку к щеке.

Мама заметила это.

— Твой коренной зуб, — сказала она.

— Вернее, его отсутствие. — Да, смешно хвататься механической рукой за механическую челюсть. — Пойду-ка проверю, как я там, — сказал я и направился в свою комнату.

— Ты ведь не собираешься перевозить тело, когда переедешь? — с отчетливой тревогой в голосе спросила мама.

— Прямо сейчас — нет, — чуть повернувшись, чтобы посмотреть на нее, ответил я. — Посмотрим, как работает связь. Сегодня я не заметил лагов. А пока их нет, нет и причины перевозить тело.

— Хорошо, — по-прежнему с сомнением выговорила мама.

Я подошел к ней и обнял:

— Не волнуйся, мам. Это все мелочи. У меня тут запасной трил, я буду заглядывать. Очень часто. Ты даже и не заметишь, что я переехал.

Она улыбнулась и потрепала мою щеку:

— Вообще-то, я бы должна отругать тебя за такой покровительственный тон, но сегодня, так уж и быть, стерплю. Иди проверь себя, только не слишком долго. Отец хочет, чтобы ты появился до того, как все сядут за стол.

— Еще бы он не хотел, — буркнул я и пожал мамину руку, прежде чем уйти.

Мой новый ночной медбрат Джерри Ригс читал какую-то книгу в твердом переплете. Когда я вошел, он махнул мне рукой:

— Крис, как дела?

— По правде говоря, боль немного беспокоит.

— Пролежень?

— Вырванный зуб.

— Ясно, — сказал Крис, отложил книгу и подошел к моей «колыбели».

Мое тело было перевернуто на левый бок, потому что на правом бедре образовался очередной пролежень. Джерри начал рыться в тумбочке рядом с кроватью.

— Ага, тут тайленол с кофеином, — сказал он. — Твой дантист оставил для тебя.

— Сегодня вечером я должен быть в форме. Нет ничего опаснее для званого ужина с политиками, чем ошалевший трил.

— Ладно, — кивнул Джерри. — Посмотрим, что у нас еще есть.

Я подошел к своему телу… то есть к себе. Выглядел я как обычно — просто спящий человек. Тело было опрятным и чистым, что не всегда обязательно для хаденов. Некоторые даже не утруждались стричь волосы, потому что, положа руку на сердце, какой в этом смысл? Однако моя мама придерживалась противоположной точки зрения на этот счет. И, становясь старше, я с ней согласился.

Разумеется, чистоплотность касалась не только волос — все обстояло гораздо сложнее, так как тело, со всеми его отверстиями и системами жизнедеятельности, необходимо было снабдить необходимыми трубками, мешками и катетерами. Мама беспокоилась о моем переезде не только потому, что скучала бы по мне. Она боялась, что, зажив самостоятельно, я в конце концов начну целыми днями валяться в собственном дерьме. Я же считал ее опасения совершенно напрасными.

Я наклонился, чтобы рассмотреть свой пролежень. Как и говорила сиделка, это был отврати-

тельный красный рубец на бедре. Коснувшись его, я почувствовал глухую боль и в то же время ощутил, как к нему тянется рука моего трила.

Сильно закружилась голова, как бывает только у хаденов от ощущения, что вы присутствуете в двух местах одновременно. Оно гораздо заметнее, когда ваш трил и ваше тело находятся в одном помещении в одно и то же время. Для этого даже существует специальный технический термин — полипроприоцепция. Люди, которые обычно имеют только одно тело, не приспособлены для этого. Такая ситуация без преувеличения меняет ваш мозг. Даже на МРТ видна разница между мозгом обычного человека и мозгом хадена.

Головокружение начинается, когда ваш мозг вспоминает, что не должен получать сигналы от двух тел одновременно. Самый простой способ избавиться от этой напасти, когда она случается, — это посмотреть на что-нибудь еще.

Я отвернулся и сфокусировал взгляд на «еще одном себе» в комнате — моем предыдущем триле, который был у меня основным до того, как я обзавелся 660-м. Это был «Камен зефир», сидящий сейчас в индукционном зарядном кресле. Очень хорошая модель. Тело цвета слоновой кости с голубыми и серыми прорисовками на конечностях.

Я учился и получал диплом в Джорджтауне, и тогда это казалось мне настоящим шиком. Мой нынешний трил тоже был цвета слоновой кости, но гораздо более сдержанного матового оттенка, с едва различимыми красноватыми полосками на руках и ногах. В голову вдруг пришла смутная мысль о том, что я предал свою альма-матер.

— Ага! — объявил Джерри и показал пузырек. — Лидокаин. На пару часов должен помочь. Ужин продержишься, а потом я закачаю в тебя особо мощный ибупрофен. В общем, пока восприятие переключено в основном на трил, все будет хорошо.

— Спасибо, — поблагодарил я.

— Интересно, что ты не всегда полностью переключаешься на трил, — отмеряя лидокаин, заметил Джерри.

— Мне не нравится, когда я совсем не чувствую своего тела. Без этой связи я какой-то потерянный, неприкаянный, что ли. Неживой.

— Понимаю, — кивнул Джерри. — Далеко не все так поступают. Моя прошлая клиентка всегда целиком переключалась на трил. Не любила чувствовать, что происходит с ее телом. Черт, да она вообще не хотела признавать, что у нее есть тело. Думаю, считала его неудобным. А тело, будто в

отместку, сыграло с ней злую шутку.

— Как это? — спросил я.

— У нее случился сердечный приступ, а она этого даже не заметила, пока на трил не поступил сигнал об угрозе жизни. Ну, мы начали ее спасать, а она из своего трила звонит этим своим противным голосом и говорит, что, мол, мы должны поставить ее на ноги, потому что в три часа у нее сеанс с ее мозгоправом, который она ну никак не может пропустить.

— Ну и как, пропустила?

— Угу, — натягивая перчатки, буркнул Джерри. — Умерла на полуслове, продолжая гундеть своим мерзким голосом. С одной стороны, она действительно ничего не почувствовала, что не так уж и плохо. Но с другой — для нее ведь вообще стало сюрпризом, что она может умереть. Проведя столько времени в триле, она уже считала его своим настоящим телом.

Он открыл мой рот, и я почувствовал, как напряглась челюсть.

— Сейчас я немного потыкаю здесь, — предупредил Джерри.

Да, папин «зал трофеев» производил впечатление, но в этом-то и был весь расчет. Маркус Шейн не принадлежал к тем людям, которые открыто

говорят вам, что они важнее вас. Он был счастлив, когда о том же самом говорили его награды.

Западная стена комнаты отображала начало его баскетбольной карьеры. Здесь были выставлены спортивная форма его средней и старшей школы; четыре награды от МСАОК[4], которые он выиграл для «Кардозо хай»[5]; письмо с подтверждением о принятии в Джорджтаунский университет на полную стипендию. Дальше шли специально подобранные фотографии со смешными моментами его игры за «Джорджтаун хойяс», с которыми он трижды доходил до Финала четырех и выиграл чемпионат еще на первом курсе. На одном снимке он плакал, разрезая сетку, и тут же, под рамкой, лежал кусочек настоящей сетки. Вокруг фото стояли призы Вудена, Найсмита и Робинсона, которые он выиграл в том же году, и чемпионское кольцо на подушечке. Горечь поражения в полуфинальном раунде Кубка Национальной ассоциации студенческого спорта на его последнем курсе приглушила золотая олимпийская медаль. Все сходились в том, что золотые медали в год его Олимпиады были

---

[4] Примечания: 4
Межшкольная спортивная ассоциация округа Колумбия.

[5] Примечания: 5
Школа на северо-западе Вашингтона, основанная в 1877 году.

даже уродливее, чем обычно. Но это не мешало ей оставаться золотой медалью, так что злопыхатели могли просто заткнуться.

Повернувшись к южной стене, мы могли лицезреть вехи папиной профессиональной деятельности в «Вашингтон визардз», куда его взяли после одного особенно возмутительного сезона с шестнадцатью победами. Многие считали, что команда намеренно провалила свой сезон, чтобы заполучить папу. Но в глубине души папа не верил, что тренер или главный менеджер додумались бы до столь грандиозной стратегии. Тренер ушел в конце первого папиного сезона, главный менеджер — во втором, а через два года папа вывел команду в плей-офф. Еще через два года «Визардз» выиграли первый из трех «бэкту-бэков»[6].

Возле этой стены было представлено множество снимков с папой, зависшим в воздухе; награды «Самому ценному игроку» в своей лиге и в серии матчей; некоторые наиболее культовые предметы из его профессиональной карьеры; витрина с его чемпионскими кольцами (последнее он получил в тот год, когда ушел из спорта) и,

[6] Примечания: 6

В американском баскетболе серия плей-офф, когда команде предстоит сыграть две игры за двое суток, без дня на отдых.

как венец всего этого, длинный худосочный приз, который дают, когда тебя включают в Найсмитовский зал славы баскетбола, куда папа попал, как только позволил возраст.

Восточная стена начиналась с журнальной обложки той поры, когда папа еще играл за «Визардз», — но не «Спортс иллюстрейтед», а какого-то вашингтонского делового журнала, который первым заметил, что самый яркий из баскетбольных новичков Америки не покупает абсурдно огромных особняков, не расшвыривает деньги направо и налево как законченный идиот, а живет в скромном доме в Александрии, инвестируя свои капиталы в недвижимость Вашингтона и ближайших пригородов. К тому времени, когда папа ушел из баскетбола, его компания по торговле недвижимостью приносила ему больше денег, чем матчи и реклама, и он стал миллиардером в том же году, когда попал в зал славы. Эту часть комнаты занимали награды и почетные грамоты от бизнес-сообщества. Их было больше всего. Деловые люди обожают награждать друг друга.

Северная сторона комнаты посвящалась папиной благотворительной деятельности и главным образом его работе с больными синдромом Хаден — вполне естественно, если его единственный

ребенок (я) подхватил вирус, да еще в период ее первой и самой жуткой волны, вместе с миллионами других, включая первую леди Соединенных Штатов Маргарет Хаден. Несмотря на то что синдрому дали имя первой леди, именно мои папа и мама (в девичестве Жаклин Оксфорд, отпрыск одной из старейших политических семей Виргинии) стали публичными лицами кампании по защите хаденов — вместе со мной, разумеется.

Вот почему на этой стене было полно фотографий отца, где он то выступал перед конгрессом с речью о необходимости масштабных прикладных исследований, призванных помочь четырем с половиной миллионам граждан США, чей разум был внезапно отрезан от их тел; то присутствовал на церемонии утверждения президентом Бенджамином Хаденом Исследовательской программы Хадена; то заседал в правлении Института Хадена и «Зебринг-Уорнер индастриз», разработавших первые трилы; то заочно участвовал в открытии «Агоры», виртуального пространства, созданного специально для хаденов, чтобы они могли иметь собственный кусочек мира в своем распоряжении.

Вперемешку с этими снимками здесь висели и наши фотографии — мои, мамины и папины,

сделанные в разных местах, где мы встречались с мировыми лидерами, знаменитостями и другими семьями, где жили хадены. Я был одним из первых детей, кто стал использовать свой собственный трил, и мои родители меня повсюду в нем таскали — и не только для того, чтобы наполнить мое детство завидным жизненным опытом, хотя в этом была своя приятная сторона. Главной задачей было убедить незараженных, что трилы — это все равно что люди, а не какие-то жуткие андроиды, неизвестно как затесавшиеся в их среду. А кто может лучше продемонстрировать это, как не ребенок одного из самых прославленных людей во всем мире?

Так что пока мне не исполнилось восемнадцать, я был одним из самых известных и часто фотографируемых хаденов на планете. Фотография со мной, где я протягиваю цветок папе римскому в базилике Святого Петра, регулярно упоминается как одна из самых знаменитых фотографий за последние полвека. Образ ребенка-трила, протягивающего пасхальную лилию епископу Рима, стал культовым символом соединения новейшей технологии и традиционной религии. Одна предлагает мир другой, другая с улыбкой принимает его.

Когда я учился в колледже, один профессор как-то сказал мне, что одна эта фотография сделала больше, для того чтобы хаденов считали такими же людьми, а не жертвами, чем тысяча научных открытий или выступлений перед конгрессом. Я ответил ему, что запомнил лишь, как ужасно воняло у папы изо рта. Профессор был священником. Вряд ли ему понравились мои воспоминания.

Эту фотографию сделал мой отец. Она разместилась в самом центре северной стены. Слева от нее — сертификат финалиста Пулицеровской премии в категории «Художественная фотография», наличие которого даже он сам, и надо отдать ему должное, считал нелепой случайностью. Справа — президентская медаль Свободы, врученная ему пару лет назад за работу по синдрому клетки. Под фотографией — другой снимок, где он получает из рук президента Гилкриста медаль и со смехом наклоняется, чтобы низкорослый Гилкрист мог дотянуться до его шеи.

Спустя три месяца президентом стал Уиллард Хилл. Он и подписал закон Абрамса—Кеттеринг. В доме Шейнов нового президента не жаловали.

Я жил рядом с «залом трофеев» всю свою жизнь, поэтому не считал его чем-то особенным. Это

была просто еще одна комната, причем очень скучная, так как мне не разрешали там играть. И я знал, что папа к тому времени охладел к наградам. Кроме разве что Нобелевской премии мира, он получил уже практически все возможное. Я ни разу не видел, чтобы он заходил туда, если только не нужно было развлечь гостей в дни официальных приемов. Он даже не расставлял там свои сокровища — этим занималась мама.

С другой стороны, «зал трофеев» ведь и не предназначался для нас. Его сделали для всех остальных. Папа каждый день общается с миллионерами и миллиардерами, а самомнение этой категории людей находится на грани социопатии (а иногда и за гранью). Такие типы считают себя избранными хищниками, которые вынуждены продираться сквозь огромное стадо овец. Когда папа заводит их в эту комнату, глаза у них становятся большими, как плошки, и они понимают, что все их так называемые достижения не стоят выеденного яйца по сравнению с папиными. Во всем мире, может быть, найдется только три человека более интересных, чем Маркус Шейн. Гости не из их числа.

Поэтому-то мама, находясь в легкомысленном настроении, и называет эту комнату «ветлечеб-

ницей». Ведь именно туда папа приводит своих гостей, чтобы взять их за яйца.

С уже занемевшей челюстью я вошел в ветлечебницу, чтобы взглянуть, кто же сегодня будет финансовым и тестикулярным донором. Разумеется, папу я увидел раньше всех. При его росте в шесть футов восемь дюймов его было трудно не заметить.

А вот человека с бокалом в руке, который стоял рядом с папой, с улыбкой глядя на него снизу вверх, я здесь увидеть ну совсем не ожидал.

Это был не кто иной, как Николас Белл.

Глава 7

— Крис! — воскликнул папа и через секунду уже навис надо мной, заключив в объятия. — Как ты, малыш?

— Жду, пока ты меня раздавишь, — ответил я, и он рассмеялся; это был наш обычный ритуал приветствия.

— Спасибо, что зашел познакомиться с гостями.

— Мы обязательно поговорим об этом, — ответил я. — Уже очень скоро.

— Да-да, конечно, — сказал он, но все равно махнул Беллу, который тут же подошел, по-прежнему с бокалом в руке и улыбкой на лице.

— Это Лукас Хаббард, генеральный директор и председатель правления «Акселерант инвестментс».

— Здравствуйте, Крис, — сказал Хаббард/Белл и протянул руку. — Приятно с вами познакомиться.

— И мне, — кивнул я, отвечая на рукопожатие. — Простите, у меня на мгновение случилось что-то вроде дежавю.

— Со мной часто такое бывает, — улыбнулся

Хаббард/Белл и отхлебнул из бокала виски со льдом.

— Простите, я немного удивлен, — добавил я.

— Так ты знаешь, кто такой Лукас? — сказал папа, внимательно следя за нашим загадочным диалогом.

— В общем-то, нет, — пробормотал я, — то есть да. Конечно, я знаю, кто такой Лукас Хаббард. Но я также знаю… — Я запнулся — считалось невежливым публично объявлять о том, что интегрированный хаден пользуется чьим-то телом.

— Вы знаете интегратора, которым я пользуюсь, — спасая меня от неловкости, подсказал Хаббард.

— Именно так, — сказал я. — Мы встречались.

— Можно спросить где? — поинтересовался Хаббард.

— По работе. Очень недолго.

— Любопытно, — заметил Хаббард.

К нему подошла какая-то привлекательная женщина и встала рядом. Он указал на нее:

— А это главный юрисконсульт «Акселерант инвестментс» Самуэль Шварц.

— Мы встречались, — глядя прямо на меня, сказал Шварц.

— Вот как, — обронил Хаббард.

— Тоже по работе, — сказал я, — и очень недолго.

— Так и есть, — кивнул Шварц с улыбкой. — Агент Шейн, когда мы только познакомились, я не сразу понял, кто вы. Пришлось навести справки в процессе разговора. Примите мои извинения.

— Право, не стоит, — сказал я. — Вы и не могли знать. Кстати, о нашей встрече. Помнится, вы выглядели несколько иначе, когда мы виделись в прошлый раз. Весьма неожиданно.

— Полагаю, что так, — ответил Шварц, оглядывая свое тело. — Знаю, некоторым хаденам нравится интегрироваться в тела противоположного пола, но я, как правило, это не практикую. Просто мой обычный интегратор этим вечером был недоступен, а я вошел в число гостей буквально в последнюю минуту. Поэтому пришлось довольствоваться тем, что оставалось.

— Можно было выбрать и похуже, — сказал я, и он снова улыбнулся.

— Не представляю, как и отнестись к тому, что ты знаешь этих двоих лучше, чем я, — со своим обычным чарующим обаянием произнес папа.

— Я и сам слегка удивлен, — сказал я.

— Как и я, — добавил Хаббард. — С учетом всех обстоятельств кажется странным, что мы с ва-

шим отцом не пересекались раньше. Но как бы то ни было, если не принимать во внимание наши многочисленные офисы, «Акселерант инвестментс» почти не имеет дел с недвижимостью.

— Почему так, Лукас? — спросил папа.

— Вероятно, потому, что, будучи хаденом, я меньше обычного человека вовлечен в дела физического мира. Они для меня не на первом месте, — ответил Хаббард и указал на папу стаканом с виски. — Думаю, вы не в претензии на меня за то, что я не конкурирую с вами на вашем поле.

— Не в претензии, — согласился папа, — хотя я не против конкуренции.

— Это потому, что вы очень хорошо умеете обставлять конкурентов.

— Полагаю, с этим не поспоришь, — рассмеялся папа.

— Разумеется, — сказал Хаббард и с улыбкой посмотрел на меня. — В этом мы с вами похожи.

Когда мы сели ужинать, я позвонил Ванн, использовав свой внутренний голос, чтобы сохранить видимость внимания к застольным разговорам.

— Я занята, — ответила Ванн, и я с трудом услышал ее сквозь громкий шум.

— Вы где?

— В баре, пью и пытаюсь снять партнера на ночь, — сказала она. — То есть занята.

— Лукас Хаббард использует Николаса Белла как интегратора.

— Откуда вы знаете?

— Хаббард сейчас сидит прямо напротив меня за обеденным столом, причем в теле Белла.

— Вот черт, — сказала Ванн. — Надо было догадаться.

— И что мне делать?

— Шейн, да что хотите. Рабочий день окончен.

— Я подумал, вы хоть чуточку обрадуетесь.

— Когда я увижу вас завтра на работе, то буду очень радостной. Обещаю. А сейчас я чрезвычайно занята.

— Я понял. Мне жаль, что я вас побеспокоил.

— Мне тоже. Но раз вы уже побеспокоили, скажу: есть кое-какие подвижки по трупу. Пришел анализ ДНК.

— И кто он? — спросил я.

— Пока не знаем.

— Мне показалось, вы говорили о подвижках.

— Да, говорила. Анализ не дал идентификации, но определил, что он, возможно, из рода навахо. Это может объяснить, почему мы не нашли его в базе данных. Если он навахо и жил в какой-ни-

будь резервации, то все записи о нем должны быть в базах данных по резервациям. Они не привязаны к базам США, так как Нация навахо имеет свою автономию. И не доверяет нашему правительству, каким бы странным это ни казалось. — При этих словах она захихикала.

— И как часто такое случается? — спросил я. — Даже если живешь в резервации, иногда приходится выезжать, и тогда точно попадаешь в базы.

— Может, этот парень никогда и не выезжал — ну, до тех пор.

— Надо сделать запрос, — сказал я. — В смысле, в Нацию навахо.

— Да-а, наши криминалисты уже сделали. Переслали им анализ ДНК, пальчики, скан лица. Но ответят они тогда, когда сочтут нужным. Навахо не слишком торопятся выполнять наши просьбы.

Сидящий во главе стола папа постучал ножом по бокалу и встал.

— Все, мне пора, — предупредил я. — Папа собирается произнести речь.

— Ладно. Я и так уже хотела отключиться, — сказала Ванн и отключилась.

Папин спич в привычном стиле «ужин-со-спон-

сорами-и-все-вокруг-друзья» был, как всегда, легким, непринужденным, доверительным и в то же время касался важных государственных тем и его «пока еще не объявленной официально» сенаторской кампании. Приняли спич, как обычно, то есть на ура, ведь папа есть папа, и он еще со школы поднаторел в публичных выступлениях. Обаянию Маркуса Шейна не поддаются, наверное, только закоренелые человеконенавистники.

Однако завершилась речь несколько неожиданно. Папа упомянул «проблемы и возможности, которые закон Абрамса—Кеттеринг предлагает каждому из нас», что казалось немного неуместным, так как синдром клетки был только у Хаббарда, Шварца и у меня. Поэтому я сжульничал и просканировал лица остальных людей за столом. Пятеро из них были генеральными директорами и/или председателями правления компаний, так или иначе связанных с рынком товаров для хаденов, со штаб-квартирами здесь, в Виргинии.

Это все объясняло. А также то, почему папа особенно настаивал на моем присутствии.

Стало ясно, что так просто мне не отсидеться.

— Крис, а что вы думаете о новом законе Аб-

рамса—Кеттеринг? — спросил гость, чей скан значился под именем Рика Уиссона, мужа Джима Бухолда, генерального директора «Лаудон фарма». Сидящий рядом Бухолд бросил на мужа свирепый взгляд, который Уиссон то ли не заметил, то ли проигнорировал, и сразу стало понятно, что их сегодняшнее возвращение домой едва ли будет приятным для обоих.

— Думаю, вы не очень удивитесь тому, что моя точка зрения на этот закон совпадает с точкой зрения моего отца, — ответил я, перекидывая мяч на папину сторону.

Само собой, папа тут же с легкостью принял подачу:

— Крис хочет сказать, что об этом, как и о большинстве связанных с хаденами тем, мы много говорили в семейном кругу. Поэтому слова, которыми я завершил свою речь, — это результат наших долгих обсуждений. Полагаю, вы все знаете, что я открыто выступал против билля Абрамса—Кеттеринг. Я считал и продолжаю считать, что это неправильное решение проблемы, которой на самом деле не было, ведь хадены как социальная группа дают национальной экономике больше, чем забирают из нее. Однако, хорошо это или плохо, законопроект прошел, и мы все

должны думать, как заставить это новое обстоятельство работать на нас.

— Именно, — подтвердил я и указал через стол на папу.

— А что вы думаете о забастовке? И марше протеста? — не унимался Уиссон.

— Рик, — со сдержанной злобой прорычал Джим Бухолд.

— По-моему, это вполне подходящая тема для разговора за ужином, — сказал Уиссон мужу. — Во всяком случае, за этим ужином. Тем более что Крис — самый настоящий хаден.

— Вообще-то, нас за столом трое, — напомнил я и кивнул в сторону Хаббарда и Шварца.

— При всем моем уважении к Лукасу и мистеру Шварцу новый закон их не слишком коснется, — ответил мне Уиссон; при этих словах Хаббард и Шварц натянуто улыбнулись. — В то время как вы работаете и, стало быть, должны выходить на улицу. Поэтому вам придется принимать какое-то решение по этому поводу.

— Я полагаю, каждый имеет право на свое собственное мнение, равно как и право устраивать мирные собрания, — напомнил я Первую поправку.

— Меня беспокоит как раз слово «мирные», —

проворчала Кэрол Лэмб, сидевшая на другом краю стола. Она была одной из тех, для кого и нанимали камердинера, — древняя и невыносимо консервативная, какими могут быть только постаревшие либералы. — Дочь говорила мне, что вашингтонская полиция стягивает все силы к предстоящим выходным. Они опасаются волнений.

— И почему же, по-вашему, миссис Лэмб? — спросил у нее Шварц.

— Она сказала, что хадены, которые выйдут на марш, не побоятся полиции, — ответила Лэмб. — Ведь трилы — это не то же, что человеческие тела.

— Ваша дочь боится восстания роботов? — спросил я.

Лэмб взглянула на меня и тут же покраснела.

— Нет, конечно, — поспешно сказала она. — Просто это ведь первый массовый протест хаденов. Он отличается от любых других протестов подобного рода.

— По поводу восстания роботов, — проговорил я и поднял руку, чтобы успокоить не на шутку разволновавшуюся Лэмб. — Да, трилы — не человеческие тела. Но они и не терминаторы. Те, что предназначены для повседневного ношения, на-

меренно сделаны так, чтобы как можно больше напоминать человеческое тело в привычных нам понятиях силы, гибкости, подвижности и прочих физических свойств.

— Все это потому, что трилом по-прежнему управляет человек, — добавил папа.

— Именно, — подтвердил я. — А человеку гораздо легче управлять механизмом, соизмеримым с естественными человеческими возможностями. — Я протянул руку вперед. — Это механическая ладонь, прикрепленная к механической руке. Но она подчиняется власти человека. Я не собираюсь переворачивать этот стол в приступе ярости. Как и демонстранты не станут переворачивать машины, проходя по Национальной аллее[7].

— Но все же трилы гораздо крепче человеческих тел, — заметил Уиссон. — Они способны выдержать намного большие повреждения.

— Я хочу вам кое-что рассказать, — предложил я. — Мама и папа помнят эту историю. Когда мне исполнилось восемь лет, мне подарили на день рождения велосипед…

— О боже, ты об этом… — вздохнула мама.

---

[7] Примечания: 7

Территория в историческом центре Вашингтона, где расположено множество памятников и музеев.

— …а как раз тогда я узнал про трюки на великах для фристайла, — продолжил я. — И вот однажды утром я соорудил на нашей подъездной дорожке трамплин и стал прыгать с него, то и дело подзуживая себя сделать что-нибудь по-настоящему крутое, вроде сальто. В конце концов я взвинтил себя до такой степени, что разогнался изо всех сил, резко въехал на трамплин, попытался сделать переворот, но пролетел задницей над рулем и грохнулся с велосипеда прямо на проезжую часть, под колеса грузовика, шедшего на скорости тридцать миль в час.

— Ненавижу эту историю, — выговорила мама; папа усмехнулся.

— Грузовик ударил меня, и я просто перестал существовать. Трил разлетелся на части. Моя голова в буквальном смысле слова слетела с плеч и покатилась в соседские кусты. Я так и не понял, что произошло. Было только ощущение сильного толчка, все завертелось перед глазами, а потом меня внезапно швырнуло в мое собственное тело, оставив в полнейшем недоумении, что за хрень только что произошла.

— Если бы тело было человеческое, ты бы погиб, — напомнил папа.

— Да, знаю. Вы с мамой напоминаете мне об

этом при каждом удобном случае. Этой историей я хотел сказать, мистер Уиссон, — я снова повернулся к гостю за столом, — что хотя трилы и крепче человеческих тел, они все равно ломаются. И очень дороги. Они стоят, как машина. Большинству людей вмятина от полицейской дубинки на триле понравится не больше, чем вмятина на бампере от нее же. Поэтому нам вряд ли стоит тревожиться из-за восстании роботов. Для этого роботы слишком дорогое удовольствие.

— Что случилось после того, как на вас наехал грузовик? — спросил Шварц.

— Ну, какое-то время пришлось обходиться без трила, — ответил я, чем вызвал смех гостей. — И, насколько я помню, водитель пригрозил подать на папу в суд.

— Он сказал, что виноват я, потому что трил принадлежит мне и этот трил вышел на дорогу, когда у грузовика было преимущество проезда, — объяснил папа.

— Он бы проиграл дело, — заметил я. — По закону личный транспортер — это особый класс машин. Наезд на него автомобилем квалифицируется как наезд на человека, хотя, разумеется, не может быть предъявлено обвинение в убийстве.

— Все правильно, — подтвердил папа. — Но я не

хотел, чтобы мое имя мусолили в прессе, поэтому откупился — возместил ущерб за повреждение грузовика и дал ему билеты в нижний ярус на «Визардз».

— Мне вы никогда не предлагали таких билетов, — заметил Бухолд.

— Не стоит вдохновляться примером, — посоветовал папа, и все снова рассмеялись. — Теперь мой Крис — агент ФБР. Если на него наехать грузовиком, проблем не оберешься.

— Еще я помню, что мой следующий трил был настоящим барахлом, — сказал я. — Какая модель, кстати? — спросил я у папы.

— «Метро джуниор курьер». Ненадежная конструкция.

— Ой-ой-ой, — охнул Хаббард. — «Метро» принадлежит «Акселеранту».

— Значит, ваша вина, — сказал я.

— Справедливо замечено. Но ведь это было лет двадцать назад?

— Где-то так, — согласился я.

— Тогда «Метро» еще не была моей компанией, — уточнил Хаббард. — Мы купили ее восемнадцать лет назад. Нет, семнадцать. Семнадцать же? — Он повернулся к Шварцу, но тот, казалось, совершенно не понимал, о чем речь, тогда

Хаббард раздраженно нахмурился, но потом все же примирительно похлопал своего юриста по руке. — Да, семнадцать. Мы купили ее, потому ее акции сильно упали как раз из-за слабой линейки моделей, включая «Курьер» и «Джуниор курьер».

— Охотно верю, — заметил я. — Больше мы продукцию «Метро» не покупали.

— Она улучшилась, — заверил Хаббард. — Если хотите попробовать, я пошлю вам на пробу одну из последних моделей.

— Спасибо, но я только что обзавелся этим. — я указал на свой 660XS. — Так что пока я не слишком заинтересован в замене.

Хаббард улыбнулся.

— Забавно, но мы уже начали переговоры о слиянии с «Зебринг-Уорнер», — сказал он.

— Я читал об этом в утренней «Пост», — сообщил папа.

— Та статья недостоверна всего на шестьдесят процентов, — заметил Хаббард.

— Ага! — воскликнул я и посмотрел на Шварца.

— Что? — спросил тот.

— Так вот почему вы используете «Аякс-370»! — воскликнул я. — Исследование рынка.

Шварц посмотрел на меня непонимающим

взглядом.

— Вы наблюдательны, — отметил Хаббард. — Да, Сэм и еще несколько его коллег опробовали новые модели. Личные впечатления, как вы справедливо отметили, крайне важны.

— Это как-то связано с законом Абрамса—Кеттеринг? — осведомился папа. — Переговоры о слиянии.

— Некоторым образом, — ответил Хаббард. — Правительство субсидирует покупку трилов только до конца года, так что сейчас мы продаем буквально все, что можем. Но в январе продажи резко упадут. Слияние — способ остаться на плаву. Хотя я заинтересован и в исследовательской программе «Зебринг-Уорнер». Они занимаются интересными вещами. Например, прямо сейчас, — он повернулся ко мне, — они проводят очень перспективную работу со вкусом.

— Вы имеете в виду эстетический вкус или, э-э… когда едят? — поинтересовался я.

— Когда едят. Вкус — единственное чувство, оставшееся недоступным для трилов, потому что для него не было практического применения. Трилы не нуждаются в пище. Но это не значит, что они не должны уметь есть. — Он указал на пустую тарелку передо мной на столе. — К при-

меру, для вас нахождение за этим столом было бы гораздо естественнее сейчас, если бы вы ели, а не сидели просто так.

— Вообще-то говоря, я ем, — сказал я. — Просто в другой комнате. — А про себя добавил: «через трубку», но произносить это вслух не стал, чтобы не омрачать застольную беседу. — А подушка на моем сиденье — это индукционный зарядник. Так что, выражаясь метафорически, мой трил тоже ест.

— Пусть так, — согласился Хаббард. — Крис, одна из великих целей вашей семьи — добиться того, чтобы общество видело в трилах людей. Вы немало преуспели на этом поприще, но есть возможность пойти дальше. — Он указал на Кэрол Лэмб, и та вздрогнула от неожиданности. — Дочь нашей коллеги сегодня прямо указала нам на это. Если появятся трилы, способные не просто сидеть за обеденным столом, но и принимать пищу, как все, это станет важным шагом на пути их дальнейшего очеловечивания.

— Возможно, — сказал я. — Но в таком случае я вынужден спросить у вас: куда денется пища, после того как я ее попробую?

— Есть лучшие способы очеловечить хаденов, — напомнил Бухолд. — Например, вернуть

им их тела.

Хаббард тут же переключил на него внимание.

— Ну да. Разумеется, — сказал он. — Джим Бухолд. Единственный человек за этим столом, чьи деловые интересы не пострадают от закона Абрамса—Кеттеринг.

— Вряд ли стоит критиковать конгресс за то, что он сохранил финансирование исследований по лечению синдрома клетки в прежнем объеме, — указал Бухолд. — Мы стараемся решить проблему, а не извлечь из нее выгоду.

— Как благородно! — восхитился Хаббард. — Однако я видел квартальный отчет «Лаудон фарма». Зарабатываете вы очень даже неплохо.

Бухолд повернулся ко мне.

— Крис, позвольте спросить, — сказал он, указывая на мою пустую тарелку. — Как вы предпочли бы пробовать еду? Через трил? Или собственным языком?

Настала очередь Уиссона испепелять мужа взглядом, и за дело. Разговор в таком ключе очень скоро мог стать весьма щекотливым. Но Бухолд не дал мне ответить.

— Мы работаем над тем, — продолжил он, — как вывести пациентов с синдромом клетки из их состояния. Наша задача — не создавать иллюзию

принятия ими пищи, а вернуть им способность жевать и глотать ее самостоятельно. Мы хотим освободить их…

— Освободить от чего? — сухо осведомился Хаббард. — От сообщества пяти миллионов людей в США и сорока миллионов по всему миру? От возникающей новой культуры, которая взаимодействует с физическим миром, но независима от него, со своими интересами, заботами и экономикой? Вы хоть понимаете, что огромное число хаденов попросту не помнят физического мира? — Он ткнул пальцем в мою сторону. — Крис стал хаденом в два года. Вы что-нибудь помните о том времени, когда вам было два года, Джим?

Я взглянул на отца, но он был увлечен разговором с Кэрол Лэмб и мамой. Значит, оставалось рассчитывать только на свои силы.

— Вы упускаете главное, — заметил Бухолд. — Мы же хотим предложить выбор, возможность избежать физической скованности, мешающей хаденам вести нормальную жизнь.

— По-вашему, я выгляжу скованным? — спросил Хаббард. — Или Крис так выглядит?

— Я, вообще-то, здесь, — напомнил я.

— Тогда скажите сами — вы чувствуете себя скованным? — спросил меня Хаббард.

— Не то чтобы очень, — признался я. — Но, с другой стороны, как вы и сказали, мне особо не с чем сравнивать.

— Зато мне есть с чем. Я стал хаденом в двадцать пять. И с тех пор делал все, что делает любой человек. Что любой человек захотел бы сделать.

— Только вам для этого нужно заимствовать чье-то тело, — возразил Бухолд.

— Джим, — Хаббард сверкнул белозубой улыбкой, — я заимствую чье-то тело не для того, чтобы притвориться, будто я не хаден, а для того, чтобы некоторая часть людей не забыли, что я тоже человек.

— Тем больше причин искать способы лечения, — сказал Бухолд.

— Нет, — отрезал Хаббард. — Заставлять кого-то меняться только потому, что не знаешь, как обходиться с ним в его нынешнем виде, — это не то, к чему надо стремиться. Надо стремиться наконец открыть людям глаза. Вы говорите: «лечение», а я слышу в этом: «вы недочеловеки».

— Бросьте, Хаббард, — отмахнулся Бухолд. — Вы меня на этом не подловите. Ничего подобного я не говорил, и вы это знаете.

— Неужели? Тут есть о чем поразмыслить,

Джим. Сейчас нейронные сети, трилы и все прочие инновации, появившиеся благодаря Исследовательской программе Хадена, создаются специально для хаденов. По сей день министерство здравоохранения разрешает их использование только хаденам. Но ведь люди с различными параличами тоже могли бы получить выгоду от трилов. Как и другие американцы, имеющие проблемы с передвижением. Как и старики, которым уже трудно ходить.

— Министерство ограничило применение трилов жертвами синдрома клетки потому, что запихивать в голову второй мозг, мягко говоря, небезопасно, — напомнил Бухолд. — К этому прибегают, когда нет выбора.

— Но этот выбор должен быть у всех, — возразил Хаббард. — И теперь наконец доступ к этим технологиям открывается для каждого. Помимо всего прочего, закон Абрамса—Кеттеринг предоставляет его гораздо большему числу людей. Все больше американцев будут использовать их в будущем. Миллионы. Их вы тоже станете принижать, Джим?

— Мне кажется, вы не слышали, что я говорил, — сказал Бухолд.

— Я слушал вас очень внимательно, — ответил

Хаббард, — и вот что я вам скажу: ваши слова звучат как расизм.

— О господи! — воскликнул Бухолд. — Теперь вы говорите, как эта чертова баба Кассандра Белл.

— Блин… — произнес я.

— В чем дело? — Бухолд повернулся ко мне.

— Э-э… — пролепетал я.

— Крис не хочет говорить вам, что мой сегодняшний интегратор — это Николас Белл, старший брат Кассандры Белл, — пояснил Хаббард. — Я же сообщаю вам об этом без малейших душевных колебаний.

Бухолд в изумлении уставился на Хаббарда:

— Да ты точно гребаный…

— Джим! — рявкнул Уиссон.

— У вас все в порядке? — поинтересовался папа, наконец обративший внимание на наш край стола.

— Все чудесно, папа, — заверил я. — Но, мне кажется, у Джима есть пара вопросов, которые он хотел бы задать тебе лично. Если бы Кэрол согласилась поменяться с Джимом местами, было бы просто замечательно.

— Конечно же, я не против, — тут же согласилась она.

— Превосходно, — сказал я и посмотрел на Бухолда в надежде на то, что он воспримет намек или, по крайней мере, будет благодарен мне за предоставленную возможность поговорить с папой с глазу на глаз. Он раздраженно кивнул и поменялся местами с Кэрол.

— Хорошо выкрутился, — наклонившись ко мне, очень тихо прошептал Хаббард.

Я кивнул, а потом потер щеку. Боль в челюсти возвращалась. И я был почти уверен, что не из-за зуба.

Зазвонил мой внутренний телефон.

— Да? — ответил я внутренним голосом.

— Шейн, — сказала Ванн, — как далеко вы сейчас от Лисберга?

— Милях в десяти. А в чем дело?

— Вы слышали про «Лаудон фарма»?

— На самом деле именно в данный момент я ужинаю с ее генеральным директором и его мужем, — сказал я. — Да что случилось-то?

— Она только что взлетела на воздух.

— Что? — Я посмотрел на Бухолда, который о чем-то увлеченно беседовал с папой.

— Она только что взлетела на воздух, — повторила Ванн и добавила: — Похоже, замешан хаден.

— Вы шутите?!

— Хотелось бы. Тогда бы я лежала сейчас в теплой постели, и не одна, а не ехала бы в ваши края, — проворчала Ванн. — Немедленно отправляйтесь туда и начинайте составлять подробную картограмму местности и собирать данные. Я буду минут через сорок.

— А что мне сказать Джиму Бухолду?

— Он — генеральный директор?

— Ну да, — подтвердил я.

Джим полез в карман за телефоном.

— Погодите-ка, — добавил я. — Похоже, он сейчас узнает все сам.

Бухолд вскочил и, не отнимая телефона от уха, выбежал из комнаты. Озадаченный Уиссон посмотрел ему вслед.

— Да, он узнал, — уныло сообщил я.

Глава 8

На территории «Лаудон фарма» было два главных здания. В первом находились офисы руководителей верхнего и среднего звена, сотрудников администрации, пресс-службы и лоббистов, работающих по Вашингтону и Ричмонду. Во втором — лаборатории, где трудились ученые, программисты и прочий уважаемый персонал.

Административное здание сильно пострадало. Все стекла на восточной стене выбило взрывом вместе с рамами, а большинство остальных нуждалось в более-менее серьезном ремонте. Из дыр разлетались бумаги, порхали и кружились в воздухе, а потом медленно опускались на тенистый бульвар, разделявший два здания.

Лабораторный корпус уничтожило практически целиком.

Груду обломков окружили пожарные расчеты со всех уголков округа Лаудон, которые напряженно искали, что бы потушить. Тушить было почти нечего. От взрыва здание обрушилось внутрь себя и погасило практически все, что успело загореться. Вокруг руин курсировали машины парамедиков, пытаясь с помощью сканеров

засечь транспондеры, встроенные в бейджи сотрудников «Лаудон фарма».

Удалось запинговать шестерых — все из штата уборщиков. Парамедики запустили в развалины ботов-тараканов и ботов-змей, чтобы проверить, присоединены ли еще бейджи к кому-то живому.

Увы — никого в живых не осталось.

— Вот что видели охранники, — сказал я Ванн; мы сидели в ее машине, и я отправлял видео на ее приборную панель.

Ванн с мрачным ожесточением мусолила сигарету. Возможно, это был побочный эффект от сексуального разочарования, но сейчас был неподходящий момент спрашивать ее об этом. Я открыл дверцу со своей стороны, чтобы выходил дым.

На дисплее приборной панели мы увидели снятое на камеру поста охраны видео, запечатлевшее, как какой-то внедорожник на полной скорости влетел на парковку, врезался в ворота, снес их и помчался дальше.

— Отмотайте назад и остановите перед ударом о ворота, — попросила Ванн и, когда я сделал это, указала: — Номерной знак и лицо.

— Верно, — сказал я. — Хотя ни то ни другое не

совпадает с данными транспондера на бейдже, которые запинговали, когда внедорожник прошибал ворота.

— Тогда кому принадлежит бейдж?

— Карлу Байеру, — ответил я. — Генетику. Работал в лаборатории. Тоже хаден, поэтому эхозапрос и прошел.

— Внедорожник вел не трил, — сказала Ванн. — Значит, кем бы он ни был, он просто украл документ Байера. Только зачем — чтобы просто снести ворота?

— Документ им был нужен, чтобы попасть в гаражи под зданием. Там парковка для персонала. Посетители паркуются снаружи, — пояснил я.

— А набитый взрывчаткой внедорожник гораздо эффективнее сработает именно под зданием, а не рядом с ним, — закончила мысль Ванн.

— Полагаю, на это и был расчет.

— А если бейдж украден, нам нужно быть здесь? — спросила Ванн.

Я помедлил секунду, недоумевая, почему вдруг задан такой вопрос, но потом вспомнил, что это по-прежнему наш первый совместный рабочий день, каким бы невероятным оно ни казалось. Ванн снова проверяла меня.

— Да, нужно, — ответил я. — Во-первых, чтобы

проверить Байера и удостовериться в краже его бейджа. Во-вторых, — я указал на застывшее на дисплее изображение внедорожника перед воротами, — эта машина зарегистрирована на Джея Керни.

— А я должна знать, кто такой Джей Керни?

— Вы могли бы знать. Он интегратор. Или был им.

Ванн сделала последнюю глубокую затяжку и выкинула окурок в окно.

— Покажите мне четкую фотографию Керни.

Я загрузил его фото с лицензии интегратора и разместил на экране дисплея рядом с фотографией водителя. Ванн наклонилась и вгляделась в лицо.

— Что вы думаете? — спросил я.

— Как знать, как знать, — пробормотала она, подняла голову и посмотрела через окно на разрушенное здание, полицейские мигалки и машины парамедиков. — Его еще не нашли?

— Едва ли его вообще ищут, — сказал я. — Они сейчас заняты поисками уборщиков. Да и в любом случае, если в момент взрыва Керни находился в машине, от него остался только тонкий слой пепла на автостоянке.

— Вы уже с кем-нибудь говорили о нем?

— Разговоры со мной здесь никому не интересны. Я ведь занимаюсь хаденами, а не террористами. — Пока я это говорил, доносившийся откуда-то далекий рокот вертолета становился все громче и громче.

— А вот эти, похоже, как раз занимаются террористами, — сказала Ванн. — Они любят эффектные появления.

Я снова кивнул на дисплей:

— Это я получил от охраны одновременно с копами Лисберга и шерифами Лаудона, но мне кажется, они еще даже не смотрели.

— Ладно, — объявила Ванн и смахнула фотографии с экрана. — Где вы припарковались?

— Я не парковался. Я приехал с Джимом Бухолдом, генеральным директором. Вон он, кричит на копов.

— Хорошо, — сказала Ванн, заводя машину.

— Куда мы сейчас? — Я закрыл дверцу со своей стороны.

— Нанесем визит Карлу Байеру. Найдите его адрес, пожалуйста.

— Нам потребуется ордер? — запуская поиск, спросил я.

— Я хочу поговорить с ним, а не арестовывать. Но вы можете уточнить, дадут ли нам ордер на

досье Керни. Мне нужно знать, с кем он интегрировался. Попробуйте заодно получить ордер и на досье Белла. Двое интеграторов, предположительно замешанных в убийстве, за один день — как-то многовато для меня.

Квартира Карла Байера находилась в маленьком сером жилом комплексе Лисберга, рядом с супермаркетом и «Международным домом блинов». Байер жил в нижней угловой квартире, под лестничной клеткой. Когда мы постучали, никто не ответил.

— Он ведь хаден, — напомнил я.

— Если он здесь живет, у него есть трил, — сказала Ванн. — Если он получил этот чертов бейдж сотрудника «Лаудон фарма», значит трилом точно обзавелся. И способен открыть дверь. — Она постучала еще раз.

— Я обойду и посмотрю, видно ли что-нибудь в окно, — предложил я спустя минуту.

— Ладно. Хотя нет, подождите. — Она крутанула дверную ручку; та поддалась.

— Вы в самом деле собираетесь это сделать? — глядя на дверь, спросил я.

— Дверь открыта, — заметила Ванн.

— Нет, она закрыта, но не заперта.

— Вы записываете?

— Прямо сейчас? Нет.

— Смотрите, дверь открыта, — толкнув ее, сообщила Ванн.

— О, да вы просто путеводная звезда безопасной конституционной практики, — процитировал я Ванн.

— Заходите, — ухмыльнулась она.

Карла Байера мы нашли в его спальне с ножом в голове. Рукоятку держал трил, стоящий рядом с его «колыбелью»; блики от лезвия падали Байеру на висок.

— Матерь божья, — выговорил я.

— Откройте жалюзи на окнах! — приказала Ванн.

Я открыл.

— Если кто-нибудь спросит — вы обошли дом, заглянули в окно, увидели это, после чего мы зашли в квартиру.

— Не нравится мне все это, — сказал я.

— А что тут может нравиться? — спросила она. — Вы уже записываете?

— Нет.

— Начинайте.

— Начал.

Ванн подошла к выключателю и нажала его локтем.

— Начинаем отображение, — сказала она и натянула перчатки, как и я.

Когда я закончил, Ванн взяла со столика рядом с «колыбелью» планшет и нажала на экран.

— Шейн, посмотрите. — Она повернула планшет экраном ко мне, и я увидел Джея Керни.

— Это видео? — спросил я.

— Да, — подтвердила Ванн, дождалась, пока я подойду, и нажала воспроизведение.

Джей Керни на экране ожил. При съемке он держал планшет так, чтобы в кадр они попали с Карлом вдвоем.

— Это Карл Байер, — сказал Керни. — Я говорю от своего имени и от имени моего доброго друга Джея Керни, с которым я сейчас интегрирован. В течение восьми лет я работал генетиком на «Лаудон фарма», был частью команды, которая пыталась отменить действие синдрома клетки. Когда я присоединился к «Лаудону», я верил, что то, чем мы занимаемся, принесет хаденам благо. Никто из нас не просил заключения в собственных телах. Я уж точно не просил. Я заболел, еще будучи подростком, и болезнь лишила меня всего того, что я любил. Победа над вирусом казалась мне правильным и полезным делом. Ведь наша работа давала хаденам шанс на новую

жизнь. Но постепенно я начинал понимать, что синдром клетки — не приговор пожизненного заключения. Это лишь другой способ жить. Я начал видеть красоту мира, создаваемого нами, хаденами, миллионами нас, в своем собственном пространстве и своим собственным путем. Я прислушался к словам Кассандры Белл, говорившей, что подобные мне люди, работающие над так называемым средством от синдрома Хаден, по сути, уничтожают принципиально новую общность людей — первую за сотни лет. И я понял, что она права и настало время положить этому конец. Сам я по понятным причинам не мог такое осуществить. Но, к счастью, мой друг Джей разделяет мои убеждения настолько, что согласился мне помочь. Были и другие, пусть они останутся неизвестными, кто помог нам с материалами и составил план действий. Теперь все готово. Можно приступать. Мы с Джеем сделаем это вместе. А когда он сыграет свою роль, я вернусь сюда, чтобы присоединиться к нему на следующей стадии нашего совместного пути. Полагаю, если вы смотрите это, то уже знаете, как все произошло. Я сознаю, что моей семье и друзьям мой поступок может показаться абсурдным. Я также сознаю, что могут случайно пострадать

или даже погибнуть невинные люди. Я сожалею об этом и приношу свои извинения тем, кто потерял любимых этой ночью. Но я прошу их понять: если сидеть сложа руки, то деятельность «Лаудон фарма» приведет к гибели фактически целого народа. И это будет настоящим геноцидом, совершенным во имя воображаемого милосердия. Обращаясь к моим коллегам из «Лаудон фарма», скажу, что понимаю, какую ярость у вас вызову, ведь теперь вся ваша работа и исследования будут отброшены на годы. Но я прошу вас провести время вынужденного бездействия в размышлениях над тем, что же именно вы делали. Читайте, слушайте Кассандру Белл, как читал и слушал я. Я верю в нее. В том, что я собираюсь совершить, я следую ее принципам. Надеюсь, со временем вы придете к тому же. Прощайте, и всего самого хорошего хаденам всего мира. Я всегда буду с вами.

— Во всем этом нет ни малейшего смысла, — буркнул Джим Бухолд.

Мы сидели в гостиной дома Бухолда и Уиссона в пригороде Лисберга. Местной полиции, шерифам округа Лаудон и ФБР пришлось силой выгонять Джима с места взрыва, чтобы спокойно делать свою работу. И теперь он нервно расхаживал по комнате и чувствовал свою бесполезность. Уис-

сон налил мужу выпить, чтобы тот успокоился. Стакан остался стоять нетронутым на столе. В конце концов Уиссон взял его сам.

— И почему же в этом нет ни малейшего смысла? — спросила Ванн.

— Потому что Карл — ведущий разработчик нейролиза.

— А нейролиз — это?.. — подбодрила Ванн.

— Лекарство, которое мы разрабатывали для стимуляции соматической нервной системы у жертв синдрома клетки.

Помимо своей воли я ощутил смутное раздражение при слове «жертвы».

— Синдром клетки, — продолжал Бухолд, — подавляет способность мозга передавать сигналы соматической нервной системе. Нейролиз побуждает мозг создавать новые пути коммуникации с ней. Мы провели удачные испытания с чипами и работали с генетически модифицированными мышами. Прогресс пока невелик — но он обнадеживает.

— «Нейролиз» — это название соединения? — спросил я.

— Это торговая марка. Мы хотели вывести средство на рынок под таким именем, — ответил Бухолд. — Настоящее химическое название

— длиной в сто двадцать букв. Последняя версия препарата, над которой работал Карл, в наших записях называлась LPNX-211.

— И у доктора Байера никогда не проявлялись признаки нравственного неприятия того, чем он занимался? — спросила Ванн.

— Разумеется, нет, — ответил Бухолд. — Хоть мы и нечасто общались, но, насколько я знаю, в жизни Карла по-настоящему интересовали только две вещи: его работа и «Нотр-Дам файтинг айриш»[8]. Он играл за нее в студенческие годы. Даже на презентациях всегда совал в доклад какой-нибудь слайд с командой. Я это терпел только потому, что он был очень хорошим работником.

— А как насчет его отношений с Джеем Керни? — спросил я.

— С кем?

— С интегратором, чье тело, как мы подозреваем, Байер использовал для того, чтобы загнать машину на подземную парковку, — пояснила Ванн.

— Никогда о нем не слышал. На работе Карл всегда использовал трил, — сказал Бухолд.

— Вы когда-нибудь видели Байера интегриро-

---

[8] Примечания: 8

Команда по американскому футболу университета Нотр-Дам, штат Индиана.

ванным с Керни вне работы? — спросил я.

Бухолд взглянул на мужа.

— На самом деле мы вращаемся в разных социальных кругах, — сказал тот. — Я не поощряю попытки Джима слишком уж сближаться с персоналом. Лучше, если в нем видят босса, а не приятеля.

— Похоже, это можно расценивать как «нет», — резюмировала Ванн.

— Это не потому, что он — хаден, вернее… был хаденом, — поспешно добавил Бухолд и повернулся ко мне. — Я ко всем моим работникам отношусь одинаково. В службе персонала у нас даже есть специальный сотрудник, который следит за этим.

— Я вам верю, — сказал я.

— Да, но вы же слышали, как этот сукин сын Хаббард унижал меня сегодня? — возмутился Бухолд. — У меня в штате пятнадцать научных сотрудников с синдромом Хаден. Никто бы из них там не работал, если бы они считали, будто я отношусь к ним как к недочеловекам или будто их работа как-то повредит хаденам.

Я поднял руку, чтобы привлечь его внимание:

— Мистер Бухолд, я здесь не для того, чтобы осуждать вас, и не для того, чтобы побежать к

отцу и нашептать ему о вас. Прямо сейчас я расследую взрыв ваших зданий. Пока наш главный подозреваемый — один из ваших работников. Наша первоочередная задача — установить, действительно ли подрывник он и если так, то какую цель он преследовал.

Бухолд, казалось, чуть расслабился, но Ванн снова начала его прессовать:

— Доктор Байер когда-нибудь говорил о Кассандре Белл?

— За каким чертом ему было о ней говорить?

— Джим, — укорил его Уиссон.

— Нет, — покосившись на мужа, отрезал Бухолд. — Я никогда не слышал от него имени Кассандры Белл.

— А его коллеги-ученые? — не унималась Ванн.

— Да, о ней вспоминали между делом, потому что она публично выступает против наших исследований, — сказал Бухолд. — Мы всегда задавались вопросом, попытаются ли обычные протестующие вывести нас на чистую воду из-за опытов над животными, которые нам приходилось проводить, но ничего подобного не происходило, и, я думаю, никто даже не помышлял о том, что ее слова могут как-то касаться нас.

Да и с какой стати?

Я посмотрел на Ванн, пытаясь понять, что она задумала. Она кивнула мне:

— Доктор Байер оставил предсмертную запись. В ней он упомянул Кассандру Белл.

— В смысле? Она с этим как-то связана? — спросил Бухолд.

— У нас нет оснований так считать, — ответила Ванн. — Но тем не менее мы проверяем все ниточки.

— Я знал, что это случится, — сказал Бухолд.

— Что случится? — поинтересовался я.

— Насилие, — ответил Бухолд. — Рик подтвердит. Когда наши тупоголовые конгрессмены пропустили закон Абрамса—Кеттеринг, я сказал Рику: рано или поздно начнется смута. Нельзя просто так взять пять миллионов людей, сосущих государственную сиську, выкинуть на улицу и ждать, что они покорно уберутся восвояси. — Бухолд посмотрел на меня и добавил: — Без обид.

— Я не обиделся, — солгал я, но решил не развивать тему. — Насколько теперь все отложится?

— Вы имеете в виду наши исследования?

— Да.

— На годы. В лаборатории хранились уникальные данные, которых больше нигде нет.

— Вы не делаете резервного копирования? — спросила Ванн.

— Разумеется, делаем, — ответил Бухолд.

— Но вы можете загрузить копии из ваших сетей?

— Вы не понимаете, — сказал Бухолд. — Мы никогда не выкладываем ничего по-настоящему стратегически важного в сеть. Как только мы бы сделали это, нас бы сразу взломали. Однажды мы загрузили на подставные серверы закодированные фотографии, мать их, котов и не сообщали никому о том, что загрузили. Не прошло и четырех часов, как их хакнули ребята из Китая и Сирии. Нужно быть идиотами, чтобы помещать конфиденциальные данные на публичные серверы.

— То есть все ваши данные хранились локально, — подытожил я.

— Да, локально, и копии на внутренних серверах, — подтвердил Бухолд.

— А бумажные архивы? — спросила Ванн.

— Конечно были, хранились в помещении с ограниченным доступом в лабораторном корпусе.

— Значит, и они, и сетевой архив взлетели на воздух вместе со зданием, — заключила Ванн и

красноречиво посмотрела на меня, мол, бывает же такое разгильдяйство.

— Все так, — кивнул Бухолд. — Возможно, кое-что удастся собрать из недавней электронной почты и данных с компьютеров в офисном здании, если, конечно, они пережили взрыв и усилия пожарных. Но не стоит обманывать себя надеждой. Годы исследований — насмарку. Разлетелись в пыль.

— Глядите-ка, полночь, — сообщил я, когда мы с Ванн ехали к моему дому. — Мой первый настоящий рабочий день закончился.

Ванн улыбнулась, отчего сигарета у нее во рту подпрыгнула.

— Уж поверьте моему опыту, — сказала она, — для первого дня это было многовато.

— Жду не дождусь второго.

— Сомневаюсь, — выдохнув дым, изрекла Ванн.

— Вы же знаете, что это дерьмо прикончит вас, — буркнул я. — Я имею в виду курение. Вот почему никто теперь больше не курит.

— У меня есть причина.

— В самом деле? И какая же?

— Давайте сохраним некоторую тайну в наших отношениях, — предложила Ванн.

— Как вам угодно, — попытавшись изобразить усталое равнодушие, сказал я.

Ванн снова улыбнулась. Еще одно очко в мою пользу.

Загудел мой телефон. Звонил Тони.

— Вот черт, — выругался я.

— В чем дело?

— Я должен был сегодня встретиться с возможными новыми соседями.

— Хотите, чтобы я написала для вас объяснительную?

— Остроумно. Постойте-ка. — я открыл канал и ответил встроенным голосом: — Привет, Тони.

— Мы надеялись, ты заскочишь сегодня, — сказал он.

— Ну да, я тоже надеялся… — начал я.

— Но потом я узнал о взрыве «Лаудон фарма», — перебил меня Тони, — и мы все подумали, что это какой-то террористический заговор или вроде того, вот я и сказал себе: наверное, Крис вечером будет слегка занят.

— Спасибо за понимание, — буркнул я.

— Похоже, денек у тебя выдался драйвовый.

— Ты даже не представляешь себе насколько.

— Ну, тогда позволь мне закончить его хорошей новостью, — объявил Тони. — Наша банда

заочно рассмотрела твое дело и вынесла вердикт: достоин стать нашим соседом и обрекается на лучшую комнату в доме. Да смилуется господь над твоей душой.

— Это здорово, Тони! Честное слово, отлично. Я очень благодарен.

— Приятно слышать. А остальные поблагодарят тебя, если будешь вносить плату за жилье вовремя, чтобы нас не вышибли на улицу, тогда мы квиты. Посылаю тебе код на вход. Когда воспользуешься им в первый раз, смени, чтобы никто не узнал. У меня есть на тебя вся инфа, так что можешь заезжать в любое время.

— Скорее всего, завтра, — сказал я. — Сейчас я уже почти доехал до родителей. Завалюсь у них на ночь.

— Тоже неплохо, — одобрил мой выбор Тони. — Отдыхай. А то голос у тебя уж больно усталый. Спокойной ночи!

— И тебе, — пожелал я и переключился на наружный голос. — У меня есть жилье.

— Ну и хорошо, — сказала Ванн.

— На самом деле это всего лишь комната в идейной общине.

— Странно, вы не похожи на хиппи.

— Буду над этим работать, — пообещал я.

— Пожалуйста, не надо, — попросила Ванн.

Глава 9

На следующее утро с половины шестого все вашингтонские дороги оказались перекрытыми. Больше сотни хаденов-дальнобойщиков собрались на федеральной окружной дороге вокруг города, двигаясь со скоростью двадцать пять миль в час и разместив свои грузовики таким геометрическим узором, чтобы максимально мешать проезду беспилотных автомобилей. Жители пригородов, придя в ярость оттого, что окружная забита больше, чем обычно, перешли на ручное управление и пытались объехать преграду, что, само собой, только усложнило дело. К семи движение полностью встало.

А потом, для пущего веселья, грузовики с хаденами перекрыли 66-е шоссе и платную дорогу в Виргинию.

— Опаздываете на третий день работы, — сказала Ванн, когда я вошел в офис.

Она сидела за своим столом и махнула рукой на соседний, вероятно показывая мне мое место.

— Сегодня все опаздывают, — заметил я. — А я чем отличаюсь от всех?

— Кстати, а как вы вообще умудрились добрать-

ся из Потомак-Фоллс? — спросила она. — Только не говорите, что позаимствовали у папы вертолет. Это было бы феерично.

— Вообще-то, у папы действительно есть вертолет, — сказал я. — Вернее, у его компании. Но ему запрещено приземляться в нашем районе. Так что — нет. Меня высадили возле станции метро в Стерлинге, там я сел на поезд и доехал.

— И как оно было?

— Неприятно. Толпы, давка, много злобных взглядов. Как будто это я виноват в пробках. Меня так и подмывало сказать: люди, если бы это была моя вина, я бы не ехал сейчас с вами в этом чертовом поезде, а я еду.

— Да, похоже, неделька будет длинной, — заметила Ванн.

— Если протест не выбешивает людей, он неэффективен.

— Я не говорила, что он неэффективен. Я даже не говорила, что целиком его не одобряю. Я сказала только то, что сказала: неделя будет длинной. Ладно, проехали. У криминалистов для нас новости.

— Что за новости? — спросил я.

— О нашем мертвеце. Теперь мы знаем, кто он. И заодно кое-что еще.

— Прежде всего, — объявил Рамон Диас, — позвольте представить: Джон Сани, отныне больше не таинственный неизвестный.

Мы снова находились в визуализационной аппаратной и смотрели на очень сильно увеличенное подобие Сани, лежащее на столе в морге. Медэксперты предпочитали показывать оперативникам свою работу именно в таком виде — и гигиеничнее, и беспокойства меньше. Модель, выведенную сейчас Диасом на экран, можно было поворачивать и так и эдак, чтобы рассмотреть любую часть тела, которую эксперты сканировали или вскрыли. И никаких новых порезов — только давешняя рана на шее.

— Значит, навахо все-таки ответили, — заключила Ванн.

— Точно, — кивнул Диас. — Похоже, отправили данные примерно около полуночи по своему времени.

— Кто он? — спросил я.

— Насколько можно понять из переданной информации, практически никто, — ответил Диас. — В девятнадцать лет был осужден за пьяный дебош. Срока не получил — только общественные работы. Еще прислали свидетельство о рождении, страховку, выписки из медкарты, ведомости

об успеваемости из средней школы до десятого класса.

— И как с оценками? — спросила Ванн.

— Тот факт, что он доучился только до десятого класса, говорит сам за себя.

— Ни водительских прав, ни других удостоверений личности? — спросил я.

— Нет, — сказал Диас.

— Что еще? — спросила Ванн.

— Ему был тридцать один год, здоровье так себе — изменение печени, больное сердце, начальные признаки диабета, что не слишком удивительно для человека с индейскими генами. Не хватает нескольких коренных зубов. Да, и рана на шее признана самонанесенной. Он порезал себя сам тем осколком бутылки, который вы нашли.

— Это все? — спросил я.

— Нет, — улыбнулся Диас, — не все. Есть еще кое-что, как мне кажется, для вас особенно интересное.

— Диас, хватит нагнетать, — посоветовала Ванн. — Показывай.

— Медики сделали рентгенограмму его черепа перед тем, как извлечь мозг, — сообщил Диас и вывел трехмерный скан на голову Сани. — Скажите, что вы видите.

— Святые угодники, — потрясенно выговорил я.

— Ну надо же, — после секундной паузы сказала Ванн.

На рентгенограмме виднелась сеть тянувшихся через весь мозг тонких завитков и спиралек, которые сходились в пяти узлах, радиально распределяясь по всей внутренней поверхности черепа; причем сами узлы соединялись между собой сложной сеткой связей.

Иными словами, это была искусственная нейронная сеть, предназначенная для сбора и передачи информации от мозга, показанная в мельчайших деталях. Подобные схемы имели только две категории людей. Я принадлежал к одной из них, Ванн — ко второй.

— Этот чувак — интегратор, — заключил я.

— Что известно о его мозговой структуре? — спросила Ванн у Диаса.

— Из отчета экспертов следует, что она соответствует тому, что мы наблюдаем у больных синдромом Хаден. Это подтверждается записями в его медицинской карте, где сказано, что в детстве он перенес менингит, который мог быть следствием вируса. Структура его мозга вполне может означать, что он интегратор.

— Шейн, — не отрывая взгляда от рентгенограммы, произнесла Ванн.

— Да?

— Что тут не так?

Я подумал с минуту, после чего наконец выдал:

— Этот парень не смог окончить среднюю школу.

— И что с того? — спросила Ванн.

— А то, что на интеграторов учат уже после университета. Им можно стать, только получив подходящую степень бакалавра, например по психологии. Вот вы какой курс окончили?

— Биологии. В Американском университете[9].

— Именно, — сказал я. — Вдобавок, чтобы тебя допустили в программу, нужно пройти кучу психологических и всяких других тестов. Это одна из причин, почему интеграторов так мало.

— Да, — поддакнула Ванн.

— А еще это дорого. Сам курс обучения.

— Не для того, кто учится. Все расходы покры-

---

[9] Примечания: 9
Частный гуманитарный университет в Вашингтоне.

вают НИЗ[10].

— Наверное, там очень разозлились на вас, когда вы ушли, — предположил я.

— Свои деньги от меня они получили с лихвой. Давайте вернемся к нашей теме.

— Хорошо. Значит, мы имеем вопрос: как парень, не окончивший среднюю школу, никак не засветившийся нигде за пределами Нации навахо и, стало быть, не прошедший курс подготовки интеграторов, смог обзавестись всеми этими проводами в голове? — я показал на рентгенограмму.

— Хороший вопрос, — похвалила Ванн. — Но не единственный. Что еще не так в нашей картине мира?

— А что в ней так?

— Я имела в виду конкретные детали.

— Зачем интегратору интегрироваться с другим интегратором?

— А точнее? — сказала Ванн.

— Я не знаю, как сформулировать еще точнее.

— Зачем интегратору интегрироваться с другим интегратором и приносить для этого гарнитуру?

---

[10] Примечания: 10

Национальные институты здоровья — правительственное учреждение США, отвечающее за исследования в области здравоохранения и биомедицины; состоит из нескольких институтов.

Пару секунд я бессмысленно пялился на нее. Затем до меня дошло.

— Точно, мать его, гарнитура!

— Именно, — заключила Ванн.

— Чуть не забыл, — сообщил мне Диас, — я залез в ту гарнитуру, как вы просили, чтобы поискать какую-нибудь полезную информацию на микросхемах процессора.

— И как? Нашли?

— Нет. В гарнитуре вообще не было микросхем.

— Если там нет микросхем, значит она не работает, — сказал я. — Это фальшивая гарнитура.

— Вот и я так решил, — подтвердил Диас.

Я повернулся к Ванн:

— Слушайте, какого черта здесь вообще происходит?

— В каком смысле? — спросила она.

— В том смысле, что происходит черт-те что. У нас два интегратора, один из которых никак не может быть интегратором, и фальшивая гарнитура. Бессмыслица.

— Отпечатки пальцев на гарнитуре обнаружили? — спросила Ванн у Диаса.

— Да. Они принадлежат Сани — не Беллу, — ответил тот.

— Получается, принес ее Сани. — Ванн снова посмотрела на меня. — И что из этого следует?

— Может, Белл не знал, что Сани — интегратор? — сказал я. — А Сани не хотел, чтобы он узнал.

— Правильно, — похвалила Ванн.

— Да, но остается вопрос: зачем? — спросил я. — Какой смысл Сани было убеждать Белла в том, что он просто «турист»? Тем более что с поддельной гарнитурой он бы даже не смог притвориться «туристом». Если только нет другого способа соединения одного интегратора с другим, о котором я не знаю.

— Нет такого способа, — сказала Ванн. — Если попытаться поместить одного интегратора в голову другого, возникает что-то типа нейронной петли обратной связи. Так можно зажарить мозги обоим.

— Как в «Сканнерах»?[11]

— В чем?

— Это старое кино. Про типов с психокинезом, — ответил я. — Они умели взрывать людям головы.

— Ну, снаружи это не столь драматично, —

---

[11] Примечания: 11
Фильм ужасов режиссера Дэвида Кроненберга.

улыбнулась Ванн. — Но внутри едва ли приятно. И так или иначе, это блокируется на сетевом уровне.

— То есть никакой связи, — сказал я. — Плюс самоубийство во всей красе.

Ванн промолчала, потом спросила после небольшой паузы:

— Сколько сейчас времени в Аризоне?

— У нас разница в два часа, значит там примерно полдевятого. Наверное. Они ведь в Аризоне мудрят с часовыми зонами.

— Вы должны сегодня же отправиться туда и кое с кем переговорить, — объявила Ванн.

— Я?

— Да, вы. Вы можете попасть туда за десять секунд, к тому же бесплатно.

— А ничего, что у меня там не будет тела?

— Вы не единственный хаден в штате ФБР, — напомнила Ванн. — Бюро держит запасные трилы во всех главных местных управлениях. Один припасен для вас в Финиксе. Он, конечно, не такой… изысканный, — она показала на мой трил, — но для дела сгодится.

— Навахо собираются сотрудничать с нами? — спросил я.

— Если мы скажем, что пытаемся расследовать

смерть одного из них, может, и соберутся, — сказала Ванн. — У меня в управлении в Финиксе приятель работает. Я узнаю, сможет ли он чем-нибудь помочь. Давайте отправим вас туда часиков в десять по их времени.

— А нельзя мне просто позвонить?

— Вам нужно рассказать родным, что их сын или отец мертв, а потом задать кучу личных вопросов. Так что нет. Просто позвонить не получится.

— Это будет моя первая поездка в Аризону, — сообщил я.

— Надеюсь, вы любите жару, — сказала Ванн.

В десять ноль-пять я обнаружил себя стоящим перед каким-то лысым в местном управлении ФБР в Финиксе.

— Агент Бересфорд? — спросил я.

— Черт, жуть какая, — буркнул тот. — Этот трил три года стоял в углу без движения, и тут — на тебе. Будто статуя ожила.

— Сюрприз! — радостно объявил я.

— Я хотел сказать, мы на него шляпы вешали.

— Простите, что лишил вас офисной мебели.

— Только на один день. Агент Шейн?

— Так точно.

— Тони Бересфорд. — Он протянул руку, и я

пожал ее. — Пользуясь случаем, хочу сказать, что никогда не прощу вашего отца за разгромную победу над «Санз» в Финале четырех.

— Ах, вы об этом, — протянул я — он говорил о папином втором кубке НБА. — Если мои слова вас утешат, то отец всегда говорил, что та серия была более напряженной, чем обычно.

— Очень мило с его стороны так врать, — вздохнул Бересфорд. — Пойдемте, познакомлю вас с Клахом.

Я попытался шагнуть — и не смог.

— Господи! — Ноги ни в какую не хотели идти.

— Что случилось? — Бересфорд остановился и повернулся ко мне.

— Вы не шутили, когда сказали, что эта штука не двигалась. Думаю, в нем что-то проржавело.

— Если вы подождете, я принесу вам банку смазки, — предложил Бересфорд.

— Хорошо. Только дайте секундочку. — Я запустил диагностическую систему трила. — Капец, это же «Метро курьер».

— Это плохо?

— «Метро курьер» для трилов — все равно что «форд-пинто»[12].

---

[12] Примечания: 12
Малолитражный автомобиль с очень плохой репутацией.

— Если хотите, мы могли бы арендовать для вас трил, — сказал Бересфорд. — Кажется, у «Энтерпрайзис» должно быть несколько в аэропорту. Только это займет уйму времени. Одни формуляры придется до конца дня заполнять.

— Ладно, обойдусь. — Диагностика показала, что трил исправен, что, в свою очередь, могло означать неисправность диагностики. — Попробую расходиться.

— Тогда идем. — Бересфорд отвернулся и пошел вперед, я заковылял следом.

— Агент Крис Шейн, офицер Клах Редхаус, — представил меня Бересфорд молодому человеку в форме, когда мы зашли в приемную. — Учился в Университете Северной Аризоны вместе с моим сыном. Вам повезло, что Клах приехал в Финикс по делам племени, а то пришлось бы топать пешком до Уиндоу-Рок, а это двести восемьдесят пять миль.

— Очень приятно, — сказал я и протянул руку.

Редхаус пожал ее и улыбнулся.

— Нечасто знакомлюсь с хаденами, — сказал он, — а уж агента ФБР из ваших вообще первый раз встречаю.

— Все когда-то бывает в первый раз, — глубокомысленно промолвил я.

— Вы хромаете?

— Детская травма, — сообщил я и добавил через секунду: — Это шутка.

— Я понял. Идемте, машина припаркована снаружи.

— Один момент, — сказал я и обратился к Бересфорду: — Возможно, мне этот трил понадобится на некоторое время.

— У нас он только пыль собирает, — сказал тот.

— Значит, ничего, если я оставлю его в Уиндоу-Рок ненадолго?

— Это как там народ решит, — заметил Бересфорд. — Наша официальная политика — уважать их суверенитет, поэтому, если они захотят, чтобы вы убрались, когда закончите дела, направляйтесь в наше управление во Флагстаффе. Я предупрежу их, что вы можете там появиться. Или закажите номер в отеле. Может, кто-нибудь сдаст вам чулан с розеткой.

— А что, есть проблемы? — спросил я. — Я не слишком сведущ в нюансах отношений между ФБР и навахо.

— Пока никаких проблем нет, — заверил Бересфорд. — В последнее время мы прекрасно сотрудничали, к тому же вас отвезет Клах, значит

с вами тоже проблем нет. А вот насчет остального — кто знает. Лет двадцать назад правительство Соединенных Штатов дало навахо и многим другим коренным американским народам почти полную автономию, когда урезало Бюро по делам индейцев и Индейскую службу здравоохранения. Зато теперь у нас есть оправдание, чтобы игнорировать их самих и их проблемы.

— Вот как, — выговорил я.

— Черт, Шейн, у вас-то точно есть повод сопереживать им, — сказал Бересфорд. — Наше правительство только что перекрыло кислород хаденам, не так ли? Выходит, вы теперь почти как навахо.

— Я не совсем уверен, что такое сравнение всем понравится, — дипломатично заметил я.

— Разумно, — согласился Бересфорд. — Навахо на две сотни лет раньше попали в категорию «нас трахнуло правительство США». Им может не понравиться сравнение с новичками, только что запрыгнувшими в этот вагон. Зато теперь вы, вероятно, понимаете, отчего некоторые из них могут не очень хорошо отнестись к федеральному агенту с его расспросами. Поэтому будьте вежливы, уважительны и, если вам скажут уходить, — уходите.

— Понял.

— Отлично. А теперь идите. Клах — хороший парень. Не стоит заставлять его ждать.

Глава 10

Поездка до Уиндоу-Рок заняла четыре с половиной часа. Мы с Редхаусом то болтали на безобидные темы, то подолгу молчали. С явным интересом слушая мои истории о путешествиях с отцом по всему миру, он заметил, что сам путешествовал гораздо меньше и не так далеко.

— Я и побывал-то всего в четырех штатах, с которыми граничит Нация навахо, — сказал он. — И надолго ее покидал, только когда учился в колледже во Флагстаффе. А так почти все время здесь.

— А вы хотели поехать куда-нибудь?

— Конечно. В детстве все только и мечтают уехать из дома.

— Почти уверен, что так и есть, — поддакнул я.

— Я-то знаю, — улыбнулся Редхаус. — Но сейчас мне уже не хочется этого так сильно. Я стал старше, сильнее полюбил свою семью. У меня невеста. И работа.

— Вы всегда хотели быть полицейским?

— Нет, — ответил он и снова улыбнулся. — В колледже я учился на программиста.

— Какой неожиданный поворот.

— Незадолго до того, как я собрался в колледж,

наш местный совет решил вложить деньги в огромный серверный комплекс рядом с Уиндоу-Рок. Он должен был обслуживать навахо и другие индейские народы, а также использоваться правительствами соседних штатов и даже федеральным правительством для обработки и хранения несекретной информации. Он бы обеспечил работой сотни навахо и принес в Уиндоу-Рок миллионы долларов. Солнечная энергетика и нулевые выбросы. Поэтому в колледже я решил учиться на программиста, чтобы получить работу дома. На сайте «Флагстафф ньюс» даже появилась статья обо мне и моих однокурсниках по Университету Северной Аризоны. Там нас назвали «силиконовые навахо», хотя мне лично это не очень понравилось.

— И что произошло?

— Мы построили комплекс, но никаких контрактов ни от штата, ни от правительства так и не поступило. Нам рассказали про урезание бюджета, реорганизацию и расстановку приоритетов, про новых губернаторов и грядущих президентов. И вот теперь у нас ультрасовременный центр, построенный по последнему слову науки, который используется на три процента. А на три процента много персонала не надо. Поэто-

му я пошел в академию и стал полицейским.

— Мне жаль, что так обернулось, — сказал я.

— На самом деле все неплохо. В нашей семье до меня уже были полицейские, так что, можно сказать, это теперь наша традиция. К тому же я делаю что-то хорошее, а это немало. Но если бы я знал, что мой диплом окажется бесполезным, я бы не брал столько лекций с восьми утра. А вы всегда хотели стать агентом ФБР?

— Я хотел стать экспертом-криминалистом, но, увы, диплом у меня по английской филологии.

— Ясно, — сказал Редхаус. — В общем, мы увидим серверный комплекс, когда будем подъезжать. Посмóтрите, как выглядит вживую упущенная возможность.

Часом позже, на южной окраине Уиндоу-Рок, мы поехали вдоль большого, ничем не примечательного здания, с трех сторон окруженного солнечными батареями.

— Это оно? — предположил я.

— Точно. Одно хорошо — нам не надо столько солнечной энергии, сколько у нас есть, поэтому мы продаем ее в Аризону и Нью-Мексико.

— Хоть какая-то прибыль.

— Я бы не назвал это прибылью, — сказал Редхаус. — Просто наши компьютеры высасывают

из нас деньги медленнее. Моя мама работает в Совете. Она говорит, что это продлится еще пару лет, не больше.

— А что будет со зданием?

— Это, как говорится, большой вопрос, агент Шейн. — Редхаус выпрямился, нажал кнопку на приборной доске и перешел на ручное управление. — Теперь давайте зарегистрируем вас в участке, а потом сможете встретиться с семьей Джонни Сани. Наверное, мой капитан захочет, чтобы вас сопровождал полицейский. Это вам не помешает?

— Вряд ли.

— Вот и хорошо, — кивнул Редхаус.

— Сопровождать будете вы?

— Возможно. — И он снова улыбнулся.

Семья Сани жила в ухоженном сдвоенном трейлере среди довольно-таки запущенного трейлерного парка на окраине Сомилла. Семья состояла из бабушки и сестры. Обе сидели на тахте и молча смотрели на меня.

— С чего ему убивать себя? — спросила меня его сестра Джейнис.

— Не знаю, — ответил я. — Я надеялся, вы поможете мне это понять.

— Как он это сделал? — спросила бабушка Май.

— Шимасани, может, тебе не стоит слышать про это? — сказала Джейнис.

— Стоит, — с усилием выговорила Май.

Я посмотрел на Редхауса. Он стоял рядом со стулом, где сидел я, и держал в руках предложенный ему стакан чая. Мне тоже предложили чай. Мой стакан стоял на столе между мной и родственниками Сани.

Редхаус кивнул мне.

— Он перерезал себе горло, — сказал я.

Май сверкнула на меня злобным взглядом, но промолчала. Джейнис держала бабушку за руку и смотрела на меня совершенно безучастно. Я выждал пару минут и заговорил:

— Из нашей картотеки следует… в общем, если честно, у нас вообще нет никаких данных на Джона.

— Джонни, — поправила Джейнис.

— Простите. Все данные на Джонни, которые мы имеем, пришли отсюда, из Нации навахо. Поэтому наш первый вопрос: почему так случилось?

— До прошлого года Джонни никогда не уезжал отсюда, — сказала Джейнис.

— Ясно, — ответил я. — И все-таки почему?

— Джонни был немного заторможенный, —

сказала Джейнис. — В тринадцать лет мы отвели его к доктору. Тот сказал, что у Джонни ай-кью семьдесят девять или восемьдесят. Чтобы что-то понять, Джонни требовалось очень много усилий и времени. Мы оставляли его в школе сколько могли, чтобы он мог общаться с друзьями, но он не успевал за остальными, потом совсем перестал туда ходить, а мы не принуждали.

— Он не всегда был таким, — поправила Май. — Малышом он был очень смышленым. Но в пять лет заболел. И потом уже не был прежним.

— У него был синдром клетки?

— Нет! — воскликнула Май. — Он не был калекой. — Она замолчала, видимо осознав свою оплошность. — Простите.

Я поднял руку:

— Ничего страшного, все в порядке. Иногда люди заражаются синдромом Хаден, но не становятся запертыми. Хотя вирус все-таки может навредить. Вы сказали, он заболел. Как это проявлялось? У него был жар? А потом начался менингит?

— У него мозг раздулся, — сказала Май.

— Значит, менингит. Мы просканировали его мозг после его гибели, и выяснилось, что структура мозга такая же, как у хаденов. Но мы

обнаружили и кое-что еще. В его голове оказалось то, что мы называем нейронной сетью.

Джейнис с недоумением посмотрела на Редхауса.

— Это такая аппаратура, — пояснил тот. — Позволяет отправлять и получать информацию.

— В моей голове дома она тоже есть, — сказал я и постучал по виску своего трила. — Это позволяет мне управлять этой аппаратурой отсюда, чтобы я мог находиться здесь, с вами.

Май и Джейнис казались сбитыми с толку.

— Но у Джонни ничего такого в голове не было, — наконец произнесла Май.

— Простите, если я бестактен, но вы совершенно в этом уверены? — спросил я. — Нейронную сеть нельзя поместить в голову случайно. Она вставляется специально для приема и передачи сигналов мозга.

— Он жил со мной всю жизнь, — сказала Май. — Он жил тут с его матерью и Джейнис, потом его мать умерла, и я заботилась о нем. Тут с ним такого не могло случиться.

— Значит, ее установили после того, как Джонни уехал, — заключил Редхаус.

— Кстати, — заметил я, — а почему Джонни вдруг решил уехать, если раньше никогда не

покидал Нации навахо?

— Он нашел работу, — ответила Джейнис.

— Какую?

— Он говорил, что помощника-референта.

— У кого?

— Я не знаю.

— Джонни подговорил одного друга, чтобы тот отвел его в этот новый компьютерный дом в Уиндоу-Рок, — сказала Май. — Он слышал, что им там нужен уборщик, а это он умел делать. Он очень хотел помогать мне. Пошел туда и спросил про работу, а потом на следующий день ему велели снова прийти. И когда он вернулся в тот вечер, то дал мне тысячу долларов и сказал, мол, это половина его первой зарплаты на новой работе.

— На месте уборщика? — уточнил Редхаус.

— Нет, на другом, — поправила Май. — Он сказал, что, когда пришел туда, его спросили, не хочет ли он другую работу, где больше платят и можно путешествовать. Все, что нужно делать, — это выполнять разные поручения своего начальника. Он сказал, это что-то вроде старшего слуги.

— Значит, он уехал, — резюмировал я. — И что потом?

— Каждую неделю мы получали от Джонни

перевод, — сказала Май, — и он иногда звонил. Он просил меня переехать в какое-нибудь хорошее место и купить новые вещи, вот мы сюда и перебрались. А несколько месяцев назад он вдруг перестал звонить, но деньги исправно приходили, поэтому я не слишком беспокоилась.

— Когда был последний перевод?

— Два дня назад, — ответила Джейнис. — Я забираю бабушкину почту.

— Вы не против, если я взгляну на него?

Женщины замялись.

— Агент Шейн не собирается использовать его как улику, — пояснил Редхаус. — Просто на нем может быть что-то важное.

Джейнис встала и пошла за переводом.

— Джонни когда-нибудь говорил, на кого работает? — спросил я у Май.

— Он сказал, что его босс не любит огласки, — ответила Май. — Я не хотела, чтобы мальчик потерял работу, поэтому не расспрашивала.

— Ему нравилось то, что он делал? — спросил я; в этот момент подошла Джейнис и протянула мне перевод; я быстро просканировал его с одной стороны, потом с другой и вернул ей с благодарностью.

— Вроде бы нравилось, — сказала Май. — Он

никогда не говорил о работе ничего плохого.

— Он так обрадовался возможности путешествовать, — снова усаживаясь, сообщила Джейнис. — В первую пару звонков говорил, что побывал в Калифорнии и Вашингтоне.

— В штате Вашингтон или в столице? — уточнил Редхаус.

— В столице, кажется, — сказала Джейнис.

— Но потом Джонни сказал, что босс не хочет, чтобы он рассказывал, где был, и больше он ничего про это не говорил, — добавила Май.

— Когда он звонил последний раз, он сказал что-нибудь необычное? Ничего не показалось вам странным? — спросил я.

— Нет, — покачала головой Май. — Сказал, что неважно себя чувствует… нет. Сказал, его кое-что беспокоит.

— Беспокоит? Что?

— Какое-то испытание? — предположила Май. — Ему надо было что-то сделать, поэтому он нервничал. Точно не помню.

— Ничего страшного, — поспешил успокоить я.

— Когда мы его увидим? — спросила Джейнис. — То есть я хотела сказать, когда его привезут домой?

— Не знаю, но могу уточнить, — предложил я.

— Его нужно похоронить здесь, — сказала Май.

— Я сделаю все, что в моих силах, обещаю, — заверил я.

Женщины безучастно посмотрели на меня.

— Они довольно спокойно восприняли новость, — заметил я, когда мы с Редхаусом вышли из трейлера и направились к машине.

— Некоторые из нас стараются сильно не выражать своих чувств перед лицом смерти, — сказал он. — Считается, что, если продолжать горевать, дух умершего может не освободиться и не уйти дальше.

— Вы в это верите?

— Не важно, верю я или нет, — ответил Редхаус.

— Справедливо, — согласился я.

— На переводе что-нибудь удалось найти?

— Серийный номер и код отправителя. Хотите узнать их?

— Я бы не возражал. Только вот сомневаюсь, понравится ли ФБР то, что вы делитесь информацией.

— Думаю, моя напарница сказала бы, что поделиться информацией с местной полицией — это наш долг вежливости, если только у тебя нет неприязни к данному конкретному копу.

— Интересная у вас напарница, — заметил Клах.

— Что правда, то правда, — подтвердил я, садясь в машину. — Поехали к серверному парку.

— Джонни Сани, — задумчиво проговорил Лорен Бегэй, глава службы персонала Вычислительного центра Уиндоу-Рок и по совместительству глава нескольких других отделов, включая отделы продаж и санитарно-технический. — как уже уведомил Редхаус, штат в ВЦУР был сокращен до минимума. — Мы вместе ходили в школу. Какое-то время.

— Меня интересует нечто более приближенное по времени, — напомнил я. — От его семьи мы узнали, что в прошлом году он пытался устроиться сюда на работу.

— Да. Мне пришлось уволить одного уборщика за сон на работе. Нужен был кто-то на ночные смены. Джонни претендовал на это место, а с ним еще шестьдесят человек. Я взял сестру уволенного.

— Родные Джонни Сани утверждают, будто вы вызвали его на следующий день и предложили другую работу, — сказал Редхаус.

— Я не вызывал его, — ответил Бегэй.

— В самом деле? — усомнился я.

— С какой стати мне было его звать? Он же страшный тугодум. Даже заявление о приеме едва смог заполнить.

— Чтобы махать метлой, не нужно быть образованным, — заметил Редхаус.

— Согласен, но если у человека не все дома, для этого места он не подходит. Пусть мы работаем и не в полную мощность, но клиенты у нас есть.

— А кто ваши клиенты, мистер Бегэй? — поинтересовался я.

Он посмотрел на Редхауса.

— Все в порядке, — заверил тот.

Насчет порядка Бегэй явно сомневался, но все же ответил:

— Все правительственные учреждения Нации навахо и некоторых других народов со всей страны. Кроме того, ряд частных клиентов, в основном местных бизнесменов или тех, кто ведет бизнес здесь. Самый крупный из них — «Медикорд».

— Что за «Медикорд»? — спросил я.

— Компания по предоставлению медицинских услуг, — сказал Бегэй. — Ее наняли, чтобы обеспечивать медицинское обслуживание на нашей территории. Они работают здесь уже шесть или семь лет.

— Я помню, как они пришли, — сказал Ред-

хаус. — За эксклюзивный контракт обещали обучить и продвигать по службе медперсонал из навахо.

— Ну и как? Обучили? — спросил я.

Редхаус пожал плечами.

— Это контролируемая правительством конфиденциальная информация, поэтому «Медикорд» держит все данные по навахо только здесь, не подключаясь к остальной своей сети, — сообщил Бегэй.

— Кто-нибудь еще мог бы использовать эти мощности? — спросил я.

— Хотелось бы. У нас есть офисные площади, и можно неплохо зарабатывать. Но — увы.

— А какая-нибудь частная компания посылает сюда своих представителей или айтишников?

— Если у компаний, с которыми мы работаем, есть IT-отдел, они едва ли нуждаются в наших услугах. Так или иначе, но они здесь не появлялись. На свои серверы с данными они могут заходить удаленно при помощи стандартного софта. Мы лишь выступаем в качестве хоста и делаем резервное копирование, на случай если их компьютерщики сотворят какую-нибудь глупость. А это бывает.

— Кто-нибудь может взломать вашу систе-

му? — спросил я.

— Я бы ответил «нет», но вы хаден и, значит, кое-что в этом смыслите, — сказал Бегэй. — Поэтому отвечу так: все, что так или иначе связано с внешним миром, можно хакнуть. Поэтому все данные Нации навахо должны храниться на серверах, доступных только с наших компьютеров, оборудованных GPS или двухсторонней аутентификацией либо тем и другим.

— Включая данные этого самого «Медикорда»? — уточнил я.

— Да, — ответил Бегэй. — А почему вы спрашиваете про Джонни Сани?

— Он мертв, — сказал я.

— Очень жаль. Хороший был парень.

— Мне показалось, вы назвали его тугодумом.

— Он и был тугодум, — сказал Бегэй. — Но это не мешало ему быть хорошим парнем.

— По ходу, дерьма все прибывает, — заметила Ванн.

В Вашингтоне было половина восьмого, и, судя по заглушающему ее слова шуму, Ванн опять торчала в баре и, как в прошлый вечер, пыталась склеить кого-нибудь на ночь. Я же сидел за ничейным столом в полицейском участке Уиндоу-Рок и разговаривал с ней внутренним голосом.

— На данный момент у нас два решения на выбор, — сообщил я. — Либо нам придется поверить в то, что парень, не способный получить даже место подметальщика, на самом деле гений-интегратор, как-то заманивший Николаса Белла в номер отеля, притворившись любопытным «туристом» в поисках трила, либо в то, что некие злоумышленники обманом выманили этого несчастного сукина сына из дома, имплантировали ему в голову нейронную сеть, а потом убедили выполнять их план, в который каким-то образом замешан Белл.

— А еще заставили совершить самоубийство, — напомнила Ванн. — Не забывайте об этом.

— Как я могу забыть? Я же сегодня говорил с его семьей.

— Ладно, теперь о приятном: я уговорила одного судью дать нам ордер на досье Белла и Керни, — похвасталась Ванн.

— И?

— Досье Белла не открыло ничего, чего бы мы и так уже не знали. Он только что, а точнее, прямо сегодня подписал долгосрочный контракт с Лукасом Хаббардом. Когда он не связан с Хаббардом, он всегда нарасхват в кругу обеспеченных хаденов. И плюс ко всему время от времени он

выполняет сдельную работу для НИЗ, как почти все другие интеграторы. Правда, только до следующего понедельника, когда закон Абрамса—Кеттеринг вступит в силу и похоронит эту маленькую программу.

— А что насчет Керни?

— У него тоже есть долгосрочный контракт, и не с кем иным, как с Самуэлем Шварцем, главным юрисконсультом «Акселеранта».

— Это проясняет вчерашний вечер, — заметил я.

— Не поняла.

— Хаббард и Шварц вчера были на небольшом званом приеме у моего отца. Хаббард — в шкуре Белла, а Шварц — в какой-то женщине-интеграторе. Сказал, что его обычный интегратор получил предварительный заказ.

— Ага — взорвать «Лаудон фарма», — хмыкнула Белл. — Что за женщина-интегратор?

— Не знаю. Вы же понимаете, что спрашивать о таком невежливо.

— Пройдитесь по спискам вашингтонских интеграторов и найдите ее.

— Значит, Белл с Хаббардом и Керни со Шварцем, — проговорил я.

— И что с того?

— Не странное ли совпадение?

— В чем? В том, что два интегратора, вовлеченные в какую-то загадочную хрень, работают на двух самых влиятельных людей одной и той же корпорации?

— Именно, — подтвердил я.

— Честно? — спросила она. — Странное. Вот только есть один нюанс. Во всем мире работает десять тысяч интеграторов. Тысячи две — в США. Так что вряд ли многие из них пересекаются. На весь Вашингтон их, наверное, человек двадцать, в то время как хаденов не меньше ста тысяч, потому что хадены стремятся в крупные города, где можно заработать. Получается, один интегратор на пять тысяч хаденов. Вас ждет еще много подобных совпадений.

— Возможно, — сказал я.

— Непременно, — поправила Ванн. — Если вы хотите найти связь, то нужно больше информации.

— Хорошо, вот вам еще одна зацепка, — не сдавался я. — «Медикорд».

— Это еще что?

— Компания по оказанию медицинской помощи и услуг в сфере здравоохранения. Имеет контракты здесь, в Нации навахо.

— Понятно, — сказала Ванн. — И что с того?

— «Медикорд» — это часть «Фор корнерс блю кросс». Угадайте, кому принадлежит «Фор корнерс».

— Если вы скажете «Акселеранту», то сделаете меня несчастной, — предупредила Ванн.

— Выпейте еще стаканчик, — посоветовал я.

— Я себя контролирую, — заверила она. — Хочу еще что-то чувствовать ближе к ночи.

— Слишком уж много ниточек ведет к Хаббарду, Шварцу и «Акселеранту». Слишком много совпадений у нас нагромоздилось. Представляете, Шварц вдобавок еще и адвокат Белла.

— Хорошо, но позвольте повторить это снова: если вы хотите предположить, что Шварц как-то замешан во взрыве «Лаудон фарма», одного контракта с интегратором для этого недостаточно. И вы забываете о том, что во время теракта Шварц был на приеме с одним из самых знаменитых людей на этой планете, а еще с неким агентом ФБР. И если этого агента притащить в суд, то он волей-неволей признает, что видел Шварца именно там. Шейн, вы — алиби Шварца.

— Что да, то да, — согласился я.

— Плюс к тому Байер действительно был клиентом Керни. Байер нанимал его трижды за

последние два года. Это доказательство личной связи.

— Да, не все мои идеи блестящи, — признал я.

— Шейн, по-моему, вам надо отдохнуть, — посоветовала Ванн. — Вы и так сделали уйму всего за сегодняшний день. Когда вы возвращаетесь?

— Уже заканчиваю. Полиция Уиндоу-Рок разрешила мне припарковать здесь мой одолженный трил на пару дней на случай, если надо будет вернуться. А когда все улажу, хочу еще попытаться заглянуть в тот дом, где недавно снял комнату.

— Далась вам она, — проворчала Ванн. — Ладно, валяйте. Спокойной ночи, Шейн.

— Погодите, — попросил я.

— Разговор с вами ломает план моих вечерних развлечений, — предупредила Ванн.

— Джонни Сани.

— И что?

— Семья хочет, чтобы им вернули тело.

— Когда мы закончим с ним, пусть забирают. ФБР с ними свяжется и уточнит детали пересылки.

— Не думаю, что у бабушки и сестры Сани есть деньги на пересылку, — сказал я.

— Даже не знаю, что вам на это ответить, Шейн.

— Хорошо, я им сообщу. — Я отключился и снова перешел на внешний голос, обратившись к Редхаусу: — Я здесь почти закончил.

— Этот стол все равно никто не использует, — напомнил Редхаус, указывая на место, где я сидел, — так что если надо подзарядиться, вон там, в полу, розетка. Капитан просил передать вам, чтобы вы предупреждали нас заранее, когда решите заглянуть, а в остальном — милости просим хоть на несколько дней.

— Огромное спасибо!

— Вы говорили насчет тела Сани?

— Да. Когда мы закончим с экспертизой, я дам вам один контакт в Вашингтоне, чтобы решить все вопросы по пересылке.

— Это обойдется недешево, — заметил Редхаус.

— Когда выяснится, сколько именно, свяжитесь со мной. Я все улажу.

— А как я им скажу о том, кто поможет?

— Скажите, анонимный друг, — посоветовал я.

Глава 11

От станции метро «Истерн маркет» я прошел пешком до угла Пенсильвания-авеню и Шестой, где вдруг услышал голоса, доносящиеся со стороны Сьюард-сквер. Голоса были молодые, пьяные и почти наверняка принадлежали каким-нибудь идиотам, которые куражились друг перед другом.

Само по себе это обстоятельство меня ничуть не заинтересовало. Тупоголовые пьяные юнцы — непременный атрибут любого большого города, особенно по вечерам. Мое внимание привлек еще один голос — женский, и не слишком довольный. Группа пьяных парней, одинокая молодая женщина — расклад тревожный. Поэтому я решительно направился по Пенсильвания-авеню к Сьюард-сквер.

Я нагнал их возле небольшой дорожки, пересекающей газон от Пенсильвания до Пятой. Четверо хлыщей стояли вокруг кого-то, кто, как я понял, и был той самой женщиной. Подойдя ближе, я увидел, что она еще и хаден.

Это слегка меняло ситуацию, а также означало, что парни были еще более пьяными или еще

более тупыми, чем я предполагал. А может, это в них сочеталось.

Женщина пыталась вырваться из кольца, но когда ей это удавалось, все четверо тут же смыкали круг снова. Их намерения были непонятны, но отпускать свою пленницу они явно не собирались.

Когда она опять вырвалась и ее опять окружили, я заметил у одного из парней алюминиевую биту.

Ничего хорошего это не предвещало.

Поэтому я подошел к ним, стараясь издавать как можно меньше механических шумов.

Один из них засек мое приближение, и вскоре уже все четверо пялились на меня, по-прежнему не выпуская женщину из кольца. Тот, что держал биту, легонько покачивал ее в руках.

— Привет! — поздоровался я. — Решили в софтбол поиграть на ночь глядя?

— Шел бы ты отсюда подобру-поздорову, — посоветовал мне один.

Это явно должно было быть угрозой, но из уст вдрызг пьяного она прозвучала как угроза вдрызг пьяного, то есть вовсе не как угроза.

— Я бы пошел, да вот хочу проверить, что с вашей подружкой, — сообщил я и указал на женщину в центре круга. — С вами все в порядке?

— Не совсем, — ответила та.

— Ладно. — Я по очереди оглядел всех четверых, задержав взгляд на каждом, чтобы отсканировать лица, и отправил данные в базу ФБР для идентификации. — У меня есть предложение. Почему бы вам не отпустить ее, а потом мы с вами поговорим о том, о чем у вас намечался разговор с ней. Будет весело. Я даже проставлю вам по кружечке.

«Потому что вам пора принять еще по одной», — мысленно добавил я, но вслух не сказал. Я старался казаться дружелюбным и говорил мирным тоном, почти не сомневаясь, что это не поможет, но попытаться все равно стоило.

Не помогло.

— Вали отсюда, жестянка гребаная, — буркнул другой парень.

Он был в хламину, как и первый, поэтому с угрозой тоже вышел облом.

Я решил попробовать косвенную мотивацию:

— Терри Ольсон.

— Что? — тормознул парень.

— Ваше имя Терри Ольсен, — сказал я и ткнул пальцем на следующего. — Берни Клей. Уэйн Гловер. И Дэниэл Линч. — я указал на того, что держал биту. — Хотя спорю на двадцатку, что дру-

зья зовут вас Дэнни. А ваша фамилия в данный момент — само воплощение иронии.

— Да откуда ты знаешь, кто мы… — начал Терри.

— Заткнись, Терри, — буркнул Линч, тем самым бесповоротно подтвердив личность по крайней мере одного из четырех.

Эти ребята — точно гении.

— Он прав, Терри, — подтвердил я. — У вас и в самом деле есть право хранить молчание, и им, возможно, стоит воспользоваться. А в ответ на ваш вопрос скажу: я знаю, кто вы, потому что всего минуту назад просканировал ваши лица, подключился к одной базе данных и сразу получил информацию на вас. Вы спросите, что это за база данных? ФБР. А подключился я к ней, потому что я работаю в ФБР. Я — агент Крис Шейн.

— Брехня, — определил Линч.

— Я пытался быть вежливым с вами, — не обращая на него внимания, продолжил я, — но по-хорошему вы, видно, не понимаете. Значит, попробуем по-другому. Пока мы тут стоим и мило беседуем, я уже направил вызов столичной полиции. Полагаю, вы не знали, что ближайший участок находится всего в двух кварталах отсюда, иначе не вели бы себя как недоумки и

не избивали кого-то битой прямо под носом у полицейских. В общем, вы отпускаете ее прямо сейчас, — я указал на женщину, — и она остается со мной, а вы все четверо мирно идете по домам. Потому что, если вы все еще будете здесь, когда прибудут копы, по крайней мере один из вас огребет за употребление спиртного, будучи несовершеннолетним. Берни, это я о вас. Дэнни, а в вашем списке обвинение в нападении. Так что копам будет чем поживиться.

Трое нерешительно посмотрели на меня. Четвертый, Линч, казалось, еще раздумывал.

— Вижу, один из вас считает, что может без особых последствий для себя напасть на трила, — заметил я. — Раз так, позвольте напомнить, что по закону округа Колумбия преступления против трилов расцениваются как преступления против людей. Так что все вы пойдете по статье за разбойное нападение. Вдобавок, поскольку совершенно очевидно, что вы угрожаете этой особе лишь потому, что она хаден, вам светит обвинение в преступлении на почве ненависти. Так что подумайте как следует. А пока вы думаете, примите во внимание то, что я записывал наше с вами чудесное общение с самой первой минуты и эта запись уже на серверах ФБР. Пока все, что я

имею, — это четверо пьяных обалдуев. Давайте не будем усугублять.

Терри Ольсон и Берни Клэй отступили, женщина пошла ко мне, а как только она миновала окружавшее ее кольцо, Линч крякнул и замахнулся битой над ее головой.

В ту же секунду я всадил в него разряд, потому что все это время держал за спиной уже наведенный служебный шокер, а его выбрал целью. Оставалось лишь выстрелить, когда мой внутренний прицел станет красным. Едва подойдя к ним, я сразу пометил Линча как «не слишком благонадежного в долгосрочной перспективе», ведь только этот идиот таскал с собой биту. Он и был у них заводилой, а остальные — просто его захмелевшими подручными.

Линч застыл, а потом грохнулся оземь и забился в судорогах, изрыгая блевотину. Трое его дружков кинулись наутек. Женщина опустилась рядом с Линчем на колени, проверила пульс, пощупала голову.

— Что вы делаете? — спросил я.

— Удостоверяюсь в том, что он не захлебнется собственной рвотой, — ответила она.

— Вы что, врач?

— Как ни странно, да.

— А вы можете удостоверяться, пока я надеваю ему наручники?

Она кивнула, я нацепил на Линча браслеты и объявил:

— Отлично! А теперь самое время действительно вызвать полицию.

— А вы еще не вызвали? — глянув на меня, спросила женщина.

— Я собирал их данные по базе и целился в этого засранца. Это требует времени. Простите за вопрос, но почему вы сами не вызвали полицию?

— Они казались безвредными пьянчужками, — сказала она. — Подошли сзади, я даже не обратила внимания, пока они не заговорили со мной. Я и не думала, что они опасны, а потом этот мерзавец вдруг начал спрашивать, как далеко, по-моему, улетит моя голова, если он ударит по ней битой.

— Искренне надеюсь, что вы это хотя бы записали.

— Записала. И сказала им об этом. Они только рассмеялись.

— Да, мозгами наш мистер Линч явно обделен, — сказал я. — Либо он решил, что запись все равно не уцелеет, после того как он поиграет в

Бейба Рута[13] с вашей головой. Кстати, доктор, вы уже закончили осмотр пациента?

— Да. Жить будет. И кстати, спасибо.

— Пожалуйста, — сказал я и протянул руку. — Крис Шейн.

— Я знаю, кто вы, — пожав мне руку, сказала она.

— Мне уже доводилось такое слышать много раз.

— Не в этом дело. — она покачала головой. — Я Тайла Гивенс, ваша новая соседка.

Когда мы с Тайлой закончили общаться с подъехавшими копами, к нам подошла недавняя моя знакомая — детектив Тринх.

— Детектив Тринх! — воскликнул я. — Вот так неожиданность.

— Агент Шейн, — кивнула она. — Какой у вас интересный вечер.

— Просто феерический, — поддакнул я.

— Собираетесь из этого тоже федеральное дело завести?

— Едва ли, — ответил я. — В данном случае хаден живет в Вашингтоне, а значит, дело будет вести столичная полиция.

---

[13] Примечания: 13

Бейб Рут (1895–1948) — легендарный американский бейсболист.

— Мудрое решение, — похвалила Тринх.

— Хотите сами им заняться? — спросил я. — Мы ведь сейчас на территории первого участка, а мне казалось, вы работаете во втором.

— Работаю во втором, — подтвердила она. — Живу здесь. Как раз сидела в «Генрис» за бокальчиком, когда услышала сообщение по рации. Вот и решила прийти посмотреть, как вы тут.

— Уже все в порядке, — заметил я.

— А еще поболтать с вами.

— Пожалуйста.

— С глазу на глаз, — добавила Тринх.

— Хотите, мы отвезем вас домой? — предложил я Тайле.

— Отсюда до нашего дома меньше ста ярдов, — сказала она. — Думаю, я их как-нибудь осилю сама.

— Ладно, — согласился я.

— До скорой встречи, — сказала Тайла и ушла.

— Вы живете с ней? — спросила Тринх.

— Она — моя новая соседка по дому. Мы только что познакомились.

— Интересный способ знакомиться с новыми соседями. Ей повезло, что вы оказались рядом. Сегодня резко возросло количество нападений на хаденов.

— Интересно почему.

— Забастовка, грузовики на окружной, но вы, я уверена, об этом уже знаете. Когда изо дня в день стараешься усложнить людям жизнь, они в конце концов приходят в бешенство. А теперь, когда на марш в город съехались толпы ваших, мишеней для того, чтобы выплеснуть свою злость, хоть отбавляй. Открылся сезон охоты на трилов. На втором участке сегодня было пять нападений.

— И что вы об этом думаете?

— Буду счастлива, когда марш закончится и я смогу снова ловить с поличным студентов, справляющих малую нужду на тротуаре.

— Хм, — только и ответил я. — Детектив Тринх, о чем вы хотели со мной поговорить?

— Мне любопытно, что вы думаете о своем новом напарнике.

— Пока у нас все нормально.

— Вы же слышали о ее бывшей напарнице.

— Слышал. Ну и что?

— Ванн рассказывала о том, что с ней случилось?

— Я так понял, какой-то сбой с оружием.

— Можно и так сказать. Однако есть и другие версии.

— Например? — поинтересовался я.

— Например, что напарница Ванн предпочла пулю в живот дальнейшему общению с ней.

— Как-то уж слишком сурово.

— Отчаянные времена — отчаянные меры.

— Мне ничего об этом не известно, — сообщил я.

— Да, возможно, — сказала Тринх. — Но о том, что Ванн была интегратором, вы знаете.

— Об этом я слышал.

— Когда-нибудь задумывались над тем, почему она уволилась?

— Мы знакомы всего два дня, — заметил я, — один из которых я провел в другом часовом поясе. Так что нам не хватило времени поведать друг другу свои биографии.

— Уж вашу-то она знает досконально.

— Ничего удивительного. Ее знают все.

— Тогда разрешите мне просветить вас насчет ее богатой событиями жизни, — сказала Тринх. — Ушла Ванн, потому что просто не потянула эту работу. Правительство вбухало кучу денег, чтобы сделать из нее интегратора, а у нее, видите ли, фобия. Она боится уступать людям свое тело. Можете попросить ее — пусть расскажет про два своих последних интеграторских сеанса. Слухи о них весьма впечатляющи.

— О них я тоже не слышал.

— Это объясняет все ее так называемое «самолечение», если только вы не упустили из виду то, что она без конца курит, пьет и шляется по барам, выискивая кандидатов для перепихона.

— Я заметил, — сказал я.

— В этом плане она не слишком разборчива.

— В самом деле, — согласился я. — Вероятно, вы — тому доказательство.

— Мы никогда не трахались, если вы об этом, — улыбнулась Тринх. — Хотя не исключено, что Ванн трахалась со своей бывшей напарницей. Но, думаю, вам это не грозит.

— Тринх, у вас пунктик насчет хаденов? — спросил я. — Подобные шуточки не отпускают с бухты-барахты.

— Мне кажется, вы меня не поняли. Вам повезло в том, что вас она не будет трахать таким способом. Но непременно отыщет другой способ, уж будьте уверены.

— Понятно, — кивнул я. — Послушайте, Тринх, уже поздно, а у меня был трудный день. Поэтому, если вы наконец перейдете к истинной цели своего разговора со мной, я буду вам крайне признателен. При условии, разумеется, что вы не будете продолжать лить помои на мою новую

напарницу.

— Моей целью было предупредить вас, агент Шейн, — сказала Тринх. — Ванн умна, но не так умна, как о себе думает. Она хороший работник, но не настолько хороший, какой себя считает. Она много треплется о том, как следует поступать другим, но предпочитает смотреть сквозь пальцы на собственное дерьмо. Может, вы это уже заметили, а может, и нет. Но скажу вам как человек опытный в этих делах: если вы этого еще не заметили, то очень скоро заметите.

— То есть она — бомба с часовым механизмом, и мне лучше не находиться рядом, когда она взорвется, — подытожил я. — Просто клише из инструкции, да и только. Ясно.

Тринх подняла руки с выражением полнейшей невозмутимости.

— Может, я ошибаюсь, Шейн, — сказала она. — Может, я просто еще одна сучка, которой не повезло с ней сработаться, а вы с ней отлично поладите, и вам не придет в голову загонять себе пулю в живот и всякое такое. Если так — прекрасно. Искренне желаю вам обоим счастья. Но ведь я могу оказаться и права. И если так — присматривайте за своей напарницей, Шейн.

— Непременно, — пообещал я.

— Вокруг хаденов затевается что-то странное, и пахнет оно скверно, — сказала Тринх. — Сначала эта таинственная смерть в «Уотергейте», теперь взрыв на «Лаудон фарма», который, я знаю, вы тоже расследуете. Если вы с ней действительно нащупали что-то по-настоящему крупное, вам совсем не нужно, чтобы она вдруг съехала с катушек. Когда она пойдет на дно, она и вас потянет за собой, хотите вы этого или нет.

— Еще одно клише, — произнес я.

— Пусть клише, — кивнула Тринх. — С другой стороны, вы ведь у нас один из самых знаменитых хаденов. По крайней мере, в прошлом. Но тем не менее в наличии еще достаточно знаменитых, чтобы люди назвали вас штрейкбрехером за ваш недавний выход на работу во время забастовки. Как это будет выглядеть, если вы накосячите из-за Ванн? Как это будет выглядеть для вашего отца, будущего сенатора от Виргинии?

Я промолчал. А что тут скажешь?

— Я лишь хотела, чтобы вы задумались, Шейн, — заключила Тринх. — А уж вам решать, прислушаться к этому совету или нет. Спокойной ночи. Надеюсь, сегодня вам больше никого не придется спасать. — С этими словами она повернулась и пошла к машине.

В моем новом доме меня ждал приветственный комитет из трилов. Едва я переступил порог, как меня осыпало дождем из конфетти.

— Ух ты! — отмахиваясь от крошечных кусочков бумаги, воскликнул я.

— Мы хотели, чтобы в первый же вечер ты почувствовал себя как дома, — сказал Тони.

— Обычно в меня не бросают конфетти, когда я прихожу домой.

— А может, стоило бы?

— Кстати, откуда у вас конфетти? — спросил я.

— Остались с Нового года, — ответил Тони. — Сейчас это не важно. Еще мы хотели поблагодарить тебя за то, что ты заступился за нашу Тайлу. Она нам все рассказала.

— Не самый обычный способ знакомиться с новыми соседями, — заметила Тайла.

— Надеюсь, он никогда не станет обычным, — сказал я.

— Меня бы это устроило, — согласилась Тайла.

— А вот и другие твои новые соседи, — объявил Тони и указал на двух оставшихся трилов. — Это Сэм…

— Привет, — сказал Сэм и поднял руку.

— Привет, — поздоровался я.

— …а это близнецы Джастин и Джастина, — до-

бавил Тони, показывая на последнего трила.

Я уже собирался спросить, как они умещаются в одном теле, когда в поле зрения выскочило сообщение от Тони: «Не спрашивай, объясню потом».

— Привет, — сказал я близнецовому трилу.

— Привет, — ответил мне по крайней мере один из близнецов.

— Мы можем как-нибудь помочь тебе обустроиться? — спросил Тони. — Я знаю, последняя пара дней у тебя выдалась веселенькой.

— На самом деле сейчас я бы просто хотел завалиться спать, — сказал я. — Пусть это звучит не очень увлекательно, но день был слишком длинным.

— Без проблем. Твоя комната ничуть не изменилась с тех пор, как ты заходил туда в последний раз. В рабочем кресле есть индукционная панель. Она должна подойти на первое время, пока не подберешь что-нибудь получше.

— Замечательно, — сказал я. — Ну тогда всем спокойной ночи.

— Постой, — попросили близнецы и вручили мне воздушный шарик. — Мы забыли его бросить, когда ты зашел.

— Спасибо, — поблагодарил я и взял шарик.

— Мы сами надули, — сообщили близнецы.

Я задумался о смысле этого утверждения и, так ничего и не придумав, спросил:

— Как?

— Не спрашивай, — ответили близнецы.

Глава 12

Само собой, заснуть я не смог. И, промучившись три часа, сдался и отправился в свою пещеру.

Личное пространство для хадена — предмет щекотливый. В физическом мире до сих пор шли споры, сколько места действительно нужно хадену. Наши тела неподвижны, и большинство их находится в специальных медицинских «колыбелях» разной степени сложности. Хадену требуется место для такой «колыбели», а также для присоединенной к ней медицинской аппаратуры, и, строго говоря, больше ничего.

Для наших трилов это тоже не имеет значения. Трилы — машины и в личном пространстве не нуждаются. Автомобилю безразлично, сколько других автомобилей находится в гараже. Главное, чтобы он мог въехать и выехать. Поэтому, когда только начали проектировать квартиры для хаденов и их трилов, все они были похожи на ту, что мне показала Латаша Робинсон: маленькие, функциональные, безнадежно прагматичные.

Потом люди заметили, что хадены начали страдать от тяжелой депрессии, не имевшей отношения к их болезни. Причина была очевидна

всем, кто давал себе труд задуматься об этом. Пусть тела хаденов и находились в «колыбелях», а трилы были всего лишь машинами, но когда ими управлял хаден, они становились настоящими людьми, а большинству людей не нравится жить в шкафу. Может, хаденам и не нужно столько же места, сколько людям с полноценными двигательными функциями, но какое-то пространство им все же требуется. Поэтому маломерные чуланы хадены использовали только в крайнем случае.

В нефизическом мире (не в виртуальном, поскольку для хадена нефизический мир столь же реален, как и физический) существует «Агора», огромное место встреч для хаденов всего мира. Доджеры — то есть не-хадены — привыкли считать «Агору» чем-то вроде трехмерной социальной сети, онлайн-игрой с колоссальным количеством игроков, где нет других заданий, кроме как просто торчать там и общаться. Одной из причин, почему доджеры так считают (да, мы зовем их по названию стадиона), является то, что открытые для них сектора «Агоры» именно так и работают.

Объяснять тому, кто не является хаденом, как работает «Агора», все равно что объяснять даль-

тоникам, что такое зеленый цвет. Они получат лишь общее представление, но не смогут оценить всю ее полноту и сложность просто потому, что их мозг в буквальном смысле устроен иначе. Невозможно описать наши масштабные собрания, наши споры, игры, нашу близость — сексуальную или иного рода. Чужаку все это покажется странным, даже отталкивающим. Чтобы понимать «Агору», надо жить в ней — и никак иначе.

При всем этом в «Агоре», по существу, нет чувства приватности. Можно на некоторое время отключать ее или создавать структуры либо участки с ограниченным доступом — ведь люди есть люди, и им свойственно собираться в узкие группы. Но создавалась «Агора» для тех, кто навсегда и неотвратимо заперт в собственной голове. Ее целью была именно открытость, и за двадцать лет своего существования она превратилась в нечто, не имеющее аналогов в физическом мире. Именно открытость повлияла на то, как хадены общаются между собой и в физическом мире. Они делают видимыми свои личные данные, имеют общие каналы и обмениваются информацией с такой откровенностью, которую доджеры сочли бы полной безответственностью, если не безумием.

Впрочем, не все хадены. Те, кто заразился уже в зрелом возрасте, были теснее привязаны к физическому миру, где прошла большая часть их жизни. Поэтому, заболев, они живут в основном в своих трилах, а «Агору» используют — если вообще используют — только как хваленую систему электронной почты.

В противоположность им хадены, заразившиеся в раннем детстве и не успевшие в полной мере познать физический мир, предпочитают жить в «Агоре», а не запихивать свой разум в трил и бренчать в нем по физическому миру. Однако большинство хаденов существуют одновременно в двух этих пространствах, переходя из одного в другое в зависимости от обстоятельств.

Но в конце дня ни физический мир, ни «Агора» не могли дать большинству хаденов то, в чем они по-настоящему нуждались, — место для уединения. Не изоляции, навязанной синдромом клетки, а именно добровольного уединения там, где они сами захотят, где можно расслабиться и спокойно подумать. Лиминального пространства между мирами, существующего только для них и для тех, кого они выберут.

Какие формы будет принимать это пространство, зависит от тебя самого и от твоей компью-

терной инфраструктуры, чтобы его обеспечивать. Они могут быть самыми простыми, как построенные по шаблону типовые домики, и храниться на общем сервере, существуя за счет рекламы, которая появляется в рамочках и автоматически пропадает, когда хаден выходит из сети, или необъятными, постоянно возобновляемыми мирами, которые растут и развиваются, пока их владельцы, очень богатые хадены, находятся в роскошных дворцах, парящих над их творениями.

Мое лиминальное пространство находилось где-то посередине между этими двумя крайностями. Это была пещера — большая и темная, где с потолка свисали светящиеся черви, имитируя ночное небо. В сущности, я воспроизвел знаменитые пещеры Вайтомо в Новой Зеландии, только увеличил их в десять раз и убрал следы присутствия туристов.

Внутри пещеры, нависающей над темной, бурлящей подземной рекой, была платформа, где я либо стоял, либо сидел на единственном стуле, который на нее поместил.

Я почти никого не пускал в свою пещеру. Однажды в колледже, когда я ухаживал за одной девушкой-хаденом, я решился пригласить ее

туда. «Да это же пещера Бэтмена!» — воскликнула она, оглядевшись, и начала смеяться. Наши отношения, и без того уже хрупкие, после этого продержались недолго.

Теперь я думаю, что то наблюдение было ближе к истине, чем мне хотелось бы признать. Вплоть до этого момента я был публичной персоной, и каждый мой шаг отслеживался независимо от того, где я находился. Темное и тихое, мое убежище стало для меня местом, где я мог быть одним из своих альтер эго — систематически урезать школьные домашние задания или считать любые свои размышления в то время невероятно глубокими.

Или, как сейчас, — бороться с преступностью.

Слишком уж многое случилось за последние два дня, чтобы я мог быстро проследить связи между всеми этими событиями, обработать данные и сделать какие-то выводы. Так или иначе, спать я все равно не мог.

Я начал выдергивать из памяти образы и швырять их в темноту. Вот мертвый Джонни Сани на ковре в отеле «Уотергейт». Его сменил Николас Белл, сидящий на гостиничной кровати с поднятыми руками. Потом Самуэль Шварц и Лукас Хаббард, представшие не в облике трилов или

интеграторов, а в виде фотографий из их личных архивов, где были изображены их утвержденные медиаиконки, созданные на основе их настоящих черт лица, измененных таким образом, чтобы создать иллюзию живости и подвижности. Разумеется, иконки были фальшивками, но я не мог винить за это их хозяев. Такими иконками пользовались многие хадены. Я в том числе. Во всяком случае, раньше.

Следующими появились Карл Байер в виде фотографии своего служебного пропуска в «Лаудон фарма» и Джей Керни в виде снимка из личного дела интегратора. Далее мне понадобилось несколько секунд, чтобы войти в базу интеграторов и найти ту женщину, с которой был интегрирован Шварц прошлым вечером.

Звали ее Бренда Риз. Фото прилагалось.

После короткого раздумья всплыли образы Бухолда и моего отца, причем последнего я добавил преимущественно для удобства навигации. И напоследок я вывесил пустую рамку для Кассандры Белл, у которой не было утвержденной медиаиконки.

Теперь можно было расставлять связи. Сани — Николас Белл. Николас Белл — его сестра Кассандра и Хаббард. Хаббард — Шварц и мой отец.

Шварц — Хаббард, мой отец, Бренда Риз и Джей Керни. Керни — Шварц и Байер. Байер — Керни и Бухолд. Бухолд — мой отец. Получился такой славненький клубочек.

Теперь осталось добавить то, что мы выяснили по каждому персонажу. За Сани я поместил его последний денежный перевод бабушке, перед этим послав запрос на сервер ФБР, чтобы по регистрационному номеру узнать место отправления. Готово. Потом вызвал из памяти Вычислительный центр Уиндоу-Рок и прочертил от него линию к «Медикорд» и назад, к Лукасу Хаббарду.

От Бухолда линия пошла к «Лаудон фарма». В новостях дня я нашел материалы о взрыве. Видео с признанием Байера сначала просочилось в сеть, а потом его опубликовали официально, и теперь все очень рьяно обсуждали, как была причастна к теракту Кассандра Белл — прямо или косвенно. Я прочертил линию от нее до «Лаудон фарма».

Затем я запустил поиск новостей о забастовке хаденов и предстоящем марше протеста на Национальной аллее. Тринх не лгала — за последний день произошло двадцать нападений на хаденов, и это только в Вашингтоне. В основном нападали на трилов, пытаясь разбить их подручными средствами, как та пьяная четверка, которой я по-

мешал, но в паре случаев люди переводили свои автомобили на ручное управление и таранили трилов. Один человек толкнул трила прямо под автобус, отчего пострадали и трил, и автобус.

Я искренне недоумевал, чем руководствовались все эти люди. Ведь трила невозможно «убить», ты просто ломаешь машину, которую легко заменить, в то время как нападавший несет ответственность за применение насилия по отношению к человеку. Но когда я вспомнил Дэнни Линча, то понял, что логические рассуждения не являлись для многих из таких людей сильной стороной.

По крайней мере в двух случаях победителями из таких стычек вышли хадены, что также влекло за собой ряд проблем. Видеоролики о том, как андроидоподобные машины бьют людей, пробуждали дремучие инстинкты у самой глупой, как правило, мужской и обычно молодой части человечества. В общем, столичной полиции предстояли нелегкие дни, я им точно не завидовал.

Пискнуло сообщение от сервера ФБР. Денежный перевод отправили с почтового отделения в Дуарти, Калифорния. Я быстренько вывел статью из энциклопедии и обнаружил, что этот город называет себя «Городом здоровья», что поначалу

показалось мне довольно странным, пока я не выяснил, что в Дуарти находится национальный клинический центр «Город надежды». «Город надежды» участвовал в разработке синтетического инсулина, а также был признан Национальным институтом рака одним из ведущих центров по исследованию раковых болезней. Но сейчас для меня важнее всего было то, что «Город надежды» оказался одним из пяти центров по изучению и лечению синдрома клетки.

Если Джонни Сани собирались установить нейронную сеть, это место подходило как нельзя лучше.

С другой стороны, если ему действительно имплантировали сеть в Дуарти, он, скорее всего, попал бы в нашу базу данных.

Я решил вернуться к Кассандре Белл и запустил поиск на нее, выдергивая биографические данные из энциклопедии и недавние новостные статьи, не связанные с «Лаудон фарма».

Оказалось, что Кассандра относилась к числу очень немногих хаденов, которые никогда не жили в физическом мире. Ее мать заразилась во время беременности и передала вирус дочери.

Как правило, это кончалось трагически. В большинстве подобных случаев, если беременная

женщина заражалась синдромом клетки, вирус свободно проникал через плацентарный барьер, как будто его и не было, и губил нерожденного ребенка.

Только пять процентов зараженных плодов выживали до родов, и практически все оказывались в клетке. Половина младенцев умирали в первый год жизни из-за того, что вирус подавлял их иммунную систему, или от других осложнений, связанных с болезнью. Практически все выжившие страдали от тяжелых нарушений, вызванных повреждением мозга на ранних стадиях развития, а также изоляцией как следствием действия вируса, остановившей эмоциональное и социальное развитие ребенка.

То, что Кассандра Белл была живой, умной и психически здоровой, делало ее своего рода маленьким чудом.

Но вот назвать ее нормальной можно было лишь с большой натяжкой. С самого рождения она практически постоянно жила в «Агоре», где ее сначала растила мать, до самого конца запертая в клетке. Когда Кассандре было десять лет, ее мать умерла по причинам, не связанным с болезнью, и воспитанием девочки занимались приемные родители и старший брат Николас,

заразившийся одновременно с матерью и позже развивший способности интегратора.

По-своему Кассандра была такой же знаменитостью, как я, — еще одна диковина из мира хаденов для толпы. Никакого отставания в умственном развитии она не проявляла — наоборот, в десять лет сдала тест за курс средней школы, но от поступления в Массачусетский и Калифорнийский технологические институты отказалась, так как там требовали использовать трил, а она не хотела.

Вместо этого она стала активисткой движения хаденского сепаратизма, призывающего всех хаденов отказаться от навязанных им физическим миром ограничений в виде трилов и по достоинству оценить метафору существования, предоставленную «Агорой». Кассандра не призывала к отказу от общения с доджерами, но хотела, чтобы оно происходило на условиях хаденов, а не доджеров.

Восприимчивость к идеям Кассандры в немалой степени зависела от того, насколько больше человек провел времени в физическом мире, чем в «Агоре». Однако с подписанием закона Абрамса—Кеттеринг количество сторонников Кассандры значительно выросло. Именно она

предложила забастовку и во многом способствовала ее проведению. Кроме того, ходили упорные слухи, что она наконец собирается выйти в физический мир и выступить с речью на марше, который намечался на Национальной аллее в ближайшие выходные.

Одним словом, поклонники теперь сравнивали двадцатилетнюю Кассандру Белл с Ганди и Мартином Лютером Кингом, а противники — с террористами и злодеями всех времен и народов.

Организованные Байером и Керни взрывы на «Лаудон фарма» не лучшим образом повлияли на ее репутацию, и люди уже начали клясть хаденов и ее заодно за забастовку. Я просмотрел все ее недавние заявления и комментарии, чтобы узнать, что она думает о теракте.

Пока она отмалчивалась. Это была не самая хорошая тактика для средств массовой информации. Но, с другой стороны, лучше промолчать, чем сморозить какую-нибудь глупость.

По зрелом размышлении казалось очень странным, что мы с Кассандрой Белл никогда не встречались. Мы ведь с ней были самыми известными молодыми хаденами. Хотя она свою славу начала зарабатывать примерно в тот же период,

когда я пытался отделаться от своей и наконец обрести хотя бы иллюзию частной жизни.

«И потом, если быть честным, — сказал я себе, — ты ведь из правящего класса. А она радикалка».

Что правда, то правда. Благодаря моему отцу и его положению я находился в физическом мире больше, чем большинство молодых хаденов. В то время как Кассандра Белл в нем никогда не появлялась и была известна только своим именем.

Я решил на время оставить Кассандру Белл и переключиться на Джея Керни, взорвавшего себя от имени Карла Байера. Проверка его клиентского списка подтвердила слова Ванн: Байер действительно был клиентом Керни, и за двадцать один месяц они встречались трижды. Последний раз — одиннадцать месяцев назад. Согласно заметкам Керни, они занимались парасейлингом.

Но кроме этих лаконичных заметок о характере их встреч, я не нашел ничего, что указывало бы на какую-то связь этих двоих. Конечно, три встречи за два года подтверждали их отношения, но не более того.

Как только стало известно, что теракт совершили Байер и Керни, ФБР мгновенно получило доступ к малейшим подробностям их жизни. Я зашел в секретную базу, где хранились лич-

ные сообщения и платежные документы. Хотел узнать, как часто они общались, будь то личная переписка или обрывки какой-то финансовой информации, что подтвердило бы, что эти двое взаимодействовали любым, заслуживающим внимания образом.

Я не нашел почти ничего. Сообщения каждый раз касались только сеансов интегрирования и обсуждения возможных действий во время них, а также вопросов цены и прочих банальностей. Точно так же их финансовые записи совпадали только тогда, когда Байер платил Керни за сеанс.

Отсутствие какого-либо следа, разумеется, еще не означало, что эта парочка не встречалась для обсуждения теракта. Даже если они встречались, то сделали все, чтобы об этом никто не узнал, ведь не идиоты же они. Но куда здесь двигаться дальше, пока мне было совершенно непонятно.

Я немного отступил от стены изображений и кусков текста, которую сам сконструировал, чтобы лучше рассмотреть и ее, и все вычерченные на ней связи. Многим моя схема наверняка показалась бы лишь хаотичным нагромождением фотографий и новостных лент.

Меня же она успокаивала. На данный момент здесь была собрана вся известная мне информа-

ция по этому делу, наглядно выделены все связи, которые я мог спокойно рассмотреть, вместо того чтобы лихорадочно распутывать их в голове.

«Что дальше?» — словно наяву услышал я голос Ванн и невольно улыбнулся.

Итак, первое. Налицо два очевидных связующих звена. Лукас Хаббард, с которым связаны Николас Белл, Сэм Шварц и мой отец и с которым Джим Бухолд спорил по вопросу, имеющему отношение к их общему бизнесу.

И Кассандра Белл, с которой связаны Николас Белл, Байер и Керни и к которой Бухолд настроен враждебно, а Хаббард, возможно, если судить по его спору с Бухолдом, наоборот, благожелательно.

Из чего следует — продолжать заниматься обоими, особенно Кассандрой Белл. Она единственная из списка, с кем я не знаком лично. Организовать встречу как можно скорее.

Второе. Байер и Керни. Их связь на схеме выглядит неубедительно. Копать глубже.

Третье. Джонни Сани. Выяснить, что он делал в Дуарти и знал ли его кто-нибудь там. Есть ли какая-то связь между ним и «Городом надежды»?

Четвертое. Два персонажа, никак не вписывающиеся в этот клубок, — мой папа и Бренда

Риз. Я совершенно не сомневался в том, что отец не замешан ни в чем дурном, несмотря на его будущее сенаторство. В любом случае, если бы я даже захотел собирать на него сведения, это был бы существенный конфликт интересов.

Что до Бренды Риз, то стоило перекинуться с ней парой слов и понять, знает ли она что-нибудь полезное.

И наконец, пятое. Николас Белл, который сказал, что работал во время их встречи с Джонни Сани, однако появился там, чтобы с ним интегрироваться, несмотря на то что это было невозможно, потому что они оба были интеграторами и гарнитура была фальшивая.

Что же там на самом деле происходило?

И почему Джонни Сани покончил с собой?

Именно последние два вопроса заставили меня вытащить из головы все эти данные и сотворить эту сложную схему, не прояснившую ровным счетом ничего.

Глава 13

Тихий свист сообщения эхом прокатился по пещере. Я узнал сигнал: такой деликатный вызов обычно приходил, только если человек бодрствовал. Хадены, как и любые другие люди, терпеть не могли просыпаться от случайных звонков посреди ночи. Я открыл окно, чтобы посмотреть на визитера. Это был Тони.

Я ответил на вызов, но оставил только аудиосвязь.

— Поздновато ты.

— Срочная работа, — ответил Тони. — Я как чувствовал, что ты лукавил, когда говорил, что хочешь спать.

— Я не лукавил. Просто не смог заснуть.

— Что делаешь? — спросил Тони.

— Пытаюсь разобраться в целой куче дерьма, о которой, к сожалению, не могу тебе рассказать. А ты?

— В данный момент компилирую код. О котором могу тебе рассказать, но боюсь смертельно наскучить.

— Ерунда! Я весь внимание.

— Буду считать это вызовом, — сказал Тони, и

на информационном табло выскочила кнопка. — Это код от двери. Заходи.

Он приглашал меня в свое лиминальное пространство или, по крайней мере, в его открытую часть.

Я решился не сразу. Большинство хаденов ревностно охраняли свой персональный мир. Тони явно предлагал мне дружбу. Для этого мы были слишком мало знакомы.

Но потом я подумал, что слишком все усложняю, и нажал кнопку. Она превратилась в дверной проем, и я шагнул в него.

Рабочая зона Тони представляла собой куб с высокими стенами, как в старой компьютерной игре, полностью черный, с обозначенными голубым неоном гранями, которые были расписаны геометрическими узорами.

— Только не говори — сам угадаю, — сказал я. — Ты фанат «Трона»[14].

— С первой попытки, — подтвердил Тони.

Он стоял за рабочим столом, над которым висела клавиатура, также очерченная неоновыми линиями. Рядом парил экран с кодом и слабо пульсирующей панелью инструментов, напоми-

---

[14] Примечания: 14
Компьютерная игра.

навшей о том, сколько времени осталось до того, как код будет скомпилирован. Выше медленно вращался клубок нитей, соединенных явно произвольным образом.

Я тут же узнал их.

— Нейронная сеть, — сказал я.

— И снова с первой попытки, — отозвался Тони; себя он изобразил, как и большинство людей, в виде своей физической оболочки, только более стройным, подтянутым и стильно одетым. — Если хочешь по-настоящему впечатлить меня, назови изготовителя и модель.

— Не имею ни малейшего понятия, — признался я.

— Дилетант, — снисходительно сказал Тони. — «Санта-Ана системс ДаВинчи», седьмая модель. Это их последняя по времени версия. Я как раз пишу для нее патч.

— А мне вообще можно на это смотреть? — спросил я, показывая на строчки кода, видимые на экране. — Мне казалось, подобные вещи должны быть засекреченными.

— Так и есть, — ответил Тони. — Только без обид, но ты не кажешься мне крутым кодером, а значит, «ДаВинчи» для тебя не что иное, как просто искусно заплетенные спагетти.

— Именно так.

— Тогда мне бояться нечего, — объявил Тони. — И в любом случае ты здесь все равно ничего не сможешь записать. — Это было правдой — в личных лиминальных пространствах возможность записи у гостей отключалась по умолчанию.

— Вот ведь какая странная штука, — задумчиво пробормотал я, глядя на модель нейронной сети, висящую у Тони над головой.

— Нейронные сети в целом или «ДаВинчи» в частности? — спросил Тони. — Потому что, между нами говоря, эти D7 просто сущий геморрой. Архитектура у них дурацкая.

— Я обо всех сетях, — сказал я и снова посмотрел наверх. — О том, что у каждого из нас в черепе есть такая.

— Не просто в черепе, — поправил Тони, — а в мозгах. Прямо внутри, и тестирует нейронную активность со скоростью пара тысяч раз в секунду. Если ее тебе имплантировали, вынуть уже нельзя, сам знаешь. Мозг в конце концов приспосабливается к ней. Попытаешься извлечь — станешь калекой. Ну, то есть еще хуже, чем сейчас.

— Очень ободряющая мысль.

— Если тебе нужны по-настоящему ободряю-

щие мысли, подумай лучше о софте, — сказал Тони. — Ведь именно софт управляет сетями, а он сплошь и рядом глючный. — Он показал на экран с кодом. — Представляешь, в последнем апдейте программы эти орлы из «Санта-Аны» случайно зашили перестимуляцию желчного пузыря у полупроцента операторов.

— Как такое могло случиться?

— Непредвиденный конфликт между D7 и нейронными сигналами мозга. Такое бывает чаще, чем следовало бы. Конечно, сначала весь софт испытывают на компьютерных моделях мозга и только потом загружают его в клиентов, но ведь каждый реальный мозг уникален, тем более у хаденов, когда вирус по-разному перекраивает мозговую структуру. Поэтому неожиданности случаются сплошь и рядом. Мой патч должен устранить эту конкретную проблему, до того как появятся камни в желчном пузыре. Или, по крайней мере, если появятся, чтобы это не было как-то связано с нейронной сетью.

— Замечательно, — сказал я. — Слушая тебя, я так радуюсь, что в моей голове не «Санта-Ана».

— Ну, если честно, то косяки ведь не только у них. Вот у тебя что там?

— «Рэйтеон».

— Ух ты! — воскликнул Тони. — Какой раритет. Они ушли из бизнеса нейросетей еще десять лет назад.

— Мне это знать не обязательно, — ответил я.

— Нет, ты послушай. Их теперь Хаббард обслуживает, — сообщил Тони.

— Не понял? — оторопев на секунду, спросил я.

— «Хаббард текнолоджиз». Первая компания Лукаса Хаббарда, еще до «Акселеранта». Хаббард сам сети не делает — их производит другая компания «Акселеранта», но он зарабатывает кучу денег на том, что поддерживает системы компаний, ушедших с рынка после первого бума на нейронные сети. Если верить их корпоративному пиару, Лукас лично написал много первых кодов и патчей.

— Ясно, — пробормотал я.

Известие о том, что Хаббард вторгся в мою голову еще и в самом прямом смысле, слегка выбило меня из колеи.

— Я тоже работал на Хаббарда, — сказал Тони. — Всего пару месяцев назад. Так что поверь мне — проблем там тоже хватает.

— Мне стоит о них знать?

— Тебя в последнее время спазмы толстой кишки не мучили?

— Нет, — содрогнулся я.

— Тогда и волноваться не о чем.

— Чудесно.

— Я работал с ними со всеми, — сказал Тони. — Со всеми сетями. На самом деле самый большой вопрос — это не искажение сетей, а их защита.

— То есть кто-то может попросту хакнуть нейронную сеть? — спросил я.

— Ну да.

— Никогда про такое не слышал.

— Для этого есть причины, — сказал Тони. — Прежде всего, архитектуру нейронных сетей умышленно делают очень сложной, чтобы их было трудно программировать и чтобы в них было трудно проникнуть извне. То, что D7 — настоящий геморрой, не ошибка в программе, а ее функция. После первой версии каждая новая сеть делается сложнее предыдущей. И еще одна причина: людей вроде меня нанимают специально, чтобы убедиться в ее безопасности. Половина моих контрактов — это работа для белых хакеров, которые ищут уязвимые места в сети.

— И что ты делаешь, когда находишь их?

— Я? Составляю отчет. С сетями первого поколения хакеры даже шантажом не гнушались. Загоняли своим жертвам в мозг жуткие кровавые

картинки или «Как тесен мир»[15] на бесконечном повторе, до тех пор пока несчастные не соглашались заплатить, лишь бы это прекратилось.

— Отстой, — поморщился я.

Тони пожал плечами:

— Да бараны они тупые, честно тебе скажу. Компьютер внутри башки? Неужели они правда не задумывались, чем это может обернуться? По-настоящему засуетились и стали писать патчи, только когда какой-то хакер с Украины начал награждать людей аритмией просто ради спортивного интереса. Самое что ни на есть умышленное убийство — ради хохмы.

— Я очень рад, что этот косяк устранили, — признался я.

— Ну, пока устранили.

Код наконец скомпилировался, и Тони взмахом руки запустил его. Сеть наверху запульсировала. Это было не просто красивое изображение, а модель самой настоящей нейронной сети.

— Что значит «пока»? — встревожился я.

— Сам подумай, Крис, — сказал Тони и показал на мою голову. — Фактически здесь у тебя устаревшая система. Сейчас ее обслуживание

---

[15] Примечания: 15
Песня из одноименного фильма киностудии «Дисней».

финансируется из бюджета НИЗ. Когда с понедельника вступит в силу Абрамс—Кеттеринг, они больше не будут платить за техподдержку, после того как закончатся текущие контракты. Знаешь, «Санта-Ана» и «Хаббард» ведь выпускают обновления и корректировки не от щедрот своих добрых корпоративных сердец. Им за это платят. А когда прекратят, должен найтись какой-то другой источник, иначе обновления перестанут выходить.

— И мы все будем в заднице, — добавил я.

— Не все, — поправил Тони. — У меня все будет нормально, потому что эта хрень — моя работа и я могу хакнуть свою собственную сеть. И у тебя все будет нормально, потому что ты всегда можешь нанять кого-то вроде меня, чтобы поддерживать свою сеть. У наших соседей все будет нормально, потому что я люблю их и не допущу, чтобы кто-то спамил их мозги против их воли. Зажиточные хадены наверняка смогут заплатить за ежемесячную подписку обновлений, которую, по крайней мере, «Санта-Ана» точно планирует делать, насколько мне известно. А вот кого точно поимеют, так это бедных хаденов. Они либо вообще не получат обновлений и сразу станут уязвимыми для вирусов и хакеров, либо будут вынуждены

пользоваться чем-то вроде апдейта, только с кучей рекламы. И каждое утро, проснувшись, не смогут ничего делать, пока не просмотрят штук шесть гребаных роликов, расхваливающих новых трилов, питательный порошок или мешки для испражнений.

— Иначе говоря, спам, — заключил я.

— Если сам согласился, то уже не спам. У них просто не будет выбора.

— Жесть.

— Дело не только в апдейтах, — сказал Тони. — Возьмем «Агору». Большинство из нас думают о ней как о некоем магическом пространстве, свободно парящем где-то там. — он махнул куда-то руками. — На самом деле она находится в серверном парке НИЗ на окраине Гейтерсберга.

— Но ее-то точно на плаху не положат, — заметил я. — Иначе начнется паника.

— Да, на «Агору» средства не урезали, — подтвердил Тони. — Но я знаю, что НИЗ ведут переговоры с потенциальными покупателями. — он показал на нейронную сеть. — «Санта-Ана» уже сделала предложение о покупке, «Акселерант» тоже, а еще «Дженерал моторс» и почти все компании Кремниевой долины. — Он пожал плечами. — Кто бы в конце концов ни купил эти

сервера, возможно, будет вынужден пообещать оставить «Агору» неизменной лет на десять или около того, но мы-то знаем цену этим обещаниям. Наверняка появится месячная абонентская плата за доступ. Я не знаю, как в «Агору» можно напихать рекламы, но уверен, что рано или поздно способ найдется.

— Ты, похоже, много об этом думал, — сказал я, помолчав несколько секунд.

Тони с улыбкой отвел глаза, махнул рукой:

— Извини. Просто это мой любимый конек. Вообще-то, обычно я не такой занудный.

— Да все нормально, — заверил я. — Хорошо, что ты об этом задумываешься.

— Ну, тут ведь есть и побочный эффект. Когда все эти госконтракты схлопнутся, моя жизнь малость осложнится. Так что я социально активный вовсе не от душевной широты. Просто поесть люблю. Ну, или, по крайней мере, люблю, чтобы в меня загружали питательно сбалансированные жидкости. Хадены собираются выйти на марш на этой неделе, чтобы показать всем, что наш мир скоро полетит в тартарары, а всей остальной Америке на это наплевать.

— Тем не менее в забастовке ты не участвовал, — сказал я.

— Я человек непоследовательный. А может, попросту трус. Или барыга, желающий захапать побольше, пока не иссяк денежный источник. Я понимаю, как важна забастовка. Но себя в ней не вижу.

— А как насчет марша на Национальной аллее? — спросил я.

— О, туда я пойду обязательно, — ответил Тони и ухмыльнулся. — Думаю, мы все пойдем. А ты?

— Я наверняка буду там работать.

— Ну да. Жаркая у тебя неделька выдалась.

— Не без того.

— Тебя как будто в омут бросили, а там выплывай как хочешь, — задумчиво произнес Тони, глядя на код. — Не лучшее ты время выбрал для начала карьеры.

Я улыбнулся и снова посмотрел на пульсирующую нейронную сеть, обдумывая одну мысль.

— Эй, Тони?

— Да? — ответил он.

— Ты говорил, какой-то хакер вызывал у людей сердечные приступы.

— Ну, на самом деле аритмию, но этого хватило, чтобы расшевелить правительство, — сказал Тони. — А что?

— Может хакер засунуть в голову человеку

мысли о самоубийстве?

Тони нахмурился, помолчал немного, потом спросил:

— Мы говорим об общем состоянии депрессии, приводящем к суицидальным мыслям, или о каких-то конкретных мыслях типа: «Хватану-ка я сегодня пулю»?

— И о том и о другом.

— Да, депрессию можно вызвать через нейронную сеть. Это вопрос управления химией мозга, что нейронные сети уже делают, — Тони показал на модель сети над головой, — хотя обычно и ненамеренно. Патч, который я сейчас пишу, как раз и должен не допустить подобных манипуляций.

— А конкретные мысли?

— Скорее всего, нет. Если речь идет о мыслях, что зарождаются в собственном мозгу человека. Генерировать образы и шум, которые идут извне, проще простого. Мы оба занимаемся этим прямо сейчас. Вот эта комната — взаимно согласованная иллюзия. Но напрямую манипулировать сознанием, чтобы кто-то начал думать так, как тебе надо, а потом еще и совершил связанное с этим действие, очень сложно.

— Сложно или невозможно? — спросил я.

— Я никогда не говорю «невозможно», — ответил Тони. — Но когда в данном случае я говорю «сложно», то имею в виду, что это еще никому не удавалось, насколько мне известно. Я даже не представляю, как к этому подступиться, даже если бы захотел, чего никогда не случится.

— Потому что это не этично? — подсказал я.

— Да, черт возьми! А еще потому, что, если додумаюсь я, кто-нибудь другой тоже додумается, ведь всегда найдется кто-то умнее, для кого вопросы этики будут не важны. И вот тогда начнется настоящая жесть. И поверить в свободную волю будет достаточно сложно.

— Значит, действительно трудно, — подытожил я, — но в принципе возможно.

— Очень и очень трудно, — нехотя допустил Тони. — Но теоретически возможно, мы же, на минуточку, живем в век квантовой физики. Слушай, Крис, а почему ты спрашиваешь? У меня такое ощущение, что это не просто праздное любопытство.

— Как выглядит твой распорядок дня? — вместо ответа спросил я.

Тони кивнул в сторону сети наверху:

— А вот как. Написал патч, проверил — работает как надо. Сейчас еще немного подчищу — это

займет примерно час — и отправлю заказчику, потом свободен.

— Ты когда-нибудь работал на федеральное правительство?

— Крис, я живу в Вашингтоне, — сказал Тони. — Конечно, я работал на правительство. У меня есть код поставщика и все, что надо.

— А допуск к секретным материалам есть?

— Да, мне случалось делать конфиденциальную работу, — ответил Тони. — А того ли она уровня, о котором ты, как мне кажется, думаешь, нам придется с тобой выяснить.

— Тогда у меня, возможно, есть для тебя работа.

— Связанная с нейронными сетями?

— Да, — сказал я. — И с софтом, и с железом.

— Когда надо приступать?

— Вероятно, завтра, — ответил я. — Скажем, в девять утра.

— Значит, договорились, — улыбнулся Тони. — А сейчас я, пожалуй, все-таки закончу то, что делал, а потом хотя бы попытаюсь заснуть.

— Спасибо.

— Это тебе спасибо. Не каждый день новый сосед приносит работу. Поэтому отныне ты официально — мой любимый сосед.

— Я никому об этом не скажу, — пообещал я.

— Наоборот, обязательно скажи. Может, это подстегнет здоровую конкуренцию. Мне только на пользу. Хоть поработаю.

Глава 14

— Только не говорите Тринх, что я вам это сказал, — попросил капитан Дэвидсон, показывая на пятерых хаденов в обезьяннике, — но я буду безмерно рад, если ФБР избавит нас от этих кретинов.

Пятеро хаденов, а вернее, их трилы яростно сверкали глазами на меня, Ванн и Дэвидсона с другой стороны решетки. Не было бы преувеличением сказать, что они именно «сверкали глазами», потому что головы трилов у всех пятерых явно делались по индивидуальному заказу, на что указывали лица и мимика. А вот сами лица, совершенно очевидно, не принадлежали владельцам этих трилов, если только владельцы не были вылитыми копиями Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Патрика Генри, Томаса Пейна и Александра Гамильтона. Кроме того, трилы были облачены в костюмы колониальной эпохи с претензией на историческую достоверность. Все это напоминало воплощенную в жизнь диораму Первого континентального конгресса из курса начальной школы.

Конечно, трилы были всего лишь трилами.

Управляющие ими хадены могли находиться в любой точке страны. Но когда хадена арестовывали в образе его трила, а он при этом отсоединялся, это расценивалось как сопротивление при аресте и бегство с места преступления. За это хадены могли благодарить одну молодую богатую девицу, которая еще на заре появления трилов неосторожно сбила механическим телом старушку, после чего в панике отсоединилась от трила и в результате потратила три года жизни и пару сотен тысяч мамочкиных денег на попытки выпутаться из этого, по сути, стандартного дорожного происшествия. В конце концов девушка добавила к списку своих преступлений еще и ложь под присягой и подкуп должностных лиц. Лучше бы она просто согласилась на общественные работы.

Вот почему наши деятели эпохи колониализма только терпеливо ждали и сердито глядели сквозь пиксели.

— За что вас задержали, Джордж? — спросил я Вашингтона.

Дэвидсон позвал нас разобраться с самыми разными задержанными хаденами, которые сидели в камерах участка. Это была первая партия.

— За то, что я осуществлял право, гарантиро-

ванное нам Второй поправкой к конституции, — ответил Вашингтон; его настоящее имя было Уэйд Своуп, из Миллтауна, штат Монтана, — эта информация выскочила в моем поле зрения. — Здесь, в округе Колумбия, царит диктатура, людей лишают законного права носить оружие.

Ванн повернулась к Дэвидсону:

— Признаться, я просто в шоке оттого, что людей с оружием посадили в тюрьму.

— Ну да, посадили, — подтвердил Дэвидсон. — Наш отец-основатель все верно сказал о праве на ношение оружия, которое в данном конкретном случае оказалось снайперскими винтовками по одной на брата. Только вот он упустил одну маленькую подробность о том, как его маленькая группа борцов за независимость завалилась в кафе — между прочим, частное владение — и учинила там скандал, а когда их попросили свалить оттуда, они начали размахивать своими ружьишками. У нас есть запись с камер кафе, не говоря уже о записях на мобильных телефонах всех, кто там был.

— Мы здесь для того, чтобы обеспечивать охрану марша, — заявил Томас Джефферсон, он же Гэри Хайт из Арлингтона, штат Виргиния. — Согласно конституции, мы — ополчение и будем

защищать наш народ.

— Может, вы и ополчение, — сказал я, — но я не думаю, что, когда кто-то трясет заряженным оружием в переполненном кафе, это в точности означает «хорошо регулируемое»[16].

— Кому какое дело, что ты думаешь? — гневно вопросил Патрик Генри, он же Альберт Бокс из Юкайи, Калифорния. — Ты заодно с ними. С теми, кто нас угнетает. — Он указал на меня. — Ты — штрейкбрехер и предатель.

Я догадался, что Генри/Бокс понятия не имеет о том, кто я на самом деле, хотя неизвестно, изменилось бы его мнение в обратном случае. Я взглянул на Ванн и Дэвидсона и сказал:

— «Угнетают нас» — в смысле, всех хаденов или только вас, недоумков, которые вздумали размахивать оружием в кофейне? Знаете, мне хотелось бы понять глубину моего предательства.

— Знаете, что меня смущает, Шейн? — спросил Дэвидсон прежде, чем кто-нибудь из арестованных успел мне ответить.

— Поделитесь, — попросил я.

— С одной стороны, эти типы, — капитан

---

[16] Примечания: 16

Во Второй поправке к конституции США говорится о том, что «хорошо регулируемое ополчение необходимо для обеспечения безопасности свободного государства».

махнул рукой в сторону колониальных хаденов, — типичные полоумные консерваторы, помешанные на Второй поправке и шляпе своего Янки Дудля. Но с другой — они считают себя охраной на марше протеста против сокращения правительственных льгот. А это, как по мне, уже либерализм.

— Да, загадка, — согласился я.

— Не знаю, не знаю, — сказал Дэвидсон. — Может, дело вовсе не в политике? Может, эти парни обычные засранцы?

— Самое простое объяснение, как правило, самое верное, — заметил я.

— У нас есть право на свободу собраний… — явно накручивая себя, начал Вашингтон/Своуп.

— О господи, только не это, — вздохнула Ванн. — Не хватало мне еще в это гребаное утро слушать твою унылую патриотическую муть.

Остолбеневший от удивления Вашингтон/Своуп запнулся на полуслове.

— Уже лучше, — похвалила его Ванн и наклонилась к решетке. — В общем, так. Ваши трилы здесь, а физические тела в разных штатах. То есть вы — проблема ФБР. Значит, моя проблема. А я вижу перед собой пятерых мудаков, одетых как изнанка двухдолларовой купюры, называющих

себя ополченцами и размахивающих ружьями в чертовом джорджтаунском кафетерии в нарушение раздела восемнадцать Уголовного кодекса Соединенных Штатов, глав двадцать шесть, сорок три и сто два.

Я быстренько надергал перечисленные главы восемнадцатого раздела и заметил, что сорок третья посвящена «выдаче себя за другое лицо». Наивно было бы предполагать, что кто-нибудь сможет принять Своупа за настоящего Джорджа Вашингтона, но я также знал, что лучше помалкивать.

— Поэтому у меня такое предложение, — продолжала Ванн. — Вот вам два варианта на выбор. Первый — я не завожу федерального дела, а вы отводите своих трилов в камеру хранения полицейского участка, где отключаете их, и мы вынимаем из них батареи. У вас будет три дня на то, чтобы организовать отправку трилов и ваших драгоценных винтовок обратно к вам, в противном случае мы будем считать, что вы пожертвовали их столичной полиции. Второй вариант — я таки завожу федеральное дело. В этом случае ваши трилы и оружие подлежат конфискации, ко всем вам домой приходят представители правоохранительных органов, чтобы выкатить

вас в ближайшую тюрьму предварительного заключения для хаденов, которая, возможно, не так уж близко от ваших порогов. После этого вы начнете весело тратить все деньги всех членов вашей семьи, какие они только смогли заработать, на адвокатов, потому что вдобавок к тем трем главам восемнадцатого раздела, о которых я вас уже уведомила, я намерена подкинуть для обвинительного заключения столько пунктов, на сколько хватит моей фантазии.

— Чушь, — заявил Томас Пейн, он же Норм Монтгомери, из Йорка, штат Пенсильвания.

— Может, чушь, а может, и нет, — заметила Ванн. — Но как бы то ни было, я, мать вашу, точно гарантирую, что огребете вы по полной. Что доставит мне огромное удовольствие, потому что из-за вас, уродов, я сейчас трачу свое драгоценное время. Итак, пора выбирать. Дверь номер один или дверь номер два. Выбирайте с умом. И если не выберете за десять секунд, это будет дверь номер два. Я жду.

Через семь секунд отцы-основатели выбрали дверь номер один, и Дэвидсон громко позвал конвойных, чтобы отвести их по одному зараз в хранилище вещественных доказательств.

После этого мы перешли к следующей камере

для арестованных, где сидела девушка-хаден, ударившая какую-то прохожую за то, что она назвала ее «жестянкой».

— Приготовьтесь к следующим четырем дням, — сказала Ванн, когда мы вышли из здания второго участка. — Еще куча задержанных трилов ждет нас в первом, третьем и шестом участках. Когда разберемся с ними, вернемся сюда, во второй, и начнем все заново. И так снова и снова, пока этот марш наконец не закончится и все хадены не разъедутся по домам. Так что попросите свою сиделку поставить вам капельницу с кофе.

— А как же Джонни Сани и «Лаудон фарма»? — спросил я.

— «Лаудон фарма» забрал отдел по борьбе с терроризмом, — ответила Ванн. — Мы пока к ней только подбираемся. Джонни Сани лежит в нашем морге и никуда не денется. И то и другое наверняка может подождать до понедельника. Если только у вас не появилось новых идей.

— Вроде бы есть кое-что, — осторожно признался я. — Наверное.

— Наверное? У нас сейчас нет времени на ваше «наверное». Нас еще ждет целая очередь трилов, с которыми надо что-то делать.

— Я хочу, чтобы кое-кто посмотрел на нейронную сеть Джонни Сани.

— Наши эксперты уже изучают ее, — напомнила Ванн.

— Я хочу, чтобы на нее посмотрел человек, который хорошо в них разбирается, — сказал я. — Тот, кто работает с ними каждый день.

— У вас есть кто-то на примете?

— Мой новый сосед.

Ванн полезла в карман жакета за электронной сигаретой:

— Не рано ли вы занялись протекциями?

— Не в этом дело, — разозлился я. — У Джонни Сани был коэффициент интеллекта восемьдесят. Он никак не мог заполучить в голову интеграторскую нейронную сеть. Кто-то ее поставил ему, использовал парня, а потом как-то вынудил перерезать собственную глотку. Думаю, в программе этой сети нашлось бы много интересного.

— Например, то, что вынудило его перерезать себе глотку? — спросила Ванн.

— Наверное.

— Ох уж эти ваши «наверное», — сказала Ванн и затянулась сигаретой.

— Тони все время пишет программы для нейронных сетей, — убеждал я ее. — А еще его

нанимают компании для тестирования защиты сетей и поиска неисправностей. Он точно знает, что искать. Или хотя бы сможет заметить что-нибудь крайне необычное.

— Упомянутый Тони и есть ваш новый сосед?

— Да, — подтвердил я. — Он уже делал конфиденциальную работу для правительства. Имеет код поставщика и все такое.

— Дорого берет?

— А это важно?

— Разумеется, важно, — перенимая у меня эстафету раздражения, проворчала Ванн. — Одному из нас придется писать отчет обо всех наших сторонних тратах. И если отчет не понравится, будет много крика. Достанется и мне, и вам.

— Думаю, оно будет того стоить.

— Ладно, пусть занимается, — еще раз затянувшись, решила Ванн. — Если начальство начнет возбухать, я скажу, что это связано с «Лаудон фарма».

— И они заплатят, — заверил я.

— Не исключено.

— Точно заплатят, ведь там обязательно что-то обнаружится, — уверенно заявил я и рассказал Ванн про свой ночной мозговой штурм.

— И часто вы этим занимаетесь? — спросила

она, когда я закончил. — В смысле, швыряете всякие штуки в пространство, а потом соединяете их линиями?

— Когда не могу заснуть? Да, часто.

— Вам надо поискать другие ночные забавы, — посоветовала Ванн.

— Я даже не собираюсь это обсуждать.

Ванн криво усмехнулась, затянулась в последний раз и убрала сигарету в карман.

— Вообще-то, за Хаббарда я бы не стала браться, пока у нас не появится достаточно улик против него. А когда они появятся, я бы хотела застать его врасплох. Конечно, можно допросить Кассандру Белл, но парни из отдела борьбы с терроризмом после событий на «Лаудон фарма» наверняка уже засунули ей микроскоп в толстую кишку, чтобы все проверить, так что с нами она, может, и не захочет разговаривать, а даже если захочет, им едва ли понравятся наши раскопки на их делянке. А как звали ту женщину-интегратора, которую использовал Шварц?

— Бренда Риз.

— Сегодня постучусь к ней и послушаю, что там загремит внутри, — пообещала Ванн.

— Я пойду с вами? — спросил я.

— Нет. Раз уж вы, кажется, сами тут составили

для себя план работ, вам надлежит отправиться в Калифорнию и отследить денежный перевод, а потом навестить тот «Город надежды» и узнать, что из всего этого можно выжать. Надеюсь, так вы утолите свою жажду деятельности.

— А как насчет Тони? — спросил я.

— Дайте мне его данные, я сама ему все объясню и сегодня же проведу в морг, — сказала Ванн. — Если он окажется треплом, все расходы я вычту с вас.

— Он не трепло, обещаю.

— Ему же лучше, если так. Мне совсем не хочется грохнуть его, а потом подставлять вас за убийство.

— Что-то это мне напоминает, — заметил я.

— Моя угроза кого-то убить вам о чем-то напомнила? — удивленно спросила она. — Мы не так долго знакомы, Шейн.

— Вчера вечером я встретился с детективом Тринх.

— Неужели?

— Ну да. Среди прочего она поведала мне о том, что вы довели свою бывшую напарницу до попытки самоубийства.

— Надо же, — сказала Ванн. — Что она вам еще рассказала?

— Что у вас завышенные требования к своим сослуживцам, но не к себе; что вы небрежны и даже немного опасны, когда дело доходит до протокола, и что у вас есть пагубные пристрастия, которые и привели или в огромной степени поспособствовали тому, что вы ушли из интеграторов.

— А она сказала вам, что я еще жарю маленьких щенят на огне? — поинтересовалась Ванн.

— Нет. Но, наверное, имела в виду.

— Сами как думаете?

— Думаю, маленьких щенят вы не жарите, — признался я.

Ванн улыбнулась:

— Я о том, что Тринх действительно сказала.

— Мы с вами работаем третий день, — начал я. — Сначала вы гоняете меня и в хвост и в гриву, против чего я, кстати, не возражаю, а потом вдруг учиняете такую хрень, как здесь сегодня, когда разрешаете кучке засранцев с ружьями преспокойно свалить, вместо того чтобы предъявить им обвинение в нападении. Если бы они обратились к адвокатам, ваша угроза припаять им сорок третью главу не украсила бы ваше личное дело.

— Заметили, значит.

— Заметил, — подтвердил я. — Так что это я

могу расценивать как «небрежность». Также я заметил, что вы много курите, а когда мы с вами разговариваем после шести вечера, вы всегда оказываетесь в баре и ищете, кого бы склеить. Насколько я могу судить, на вашу работу это не влияет, а свое свободное время вы вправе проводить, как захотите. Поэтому мне на самом деле все равно, хотя я и считаю, что травить свои легкие инсектицидом в общем и целом скверная идея.

— Вы полагаете, все это имеет какое-то отношение к моему интеграторству?

— Не имею ни малейшего представления, — сказал я. — У меня не возникло чувства, будто вы так уж сильно торопитесь поведать мне о своем прошлом, из чего напрашивается вывод, что тогда произошло нечто по-настоящему хреновое. Но это ведь ваше дело — рассказывать или нет. То же самое касается ваших тёрок с Тринх, ведь совершенно очевидно, что она точит на вас зуб.

— Весьма образное выражение, — заметила Ванн.

— Из всего, что сказала Тринх, меня беспокоит только одно, — добавил я. — Она считает, что вы не сможете держать себя в руках, непременно съедете с катушек и меня потянете за собой.

— А сами как думаете?

— Спросите меня об этом после марша, — посоветовал я. — Может, тогда я и смогу ответить.

Ванн снова улыбнулась.

— Послушайте, — сказал я, — если вы пообещаете, что не съедете с катушек и не потянете меня за собой, я вам поверю. Но не давайте обещания, если не сможете его выполнить. Если не можете обещать, ничего страшного. Просто мне надо знать заранее, вот и все.

Ванн медлила с ответом, пристально глядя на меня.

— Слушайте, — наконец сказала она, — когда эти выходные закончатся, мы с вами завалимся куда-нибудь, я возьму пива, а вы — что захотите, и расскажу, почему я больше не интегратор, почему моя напарница пустила себе пулю в живот и почему эта засранка Тринх точит на меня зуб.

— Жду с нетерпением, — пообещал я.

— А пока скажу вам, Шейн, что съезжать с катушек я не собираюсь. Обещаю.

— Я вам верю.

— Вот и чудесно, — подытожила Ванн и достала телефон, чтобы узнать время. — С этим разобрались, теперь можно и поработать. У нас еще два участка.

— Я думал, что отправлюсь в Калифорнию, —

напомнил я.

— Там до девяти утра никого не будет, — сказала Ванн. — До этого есть пара часов. Так что давайте попробуем разогнать по домам еще кучку смутьянов. Один из трилов в первом участке задержан за пьяный дебош. Мне не терпится узнать, как он умудрился это устроить.

Глава 15

Я огляделся и понял, что нахожусь в хранилище вещдоков в управлении ФБР Лос-Анджелеса. На меня смотрела агент ФБР.

— Агент Шейн? — спросила она.

— Он самый, — ответил я и попробовал встать, что, как вскоре выяснилось, оказалось не так-то просто. — Не могу двинуться с места, — добавил я через минуту.

— А, вы об этом? Наш действующий резервный трил сейчас используется одним из наших местных агентов, потому что ее обычный отправлен в ремонт, — деловито сообщила агент. — Мы дали вам наш единственный доступный трил. Он пробыл на складе какое-то время.

— «Какое-то время» — это сколько? — запустив диагностику, спросил я.

— Думаю, года четыре. Нет, пять. Да, скорее, пять.

— Вы позволяете мне использовать трил, который хранится как вещественное доказательство? А вам не кажется, что это, мягко говоря, нарушение прав собственности?

— О, то дело уже закрыто, — сообщила агент. —

Хозяин трила умер в нашем следственном изоляторе.

— Как это случилось?

— Его пырнули заточкой.

— Хадена пырнули заточкой? Сурово.

— Это был плохой человек.

— Послушайте, э-э… — Я понял, что не знаю ее имени.

— Агент Изабель Ибаньес, — любезно подсказала она.

— Послушайте, агент Ибаньес, я не хочу показаться неблагодарным, но я только что получил результат диагностики этого трила. Его ноги не работают. Совсем. Судя по всему, им нанесен значительный ущерб.

— Наверное, это потому, что в трила попали из дробовика, — предположила агент.

— Из дробовика, — повторил я.

— Во время перестрелки с агентами ФБР, — уточнила Ибаньес.

— Похоже, хозяин трила и правда был плохим человеком.

— Еще каким плохим.

— Надеюсь, вы понимаете, что трил с обездвиженными ногами станет серьезным препятствием в той работе, которую я должен сегодня здесь

выполнить.

Ибаньес шагнула в сторону и показала на инвалидное кресло, по всей видимости заранее поставленное туда.

— Инвалидное кресло, — сказал я.

— Да, — подтвердила агент.

— Трил в инвалидном кресле.

— Да, — повторила агент.

— Это похоже на шутку в дурном вкусе, — заметил я.

— Наш офис приспособлен для людей с ограниченными возможностями, — с гордостью сообщила агент Ибаньес. — Как я понимаю, вы собираетесь в почтовое отделение, которое по закону тоже должно быть приспособлено для людей с ограниченными возможностями. Поэтому в кресле вам будет вполне удобно.

— Значит, вы серьезно, — сказал я.

— Это все, чем мы располагаем на текущий момент. Мы могли бы нанять для вас трил, но это потребует официальных разрешений и бумажной волокиты. Вы застрянете здесь на целый день.

— Понятно, — сказал я. — Вы простите, если я отлучусь на минутку, агент Ибаньес? — И прежде, чем она успела ответить, я отсоединился от

увечного трила.

Двадцатью минутами позже я вышел из офиса «Эйвис» в Пасадене в новеньком, с иголочки, темно-бордовом триле от компании «Камен зефир», оплаченном из собственного кармана, сел в такой же темно-бордовый форд, также оплаченный из собственного кармана, и направился в Дуарти. Вот вам и бумажная волокита, получите.

Почтовое отделение Дуарти размещалось в невзрачном строении из бежевого кирпича. Арочные окна придавали зданию едва уловимое испанское очарование. Я зашел внутрь, вежливо встал в очередь, дождался, пока одна за другой три старушки наклеят марки и отправят свои посылочки, а потом, оказавшись возле окошка, предъявил почтовому служащему свой бейдж на нагрудном дисплее трила и попросил позвать начальника.

Вскоре передо мной появился невысокий пожилой человек.

— Я — Роберто Хуарес, начальник местной почты, — представился он.

— Здравствуйте, — ответил я. — Агент Крис Шейн.

— Забавно! — сказал Хуарес. — Вас зовут так же, как того знаменитого парнишку.

— Да, — согласился я. — Полагаю, что так.

— Он тоже был одним из ваших. В смысле, хаденов.

— Припоминаю.

— Наверное, это иногда раздражает, — сказал он.

— Не без того. — Я решил перейти к цели своего визита. — Мистер Хуарес, примерно неделю назад в ваше почтовое отделение зашел мужчина и отправил денежный перевод. Я надеялся поговорить с вами о нем.

— Ну так у нас уйма народу переводы отправляет. Здесь полно иммигрантов, и они пересылают заработки домой. А перевод был за границу или внутренний?

— Внутренний, — ответил я.

— Тогда выбор немного сужается, — сказал Хуарес. — Этих-то поменьше будет. У вас есть фото?

— Я могу позаимствовать у кого-нибудь здесь планшет на секундочку? — спросил я.

Можно было показать фотографию и на нагрудном дисплее, но люди обычно стесняются разглядывать грудь. Служащая, которую, судя по именной табличке на ее рабочем столе, звали Мария Уиллис, дала мне свой планшет. Я загрузился и вывел фото Джонни Сани — обмытого, с

закрытыми глазами.

— Это не самая удачная фотография, — сказал я, показывая им снимок.

Мистер Хуарес лишь равнодушно глянул на изображение. А вот Мария Уиллис изумленно охнула и прижала ладонь ко рту.

— Боже мой! — воскликнула она. — Это же Олли Грин!

— Олли Грин? — переспросил я. — Значит, полное имя Оливер Грин? еще цвет такой есть[17].

— Он умер, да? — кивнув, прошептала она.

— Да, — ответил я. — Мне жаль. Вы его знали?

— Он приходил сюда почти каждую неделю, брал бланк на перевод, конверт и марку, — сказала Уиллис. — Был очень милым. Может, слегка заторможенным, — она посмотрела на меня, словно проверяя, правильно ли я понял намек, — но очень милым. Всегда мог поговорить с тобой о том о сем, если не было очереди.

— И о чем он говорил? — спросил я.

— О самых обычных вещах. О погоде, недавно увиденном фильме или телешоу. Иногда рассказывал о белках, которых видел по дороге на почту. Очень уж они ему нравились. Однажды

---

[17] Примечания: 17
Green — зеленый *(англ.)*.

обмолвился, что хотел бы завести маленькую собачку, чтобы та гонялась за белками. А я сказала, что если он сделает это, то и белку, и собачку в конце концов задавит машина.

— Значит, он жил где-то поблизости, — сказал я. — Если ходил сюда пешком.

— Кажется, он говорил, что живет в «Бредбери-парк», — вспомнила Уиллис. — Или в «Бредбери-вилла»? Что-то типа этого.

Я тут же запустил поиск и обнаружил в полумиле от почты элитный жилой комплекс «Бредбери-парк». Действительно на расстоянии одной остановки.

— Он когда-нибудь рассказывал о своей работе? — спросил я.

— Не особенно. Только однажды упомянул, но потом сразу сказал, что она секретная и о ней нельзя говорить. Тогда я пропустила это мимо ушей, думала, пытается пошутить.

— Ясно, — заметил я.

— Хотя, по-моему, он свою работу не любил.

— Почему у вас сложилось такое впечатление?

— Последние несколько раз он выглядел подавленным и хмурым и все больше отмалчивался, совсем не как раньше. Я спросила, все ли в порядке. Он ответил, что работа его угнетает. Но

больше ничего не добавил.

— Понятно, — сказал я.

— А теперь он умер. Может, из-за своей работы?

— Пока мы этого не знаем. Следствие еще идет.

Сзади кашлянул Хуарес. Я обернулся и, увидев за собой еще пару старушек, кивнул ему, чтобы показать, что понял намек.

— Похоже, мне пора закругляться. Вы что-нибудь еще запомнили об Оливере Грине? Что-нибудь необычное?

— В один из своих последних приходов он интересовался арендой абонентского ящика, — сказала Уиллис. — Спрашивал, сколько это стоит и что нужно сделать, чтобы все оформить. Я назвала цену и сказала, что понадобится два экземпляра удостоверения личности. После того он, казалось, охладел к этой теме. Я сказала, что ему лучше обратиться в банк и нанять там сейф.

— Почему?

— Он сказал, что хочет держать там нечто ценное.

— А, Оливер Грин, — сказала Рэйчел Штерн, менеджер «Бредбери-парк». — Приятный парень. Живет в однокомнатной квартире на первом этаже, рядом с садом и прачечной. Правда, арен-

датор не он, а его компания.

— Его компания?

— Да, «Филамент диджитал».

— Не уверен, что слышал о ней, — засомневался я.

— Вроде бы они занимаются чем-то связанным с компьютерами и медицинскими услугами, — сказала Штерн. — Точно не знаю. Слышала только, что они тесно сотрудничают с «Городом надежды», поэтому и снимают у нас квартиру. Чтобы в ней могли останавливаться люди, работающие там.

— Значит, мистер Грин не первый, кто живет в этой квартире? — спросил я.

— Да, было несколько человек до него, — сообщила Штерн. — В основном тоже приятные люди. Одного только пришлось попросить, чтобы не шумел после десяти вечера. Очень любил громкую музыку.

— Грин ничего такого не делал?

— Нет, — заверила Штерн. — Он образцовый жилец. Много разъезжает, особенно в последнее время. Даже не знаешь, когда он дома. — На ее лице отобразилось изумление. — А что, у мистера Грина проблемы с ФБР?

— Не совсем, — ответил я. — Он погиб.

— Боже милостивый. Как?

— Миссис Штерн, вы не будете возражать, если я взгляну на его квартиру? — спросил я, чтобы сменить тему.

— Разумеется, — сказала она. — То есть, будь он жив, наверное, понадобился бы ордер, но теперь, когда он мертв… — Она умолкла, очевидно раздумывая, как поступить, потом кивнула самой себе и посмотрела на меня. — Конечно, агент Шейн, пойдемте со мной.

— Какой замечательный у вас комплекс, — сказал я, когда мы шли из офиса, — просто чтобы завязать разговор и чтобы ей не пришло в голову все-таки потребовать ордер.

— Да, неплохой, — согласилась она. — У нас есть и другие, классом выше. Этот находится где-то посередине нашего спектра предложений. Но ведь, смею заметить, Дуарти и сам по себе приятный городок. Агент Шейн, вы не против, если я спрошу вас кое о чем?

— Пожалуйста.

— Вы, случайно, не родственник Сиенны Шейн?

— Вряд ли. Она — знаменитость?

— Что? Нет-нет, что вы. Я просто ходила вместе с ней в старшую школу в Глендоре, а когда при-

ехала на десятилетие выпуска, Сиенна сказала, что ее кузен подхватил вирус и стал хаденом. Я подумала, может, это вы.

— Увы, — сказал я. — Я даже не отсюда. Родился в Виргинии.

— А почему вы спросили, не знаменитость ли она?

— Когда люди спрашивают, знаешь ли ты кого-то, речь чаще всего идет о знаменитостях, — заметил я.

— Не припомню ни одной знаменитости по фамилии Шейн, — сказала Штерн и указала на квартиру. — Мы пришли.

Я быстро огляделся и схватил ее за руку:

— Постойте-ка.

— В чем дело? — спросила Штерн.

Я кивнул в сторону внутреннего дворика. Большую его часть скрывала перегородка, но была видна верхушка раздвижной стеклянной двери, ведущей в квартиру. Эта дверь была приоткрыта на очень узенькую щелочку.

— У Грина были соседи? — спросил я тихо.

— По договору — нет, — ответила Штерн.

— Дверь во двор была в таком положении?

— Вряд ли.

Я потянулся к шокеру, чтобы расстегнуть кобу-

ру, и вдруг понял, что нахожусь в арендованном триле.

— Проклятье, — выругался я и посмотрел туда, где никакого шокера не было и в помине.

— Что такое? — спросила Штерн.

— У вас есть с собой телефон?

— Да.

— Оставайтесь здесь, — велел я и махнул рукой на дверь квартиры. — Если ровно через одну минуту я не выйду из этой двери, звоните в полицию. Потом возвращайтесь в свой офис и ждите там. Все ясно?

Штерн посмотрела на меня так, словно я только что на ее глазах превратился в осьминога или еще в нечто подобное. Я молча отошел от нее, залез на стену дворика и спрыгнул вниз как можно тише. После чего на карачках прокрался к стеклянной двери, включил записывающий режим, отодвинул ее, чтобы можно было пролезть, скользнул в квартиру и только тогда выпрямился.

В кухонном закутке, в двадцати футах от меня, стоял матово-черный трил с конвертом в руке.

Секунд пять мы пялились друг на друга. Потом я задвинул стеклянную дверь, запер ее на замок и сказал трилу:

— ФБР. Не двигаться.

Трил бросился к входной двери.

Я метнулся за ним, для чего пришлось перепрыгнуть через диван, врезался в него примерно за три фута до двери и впечатал его в стену. Гипсокартон треснул, но выдержал.

Трил попытался ударить меня по голове, но ему не хватило размаха. Я схватил его и отшвырнул в коридор между гостиной и кухней. Конверт, который он держал в руке, упал на пол.

— Вы арестованы за взлом и незаконное проникновение, — объявил я и двинулся по дуге, чтобы на всякий случай отсечь ему путь к двери во внутренний дворик. — Вы также арестованы за нападение на государственного служащего. Сдавайтесь. Не усугубляйте свое и без того серьезное положение.

Пытаясь обмануть меня, трил дернулся к двери, потом резко поменял направление и рванул в кухню, что казалось довольно глупым, ведь она была огорожена с трех сторон. Я тоже вошел в кухню, перекрыв ему единственный путь к отступлению. Трил быстро оглянулся по сторонам, заметил набор ножей, схватил один и выставил перед собой.

Я посмотрел на нож, потом на трила:

— Вы что, шутите? — Тело моего трила было

сделано из углеродного волокна и графена; нож его даже не поцарапал бы.

Трил метнул нож, и я инстинктивно отшатнулся. Лезвие лишь звякнуло по моей голове и упало на кухонный пол. Тогда трил выдернул из кучи грязной посуды в раковине здоровенную кастрюлю и нацелил ее прямо мне в голову. Она шмякнула с гулким звуком, развернула мою голову в сторону и оставила на ней приличную вмятину.

Вот тогда я понял, что болевые рецепторы у моего арендованного трила настроены на максимум. Какая-то часть моего мозга понимала, что это вполне логично, ведь прокатная компания не хотела, чтобы клиенты сотворили что-нибудь неразумное с их трилами, а настройка болевой чувствительности могла удержать от этого.

Но остальной мой мозг просто исступленно выл.

Трил размахнулся, чтобы снова приложить меня кастрюлей. Я подставил кулак, отбил ее, а когда она с грохотом упала на пол, кинулся на трила, собираясь ударить его локтем в шею.

По крайней мере, задумка была такой. Правда, в результате у меня получился не прием кунг-фу, а что-то вроде пьяной драки. Однако второй ру-

кой я все же сумел оттолкнуть трила так, что он зашатался. Этого хватило.

На плите стояла сковородка с присохшими остатками яичницы. Я схватил ее и сразу повернулся к трилу, который уже выпрямился и снова сжимал кастрюлю в руке.

— Да ладно, — сказал я ему. — Неужели вы правда собираетесь это сделать?

Трил нерешительно теребил ручку кастрюли.

— Послушайте, — добавил я. — Полиция уже едет сюда. Вы могли бы…

Трил занес кастрюлю высоко над головой и покачнулся. Я отступил назад и в сторону, чтобы избежать удара. Когда руки трила начали опускаться, оставив его голову незащищенной, я шмякнул по ней сковородкой, как теннисист, отбивающий мяч. Трил плюхнулся на задницу.

Я тут же этим воспользовался, пнул его в бок, когда он попытался уползти, оттесняя его назад, в кухню. Его правая рука, все еще сжимающая кастрюлю, потянулась в мою сторону. Я наступил на нее двумя ногами, толкнул тело к плите и заломил его вторую руку за спину. Потом поднял сковородку.

Трил посмотрел на нее, затем на меня.

— Да, я знаю, это чертова сковородка! — сказал

я и хрястнул его по шее ребром сковородки семь или восемь раз подряд, пока не лопнула обшивка из углеродного волокна.

Потом поднял с пола нож, сунул его в образовавшуюся трещину, пока не почувствовал под лезвием пучок проводов, ведущих от триловского процессора к системам его тела.

— Вот как надо использовать нож в драке трилов, — сказал я и стукнул по рукоятке ножа сковородой.

Лезвие рассекло провода, и трил перестал трепыхаться. Я глубже загнал нож в трещину, чуть раздвинул ее и увидел силовой кабель, питающий процессор в голове. Засунул в щель руку и ухватился за него пальцем.

— Я знаю, вы еще здесь и слышите меня, — сказал я. — И я знаю, что этот трил все еще может говорить. Так почему бы нам не облегчить друг другу жизнь? — Я обвел глазами разгромленную кухню. — Ну, во всяком случае, чуть-чуть. Скажите мне, кто вы и откуда. У меня ваш трил. И его встроенная память. Рано или поздно я сам все узнаю.

Трил молчал. Но тот, кто управлял им, по-прежнему был здесь и по-прежнему смотрел на меня.

— Будь по-вашему, — объявил я и дернул за

силовой кабель, чувствуя, как он отрывается от одной из своих клемм.

Вот теперь трил был уже стопроцентно мертв.

Я встал и осмотрел квартиру. Выглядела она так, словно ее разгромила парочка неуклюжих идиотов. Я пошел к входной двери, открыл ее и увидел Рэйчел Штерн с телефоном возле уха.

— Я услышала шум и вызвала полицию, — сообщила она, изумленно таращась на меня.

— Блестящая идея, — сказал я. — Раз уж вы все равно взялись, позвоните в лос-анджелесское управление ФБР. Скажите им, что мне нужна следственно-оперативная бригада в полном составе и кто-нибудь из специалистов по компьютерной криминалистике. А еще скажите, что чем быстрее они прибудут, тем лучше.

— С вами все нормально? — глядя на голову моего трила, спросила Штерн.

— Скажем так, залог за этого трила мне уже точно не вернут, — заметил я и пошел обратно в квартиру.

На полу лежал оброненный трилом конверт.

Я поднял его. Это был простой белый конверт, на котором скорее детским, чем взрослым почерком, очень крупными буквами было написано: «Бабушке и Джейн». Конверт был заклеен. После

секундного сомнения я вскрыл его. Внутри лежала карта памяти.

— Алло, — сказал я.

Пискнул сигнал вызова, и в поле моего зрения всплыло лицо Клаха Редхауса.

— Агент Шейн слушает, — добавил я.

— Крис, э-э, это офицер Редхаус, — неуверенно выговорил Редхаус.

— Знаю.

— Насчет того дела, что вы расследуете.

— Да, — ответил я.

— В общем, тут есть люди, которые хотят с вами поговорить о нем.

— Полагаю, важные люди?

— Правильно полагаете.

— И они наверняка сейчас рядом с вами в вашем офисе.

— Вообще-то, да. А как вы догадались?

— В основном по нервному заиканию.

На другом конце линии раздался смешок.

— Поймали. Ладно, так или иначе, эти люди очень надеются с вами сегодня потолковать.

Я присмотрелся к карте памяти и сказал:

— Думаю, это можно устроить. У вас там есть люди, с которыми я тоже хотел бы потолковать.

Глава 16

— Только не говорите, что вы не записали вашу драку, — сказала Ванн, когда я вернулся в офис.

— Со мной все хорошо. Спасибо, что спросили, — как ни в чем не бывало сообщил я, подходя к ее столу.

— Я не спросила, потому что это бессмысленный вопрос. Вы же в триле. Самое худшее, что с вами могло случиться, — это пара вмятин.

— Это не самое худшее.

Мои последние минуты в Лос-Анджелесе прошли в общении с крайне раздраженным менеджером пасаденской «Эйвис», когда я передавал ему информацию по своей страховке, чтобы они могли разобраться с арендованным трилом, который я вернул с трещинами и вмятинами.

— Но вы ведь выжили, — указала Ванн.

— Чего нельзя сказать о втором триле, — признал я.

— Уже известно, кто в нем был?

— Нет. Бригада криминалистов из Лос-Анджелеса сейчас как раз это выясняет. Но когда я осматривал его, то не нашел ничего ни об изготовителе, ни о самой модели.

— Странно, — резюмировала Ванн.

— Еще как странно. По закону каждый рыночный трил должен быть промаркирован, а также снабжен идентификационным номером транспортного средства. — Я поднял руку, чтобы показать номер своего трила, выгравированный чуть ниже подмышки. — У него ничего такого нет.

— Предположения?

— Первое — это опытный экземпляр, еще не выпущенный на рынок. Второе — это рыночная модель, которую изменили уже после продажи, содрали на ней все номера и бирку изготовителя. И третье — это ниндзя.

— Ниндзя-трил, — хмыкнула Ванн. — Смешно.

— Когда он пытался проломить мне голову кастрюлей, мне было не до смеха, — заметил я. — Лос-анджелесская бригада обещала сообщить, если они найдут что-нибудь интересное. Я попросил уделить особое внимание процессору и памяти. На меня посмотрели как на придурка.

— Шейн, никто не любит, когда им указывают, как делать их работу.

— Должен признаться, лос-анджелесское управление меня не слишком впечатлило, — сказал я. — Наверное, я просто расстроился, когда они

попытались поместить меня в трила на инвалидном кресле.

В памяти всплыл звонок от агента Ибаньес, когда она весьма раздраженным тоном сообщила мне, что прождала моего возвращения десять минут перед отключенным трилом, прежде чем поняла, что я просто исчез. Она успокоилась только после того, как я убедил ее, что пока я добрался бы до «Бредбери-парк» в инвалидном кресле, наш загадочный трил давно бы ушел из квартиры вместе с важными уликами.

Хм, улики… а ведь за мной должок.

— Мне надо сегодня вернуться в Аризону, — сообщил я.

— Какой внезапный поворот в разговоре, — сказала Ванн.

— И совсем не внезапный. Джонни Сани оставил карту памяти для бабушки и сестры. Именно за ней туда приходил ниндзя-трил. На карте точно что-то есть, но вход защищен паролем.

— Какой бы пароль ни придумал Джонни Сани, разгадать его будет несложно.

— Может, и так, но лучше сначала спросить у родных. Ведь запись совершенно точно предназначалась им. Я сделал копию. Покажу ее им и посмотрю, знают ли они, что с ней делать.

— Спросите еще, знают ли они, почему Джонни жил под вымышленным именем.

— Спрошу, но вряд ли они в курсе. — Я чуть помолчал. — Все-таки очень странно, что у этого Оливера Грина, кажется, вообще не было никаких документов.

— Что вы имеете в виду? — спросила Ванн.

— Одна дама на почте рассказала мне, что Сани спрашивал об аренде абонентского ящика, но когда узнал, что для этого понадобятся два экземпляра удостоверения личности, вопросы задавать сразу перестал. Квартиру тоже снимал не он, а «Филамент диджитал». Значит, для найма жилья документа ему также не потребовалось.

— Что еще за «Филамент диджитал»?

— Изготовитель компонентов для нейронных сетей, — пояснил я. — Китайская компания. Я звонил им, но никто не ответил. Там сейчас глубокая ночь.

— У них нет офиса в Штатах? — спросила Ванн.

— Насколько я понимаю, та квартира и была их штатовским офисом. Я попросил наших лос-анджелесских коллег разобраться и с этим тоже.

— Должно быть, наши лос-анджелесские коллеги теперь вас просто обожают, — съязвила Ванн.

— Да, едва ли я их кумир, — согласился я. — А

вы чем занимались?

— Очистила от хаденов еще несколько столичных предвариловок, — ответила Ванн. — Большинство предпочло вариант «убраться к чертям собачьим из Вашингтона», но нашлась и парочка упертых, кто отказался, и парочка таких, кого действительно стоило задержать. Теперь все они гости федерального правительства на ближайшие несколько дней. Займемся ими после марша. Полицейские сообщили мне, что обстановка понемногу накаляется. Да, кстати, я тряхнула ту интеграторшу.

— Которую? — спросил я. — Бренду Риз?

— Ага, ее самую. Позвонила ей, представилась и попросила о встрече, чтобы задать несколько вопросов. Она спросила, в чем дело, я ответила, что речь пойдет о взрыве на «Лаудон фарма». Тогда она спросила, почему я хочу поговорить об этом именно с ней, и я сослалась на некую анонимную наводку.

— Но у нас не было никакой анонимной наводки на ее счет, — напомнил я.

— Не было, но, когда я это сказала, она занервничала, чем очень меня заинтриговала.

— Любой занервничает, когда ему говоришь, что пришел по анонимной наводке, а дело каса-

ется теракта.

— Важно то, как именно нервничают, — заметила Ванн. — Риз сразу затихла, а потом попросила о встрече сегодня вечером.

— Мы приведем ее сюда? — спросил я.

— Я дала ей адрес одной моей любимой кофейни в Джорджтауне, — ответила Ванн. — Обстановка там посвободнее, она расслабится и будет более разговорчивой.

— То есть сначала вы доводите ее до паранойи, а потом хотите, чтобы она чувствовала себя уютно. Едва ли я вам нужен, чтобы вместе с вами разыграть перед ней пьесу о «хорошем и плохом полицейских». Вы вполне способны сыграть обе эти роли сами.

— Как раз это ваша подружка Тринх и называет небрежностью, — сказала Ванн.

— Не уверен, что она ошибается, — заметил я.

— Если это срабатывает, то ошибается.

— Опасная философия.

Ванн пожала плечами.

В моем поле зрения выскочило сообщение о звонке. Звонил Тони.

— Когда я брался за эту халтуру, ты не сказал, что я буду работать в настоящем морге с настоящим мозгом, — пожаловался он после обмена

приветствиями.

— Мне пришлось быть осмотрительным. Извини.

— Ладно, проехали. Просто я никогда раньше не видел настоящий мозг. Пришлось прикрутить чувство обоняния до нуля.

— Ты что-нибудь нашел? — спросил я.

— Много чего. Наверное, мне стоит поговорить с тобой об этом. И с твоей напарницей тоже.

— Так давай встретимся.

— Только не в морге. Думаю, мне надо убраться подальше от всего этого мяса.

— Вот первая находка, — объявил Тони и вывел изображение мозга Джонни Сани; мозг был еще в черепе и проглядывал сквозь поблескивающую паутину нейронной сети.

Мы все стояли в визуализационной аппаратной: я, Ванн, Тони и Рамон Диас, которого, казалось, забавляло, что Тони занял его место за пультом.

— Это мозг, — сказала Ванн. — И что?

— Вы не на мозг смотрите, а на сеть, — посоветовал Тони.

— Хорошо, — согласилась Ванн. — А с ней что?

— Она совершенно уникальна! — заверил Тони.

— Я думал, любая нейронная сеть уникальна, — вклинился я. — Их ведь подгоняют под тот мозг, куда устанавливают.

— Верно, но перед установкой все модели идентичны! — воскликнул Тони и указал на мою голову. — «Рэйтеон» в твоей голове точно такой же, как любой другой экземпляр этой модели. Только когда сеть попадает в голову, ее завитки и рецепторы располагаются уникальным образом в каждом конкретном мозге. Но первоначальное железо и программное обеспечение у всех одни и те же.

Ванн показала на сеть на экране:

— И вы хотите сказать, что эта сеть не похожа ни на одну современную рыночную модель?

— Более того — она не похожа ни на одну когда-либо созданную, — заявил Тони. — Все нейронные сети должны быть представлены на утверждение в Управление по контролю качества пищевых продуктов и медикаментов либо в аналогичные органы в других странах. Все заявленные проекты собираются в одной базе данных для разных агентств и для людей вроде меня, которые пользуются ею как справочником. Этой сети в базе нет!

— Значит, это опытный образец, — заключила

Ванн.

— Опытные образцы не помещают людям в мозг, — возразил Тони. — На то они и опытные: если что-то пойдет не так, они могут вас попросту прикончить. Прежде чем пройти утверждение, модели тщательнейшим образом испытывают на компьютерном стенде, на животных или на специально выращенной мозговой ткани. Если она установлена кому-то в мозг, значит это окончательный вариант проекта. — Он показал на сеть. — Перед вами окончательный вариант. Но его нет в базе данных.

— А мы можем посмотреть на нее уже без плоти и крови? — спросил я.

Тони кивнул, голова Сани исчезла с экрана, осталось только схематическое изображение сети.

— У меня не хватило времени как следует смоделировать, — пояснил Тони.

— Думаю, сойдет и так. Для меня она ведь все равно похожа на спагетти, — вспомнил я его же слова.

— Тогда почему ты захотел посмотреть на нее?

— Чтобы не любоваться на чей-то вскрытый череп.

— Ясно, — сказал Тони. — Прости.

— Вы сказали, что раньше не видели ничего подобного, — прервала нашу беседу Ванн.

— Да, верно, — подтвердил Тони.

— Тогда, возможно, она напоминает вам какую-то другую модель? — спросила Ванн. — У всех производителей автомобилей, которых я знаю, есть свой «фирменный стиль». То же самое ведь можно отнести и к нейронным сетям?

— Я думал об этом, — признался Тони. — И мне кажется, создатель этой версии взял многое из уже существующих решений. Например, базовые волокна расходятся типично для моделей «Санта-Аны», а в то же время архитектура соединений буквально содрана с «Лактурна», — это модель компании «Акселерант», про которую я говорил Крису сегодня утром. — Тони взглянул на меня, и я кивнул в знак подтверждения. — Есть еще много небольших нюансов от других изготовителей, прошлых и нынешних. Из всего этого напрашивается предположение.

— Какое же? — поинтересовалась Ванн.

— Думаю, эта модель изначально не предназначалась для продажи, — ответил Тони. — Она продуктивна, элегантна, и только по одной ее конструкции можно заключить, что интерфейс между мозгом и сетью по-настоящему чистый.

— Но? — сказал я.

— В том-то и дело, что «но». В эту сеть понапихана куча первоклассной архитектуры от других моделей, запатентованных по всем статьям. — Он махнул рукой на экран. — Если бы кто-нибудь осмелился выставить такой образец на рынок, его бы затаскали по судам все остальные компании-изготовители. И этот судебный процесс затянулся бы на годы. В общем, это никогда не попало бы на рынок. Ни за что. И ни в каком случае.

— А если это сеть для интеграторов? — спросил я. — Там-то рынок крохотный по сравнению с хаденским. Можно убедить, что коммерческого ущерба не будет.

— Не совсем, — сказал Тони. — В самой архитектуре хаденских и интеграторских сетей особых отличий нет. Главное их отличие в том, как они располагаются в мозгу, потому что структуры мозга у хаденов и интеграторов разные, а также в программах, которые управляют сетями.

— Тогда зачем ее сделали? — спросила Ванн. — Зачем создавать сеть, которую не продашь?

— Хороший вопрос, — сказал Тони. — Нейронную сеть ведь просто так, дома, от нечего делать, не сляпаешь. На разработку и внедрение самой первой функционирующей сети ушло сто мил-

лиардов долларов. С тех пор расходы заметно снизились, но ведь все относительно. Нужно платить за стендовые испытания, за моделирование, само производство и еще за кучу всего прочего. — Он снова показал на экран. — В общем, такая модель вполне способна вытянуть из кармана тот же миллиард долларов.

— Миллиард долларов в трубу, — сказал Диас.

— Ну да, — подтвердил Тони, казалось слегка удивленный тем, что Диас еще там. — В том-то и дело. Ты не можешь позволить себе потратить целый миллиард долларов на нейронную сеть, которую не сможешь продать. Особенно сейчас, когда после Абрамса—Кеттеринг исследовательские программы по синдрому клетки больше не будут субсидироваться правительством. Хаденов в США меньше четырех с половиной миллионов, и почти у всех уже установлены сети в головах. Даже будь эта модель законной, все равно не имело бы смысла тратить такие огромные деньги, потому что рынок уже насыщен, а количество новых заболевших, которые появляются в Штатах ежегодно, не может окупить расходы. На мировом рынке шансы тоже невелики.

— В общем, напрасный труд, — заключил я.

— Так и есть, — подтвердил Тони. — Во всяком

случае, насколько я могу судить. Может, я что-то упускаю.

— Давайте взглянем на это с другой стороны, — предложила Ванн.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— Для начала перестанем ломать голову над тем, зачем ее сделали, — сказала она. — А вместо этого спросим себя, кто мог ее сделать. Если у нас появится предположение о том, кто это был, то, возможно, найдется и ответ на вопрос «зачем?». Итак, кто?

— Например, Лукас Хаббард, — ответил я. — Миллиард и для него не пустой звук, но для серьезного ущерба ему надо потерять несколько.

— Правильно, но то же самое можно сказать о каждом владельце компании, связанной с хаденами, разве не так? — возразил Тони. — Мы тратили хренову уйму денег на исследования по синдрому клетки, потому что им болела первая леди. Блин, Крис, да одно твое то старое фото с папой римским, наверное, продлило финансирование работ по вирусу на год или даже на два. Я не большой фанат закона Абрамса—Кеттеринг, но в одном они правы: финансирование хаденов действительно превратилось в огромное корыто, из которого жрут все, кому не лень. Тот же Хаб-

бард. И Кай Ли, глава «Санта-Аны». И еще человек двадцать из высшего руководства таких же компаний. Любой из них мог запросто дать денег на разработку подобной штуки без вреда для себя.

— Да, но Хаббард и Сани были связаны, — сообщил я.

— Сани — это погибший парень? — спросил Тони, я кивнул. — Как связаны?

— «Акселеранту» принадлежит компания, получившая лицензию на медицинские услуги для навахо, — сказала Ванн. — А Джонни Сани — навахо.

— Не очень-то убедительная связь, — немного подумав, заметил Тони.

— Мы над этим работаем, — сказал я.

— Так или иначе, но сейчас Хаббард не стал бы бросать миллиард на ветер, — предположил Тони. — «Акселерант» хочет добиться слияния «Метро» с «Зебринг-Уорнер» и может просто попробовать их купить. Если сделка состоится, то ее обязательным условием будет плата наличными.

— Вы на удивление хорошо осведомлены о деловых операциях «Акселеранта», — отметила Ванн.

— Я слежу за делами всех компаний, с кото-

рыми сотрудничаю, — посмотрев на нее, сказал Тони. — В частности, поэтому я знаю, у каких клиентов намечается работа для меня. А еще я знаю, что сейчас все компании, хоть как-то связанные с индустрией вокруг хаденов, готовятся к очень тяжелым временам. Они или сливаются, или покупают друг друга, или пытаются как можно скорее расширить поле деятельности. Абрамс—Кеттеринг опрокинул корыто. Все, кормушки больше нет.

— Значит, получается, даже если Хаббард, либо Ли, либо кто-то еще и мог потратить большую сумму на подобную разработку, то не стал бы этого делать, — подытожил я.

— Только не сейчас, — подтвердил Тони. — Так мне кажется. Ну, то есть я же не агент ФБР и все такое.

— Тогда кто? — спросила Ванн и посмотрела на меня: очевидно, снова пришло время для проверок.

Я на минуту задумался и наконец выдал:

— Что ж, тогда остаемся мы.

— ФБР? — удивленно спросил Диас.

— Не ФБР, а правительство США, — уточнил я. — Для дяди Сэма миллиард долларов пустяк, и мы вполне могли бы создать то, что не имело

бы коммерческого применения, либо из чисто научного интереса, либо потому, что это жирный кусок для округа какого-нибудь конгрессмена.

— То есть ее просто по-тихому делали в каком-нибудь институте НИЗ, — заключила Ванн.

— Правительство США, бывало, платило фермерам за то, чтобы они ничего не сажали, — добавил я. — Почему бы этому принципу не распространяться на высокие технологии? — Я повернулся к Тони. — Может, поэтому ее и нет в регистре, раз она никогда не предназначалась для продажи.

— Прекрасно, — сказал Тони. — Но это по-прежнему не объясняет, как она попала кому-то в голову.

— Мы над этим работаем, — повторил я.

— Работайте интенсивнее, — посоветовал Тони.

— Что скажешь о программном обеспечении? — спросил я.

— Я видел его только мельком, — ответил Тони. — Уже хотел заняться вплотную, но потом подумал, что вы наверняка ждете отчета по железу. Из того, что я успел увидеть, могу лишь сказать: программа написана на языке Хомского, что вполне логично, ведь он создавался специально для нейронных сетей. Кроме того, программа

имеет значительно меньше линейных кодов, чем большинство интеграторских программ, которые я видел. Это означает, что либо она очень эффективна, либо тот, кто писал ее, хотел, чтобы она выполняла только узкий круг задач.

— Когда вы сможете сказать, что это за код? — спросила Ванн.

— Думаю, общий отчет я представлю вечером, — ответил Тони. — Если нужно больше подробностей, вам придется дать мне код на ночь.

— Без проблем, — пообещала Ванн.

— Но должен предупредить: когда я работаю вечером, то беру полуторный тариф.

— Вы его получите, — сказала Ванн, — при условии, что первый отчет будет готов к семи.

— Сделаю, — пообещал Тони.

— А вы? — повернулась ко мне Ванн. — Думаете, вернетесь к тому времени из Аризоны?

— Должен, по идее, — ответил я.

— Тогда поспешите, Шейн. Поспешите.

Она ушла, на ходу вытягивая из кармана жакета электронную сигарету.

Глава 17

В полицейском управлении Уиндоу-Рок есть конференц-зал. И в нем в тот день был установлен экран с выведенным на него видеофайлом, который ждал, пока его откроют паролем.

Я тоже был в зале. А еще Май и Джейнис Сани. Напротив женщин сидели Клах Редхаус и его босс Алекс Лафин. Возле двери стояли Глория Роунхорс, спикер Нации навахо, и президент Раймонд Бесенти.

Именно из-за последних двух так нервничал Редхаус, когда говорил со мной по телефону. Одно дело, когда твой босс стоит у тебя над душой и заставляет работать, и совсем другое, когда то же самое делают два самых влиятельных человека в Нации навахо.

Я взглянул на Редхауса. Казалось, он уже подуспокоился.

— Не знаю я никакого пароля, — говорила ему Май Сани, — и Джейнис не знает. Джонни никогда не говорил нам про пароли.

— Мы и не думаем, что говорил, — сказал Редхаус. — Может, он просто хотел передать вам это, но не успел, потому что умер. Но мы точно знаем: он

хотел, чтобы вы обе увидели эту запись. Поэтому пароль должен содержать нечто такое, что очень важно для вас, что известно только вам двоим.

Джейнис посмотрела на меня:

— Разве вы не можете просто взломать пароль?

— Нам бы этого не хотелось, — ответил я. — Это было бы неуважением по отношению к Джонни и к вам. Если вы настаиваете, мы попробуем. Но это может занять долгое время. Тут я согласен с офицером Редхаусом — прежде чем мы начнем пытаться, вам лучше сделать хотя бы несколько предположений.

— Иногда для паролей используют имена родных или домашних питомцев, — сказал Редхаус и подошел к беспроводной клавиатуре проектора. — Например, Май. — Он набрал имя, появилось сообщение об ошибке. — Или Джейнис, — добавил Редхаус, но это тоже не сработало. — У вас есть животные?

— Была собака, когда Джонни был еще мальчиком, — сказала Джейнис. — Ее звали Бентли. Мама придумала.

Редхаус сделал новую попытку, но она тоже оказалась неудачной. Несколько комбинаций из трех имен также не дали результата.

— Мы здесь проторчим весь день, — прошептала Роунхорс на ухо Бесенти; тот кивнул в ответ.

— Джонни знал какие-нибудь слова на языке навахо? — спросил я. — Мог писать или говорить? — спросил я.

— Немножко, — ответила Джейнис. — Мы учили язык в школе, но Джонни не так хорошо успевал.

— Он любил истории про «говорящих секретами»[18], — вспомнила Май. — Ну, тех, еще со Второй мировой. О них еще кино старое есть. Джонни любил его смотреть в детстве.

— «Говорящие с ветром»?[19] — уточнил Редхаус.

— Наверное, — сказала Май. — Мне он никогда не нравился. Слишком много крови. Однажды я подарила ему на день рождения словарь «говорящих секретами». Джонни часто читал его.

Я быстро нашел в сети словарь шифровальщиков навахо. В него входило несколько сотен

---

[18] Примечания: 18

Радисты-шифровальщики, которые использовали для передачи устных сообщений код на основе естественных языков. Во время Второй мировой войны в армии США служило много шифровальщиков из племени навахо.

[19] Примечания: 19

«Говорящие с ветром» — американский исторический фильм 2002 года, режиссер Джон Ву.

слов, разбитых по категориям, включая названия кораблей, самолетов, военных частей и месяцев года.

— Тах Тсоси, — произнес я.

Все в зале с подозрением посмотрели на меня.

— Вы что-то сказали? — спросил Редхаус.

— Тах Тсоси, — повторил я. — Я только что просмотрел словарь «говорящих секретами». Месяц май на их языке звучит как «тах тсоси». Простите за мое ужасное произношение.

— Да уж действительно, — улыбнулся Редхаус.

— Джонни стал называть меня так вскоре после того, как я подарила ему книгу, — сообщила Май.

— Стоит попробовать, — сказал я Редхаусу.

Тот набрал имя, и файл открылся.

— Май, Джейнис, — сказал президент Бесенти, — может, вы хотите сначала посмотреть без посторонних?

— Нет, — ответила Май и взяла внучку за руку. — Останьтесь.

Редхаус нажал клавишу, чтобы запустить воспроизведение.

На экране появился Джонни Сани. Я впервые видел его живым.

— Привет, бабуля. Привет, Джейнис, — произ-

нес он, глядя прямо в объектив камеры, которую держал так близко к голове, что заслонял почти весь фон. — Подумал, они могут слышать то, что я делаю с телефоном, поэтому пошел и купил камеру. Пока припрячу все, а если со мной что случится, вы найдете.

Мне кажется, со мной творится что-то неладное. Может, они со мной что делают, поэтому мне так плохо. Помните, я ездил показываться на место уборщика? Потом мне кто-то позвонил и предложил другую работу. Обещал щедро заплатить. Сказал, чтобы я вернулся к вычислительному центру, — там меня будет ждать машина без водителя. Нужно будет только назвать свое имя, и меня отвезут к месту собеседования. Я сделал все, как он сказал. Машина стояла там, и я назвал свое имя.

Мы приехали в Гэллап, и там, возле какого-то здания, меня ждал трил. Он сказал, что его зовут Боб Грей и что мне предлагают место личного помощника для одного важного человека. Я спросил у них, что делает личный помощник, и он ответил, что в основном выполняет поручения и сопровождает своего босса в поездках. Он сказал, что я смогу много путешествовать, увижу мир и за это мне будут хорошо платить, — мне все

это понравилось. Я спросил Боба, почему я. А он сказал, мол, я какой-то особенный, только сам об этом не знаю. Потом дал мне две тысячи долларов в конверте, сказал, что это жалованье за первую неделю и что я могу оставить их себе, даже если откажусь. Сказал, что расчет всегда будет наличными, поэтому налогов и всего такого мне платить не придется. Ну, я и согласился прямо там же. Боб сказал, что начальник охраняет свою личную жизнь, поэтому я не должен никому рассказывать, чем занимаюсь. Можно только сказать, что я получил работу. Так я и сделал.

И после того, как я с вами тогда попрощался, машина отвезла меня в Калифорнию. Боб встретил меня, показал квартиру и сказал, что она теперь моя. Потом дал еще денег. На следующий день Боб отвел меня к боссу, которого звали Тед Браун и который тоже оказался трилом. Он сказал, что как его помощник я должен буду стать интегратором — ну, тем, кто запускает других людей к себе в голову. А для этого, мол, нужно поместить в мой мозг компьютер. Я сначала перепугался, но они стали заверять меня, что больно не будет и что Теду я буду нужен только иногда, а все остальное время смогу делать все, что захочу. Но из-за того, что моя работа секретная, мне придется исполь-

зовать кодовое имя — Оливер Грин.

Они отвели меня к какому-то доктору, я там заснул, а когда проснулся, то на голове совсем не было волос, и мне сказали, что компьютер уже у меня в мозгу. Несколько дней после этого сильно болела голова. Они сказали, что это компьютер так привыкает к мозгу и пройдет еще две недели, пока он привыкнет совсем.

Когда компьютер привык, ко мне пришли Тед с Бобом и сказали, что хотят попробовать интегрироваться. Тед сказал, что зайдет в мой мозг и подвигает моим телом. Я согласился, потом меня немного затошнило и рука начала двигаться сама по себе. Я испугался, а Боб попросил меня успокоиться и ничего не бояться. Потом Тед немножко погулял по квартире в моем теле.

После этого Тед пользовался моим телом каждый день понемногу. Мы ходили в магазин, в библиотеку, один раз даже отправили вам перевод на почте. И я подумал, что не так все это и плохо, главное — расслабиться.

Так прошло три месяца. Я спросил, когда мы отправимся в путешествие, он ответил, что скоро.

А потом началось это.

Однажды я сидел и смотрел какое-то шоу по телевизору, моргнул — а там уже другое шоу.

И я подумал, что, наверное, заснул и даже не заметил. На следующий день я положил буррито в микроволновку, нажал кнопку, а потом снова моргнул — и гляжу, за окном темно, а буррито снова холодный. Но он точно приготовленный был, даже начинка вытекла. Просто я разогревал его так давно, что он уже успел остыть.

Дальше — еще хуже. Бывало, делаю что-нибудь и вдруг бац — я уже в другом месте и делаю совсем другое. Надену одну рубашку, а потом на мне другая. Однажды включил телешоу, которое идет по понедельникам, а был вторник, и не утро, а вечер.

Теду я про это не говорил — боялся, уволит меня, когда узнает, что я больной. Но в конце концов я совсем испугался и все ему рассказал. Тед отправил меня к доктору, а доктор сказал, что со мной все в порядке, просто иногда у некоторых людей, которые становятся интеграторами, бывают «провалы», как он это называет. Он сказал, что они прекратятся и тогда память ко мне вернется. Я пытался не бояться, но это все продолжалось и продолжалось.

Однажды я повернул голову и вдруг понял, что рядом со мной какие-то люди, которых я не знаю, один из них говорил со мной, а я не понимал, о

чем он говорит. Потом он сказал, что кого-то надо убить. Имени я не помню. Он о чем-то спросил меня, я опять не понял, что он говорит, поэтому промолчал и ничего не ответил. Тогда один из них сказал: «Он отключился», а другой сказал: «вот черт», а еще спросил, значит ли это, что тот парень все еще в комнате. Я как-то сразу догадался, что он говорил обо мне. Я просто молча стоял и ничего не делал, а потом сразу наступил следующий день. Пришел Боб, спрашивал, как я себя чувствую, и я соврал, что все в порядке.

Мне кажется, я понял, в чем дело. Я-то думал, эти «провалы» у меня из-за того, что они поместили мне в голову компьютер. Но на самом деле Боб с Тедом используют этот компьютер, чтобы специально устраивать мне эти самые «провалы».

Они теперь длятся все дольше. Последний раз, когда это случилось, я потерял три дня. Даже не знаю, что мне теперь делать. Решил было бежать, но ведь теперь у меня в голове компьютер. Они точно меня найдут. И заставят пропустить столько времени, сколько им надо. А пока я его пропускаю, они используют меня, чтобы делать какие-нибудь плохие вещи. Или заставят меня сделать что-то плохое.

Вот я и не знаю, как мне быть. Говорю это, что-

бы вы знали: если вам скажут, что я сделал что-то плохое, это был не я. Вы же знаете, я бы никогда такого не сделал. Смогу я их остановить или нет, пока не знаю. Но я вам обещаю, что обязательно попробую и не допущу, чтобы моими руками творили зло.

Я просто хотел найти работу. Хотел, чтобы у тебя, бабуля, был хороший дом. И у тебя, Джейнис. Простите меня. Я люблю вас.

Изображение сместились с лица Джонни Сани, и на экране на секунду показалась его спальня в Дуарти. Потом все исчезло.

— Да кто же, черт его дери, смеет творить такое? — возмутился Бусенти, кипя от злости.

Май и Джейнис уже ушли из конференц-зала, очень расстроенные. Капитан Лафин вызвался их проводить, знаками показав Редхаусу, что разговор можно продолжать и в его отсутствие. Однако президент Нации навахо в его разрешении явно не нуждался.

— Это вообще возможно? — спросил у меня Редхаус.

— Отключить кого-то, а потом управлять его телом? — уточнил я, Редхаус кивнул. — Никогда о таком не слышал.

— Это не означает, что такое невозможно, — заметила спикер Роунхорс.

— Нет, мэм, не означает, — сказал я. — Но будь такое возможно, мы наверняка уже знали бы о подобных случаях. Нейронные сети специально спроектированы с защитой от хакерских атак… — добавил я и замолчал.

— Что? — спросил Редхаус.

Я судорожно обдумывал, что можно им сказать, а что нет, но потом решил: да пошло оно все на фиг! Все-таки здесь сам руководитель Нации навахо, а не кто-нибудь. Можно и рассказать.

— Нейронная сеть в голове Джонни Сани — единственная в своем роде, — сказал я. — С большой долей вероятности можно утверждать, что ее настроили специально для этого случая. Что делает его совершенно уникальным.

— Но почему Джонни? — спросил Бесенти. — Зачем делать это именно с Джонни Сани?

— Любого другого можно было бы проследить, — ответил я. — А Джонни Сани никогда не покидал земли навахо. Все его медицинские записи здесь. Его личность можно удостоверить только по номеру социального страхования, а страховкой он никогда не пользовался. Где бы он ни работал, везде получал только наличные, в

обход закона, в том числе и на этой должности. У него не много друзей и очень мало родственников.

— Иными словами, если нужен кто-то для медицинских опытов, это идеальная кандидатура, — подытожил Редхаус.

— По сути, так, — подтвердил я.

Бесенти еще больше разозлился.

— Я знал Джонни Сани, — сказал он мне.

— Да, сэр, я слышал об этом, — ответил я.

На самом деле от Клаха Редхауса я слышал о том, что в молодости Бесенти был весьма неравнодушен к матери Джейнис и Джонни, Джун. Чувства его, по всей видимости, так и остались безответными, но от этого для нынешнего президента Нации навахо они не стали слабее. Старая любовь не забывается.

Бесенти ткнул пальцем на экран с застывшим изображением Джонни Сани — видео уже переключилось на начало.

— Я хочу, чтобы вы нашли тех, кто это сделал, — сказал он. — И чтобы они не смогли оправдаться за свои преступления.

— Господин президент, мы сделаем все, что в наших силах, — заверил я.

Я не знал точно, допускает ли протокол обраще-

ние «господин президент», но решил, что Бесенти не слишком обидится.

— Если будет нужна наша помощь, только дайте знать, — сказал он.

— Офицер Редхаус уже очень помог мне, — сообщил я. — Если понадобится что-то еще, я его обязательно извещу.

Бесенти кивнул и вышел из зала.

— Когда вы собираетесь передать тело семье? — спросила Роунхорс, после того как президент ушел.

— Скоро, — ответил я. — Наш специалист сейчас заканчивает обследование сети в голове Сани. Как только работа будет завершена, мы сможем передать тело.

— Мне известно, вы помогаете семье вернуть Джонни домой, — сказала Роунхорс.

Я бросил взгляд на Редхауса. Тот стоял с непроницаемым лицом.

— Да, об этом позаботятся, — подтвердил я. — Человек, предложивший свою помощь, пожелал сохранить анонимность, чтобы избежать лишней шумихи.

— Любопытно, почему вдруг он решил помочь? — спросила Роунхорс.

— Кто-то ведь должен был помочь, вот он и

взялся, — уклончиво ответил я. Вам известен смысл слова «анонимность»? — поинтересовался я у Редхауса, когда Роунхорс вышла из зала.

— Она спикер Нации навахо, а еще близкая подруга моей мамы, — ответил Редхаус. — Как вы думаете, могу я что-нибудь скрыть от нее?

— Пусть хоть семья Сани не узнает.

— Не узнает, — пообещал Редхаус. — А вам теперь лучше дать мне какое-нибудь задание, ведь вы меня так засветили перед президентом.

— Я лишь хотел выставить вас в лучшем свете! — возразил я.

— За это я, конечно, признателен, но он же не вам будет звонить и спрашивать, как продвигается расследование.

— Хорошо, есть у меня для вас задание, — сказал я. — Просмотрите архив медицинских карт Нации навахо. Проверьте, есть ли кто-нибудь с такой же историей болезни, как у Джонни Сани. Ищите тех, кто заразился вирусом синдрома клетки, заболел менингитом, но потом поправился.

— И что мне делать, если найду?

— Для начала скажите им, чтобы не соглашались ни на какие предложения работы от незнакомцев, — посоветовал я.

Редхаус улыбнулся и ушел, а я позвонил Тони.

— Пытаюсь закончить отчет, — сразу доложил тот.

— Не хочу тебя отвлекать, но мне очень нужно, чтобы ты для меня кое-что проверил, — сказал я.

— И я могу попросить дополнительную плату? — спросил Тони.

— Что касается меня, я целиком за.

— Тогда выкладывай.

— Проверь, есть ли какая-нибудь программа, способная вырубить интегратора.

— Типа отключить его сознание? — спросил Тони.

— Да. Интегратор без сознания, но тело функционирует.

— Невозможно. Интеграторы — не просто пассивные емкости для чужого разума. Чтобы работать и помогать клиенту, они должны оставаться в сознании.

— Охотно верю. Но, пожалуйста, все равно уточни.

— Я так понимаю, это тоже надо к семи, — сказал Тони.

— Было бы здорово.

— Тогда праздничный тариф.

— Договорились. Приступай.

— Уже, — сообщил Тони и дал отбой.

С экрана на меня глядел Джонни Сани. Я молча посмотрел ему в глаза.

Глава 18

— Вы просто не поверите в это дерьмо, — пообещал Тони, подходя к нашему столику возле кафе «У Александра» на Кэдис-элли в Джорджтауне.

Ванн выбрала это кафе, чтобы допросить Бренду Риз в успокаивающей обстановке. Столик был стоячий, потому что хозяева кофеен не любили выгнутые кресла для трилов, но мне на этот мелкий технологический расизм плевать с высокой колокольни.

— А вы кто? — спросила Ванн у трила, пришедшего вместе с Тони.

— Тайла Гивенс, — ответила она прежде, чем я успел подать голос. — Я соседка Тони и Криса. Тони сказал, что мы заглянем сюда по пути в кино.

Ванн посмотрела на меня, явно чтобы проверить, как я отнесусь к присутствию Тайлы при нашем разговоре. В ответ я чуть шевельнул плечом, тем самым совершенно очевидно транслируя мысль «мне все равно».

— У нас конфиденциальный разговор, — Ванн снова повернулась к Тайле, — поэтому прошу вас никому о нем не рассказывать.

— Если хотите, я могу отключить слух, — пред-

ложила Тайла. — Я так частенько делаю, когда Тони рядом.

— Ну, зачем так! — воскликнул он.

— Не нужно, — улыбнулась Ванн. — Просто никому не рассказывайте.

— Вообще-то, Тони — мой пациент, — сообщила Тайла. — Я буду считать это врачебной тайной.

— Итак, — обратилась Ванн к Тони, — что же это за дерьмо, в которое мы не поверим?

— Крис, ты просил меня поискать код, отключающий сознание интегратора, — сказал Тони.

— Да, — подтвердил я. — Ты нашел его?

— Нет. Как я и говорил тебе, интегратор должен оставаться в сознании, чтобы помогать клиенту, — так оно и есть. Но эта программа реально может делать вещи гораздо более жуткие. Она лишает интегратора свободной воли. А потом стирает его память.

— Объясните, — попросила Ванн, внезапно ставшая очень внимательной.

— Интеграторы остаются в сознании по двум причинам, — начал Тони. — Во-первых, это их тела, и они должны иметь возможность запретить клиенту выкинуть какую-нибудь дурость, как, например, ввязаться в драку или выпрыгнуть из самолета без парашюта. Во-вторых, интегриро-

вание ведь никогда не бывает стопроцентным, правильно? Нейронная сеть передает желания клиента в мозг интегратора. Мозг обрабатывает их, двигает тело, заставляя его делать то, что хочет клиент. Но иногда сигнал недостаточно сильный, и интегратору нужно вмешаться.

— Интегратору приходится считывать намерение клиента, чтобы помочь, — добавила Ванн, и я неожиданно осознал, что Тони ничего не знает о ее интеграторском прошлом.

— Точно, — подтвердил он. — Поэтому отключать сознание интегратора не только не этично, но еще и противоречит главной цели интегрирования, которая заключается в создании у клиента иллюзии обладания полноценным человеческим телом. Телу интегратора с отключенным сознанием будет трудно даже ходить, и вообще все его движения будут замедленными и неуклюжими.

— Но кто-то нашел способ это исправить, — сказала Ванн.

— Похоже на то.

— Как?

— Этот код воздействует на проприоцепцию, или, попросту говоря, на мышечные чувства, — объяснил Тони. — В результате у интегратора возникает ощущение, что он не воспринимает

собственное тело.

— То есть код парализует их, — сказала Тайла, очевидно так и не отключившая слух.

— Нет, — ответил Тони. — В том-то вся подлянка. Интегратора нельзя парализовать, иначе клиент не сможет использовать тело. Но можно отнять у интегратора все ощущения собственного тела и в то же время оставить телу способность воспринимать сигналы. То есть интегратор заперт в своем теле, а оно пляшет под чужую дудку.

— Получается, у интегратора синдром клетки, — заметил я.

— Точно! — воскликнул Тони. — Он становится хаденом. Но, в отличие от нас, — он обвел рукой нас троих, включая Ванн, — с полностью исправным телом!

— Но если интегратор в клетке, тело ведь не сможет ходить, — сказал я. — А ты же сам говорил, что он должен помогать.

— А тут еще одна подлянка. Код не только загоняет интегратора в клетку, но и заставляет его мозг думать, будто сигнал от клиента также является его собственным сигналом. Таким образом, когда клиент говорит: «Подними руку», тело слышит это и от клиента, и от интегратора.

И поднимает руку. Или ногу. Или жует.

— Или прыгает без парашюта, — добавила Ванн.

— Или прыгает, — подтвердил Тони.

— Вы сказали, что код еще и стирает память, — напомнила Ванн.

— Ну да. Хотя, возможно, не совсем правильно говорить, что стирает. Код просто не дает мозгу интегратора переводить кратковременную память в долговременную. Как только клиент отключается, все воспоминания об общении с ним из мозга бесследно исчезают.

— Так и получается провал во времени, — сказал я.

— Но не для клиента, — уточнила Ванн.

— Наверное, нет, — сказал Тони. — Если мозг клиента работает нормально, память тоже запишется нормально.

— То есть клиент может делать что угодно, а интегратор ничего не вспомнит, — подвела итог Тайла.

— Правильно, — сказал Тони. — Но в этом и состоит самая гнусная мерзость. Пусть интегратор ничего и не помнит, но, когда это происходит, он все чувствует. Ведь сознание-то код не отключает. Это и не требуется — достаточно того, что код от-

рубает мышечные чувства и скидывает сознание в буфер кратковременной памяти. Писать еще и код, который бы отключал сознание интегратора, — это только лишняя трата времени. Поэтому каждую секунду, в которую клиент использует запертого интегратора…

— Тот испытывает чувство, как будто он тонет, — договорила за него Ванн.

— Ну да, — подтвердил Тони. — Или чувство, будто все это тебе снится и ты не можешь пошевелиться. Или что, по сути, ты стал хаденом.

— Как все это связано с железом? — спросила Ванн.

— Напрямую. Железо оптимизируется под софт, а не наоборот. К примеру, у этой сети густая концентрация волокон сосредоточена на заднем спинномозжечковом пути, который отвечает за бессознательную проприоцептивную чувствительность, иначе говоря, за восприятие своего тела. Таким образом, если у вас имеется софт, есть прямой смысл сделать под него железо. Эта сеть сконструирована под совершенно конкретную цель.

— Завладеть чьим-то мозгом, — сказала Ванн.

— В общем и целом — да.

Я заметил знакомое лицо в конце переулка:

— По-моему, я вижу Бренду Риз.

Я махал ей рукой, пока она меня не увидела. Она улыбнулась, помахала мне в ответ и пошла в нашу сторону.

— А нам пора, если мы еще хотим успеть в кино, — напомнила Тайла Тони.

— Последний вопрос, — сказала Ванн. — Эта программа сможет хоть как-то работать в другой сети?

— Вы имеете в виду, у другого интегратора? — уточнил Тони.

— Точно.

— Вам ответить подлиннее или покороче? — спросил Тони, и Тайла протяжно застонала.

— Покороче.

— Сомневаюсь, что получится.

Бренда Риз потянулась к своей сумочке, вытащила оттуда пистолет и направила его на Ванн. «Пистолет!» — завопил я, схватил Ванн и дернул вниз, одновременно накрывая ее своим трилом. Одна пуля раскололa мне спинную панель, другая с визгом пробороздила руку. Меня пронзила нестерпимая боль, и я тут же отключил болевые ощущения. Дворик кафе наполнился криками и паникой. Я выхватил станнер и развернулся, чтобы выстрелить в ответ. Риз уже бежала по

переулку вместе с перепуганной толпой.

— Твою ж мать, — прошипела Ванн.

Пуля попала ей в плечо. Тайла уже зажимала рану, чтобы остановить кровь.

— Шейн, какого хрена вы тут торчите? — разозлилась Ванн. — Живо за ней!

— Тайла, — попросил я.

— Все под контролем, — сказала она, не отрывая взгляда от плеча Ванн.

Я побежал за Риз.

Та уже свернула налево, на Тридцать третью. Когда я выскочил на перекресток, то увидел, что она еще раз повернула налево, на М-стрит. Снова послышался щелчок выстрела и за ним — громкие крики. Я завернул за угол, и меня чуть не сшибли бегущие в ужасе люди. Я сошел с тротуара, чтобы не столкнуться с ними, и увидел Риз в полуквартале от себя. Она озиралась — явно искала меня.

Вокруг было слишком много людей, чтобы стрелять. Поэтому я просто побежал ей навстречу.

Когда между нами оставалось всего футов двадцать, она заметила меня, подняла пистолет и выстрелила. Но — то ли промазала, то ли попала в такое место, что я ничего не почувствовал. Я налетел на нее со всего размаху и толкнул в стену

дома, так что с ее ноги даже вырвало клок кожи, когда она ударилась о муфту пожарного шланга. Пистолет отлетел в сторону.

Спустя долю секунды я сам по инерции впечатался в стену и выпустил Риз. Согнувшись в три погибели, она заковыляла по улице, на ходу пытаясь что-то найти в своей сумочке. Я выхватил шокер, навел на нее, но выстрелить не успел.

Когда она повернулась ко мне, я увидел у нее в руке гранату с сорванной чекой.

— Да вы шутите, мать вашу, — пробормотал я.

Риз улыбнулась, проковыляла еще чуть дальше по улице и разжала руку.

И вдруг изменилась в лице.

Какое-то мгновение она казалась совершенно растерянной, а потом увидела, что у нее в руке.

Она завизжала, бросила гранату на землю и пустилась бежать. Я уткнул голову в стену и замер.

Взрывной волной меня вмазало в стену, сверху посыпались куски штукатурки, вырванные фрагментами гранаты, и осколки ближайших витрин.

Я поднял голову и огляделся. Вроде бы жертв не было. Единственные люди, которых я заметил, бежали слишком быстро, чтобы их успело задеть взрывом.

Я посмотрел на Риз.

Ей оторвало обе ноги.

Когда я подошел к ней, она, как ни странно, была еще жива. Ее левая рука превратилась в кровавые лохмотья, правой она ощупывала обрубок ноги.

— Я ничего не слышу, — увидев меня, прошептала она дрожащим голосом. — Совсем ничего. Помогите мне.

— Я здесь, с вами, — сказал я, хотя она и не могла меня слышать, взял ее правую руку и тихонько сжал.

Она заплакала.

— Я не хотела этого, — пробормотала она. — Это не я.

— Все в порядке, — заверил я и набрал по внутренней связи 911.

Она наконец оторвала взгляд от своих изувеченных ног и посмотрела на меня:

— Это вы. Я вас помню. Ужин. Я помню.

Я кивнул в знак того, что тоже помню ее.

— Он не все время был там, — прошептала она. — Это я была там все время. Я. Я была там. А он нет. Его не было. Он…

Она смолкла. Я не отпускал ее руки, пока она не умерла.

Когда минут через пять я поднял голову, то увидел, что передо мной стоит детектив Тринх с пистолетом в опущенной руке, а за ее спиной — еще двое копов, держащих меня на мушке.

— Даже не начинайте, — сказал я.

— Агент Шейн, вы не хотите объяснить, что все это значит? — спросила Тринх.

— Это слишком сложно.

— У меня есть время.

— Зато у меня нет, — отрезал я.

— Кто это? — ткнув в сторону Риз пистолетом, спросила Тринх.

— Для вас ее имя — Собственность ФБР, — ответил я.

Когда я вернулся к кафе, Ванн лежала на носилках с кислородной маской на лице, вокруг хлопотали врачи «скорой помощи».

— Со мной все хорошо, — заверила Ванн.

Я посмотрел на Тайлу, которая вытирала со своего трила кровь полотенцем, одолженным у медиков.

— Ничего хорошего, — сказала мне Тайла. — Пуля застряла в плече. Вроде бы ничего важного не задето, но Ванн обязательно надо в больницу. Я бы отправила ее в нашу клинику в Говард, чтобы самой за ней присмотреть, но Джорджтаун

ближе. Я поеду с ней. Кое-кого я там знаю. На них можно положиться.

— Спасибо, Тайла.

— Мне все равно в кино не очень хотелось.

— А мне что делать? — спросил Тони.

— Я бы хотел, чтобы ты еще раз поизучал ту программу, — сказал я.

— Зачем?

— Помнишь, ты говорил, что она едва ли будет работать на какой-нибудь другой нейронной сети?

— Ну да, — подтвердил Тони.

— У меня есть веские основания считать, что ты ошибся. Возвращайся в морг. Я кое-что тебе перешлю.

— Э-э, ты шутишь или как? — с тревогой спросил Тони.

— Если бы.

— Шейн, — позвала Ванн.

Я посмотрел на нее.

— У вас треснула спина.

— Я поймал ею пулю. Но все в порядке. Завтра заменю панель.

— Спасибо.

— С вас причитается.

Она улыбнулась, потом спросила:

— Риз?

— Мертва.

— Как это случилось?

— Граната.

— Твою мать.

— Думаю, она не была собой все это время.

— Как Сани?

— Да, — сказал я. — Я уверен в этом. И еще одно. Мне кажется, перед смертью она пыталась сказать, что в тот день, когда взорвали «Лаудон фарма», она не была интегрирована с Самуэлем Шварцем все то время, что находилась на званом ужине у моего отца. Она послужила ему алиби, пока он отлучался и делал что-то еще.

— «Лаудон фарма», — заключила Ванн.

— Возможно.

— Тогда вам придется противостоять главному юристу крупной компании, — сказала Ванн. — Удачи вам с этим.

— Она всегда со мной, — заверил я.

— Ваши соседи…

— А что с ними?

— Если Риз была интегрирована…

— То ее клиент их видел, — договорил я.

— Я дам ваш адрес, мы пошлем туда агентов.

— Оставьте кого-нибудь для себя. Она же только

в вас стреляла.

— Да, только в меня, — подтвердила Ванн.

До меня не сразу дошло, что она имела в виду.

— Вот черт! — охнул я и отсоединился.

— Эй, ты, стоять! — испуганно вздрогнул Джерри Ригс, когда я внезапно зашевелился в своем «Камен зефире». — Господи, парень, ты бы хоть предупреждал. Этот трил ни разу не дернулся за все время, пока я здесь.

— Джерри, — сказал я. — Тебе надо уходить. Немедленно!

— Что случилось?

— Я точно знаю, что скоро сюда придет тот, кто хочет меня убить.

Джерри рассмеялся, но тут же осекся:

— Ты шутишь?

— Джерри, пожалуйста, — сказал я. — Вали уже отсюда, к чертям собачьим.

Он с изумлением уставился на меня, потом положил на стол книгу, которую читал, и быстро пошел к двери.

Я взглянул на себя, мирно лежащего в «колыбели», и тоже направился к двери.

Мать с отцом ужинали на кухне. У прислуги был выходной. Оба повернулись ко мне, когда я вошел.

— Крис, — сказал папа.

— Что случилось с твоим шестьсот шестидесятым? — спросила мама, глядя на мой трил.

Внезапно погас свет.

— Уходите из дома, — прошептал я. — Сейчас же!

У «Зефира» был режим ночного ви́дения. Я включил его, огляделся и схватил с разделочного стола нож; потом подумал секунду и снял с крюка тяжелую чугунную сковородку. В общем, приготовился как следует.

В свою комнату я зашел одновременно с тем, кто проскользнул в нее через приоткрытую стеклянную дверь, ведущую во внутренний дворик. Гость был невысокий, коренастый; он шагал, выставив вперед пистолет, но держал его стволом вниз. Он сразу направился к моей «колыбели», окруженной созвездием огоньков, которые питались от аварийных аккумуляторов, рассчитанных на двенадцать часов работы. Этого освещения ему с лихвой хватило бы, чтобы загнать мне пулю в мозг. Он шагнул вперед, оставаясь ко мне спиной, и поднял пистолет. Выглядел он при этом вполне профессионально.

Если не учитывать того обстоятельства, что он даже не огляделся по сторонам.

Чем я немедленно и воспользовался — прыгнул на него сзади и сбоку и хрястнул сковородкой по черепу.

Он рухнул как подкошенный, успев дважды выстрелить. Первая пуля пробила дырку в моей «колыбели». Мой бок сразу обожгло болью, когда в него вонзились отколовшиеся щепки. Вторая пуля прошла по высокой дуге над «колыбелью», ударила в стеклянную дверь во внутренний двор, разбив ее вдребезги.

Мой удар сковородкой оказался недостаточно мощным. Лежащий на полу стрелок вытянул ногу и с силой пнул меня в колено. Будь я в человеческом теле, я бы тут же повалился с громкими криками. Но я просто упал, потеряв равновесие, и выронил сковородку.

Убийца встал с пола и снова поднял пистолет, и тогда я сжал нож, который все еще держал в руке, и со всей силы всадил лезвие ему в ботинок. Он взвыл, отпрыгнул в сторону и схватился за нож, чтобы выдернуть его.

Я рывком встал на ноги и толкнул его, а он, удержав равновесие, резко повернул пистолет в мою сторону и выстрелил. Я почувствовал, как пуля вошла моему трилу в левый бок и разорвала его до ноги. Тут же в поле зрения выскочил сигнал

тревоги, сообщавший, что я полностью потерял контроль над левой ногой. Я и сам это понял, потому что сразу упал ничком на кафельный пол, разбив лицо «Зефира» о плитки.

Тут же перевернувшись, я увидел, что мужчина стоит возле дверного косяка, стараясь не наступать на раненую ногу, и целится в меня. Нож по-прежнему торчал из его ноги, сковородка валялась где-то за моей спиной. Никакой надежды спастись у меня не было.

— Эй, ты! — услышал я голос отца.

Убийца повернулся и в ту же секунду получил в бок заряд из дробовика.

Выстрел застал меня врасплох, но убийцу он, наверное, удивил еще больше. Он пролетел через дверной проем, крутанулся в воздухе и упал лицом вниз примерно в футе от меня, не издав ни звука.

Он был мертв.

— Крис! — закричал папа.

— Я в порядке, — откликнулся я. — И тот и другой. Один, правда, немного похуже. — Я подтянул свою бесполезную ногу и сел.

В комнату вбежала мама с фонариком в руке и направила свет прямо мне в лицо, ослепив меня. Я поднастроил глаза на нормальный режим.

— Брось мне фонарик, — попросил я.

Она бросила. Я навел фонарик на убийцу. В том месте, где раньше у него были ребра, зияла огромная дыра. Папа стрелял с очень близкого расстояния.

— Он мертвый? — спросила мама.

— Мертвый, — подтвердил я.

— Ты уверен?

— На все сто.

— Господи боже, — выдохнул папа. — Я только что убил человека.

— Да, убил, — переведя луч фонарика на него, подтвердил я. — Не пойми меня неправильно, но, думаю, ты только что закончил свою сенаторскую гонку.

Папа ничего не ответил, — наверное, шок был слишком силен.

Я перевернул мертвое тело на спину. Мой убийца оказался молодым человеком, темноволосым и темноглазым.

— Кто он? — спросил папа.

— Не знаю, — ответил я.

— С чего кому-то хотеть твоей смерти? — спросила мама.

— Я же агент ФБР, — сказал я.

— Но ты всего третий день на работе!

— Четвертый, — поправил я, чувствуя, что слегка обалдел, — все-таки день был слишком длинным. — Мам, пап, поможете мне? — сказал я. — Когда приедет полиция, надо представить все так, будто это было неудачное ограбление. То же самое говорите и Джерри.

— Он в твоей комнате, — сказал папа. — Твой трил подстрелили.

— Я пришел домой, чтобы поужинать с вами. Мы услышали шум. Я настоял на том, чтобы пойти и посмотреть, ведь я агент ФБР.

Отец с сомнением посмотрел на меня.

— Пап, да брось. Ты же самый знаменитый человек на всей планете, блин. Ты точно сможешь представить все так убедительно, что они поверят.

— Зачем ты заставляешь нас говорить неправду? — спросила мама.

Я посмотрел на мертвое тело:

— Затем, чтобы тот, кто это сделал, думал, будто бы я не знаю, что он улизнул.

— Крис, человек, который это сделал, мертв, — произнесла мама.

— Я хочу, чтобы он именно так и думал, — сказал я.

Мама взглянула на меня как на психа.

В моем поле зрения высветилось что-то еще, кроме сообщения от службы контроля за телом. Звонил Клах Редхаус. Я попросил родителей немного подождать и ответил.

— С вами все в порядке? — встревоженно произнес он, очевидно почувствовав мое состояние даже по голосу.

— Спросите меня об этом завтра, — посоветовал я.

— Я сделал то, что вы просили, и просмотрел медицинские архивы, — доложил Редхаус. — Президент Бесенти дал разрешение.

— Что нашли?

— По вашему запросу нашлось двое, — сказал Редхаус. — Одна из них — женщина. Анни Бригманн, умерла три года назад. Человек, с которым она ехала в машине, заснул за рулем и съехал с дороги. Она была не пристегнута. Машина ее раздавила.

— А второй? — спросил я.

— Брюс Скоу. Я попытался его найти, но он ушел из дому и пропал три месяца назад.

— Подождите секундочку, — попросил я, сфотографировал лицо убийцы и послал фото Редхаусу. — Это, случайно, не он?

— Похож. Вы его знаете?

— Прямо сейчас он в доме моих родителей. Мертвый.

— Это не может быть совпадением, — сказал Редхаус.

— Да, не может, — согласился я.

— И что мне теперь со всем этим делать?

— Подождать меня. Я скоро. Только улажу все здесь.

— Вы заслужили доверие, — сказал Редхаус. — Конечно, я подожду.

— Спасибо, — поблагодарил я и отключился.

Вдали послышался вой полицейских сирен.

Глава 19

Час я провел с шерифами округа Лаудон, которые с удовольствием поверили в историю о «неудачном ограблении», и ушел тогда, когда начала появляться пресса, в том числе папины проплаченные газетчики. Им моя помощь была точно не нужна, они и сами прекрасно знали, что написать. Конечно, рано или поздно пришлось бы сообщить в ФБР, чтобы тело забрали, ведь мне нужно было выяснить, что у него в голове. Но я решил, что подумаю об этом позже.

Мой трил в Вашингтоне был там же, где я его оставил, и вдобавок под охраной полиции, хотя в первые пару минут я не мог толком понять, действительно ли это охранник или коп, который ждет меня, чтобы арестовать. Диагностика показала, что повреждения от пули в спине трила серьезнее, чем я решил вначале, и прошла пара часов, прежде чем их полностью устранили. Я поймал себя на мысли, что всего за сутки умудрился существенно подпортить три разных трила.

Следующий час я потратил на препирательства с Тринх и столичной полицией по поводу того,

что тело Бренды Риз должно быть передано в ФБР. Тот факт, что Риз только что пыталась убить фэбээровского агента, казался Тринх недостаточным аргументом. В конце концов пришлось прибегнуть к помощи вышестоящего начальства, чтобы оно связалось с ее вышестоящим начальством. Когда дело уладилось, Тринх потеряла всякую охоту общаться со мной когда бы то ни было. Это меня вполне устраивало.

Потом еще час я писал в ФБР объяснительную о нападении Риз, приукрасив ее правдоподобной ложью о том, что покинул место преступления, чтобы проведать родителей, а все остальное время усердно наверстывал упущенное, выполняя свои служебные обязанности. Основной упор я сделал именно на нападении Риз, а не на других событиях дня. Своими соображениями на их счет тоже делиться не стал, да никто и не поинтересовался моим мнением. Нападение Бренды Риз сочли единичным случаем, никак не связанным с нашей с Ванн работой. Это меня тоже устраивало.

Едва я закончил все дела, как мой трил отказался идти. Я едва сумел добраться до своего рабочего стола. Нужно было связаться с местным дилером «Зебринг-Уорнер», чтобы трила завтра

забрали в ремонт. А пока я решил проверить, какой из служебных трилов для посетителей я смогу использовать.

Оказалось, никакой. Мы вызвали подкрепление на время марша. Прибывшие агенты разобрали все пять трилов, которые были у нас в наличии. Прекрасно, подумал я и стал искать трил напрокат.

Здесь мне тоже не повезло. Из-за марша протеста все прокатные трилы в Вашингтоне, Мэриленде и Северной Виргинии были взяты до понедельника. Ближайший доступный трил отыскался только в Ричмонде, но и тот оказался от «Метро джуниор курьер».

— Ну и черт с вами, — объявил я миру и наконец использовал привилегию богатого человека.

Я позвонил своему продавцу из «Зебринг-Уорнер» на личный номер и сказал ему, что, если он сейчас же отправится в свой магазин и приготовит для меня трил через сорок пять минут, я оплачу всю сумму сразу и прибавлю пять тысяч сверху в качестве чаевых за то, что вытащил его из того притона для холостяков в Адамс Морган, где он в данный момент наверняка торчит.

Спустя час я гордо выходил из вашингтонского салона «Зебринг-Уорнер» в новенькой модели

325K, и пусть она стояла на несколько ступенек ниже 660XS, я все равно не рассчитывал пользоваться ею больше суток при моей недавно открывшейся способности разбивать трилы в хлам. Я взял такси до больницы Джорджтаунского университета и по дороге позвонил Ванн, сообщив, что еду к ней в новом триле.

Она сидела в отделении травматологии с рукой на перевязи и пререкалась с санитаром.

— Вы должны находиться в кресле-каталке, пока не покинете здание больницы, — упрямо бубнил тот.

— Меня ранили в плечо, а не в ногу!

— Таковы правила больницы.

— Я не могу шевелить только этой рукой, а все остальное у меня прекрасно работает, так что, если рискнете меня остановить, вам мало не покажется. Одно хорошо — вы уже в больнице, помогут быстро. — Она пошла вперед, не обращая внимания на недовольного санитара.

— Ванн! — позвал я.

Она смерила меня взглядом:

— Шейн?

— Ну да.

— Докажите.

— Я сегодня взбесил Тринх не по-детски. Думаю,

теперь она ненавидит меня больше, чем вас.

— Ох, сомневаюсь, — сказала Ванн. — Но если вы довели ее хотя бы до половины, с меня выпивка.

— Я не пью.

— Замечательно. Тогда вы проставляетесь. Пошли, я знаю приличный бар.

— Мне кажется, сегодня вам не стоит шататься по барам, — сказал я. — У вас же дыра в плече.

— Царапина.

— Дыра в плече от пули.

— От маленькой пульки.

— Выпущенной тем, кто пытался вас убить.

— Тем более мне надо выпить.

— Никаких баров, — отрезал я.

Ванн кисло посмотрела на меня.

— Давайте вернемся ко мне, — предложил я.

— С чего бы это?

— Потому что нам надо все обсудить. А еще потому, что за домом наблюдают агенты ФБР, значит вас сегодня точно не убьют. У меня есть кушетка, где вы сможете поспать.

Ванн все еще сомневалась.

— А по пути остановимся и купим бутылочку чего-нибудь, — выложил я последний козырь.

— Уже лучше, — сказала она.

Я вошел в дом по своему публичному идентификатору, чтобы мой вид не напугал соседей. Тайла вышла нам навстречу, но остановилась, увидев Ванн.

— Вас отпустили, — удивленно сказала она.

— Скорее, это я не разрешила им держать меня там, — заявила Ванн.

Хотя лицо Тайлы не выражало никаких эмоций, я почувствовал исходящее от нее осуждение, которое она, впрочем, сразу же погасила.

— Вам обоим стоит взглянуть на новости, — сказала она.

— Не уверен, — заметил я.

— Там показывают видеообращение Бренды Риз. Оно пошло в сеть как раз перед тем, как она стреляла в агента Ванн. — Тайла махнула рукой в сторону гостиной. — У нас там есть монитор для гостей.

— У меня сетевые очки, — сказала Ванн, но мы все равно пошли в гостиную и настроили монитор на новостной сайт, где была выложена копия видеоролика.

В своем обращении Риз говорила о несправедливости закона Абрамса—Кеттеринг, о том, какие страдания он принесет многим ее клиентам, и о том, что все будут в этом виноваты.

— Среди нехаденов нет невиновных, — говорила она. — Они допустили, чтобы это случилось. Кассандра Белл сказала, что это война с обездоленным меньшинством, и я верю ей. Теперь я солдат на этой войне. И моя битва начинается сегодня.

— Вы в это верите? — спросила Ванн, когда мы пересмотрели видео еще раз.

— Черт возьми, нет! — воскликнул я.

— Вы заметили, как она приплела Кассандру Белл?

— Конечно. Еще один акт насилия, совершенный, предположительно, по ее приказу.

— Кого-нибудь еще убили сегодня? — спросила Ванн.

— Кроме Риз? — уточнил я, она кивнула. — Есть несколько человек с незначительными повреждениями от взрыва гранаты; также пострадало имущество, но стреляла она только в вас.

— И в вас, — напомнила Ванн.

— Меня задело случайно, — сказал я. — Потому что я защищал вас.

— Так или иначе, это идет вразрез с ее речью на видео, — решила Ванн. — Получается, только мы с вами знаем, что она покушалась исключительно на меня, но ее обращение всех запутает.

Завтра в утренних новостях ее имя наверняка свяжут с терактом на «Лаудон фарма».

— Скорее всего, — согласился я.

Ванн ничего не ответила, но коснулась монитора, чтобы просмотреть последние новости. Кроме покушения Бренды Риз, в свежей ленте было известие о перестрелке в доме моих родителей. Ванн выбрала этот заголовок и внимательно просмотрела ролик.

— Взломщик, надо же, — усмехнулась она, когда репортаж закончился.

— Я попросил родителей так сказать.

— Думаете, прокатит?

— А почему нет?

— Как ваши родители? — спросила Ванн.

— Теперь, когда вернулись слуги и в доме все на своих местах, уже лучше. Папа, конечно, расстроен. Убийство лишает его всякой надежды попасть в сенат.

— В большей части Виргинии человек не может проиграть, если он защищал свой дом.

— Согласен, но против него будет работать образ разъяренного черного громилы с дробовиком, — возразил я. — Не поможет даже то, что мамины предки контрабандой возили оружие для Конфедерации. Уверен, уже завтра придет ка-

кой-нибудь представитель партии и скажет ему, что они с удовольствием поддержат чью-нибудь другую кандидатуру.

— Мне жаль, — сказала Ванн.

— Все утрясется, — ответил я. — Со временем. Наверное, еще неделю папе придется терпеть разные статьи и комментарии в свой адрес, прежде чем он сможет чем-то заняться. Любой обычный человек прошел бы через все это без публичной огласки. Папе же нужно беспокоиться о том, как эта история отразится на его репутации.

— А «взломщик»?

— Навахо Брюс Скоу, — сообщил я.

— И он как Джонни Сани.

— Есть такая вероятность, — сказал я. — Чтобы утверждать наверняка, нужно залезть ему в голову.

— Еще один дистанционно управляемый интегратор, — предположила Ванн.

— Похоже на то.

Ванн вздохнула, а потом показала на пакет из винного магазина, который я все еще держал в руке. В пакете была бутылка виски «Мэйкерс марк» и упаковка пластиковых стаканчиков.

— Плесните-ка мне, — попросила Ванн. — И не скупитесь.

— Насколько не скупиться?

— Не дайте мне напиться. Но налейте столько, чтобы на душе полегчало.

Я кивнул:

— Почему бы вам не подняться в мою комнату? Я подойду через минуту.

Свернув направо, я прошел на кухню — совершенно пустую, как обычно у хаденов, где не было ничего, кроме составленных в штабеля ящиков с питательной жидкостью. Тайла, чья комната была на первом этаже, заметила меня и тоже вышла на кухню.

— Собираетесь дать ей выпить, — с укоризной заметила она.

— Если бы я не привел ее сюда, она пошла бы в бар, — ответил я. — Здесь, по крайней мере, я смогу помешать ей расклеиться.

— Что ей сейчас по-настоящему нужно, так это сон, а не бурбон, — сказала она, ткнув пальцем в бутылку.

— Не стану спорить, — свинчивая крышку, сказал я. — Но сейчас она спать точно не собирается. А если так, то я ее хотя бы успокою, потому что нам надо еще немного поработать.

— Сами-то как?

— Неплохо, знаете ли, — открывая упаковку

стаканчиков, ответил я. — Подрался с триломниндзя, смотрел, как двум женщинам показывали последнее видео, снятое их погибшим родственником, побывал в том месте, где еще одна женщина взорвала гранату в двадцати футах от меня, наблюдал, как мой папа застрелил незваного гостя из дробовика, — и все за один день. — Я наконец достал стаканчик из упаковки и налил в него бурбон. — Если бы у меня была хоть капля здравого смысла, я бы сейчас взял эту бутылку и приложил к своей впускной трубе.

— Я видела, как это делают, — сказала Тайла.

— Вот как? Ну и что с ними было потом?

— Вы и сами можете догадаться. Тела хаденов неподвижны, и в основном у них плохая переносимость алкоголя. Наши пищеварительные системы приспособлены к тому, чтобы принимать питательные жидкости, а не настоящую еду и питье. А кроме того, болезнь изменяет структуру нашего мозга, что повышает у многих хаденов склонность к привыканию.

— Хотите сказать, они все упоротые? — спросил я.

— Я хочу сказать, что нет никого более упоротого, чем хаден-алкоголик.

— Учту, — пообещал я.

— Вам тоже надо поспать, — сказала Тайла. — Это мое профессиональное мнение.

— И в этом я с вами спорить не стану, — согласился я. — Но по причинам, которые я только что озвучил, прямо сейчас я немного перевозбужден для сна.

— Это всегда так? — спросила Тайла.

— Вы имеете в виду мою работу?

— Да.

— Это моя первая неделя на работе. Поэтому пока да — всегда.

— И как вы себя чувствуете?

— Жалею, что не выбрал жизнь типичного богатого отпрыска, который тянет деньги со своих родителей.

— На самом деле вы так не думаете, — не поверила она.

— Вы правы, — сказал я. — Но в какой-то момент мне действительно захотелось побыть в этой шкуре.

Тайла подошла и накрыла мою ладонь своей:

— Я — врач, и я живу рядом с вами. Так что если понадобится помощь, вы знаете, где меня найти.

— Хорошо, — сказал я.

— Обещайте, что хотя бы попытаетесь немного поспать сегодня.

— Попытаюсь.

— Ладно. — она повернулась, чтобы уйти.

— Тайла, — остановил я ее. — Спасибо вам за сегодняшний вечер. Я хочу сказать, для меня очень важно то, что вы помогли моей напарнице.

— Это моя работа. Вы же видели, как я спасала человека, который только пару минут назад пытался размозжить мне голову бейсбольной битой. Для того, кто вам небезразличен, я уж точно сделаю не меньше.

Глава 20

— А вы не торопились, — заметила Ванн, когда я вошел в комнату.

— Тайла захотела поговорить, — ответил я, протягивая ей стаканчик с бурбоном. — Она беспокоится за нас обоих.

— И правильно делает. Мы оба пережили сегодня покушения. Я тоже беспокоюсь за нас обоих. — Она сделала глоток. — А теперь я вам кое-что расскажу.

— Я думал, мы назначили время откровений на после марша.

— Да, назначили, — согласилась Ванн. — Но потом ваш приятель Тони поделился с нами своим открытием, а мне кто-то попытался прострелить голову. Так что я решила поспешить с историями.

— Хорошо, — сказал я.

— Но я начну издалека, — предупредила она.

— И это хорошо, — подбодрил я.

— Мне сейчас сорок. Заболела я в шестнадцать, в первую волну эпидемии, когда еще никто не знал, что делать с этой напастью. Я жила тогда в Силвер-Спринг, и мы с друзьями решили поехать

на какую-то вечеринку в Роквилл, а Роквилл был закрыт на карантин из-за вспышки вируса Хаден. Но это меня не остановило, потому что я была шестнадцатилетней дурой.

— Как и все в шестнадцать лет, — сказал я.

— Точно. В общем, мы с друзьями сели в машину, нашли какую-то дорогу, где не было блокпостов, и рванули на вечеринку. Когда мы пришли туда, мне показалось, что никто там больным не выглядит, а значит, ничего со мной не случится. Домой я вернулась около трех ночи, папа меня ждал. Он решил, что я пьяная, и попросил дыхнуть. Я кашлянула ему в лицо, как последняя дрянь, и завалилась спать. — Она отпила виски, а я уже знал, что последует дальше. — Через три дня мне показалось, что все мое тело вспухло. Поднялась температура, саднило горло, и очень болела голова. Отец чувствовал то же самое. С мамой и сестрой все было в порядке, и папа заставил их поехать к маминой сестре, чтобы не заразиться.

— Не очень хорошая идея, — осторожно заметил я. — Они могли быть уже заражены, только симптомы пока не проявлялись. Именно поэтому синдром клетки распространился так широко.

— Да, — согласилась Ванн. — Но в то время еще

никто не знал, как это происходит. Они уехали, а мы с папой смотрели телевизор, пили кофе и ждали, когда нам станет лучше. Через пару дней мы оба решили, что худшее позади.

— А потом менингит, — вставил я.

— А потом менингит. Я думала, у меня голова взорвется. Отец позвонил девять-один-один и обо всем рассказал. Они пришли к нам в защитных костюмах, схватили нас и отправили в больницу Уолтера Рида, куда отправляли всех со второй стадией вируса. Я пролежала там две недели и чуть не умерла вначале. Мне ввели какую-то экспериментальную сыворотку, я билась в судорогах и стискивала зубы с такой силой, что сломала челюсть.

— Господи боже мой. А что случилось с вашим отцом?

— Он не поправился. Менингит выжег его мозг. Отец впал в кому через пару дней после того, как нас привезли, и умер спустя месяц. Я была рядом с ним в тот момент, когда его отключили от системы.

— Мои соболезнования.

— Спасибо, — сказала Ванн и отхлебнула еще. — Но самое поганое в том, что мой отец был одним из тех людей, кто очень активно выступал за

передачу своих органов для трансплантации после смерти. Но когда он умер, нам не позволили пожертвовать ни один из его органов. Не хотели, чтобы кто-нибудь получил его почки, а с ними и синдром Хаден в придачу. Мы спросили в больнице, может, им нужно его тело для исследований, но нам ответили, что тел у них уже хоть отбавляй. Поэтому мы в конце концов его кремировали. Папе бы это очень не понравилось.

— А что с мамой и сестрой? — спросил я. — Они заболели?

— У Гвен продержалась небольшая температура три дня, и все. Мама вообще не заразилась.

— Это хорошо.

— Ну да. А потом я три года проходила курс терапии, потому что винила себя в смерти отца и занималась саморазрушением.

— Вы не виноваты в его смерти… — начал было я, но Ванн сразу остановила меня, подняв руку:

— Поверьте мне, Шейн, все, что вы скажете на эту тему, я слышала уже тысячи раз. Вы только меня разозлите.

— Хорошо, не буду, — сказал я. — Простите.

— Все нормально. Просто дайте мне дорассказать. — Еще глоток. — В общем, так или иначе, в какой-то момент обнаружилось, что те немно-

гие, кто выжил на второй стадии заболевания и не получил синдром клетки, могут интегрироваться — то есть использовать свой мозг для переноса чужого сознания. В больнице Уолтера Рида сохранились мои данные, поэтому меня нашли и попросили приехать на обследование. Я приехала. И там узнала, что, по словам одного из лаборантов, у меня «охрененно крутой» мозг.

— Неплохо, — сказал я.

— Да, — согласилась Ванн. — Меня попросили стать интегратором. В то время я типа училась на биолога в Американском университете, но на самом деле в основном торчала на наркоте и трахалась напропалую. Ну, я и подумала: почему нет? Во-первых, если я стану интегратором, НИЗ оплатит мне оставшиеся годы обучения и возместит половину из моих уже взятых студенческих займов. Во-вторых, после учебы я гарантированно получу работу, что в наше время становится все труднее даже для выпускников колледжа, причем работу постоянную. И в-третьих, я подумала, что отец гордился бы мной, и поскольку я убила его, то должна сделать это ради него.

Ванн вопросительно взглянула на меня, словно ожидала, что я снова заговорю о ее невиновности. Я промолчал.

— В общем, пока я доучивалась в университете, мне в голову имплантировали нейронную сеть. Первые несколько дней после этого меня мучили панические атаки и ужасные головные боли. Такие же, как тогда, с менингитом. — Она сделала круговое движение рукой возле головы. — Это чертовы провода становились на место.

— Знаю, — сказал я. — Помню, как это было. Если тебе ставят сеть в раннем детстве, потом испытываешь очень веселые ощущения, когда она шевелится в мозгу, пока ты растешь.

— Похоже на страшный сон. Когда мне вставляли сеть, то сказали, что в мозгу нет нервных окончаний, а я им сказала, что они обкурились, потому что мозг — это один большой нерв.

— Верно подмечено.

— Но потом головные боли прошли и все наладилось. Каждые две недели я ездила в больницу Уолтера Рида, они там проводили разные тесты и постоянно твердили мне, какая у меня уникальная структура мозга и как она идеально приспособлена для вмещения чужого разума, что, безусловно, должно радовать меня, если я собираюсь выбрать такую работу. После окончания университета я начала проходить программу подготовки интеграторов, которая включала в

себя новые тесты, а также изучение самого механизма интегрирования в мозге человека. Они считали, чем больше ты об этом знаешь, тем лучший из тебя получится интегратор. Ты будешь воспринимать все это не как нечто таинственное и загадочное, а как обычный процесс.

— И они были правы?

— Конечно, — сказала Ванн. — Отчасти. Ведь так во всем, согласны? Сначала есть только теория, и лишь потом появляется реальный опыт. С теорией у меня никаких проблем не было. Я понимала все про мапирование мыслей и протоколы передачи, знала, как устранить перекрестные помехи между мозгом клиента и мозгом интегратора, а также почему изучение техник медитации поможет нам стать более хорошими приемниками для сознания клиентов. И много чего еще. Все это содержало очевидную логику, а я была девушка неглупая, к тому же с «охрененно крутым» мозгом. — Еще глоток. — Но потом состоялся мой первый настоящий сеанс интегрирования, и я в буквальном смысле слова обделалась.

— Что? — не выдержал я.

Она кивнула:

— На первых сеансах тебя интегрируют с хаденом, который специально для этого взят в штат. У

нас таким человеком была доктор Харпер. Ее работа заключалась в том, чтобы интегрироваться с новичками и проходить с ними весь процесс. Делая что-нибудь, она подробно объясняла каждый свой шаг, для того чтобы все проходило плавно и не возникло никаких неожиданностей. Самые простые действия — поднять руку, или обойти вокруг стола, или взять стакан и выпить воды. Когда я встретилась с ней, мы пожали друг другу руки, она вкратце рассказала мне о том, что меня ожидает, а потом заметила, что если я нервничаю, то это совершенно нормальная реакция. А я про себя думаю: да не нервничаю я совсем, давай уже начинать. Потом мы обе садимся, я открываю канал связи и чувствую ее запрос на загрузку, даю разрешение, и — срань господня! — у меня в голове другой человек. Я чувствую ее! И не просто чувствую, а чувствую, что она думает и чего хочет. Это не телепатия — ты не можешь читать мысли, а вот желания можешь. Типа я могу точно сказать, что она хочет поскорее закончить занятие, потому что проголодалась. Я не знаю, что именно она хочет съесть, просто знаю, что она голодна. Я не могу прочитать ее мысли, но чувствую каждую из них. И от всего этого я словно задыхаюсь. Или тону.

— Вы сказали им об этом?

— Нет, ведь я знала, что веду себя неразумно. Знала, что все мои чувства вызваны всего лишь гиперреакцией. Поэтому попыталась применить все те расслабляющие и медитативные техники, которым нас учили. Казалось, они подействовали. Я начала успокаиваться. А пока успокаивалась, вдруг осознала, что все мои страсти длились секунд десять. Ладно, думаю, можно и потерпеть. А потом Харпер попыталась двинуть моей правой рукой, и на меня накатило так, что отказал сфинктер.

— Потому что ваша рука двигалась помимо вашей воли, — сказал я.

— Точно! — сказала Ванн и отхлебнула. — В тот первый день я поняла одно: мое тело — только мое, и ничье больше. Я не хочу никого другого в нем. Не хочу, чтобы им кто-то управлял или пытался управлять. Это мое собственное маленькое пространство в этом мире, единственное мое прибежище. И одна мысль о том, что кто-то другой проникнет в него и будет с ним что-то делать, приводит меня в дрожь.

— Что было потом?

— Она немедленно прервала связь, подошла ко мне, успокоила, попросила не смущаться и

не переживать, мол, такое случается практически с каждым на первом сеансе. А я сидела на собственном дерьме и боролась с желанием оторвать ее маленькую механическую голову. Только без обид.

— Я не обиделся.

— Она предложила мне сделать перерыв, чтобы я могла помыться и перекусить, после чего нам нужно попробовать еще раз. Ну, я пошла и помылась, но есть ничего не стала, а вместо этого позаимствовала больничный халат, отправилась в ближайший бар и заказала пять стопок текилы в ряд. А потом заглотнула их одну за другой примерно за полторы минуты, вернулась на второй сеанс и провела его просто блестяще.

— И они не заметили, что вы пьяны в стельку?

— Я же говорила вам о том, что три года занималась саморазрушением. Излишества вредили печени, зато развили способность действовать в пьяном виде.

— То есть, чтобы интегрироваться, вам нужно было напиться?

— Выпить, а не напиться. По крайней мере, поначалу, — поправила меня Ванн. — Мне надо было принять ровно столько, чтобы не паниковать, ощутив кого-то в своей голове. Я об-

наружила, что если выдержу первые пять минут, то сумею продержаться до конца сеанса. Удовольствия мало, но, по крайней мере, терпимо. А когда сеанс заканчивался, я принимала еще пару стаканчиков, чтобы расслабиться.

— Но вы не хотели бросать работу, — заметил я.

— Нет. Выбор простой: либо ты проводишь минимум времени в качестве профессионального интегратора, либо возвращаешь все, что было потрачено на твою учебу и подготовку. У меня таких денег не было. К тому же я искренне хотела быть интегратором. Просто не могла им быть в трезвом состоянии.

— Понятно, — сообщил я.

— Первое время это вообще не казалось проблемой, — сказала она. — Я научилась с точностью отмерять, сколько именно мне нужно выпить, чтобы пройти сеанс. Я никогда не напивалась вдрызг, и клиенты ничего не замечали. Я получала хорошие отзывы, была востребована, и никто даже не догадывался, что́ за всем этим стоит.

— Но это продолжалось недолго.

— Да, — согласилась Ванн, сделав еще глоток. — Панический страх так и не прошел. Со временем ничего не менялось. Становилось только хуже, и

в конце концов я была вынуждена повысить свою «терапевтическую дозу», как я это называла.

— Они заметили, — сказал я.

— Нет, не заметили. Я научилась очень хорошо играть свою роль. Все, что касалось физической стороны работы интегратора, я делала на автопилоте. Но чего я не могла, так это вовремя ударить по тормозам. Иногда клиент хочет делать то, что не оговорено в контракте. Когда это происходит, нужно остановить его. Если он продолжает настаивать, надо прервать сеанс и доложить о случившемся. Если все очень серьезно или если клиент уже имел проблемы с интеграторами, он попадет в черный список и больше не сможет ни с кем интегрироваться. Но такое бывает нечасто, потому что интеграторов настолько мало, что большинство хаденов не хотят потерять хотя бы одного. — Она допила виски.

— И это произошло.

— Да.

— Что именно случилось?

— Девчонка-подросток решила узнать, каково это — умирать. Заметьте, кончать с собой она вовсе не хотела. Она хотела жить. Но ведь жутко интересно, как люди умирают, правда? Что они чувствуют в последнюю секунду, когда понима-

ют, что спасения нет. Она поняла, что, в отличие от большинства людей, может позволить себе реализовать свои фантазии. Нужно только подтолкнуть интегратора в последний момент. И вот оно, желанное мгновение перед смертью, а поскольку каждый знает, что интеграторы не дают своим клиентам делать глупости, все будет выглядеть так, будто интегратор сам сделал это, а его клиент — всего лишь невинная жертва. Нужно только найти интегратора, которого можно будет отвлечь на короткое время.

— Как она узнала?

— Что я подхожу для ее плана? Она не узнала. У нее не было долгосрочного контракта, поэтому она обратилась в интеграторский банк Национальных институтов здравоохранения, где нас выбирали случайным образом, и получила то, что выпало. Просто так сложилось, что это оказалась я. — Ванн немного помолчала, прежде чем продолжить: — Ну вот, а потом это случилось. Она ведь все продумала, Шейн. Знала до мелочей, что будет делать и как, и так хорошо играла свою дрянную пьеску, что, когда мы интегрировались, я даже не заподозрила неладное. Только почувствовала, что она сильно волнуется. Ну так почти все клиенты волнуются, когда они со мной. Для

этого и нанимают интегратора — чтобы сделать что-нибудь волнительное в настоящем человеческом теле.

— И как она хотела убить вас? — спросил я.

— При заказе интегратора она сказала, что он нужен ей для похода в зоопарк. Якобы родителям удалось достать для нее специальное приглашение, чтобы она могла поиграть с маленьким тигренком. Это был их подарок к ее дню рождения. Но сначала она захотела погулять по Национальной аллее и посмотреть на памятники. И вот мы интегрировались, прошлись по аллее и спустились на станцию метро «Смитсониан», чтобы ехать в зоопарк. Мы стояли у края платформы и смотрели, как подъезжает поезд. А в самый последний момент она прыгнула. Я почувствовала, как она напряглась, почувствовала, что она задумала, но не успела среагировать. Перед сеансом я догонялась четырьмя порциями текилы. К тому времени, когда я наконец опомнилась, мои ноги уже оторвались от пола и я уверенно двигалась под колеса. Уже ничего нельзя было сделать. Я должна была умереть, потому что меня убила клиентка. А потом меня вдруг резко дернули назад, и я грохнулась на платформу. В ту же секунду мимо пролетел поезд. Я подняла голову

и увидела рядом с собой какого-то бомжа. Позже он рассказал мне, что обратил на меня внимание еще раньше, когда я ходила взад-вперед по платформе и заглядывала вниз, на рельсы. Мое поведение напомнило ему его собственное, когда он сам хотел прыгнуть под поезд. Он понял это, Шейн. А я — нет.

— А что стало с девушкой? — спросил я.

— Да отключила я ее, к хренам собачьим, вот что, — ответила Ванн. — А потом обвинила в попытке убийства. Она, понятное дело, заявила, что я сама хотела прыгнуть, но мы получили ордер на обыск ее личных вещей и обнаружили блокнотик, где она подробно описала свой план. Ей предъявили обвинение, потом мы заключили сделку, и ее выпустили под надзор, назначили терапию и пожизненно внесли в черный список для интегрирования.

— Благодаря вам она легко отделалась, — заметил я.

— Возможно. Но я просто не хотела ни видеть ее, ни слышать, ни знать о ней. Я вообще не хотела иметь ничего общего с интеграторством. Я чуть не погибла из-за того, что кому-то вздумалось использовать меня, чтобы посмотреть на смерть. Все мои подспудные страхи, которые пытались

предостеречь меня от этого занятия, стали явью. Поэтому я уволилась.

— НИЗ пытались получить с вас деньги за учебу и подготовку?

— Нет, они же сами дали мне эту клиентку. Только они не знали, что я едва не погибла потому, что у меня реакция притупилась от пьянства, — а я на эту тему не распространялась. Вдруг все сразу поняли, что существует большая проблема, ведь процесс отбора не отсеивал банальных психопатов. Это действительно было так. Я пообещала, что не стану возбуждать иск, меня отпустили с миром, а процесс отбора изменили, чтобы защитить интеграторов от опасных хаденов, так что я даже принесла пользу. А потом меня нашли фэбээровцы и сказали, что хотят создать особый отдел, специализирующийся на хаденах, и я им идеально подхожу. Ну, я и согласилась. Мне ведь нужна была работа.

— И вот мы здесь, — заключил я.

— Да, и вот мы здесь, — сказала она. — Теперь вы знаете, почему я ушла из интеграторов. И почему я пью, курю и трахаюсь напропалую — потому что долгие годы проработала в состоянии подавленной алкоголем паники, а потом кто-то пытался меня убить моим же собственным телом.

Пью я теперь не так много, как раньше. Зато курю больше. Трахаюсь примерно столько же. Думаю, я все это заслужила.

— Не стану спорить.

— Спасибо. А теперь вернемся к нашему гребаному делу. Все, что когда-то заставляло мой мозг вопить, снова ожило. Когда я чуть не умерла, это произошло по моей вине. Я потеряла бдительность, и кто-то воспользовался этим, чтобы сделать то, чего я не хотела. Если бы я тогда упала под поезд, то в конечном счете это произошло бы по моему выбору. Ведь это я приняла решение пить и оставаться интегратором. Но здесь… Кто-то отнимает у интеграторов это право выбора. Их запирают в их собственных телах, заставляют делать то, чего они по своей воле никогда бы не сделали. А потом выбрасывают, как мусор. — Она протянула ко мне руку. — Бренда Риз — она ведь не покончила с собой.

— Нет, — подтвердил я. — Я видел ее лицо, когда отсоединился клиент. Она попыталась убежать от взрыва. До этого она собой не владела.

— Она была заперта в своем теле, — сказала Ванн. — Заперта до тех пор, когда уже не могла отменить то, что ей уготовили. Мы должны выяснить, как это случилось. И почему. Нельзя

допустить, чтобы это повторилось.

— Мы знаем, кто за этим стоит, — напомнил я.

— Нет, мы только думаем, что знаем. Это разные вещи.

— Мы обязательно выясним.

— Хотела бы я разделять ваш оптимизм, — сказала Ванн и протянула мне стакан. — Но не совсем уверена, что приняла для этого достаточно.

— А мне кажется, вполне достаточно.

— Нет пока. Надо еще чуть-чуть. Думаю, одного глоточка хватит.

Я взял стаканчик и пошел к лестнице, по пути остановившись возле комнаты Тони. Его тело лежало в «колыбели» и, похоже, спало. Трила рядом не было. Я подумал о том, вспомнил ли кто-нибудь, что Тони надо покормить, но потом увидел, что его питательные трубки наполнены до максимума. Наверняка Тайла позаботилась, решил я. Все-таки хорошо иметь друзей.

На кухне я плеснул в стаканчик бурбона и вернулся наверх. Ванн уже спала и легонько похрапывала во сне.

Глава 21

В половине десятого я проснулся и сразу же пришел в ужас, оттого что проспал на работу. Но потом вспомнил, что после двух вчерашних покушений на мою жизнь мне посоветовали взять выходной, если только я не хочу пойти на прием к психологу. Я предпочел выходной.

В надежде, что мой мозг снова погрузится в сон, я лениво пролистал список входящих писем. Но не повезло. Что ж, значит, надо было вставать.

Я подключился к своему трилу и огляделся. Ванн на кушетке не было. Я решил, что она вернулась домой, но потом услышал внизу ее голос.

Она сидела в гостиной и вместе с близнецами и Тайлой смотрела на монитор. На экране был какой-то кипеж. И происходило это на Национальной аллее.

— Что там случилось? — спросил я, глядя на монитор.

— Вы встали, — сжимая в ладонях чашку с кофе, лаконично сообщила Ванн.

Я махнул рукой на экран:

— Наверное, стоило поспать еще.

— Дальше стало бы только хуже, — добавила

она.

— Кто-то бросил бутылку с зажигательной смесью в группу «туристов»-хаденов, — пояснила Тайла.

— Лихо, — сказал я.

Тайла кивнула.

— Хадены собирались пойти к мемориалу Линкольна, а потом подъехали какие-то засранцы и швырнули в них «коктейль Молотова», — сказала она.

— Что не так эффективно для трилов, как для человеческих тел, — заметил я.

— Засранцы это тоже поняли, когда трилы бросились на них. — Ванн кивнула на монитор. — Смотрите, снова показывают.

Видео явно снимал на телефон какой-то «турист». На переднем плане маленький мальчик о чем-то канючил своим родителям. На заднем фоне к плотно сбившейся группе хаденов свернула машина. Из люка в крыше высунулся юнец, зажег бутылку с «коктейлем Молотова» и бросил в них.

Теперь «турист» снимал только огонь. Несколько хаденов вспыхнули, начали сбивать пламя и кататься по земле. Остальные рванули к машине. Кто бы ни сидел за рулем, а тачка явно была на

ручном управлении, запаниковал, сдал назад — причем его дружок по-прежнему торчал из люка — и въехал в стоящую сзади машину. Подбежали хадены, вытащили парня из люка, а потом выдернули и водителя.

После этого началась настоящая расправа. Подоспел один из пострадавших хаденов и стал пинать еще горящими ногами парня, бросившего бутылку.

— Все это было бы весело, если бы полиция не взяла в оцепление всю Национальную аллею и Капитолийский холм, — заметила Ванн.

— И все-таки согласитесь, эти придурки получили по заслугам, — сказал я.

— Ладно, пусть так, — ответила Ванн. — Но теперь эта история для всех как заноза в заднице.

— Нам нужно туда ехать?

— Нет, — сказала она. — Вообще-то, мне только что позвонили и сообщили, что до понедельника мы с вами в отпуске по состоянию здоровья. На это время все наши дела передаются Дженкинсу и Зе.

— Кто такие Дженкинс и Зе?

— Вы их пока не знаете, — сказала Ванн. — Это два богом проклятых идиота. Но есть и хорошие новости. С этим, — она снова показала на

экран, — и другими мелкими делами, которые нас доставали на этой неделе, теперь будут разбираться они. А мы сможем сосредоточиться на настоящей работе.

— То есть мы все-таки не уходим в отпуск, — резюмировал я.

— Вы можете уйти, — сказала Ванн. — Но лично меня попытка покушения реально взбесила. Я хочу найти людей, которые это организовали, и размазать их по стенке. Кстати, Шейн, пока вы спали, случилось еще кое-что.

— Что на этот раз?

Ванн повернулась к Тайле и близнецам.

— Можно мне? — спросила она и дотронулась до монитора, чтобы пролистать страницы.

Перебрав с десяток, она остановилась на одной публикации и вывела ее на весь экран. Перед нами повисла эмблема «Акселеранта».

— Этот мерзавец Хаббард покупает у правительства «Агору», — сказала Ванн. — Сервера, здание и все остальное. Он отнимает у хаденов личное пространство.

Я уже хотел ответить, когда в поле зрения всплыла иконка вызова. Звонил Тони.

— Ты где? — спросил я, соединившись.

— В управлении ФБР. А ты?

— Дома. В отпуске по здоровью.

— Отлично. Тогда мчусь к тебе.

— В чем дело? — спросил я.

— Я бы предпочел поговорить об этом где-нибудь в укромном месте.

— Насколько укромном?

— Насколько получится.

— И все-таки что случилось?

— Ты был прав, — сказал Тони. — Когда говорил, что я ошибаюсь. Но все еще хуже. Ты даже не представляешь насколько.

— Наденьте очки, — сказал я Ванн.

Она надела специальные очки и кивнула:

— Подключайте.

Я пропинговал ее и пригласил в свое лиминальное пространство, потом вошел сам.

На моей платформе стоял какой-то трил. Это была Ванн.

Она протянула вперед руки, изучая свое изображение.

— Значит, вот на что это похоже, — сказала она и посмотрела на меня. — А вы, стало быть, так выглядите.

— Удивлены? — спросил я.

— На самом деле я раньше как-то не задумывалась над тем, что у вас есть лицо… То есть я не это

хотела сказать… — смутилась она.

Я улыбнулся и подумал о том, что Ванн впервые видит мою улыбку.

Она огляделась вокруг:

— Да это же пещера Бэтмена, мать его.

Я рассмеялся.

— Что смешного?

— Просто вы напомнили мне кое-кого из прошлого, — сказал я. — Подождите, мне надо впустить Тони. — Я отправил ему доступ.

Он вошел, осмотрелся и наконец выдал:

— Просторно.

— Спасибо, — сказал я.

— Смахивает на пещеру Бэт…

— Расскажи нам плохие новости, — перебил я.

— Ладно.

Над нашими головами появилось изображение нейронной сети.

— Это сеть Бренды Риз, — сказал Тони. — Модель производства «Лактурн», а если конкретнее, то «Овидий 6.4». Стала довольно распространенной восемь лет назад и работает — ну, то есть работала — на самом современном программном обеспечении, существующем для этой модели. Мне несколько раз доводилось писать для нее патчи, поэтому я неплохо знаком с ее кон-

струкцией и возможностями. — Он повернулся к Ванн. — Вы спрашивали, можно ли запереть интегратора с коммерчески доступной сетью.

— А вы сказали, что нет, — напомнила Ванн.

— Я сказал, что это маловероятно. Потому что код, который позволял это делать с мозгом Сани, писали специально под сеть, также, в свою очередь, специально сделанную для того, чтобы запирать интеграторов, передавая все управление клиенту. То есть целевой софт для целевой сети.

— Но ты ошибся, — заметил я.

— Да, ошибся, — подтвердил Тони.

— Почему?

— Потому что сделал неправильный вывод о сети в голове Джонни Сани. Я сказал тебе, что это не опытный образец, а конечный продукт. Так и есть. Но, кроме того, это и показательный экземпляр, который демонстрирует, что если ты действительно хорошо знаешь и железо, и софт, то сможешь дать клиенту полный контроль над телом интегратора. Просто никто еще не пробовал этого делать — по крайней мере, насколько нам известно. Может, только какие-нибудь гов-

нюки из АНБ[20].

— Не отвлекайтесь, — попросила Ванн.

— Простите, — сказал Тони. — Сани показал, что такое возможно. Теперь осталось только воплотить этот показательный экземпляр в уже существующих обычных сетях. А для этого надо отвечать двум условиям. Первое — досконально, до мельчайших подробностей, знать сети, которые используешь. По-настоящему хорошо знать матчасть. И второе — быть гребаным гением программирования.

— Хаббард, — заключил я.

Тони задумчиво почесал нос:

— «Лактурн» — второй из крупнейших производителей сетей после «Санта-Аны», а Хаббард прославился именно своим участием в проектировании. На программистских форумах полно душераздирающих историй о том, как он рвал в клочья первые проекты своих инженеров за безвкусицу.

— А какой он программист? — спросила Ванн.

— Это его первая профессия, через нее он и попал в отрасль. «Хаббард текнолоджиз» была создана для обслуживания устаревших ком-

---

[20] Примечания: 20

Агентство национальной безопасности, подразделение министерства обороны США.

пьютерных систем, по-прежнему используемых корпорациями, а когда потом он заболел вирусом Хаден, то сосредоточился на создании софта для трилов, а также для сетей, оставшихся беспризорными после того, как сделавшие их компании ушли с рынка. Когда-то лично он сделал большой вклад в программирование. В сетях используется система программирования, основанная на известной иерархии Хомского. Изобрел эту систему не Хаббард, но именно он написал почти всю версию 2.0, к тому же он член совета Ассоциации хаденов, которая утверждает новые версии кода.

— Ассоциации хаденов, говоришь, — пробормотал я.

— Что не так? — спросил Тони.

— Погоди-ка. — Я быстренько прошерстил свою электронную почту, нашел письмо и показал его Ванн и Тони. — Из Лос-Анджелеса наконец ответили о ниндзя-триле.

— О чем о чем? — удивился Тони.

— Потом объясню, — сказал я. — Главное, что этот трил не был серийной моделью, это была недорогая лицензионная версия, которую Ассоциация хаденов предлагает потенциальным производителям из развивающихся стран для использования на их территории. Такие трилы

не купишь ни в Северной Америке, ни в Европе, ни в развитой Азии.

— Получается, на вас напал импортный трил, — заключила Ванн.

— Его могли сделать и здесь в единичном экземпляре, — возразил я. — Для этого нужен лишь промышленный 3D-принтер и робот-сборщик.

— И у кого есть такой набор? — спросила Ванн.

— Да почти у любого проектного бюро или изготовителя, которые занимаются полномасштабным моделированием. Ребята из Лос-Анджелеса обещали поискать получше, но это займет время. Сейчас для меня главное то, что Хаббард имеет отношение и к языку кода для сетей, и к конструкции напавшего на меня трила.

— Что может оказаться чистым совпадением, — заметила Ванн.

Я уже открыл рот, чтобы ответить, но тут вмешался Тони:

— Запомни свою мысль. А я скажу, почему Хаббард — это тот, кого вы ищете. Только сначала мне надо объяснить вам пару вещей.

— Хорошо, объясняйте, — разрешила Ванн.

Тони повернулся ко мне:

— Помнишь, я говорил тебе, что в самом начале сети очень часто взламывали?

Я кивнул.

— Теперь это сделать не так просто, — продолжал он. — Для начала архитектуру сетей усложнили, чтобы к ней было труднее написать программу, а также случайно ее хакнуть. Но это очень слабая мера защиты. Обычно честолюбивые хакеры еще и высококлассные программисты. Поэтому разработчики пошли дальше, и теперь все апдейты и патчи должны поступать только от проверенных поставщиков, которых идентифицируют по хешу в заголовке патча. При загрузке патча сразу начинается проверка хеша, и если источник подтверждается, то программа грузится и устанавливается. Если нет — она автоматически стирается и создается отчет.

— И это невозможно обойти, — сказала Ванн.

— Не то чтобы совсем невозможно, — ответил Тони. — Но трудно. Для этого нужно украсть хеши, причем так, чтобы они оставались рабочими. Когда я тестировал эти системы на безопасность, большую часть времени я пытался получить проверочный код. Тут во многом помогает знание психологии. Можно заставить людей думать, что я их босс и мне нужен их хеш, или найти способ заглянуть им через плечо, когда они пишут код, или еще какая-нибудь хрень в таком духе.

— И как ты этого добивался? — спросил я.

— Разными способами. Один из моих самых любимых — когда я привязал к игрушечному квадрокоптеру с дистанционным управлением корзинку, насыпал в нее конфет и запустил в программистское крыло здания «Санта-Аны». Коптер летал от стола к столу, программисты получали конфеты, а я — фото с их работающих мониторов. В тот день я добыл восемь хешей.

— Очень мило, — похвалил я.

— Все любят конфеты, — философски заметил Тони.

— Значит, кто угодно может украсть хеш и попасть в чью-нибудь сеть, — сказала Ванн, чтобы вернуть разговор в деловое русло.

— Верно, — подтвердил Тони. — Но даже с хешем проблема для хакера все равно остается, ведь ему надо зайти через парадную дверь. Все только и ждут украденных или подделанных хешей и злонамеренных кодов. Потому каждый патч сначала распаковывается и запускается в «песочнице» — это такая безопасная виртуальная машина. Если код содержит угрозу, она там проявится и будет устранена. Есть и другие меры безопасности. В общем, я все это к тому, что очень трудно протащить в сеть подозрительный код

обычным путем. Даже для гениального хакера это долгий путь, причем в никуда. — Он повернулся к Ванн. — Поэтому я и говорил вам, что это маловероятно.

— А потом Риз попыталась меня убить, — напомнила Ванн.

— На самом деле в том, что я ошибся, меня убедило не это, — признался Тони. — Меня осенило, когда Крис сказал, что Риз попыталась бежать от взрыва, после того как умышленно выдернула чеку. Если предположить, что контроль все-таки осуществлялся через парадную дверь, должна была остаться запись — о том, что патчи установлены, несмотря на запрет, что «песочница» запустилась для их проверки и сам результат проверки, подтверждающий их подлинность, а также хеши программиста и компании, которая их отправила. Ничего подобного там не было.

— Значит, зашли с черного хода, — заключил я.

— Так и есть, — сказал Тони. — Догадайся как.

Первой догадалась Ванн:

— Мерзавец сделал это во время интегрирования.

— В точку! — подтвердил Тони. — Когда клиент соединяется с интегратором, следует процедура

опознавания, а затем открывается двухсторонний информационный поток. По идее, этот процесс должен быть полностью отделен от внутренней работы сети, и так и есть, но… программа неидеальна. Если знаешь, где искать, можно найти точки доступа к сетевому софту. И тогда получается вот что. — Он увеличил изображение сети, сосредоточившись на узле, который включал ресивер для клиентского информационного потока. — Это интерполятор, — показал он. — Если информационный поток прерывается на миллисекунду или даже меньше, интерполятор подбирает данные по обе стороны разрыва и заполняет его усредненными значениями. Но для этого ему нужно иметь доступ к обработке данных из сети. Получается брешь в брандмауэре. Именно это Хаббард и использовал. — Фотография сети преобразовалась в схему. — Думаю, он сделал вот что. Сначала подтвердил обмен данными с интегратором. После чего намеренно начал создавать в информационном потоке пропуски именно такой продолжительности, чтобы сработал интерполятор. А потом использовал доступ интерполятора к процессору, чтобы сгрузить туда исполняемый файл. Делается это столько раз, сколько нужно, чтобы файл скачался

целиком. Потом он распаковывается и переписывает софт. Поскольку файл поступает напрямую в процессор, не нужно никакой «песочницы». Стадия проверки тоже пропускается, значит хеш также не нужен. Это очень маленький файл, поэтому сети интегратора не нужно отключать сеанс, чтобы его запустить. Интегратор никогда даже не узнает, что его подправили.

— Так какого же черта этот дефект до сих не исправили? — спросила Ванн, как мне показалось, не на шутку встревожившись.

— Ну подумайте сами, — сказал Тони. — Это действительно серьезная программная ошибка, но дорожка, которая к ней ведет, очень и очень узкая. Для начала о ней надо просто знать. Потом надо получить техническую возможность ею воспользоваться. Плюс иметь для этого технические средства, ведь далеко не каждый среднестатистический хаден способен в своей голове внедрить в информационный поток умышленные пропуски. Это требует какого-то специфичного оборудования между клиентом и интегратором, а, насколько я знаю, его не существует. Значит, его надо создать. Никто не устранил этот косяк, потому что до сих пор никто вообще не считал это косяком. Так — безобидной странностью. По-

просту говоря, нужен был Лукас Хаббард, чтобы им воспользоваться.

— Но Бренда Риз никогда не интегрировалась с Хаббардом, — возразил я. — Она работала с Сэмом Шварцем.

— Хаббард создал алгоритм и средства, — сказал Тони. — Когда они есть, их может применить кто угодно.

— Сэм Шварц — юрист Хаббарда, — напомнила Ванн. — Кому, как не ему, помогать своему боссу.

— К тому же не слишком нравственный юрист, — заметил Тони. — Но вы правы. Хаббард вполне мог привлечь Шварца и провернуть это вместе с ним.

— Похоже, ты твердо уверен, что главный виновник — Хаббард, — сказал я.

— Похоже, это ты твердо уверен, что главный виновник — Хаббард, Крис, — ответил Тони.

— Да, но я хочу знать: ты так считаешь, потому что я так считаю, или есть другая причина?

— Я так считаю, потому что так считаешь ты, — сказал Тони. — А еще потому, что масштаб подобных дел — я имею в виду и случай с Брендой Риз, и трагедию с Джонни Сани — требует ресурсов или небольшой страны, или очень богатого человека. Но главное, я так считаю из-за кода.

— Из-за кода, — повторила Ванн.

— Да, — подтвердил Тони; схема над нами исчезла, и на ее месте появились строчки кода. — Вы много знаете о Хомском? — спросил он. — Я говорю о языке программирования, а не о человеке.

— Ничего не знаю ни о том ни о другом, — ответила Ванн.

— Крис?

— Ничегошеньки.

Тони кивнул:

— Язык программирования назвали в честь ученого-лингвиста Хомского, потому что он создавался для общения с глубинными структурами мозга. Получился эдакий «глубинный язык» — почти каламбур. Прелесть этого языка в том, что он поразительно гибкий. Если его выучить, по-настоящему выучить, можно найти всевозможные пути для решения любой проблемы и любой задачи. Это крайне важно для нейронных сетей. Они должны быть гибкими, ведь каждый мозг уникален. Поэтому и язык, на котором вы пишете к ним программы, должен быть не менее гибким. Вы еще следите за моей мыслью?

— Как-то все очень таинственно, — заметил я.

— Этого я и добивался, — сообщил Тони. — Язык

Хомского должен быть таинственным, потому что он создавался для прямой связи с мозгом. Но есть и оборотная сторона. Поскольку язык Хомского позволяет найти множество решений одной и той же конкретной проблемы, программисты, свободно пишущие на нем, в конце концов развивают свой собственный, ни на кого не похожий почерк. Если потратить действительно много времени для изучения кода, в конце концов можно сказать, кто его написал.

— Как определить писателя по нескольким строчкам?

— Да, точно, — подтвердил Тони. — У одного сплошь описания, а у другого одни диалоги. Здесь то же самое. Как и у писателей, среди программистов есть хорошие, есть средние, а есть бездарные. И если ты уже видел их программы раньше, то сможешь определить авторство по первой же строчке.

Тони показал на экран с кодом:

— Это код из мозга Бренды Риз, он является модификацией последней доработанной версии, со всеми исправлениями, для «Овидия 6.4». — Он вывел на экран еще несколько строчек. — А это код программы в голове Джонни Сани. Сходство полное. Их писал один и тот же человек.

На экране появилась третья колонка.

— Этот код Хаббард написал в то время, когда еще выпускал патчи и обновления в «Хаббард текнолоджиз». Поверьте мне на слово: если прогнать все эти три кода через какой-нибудь семантический или грамматический анализатор, настроенный под язык Хомского, зеленые огни загорятся по всей панели. Все они написаны одним и тем же человеком — Лукасом Хаббардом.

— Мы можем использовать это в суде? — спросила Ванн.

— Об этом вам надо спросить у адвоката, — сказал Тони. — Но что касается меня, то я могу заявить под присягой: да, черт возьми, все это писал один парень.

— Этого хватит? — спросил я у Ванн.

— Чтобы засудить его? — уточнила она, я кивнул. — За что?

— За убийство Бренды Риз — раз. И за убийство Джонни Сани — два.

— Но мы же считаем, что не он убил Риз, а Шварц, — возразила Ванн. — И мы по-прежнему не можем внятно объяснить, что связывало его и Сани.

— Да бросьте вы, Ванн, — возмутился я. — Мы же оба знаем, что это он.

— Если мы пойдем в суд с тем, чем сейчас располагаем, юристы Хаббарда, начиная с того же Шварца, размажут нас по стенке, — сказала она. — Я знаю, Шейн, вам эта работа не так уж и нужна, а мне нужна. Поэтому — да, это Хаббард. Так давайте сделаем абсолютно все, что в наших силах, чтобы прижать его. — Она повернулась к Тони. — Что у вас еще?

— Есть парочка моментов. Первый касается кода Риз.

— Что с ним? — спросила Ванн.

— Он не обходит ее долговременную память. Либо Хаббард не смог найти способ, как это осуществить, что вполне возможно, так как расположение нейронной сети принципиально другое, либо он решил не тратить на это время, потому что…

— Потому что не собирался оставлять ее в живых, после того как он или Шварц ее используют, — договорил за него я.

— Ну да. Теперь вы знаете, почему она таскала с собой гранату.

— Значит, она была в курсе все это время, — сказала Ванн. — Все осознавала в полной мере, просто не могла остановить свое тело.

— Да, и у нее не было никакой возможности вы-

гнать клиента из своей головы, — добавил Тони.

— Твою ж мать, — прошептала Ванн и на секунду отвернулась.

Тони озадаченно посмотрел на меня. «Позже», — проговорил я одними губами, потом спросил у Ванн:

— С вами все в порядке?

— Если мы все-таки выкатим тело Хаббарда, после того как все это закончится, следите за мной очень внимательно, — сказала она. — Иначе я не удержусь и пну этого мудака по яйцам.

— Обещаю, — ухмыльнувшись во весь рот, ответил я.

Она повернулась к Тони:

— Вы говорили о двух моментах.

— Когда я выяснил, как именно Хаббард проник в мозг Риз, я решил еще раз посмотреть на мозг Сани, чтобы понять, что я пропустил вначале, когда не знал всего. И обнаружил вот это. — Он очень быстро прокрутил код на экране, пока не остановился на каком-то довольно большом блоке.

— Что это? — спросил я.

— Я сам сначала не въехал. Подумал, бессмыслица какая-то. А потом понял: этот блок программы преобразует часть нейронной сети

в антенну.

— Во что? — удивленно спросила Ванн.

— Ладно, пусть в передатчик. Он передает сигнал данных интегратора, но не в сеть. Он сам прикидывается сетью.

— А это обязательно должен быть сигнал данных интегратора? — спросила Ванн.

— Что вы хотите этим… — Тони вдруг запнулся, а когда до него дошло, не смог сдержать стон.

— Да в чем дело-то? — Похоже, я был единственным в своем же собственном лиминальном пространстве, кто совершенно ничего не понимал.

— Вот же долбаный Хаббард, — не выдержала Ванн. — Мы все никак не могли понять, почему Джонни Сани пытался интегрироваться с Николасом Беллом. А он вовсе не пытался. Он служил чертовым ретранслятором для Хаббарда.

Я с минуту поразмышлял об этом.

— Значит, получается, когда вы допрашивали Белла…

— Это был никакой не Белл, — перебила она меня, — а Хаббард. Всегда чертов Хаббард. Эта сволочь водила нас за нос с самого начала.

— Чтобы подобраться к Кассандре Белл, — продолжил я.

— Да, — согласилась Ванн.

— С какой целью? — спросил я.

— Вы что, за новостями не следите? — рявкнула Ванн. — До вас не доходили слухи о марше протеста в воскресенье? Только представьте, что случится, если Кассандру Белл убьет ее собственный брат, а потом еще начнет нести какую-нибудь антихаденскую чушь. Да после этого весь Вашингтон спалят.

— Да, но зачем? — снова спросил я. — С какой стати затевать бунт?

— Чтобы обрушить рынок, — подсказал Тони.

Мы с Ванн удивленно посмотрели на него.

— Я же вам говорил, что стараюсь быть в курсе, — сказал он. — Так я нахожу работу. После утверждения Абрамса—Кеттеринг связанные с хаденами компании или занимаются слиянием, или вообще уходят с рынка. Инвесторы уже выводят капиталы. Крупный мятеж в Вашингтоне до смерти напугает эти компании и всех их инвесторов. Все они свалят со сцены. И тогда «Акселерант» спокойно подберет остатки и сам решит, какую компанию проглотить, а какой дать умереть. Да еще прославится тем, что стабилизировал сектор, хотя на самом деле просто устранил конкурентов. На одном слиянии с «Зеб-

ринг-Уорнер» он сэкономит миллиарды.

— Но какой во всем этом смысл? — усомнился я. — Абрамс—Кеттеринг вот-вот отберет у этих компаний всю прибыль. Кормушку прикрыли. Ты же сам говорил.

— Вы же знаете, что такое AOL, верно? — спросил Тони.

— Что-что? — не поняла Ванн.

— AOL, — повторил он. — Когда-то очень популярная компания по предоставлению информационных услуг. Сделала миллиарды, обеспечивая людям доступ в интернет через их телефоны. Коммутируемый доступ, помните? Была одним из крупнейших интернет-провайдеров в мире. Потом люди перестали использовать телефонные линии для выхода в сеть, и компания сильно подсократилась. Но еще долгие годы продолжала получать миллиардные прибыли, ведь даже несмотря на то что модемы свое отжили, миллионы пользователей по-прежнему сохранили их. Старые люди просто не хотели ничего менять; одни сохранили их как запасной вариант, а другие вообще забыли, что подписались, а когда вспомнили, компания сделала процедуру отписки слишком утомительной, чтобы ею заниматься.

— Милая история, — сказала Ванн. — И в чем

соль?

— А в том, что в конечном итоге хаденов в Штатах все равно остается больше, чем народу в штате Кентукки. Каждый год в среднем заболевает еще тридцать тысяч, и их никуда не денешь. Так что даже значительно сокращенный рынок может приносить большие деньги, если его подоить. А уж Хаббард постарается выжать из него все.

— Потому что он сам хаден, — сказал я. — Он один из нас.

— Правильно, — подтвердил Тони. — Отсюда и покупка «Агоры». Он добивается расположения хаденов.

— После этого он без труда подомнет любую другую компанию, имея на своей стороне большинство клиентов-хаденов. «Агора» — мощный фактор, — подумал я вслух.

— И опять в точку, — сказал Тони. — А потом «Акселерант» сделает две вещи. С выуженными у хаденов деньгами вложится в какой-нибудь другой сегмент рынка, ведь даже сейчас компаний, связанных с хаденами, у него меньшинство, и будет готовиться к тому дню, когда министерство здравоохранения признает трилы и нейронные сети не просто медицинским оборудованием и

разрешит их использовать всем поголовно. Это и есть его конечная цель. Хаббард грезит о том дне, когда все получат трилы, все пойдут на «Агору» и больше никто не почувствует себя старым.

— Поэтому он и мог позволить себе потратить миллиард на то, что никогда не выйдет на рынок, — заметил я.

— А еще потратил кучу бабла на очевидно чмошные компании, — добавил Тони. — Хаббард метит не в падающий хаденский рынок, а в тот, что придет на его место. Именно этот новый рынок он хочет создать и стать там полноправным хозяином.

— Вы действительно думаете, что у всего этого именно такая подоплека? — спросила Ванн.

— Агент Ванн, для вас я скажу иначе. Если вы с Крисом не арестуете Хаббарда на этих выходных, в понедельник я вкладываю все свои средства в акции «Акселеранта».

Ванн на секунду задумалась, потом повернулась ко мне:

— Ваши предложения?

— Вы что, серьезно? — спросил я. — Мы сделаем это сейчас?

— Ваша первая рабочая неделя еще не закончилась, — ответила она.

— Да, неделя была нелегкая, — пробормотал я.

— Мне нужно знать, что вы думаете об этом, ясно? Я спрашиваю не ради каких-то гребаных нравоучений или прочей хрени. Все это касается вас. Лично вас. И таких, как вы. Поэтому скажите мне, как лично вы хотели бы поступить, Крис.

— Я хочу прижать сукина сына, — сказал я. — Прижать их обоих — и Хаббарда, и Шварца.

— То есть вы хотите арестовать их, — подчеркнула Ванн.

— Да, но не прямо сейчас.

— Объяснитесь.

Вместо ответа я улыбнулся ей и посмотрел на Тони:

— Код Хаббарда.

— И что? — спросил тот.

— Сможешь пропатчить его?

— То есть закрыть дыру в интерполяторе?

— Да.

— Легко, — сказал Тони. — Теперь, когда я все знаю, залатаю без проблем.

— А сможешь сделать немножко больше? — спросил я.

— А ты заплатишь мне немножко больше?

— Да, Тони, — ухмыльнулся я. — Оплата включена.

— Тогда я весь твой. Хаббард, конечно, крут, но и я не пальцем деланный.

— Что вы задумали? — спросила у меня Ванн.

— До сих пор мы во всем на шаг отставали от Хаббарда.

— Точное наблюдение, — похвалила Ванн. — А теперь попытаемся его опередить?

— Это и не нужно. Главное — прибыть к финалу в одно время с ним.

— И как же вы намерены это сделать?

— Ну, как сказала бы наша общая подруга Тринх, это потребует от вас немного вашей фирменной расхлябанности.

Глава 22

В четверть двенадцатого я позвонил Клаху Редхаусу и попросил о встрече с ним, его боссом, спикером и президентом Нации навахо, чтобы рассказать о ходе расследования по делу Джонни Сани и Брюса Скоу. Встреча произошла в полдень.

Мой отчет их не порадовал. Не из-за качества моей работы — ее никто не обсуждал, — а из-за того, как страшно и жестоко обошлись с двумя навахо.

— Вы работаете над этим, — скорее не спрашивая, а утверждая, сказал президент Бесенти.

— Да, — ответил я. — Виновных в этом преступлении ждет правосудие. Даю вам слово.

— Что дальше? — спросил Бесенти.

— Вчера вы сказали, что я могу обратиться к вам, если понадобится помощь.

— Да.

— Вы имели в виду только помощь в расследовании или в более широком смысле?

— О чем это вы? — с подозрением глядя на меня, спросил Бесенти.

— Есть правосудие, а есть нож под ребра. Пра-

восудие последует, несмотря ни на что. Как я уже сказал, в этом я даю вам слово. А вот нож под ребра может принести Нации навахо дополнительную выгоду.

Бесенти посмотрел на спикера, на капитана полиции и снова на меня.

— Выкладывайте, — сказал он.

Во время рассказа я взглянул на Редхауса. Тот улыбался.

В половине второго я был в доме родителей и пришел к отцу в «зал трофеев». Отец сидел в банном халате и держал в бессильно висящей длинной руке стакан с виски.

— Пап, как ты?

— Превосходно, — улыбнулся он. — Прошлой ночью кто-то вломился в мой дом, чтобы убить моего ребенка, я застрелил его из дробовика и теперь прячусь в своем «зале трофеев», потому что это единственное место в нашем доме, которое фотографы не могут заснять снаружи. В общем, лучше не бывает.

— Что полицейские сказали о стрельбе?

— Утром приходил шериф и уверял меня, что, насколько они в курсе, стрельба полностью оправданна, никаких обвинений не выдвинуто и уже сегодня после полудня мне вернут дробовик.

— Приятно слышать.

— Я тоже так ответил, — заметил папа. — Еще они сказали, что утром тело забрало ФБР. Ты имеешь к этому отношение?

— Да. Если кто-нибудь будет спрашивать, говори, что из-за твоего выдвижения в сенат понадобилось выяснить, был ли нападавший как-то связан с террористическими группами, поэтому тело забрали в ФБР.

— Но ведь на самом деле причина не в этом.

— Пап, я тебе расскажу, но сначала ответь: ты действительно хочешь это знать?

— Господи, Крис, вчера ночью кто-то пытался убить тебя в нашем доме. Если ты не скажешь почему, я сам тебя задушу.

Так я и рассказал папе все, вплоть до своего последнего визита в Нацию навахо этим утром.

После того как я закончил, папа сначала молчал, потом допил виски и, сказав, что ему нужно налить еще, вышел в оружейную. А когда вернулся, виски в стакане было существенно больше, чем на стандартных два пальца.

— Пап, ты все-таки поаккуратнее, — заволновался я.

— Крис, скажи спасибо, что я не принес целую бутылку с соломинкой, как хотел, — сказал он

и отхлебнул. — Подумать только, этот мерзавец всего три дня назад приходил в мой дом, в эту самую комнату. Весь такой дружелюбный, прямо свой в доску.

— Честно говоря, три дня назад он еще не собирался меня убивать. Эта мысль пришла к нему позже.

Папа аж поперхнулся, и я хлопал его по спине, пока не прошел кашель.

— Все в порядке? — спросил я.

— В порядке, в порядке, — отмахнулся он, поставил стакан на стол и посмотрел на меня.

— Что? — спросил я.

— Скажи, как мне поступить.

— В смысле?

— Этот сукин сын пытался убить тебя! — с карикатурной выспренностью выкрикнул папа. — Мое единственное дитя. Мою плоть и кровь! Скажи, как мне поступить. Велишь пристрелить, я пойду и пристрелю его. Прямо сейчас.

— Пожалуйста, не надо, — попросил я.

— Зарежу. Утоплю. Перееду грузовиком.

— Да, искушение велико. Но, в общем-то, все идеи так себе.

— Тогда скажи мне, — не унимался он. — Скажи, что я могу сделать.

— Прежде чем я скажу, позволь спросить. Что с сенатом?

— Ах это. — Папа как-то сразу сник и потянулся к виски, но я проворно отодвинул стакан; он удивленно посмотрел на меня, однако потом смирился и сел на место. — Утром приходил Уильям, — сообщил папа, имея в виду главу партии в штате. — Буквально излучал понимание и сочувствие, уверял, как восхищен моим поступком, ведь я защищал дом и семью, но весь этот поток лести каким-то непонятным образом завершился известием о том, что партия решила не поддерживать меня в нынешней избирательной кампании. И пусть я излишне мнителен, но по его тону было понятно, что вообще ни в какой.

— Мне жаль.

Отец пожал плечами.

— Тут уж ничего не поделаешь, сынок, — сказал он. — Зато мне больше не надо мило улыбаться разным засранцам, которых я не перевариваю.

— Значит, все к лучшему, — кивнул я. — Пап, я хочу, чтобы ты кое в чем мне помог.

— Правда? — обрадовался отец. — И в чем же, Крис?

— Мне нужно, чтобы ты заключил одну коммерческую сделку.

— А при чем тут коммерческие сделки? — нахмурился отец. — Я думал, речь идет о мести.

— Так и есть, — согласился я. — Сделка и послужит нашим способом мести.

— С кем?

— С навахо, папа, — ответил я.

Отец нервно заерзал на стуле.

— Я понимаю, Крис, у тебя выдалась трудная неделя, ты устал, — сказал он. — Но ведь я только вчера застрелил одного из них. Не думаю, что уже сегодня они захотят вести со мной дела.

— Тебя никто не обвиняет.

— Я сам себя обвиняю.

— Ты застрелил его не потому, что он навахо, — напомнил я. — А потому, что он хотел убить меня. И не из-за того, что он плохой человек. Плохие — те, кто отправил его к нам.

— То есть я застрелил невиновного.

— Да, папа, — сказал я. — И я очень сожалею об этом. Но его убил не ты, а Лукас Хаббард. Он просто вынудил тебя убить его. И если бы ты этого не сделал, я был бы сейчас мертв.

Папа схватился за голову. Я немного помолчал, прежде чем продолжить:

— Брюс Скоу был невиновен. И Джонни Сани тоже. Их уже не вернуть. Но я знаю способ, как

ты можешь наказать настоящих виновников их гибели, а также помочь очень многим людям из Нации навахо. Это действительно принесет пользу. Тебе просто нужно сделать то, что ты умеешь лучше других. Заняться кое-каким бизнесом.

— О каком бизнесе речь?

— Недвижимость, — ответил я. — Ну, или вроде того.

В три тридцать я сидел с Джимом Бухолдом в его домашнем офисе.

— Мы сносим оба здания, — сказал он о производственном комплексе «Лаудон фарма». — То есть, строго говоря, сносится только административный корпус. Инспекторы из округа Лаудон установили, что поврежден фундамент. Лабораторный корпус уже разрушен взрывом. Надо только вывезти мусор.

— Что будет с «Лаудон фарма»? — спросил я.

— В ближайшей перспективе, то есть уже завтра, я иду на похороны шестерых уборщиков, — сообщил Бухолд. — Всех шестерых хоронят в одно время. Они дружили, поэтому такое решение вполне логично. А в понедельник я распускаю весь персонал и выставляю компанию на продажу.

— Кто-то хочет купить «Лаудон фарма»? — спро-

сил я, уже зная ответ.

— У нас есть несколько ценных патентов, и нам удалось восстановить немало текущих исследований, часть из которых можно возобновить, — сказал Бухолд. — И если покупатель, кто бы он ни был, наймет наших разработчиков, есть надежда, что дело пойдет быстрее. Кроме того, наши правительственные контракты все еще действуют, хотя я и попросил наших юристов немедленно изучить их, чтобы убедиться, что они не могут быть расторгнуты в случае теракта.

— Тогда зачем продавать?

— Затем что с меня хватит. Я отдал этой компании двадцать лет жизни, и все пошло прахом за одну ночь. Вы хоть представляете, что я чувствую?

— Нет, сэр, — ответил я. — Не представляю.

— Разумеется, нет, — сказал Бухолд. — Вы не можете этого знать. Я и сам не знал, пока кто-то не взял и не превратил двадцать лет моей жизни в груду щебня. При мысли о том, что все надо начинать с нуля, я ощущаю смертельную усталость. Нет уж. Лучше мы с Риком уйдем на покой, купим домик где-нибудь на Внешних отмелях и будем гонять наших корги по пляжу, пока они не свалятся от усталости.

— Звучит неплохо.

— Да, будет здорово. Первую неделю. А потом мне придется ломать голову, куда себя приткнуть.

— На том ужине у моего отца вы говорили, что работаете над созданием какого-то способа лечения больных синдромом клетки.

— Я тогда и вас втянул в спор, — сказал Бухолд. — Рик вчера меня очень ругал, когда вспомнил об этом. Простите за тот разговор.

— Ничего страшного. Помнится, вы говорили, что уже существует лекарство.

— Нейролиз.

— Да, верно. И как далеко вы успели продвинуться?

— Вы имеете в виду, сколько оставалось до выхода нейролиза на рынок? — спросил Бухолд.

— Да.

— Мы были настроены оптимистично и достигли достаточного прогресса с препаратом, чтобы приступить к клиническим испытаниям. Если бы результат принес удачу, мы бы почти наверняка уже получили одобрение от министерства здравоохранения по ускоренной процедуре. Ведь в стране четыре с половиной миллиона человек страдает от синдрома клетки. А особенно сейчас,

когда принят Абрамс—Кеттеринг, чем скорее мы сможем освободить их, тем лучше.

— И что теперь? — спросил я.

— Теперь один из главных разработчиков взорвал компанию, а с ней и всю нашу документацию, — ответил Бухолд. — А потом убил себя, и, что бы я при этом ни чувствовал, он был единственным, кто бы смог быстро восстановить данные из того, что удалось спасти. С тем, чем мы располагаем сегодня, пройдет пять или семь лет, прежде чем мы снова дойдем до этапа клинических испытаний. И это в лучшем случае.

— Кто-нибудь еще вел подобные разработки?

— Я знаю, что «Роше» работали над созданием комбинации какого-то препарата и стимулирующей терапии, — сказал Бухолд. — Но они и близко не подошли к клиническим испытаниям. Больше никто не достиг даже такого уровня. — Он мрачно посмотрел на меня. — Хотите, повеселю вас?

— Конечно, — ответил я.

— Этот прохвост Хаббард на приеме у вашего отца соловьем разливался о хаденской культуре и о том, как они не хотят избавляться от своей болезни, да еще подспудно обвинил меня чуть ли не в подстрекательстве к геноциду.

— Я помню.

— Вчера этот сукин сын позвонил мне и предложил купить «Лаудон фарма»! — воскликнул Бухолд.

— И за сколько?

— Да практически за бесценок! Так я ему и сказал. А он заявил, что готов поторговаться, но времени у него мало. Тогда я напомнил ему, что еще пару дней назад он называл нашу работу вредной и ненужной, а теперь хочет купить ее. И знаете, что он ответил?

— Нет, — сказал я, хотя примерно догадывался.

— «Бизнес есть бизнес» — вот что! — возмутился Бухолд. — Обалдеть можно! Да я чуть трубку не бросил.

— Но вы не бросили.

— Нет, потому что он прав. Бизнес есть бизнес. У меня шестьсот сотрудников, которые через три дня окажутся без работы, и, хоть Рик и считает, что я не должен выходить за рамки официальных отношений, — тут Бухолд округлил глаза и осмотрелся вокруг, проверяя, нет ли мужа рядом, — я все равно чувствую за них ответственность. Мне будет спокойнее, если хоть кто-нибудь из них сохранит работу, а остальные получат приличное выходное пособие.

— Значит, вы продадите ему? — спросил я.

— Если никто не предложит больше, возможно, продам, — ответил он. — А что? Думаете, не стоит?

— Мистер Бухолд, мне бы и в голову не пришло указывать вам, как вести дела.

— Вернее, то, что от них осталось, — заметил он. — Вот что я вам скажу, агент Шейн. Если вы назовете мне убедительную причину, почему мне следует повременить с продажей, я, может быть, так и поступлю.

— Я попробую, сэр. Обещаю.

В пять часов я появился в лиминальном пространстве Кассандры Белл.

Оно было пустым. Причем, когда я говорю «пустым», это означает, что там в буквальном смысле не было ничего.

К тому же оно оказалось вовсе не бескрайним простором абсолютной пустоты, а совсем наоборот — крошечным, тесным и темным. У меня возникло чувство, будто я попал на дно океана, состоящего из черных чернил. Впервые в жизни я понял, что такое клаустрофобия.

— Большинство людей находят мое лиминальное пространство неуютным, агент Шейн, — сказала Белл.

Я не видел ее, и складывалось впечатление,

что этот голос идет отовсюду, хотя говорила она очень тихо. Ты как будто попадал в голову очень замкнутого человека. Каким, безусловно, она и была.

— Я могу их понять.

— Вас это смущает?

— Я стараюсь не обращать внимания.

— А вот мне здесь очень уютно, — сказала Белл. — Напоминает материнскую утробу. Говорят, мы не помним, каково это — находиться там, но я не верю. Думаю, где-то глубоко внутри мы всегда знаем. Вот почему дети делают из одеял норки, а кошки любят прятать голову вам под локоть, когда сидят рядом. По понятным причинам у меня самой подобного опыта не было, но я знаю, почему это происходит. Мне говорили, что мое лиминальное пространство напоминает могильный мрак. Однако я думаю, темнота — это всего лишь другая часть жизни. Ведь темнота — это то, что впереди, а не то, что в прошлом.

— Интересный подход, — сказал я, — попробую теперь думать именно так.

— И это правильно. Лучше зажечь свечу, чем проклинать ночь, агент Шейн, — сказала Белл.

Она вдруг возникла прямо передо мной; горящая свеча озаряла ее лицо, отбрасывая свет

назад, в темноту.

— Спасибо, — поблагодарил я и невольно испытал облегчение.

— Не за что, — улыбнулась она и показалась мне моложе своих двадцати, хотя у себя в пространстве она, конечно, могла выбрать любой возраст, какой бы захотела.

— И спасибо, что согласились встретиться со мной так срочно, — сказал я. — Я знаю, как вы заняты.

— Я всегда занята. — В этом не было хвастовства или гордости — только констатация факта. — Конечно же, я знаю, кто вы, агент Шейн, — снова улыбнулась она. — Да и кто вас не знает? Крис Шейн, ребенок-хаден. Как странно, что мы до сих пор не познакомились.

— Вчера я подумал о том же самом.

— И почему, по-вашему, мы встретились только сейчас?

— Мы вращаемся в разных кругах.

— Вращаемся в разных кругах, — задумчиво повторила Белл. — Я представила, как мы с вами, словно планеты, движемся по отдельным орбитам вокруг своих звезд.

— Метафора та же, только разное описание, — заметил я.

— Точно, — сказала Белл и усмехнулась. — А кто ваша звезда? Вокруг кого движется ваша планета?

— Наверное, мой отец.

— Он хороший человек.

— Да, — кивнул я и вспомнил о нашей утренней встрече, о том, как он сидел в домашнем халате со стаканом виски в руке и горевал о Брюсе Скоу.

— Я знаю, что произошло с вами и вашим отцом, — сказала она. — Сочувствую вам.

— Спасибо, — поблагодарил я, неожиданно для себя завороженный ее необычной манерой говорить — строгой и вместе с тем доверительной. — Простите, а кто ваша звезда?

— Не знаю, — сказала она. — Пока не знаю. Начинаю только подозревать, что это не человек, а некая идея. Вот почему я такая странная и в то же время сильная.

— Возможно, — ответил я — настолько дипломатично, насколько смог.

Она поняла мои мучения и рассмеялась:

— Агент Шейн, я, честное слово, совсем не хочу показаться вам глупой или чересчур экстравагантной. Просто я совершенно не умею вести светскую беседу. Чем дольше она длится, тем больше я напоминаю какую-то беглянку из хип-

повской коммуны.

— Понимаю вас. Я сам живу в идейной общине.

— Как мило с вашей стороны сочувствовать мне, — сказала Кассандра Белл. — Вы гораздо больше искушены в светских беседах, чем я. Это не всегда комплимент. Но в вашем случае — безусловно.

— Спасибо.

— Вы пришли не для того, чтобы вести светскую беседу, хотя это у вас прекрасно получилось.

— Да, не для того, — согласился я. — Я пришел поговорить о вашем брате.

— Что ж, я с удовольствием расскажу вам о брате, если вы захотите выслушать.

— Конечно, — подтвердил я.

— Когда я родилась, он был совсем маленьким мальчиком, но уже понимал, что я заперта в своем теле, — сказала она. — Поэтому он приходил ко мне, целовал в лоб и часами пел песни. Только представьте. Какой другой семилетний ребенок станет делать такое? У вас ведь нет сестер или братьев?

— Нет.

— Вы жалеете об этом?

— Нельзя жалеть о том, чего никогда не бы-

ло, — заметил я.

— Это совсем не так, — сказала она. — Но я плохо сформулировала вопрос. Я имела в виду, чувствуете ли вы, будто что-то упустили, не имея сестер или братьев?

— Да, думаю, с ними было бы интереснее.

— У ваших родителей не было детей после вас.

— Мне кажется, они просто боялись, что будут уделять больше внимания кому-то одному из нас, — сказал я. — А тот, кто станет чувствовать себя брошенным, затаит обиду. Трудно, когда один ребенок хаден, а другой — нет. Конечно, это только мои предположения, — добавил я и умолк.

— Вы хотели что-то спросить о моем брате, — напомнила Белл.

— Я хотел узнать, интегрировались ли вы с ним когда-нибудь.

— О нет. Я бы сказала, это слишком сокровенно. Мы с братом любим друг друга. Но у меня нет желания оказаться внутри его головы, и вряд ли он сам этого хочет. Только представить — мы оба одновременно в одной голове! Мы станем как наши родители.

— Это метафора.

— Я вообще никогда не интегрировалась. Мне

хватает своей собственной головы. Я не хочу быть в чьей-то еще.

Я улыбнулся:

— Вам бы стоило познакомиться с моей напарницей. Она была интегратором, но при этом терпеть не могла, когда кто-то находился в ее голове.

— Мы были бы как два магнита, — сказала Белл. — Или разбежались бы, или притянулись бы друг к другу.

— Еще одна интересная метафора.

— Расскажите, что с моим братом, — попросила Кассандра.

— Когда вы в последний раз говорили с ним?

— Это не рассказ о моем брате, но я отвечу. Мы разговаривали вчера. Он хочет встретиться со мной в субботу.

— И вы согласились? — спросил я.

— А разве вы не нашли бы время для своей семьи? — спросила Белл. — Можете не отвечать, я и так знаю, что вы скажете.

— Нашел бы, — все-таки ответил я. — Вы встречаетесь здесь?

— Да, а еще он побудет с моим телом, — сказала она. — Он все еще любит напевать мне на ушко.

— Кто-нибудь еще будет там?

— Он — вся моя семья.

— Значит, не будет.

— Агент Шейн, сейчас самое время завершить светскую беседу и перейти к сути, — сказала Белл.

— Мы полагаем, что тело вашего брата захвачено неким клиентом, — начал я. — Этот клиент обладает изрядными техническими навыками, и он смог изменить программу нейронной сети вашего брата, чтобы загнать его в ловушку и использовать его тело в своих целях. Мы также полагаем, что он намерен воспользоваться телом вашего брата для того, чтобы убить вас, а затем и вашего брата. Все это будет представлено как убийство и самоубийство.

— И что заставляет вас так полагать?

— Он уже захватывал другие тела, — сказал я. — Таким же образом. Он и его помощник. Результат — три мертвых интегратора.

Кассандра Белл казалась очень печальной; огонек свечи внезапно затрепетал, но потом снова стал ровным.

— Значит, вы считаете, что мой брат уже одержим, — проговорила она.

— Одержим, — сказал я и вдруг понял, что мне никогда не приходило в голову думать так о

Джонни Сани, Брюсе Скоу или Бренде Риз. — Да, он уже одержим.

— Давно?

— Как минимум, с утра четверга.

— Почему же вы все это время ничего мне не сообщали?

— До вчерашнего дня мы не представляли, что такое вообще возможно, — сказал я. — То, что это коснулось и вашего брата, поняли только сегодня. Все это казалось невероятным. И поскольку это казалось невероятным, никто из нас даже не думал об этом.

— Он мертв?

— Ваш брат? Нет.

— Я знаю, его тело живо, — сказала Кассандра. — Но я имею в виду его самого. Его душу.

— Мы так не думаем. Мы твердо уверены в том, что он жив, только заперт. Не может общаться или как-то иначе взаимодействовать с внешним миром. Теперь он вроде как… в общем, как мы. Только без трила, лиминального пространства и «Агоры». А его тело по чьей-то прихоти делает то, чего ваш брат по собственной воле никогда бы не совершил.

— Да, мой брат никогда бы не стал меня убивать, — согласилась Белл. — Значит, вы твердо

уверены, что он жив?

— Да.

— Опишите, насколько крепка ваша уверенность.

— Как дуб. Или железо.

— Дубы горят. Железо ржавеет.

— Конечно, мы не можем быть стопроцентно уверены, — признался я. — Но, насколько нам известно, захваченные таким образом жертвы продолжают жить. Я сам видел, как женщина, чей разум был заперт в ее теле, еще жила, когда клиент отключился.

— Вы же сказали, они все умерли.

— Та женщина умерла. Ее клиент выдернул чеку из гранаты перед тем, как уйти.

— Кто эти люди? — спросила Кассандра.

— Нам лучше не говорить об этом, — сказал я. — Ради вашей безопасности.

Свеча Кассандры Белл ярко вспыхнула, несмотря на то что окружавшая темнота сдавила меня еще сильнее.

— Агент Шейн, не считайте меня ребенком. Я не ущербна и вполне дееспособна. Вокруг меня объединились сотни тысяч таких, как мы, чтобы объявить о нас всему миру. Я бы никогда не добилась этого, если бы была беспомощной

неженкой. Мне не нужна ваша защита. Мне нужна информация.

— Это Лукас Хаббард.

— О! — воскликнула Белл, и пламя свечи выровнялось. — Значит, он.

— Вы знакомы?

— За исключением вас, агент Шейн, я знакома почти со всеми влиятельными людьми. — Снова не бахвальство — просто факт.

— Какого вы о нем мнения?

— Сейчас или до того, как я узнала, что он закабалил моего брата в его собственном теле?

— До того, — улыбнулся я.

— Умный. Амбициозный. Может произносить пылкие речи о хаденах, когда ему это выгодно, и промолчит, когда нет.

— Типичный портрет миллиардера.

Белл внимательно посмотрела на меня.

— Мне казалось, вы из тех, кто знает, что не все миллиардеры — дрянные люди, — сказала она.

— По моему опыту, людей, похожих на моего отца, ничтожно мало.

— Жаль. Когда вы спасете моего брата?

— Скоро.

— За этим коротким словом скрывается рассказ минимум на полчаса, — заметила Белл. — Или

вы просто хотели сказать: «скоро, но не сейчас»?

— Есть некоторые сложности.

— Агент Шейн, я не прошу вас представить себе ужас человека, заточенного в клетке, — сказала Белл. — Я знаю, все это вам прекрасно известно не понаслышке. Но я хочу понять, зачем вы подвергаете этому ужасу человека, которого можете освободить уже сейчас и для которого каждая лишняя секунда пребывания там — пытка.

— Чтобы спасти других от такой же участи, — ответил я. — Чтобы наказать Хаббарда в полной мере, потому что одного ареста за все его преступления недостаточно. И чтобы защитить вашего брата.

Белл холодно смотрела на меня.

— Если мы возьмем его прямо сейчас, — продолжил я, — у нас будет достаточно материала, чтобы выдвинуть обвинение для суда. Но он не дурак. Почти наверняка он продумал, как вести себя в случае задержания. Хаббард богат. Адвокатов у него больше, чем в иных странах населения. Он затянет процесс на годы, будет предлагать сделки и вносить сомнение. Но самое первое, что он сделает, — это уничтожит все улики, насколько это возможно. А значит, избавится от единственного свидетеля, который может отчитаться за каждый

его шаг на этой неделе.

— То есть от моего брата, — сказала Белл.

— Да, от вашего брата, — подтвердил я. — Хаббард очень умен, но его ум и амбиции — это также его ахиллесова пята. Он уверен, что продумал все, каждую мелочь, но мы нашли пару слабых мест в его обороне. Сам он их не видит.

— Это и есть его ахиллесова пята — самонадеянность.

— Именно.

— Обещайте, что спасете моего брата, — сказала Белл.

— Я обещаю сделать все от меня зависящее. Мы обещаем.

— А теперь расскажите, как вы собираетесь поймать Хаббарда.

— Он хочет убить вас, — сообщил я.

— Вы уже говорили.

— Думаю, мы позволим ему попытаться.

Глава 23

Самуэль Шварц был весьма недоволен, увидев нас субботним утром, но тем не менее разрешил войти. В своем домашнем офисе он пригласил нас сесть напротив письменного стола, украшенного фотографиями двух малюток.

— Ваши? — спросила Ванн.

— Да, — ответил Шварц, усаживаясь за стол.

— Милые.

— Спасибо, — ответил Шварц. — Предвосхищая ваши следующие вопросы, отвечу сразу: это Анна и Кендра, семи и пяти лет от роду, рождены посредством извлечения семени и искусственного оплодотворения; матери — семейная пара, мои знакомые, с одной из них мы вместе учились на юрфаке; да, дети знают, кто я, и да, я активно участвую в их жизни. Кстати, мне нужно срочно идти на футбол. Полагаю, вы здесь по поводу Николаса Белла.

— Вообще-то, мы здесь по поводу Джея Керни, — сказала Ванн.

— Я уже говорил с вашими коллегами из ФБР о Джее. Вам скажу то же самое, что и им: никогда за все время наших профессиональных или лич-

ных отношений с Джеем он не делился со мной и даже не намекал на свои планы в отношении доктора Байера или на какую-либо связь с ним. А что касается моего местонахождения в тот вечер, — Шварц кивнул в мою сторону, — то ваш помощник может подтвердить, что в это время я присутствовал в доме Маркуса Шейна. Когда произошел взрыв на «Лаудон фарма», мы сидели за обеденным столом.

— Наши эксперты установили, что Керни — или Байер — начинили машину взрывчаткой, сделанной из нитрата аммония, — сказала Ванн.

— Ясно, — ответил Шварц. — И что с того?

— Может, и ничего, но я бы обратила внимание на то, что «Аграриот» — одна из компаний «Акселеранта». Они производят дегидрированные замороженные продукты, корм для скота и удобрения.

— Агент Ванн, «Акселерант» — это международный конгломерат, владеющий либо целиком, либо в значительной мере двумя сотнями различных компаний, — сказал Шварц. — Вы были правы, когда сказали, что в этом нет ничего особенного.

— У «Аграриота» есть склад в Уоррентоне, — сообщила Ванн, — прямо на Пятнадцатом шоссе,

недалеко от Лисберга. Там не хватает нескольких поддонов с удобрениями. Я вчера проверяла.

— Надеюсь, вы проинформировали об этом своих коллег, которые непосредственно заняты расследованием.

— Проинформировали, — сообщила Ванн.

— Я знаю, что «Акселерант» предложил купить «Лаудон фарма», — сказал я.

Шварц повернулся ко мне.

— Впервые об этом слышу, — сказал он. — Вам едва ли следует доверять слухам.

— Не уверен, слухи ли это, если они исходят от руководителя компании. Вчера я говорил с мистером Бухолдом.

— Мистер Бухолд поторопился. Пока идет только обсуждение, ничего серьезного.

— Я также помню, как на том ужине Лукас Хаббард крайне негативно отзывался о деятельности «Лаудон фарма», — заметил я. — Любопытно, что теперь он вознамерился ее купить, тем более сейчас, когда она превратилась в руины.

— Лукас заинтересован в сохранении рабочих мест в округе Лаудон. А часть продукции «Лаудон фарма» соответствует нашему профилю.

— Разумеется. Особенно та, которую вы не хотели пускать на рынок, — напомнила Ванн.

— Нейролиз, — тут же подсказал я.

— Он самый, — сказала Ванн. — Не хотите, чтобы хадены начали освобождаться из своих клеток. Это ведь сильно подсократит прибыли целого ряда компаний «Акселеранта». А по крайней мере, следующие несколько лет вам понадобится извлекать из них доход.

— Боюсь, я не слишком много знаю о нейролизе, — вставая, сообщил Шварц. — А теперь, как я и говорил, мне пора на футбольный матч…

— Вам что-нибудь говорят такие имена, как Сальваторе Оделл, Майкл Кроу, Грегори Баффорд, Джеймс Мартинес, Стив Гайтен или Цезарь Бёрк? — спросила Ванн.

— Я не знаю этих людей.

— Это уборщики, погибшие при взрыве на «Лаудон фарма», — пояснила Ванн. — Последнего извлекли из-под руин только вчера. Сегодня состоится поминальная церемония.

— Идет прямо сейчас, если точнее, — добавил я.

— Правильно, — сказала мне Ванн и снова повернулась к Шварцу. — Наши медики установили, что при самом взрыве погибли двое. Остальные умерли под бетонными обломками четырех этажей. Их просто расплющило. Раз-

мазало.

— Хоронить будут в закрытых гробах, — добавил я.

— Конечно, — сказала Ванн.

— Очень жаль это слышать, — сообщил Шварц.

— Да неужели? — спросила Ванн.

— К сожалению, у меня больше нет времени, — сухо произнес Шварц.

— Насколько вы близки с Лукасом Хаббардом? — спросил я.

— Что вы имеете в виду?

— Я помню, как вчера на ужине Хаббард задал вам какой-то вопрос, а вы как будто бы растерялись, — сказал я. — Тогда он наклонился к вам и, чтобы подбодрить, похлопал по руке. И хоть я не являюсь ярым приверженцем гендерных ролей, мне все же показалось, что это был не совсем «любовный» жест. Вы не производите впечатления человека, которого нужно подбадривать, а Хаббард не производит впечатления человека, на это способного. Вы главный юрисконсульт его корпорации, а не его любовница.

— Не надо искать во всем какой-то скрытый смысл.

— А еще там был момент, когда я говорил с

вами о вашем триле и вы посмотрели на меня так, будто понятия не имеете, о чем я. Тогда за вас тоже ответил Хаббард. Я помню, как вы читали нам нотации, когда Белл сидел в комнате для допросов. Не думаю, чтобы вы позволили кому-нибудь говорить за вас.

— Может, это не он тогда говорил? — предположила Ванн.

— Может, и не он, — глядя на Шварца, заключил я.

— Я очень отчетливо помню наш разговор в «зале трофеев» вашего отца, — сказал Шварц. — Вас еще заинтересовал тот факт, что я использую в качестве интегратора женщину.

— Бренду Риз, — подсказал я.

— Теперь она мертва, — сообщила Ванн.

— Да, — подтвердил я.

— Устроила стрельбу в кафе, а потом подорвала себя гранатой.

— Я там был, — заметил я.

— И я, — сказала Ванн, кивнув на свою руку, висящую на перевязи. — Она подстрелила меня.

— И меня, — добавил я.

— Как странно, — сказала Ванн.

— Что странно? Получить пулю?

— Это да. Но я о другом, — пояснила Ванн и по-

вернулась к Шварцу. — Два ваших интегратора взорвали себя всего за одну неделю.

— Да, это очень странно, — подтвердил я.

— Какова вероятность таких совпадений? — спросила у меня Ванн.

— Я бы сказал, ничтожная.

— Соглашусь с вами, — сказала Ванн. — Конечно, вероятность того, что два интегратора на одной неделе будут съедены медведями или упадут в молотилку для зерна, еще меньше, но тем не менее совпадение крайне любопытное.

— Агент Ванн, — наконец подал голос Шварц, — агент Шейн. Мы должны прек…

— Она сказала, что вас там не было, — перебил я.

— Что? — растерянно спросил Шварц.

— Бренда Риз. Она сказала, что вас не было на ужине. Что вы отключались.

— Как раз в то время, когда Джей Керни находился на территории «Лаудон фарма», — добавила Ванн.

— Джей Керни был интегрирован с доктором Байером, — напомнил Шварц. — Байер заявил это в своем предсмертном видеообращении.

— Не совсем так, — поправил я. — Рот Керни выговорил эти слова, и мы предположили, что

говорит Байер, потому что тело Байера находилось на заднем плане. Но теперь у нас есть другая версия.

— И вот в чем она заключается, — подхватила Ванн. — Вы интегрируетесь с Керни и идете в квартиру Байера. Он ждет Керни. Вы даете Байеру наркотик, тот отрубается, потом вы записываете видео, суете ему нож в висок и располагаете трил так, чтобы все выглядело как самоубийство, после чего едете в «Лаудон фарма» с Керни.

— И возвращаетесь к нам домой как раз к десерту, — закончил я. — Если, конечно, десерт подавали. Я к тому времени уехал.

— Уехали, потому что взорвали «Лаудон фарма», — добавила Ванн.

— Вы только что обвинили меня в убийстве Байера, — констатировал Шварц.

— Да, — подтвердил я.

— И шести уборщиков, — сказала Ванн.

— А также Джея Керни, — сказал я.

— Итого восьмерых, — подсчитала Ванн.

— Все, разговор окончен, — резюмировал Шварц. — Я больше ни слова не скажу без адвоката. Если хотите арестовать меня — арестовывайте. Если нет, убирайтесь из моего дома.

— Мистер Шварц, еще только одно слово, — по-

просила Ванн.

Шварц посмотрел на нее с равнодушием, присущим только трилам.

— Интерполятор, — сказала она.

— Что вы сказали? — спросил Шварц.

— О, полагаю, вы прекрасно меня расслышали.

— Я не знаю, что означает это слово, — заметил Шварц.

— Мистер Шварц, вам не кажется, что мы уже прошли этот этап? — сказала Ванн. — Вы отлично знаете, что означает это слово. А также что означает, если его знаем мы. А означает это, что вы, сэр, вляпались. Причем по полной.

Шварц молчал.

— Варианты, — сказала Ванн и подняла палец вверх. — Первый — вы используете свое право хранить молчание и право на адвоката. После чего я поаплодирую вашему мужеству и мы арестуем вас за восемь уже упомянутых убийств плюс убийства Бренды Риз и Брюса Скоу. Кроме того, вам будут предъявлены обвинения в похищении Керни, Скоу и Риз, а также в попытках убить меня и присутствующего здесь агента Шейна. Довеском к этому пойдет целый набор различных обвинений, о которых я распространяться не стану, но которые вы, как юрист, уже

наверняка прокручиваете в голове. Далее состоится суд, вы проиграете, и ваше тело отправится в федеральный исправительный центр для хаденов, где до конца жизни вам будет позволено общаться с другими человеческими существами один час в неделю.

— Кстати, нас этот вариант вполне устраивает, — заметил я.

— Да, — согласилась Ванн и подняла вверх уже два пальца. — Вариант второй — вы начинаете говорить. — Она опустила руку и добавила: — Выбирайте. У вас пять секунд. После этого мы будем считать, что вы выбрали первый вариант.

— Что для нас было бы гораздо проще, — сказал я.

— Несомненно, — подтвердила Ванн.

Шварц сел и молчал четыре секунды. Ну, может, четыре с половиной.

— Я предлагаю сделку, — наконец выговорил он.

— Кто бы сомневался, — сказала Ванн.

— Полный иммунитет… — начал он.

— Нет, — перебил я, — это исключено.

— Шварц, вы сядете в тюрьму, — сказала Ванн. — И лучше вам привыкнуть к этой мысли. Сейчас речь идет только о сроке и условиях

содержания.

— Полный иммунитет — или я молчу, — заявил Шварц.

— Хорошо, молчите, — заключил я.

— Мистер Шварц, похоже, вы не до конца поняли, что я имела в виду, когда говорила, что вы вляпались по полной, — заметила Ванн. — Материалов у нас более чем достаточно, чтобы упрятать вас за решетку навсегда. И мы это сделаем, уж поверьте. Вот только дело в том, что по-настоящему нужны нам вовсе не вы. У нас другая главная цель. Уверена, вы прекрасно знаете, о ком я.

— Но если мы не получим его, то с радостью возьмем вас, — добавил я.

— Это правда, — согласилась Ванн. — И если честно, Шварц, он тоже будет рад. Уж вам-то точно известно, сколько у него адвокатов и как они хороши. В ту же секунду, когда он узнает о вашем задержании, он спихнет на вас абсолютно все. До последней мелочи. Я так и вижу его пресс-релизы для журналистов.

— О том, как он шокирован и расстроен всеми этими необоснованными обвинениями и как всецело готов сотрудничать с властями, то есть с нами, — подсказал я.

— И знаете, — сообщила Ванн, — в этот момент мы ведь запросто можем решить, что синицы в руках нам вполне достаточно. Наш послужной список это дело только украсит, да вдобавок мы еще получим прекрасный наглядный урок того, к чему может привести слепая преданность человеку, готовому бросить тебя на съедение волкам.

Шварц по-прежнему молчал.

— Чего вы хотите от меня? — наконец спросил он.

— Всего, разумеется, — ответила Ванн. — Даты, планы. Как именно вы использовали компании «Акселеранта» для достижения своих целей. Кто еще в этом замешан. Чего вы хотели добиться в результате. Что вы с Хаббардом надеялись получить после всего этого.

— Почему выбрали Сани и Скоу, — добавил я.

— Верно, — подтвердила Ванн. — Честно говоря, вы сильно ошиблись, когда выбрали Сани. Теперь все высшее руководство Нации навахо мечтает закатать вас в асфальт. Будет даже лучше, если мы поместим вас в безопасное место.

— На сколько? — упавшим голосом спросил Шварц. — О каком сроке идет речь?

— Вы имеете в виду, на сколько лет? — уточнил я.

Шварц повернулся ко мне.

— Агент Шейн, у меня дети, — сказал он.

— Этот футбольный матч вы уже пропустили, мистер Шварц, — неожиданно мягко произнесла Ванн. — Школьный выпускной тоже пропустите. Но в зависимости от того, что мы от вас сейчас услышим, вы еще имеете шанс повести одну из своих дочерей под венец.

Глава 24

Николас Белл вошел в квартиру Кассандры Белл на третьем этаже, прошел в гостиную, где Кассандра, собственно, и жила, потому что спальня использовалась как склад и место отдыха для сиделок. Утренние сиделки к тому времени уже ушли, а до прихода вечерних оставался еще час. Николас шагнул к главному предмету мебели в комнате — «колыбели», где лежала молодая женщина. Как и все хадены, она казалась спящей.

— Как хорошо, что ты пришел навестить меня, брат, — сказала Кассандра. — Я не видела тебя всю прошлую неделю.

Голос Кассандры раздавался из динамика рядом с «колыбелью». В динамик была вмонтирована маленькая камера, с помощью которой она могла видеть, что происходит в комнате. Кассандра предпочитала минимальный контакт с внешним миром. Наверное, поэтому Николас замер, увидев в гостиной незнакомый трил.

— Подарок от поклонника, — пояснила Кассандра, проследив за его взглядом. — Из тех, кто даже не поинтересовался тем, что я не пользуюсь и вообще никогда не пользовалась «личным

транспортом». Но одна из моих сиделок знает, кому он может понадобиться. Так что пока он здесь — ждет, когда она придет.

Николас кивнул, улыбнулся и снял с плеча небольшой рюкзак. Расстегнул молнию и сунул внутрь руку.

— Надо же, брат! — воскликнула Кассандра. — Ты принес мне подарок?

— Да, — ответил Николас, вытащил из рюкзака большой кухонный нож и вонзил его глубоко в живот женщине в «колыбели».

Затем нанес еще два сильных удара в область живота, после чего выдернул нож и неловко воткнул его в левую ногу, целясь в бедренную артерию.

Бледная плоть резалась на куски.

Три следующих удара оставили рваный треугольник прямо под грудиной. И наконец резким жестоким движением он полоснул сначала по левой стороне шеи, потом по правой, открывая артерии, доставляющие кровь в мозг, и вены, выводящие ее оттуда.

Николас Белл уронил нож на пол и отступил назад, тяжело дыша. Он смотрел на изуродованное тело, как будто что-то его очень удивляло. Например, то, что из порезанного уже восемь раз

тела не вытекло ни капли крови.

— Брат, — прошептала Кассандра Белл. — Не получилось.

Я вскочил со стула, на котором сидел, и бросился на Николаса Белла, повалив его на пол. Он начал извиваться, как червяк, и в конце концов вырвался из моей хватки и пополз к рюкзаку. Когда я встал на ноги, то увидел, что он держит в руке пистолет, нацеленный на меня.

— О нет! — простонал я. — Я же только что обзавелся этим трилом.

Сзади нас раздался грохот — это агенты ФБР высадили дверь. Николас чуть отвлекся на шум, и этого было достаточно для меня, чтобы броситься к нему, но недостаточно для него, чтобы забыть о пистолете. Он выстрелил, пуля попала мне в плечо и заставила крутануться на месте.

Николас отвернулся и трижды пальнул в раздвижную стеклянную дверь на балкон, потом прикрыл руками голову и прыгнул в растрескавшееся стекло. Оно вывалилось, и Николас оказался на балконе.

— Твою мать, — выругался я и рванул за ним.

Сразу же выяснилось, что пуля в правом плече не дает нормально двигаться. Я неуклюже перевалился через балконное ограждение и шмякнулся

на бетонную дорожку внизу. Будь я в человеческом теле, то наверняка разбился бы насмерть или остался парализованным на всю жизнь.

Но я был в триле.

Оглядевшись, я заметил Белла в тридцати ярдах от себя. Он бежал на удивление проворно, хотя и прихрамывая, и все еще держал в руке пистолет.

— Что за хрень тут происходит? — сказал голос Ванн в моей голове.

— Он спрыгнул с балкона и теперь бежит по Девятой улице к Уэлбёрн-сквер. Я следую за ним.

— Не потеряйте его снова.

— Снова?! — возмутился я и перешел на бег.

Почти возле Уэлбёрн-сквер я нагнал Белла, теперь он хромал уже заметно сильнее. Я прыгнул на него, и мы оба повалились на тротуар, вымощенный красным кирпичом. Когда я попытался схватить его исправной рукой, он резко оттолкнул ее и с размаху заехал мне в лицо рукояткой пистолета.

И зря старался. Я убавил чувствительность к боли до минимума. Он направил на меня пистолет, и я быстро откатился в сторону. Тогда он снова побежал и, прихрамывая, начал пересекать круглый газон в центре парка. При виде пистолета прохожие бросались врассыпную.

Недалеко от Тейлор-стрит я снова догнал его и поставил ему подножку. Белл споткнулся, потом сразу обернулся ко мне и выстрелил. Пуля попала мне в бедро. Левая нога подо мной сразу сложилась, и я упал. Когда я поднял глаза, то увидел на губах Белла легкую торжествующую улыбку, а потом он выбежал на Тейлор-стрит…

…где тут же попал под машину. Он живописно распластался на капоте, потом свалился на дорогу, схватившись за ногу.

Со стороны водителя из машины вышла Ванн, приблизилась к Беллу, удостоверилась, что немедленная смерть ему не грозит, и нацепила на него наручники.

Спустя две минуты подоспели другие агенты ФБР. Ванн подошла ко мне, уселась рядом на тротуар, где я все еще лежал, и вытянула из кармана жакета электронную сигарету.

— Это уже третий трил, который вы раздолбали за два дня, — заметила Ванн.

— Четвертый, — поправил я.

— Не хочу читать вам нотаций, — сказала она, — но на месте ваших страховщиков я бы с вами точно не связывалась.

— Вы стукнули нашего подозреваемого машиной, — напомнил я.

— Какая досада, — ответила Ванн и затянулась.

— Вы могли убить его.

— На пяти милях в час? Да и вообще, это был несчастный случай.

— Вы не должны были допускать подобных несчастных случаев.

— Это просто поразительно, чего только не случается, когда отключаешь автопилот.

— Мы обещали Кассандре Белл, что не причиним вреда ее брату, — сказал я.

— Знаю, — буркнула Ванн. — Но пришлось рискнуть. С другой стороны, ведь этот стервец всадил две пули в моего напарника.

— В меня стрелял не Белл.

— А я не о нем говорила, — сказала она и убрала сигарету.

— У меня к вам есть несколько вопросов, — сказала Ванн, глядя на Белла через стол. Они сидели в комнате для допросов; перед Ванн лежала желтая бумажная папка. — Но в данную секунду меня больше всего интересует один. Вы сейчас находитесь в комнате для допросов Федерального бюро расследования под арестом и до сих пор не заявили ни о своем праве хранить молчание, ни о праве на адвоката. Почему? Думаю, вам не мешало бы сделать и то и другое.

— Да, — подтвердил я, стоя за спиной Ванн. — Хотя на вашем месте я бы не стал звонить Сэму Шварцу.

Я был в одном из служебных трилов, их хранили в управлении для приходящих агентов. Агент, которая использовала его всего полчаса назад, сейчас томилась в ожидании в Чикаго, потому что я прервал ее работу. Ну ничего, пусть потомится еще немного.

— Почему нет? — спросил Белл, посмотрев на меня.

— Сегодня утром мы арестовали его по обвинениям в убийствах и покушениях на убийства, связанных со взрывом на «Лаудон фарма», — пояснил я. — Вот его босс удивится.

— Хаббард вне подозрений, — добавила Ванн. — Все указывает на одного Шварца. Не самый лучший вид сверхурочной работы, согласитесь. — Она снова повернулась к Беллу. — Итак. Вы предпочитаете хранить молчание? Прежде чем ответить, учтите, что, как только вы покинули свой дом и направились сюда, мы получили ордер на обыск вашей квартиры и личных вещей. А значит, мы уже нашли то видео, где вы признаетесь в убийстве и также в своем самоубийстве.

— Теперь понятно, почему у вас пистолет, — за-

метил я. — Нападение с ножом хорошо для вашей сестры, но для себя вы хотели быстрого и по возможности безболезненного конца. Но, похоже, я немного скомкал ваши планы, когда отправился за вами в погоню.

— Спрашиваю еще раз, — сказала Ванн. — Вы хотите хранить молчание? Вам нужен адвокат?

— У вас есть видео, — ответил ей Белл и кивнул на меня. — Ваш напарник видел нападение. Какой смысл?

— Если точнее, вы отказываетесь от своего права на молчание и на адвоката? — переспросила Ванн. — Прошу вас ответить «да», если это действительно то, чего вы хотите.

— Да, — подтвердил Белл. — Это то, чего я хочу. Я собирался убить свою сестру Кассандру. Такова была моя цель.

— Что ж, вы сильно облегчили нам жизнь, — заключила Ванн. — Спасибо.

— Я делаю это не ради вас. Я хотел, чтобы люди знали: моя сестра опасна.

— Это указано в вашем предсмертном обращении? — спросила Ванн. — Если так и если вам больше нечего добавить, давайте мы просто сэкономим время и сразу отвезем вас в федеральную тюрьму, где вы будете находиться до вынесения

приговора.

— Простите, но есть еще кое-что, — вмешался я.

Ванн щелкнула пальцами левой руки:

— Точно. Я ведь и правда хотела задать вам еще один вопрос, Николас.

— Что за вопрос? — спросил Белл.

— Как долго вы еще собираетесь продолжать?

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, — осторожно произнес Белл.

— Я имею в виду, как долго вы еще собираетесь притворяться Николасом Беллом, мистер Хаббард, — пояснила Ванн. — Интерес у меня чисто практический — просто мы тут с Шейном поспорили. Шейн считает, что вы будете держаться до тех пор, пока мы не поместим вас за решетку. В конце концов, у вас своя жизнь, опять же международная корпорация, которой надо управлять, и теперь, когда Белл с вашей помощью признал свою вину, самая тяжелая часть работы уже позади.

— Именно так, — подтвердил я. — Когда Белл выйдет на поверхность и откажется от своих показаний, ему никто не поверит. Все подумают, что он пожалел о своем признании и надеется, что его сочтут психически невменяемым.

— Хорошая попытка, — сказала Ванн. — Но я ответила «нет». Вы зашли уже слишком далеко, чтобы подвергать риску весь свой план. Думаю, вы пройдете этот путь до конца. И только когда будет вынесен приговор и Белла закроют в камере шесть на девять, вы будете совершенно уверены, что можно выйти из игры. Поэтому вам придется продержаться еще какое-то время, как вы держались всю эту неделю. Да, это означает, что «Акселерант» пока останется без своего кормчего. Но, возможно, когда Белл уснет, вы сумеете незаметно выскользнуть и оставить сообщение о том, что ушли в отпуск на пару недель. Ничего, они без вас справятся.

— Могут возникнуть проблемы юридического характера, — заметил я.

— У них куча адвокатов, — сказала Ванн. — Решат как-нибудь.

— Вы оба несете бессмыслицу, — заявил Белл.

— Он не сдается, — констатировал я.

— А что ему еще делать? — спросила Ванн. — Ладно, давайте усложним задачу. Мистер Белл, я хочу показать вам одну фотографию. — Она открыла папку, вынула снимок и подтолкнула его к Беллу. — Знакомьтесь. Это Камилла Хэммонд. Двадцать три года, живет в пансионате для

хаденов имени леди Бёрд Джонсон в Оккоквене, штат Виргиния, куда НИЗ помещают хаденов с прочими мозговыми нарушениями, в случае если у них нет семьи или другой возможности ухаживать за собой. Точнее, Камилла жила там до вечера среды, когда она умерла от продолжительной легочной инфекции, к сожалению весьма распространенной среди людей в ее положении.

Белл посмотрел на фотографию, но ничего не сказал.

— В департаменте здравоохранения не слишком воодушевились нашей просьбой одолжить тело Камиллы для сегодняшних развлечений, — продолжила Ванн. — Но, с другой стороны, их еще меньше радовала перспектива убийства Кассандры Белл ее собственным братом накануне крупнейшего за десятилетие марша за гражданские права в Вашингтоне. Поэтому они в конце концов согласились нам помочь. — Она наклонилась через стол к Беллу. — В связи с этим меня очень интересует одна маленькая деталь. Вы пришли в ту комнату, чтобы убить свою сестру. Человека, которого знали всю жизнь. Меня немного смущает, что вы так и не поняли, что женщина, которую вы ударили ножом восемь раз, совсем не та, кого вы знали двадцать лет.

Белл поднял на нее глаза, но промолчал.

— А знаете что, не отвечайте, — сказала Ванн и посмотрела на меня. — Попросите привести Тони.

Я отправил сообщение. Через минуту Тони уже был в комнате.

— Тони Уилтон, Лукас Хаббард, — деловито представил я. — Лукас Хаббард, Тони Уилтон.

— Еще неделю назад я бы сказал, что для меня это большая честь, — признался Тони. — А сейчас скажу только, что искренне восхищен вашим талантом программиста.

— Тони, — попросила Ванн, — не будете ли вы столь любезны поделиться с мистером Хаббардом своими недавними исследованиями?

— Да, этот ваш трюк с загрузкой кода в процессор при помощи интерполятора просто гениален! — воскликнул Тони. — Но в то же время по-настоящему опасен… ну, вы понимаете почему. — Он протянул руку к Беллу. — Так что прошлой ночью я написал патч, который должен закрыть эту лазейку, и НИЗ, которые все еще имеют право требовать обязательной корректировки программ, поставили его в топ первоочередных задач. Почти в то же время, когда вы зашли в квартиру Кассандры Белл, его начали рассылать

всем интеграторам Соединенных Штатов. А после того, как их программы откорректируют, его также включат в обновления для хаденов. Конечно, вряд ли вы смогли бы проделать с хаденом то же, что проделали с интегратором. Но ведь пока это не стало происходить с интеграторами, никто и не догадывался, что такое вообще возможно. Жестоко, но как же талантливо. Так что мы решили: береженого Бог бережет.

— Я не понимаю ничего из того, что вы говорите, — заявил Белл. — Что такое «интерполятор»?

— Похоже, он решил держаться до последнего, — глянув на меня, заметил Тони.

— Разве у него есть выбор? — спросил я. — Если он отступит сейчас, всплывет настоящий Николас Белл и все расскажет.

— Хорошо, что напомнил, — сказал мне Тони и повернулся к Беллу. — Уверен, кому, как не вам, знать, что патчи для нейронных сетей могут быть общими, а могут создаваться для какой-то определенной цели. Например, для одной конкретной сети.

Белл смотрел на него ничего не выражающим взглядом.

— Ладно, раз вы делаете вид, что не понимаете, разъясню попроще. Вчера я написал не только

самый обычный патч, но и еще один — весьма специфичный, для нейронной сети, которая находится здесь. — он легонько постучал пальцем по макушке Белла. — Этот патч делает две вещи. Во-первых, контролирует информационный поток.

— Слушайте внимательно, — посоветовала Ванн Беллу. — Он это отлично придумал.

— Обычно во время сеанса интегрирования и клиент, и интегратор могут прервать поток данных, если клиент решает прервать сеанс или если интегратору надоел клиент. Вам удалось блокировать способность Белла выгнать вас из своей головы.

— Что кажется весьма нечестным, — добавила Ванн.

— Именно, — подтвердил Тони. — Поэтому патч, который я только что загрузил в сеть Белла, удалил вашу возможность прерывать информационный поток. Вы заперли Белла в его голове. А теперь вы сами заперты там. Ну же, попробуйте отключиться.

— Он этого не сделает, — заметила Ванн. — Вы ведь можете блефовать, чтобы вынудить его отсоединиться и тем самым освободить Белла.

— Надо же, об этом я не подумал, — признался Тони. — Ну да, точно.

— Скоро он сам это поймет, — сказал я. — Он же заставлял Николаса Белла убивать его сестру. У меня тут все записано. — Я похлопал себя по голове. — Когда закроется дверь той самой камеры шесть на девять, он окажется там вместе с Беллом.

— Это первое, что делает патч, — сказал Тони. — А вот второе вам точно понравится.

— Подождите, — остановила его Ванн. — Мистер Хаббард, вам по-прежнему нечего сказать?

— Я, честное слово, понятия не имею, что тут происходит, — жалобным тоном ответил Белл. — Я окончательно запутался.

— Хорошо, давайте добавим ясности, — предложила Ванн и повернулась ко мне. — Пригласите наших следующих гостей, пожалуйста.

Через минуту в комнату вошли Май и Джейнис Сани. Ванн поднялась со стула, уступая Май место. Джейнис встала позади бабушки и положила руку ей на плечо.

— Это он? — спросила Май у Ванн.

— Он. По крайней мере, внутри.

— Я не знаю этих двух дам, — сказал Белл.

— И это первая правда, сказанная вами за сегодня, — констатировала Ванн.

— Лукас Хаббард, Май и Джейнис Сани, — пред-

ставил я. — Их фамилия могла показаться вам знакомой, потому что вы использовали Джонни Сани, их внука и брата.

— Это безумие! — воскликнул Белл.

— Думаю, с нас достаточно прелюдий, — сказала Ванн. — И меня уже тошнит от всей этой бредятины. Так что переходим прямо к делу. — Она толкнула ногой кресло Белла, резко развернув его от стола. — Мы солгали вам о Шварце, — сказала она. — Да, мы действительно арестовали его за убийство и преступный сговор, но он заключил с нами сделку. Он подробно рассказал нам о вашем плане подмять под себя весь хаденский рынок. И его версия событий не сулит вам ничего хорошего. Мы уже готовы отправить в «Акселерант» целый батальон умников-криминалистов. Еще два десятка сейчас возле вашего дома и только ждут моего сигнала, чтобы войти. Ордеров для вас и ваших компаний у нас едва ли не больше, чем народу в штате, чтобы их предъявлять. — Она пнула кресло, и оно даже чуть подпрыгнуло вместе с Беллом. — А вы все продолжаете играть в свою идиотскую игру «Я не Хаббард»! Теперь время для игр закончилось. Поэтому мы сейчас сделаем вот что. Вы прекращаете прикидываться Беллом. — Она указала на Май и Джейнис

Сани. — И начинаете рассказывать этим женщинам, что на самом деле случилось с Джонни Сани. Они заслуживают того, чтобы знать. Или вы продолжаете притворяться Беллом, и в этом случае Тони сейчас расскажет вам, на что еще способен его патч. Прошу вас, Тони.

— Он полностью меняет сценарий, — сказал Тони.

— Будьте добры, добавьте технических подробностей, — попросила Ванн. — Думаю, он поймет.

— Когда клиент использует интегратора, интегратор отступает в тень и позволяет сознанию клиента управлять телом, — сказал Тони. — Интегратор имеет право помогать, но, по идее, должен оставаться на заднем плане. В вашем случае, — он показал на Белла, — сознание интегратора целиком отстранено. Он лишен всякой возможности контролировать свое тело. Патч, который я закачал в сеть Белла, меняет эту ситуацию с точностью до наоборот. Он дает интегратору полный контроль над его телом, а клиента оттесняет на задний план, и тот больше ничего не может сделать — только наблюдать.

— То есть клиент испытывает синдром клетки, — добавил я.

— Именно так, — согласился Тони. — Конечно,

в обычных отношениях клиента с интегратором это не имеет смысла, но у нас тут далеко не обычные отношения.

— Белл вернет себе свою жизнь, а Хаббард будет заперт в его теле навечно, — заключил я.

— И даже не это самое интересное, — сказала Ванн и подошла вплотную к Беллу. — Самое интересное вот что. Сейчас все знают, что Белл — интегратор Хаббарда. Так почему бы… не оставить все как есть?

— То есть пусть Белл говорит, что он Хаббард? — спросил я.

— Нет, пусть станет Хаббардом! — глянув на Тони и на меня, объявила Ванн. — Мы отзываем все ордера, позволяем Шварцу взять вину на себя и ставим Белла во главе «Акселеранта». И он начинает рушить компанию. Распродавать ее по частям. А все прибыли с продаж инвестирует в хаденов. Начиная с новой идеи твоего отца, Крис.

— Да, точно, — подхватил я и, нависнув над столом, в упор посмотрел на Белла. — Мой отец только что заключил с Нацией навахо соглашение о том, что будет финансировать некоммерческий конкурент «Агоры». У навахо есть огромный серверный комплекс. Там с лихвой хватит места

для всего сообщества хаденов. Обслуживать его будут сами навахо. Квалифицированный и доступный персонал. К тому же с правовой точки зрения не на территории Соединенных Штатов. Завтра мы объявим об этом на марше протеста. И подчеркнем, что у сообщества хаденов теперь есть возможность не поддаваться тому, кто собирается ободрать их ради господства над рынком.

— Только представьте, — предложила Ванн, — об этом объявит Кассандра Белл с Маркусом Шейном по правую руку и Лукасом Хаббардом по левую. Они объединятся ради всех хаденов. А потом Хаббард начнет распродавать свою компанию по частям, чтобы служить людям, пока от «Акселеранта» не останется ничего.

— Просто мечта, — сказал я и выпрямился.

— Да, — отозвалась Ванн.

— Правда, не совсем этичная, — добавил я.

— Менее этичная, чем взрывать конкурентов, нападать на агентов ФБР и пытаться убить активистку хаденского движения? — спросила Ванн.

— Ну, не настолько, — признал я.

— Тогда я целиком за нее. А как все обстоит на самом деле, будут знать только те, кто сейчас присутствует в этой комнате. Кто-нибудь против?

Все промолчали.

— У вас два варианта, Хаббард, — сообщила Ванн, снова поворачиваясь к Беллу. — Вы сознаетесь, кто вы, и рассказываете Май и Джейнис о том, что случилось с Джонни Сани. Вам будет предъявлено обвинение, но компания выживет. Или же вы продолжаете упорствовать, и тогда мы меняем сценарий. Белл получает от вас свою жизнь, а взамен забирает вашу. И вы будете наблюдать, как рушится все, к чему вы так стремились. Выбор за вами.

Белл долго молчал, больше минуты. А потом…

— Начиналось это скорее как мысленный эксперимент, чем как нечто большее, — начал Хаббард — теперь это был, несомненно, он, держался самодовольно и развязно, даже несмотря на наручники. — Я написал код и смоделировал сеть, спроектированную для полного интегрирования клиента. Тогда мной двигало лишь любопытство. Но потом появился законопроект Абрамса—Кеттеринг, и бизнес-модель, над которой я работал, стала меняться. Другие фирмы запаниковали, но я понимал, что открываются новые возможности. Ими следовало просто грамотно распорядиться — эффективно, но незаметно и так, чтобы никто не отследил и не смог повторить. Я знал, что с моей новой сетью смогу управлять людьми и

событиями так, как не смогут другие. И меня никто не заподозрит. Сэм обратил внимание на то, что «Медикорд» имеет доступ к медицинским архивам Нации навахо и что они не входят в национальную базу данных по здравоохранению США. То есть там мы могли найти подопытного, о котором никто бы ничего не знал, о нем не существовало бы записей в других местах и его невозможно было бы отследить. Мы нашли двоих — Джонни и Брюса. Решили начать с Джонни. Он был…

Хаббард запнулся, осознав, как это прозвучит для семьи Джонни Сани.

— Говорите, — холодно приказала Ванн.

— Он был умственно отсталым, — сказал Хаббард. — Доверчивым. Внушаемым. Мы устроили его в Калифорнии с помощью одной китайской компании, в которой «Акселерант» имел неконтрольный пакет акций. Все наши контакты с ним осуществлялись через уникальных трилов, не имеющих аналогов. Отследить нас было совершенно невозможно, даже если бы Джонни что-то заподозрил. Но у него не хватало для этого ума. А мы соблюдали сверхосторожность. Все держалось в строжайшем секрете. Кроме меня и Сэма, в наши планы не был посвящен никто. Ко-

гда мы установили сеть, то сначала тестировали ее по несколько минут за сеанс, потом интегрировались на час или два. Мы приспособились использовать Джонни для разных задач. Поначалу простых. Немного корпоративного шпионажа, мелкое вредительство. Ничего серьезного — только проба возможностей. Вскоре выяснилось, что возможности Джонни ограниченны. И не его мозгом — это не имело значения, когда я управлял им. Его ограничивало то отсутствие идентичности, которое так привлекло нас вначале. Не имея идентичности, вращаться в нашем обществе сложнее, а не легче. С помощью того, что мы узнали от Джонни, мы начали работать над созданием моделей рыночных сетей. Благодаря «Лактурну» мы имели в распоряжении базу данных всех сетей. Я придумал, как использовать интерполятор, чтобы взламывать сеть и оставлять дверь открытой. Оставалось только дождаться подходящего случая. Затем прошел Абрамс—Кеттеринг, и хадены объявили о забастовке и марше протеста. Это была прекрасная возможность дестабилизировать рынок и забрать нужные нам компании…Я знал, что Николас Белл — интегратор. Знал людей, использовавших его. И знал, что после принятия закона Абрамса—Кеттеринг

ему обязательно потребуется долгосрочный контракт. Но я не хотел обращаться к нему лично, поэтому решил, что это будет последнее задание для Джонни Сани. Я переправил его в Вашингтон и использовал для контакта с Беллом, выдав себя за «туриста». С помощью Сани я загрузился в мозг Белла. Предполагалось, что, как только я попаду туда, Сэм сразу же соединится с Джонни и возьмет над ним контроль. Но Сэм отвлекся на пару минут. Джонни пришел в себя, огляделся вокруг, схватил кресло, побежал с ним к окну и вышвырнул его на улицу. Потом развернулся, схватил со стола бутылку и разбил ее о шкаф. Я подумал, что он сейчас бросится с осколком на меня, и поднял руки. Тогда Джонни закричал на меня, сказал, что теперь кто-нибудь обязательно придет в номер, чтобы узнать, что здесь происходит. Он хотел, чтобы его перестали использовать. Хотел знать, для чего его использовали. Сказал, что хочет домой. — Хаббард снова замолчал.

— Продолжайте, — велела Ванн. — Если не расскажете вы, расскажет Белл. Назад пути нет, Хаббард.

— Я высмеял его, — произнес Хаббард. — Я знал, что Сэм вот-вот загрузится в него и этот нелепый бунт прекратится. Поэтому я сказал Джонни, что

использовал его, чтобы стать очень богатым. Он хотел знать, заставлял ли я его когда-нибудь вредить людям. Я ответил, что он все равно ничего не помнит, значит и не о чем волноваться. Тогда он сказал: «Я знаю, вы плохой человек и вы не отпустите меня домой, поэтому я устрою вам неприятности». И перерезал себе горло.

Май и Джейнис холодно смотрели на Хаббарда. Я вспомнил рассказ Редхауса о том, как они пытались сдерживать свое горе.

— Мне очень жаль, — глянув на них, пробормотал Хаббард.

— Не смейте! — гневно бросила ему Джейнис. — Вам совсем не жаль, что Джонни мертв! Сегодня вы собирались убить человека. Вам жаль, что вас поймали. А поймали вас, потому что мой брат не дал вам сделать то, что вы собирались. Он устроил вам большие неприятности, как и обещал. Да, мой брат медленно думал, но со временем мог разобраться во всем. Он понял, кто вы. Посмотрите на себя! Да вы моему брату в подметки не годитесь!

Джейнис помогла Май встать, и обе женщины, не оглядываясь, покинули комнату.

— Вы увидели, как он перерезал себе горло, и запаниковали, — сказала Ванн, когда они

ушли. — И тогда вы отсоединились от мозга Белла по крайней мере на несколько минут.

— Да, — признался Хаббард. — Я вышел, но Сэм сразу стал говорить, что я должен вернуться. Сказал, что, если Белл расскажет кому-нибудь о том, что с ним происходило, нас рано или поздно вычислят. Поэтому мне придется остаться с Беллом до тех пор, пока наша цель не будет достигнута. — Он презрительно фыркнул. — Обещал, что придумает какое-нибудь убедительное объяснение до субботы и этого хватит. Для нас обоих.

— Просто вы отсутствовали достаточно долго, чтобы Белл дал нам ключ к разгадке, — сказала Ванн. — Он был настолько ошарашен всем происходящим, что мы заподозрили неладное. За это спасибо.

Хаббард мрачно усмехнулся и посмотрел на Ванн.

— И что теперь? — спросил он.

— Теперь, мистер Хаббард, пришло время арестовать вас по-настоящему, — ответила она. — Возвращайтесь в свое тело. Немедленно.

— Но ведь сначала вам надо выгрузить патч, — растерялся Хаббард.

— Кстати, о патче, — сказал Тони.

— А что такое? — спросил Хаббард.

— Мы вам солгали, — сообщила Ванн. — Нет никакого патча.

— Вернее, есть тот, что закрывает лазейку с интерполятором, — добавил Тони. — Это правда. Поэтому если бы вы отключились, то уже не смогли бы вернуться обратно.

— Но мы знали, что вы не отключитесь, поэтому решили попытать удачу, — сказала Ванн.

— Значит, никакого «изменения сценария» не существует? — спросил Хаббард.

— Если бы он был, мы бы его непременно задействовали, — сказал я, — и заставили бы вас наблюдать, как гибнет ваша компания.

— А теперь идите, Хаббард, — сказала Ванн. — Мои коллеги вас заждались. Вам придется за многое ответить.

Хаббард ушел, и это сразу стало заметно.

Потому что перед нами наконец-то появился Николас Белл. Он резко дернулся, едва не перевернув кресло, в котором сидел, и протяжно застонал:

— Господи!

— Николас Белл? — спросила Ванн.

— Да, — ответил Белл. — Да, это я.

— Рада познакомиться, — сказала Ванн.

— Пожалуйста, сидите спокойно. — я мягко

положил руку ему на плечо. — Нужно снять наручники.

Когда я отстегнул браслеты, он встряхнул руками и с силой потер запястья.

— Мистер Белл, — сказала Ванн.

— Да? — повторил он.

— То, что Хаббард рассказал о Джонни Сани…

— Это правда, — кивнул он.

— Мне жаль, что вам пришлось смотреть на все это, — сказала Ванн.

Белл нервно засмеялся.

— Длинная была неделька, — сказал он.

— Да, — согласилась Ванн. — Так и есть.

— Мне очень неприятно это говорить, — вмешался я. — Но нам придется задать вам несколько вопросов. Нужно, чтобы вы рассказали все, что видели и слышали за то время, пока Хаббард распоряжался вашим телом.

— Поверьте, я расскажу все, что знаю, про этого сукина сына, — сказал Белл. — Но сначала мне очень нужно кое-что сделать. Если можно. Вы же мне позволите?

— Конечно, — согласилась Ванн. — Скажите, что вы хотите сделать.

— Я очень хочу увидеть мою сестру.

Глава 25

Ванн показала рукой на сцену перед мемориалом Линкольна, где стояли ораторы сегодняшнего марша протеста хаденов.

— Ваш отец там прекрасно смотрится, — кивнула она в сторону папы, стоявшего рядом с президентом Бесенти и Кассандрой Белл, которую привезли в передвижной «колыбели».

— Он смотрится там как какой-то муравей, — ответил я. — Что для моего отца весьма удивительно.

— Если хотите, можем подойти ближе к сцене, — предложила она. — По слухам, вы ему вроде как не чужой.

— Не чужой, — сказал я. — Но лучше останемся здесь.

Мы с Ванн стояли за пределами толпы, далеко от Национальной аллеи и от трибуны.

— Надо же — и никакой бузы, — удивилась Ванн. — Еще вчера утром я бы и цента не поставила на такой прогноз.

— Думаю, все их планы расстроил Хаббард, — сказал я.

Известие об аресте Хаббарда и Шварца просо-

чилось даже сквозь непробиваемую для новостей мертвую зону позднего субботнего вечера и распространилось как пожар. А мы уж постарались обеспечить как можно больше подробностей. В субботнюю ночь происшествий в Вашингтоне было не больше, чем обычно. А потом наступило воскресенье.

— Нам повезло, — согласилась Ванн, — от этой пули мы увернулись. В переносном смысле, конечно. Правда, вы свои все-таки успели получить.

— Да уж, — сказал я. — Если я чему-то и научился за свою первую неделю, так это тому, что надо покупать более экономичные трилы. Таких трат я долго не выдержу.

— Выдержите, — заметила Ванн.

— Ну, в общем, вы правы, — сказал я. — Но мне бы этого не хотелось.

Мы пошли по Национальной аллее: Ванн — с перевязанной рукой, я — в одолженном триле. Ванн оглянулась:

— Стояли бы сейчас рядом с отцом. Вы же еще достаточно знамениты, чтобы своим присутствием придать доверия сделке вашего отца с навахо.

— Нет, — ответил я. — Моему отцу и так хватает доверия, даже после недавних событий. А я боль-

ше не хочу такой жизни. Ванн, я ведь не просто так стал агентом ФБР. Я хочу наконец стать кем-то большим, чем ребенок с плаката.

— Ребенок с плаката все еще может приносить пользу хаденам, — заметила Ванн. — В полночь вступает в силу Абрамс—Кеттеринг. Теперь жизнь станет труднее. Гораздо труднее.

— Пусть на плакатах красуется кто-нибудь другой, — сказал я. — А я, как мне кажется, лучше делаю свою нынешнюю работу.

— Если судить по этой неделе, то бесспорно, — признала Ванн.

— Они же не всегда будут такими, правда? — с надеждой спросил я. — В смысле, недели.

— А если всегда, то плохо?

— Да, — ответил я. — Плохо.

— Я ведь говорила, что у меня на вас большие планы, — сказала Ванн. — Еще в первый день. Помните?

— Помню, не стану лукавить, — кивнул я. — Но я тогда подумал, что вы меня просто запугиваете.

Ванн улыбнулась и похлопала меня по плечу.

— Расслабьтесь, Шейн, — сказала она. — Дальше будет легче.

— Надеюсь.

— Простите? — раздался чей-то голос.

Мы повернулись и увидели, что рядом стоит трил и с ним еще несколько человек.

— Вы же агент ФБР, — сказал трил. — Та самая, что арестовала Лукаса Хаббарда!

— Да, — ответила Ванн. — Одна из них.

— Вот это да! — воскликнул трил и указал на своих приятелей. — А можно попросить вас сфотографироваться с нами?

— Разумеется, — сказала Ванн. — Буду рада.

— Круто! — выпалил трил.

Они тут же обступили ее с двух сторон, и кто-то вручил мне камеру со словами: «Вы не против?»

— Конечно нет, — заверил я. — Так, встали поплотнее!

Все встали поплотнее.

— Я вижу, вам нравится, — заметила Ванн.

— Разве что самую малость, — сознался я. — А теперь все дружно скажем: «С-ы-ы-р!»

Благодарности

Как всегда, я считаю важным выразить свою признательность работникам издательства «Tor Books», так много сделавшим для выхода моих книг в свет. На этот раз моя благодарность относится к Патрику Нильсену Хайдену, моему редактору; его помощнице Мириам Вайнберг; художественному редактору Ирен Гальо; дизайнеру обложки Питеру Лютьену; дизайнеру всего, что под обложкой, Хезер Сандерс и корректору Кристине Макдональд. А также моему издателю Алексису Саареле и, конечно же, владельцу «Tor Books» Тому Доэрти.

Кроме того, я непременно должен поблагодарить моего агента Этана Элленберга и специалиста по зарубежным продажам Эвана Грегори. Честно скажу, они проделали просто фантастическую работу, мне с ними невероятно повезло.

Также выражаю благодарность Стиву Фельдбергу из «Audible» и Джилиан Редферн из «Gollancz».

Огромное спасибо друзьям и читателям, которые подбадривали меня и/или становились моей отдушиной, когда мне это было необходимо. Этот список очень длинный, поэтому вместо того,

чтобы приводить его, просто скажу — вы все в нем. Спасибо вам!

Конечно же, чувства — большие, чем просто благодарность, — я выражаю своей жене Кристине Блаузер Скальци. Я написал эту книгу в две тысячи тринадцатом, не только во многих отношениях для меня удивительном (то, что в этом году мои «Люди в красном» получили «Хьюго» как лучший роман, яркий тому пример), но и очень-очень напряженным. Проще говоря, она была единственной, кому приходилось меня выносить. И то, что делала она это с любовью и терпением, всегда находила слова поддержки, вместо того чтобы задушить меня, бросить мой труп в щеподробилку и притвориться, что она вообще никогда не была за мной замужем, есть доказательство того, что она, по сути, самый лучший человек из всех, кого я знаю. Я люблю ее так сильно, что даже не могу выразить словами, как ни парадоксально это звучит для писателя, и каждый день заново удивляясь тому, что мне выпало счастье прожить с ней жизнь.

Я пытаюсь говорить ей, как сильно ее ценю, так часто, как только могу. Теперь и вы тоже это знаете. Книга, которую вы держите в руках, появилась благодаря Кристине.

Джон Скальци,
29 ноября 2013 г.

Вирус
Повесть

Пролог

Двадцать пять лет назад врачи столкнулись с первыми случаями болезни, поначалу неверно диагностированной как одна из разновидностей вируса H5N1, или птичьего гриппа, после этого на короткое время получившей названия «Суперкубковый грипп» и «Великая инфлюэнца» и в конце концов, уже после того, как стали известны все ее проявления, названной синдромом Хаден. Болезнь унесла миллионы жизней, а еще миллионы людей обрекла на запертое состояние, при котором тело сковывал паралич, но мозг работал, как и раньше.

За эти четверть века наша страна, наряду с другими странами, пережила ужас первой волны эпидемии, мощный технологический рывок в стремлении ответить на ее вызов, а также положительные и отрицательные последствия ее влияния на нашу культуру и весь современный мир.

В этот документ вошли интервью, взятые у врачей, ученых, политиков и обычных людей, чьи воспоминания помогли нам лучше понять, что такое синдром Хаден, а также узнать, как

наша страна и остальной мир отреагировали на его появление. Хотя один документ не может в полной мере отразить, насколько существенные изменения синдром Хаден внес в нашу жизнь, мы все же надеялись с его помощью наглядно продемонстрировать родившимся уже после начала эпидемии, как предыдущее поколение встретило то, что ныне считается главнейшей угрозой здоровью человечества за все время его существования.

Кроме того, мы хотели напомнить о том, что, хотя синдром Хаден больше не распространяется прежними темпами, он по-прежнему остается главной проблемой современного здравоохранения. В одних только Соединенных Штатах каждый год появляются десятки тысяч новых заболевших, и лишь бдительность и осторожность помогут нам избежать новой эпидемии.

Поскольку после принятия билля Абрамса—Кеттеринг, ставшего законом «Вперед, к процветанию», работы по синдрому Хаден, ранее проводившиеся при государственном финансировании, будут продолжать уже частные компании, мы не должны забывать, что фундаментальные исследования и профилактические меры должны быть возложены только на стабильную, хорошо

финансируемую и ориентированную на граждан государственную организацию, подобную Центрам по контролю и профилактике заболеваний. И мы счастливы, что именно ЦКП имела честь спонсировать данную публикацию.

Иветт Генри, доктор медицины, директор Центров по контролю и профилактике заболеваний США[21]

[21] Примечания: 21

Центры по контролю и профилактике заболеваний США — федеральное агентство министерства здравоохранения.

Часть первая
Эпидемия

Бенджамин Молданадо, бывший главный исследователь синдрома клетки, Центры по контролю и профилактике заболеваний:

Первое, что нам придется признать, — это то, что мы проморгали его. Мы не распознали синдром Хаден на начальном этапе, тем самым позволив ему распространяться лишние две недели. Это нас и погубило.

Наташа Лоуренс, исследователь синдрома клетки, Центры по контролю и профилактике заболеваний:

Когда синдром Хаден двинулся по миру, мы, помимо него, занимались новой, весьма агрессивной разновидностью вируса H5N1, известного как птичий грипп. Новый штамм вируса пришел из южного Китая, вероятно начавшись на одной из местных птицеферм. В Китае вирус уже успел убить порядка двадцати человек и продвинулся за пределы страны, внезапно возникая в разных местах, включая Лондон и Нью-Йорк, ставшие первыми крупными населенными центрами,

куда добрался синдром Хаден.

Первичные проявления синдрома Хаден очень напоминали симптомы вируса H5N1, и целый ряд людей, заразившихся им, также заболели и птичьим гриппом. А когда у пациента, в крови которого обнаруживается вирус птичьего гриппа, проявляются признаки еще какого-то гриппоподобного вируса, ты применяешь принцип, сформулированный еще древними, а именно: «не стоит множить сущности без необходимости», и решаешь, что первое — это лишь следствие второго. И в 99,9 процента случаев это так и есть. Наш случай стал исключением.

Ирвинг Беннет, профессор школы журналистики Колумбийского университета:

Когда появился синдром Хаден, я работал научным обозревателем в «Нью-Йорк таймс». И меня, как и всех других журналистов, пишущих на научные темы, просили напоминать в своих статьях о том, что в этом году правительство, как никогда, продвинулось вперед в борьбе с вирусом и уже имеются достаточные запасы вакцины, поэтому всем нужно просто пойти и сделать прививки. Все было прекрасно, до тех пор пока я не начал слышать от врачей, что приемные отделения больниц заполняются людьми с симптомами

гриппа, причем все эти люди своевременно сделали прививки.

Сначала я подумал, что все дело в вакцине: то ли она просто неэффективна из-за некачественного производства или мошенничества, то ли вакцина сама заражает людей гриппом. И то и другое сулило громкий материал для статьи. Я выяснил, что изготовителем предположительно бракованной вакцины была компания «СинВаксис» из Мэриленда, и по моей просьбе они согласились проверить остатки партии. Все тесты показали отрицательный результат, что подтверждало безупречное качество продукции. К тому времени уже другие изготовители вакцины тоже проверили свой товар и также не нашли никаких дефектов. Так мы поняли, что причина вовсе не в вакцине, а в чем-то другом. А потом случилось воскресенье Суперкубка[22].

Моника Дэвис, дипломированный врач:

В воскресенье Суперкубка я работала в отделении неотложной помощи Лютеранского медицинского центра. Я специально поменялась на этот день, чтобы кто-то смог посмотреть матч, ведь я сама к футболу совершенно равнодушна.

---

[22] Примечания: 22

Чемпионат США по американскому футболу.

Мне казалось, что работы будет не слишком много, ведь в Суперкубке играли «Джетс», а значит, их многочисленные фанаты, которые в обычный день могли бы наделать глупостей и попасть к нам, будут просто сидеть дома у телевизора.

Отчасти я оказалась права. Пулевых ранений, сломанных костей и побоев действительно было не много, но уже к началу моего дежурства в отделении скопилось немало больных гриппом, в основном пожилых людей или тех, кто не боялся пропустить игру. На приеме многие говорили мне, что в этом году уже привились от гриппа. Направляя пациентов на анализ крови, я попросила лаборантов поискать что-то кроме вируса птичьего гриппа, который, как мы знали, тогда был распространен.

К началу игры в отделении было уже битком. Я написала эсэмэску своему другу из Медицинского центра Маймонида, и он ответил, что у них в экстренной помощи тоже полно жертв гриппа. То же самое происходило во всех городских больницах. Многие люди говорили, что очень хотели дождаться конца игры, но поняли, что не выдержат. Я сразу поняла, что после окончания матча нас просто захлестнет людской волной, и сказала старшему ординатору, что на его месте

срочно бы вызвала дополнительный персонал.

Нам даже не пришлось дожидаться конца игры. На половине времени «Джетс» уже проигрывали тридцать пять очков, а к третьей четверти[23] в отделении было уже не протолкнуться.

Бенджамин Молданадо:

Нью-Йорк в воскресенье Суперкубка оказался в наихудшем положении, но резкий подъем обращений людей с похожими на грипп симптомами в отделения экстренной помощи наблюдался в тот день практически во всех крупных городах США. Это говорило о том, что новый вирус, с которым мы столкнулись, попал в США, скорее всего, из Нью-Йорка, а потом распространился по стране через авиасообщение. То есть инфекция легко передавалась от человека к человеку, но, возможно, проявлялась не сразу. Те, кто чувствовал себя настолько плохо, что даже обращался в больницу, уж точно никуда не полетели бы. Значит, у этого неизвестного вируса был значительный инкубационный период.

Ирвинг Беннет:

Когда мы поняли, что имеем дело не с птичьим

---

[23] Примечания: 23

В американском футболе игра состоит из четырех четвертей по 15 минут каждая.

гриппом, а с неким совершенно неизвестным вирусом, я начал выяснять, где, кроме США, отмечены признаки его появления. Кроме Нью-Йорка, крупнейшим очагом «суперкубкового гриппа» был Лондон. Я стал копать дальше и через пару дней столкнулся с одним любопытным фактом: помимо больших населенных пунктов, наиболее сильные вспышки нового гриппа наблюдались в городах, где были расположены исследовательские университеты.

Покопавшись еще немного, я обнаружил, что в конце третьей недели января в Лондоне проходило зимнее заседание Международной эпидемиологической конференции и что многие ее участники приехали как раз из тех университетских городков, где уровень заболеваемости был наиболее высоким. По горькой иронии судьбы именно встреча эпидемиологов стала рассадником новой и очень опасной формы гриппа, что, безусловно, не могло оставить равнодушным ни меня, ни кого-либо другого, когда это стало достоянием гласности.

Томас Стивенсон, бывший директор Агентства национальной безопасности:

Когда обнаружилось, что зимнее заседание Международной эпидемиологической конферен-

ции стало своего рода отправной точкой для того, что впоследствии получило название синдрома Хаден, мы, конечно же, начали наводить справки — разумеется, в рамках закона и всегда с максимально возможной степенью прозрачности — о ее участниках и в том числе об их научных разработках. Мы хотели выяснить, вел ли кто-нибудь из них исследования, имеющие какое-либо отношение к этому новому вирусу. Конечно же, мы не исключали вероятность того, что вирус не появился в результате естественных причин, а был создан искусственно в качестве потенциального оружия.

Вы нашли подтверждения своим гипотезам?

Ни мы, ни какая-либо другая правительственная организация США не смогли в ходе официального расследования обнаружить первоначальный источник вируса синдрома Хаден, а также определить, появился ли он естественным путем или был генетически смоделирован.

А если говорить о неофициальном расследовании?

Совершенно очевидно, что я не могу комментировать никакие сведения, добытые неофициальным путем.

Ирвинг Беннет:

Есть две версии появления вируса, которые пользуются доверием среди историков синдрома Хаден. Согласно одному из них, после того как первая леди заболела болезнью, впоследствии названной в ее честь, в окрестностях Мираншаха[24] была разбомблена с воздуха некая фабрика. Официально фабрика производила лекарства от простуды. Полагаю, вы сами сможете догадаться, что там делали по неподтвержденным данным. Внештатники «Таймс», работающие в том регионе, сообщили, что фабрика действительно превратилась в руины, но ни пакистанское, ни американское правительства о воздушном налете не объявляли. По обнародованной версии событий, фабрика взлетела на воздух в результате «межэтнических конфликтов». Якобы какой-то полевой командир приказал загнать на склад набитый взрывчаткой грузовик, а потом взорвать его. Кстати, среди участников той конференции был один пуштунский эпидемиолог, хотя его никогда ни в чем не обвиняли.

Второй слух касался некоего швейцарского аспиранта-биолога, который очень тяжело расстался со своим любовником, аспирантом-эпи-

---

[24] Примечания: 24
Город в Пакистане, недалеко от границы с Афганистаном.

демиологом, и при этом имел доступ к вирусному материалу и генному синтезатору. До сих пор продолжаются споры о том, намеревался ли этот тупой урод выпустить свой новый микроб в широкие массы. Но это так и осталось слухом, потому что нет веских доказательств того, что предполагаемый создатель вируса пошел на такой шаг, а спросить уже не у кого, поскольку вскоре после появления первых жертв вируса он взял ружье и отстрелил себе полголовы. Кстати, его бывший любовник жив-здоров. И даже не заразился.

Оба этих слуха кажутся вполне вероятными, однако на практике ни один из них нельзя считать правдой, поэтому любой, который вы сочтете более убедительным, может отчасти послужить вашим личностным тестом.

Наташа Лоуренс:

Было ясно, что это не штамм H5N1, поэтому мы начали проводить анализы, чтобы понять, с чем мы столкнулись. Выяснилось, что этот вирус имеет непостоянный, но всегда длительный инкубационный период, то есть промежуток времени между заражением и проявлением болезни, в то время как его латентный период, то есть промежуток времени от заражения до момента, когда больной сам становится заразным, очень

короткий. Длительный период инкубации вкупе с коротким латентным периодом означает, что существует значительная вероятность субклинической, или бессимптомной, инфекции — люди заражают друг друга, еще не догадываясь о своей болезни.

Так и случилось. Вирус синдрома Хаден передается по воздуху, а значит, заразиться им легко. К тому времени, когда зимнее заседание Международной эпидемиологической конференции завершилось, примерно восемьдесят процентов от порядка тысячи его участников были инфицированы. Они находились в тесном контакте друг с другом и дышали одним воздухом целых три дня. А потом начали возвращаться обратно в свои несколько сотен точек отправления на шести континентах, пользуясь для этого самолетами, набитыми другими людьми. Более оптимальную схему передачи для любого вируса трудно даже себе представить.

Не стал исключением и этот случай, что для нас обернулось настоящим бедствием. Когда мы поняли, с чем имеем дело, мы также знали, что новым вирусом, возможно, уже заражены миллионы, если не миллиарды людей. А вот чего мы не знали, так это насколько он может быть опа-

сен. Половина Нью-Йорка блевала в отделениях экстренной помощи, а мы не знали, как быстро организм способен побороть вирус и какие возможны осложнения.

Одно мы знали твердо: вакцины у нас нет. Первоначально вирус синдрома Хаден проявлял себя как вирус гриппа, но при более тщательном изучении мы обнаружили, что это нечто совершенно иное, поэтому все противовирусные препараты, которые мы использовали в борьбе с гриппом, а именно ингибиторы нейраминидазы и блокаторы М2-каналов, не обязательно возымеют тот же эффект по отношению к синдрому Хаден.

Так что нас ждали тяжелые времена.

Моника Дэвис:

Первая стадия синдрома Хаден выглядела как грипп и развивалась как грипп, только худший из всех, какие мы видели. Постоянная рвота. Заложенность дыхательных путей. Сильная лихорадка, словно иммунная система с удвоенной силой пыталась побороть вирус изнутри. Мы лечили как могли, но после воскресенья Суперкубка стало ясно, что это нечто совершенно другое.

Люди начали умирать. Старики и те, у кого был ослаблен иммунитет. Потом младенцы, что просто разрывало сердце. Но, как ни ужасно это

прозвучит, такой сценарий был понятен и до известной степени предсказуем, ведь эта часть населения наиболее уязвима для любой инфекции. Но следом стали умирать здоровые люди, так как вирус синдрома Хаден просто поражал их организм. Однажды в отделение экстренной помощи пришел парнишка с жалобой на то, что плохое самочувствие мешает ему готовиться к марафону мохоков[25], который пройдет в Олбани через две недели. К утру парень умер.

Вирус синдрома Хаден вел себя непредсказуемо, повергая нас в смятение. Если не считать обычные в таких случаях группы риска, свои жертвы он, казалось, выбирал совершенно случайным образом, и никогда нельзя было сказать заранее, кто заболеет, кто потом пойдет на поправку, а кто нет. Это напоминало игру в орлянку. Выпадет решка — проболеешь день или два и выздоровеешь. Выпадет орел — пролежишь в больнице неделю. Или умрешь.

Примерно через неделю «суперкубковый грипп» получил новое название — «Великая инфлюэнца», потому что эпидемия никак не утихала. Все это напоминало «испанку», охватив-

---

[25] Примечания: 25
Племя североамериканских индейцев.

шую мир в начале двадцатого века, только новый вирус распространялся гораздо быстрее и уносил больше жертв.

Бенджамин Молданадо:

Параллель с пандемией гриппа 1918–1920 годов напрашивалась сама собой, но была также и не вполне корректной. «Испанке» потребовалось два года на то, чтобы обогнуть земной шар, потому что транспортное сообщение в то время было несравнимо медленнее, к тому же вспышка болезни пришлась на период, когда население Земли составляло менее двух миллиардов. Когда же появился синдром Хаден, на нашей планете проживало больше семи миллиардов и пересечь ее можно было за один день. Поэтому и распространялся вирус в разы быстрее и поразил существенно большее количество людей.

Нам удалось детально изучить болезнь и наладить международное сотрудничество в борьбе с ней, но, к сожалению, из-за специфической природы ее передачи произошло это уже после того, как вирус распространился по всему миру.

Ирвинг Беннет:

Мы обсуждали в отделе новостей, как нам освещать события, и мой тогдашний редактор Бренда

Стронг сказала: «Это похоже на скоординированную атаку. Как будто вирус применяет стратегию блицкрига для всех уголков, где только живут люди». И она нисколько не преувеличивала. Мы получали одинаковые новости отовсюду, и все они были ужасающими. Вирус буквально завоевал Землю. Единственным местом, куда он, казалось, еще не проник, были научные станции в Антарктиде. Новая Зеландия даже отменила авиарейсы на Южный полюс, чтобы его защитить.

Всего за две недели вирус синдрома Хаден, про который никто ничего не слышал, превратился в главную угрозу для населения Земли в двадцать первом веке. За всю свою историю человечество не знало ни одной эпидемии подобного рода. Вирусы словно объявили нам войну, рассчитывая извести нас еще до того, как мы соберем силы для контрнаступления.

Томас Стивенсон:

До того как мы узнали о зимнем заседании Международной эпидемиологической конференции, мы всерьез рассматривали версию о том, не было ли это нападением на США группы террористов или даже целого государства. Проблема заключалась в том, что никаких подтверждений

этому мы так и не обнаружили, хотя, если честно признаться, были твердо настроены их найти. Нам казалось совершенно невероятным, что подготовка к атаке подобного масштаба осталась в стороне от нашего внимания. Враги Соединенных Штатов имеют обыкновение накручивать себя перед предполагаемым наступлением. В этом же случае не было ни бахвальства, ни злопыхательства — ничего, пока вирус не попал в поле нашего зрения.

Даже если этот вирус был создан для атаки на США, свою задачу он выполнил плохо. Первая волна эпидемии ударила по нам очень сильно, но мы и большинство западных и промышленно развитых стран сразу же скоординировали ответные меры и предотвратили дальнейшее немедленное распространение болезни. А вот в местах, где не было возможности скоординировать хотя бы одну ответную меру, очень быстро наступила настоящая катастрофа.

Вот почему, как мне кажется, биологическое оружие в конечном итоге так и не прижилось. Применять какое-либо бактериологическое средство против врага, рассчитывая при этом самому избежать заражения, все равно что бросить гранату и надеяться, что осколки полетят

только в того, кого ты хочешь убить. Надо быть идиотом или самоубийцей, чтобы использовать биологическое оружие. Кто бы ни изобрел вирус синдрома Хаден — если его действительно изобрели, — он был, наверное, и тем и другим.

Бенджамин Молданадо:

Через две недели после воскресенья Суперкубка по всему миру был заражен миллиард человек, из них пятьдесят миллионов — в США, примерно каждый седьмой в обоих случаях. К концу первого месяца заболевших насчитывалось уже два миллиарда восемьдесят миллионов. К концу года — два миллиарда семьсот пятьдесят миллионов, из них девяносто пять миллионов в США. Заболел каждый третий житель планеты. Четыреста миллионов умерло, то есть почти каждый восемнадцатый.

Наташа Лоуренс:

Как это ни парадоксально, но сейчас уже почти никто не помнит, насколько ужасно проходила первая стадия синдрома Хаден. Только в США в основном за те первые пару месяцев умерло четыре миллиона человек. Это все равно что уничтожить целиком население Лос-Анджелеса. В среднем за год по всей стране умирает только

два с половиной миллиона человек. Даже с точки зрения инфраструктуры мы были едва готовы справиться с таким количеством мертвых.

За пределами США и промышленно развитых стран уровень смертности в процентном отношении был еще выше, а возможности утилизации — еще слабее. Все это повлекло за собой огромное количество проблем в период второй волны эпидемии — инфекции, общую политическую и социальную нестабильность. В общем, как бы тяжело ни пришлось нам, огромной части планеты пришлось в разы тяжелее. Некоторые страны так и не смогли полностью оправиться от последствий эпидемии, не восстановив ни численность населения, ни разрушенные социальные структуры.

Ирвинг Беннет:

В одной из недавних статей, посвященных годовщине появления вируса, я с любопытством прочел о том, что численность населения планеты только в прошлом году достигла того уровня, который она имела до первой атаки синдрома Хаден. Тогда считалось, что к нынешнему времени на Земле будет жить примерно восемь с половиной миллиардов человек. Сейчас нас на миллиард с четвертью меньше. И не только по-

тому, что синдром Хаден унес жизни четырехсот миллионов. А потому, что многие из этих четырехсот миллионов находились в детородном возрасте, и потому, что уже после эпидемии, особенно в странах третьего мира, огромное число тех, кто мог бы стать родителями, погибли в результате массовых беспорядков. В человеческой истории не так много отыщется факторов, столь же сильно повлиявших на кривую роста населения. Думаю, самым ярким примером, известным каждому, можно считать «Черную смерть»[26]. Сравнение довольно впечатляющее, если это слово здесь вообще можно употреблять.

Но даже «Черная смерть» обычно нападала на каждую из своих жертв лишь один раз.

Моника Дэвис:

После первых нескольких дней «суперкубкового гриппа» в отделение экстренной помощи стали возвращаться те же пациенты, но уже с другими симптомами, напоминающими менингит. Сначала мы удивленно переглядывались, не веря, что такое вообще возможно. Казалось, что такого немыслимого совпадения, когда одни и те же люди, которые обращались к нам с гриппом,

---

[26] Примечания: 26
Пандемия чумы, начавшаяся в четырнадцатом веке.

приходят снова, но теперь с признаками менингита, просто не может быть. Пациенты были разного пола, разного цвета кожи и социального положения, и единственное, что их объединяло, — это то, что все они сначала переболели «суперкубковым гриппом».

Мы связались с другими больницами, чтобы узнать, столкнулись ли они с подобными случаями. Оказалось, что к ним тоже возвращаются пациенты с признаками менингита. Их было гораздо меньше, чем в первый цикл. Может, один на пять человек. Но это определенно была вторая стадия чего-то. Вообще-то, спутать менингит с гриппом возможно — в начальной фазе обе болезни имеют схожие симптомы. Но чтобы один и тот же вирус проявился гриппозными признаками, отступил у большинства заболевших, а потом вернулся к некоторой их части уже в виде менингита — такого не было никогда. И очень пугало.

Бенджамин Молданадо:

Вероятно, из страха быть заподозренными в социопатии исследователи не хотят признаваться в том, насколько интересным был вирус синдрома Хаден и что за гипотезы мы выдвигали, чтобы объяснить, каким именно образом он делал то, что делал. Когда появились симптомы менин-

гита, мы столкнулись с идеей, согласно которой вирус мог атаковать тело, получить отпор от иммунной системы в большей или меньшей степени, а потом полностью «перестроить» стратегию своего наступления, но уже с меньшим количеством зараженных.

Некоторые ранние гипотезы утверждали, что это реакция на группу крови, на какие-то специфические антитела, общую вирусную нагрузку или экологические факторы, как, например, температуру и влажность воздуха или даже беспроводные сигналы. Последний пример я привожу для подтверждения того, что гипотеза не всегда бывает хорошей или приемлемой. Мы просто искали какую-то причину, по которой вирус предположительно мутировал, и в этом стремлении фантазия порой заводила нас очень далеко. Для многих из нас это была самая увлекательная головоломка, которую мы когда-либо разгадывали, а речь здесь идет о людях, работающих с генетическим материалом и другими загадками природы каждый день. Это было занимательно — или настолько занимательно, насколько могло быть, пока ты не вспоминал, что где-то от этой напасти умирают люди и ты должен это прекратить.

Сложность заключалась в том, что все наши гипотезы не подтверждались данными. Мы не нашли ни одного очевидного экологического или физического фактора, который мог бы повлиять на те изменения вируса, что мы наблюдали. По крайней мере, за короткий отрезок времени. Это было проблемой, потому что все хотели знать, как воспрепятствовать или, по крайней мере, избежать второй стадии вирусной атаки. А мы не могли ничего ответить. Единственным способом понять, наступила вторая стадия или нет, была головная боль, затекшая шея и другие симптомы. Ты или получал ее, или нет.

Исследования Центров по контролю и профилактике заболеваний были признаны бесполезными, и мне трудно с этим спорить. В нашей команде работали лучшие генетики и вирусологи со всего мира. Мы упорно трудились, чтобы решить эту проблему. Но казалось, что решение с той же степенью упорства ускользало от нас.

Наташа Лоуренс:

Стадия менингита поразила гораздо меньше людей, чем стадия гриппа, однако уровень смертности был значительно выше. Примерно четверть всех смертей, связанных с синдромом Хаден, пришлась именно на вторую стадию. В

этой фазе не просто проявлялись похожие на менингит симптомы. Вирус проникал глубоко в мозг и начинал существенным образом менять его структуру. Он буквально заставлял мозг создавать новые нейронные связи. Мы даже не представляли себе, что какой-либо вирус способен на такое.

Мы в лаборатории говорили об этом вирусе так, словно он был каким-то злым гением. Отрицательным героем из «Бондианы». Конечно, мы шутили, пытаясь добавить хоть немного легкомыслия в эту депрессивную гонку со временем. Но в каком-то смысле это была совсем не шутка. Мне кажется, почти все в ЦКП считали, что этот вирус действительно ближе всего к предумышленному злодейству, если так вообще допустимо говорить о вирусах.

Моника Дэвис:

Можно было наблюдать, как вторая стадия вируса действует на пациентов — во всяком случае, на тех, кто оставался в сознании. Это напоминало серию коротких ударов. Легкая афазия у одного, небольшая потеря слуха или зрения у другого, а потом вдруг паралич Белла[27] у кого-то на сосед-

---

[27] Примечания: 27
Паралич лицевого нерва.

ней койке. Иногда пациенты выздоравливали очень быстро — видимо, их мозг перестраивал себя без усилий, — а иногда им становилось хуже. У некоторых вообще не происходило никаких изменений, они просто умирали. Одна пациентка при разговоре со мной вдруг умолкла на полуслове. Мне понадобилось какое-то время, чтобы понять, что она скончалась. Я думала, что она молчит, потому что собирается с мыслями.

Если уж быть полностью откровенной, скажу, что на стадии менингита мы в основном занимались тем, что в меру своих сил облегчали пациентам жизнь в ожидании того, что́ вирус сделает с их мозгом. Многим мы вообще не смогли помочь, и их тела просто сдались. Большинство выживали, и основная масса из них, казалось, шли на поправку, получая более или менее краткосрочные когнитивные нарушения, которые мы в дальнейшем лечили теми же методами, что применялись для пострадавших от инсульта. Кто-то испытывал постоянные мозговые нарушения, опять-таки большей или меньшей степени тяжести, и никогда нельзя было предсказать, насколько серьезными они будут, пока они не заканчивались.

А потом стали появляться люди, которые испы-

тывали эффект клетки.

Часть вторая
Синдром Хаден

Нил Джозеф, биограф и автор книги «Испытания для президента: первый год синдрома Хаден»:

Когда я разговаривал с Дэвидом Хаденом, младшим братом президента Хадена, мне в голову засели его слова о том, что президент пришел в настоящую ярость, когда болезнь стали называть синдромом Хаден. Он просто ненавидел это название. Я прекрасно помню, как Дэвид тогда сказал, и привожу его объяснение целиком: «Не потому, что это напоминало всем, что он был президентом в то время, когда возник вирус. А потому, что вирус назвали в честь Марджи. Он ненавидел это название с первой минуты, как оно появилось, и до конца своих дней, потому что все теперь думали о Марджи как о больной. Как о человеке, запертом в собственном теле. О котором вспоминают, только когда говорят о синдроме Хаден. Бен женился на прекрасной, цветущей, здоровой, роскошной женщине, но никто и никогда больше не будет представлять

ее такой».

Дженис Мэсси, глава личного аппарата Маргарет Хаден, первой леди Соединенных Штатов Америки:

После того как Марджи заболела, мы стали изучать ее расписание, чтобы понять, когда она могла заразиться, когда мог состояться тот первый контакт с носителем вируса. Но уже через десять минут мы сдались. На протяжении двух недель, предшествующих болезни, у первой леди проходило по шесть мероприятий в день в пяти часовых поясах на территории двух разных стран. В один из таких дней она встречалась со школьниками, пациентами больницы, премьер-министром Канады — и все это длилось часов шесть. С бóльшим количеством людей ежедневно общаются разве что те, кто взимает дорожные сборы на автострадах.

Она могла заразиться от любого из тех, с кем встречалась. Она могла заразиться от кого-то из своего персонала; некоторые из нас заболели примерно в то же время, и в какой-то момент половина людей даже находились на больничном. Она могла заразиться от кого-то из администрации Бена, многие из них тоже болели. Точно определить источник заражения было невоз-

можно. В этом Марджи ничем не отличалась от подавляющего числа жертв нового вируса.

Полковник Лидия Харви, бывший личный врач президента:

Первая леди пришла ко мне тринадцатого числа во второй половине дня, сразу после собрания персонала. Она пожаловалась на плохое самочувствие и спросила, могу ли я чем-то ей помочь. Пока я обследовала ее, мы говорили о наших предстоящих планах на День святого Валентина, вернее, о планах говорила она, а я призналась, что у меня нет никаких планов, потому что мой муж не больший романтик, чем рыба, да и я немногим лучше. Она рассмеялась и сказала, что президент такой же, просто ей хочется найти какой-то повод для приятного ужина вдвоем.

К тому времени я, конечно, знала о том, что тогда еще называли «суперкубковым гриппом». Специалисты из ЦКП уже ввели президента в курс дела, и мне было разрешено присутствовать на брифинге как его личному врачу. Но вначале мне показалось, что это больше похоже на новый штамм птичьего гриппа, который как раз появился в то время, а я знала, что первая леди пропустила прививку по недосмотру моих подчиненных. Я сказала ей, что у нее, скорее всего,

тот самый вирус, хотя вариант с «суперкубковым гриппом» тоже не исключен, но в любом случае ей следует пересмотреть свое расписание на ближайшие несколько дней и отдохнуть. Она согласилась уменьшить количество встреч на следующий день, но решительно отказалась отменять романтический ужин с президентом. Я ответила, что ничего страшного в этом не вижу.

Элизабет Торрес, личный помощник первой леди:

На День святого Валентина и еще несколько дней после него первой леди нездоровилось, но какой бы именно грипп ни был тому причиной, не создавалось впечатления, что он брал над ней верх. Она свела свое расписание к минимуму, оставив в нем только совещания с персоналом, появлялась на публике лишь в случае крайней необходимости и очень много пила жидкости. Она болела, но это была очень деятельная болезнь, если вы понимаете, что я имею в виду.

Ближе к концу недели она решила, что идет на поправку, поэтому можно составить полноценное расписание на выходные. Оно включало посещение зимнего слета девочек-скаутов в Мэриленде, где первая леди собиралась произнести речь на церемонии закрытия. Она сама когда-то

была скаутом, поэтому ей по возможности не хотелось пропускать именно это мероприятие.

В субботу с первой леди все было в порядке. Если даже она и чувствовала недомогание, то не подавала виду. Утром она записывала радиоинтервью в студии Белого дома, а остаток дня провела, занимаясь личными делами. Когда я уходила, ее внешний вид не внушил мне никаких опасений. Она не выглядела более утомленной, чем обычно. Я решила, что грипп отступил.

В воскресенье утром она пожаловалась на головную боль и скованность во всем теле, но тут же добавила, что, скорее всего, виной тому большая порция «маргариты», которую она позволила себе накануне, когда пересматривала старые серии фильма «Оранжевый — хит сезона», а потом плохо спала. Я спросила, не хочет ли она показаться доктору, но она только отмахнулась, приняла таблетку тайленола, и мы поехали на слет.

Энн Уотсон, бывший репортер канала WHAG-TV:

Я рассчитывала, что у меня будет три минуты, до того как первая леди поднимется на трибуну и произнесет свою речь, но когда мы прилетели, ее пресс-секретарь Джин Эллисон заявила, что

она не будет давать никаких интервью перед выступлением. Не скрою, это известие меня сильно разозлило. Единственной причиной нашего приезда на слет скаутов была обещанная личная встреча, иначе мы бы просто отправили оператора, чтобы он поснимал толпу для двухминутного репортажа в вечерних новостях. Я так и сказала Джин, а еще напомнила, что об интервью просили они, а не я. Она извинилась, потом наклонилась ко мне и добавила: «Послушайте, она действительно не очень хорошо себя чувствует, и мы просто пытаемся ей помочь», а еще сказала, что загладит свою вину передо мной. После чего ушла.

Еще пока мы разговаривали, я увидела, как первая леди приветствует кого-то из девочек-скаутов. Марджи Хаден всегда умела очень хорошо держаться на публике, принимая искренне увлеченный вид, даже если предмет разговора ее совершенно не интересовал. И в тот день она честно старалась делать все, что могла, но было видно, как она время от времени теряет нить разговора. Не знаю, страдала ли она тогда от боли, но радости уж точно не испытывала.

Элизабет Торрес:

Когда мы прибыли на место слета, первая леди

сказала мне, что головная боль перешла в мигрень. Я встревожилась, потому что, насколько я знала, у первой леди еще никогда не было ничего похожего на мигрень. Тогда я спросила, не хочет ли она вернуться назад, но она заверила меня, что все будет в порядке. Селия Уильямс и Дэвид Армстронг, возглавлявшие ее службу безопасности, также предложили ей отменить или значительно урезать выступление. Она отказалась. Ей очень не хотелось разочаровывать скаутов.

Энн Уотсон:

Примерно за полчаса до предполагаемого начала церемонии закрытия организаторы стали собирать девочек у трибун. Им говорили, что у первой леди возникло какое-то срочное дело, поэтому она произнесет свою речь раньше. Я слышала, как самые младшие девочки стали жаловаться, когда их отвлекли от занятий. Они вообще с трудом представляли себе, кто такая первая леди. Но их все равно настойчиво подталкивали к трибунам.

Мы разместились впереди всей остальной прессы, для этого пришлось немного поработать локтями, ведь мы не такая крупная телекомпания, зато получили хороший обзор. Сбоку от нас первая леди, одетая в зимнее пальто, разговари-

вала с какой-то молодой женщиной, вероятно ее помощницей, и, по-видимому, сотрудниками службы безопасности. На ее лице не было того привычного выражения, с которым она обычно появлялась на публике. Но, поскольку она находилась не на сцене, обращать на это внимание вряд ли было справедливо.

Глава скаутов очень быстро представила ее, и первая леди поднялась на трибуну. Девочки громко закричали, приветствуя ее, и если вы посмотрите запись церемонии, то увидите, насколько мучительны были для нее эти звуки. Но она улыбнулась, помахала рукой, вынула свои заметки и, как опытная актриса, мужественно говорила в течение пяти минут. После чего замолчала, снова улыбнулась и сошла с трибуны.

Элизабет Торрес:

Она обернулась ко мне со словами: «Кажется, у меня сейчас случится удар». И упала.

Энн Уотсон:

Я даже не думала, что люди способны двигаться с такой скоростью, когда увидела, как сотрудники службы безопасности бросились к ней, после того как она упала.

Полковник Лидия Харви:

Когда я узнала о том, что первая леди потеряла сознание в Мэриленде, будучи больной перед выступлением, а никого из моих подчиненных не было рядом, я при первой же возможности подала президенту рапорт об увольнении. Он отказал на том основании, что первая леди не сообщила работникам аппарата о своем плохом самочувствии. Тем не менее сразу после этого мне стало понятно, что наиболее высокопоставленные члены его команды не согласились с решением президента. Они заявили, что я недостаточно хорошо провела лечение ранней стадии болезни, вследствие чего та прогрессировала и перешла во вторую стадию, проявившись признаками менингита.

Конечно, теперь мы знаем, что ни я, ни какой-либо другой врач не смог бы сделать ничего, что изменило бы развитие болезни. Но ведь речь идет о супруге президента. И как бы возмутительно это ни звучало, но ее недуг в Белом доме очень быстро стал поводом для политических интриг.

Так или иначе, но уже через несколько минут после того обморока она была на пути в больницу Уолтера Рида, как и я.

Уэсли Очинклосс, заместитель главы администрации президента Хадена:

Президент был в Аризоне на встрече с западными губернаторами, когда ему сообщили о том, что произошло с его женой. Они как раз обсуждали строительство стены на границе с Мексикой, когда (помощник президента) Клай Стрикленд наклонился к нему и что-то прошептал на ухо. Президент немедленно встал и направился к двери. Губернатор Техаса, его главный оппонент, начал было возмущаться, и тогда президент поднял руку и сказал ему: «Билл, ты даже не представляешь себе, до какой степени мне сейчас наплевать на твою дурацкую стену» — и вышел из комнаты. Я уверен, что губернатор Техаса так и не забыл президенту этой реплики. А еще уверен, что президенту не было до этого никакого дела.

Нил Джозеф:

Даже после окончания тех скандальных выборов никто так по-настоящему и не оценил, в какой степени Бенджамин Хаден зависим от своей жены. Много говорилось о близости их отношений, о том, насколько мягче он стал благодаря им, хотя всегда был довольно неприятным человеком. Но большинство людей не обратили внимания на то, насколько сильно он нуждался в ней — и в политическом смысле, и в эмоциональном. Проще говоря, без нее он бы вообще

не оказался в Белом доме. И не было лучшего способа выбить у него почву из-под ног, чем сообщить об этом приступе, который вполне мог оказаться следствием тяжелого инсульта. Когда он бросил все и, прервав совещание буквально на полуслове, помчался к ней, многие удивились. Им не стоило удивляться. Было бы гораздо удивительнее, если бы он этого не сделал.

Полковник Лидия Харви:

Я помню лицо президента, когда он увидел свою жену в палате больницы Уолтера Рида. Казалось, кто-то вырвал ему сердце и швырнул на пол.

Бенджамин Молданадо:

Приблизительно в то же время, когда первую леди поразила стадия менингита, некоторые из более ранних жертв этой стадии стали переходить к третьей, как мы ее определили, фазе болезни, которая кардинально отличалась от двух предыдущих. В этой фазе отключается соматическая нервная система: человек не может пошевелиться, не может разговаривать, не может даже моргать по своей воле. При этом вегетативная нервная система в большинстве случаев продолжает работать, поэтому люди могут дышать и все жизненно важные органы

функционируют в более-менее нормальном режиме. Когнитивная функция также не изменяется больше, чем это уже произошло на стадии менингита.

Если описывать коротко, то на третьей стадии люди, по сути, попадают в капкан собственных тел. Они бодрствуют, находятся в сознании, способны думать, чувствовать и воспринимать мир вокруг себя. Просто рассказать обо всем этом они не могут. Они словно заперты в клетке.

Поначалу, когда только появились первые, пока немногочисленные сообщения о запертых, мы решили, что это редкое, но не такое уж неожиданное следствие для небольшой группы пациентов, перешедших на вторую стадию болезни, у кого вызванные ею первичные когнитивные нарушения получили дальнейшее развитие. Но потом количество таких людей выросло, и мы поняли, что запертыми становятся и те, у кого вообще не было когнитивных расстройств. Более того, между этими нарушениями и замыканием не было никакой взаимосвязи. Предсказать, кто станет запертым, а кто нет, было совершенно невозможно.

Одной из тех, кто стал, была Маргарет Хаден.

Дуэйн Холмс, помощник по юридическим

вопросам спикера палаты представителей Линн Кортес:

Он не сделал ничего. То есть абсолютно ничего. Хотя в защиту президента стоит сказать, что тогда вообще очень мало что можно было сделать. В сенате заправляли республиканцы, в палате представителей — мы, и каждая из палат старалась заблокировать предложение другой. Но у нас у всех был свой план законодательной деятельности, и, конечно, у президента он тоже был и в значительной мере соответствовал плану сената. Поэтому все мы были постоянно заняты.

Когда первая леди заболела, президент забросил все. Хотя это тоже было не слишком заметно. Мою начальницу пригласил на встречу Лэмб (глава администрации Белого дома Кенни Лэмб) и сказал ей, что, пока Марджи Хаден не станет лучше, президент не сможет думать о чем-то другом. Спикеру это не понравилось, потому что мы как раз пытались протолкнуть соглашение о долгосрочном бюджете, чтобы избежать постоянных пролонгаций. Однако Лэмб ясно дал понять, что у президента сейчас совсем другие заботы. Моя начальница сказала, что, если президент так расстроен, может, ему лучше передать власть вице-президенту Хиксу. Не думаю, что это пред-

ложение было воспринято положительно.

Моя начальница была настолько раздражена, что позволила себе несколько резких выпадов в адрес президента, но Хармон (лидер сенатского меньшинства Гордон Хармон) и его люди напомнили ей, что нападать на человека, чья жена смертельно больна, весьма недостойно. Спикер согласилась дать президенту неделю, но не более того. Вопрос бюджета для нее был важнее, чем болезнь первой леди, и она не хотела упускать момент для обсуждения.

А потом так случилось, что через неделю у спикера заболели две внучки и ей тоже стало начихать на бюджет. Как и всем остальным, потому что в конгрессе не осталось ни одного человека, у кого бы не заболел кто-нибудь из друзей или членов семьи. Эта зараза настигла всех.

Филлида Янг, преподаватель патологии, Нью-Йоркский университет:

Синдром Хаден — действительно универсальная болезнь, и это то, что по-настоящему странно. Частично из-за того, что первыми целями инфекции стали мобильные люди с достаточно высоким социальным положением — те самые эпидемиологи, которые колесили с континента на континент, посещая больницы и универси-

теты и инфицируя тех, с кем общались. Если говорить об общественном или экономическом положении, то болезнь с одинаковой легкостью поражала как высшие, так и низшие слои. Она не ограничилась какой-то одной социальной группой, как, например, ВИЧ первое время в США, когда он сначала распространялся только среди гомосексуальных мужчин, живущих в городах, или как современные вспышки инфекционных заболеваний в среде школьников средних и старших классов, чьи родители отказались делать им прививки. Эта болезнь не знала рамок и границ.

Как результат такого широкого распространения возник существенный эффект домино. Разумеется, медицинские ресурсы были перегружены, но это лишь самое очевидное следствие. Предприятия прекращали работу не только из-за того, что заболевали сотрудники, но и потому, что родители или супруги оставались дома, чтобы ухаживать за своими близкими. Некому было доставить скоропортящиеся продукты, потому что почти не осталось не заболевших водителей грузовиков. Вспышка болезни затронула почти каждый аспект американской жизни, как правило пагубно влияя на него. Но как бы плохо ни было здесь, в других странах все обстояло еще

хуже, так как многие из них не имели инфраструктуры, годами создававшейся в США.

Впрочем, универсальность этой болезни имела и свою хорошую сторону, если так вообще можно говорить, потому что из-за того, что все были либо больны сами, либо близко знали заболевших, существовала мощнейшая политическая воля для решения проблемы синдрома Хаден как в краткосрочной перспективе, так и в долгосрочной. И главным политическим лицом, кто мог бы придать импульс поиску этих решений, был, безусловно, президент.

Уэсли Очинклосс:

Через три недели стало ясно, что Марджи не выйдет из этого состояния. Из разных мест врачи сообщали о тысячах других пациентов с такими же проблемами, как у нее, поэтому мы уже знали: то, что произошло с первой леди, не было каким-то отдельным, уникальным случаем. И, кроме того, это никак нельзя было скрыть от прессы или от американского народа. Примерно в то же время начал использоваться термин «синдром Хаден» применительно к болезни или, вернее, к ее третьей стадии. Мы, как могли, пытались скрыть этот факт от президента, но усилия, разумеется, были напрасны. Он все равно узнал.

Доктор Харви и ее персонал с помощью магнитно-резонансной томографии и других анализов подтвердили, что Марджи находится в сознании, поэтому президент проводил с ней много времени в больнице Уолтера Рида, разговаривал с ней, читал эти ее детективы, к которым она питала тайную страсть. В конце концов Кенни Лэмбу пришлось отозвать его в сторону и сказать, что, несмотря на его личное горе, стране нужен президент и что страна ждет, когда он возглавит ее и вселит в людей уверенность в такой трудный для них момент. Когда Кенни договорил, президент, как мне показалось, посмотрел на него таким взглядом, словно нужды всей остальной страны были ему совершенно безразличны. Но через минуту он едва заметно кивнул и сказал, что завтра утром будет полностью готов вернуться к своим президентским обязанностям.

Полковник Лидия Харви:

Я помню, что президент оставался в ту ночь рядом с первой леди. Когда я сказала ему, что им обоим необходим отдых, он ответил — вежливее, чем ему, как мне кажется, действительно хотелось, — что он президент и никто не может помешать ему разговаривать с женой. Я попросила медперсонал оставить их одних и заходить в

палату только в случае крайней необходимости.

Однако около полуночи, перед тем как пойти домой, я сама зашла туда. Президент сидел у кровати жены, спиной ко мне, и держал ее за руку. Я услышала, как он что-то тихо говорил ей. Мне удалось разобрать только несколько фраз: «Скажи, что мне делать. Марджи, прошу тебя, скажи, что мне нужно делать. Пожалуйста».

Это был момент такой щемящей близости, что я не осмелилась нарушить его и, пока президент не заметил моего присутствия, тихонько выскользнула за дверь. Там я выждала несколько минут и постучала, прежде чем войти во второй раз, чтобы дать президенту время справиться с собой. Сотрудники службы безопасности, дежурившие у входа в палату, странно посмотрели на меня, но, насколько я знаю, не распространялись об этом эпизоде. Думаю, они поняли, что произошло.

Уэсли Очинклосс:

На следующее утро мы с Кенни пришли в Овальный кабинет в восемь утра и с удивлением обнаружили, что, кроме президента, там уже находятся вице-президент, госсекретарь, глава министерства здравоохранения и социальных служб, спикер палаты представителей, а также лидер сенатского большинства. Мы полагали,

что это будет встреча между президентом, мной и Кенни, где мы, как обычно, просто обсудим текущие вопросы. По лицам других участников совещания мы поняли, что они удивлены не меньше нашего. Уже позже выяснилось, что президент позвонил каждому из них около пяти утра и велел прибыть в Овальный кабинет, пригрозив последствиями в случае неявки. Какие «последствия» имелись в виду, не уточнялось, но они явно не сулили ничего хорошего. Думаю, нам с Кенни он не звонил, так как ждал нас в любом случае.

Когда все собрались, президент по очереди обвел взглядом каждого и сказал то, что я постараюсь воспроизвести здесь в упрощенном виде. Что надо выяснить природу этой болезни, надо научиться лечить ее, надо помочь людям, запертым в своих телах, выйти из этой клетки, потому что мы величайшая нация на земле и, если мы смогли создать атомную бомбу и отправить человека на Луну, с этой напастью мы уж точно справимся.

Спикер Кортес в своей обычной манере возразила: «Ну, господин президент, это же будет стоить денег». А президент заявил, что его это не волнует. Тогда Калеб Уотерс (лидер сенатского

большинства) напомнил ему, что в предвыборной программе звучали обещания снизить налоги и сократить правительственные расходы. В ответ президент в упор посмотрел на него и сказал буквально следующее: «Это было давно». Уотерс открыл было рот, собираясь добавить что-то еще, и президент холодно сказал, что ему надлежит слушать очень внимательно, так как этот план не подлежит обсуждению, а если кто-то вздумает помешать его осуществлению, то он лично всадит их в землю с такой силой, что задницы вылезут где-нибудь в Китае.

Шутка могла бы даже разрядить обстановку, если бы президент произнес ее с другим лицом, но ни до этого, ни после я никогда не видела у него такого убийственно серьезного выражения, как в ту минуту. Поэтому Уотерс закрыл рот и стал ждать, что президент скажет дальше.

А дальше все было очень просто. Обращаясь к Уотерсу и Кортес, президент объявил, что, по его мнению, предложенная инициатива с этого момента должна стать для федерального правительства задачей номер один. Как они собираются провести ее в своих палатах — это их личное дело, но через три месяца, и ни днем позже, на его столе должен лежать двухпартийный законопроект,

поддержанный более чем двумя третями голосов и сената, и палаты представителей.

Думаю, не стоит гадать, что случилось бы, не появись законопроект в назначенное время. Кажется, в своих мемуарах Кортес упоминала о намеках президента на возможное введение военного положения. Я не очень склонен доверять ей ни в политическом смысле, ни в каком-либо еще, но в этом случае, как мне представляется, она не преувеличивала. Если говорить откровенно, то президент не остановился бы ни перед чем. Это был не политический вопрос, а очень личный.

Дуэйн Холмс:

Он все-таки появился. В отведенное для подготовки время члены конгресса чуть не поубивали друг друга, но за две недели до установленного срока у президента на столе лежал законопроект об исследовательской программе по синдрому Хаден. Только на первый год ее действия отводилось триста миллиардов долларов для медицинских и технологических исследований, и это официально, а еще неофициально — сколько бы ни потребовалось, чтобы работа шла вперед. В результате все это вылилось в три триллиона долларов. По-настоящему огромные деньги.

Прошел он по двум причинам. Во-первых, в США не было ни одного человека, которого бы так или иначе не затронул синдром Хаден. Будь ты республиканец, демократ, либерал, консерватор, хиппи или помешанный на оружии псих, атеист или убежденный христианин — вирус не разбирал. У одних заболевали родственники, у других — друзья, у третьих — коллеги по работе. Кто-то заражался сам.

Во-вторых, и я говорю это как член лояльной оппозиции, президент Хаден просто не принимал отказов. Он добился того, чтобы слушания в конгрессе проходили с приглашением свидетелей со стороны обеих партий, — я в жизни не видел столько взрослых мужчин и женщин, которые, как дети, ломились за автографами, когда пришел Маркус Шейн (бывшая звезда NBA и Зала славы баскетбола). А когда Шейн рассказывал о том, как болезнь заперла его ребенка, я видел, как этот бессердечный мерзавец Оуэн Уэбстер (председатель сенатского комитета по ассигнованиям) всхлипывал прямо в микрофон. Вот тогда-то все мои опасения насчет того, пройдет законопроект или нет, испарились.

Было несколько человек, кто сопротивлялся. Один из них, конгрессмен Дэвид Абрамс, наделал

много шуму в цикле дискуссионных радиопрограмм, где он говорил о стоимости, угрозе дополнительных налогов, расширении функций федерального правительства, приводящем к тоталитаризму, и так далее. Он даже сделал пару выпадов в адрес лично президента, хотя они с ним принадлежали к одной партии. Я знаю, что Хаден закрывал на это глаза, пока Абрамс в разговоре с ведущей одной из программ не отпустил некую колкость по отношению к первой леди. Вечером того же дня, насколько мне известно, у него состоялась весьма задушевная беседа с представителями агентства национальной безопасности, которые показали ему какие-то фотографии или еще что-то, после чего от Абрамса никто не слышал и звука до того самого дня, когда приняли законопроект. И разумеется, он голосовал за.

Томас Стивенсон:

Я не помню, чтобы кто-то из АНБ встречался с Абрамсом в то время. Вам лучше спросить об этом его самого. Мне было бы очень интересно узнать, что он ответит.

Нил Джозеф:

Послушайте, в конце концов, все сводилось к

одному: президент просто хотел вернуть свою жену. Он был готов сделать что угодно, лишь бы это случилось. А будучи президентом Соединенных Штатов, он мог сделать это «что угодно». Да, его решение помогло миллионам людей, но не стоит обольщаться — это был лишь побочный эффект. Бенджамин Хаден действовал из откровенно эгоистических побуждений. Он любил свою жену, не мог без нее жить и хотел ее вернуть. Точка.

Могли бы вы упрекнуть его за это? Хоть кто-нибудь мог бы?

Часть третья
Полет на Луну

Ирвинг Беннет:

Закон об исследовательской программе по синдрому Хаден был преподнесен обществу как «полет на Луну», тем самым нас отсылали к «лунной речи» Кеннеди[28], в которой он открыл перед страной грандиозный путь к освоению космоса, а уже через девять лет Армстронг ступил на поверхность Луны, потому что нация сплотилась вокруг великой цели и приложила всю свою волю и все ресурсы, чтобы эта цель осуществилась. Президент Хаден ясно дал понять, что для претворения в жизнь этой цели он хочет от страны того же единства. И конечно же, все поддержали его, ведь болезнь так или иначе коснулась всех, в большей или меньшей степени.

И все же первый год действия закона Хадена, как его иногда называли, обернулся настоящим хаосом. Единство нации в стремлении к цели — это, конечно, прекрасно, но когда речь идет

---

[28] Примечания: 28

Имеется в виду знаменитая речь президента Джона Ф. Кеннеди, произнесенная в Хьюстоне, штат Техас, 12 сентября 1962 года.

о распределении трехсот миллиардов, лучше придерживаться оптимизации и четкого плана. Было ясно, что, по крайней мере, на начальном этапе ни у кого не было понимания, как следует разделить деньги, как разграничить ресурсы на исследования и разработки и какие конкретные цели установить. Фактически правительство США швырнуло эти деньги в воздух с криком: «Налетай!» — чтобы все, кто половчее, могли схватить их.

Хаден и остальное правительство быстро это поняли, и особенно был возмущен президент. Возможно, он и ускорил создание самой масштабной за всю историю США социальной программы, но все равно «республиканское крохоборство» было у него в крови. Сама мысль о том, что его законодательное детище станет кормушкой для свиней, приводила его в ярость. Он натравил Гарсиа (генеральный прокурор Гейл Гарсиа) на несколько компаний и руководителей высшего звена, в том числе на тех, кто финансировал его предвыборную кампанию, что само по себе являлось неслыханным прецедентом в политической сфере, и намек был воспринят.

К концу первого года средства распределились по четырем главным направлениям. В первое

вошли обычная медицинская поддержка для всех заболевших, у кого уже не было страховки, а также помощь от государства страховым компаниям, вопящим о расходах. Из трех оставшихся одно касалось разработки вакцины, второе — исследования мозга, третье — поиска средств мобильности и коммуникации для запертых. То есть нужно было найти способ взаимодействия с жертвами болезни, помочь им заново интегрироваться в этот мир. Первые результаты появились у тех, кто занимался исследованием мозга.

Ида Гарса, бывший заместитель координатора программ в рамках закона об исследовательской программе по синдрому Хаден, министерство здравоохранения и социальных служб:

Моя работа заключалась в координировании деятельности нескольких частных исследовательских компаний, ЦКП и других подразделений министерства здравоохранения, а также государственных и частных университетов, работающих над изучением мозга. И это был кошмар. В основном потому, что раньше каждая из этих групп всячески защищала свою интеллектуальную собственность от внешнего мира, до тех пор пока не регистрировала патент или каким-то другим

способом не закрепляла результаты за собой.

Теперь же, согласно закону Хадена, финансирование можно было получить, только поместив все свои разработки, в том числе незавершенные, в поисковую базу данных, чтобы все, кто получает финансирование, могли видеть достижения остальных и использовать их в своей собственной деятельности, — и все потому, что главной нашей задачей было как можно скорее достичь прогресса в помощи людям. Новый закон не запрещал подавать патентные заявки, но буквально для каждого случая составлялись соглашения о перекрестном лицензировании на время действия патента, и все финансовые обязательства были заморожены до выхода продукта на рынок.

Ничего подобного до этого не было, поэтому мне приходилось иметь дело с директорами и председателями компаний, которые звонили мне и кричали, что они теряют деньги и прибыль. Я напоминала им о том, какое щедрое финансирование их компании получили благодаря закону Хадена, а также о том, что они знали, на каких условиях выделяются деньги. Ответом мне было озадаченное молчание, а потом кто-нибудь обязательно начинал угрожать, что обратится

напрямую к министру или, упаси боже, к самому президенту.

Я втайне радовалась, когда слышала такие угрозы, так как, согласно регламенту, была обязана в таких ситуациях немедленно направлять недовольных в Белый дом, чтобы глава президентской администрации сделал им последнее предупреждение. Знаю, что пару раз эту обязанность брал на себя лично президент. До выхода закона об исследованиях я никогда не была большой поклонницей президента Хадена, но после этих случаев сильно его зауважала, потому что он никому не делал поблажек. Закон был для всех один: или ты обнародуешь свои исследования, или не участвуешь в программе. А на кону стояли такие баснословные деньги, что в конце концов смирились все.

Конечно, одного обмена данными было недостаточно. Если бы мы в министерстве[29] были вольны принимать решения, мы бы организовали работу по образу и подобию «Манхэттенского проекта»[30], отправили бы всех исследователей в

---

[29] Примечания: 29

Министерство здравоохранения и социальных служб.

[30] Примечания: 30

Секретные разработки по производству атомной бомбы, которые проводились в США с 1942 по 1945 год.

пустыню, и пусть бы они сидели там, пока не добьются результата, способного помочь людям. Но при существующей модели совместные усилия все же сохраняли хотя бы тонкий налет свободного предпринимательства, что было важно в политическом смысле.

И в конечном итоге это сработало. Первые нейронные сети появились благодаря тому, что исследования по выявлению мозговой активности с помощью магнитно-резонансных томографов и других внешних устройств на базе Стэнфордского университета объединили с исследованиями по глубинной физической стимуляции мозга, проводимыми в Кливлендской клинике одним специалистом из «Дженерал электрик». Если бы они не имели возможности видеть разработки друг друга, им бы самим пришлось «изобретать колесо». А так осталось только воспользоваться тем, до чего уже додумались другие.

Хенг Чанг, разработчик нейронной сети, «Дженерал электрик»:

Еще до появления синдрома Хаден в области нейровизуализации была проделана значительная работа с использованием МРТ и другого подобного оборудования, позволяющего записывать и регистрировать, когда и как передаются

мысли, и отображать, как мозг реагирует на внешние раздражители. Сначала для того, чтобы пациенты на третьей стадии синдрома Хаден могли хоть как-то общаться, им на голову устанавливали специальные датчики, и мы с неимоверным трудом собирали по крохам их мысли, иногда просто перебирая алфавит и прося их думать «да», когда выпадет нужная буква. Это был очень трудоемкий процесс, и никто не стал бы повторять его с миллионами заболевших.

Когда «Дженерал электрик» начала вести разработки по синдрому Хаден, мы получили доступ к общей базе данных, и, просматривая ее, я наткнулся на описание опытов в Кливлендской клинике, где они создали сверхчувствительные волокна, работающие как антенны, которые могли отследить приближение припадка у больных эпилепсией, с тем чтобы потом можно было купировать его еще до начала с помощью глубокой стимуляции мозга. Я подумал, что было бы круто использовать такие волокна не только как приемники, но и как передатчики. С их помощью можно было бы отправлять информацию извне напрямую в мозг и таким же образом передавать мысли наружу. Тогда я не стал в это вникать, так как был очень загружен другим проектом,

не имеющим ничего общего с экспериментами клиники.

Но, вероятно, где-то в подсознании эта мысль не отпускала меня, потому что примерно через неделю я вдруг проснулся посреди ночи с четким представлением, как будет выглядеть нейронная сеть. У меня было такое чувство, словно эту идею кто-то загрузил мне прямо в мозг. От неожиданности я резко сел в кровати и громко заорал — не «Эврика!», нет, просто вопил что-то нечленораздельное. И, как оказалось, совершенно напрасно, потому что моя кошка, которая спала у меня на груди, так перепугалась, что вцепилась в меня когтями, прежде чем спрыгнуть с кровати. Тогда я встал, вытер кровь с груди и поехал на работу, чтобы немедленно начать моделировать сеть, которая стояла у меня перед глазами. Я побоялся снова лечь в постель, потому что был уверен — озарение наверняка покинет меня, если я это сделаю.

Ида Гарса:

Идея Чанга была просто гениальной, как заверяли меня все специалисты и в нашем министерстве, и вне его. Поэтому мы поняли, в каком направлении надо двигаться, причем быстро. А вот чего мы не поняли, так это размера пред-

стоящих расходов. Есть старая шутка: «Быстро, дешево, качественно — выбери два». То есть нельзя получить три параметра одновременно. Мы выбрали «быстро» и «качественно». Мы не рассчитывали, что будет еще и дешево. Так и оказалось.

Хенг Чанг:

Спустя несколько лет мне рассказали, что за время, которое ушло на получение первой, полностью функционирующей нейронной сети, мы вбухали порядка сотни миллиардов долларов на ее разработку, испытания и производство. Сумма для меня в буквальном смысле невообразимая. Я вообще никогда не видел больше, чем получал в «Дженерал электрик». Зато я попал на обложку «Таймс» и стал финалистом в «Персоне года», чем моя мама очень гордилась.

Ирвинг Беннет:

Итак, Чанг и его помощники разработали нейронную сеть, но оставалась одна большая проблема с ее испытанием. Они могли моделировать сети на суперкомпьютерах, которые создавали окружающую среду, внешне напоминающую человеческий мозг, и эти модели устраивали их процентов на восемьдесят пять — девяносто. Но в

конце концов, если хочешь понять, будут ли они работать, надо поместить их в настоящий мозг.

Причем это обязательно должен был быть человеческий мозг — по двум причинам. Во-первых, потому, что мозг животного недостаточно сложен, а во-вторых, животное не смогло бы сказать вам, работает ли сеть. Кроме того, главная ловушка состояла в том, что во время стадии менингита вирус настолько изменил структуру и работу мозга хаденов, что в природе просто не существовало подходящих для опытов аналогов.

Разумеется, тут же возник вопрос морально-этического характера. Те первые сети были не только в высшей степени экспериментальными, но и весьма агрессивными: в рабочей документации, выложенной Чангом и его коллегами в открытый доступ, содержались подробные описания того, как волокнам сети нужно было проникать сквозь ткань мозга и двигаться внутри, фактически превращая его в большую подушечку для иголок; причем не существовало никакой гарантии, что вторжение этой искусственной нейронной сети не убьет пациентов с синдромом Хаден или не сделает их состояние еще более плачевным, чем до того.

Когда вышла моя статья, написанная на основе

этих материалов, семьи хаденов разъярились. Людям казалось, что их близкие станут жертвами во второй раз. Президенту Хадену пришлось прервать свой визит в Индонезию и вернуться, чтобы все уладить. Конечно же, он был взбешен, и это еще мягко сказано. Битси Лапин (издатель «Нью-Йорк таймс») вызвала меня к себе в кабинет и рассказала, как он позвонил ей и кричал на нее из-за меня минут двадцать. А Битси, дай ей бог всего хорошего, в конце концов напомнила ему о первой поправке и бросила трубку.

Хенг Чанг:

Реакция прессы на наш первый комплект рабочей документации выявила, что у общества нет четкого понимания того, насколько эффективно мы смогли смоделировать человеческий мозг, чтобы узнать, как в нем будет работать сеть. Мы были готовы безопасно устанавливать сеть почти в любых случаях. Но всегда существует крохотный процент риска, от которого никуда не денешься, поэтому пресса и семьи пациентов зациклились именно на этом аспекте. После чего не осталось никакой возможности получить добровольцев из числа обычных хаденов.

Ирвинг Беннет:

И вот тогда на помощь пришла почти универсальная природа синдрома Хаден. Первых «морских свинок» для испытания сетей в конце концов набрали из трех совершенно разных социальных групп. В первую вошли очень пожилые люди, которым, по статистике страховых случаев, оставалась всего пара лет жизни даже еще до того, как они заболели синдромом клетки. Вторую группу составили те, у кого, кроме синдрома, были смертельные болезни — четвертая стадия рака или другие неизлечимые случаи. Добровольцам из первых двух групп почти без преувеличения было нечего терять.

И наконец, третья группа. В определенном смысле им тоже было нечего терять. И все же с ними возникло много сложностей, мягко говоря.

Крис Кларк, заключенный тюрьмы штата Небраска:

Я попал в тюрьму, потому что парочке каких-то подростков вздумалось залезть в наш сарай, где мы с моим отчимом Биллом варили наркоту. Вторглись, между прочим, на частную территорию. Наверное, услышали от тех, кому мы продавали товар, что мы все храним в сарае. Ничего мы там, конечно, не хранили — варили и тут же сплавляли. Но они вломились туда, начали

шарить везде и, наверное, случайно устроили пожар. Сарай сгорел, и они вместе с ним. Нам с Биллом предъявили обвинение в двух непредумышленных убийствах, а еще припаяли кучу статей, связанных с наркотиками. Билл умер от сердечного приступа еще до суда, и судья, как мне кажется, отыгрался на мне. Я получил по совокупности восемьдесят пять лет с возможностью подать прошение о досрочном освобождении через пятьдесят. Взяли меня в двадцать два. В общем, это был самый настоящий пожизненный срок.

Можно подумать, что в тюрьме сложно подхватить синдром Хаден, но это не так. Мы заражались им так же, как все остальные. Между собой мы иногда шутили, что кто-то принес вирус после свидания с женой, но, скорее всего, какие-нибудь надзиратели притащили его в тюрьму с воли. Всего через пару недель стало казаться, что болеет полтюрьмы. В больничке был только один врач да несколько санитаров с медсестрами. Они были загружены по горло, и почти никакой помощи мы не получали. Во всем мире творилось то же самое, и помощь горстке насильников и убийц уж точно не входила в список первоочередных задач.

Думаю, вместе со мной было еще с десяток заключенных, кто перешел в стадию запертых. Не хочу утомлять вас подробностями. Скажу только, что это как сидеть в одиночке — день за днем, — и так до конца жизни. Помню, в больничном изоляторе, где таких же запертых, как я, держали постоянно, одна медсестра сказала кому-то из санитаров, что слышала, будто бы в легислатуре штата кто-то предложил больше не предоставлять медицинское обслуживание таким, как я. Мол, это просто напрасная трата денег и в нашем случае правосудие совершил сам Господь. Я не убийца, никогда никого нарочно не убивал, но эту гниду с радостью придушил бы, если бы мог.

Однажды я услышал, как Грейвс (врач тюрьмы штата Небраска Хантер Грейвс) с кем-то разговаривает. Когда все, что ты можешь делать, — это лежать и слышать разговоры вокруг себя, начинаешь хорошо различать голоса персонала. Этот голос был незнакомый и принадлежал женщине. Грейвс говорил ей, что из всего изолятора я лучший кандидат. Я понятия не имел, что это означает. Потом незнакомка обратилась ко мне. Представилась доктором Констанс Деннис из министерства здравоохранения и социальных служб и спросила, не хочу ли я стать доброволь-

цем в некой медицинской процедуре, которая позволит мне снова разговаривать с людьми и, возможно, даже поставит меня на ноги. Обещала, что в случае согласия мой срок подачи прошения о досрочном освобождении приблизится на пару десятков лет. Вот только одна загвоздка: процедура экспериментальная и можно умереть.

Ну, думаю, мать вашу, я и так уже почти что умер. Все, что угодно, будет лучше такого существования, пусть даже и правда смерть. Когда меня запихнули в тот томограф, чтобы просканировать мозг и узнать ответ, я заорал «Да!» в голове так громко, что чуть кони не двинул.

Кэтрин Мартинес, первый помощник юрисконсульта, Коалиция борьбы за права заключенных:

Конечно, мы боролись. Изо всех сил. Сулить людям, осужденным на пожизненное или близкое к тому заключение, возможность досрочного освобождения в обмен на участие в медицинских экспериментах не только глубоко аморально с медицинской точки зрения, но к тому же является фактом принуждения. Поэтому мы боролись, так же как боролись Союз защиты гражданских свобод и Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения.

Мы проигрывали буквально все судебные дела, и самым губительным стало решение по делу «Хикс против Копленда». Теперь в США можно спокойно игнорировать восьмую поправку, если говоришь, что участие заключенных в так называемых медицинских исследованиях «добровольное» — в кавычках. Как будто в тюрьме есть хоть что-то добровольное. Ситуация с правами заключенных была отброшена на несколько десятилетий назад. И для всех вовлеченных это стало камнем на шее.

А еще напоминанием, что страх, как в случае с синдромом Хаден, подрывает правосудие. Да, закон слеп, но люди, которые его вершат, очень хорошо видят, куда дует политический ветер.

Хенг Чанг:

Когда страсти вокруг дела «Хикс против Копленда» накалились до предела, мне начали звонить по ночам. Одни говорили, что я чудовище, раз использую заключенных, другие — что, если я не выберу их брата, мужа или еще кого-то для исследований, они подожгут мой дом. Да, это было нервное время, и в немалой степени из-за того, что я практически не влиял на выбор подопытных.

Я могу понять чувства тех, кто считал, будто мы

сделаем с заключенными что-то ужасное. У моей жены японо-американские корни, и в их роду были те, кого в свое время отправили в Тул-лейк[31]. Я понимаю, что можно ошибаться из страха. Но ведь миллионы американцев и миллионы других людей по всему миру внезапно оказались запертыми в собственных телах. Там, где медицинское обслуживание не было так доступно, как в развитых странах, пациентов с третьей стадией синдрома Хаден просто оставляли без помощи, и они медленно умирали от голода. Даже здесь, в США, были больницы, которые полностью использовали под хранилище для запертых. Человечество столкнулось с колоссальной гуманитарной катастрофой мирового масштаба.

Не знаю. Может быть, мы ошиблись, когда набирали заключенных в качестве испытуемых. У меня нет твердого ответа на этот вопрос, и иногда это не дает мне спать по ночам. Но, с другой стороны, за восемнадцать месяцев, с момента того ночного озарения до того, как мы подключились к первому пациенту-хадену, у нас появились

---

[31] Примечания: 31

Концентрационный лагерь в Калифорнии, который официально назывался лагерем для интернированных лиц, куда во время Второй мировой войны помещали в том числе японцев американского происхождения.

полностью рабочие нейронные сети. Это чудо. Настоящее чудо.

Кэтрин Мартинес:

Около трети отобранных для опытов заключенных умерли или получили повреждения мозга от средней до высокой степени тяжести. Или точнее было бы сказать, что правительство только пять лет назад официально опубликовало данные, согласно которым треть участников экспериментов из числа заключенных умерли или получили повреждения мозга. И у нас есть все основания полагать, что эти цифры, мягко говоря, занижены.

Крис Кларк:

Ну, я-то ведь не умер. Хотя мне и пришлось ждать, пока Верховный суд даст одобрение на участие в экспериментах. Я попал во вторую волну испытуемых. Судя по тому, что многие из первой волны, насколько я слышал, или умерли, или получили травму мозга, мне жаловаться не на что.

Итак, вот как все было. Сначала мою голову очень долго изучали разными приборами, чтобы получить подробные изображения моего мозга. Делали бесчисленные томографии, рентген

сосудов с окрашиванием, или как это у них там называется. Это длилось месяцами, хотя я и не понимал, почему так долго. Я же не Стивен Хокинг, на что там у меня смотреть-то.

Наконец они решили, что знают о моем мозге все, что можно было узнать, не залезая внутрь, и оттяпали мне часть макушки, чтобы понаблюдать, как говорится, вживую. На место среза налепили кусок прозрачного стерильного пластыря, чтобы можно было смотреть в дырку когда вздумается. А отпиленный кусок черепа положили мне на живот, чтобы не пропал до тех пор, пока не придет время приделать его обратно. Я его постоянно чувствовал, пока он там лежал. Честно признаюсь, ощущение не из приятных.

Потом они решили, что налюбовались достаточно, и вернули кусок черепа на место, после того как поместили мне в голову нейронную сеть. Мне сказали, что у сети есть щупальца, которые заглубятся в мой мозг, но я их чувствовать не буду, поэтому и волноваться не стоит. В общем-то, это была даже не совсем ложь. Я действительно не чувствовал, как щупальца зарывались в мозг, но каждый раз, когда они на что-нибудь натыкались, меня просто захлестывало самыми разными ощущениями. Один раз перед глазами вдруг все

позеленело, и так продолжалось примерно час; в другой раз внезапно запахло апельсинами. Еще был случай, когда почти целую минуту казалось, будто кто-то выжигает мне клеймо прямо на заднице каленым железом. Это длилось не очень долго, но у меня было чувство, что прошла целая вечность.

Где-то через неделю, когда все, очевидно, встало на место, они сказали, что собираются подключить сеть и если все заработает нормально, то я смогу видеть через камеру на столе и говорить через динамики. Потом я почувствовал что-то вроде удара электрическим током и увидел себя на кровати — лысого, с этим жутким шрамом на голове, похожего на уродливое детище Франкенштейна. Тогда я подумал: «Черт, как же дерьмово я выгляжу!» — и вдруг услышал, как те же самые слова прозвучали из динамиков. Сеть читала мои мысли! Я понял, что надо быть поаккуратнее с тем, о чем думаешь, пока не научишься себя по-настоящему контролировать. Но и это тоже прозвучало из динамиков.

Потом я начал разговаривать со всеми, кто был в комнате, ведь я так долго молчал. Я просто спрашивал, как их зовут, что на них надето, сколько лет их детям и есть ли у них в семье домашние пи-

томцы. Вопросы не имели значения, потому что я снова мог разговаривать и это было прекрасно. Через несколько минут у меня странно защекотало лицо, и я не сразу понял, что это слезы и они просто скапливаются на лице, потому что я лежу. Пришлось попросить, чтобы их вытерли.

Это было невероятно! Просто удивительно. Я как будто заново родился. Как будто снова стал свободным.

Часть четвертая
Трилы

Саммер Сапата, автор книги «Тихая революция: технология на пике синдрома клетки»:

Разработка, быстрое производство и установка нейронных сетей стали, безусловно, первой крупной вехой в технологической истории синдрома Хаден. Чтобы сделать сети, мы потратили чудовищную, как справедливо считали многие, сумму денег и, возможно, нарушили нормы медицинской этики, но в конечном итоге результат был достигнут, испытания опытных образцов прошли успешно, и внезапно два десятка компаний, как давно работающих, так и совсем новых, начали производство нейронных сетей.

Однако нейронные сети предлагали лишь частичное решение. Они дали возможность запертым снова общаться с внешним миром, но их тела по-прежнему не работали. Люди все еще не могли двигаться. Все еще оставались в ловушке, отрезанные от нормальной жизни.

Федеральное правительство швыряло миллиарды на медицинские исследования в попытке

заставить мозг снова взаимодействовать с соматической нервной системой или вырастить новые нервные соединения, но работы в обоих этих направлениях шли очень медленно, что, разумеется, никого не устраивало. И тогда вдруг появилось альтернативное решение, которого абсолютно никто не ожидал.

Ребекка Уорнер, глава компании «Зебринг-Уорнер, инк»:

Мы с Чарли Зебрингом знали друг друга с детства, хотя и не очень близко, так как он учился на класс младше и круг общения у нас был разный. Я была типичной школьной активисткой, он — образцовым ботаником. После школы я поступила в Браун[32], Чарли пошел в Ренсселер[33], и мы не виделись до лета перед моим выпускным курсом, когда оба попали на стажировку в «ГринУэйв», компанию моего отца. У меня была преддипломная практика по менеджменту, Чарли готовился стать инженером. Мы почти не общались до того дня, как я однажды застала его за странным занятием.

---

[32] Примечания: 32

Университет Брауна, расположенный в городе Провиденс.

[33] Примечания: 33

Политехнический институт Ренсселера, частный университет в штате Нью-Йорк.

Моя стажировка проходила в основном для видимости, мы ведь все понимаем, что это значит, если ты дочь владельца. С одной стороны, такая ситуация бесила — я уже знала, что в будущем хочу управлять какой-нибудь компанией, и мне не нравилось, что меня не воспринимают всерьез. С другой стороны, разве можно воспринимать всерьез того, кто больше всего думает о том, как проводить летние вечера. А тогда я именно такой и была. Поэтому я и не жаловалась, когда мне давали разные тупые поручения, с которыми могла справиться и дрессированная обезьяна.

Одним из таких поручений стало составление еженедельного отчета об эффективности принтеров «ГринУэйв». Компания выполняла много заказов от дизайнерских студий и небольших производств. У всех заказчиков были свои принтеры, но они не предназначались для крупномасштабных изделий или для изготовления более чем двадцати копий. А «ГринУэйв», помимо того что производила промышленные 3D-принтеры, также выполняла заказы от других компаний. Мы делали хорошие принтеры, но они отличались капризностью и часто ломались, поэтому нужно было следить за их продуктивностью, и я каждую неделю составляла отчет для техническо-

го директора. Работа была простейшей, тем более что каждый принтер автоматически отправлял данные в сводную таблицу и мне оставалось только нажать на кнопку, чтобы распечатать ее.

Так я и распечатывала их раз в неделю. И чаще всего в них даже не заглядывала, но как-то вечером, уже встретившись с друзьями, вдруг вспомнила, что забыла сделать очередной отчет. Мне не хотелось прослыть неспособной даже на такое примитивное задание, поэтому я рано ушла с вечеринки, часов в одиннадцать, и вернулась в офис. А когда складывала распечатки, случайно заметила, что у одного принтера таблица выглядит как-то странно. Обычно его отключали в десять вечера, по окончании второй смены, но, судя по отчету, за последнюю неделю он каждый день использовался в промежутке между одиннадцатью и полуночью. Поэтому я настроила программу его мониторинга в реальном времени и увидела, что принтер работает прямо сейчас. Ничего не понимая, я спустилась на этаж, где стояли принтеры, и увидела Чарли, который печатал что-то похожее на руку. При виде меня он очень удивился.

Естественно, я спросила, чем он занимается, а он ответил, что выполняет один срочный заказ.

Ладно, сказала я, тогда покажи бланк заказа. В «ГринУэйв» очень строго с документацией и ни одна работа не делается без заказ-наряда. Когда в глазах Чарли мелькнул страх, я сразу поняла, что никакого заказа нет. Я решила надавить и пообещала, что, если он сейчас же не объяснит, что делает, утром я все расскажу его боссу и в доказательство предоставлю автоматический отчет принтера.

Тогда Чарли сдался и сказал, что делает опытный образец. Отлично, говорю. Опытный образец чего? Он стал объяснять, что давно следил за созданием нейронных сетей для больных синдромом Хаден и понял, что, даже если сети будут успешно работать, люди все равно останутся в своих телах без движения. А он создает машину, способную интегрироваться с сетями, чтобы люди могли ходить и делать все, что делали до болезни.

Я попросила его рассказать подробности, и мы проговорили пять часов. У «ГринУэйв» был доступ к исследовательской базе данных по синдрому Хаден, потому что мы заключили контракт с «Дженерал электрик» на изготовление элементов для их нейронных сетей, и Чарли следил за всеми разработками в этой области. На поиски

биологических средств помощи заболевшим тратились огромные деньги, а на создание инженерных решений — почти ничего. Максимум, что предложили в этом направлении, — это скутер устаревшей конструкции с большим планшетом, закрепленным на палке. Он обеспечивал какую-то мобильность, но не давал возможности брать предметы или взаимодействовать с людьми так, чтобы не чувствовать себя скутером с планшетом на палке.

Проект Чарли обещал стать чем-то гораздо большим. Настоящее тело с сенсорным вводом, выполненное в форме человеческого и обладающее человеческими же способностями. Робот, только не с механическим мозгом, а с настоящим, который управлял бы им дистанционно. Новое тело, которое не знало бы ни усталости, ни болезней.

Чарли продолжал говорить, и, честно признаюсь, я понимала из всего процентов двадцать, не больше. Но когда он закончил, я сделала две вещи. Первое — сунула отчет о принтере в шредер. И второе — утром пришла в кабинет отца и заявила, что хочу немедленно получить все деньги из своего целевого фонда, до последнего пенни, а если он откажется мне их дать, то рас-

скажу маме про его интрижку на стороне. И про другую тоже.

Когда отец согласился, я тут же взяла в аренду принтер, на котором накануне работал Чарли. Потом спустилась к нему на этаж и сказала, что его стажировка закончилась, потому что мы открываем свое дело и будем полноценными партнерами. Он согласился. Тогда я сфотографировала нас, чтобы запечатлеть этот момент. Чарли выглядел ошалевшим, как будто его только что ударило грузовиком.

Саммер Сапата:

Казалось, Чарли Зебринг и Ребекка Уорнер вообще не способны были работать вместе. Она — очень открытая, энергичная и деловая, он — сосредоточенный исключительно на работе хрестоматийный интроверт, которого совершенно не волновал даже его внешний вид. По слухам, Уорнер однажды пришла в их офис и вылила Зебрингу на голову кувшин воды, намекнув тем самым, что ему надо пойти домой и принять душ.

Единственное, что было у них общего, так это вера в их замысел, который они стали называть транспортерами личности. Зебринг преследовал чисто практическую цель, его проект был

довольно строг, и он не позволял своей инженерной мысли углубляться куда-то в дебри. Если вы посмотрите на его первые опытные образцы, то увидите, что они полностью функциональны, но совершенно лишены всякой эстетики. Просто роботы, только и всего. Он хотел, чтобы пациенты с синдромом Хаден могли ходить. Его не волновало, как они при этом будут выглядеть.

Уорнер взяла в свои руки все остальное. Она внимательно следила за коммерческой стороной закона Хадена и в конце концов нашла в нем лазейку, куда со временем могли войти транспортеры личности. Ее конгрессмен состоял в бюджетом комитете, и она прилетела в Вашингтон, чтобы лично убедить его выделить на биологические средства помощи хаденам больше средств, чем на инженерные. Она знала, что если государственные ассигнования начнут активно двигаться на ее территорию, то проект, который она финансировала из своего собственного трастового фонда, просто захлебнется.

Расчет сработал. Годичные средства в основном пошли на биологию и в очень малой степени — на механику. Конечно, помогло еще и то, что несколько очень крупных фармацевтических компаний также лоббировали исследования в

области биологии. Но личный вклад Уорнер был отнюдь не лишним.

Кроме того, именно благодаря Уорнер изменился и внешний вид транспортеров личности, это она убедила Зебринга сделать их как можно более привлекательными, прежде чем представлять миру. Она же придумала для их компании ловкий маркетинговый ход.

Ребекка Уорнер:

Они называли это «ловким маркетинговым ходом», но на самом деле я просто умела наблюдать и делать выводы. В мире было два самых популярных хадена: Маргарет Хаден и Крис Шейн, маленький сын Маркуса Шейна. А еще эти двое принадлежали к самым влиятельным семьям, и было совершенно очевидно, что они станут первыми людьми, которым установят нейронные сети после их официального одобрения. Это означало, положа руку на сердце, что если мы действительно хотели представить свой товар в выгодном свете, то лучших кандидатов было не найти. Поэтому я попросила Чарли сделать две отдельные пилотные модели: одну — для Маргарет Хаден и другую — для Криса Шейна. Подготовить их нужно было к тому времени, когда обоим установят сети.

К модели для Маргарет Хаден Чарли подошел уж слишком буквально и попытался сделать точную копию первой леди, вплоть до выражения лица. Получилась просто жуть. Существует так называемый эффект «зловещей долины», согласно которому считается, что если нечто очень похоже на человека, но им не является, это вызывает у вас неприязнь, так как вы абсолютно точно знаете, что перед вами подделка. Это был как раз тот случай. Я отговорила Чарли от попыток добиться полного сходства и дала ему кое-какие наводки. В частности, показала изображение женщины-робота из одного очень старого фильма — он назывался «Метрополис»[34] — и предложила взять его за основу, только приглушить слишком ярко выраженную сексуальность. Публичный образ Маргарет Хаден должен был демонстрировать обществу здоровую женщину в хорошей физической форме, а не секс-бомбу. У Чарли получилось только с шестой попытки. А вот с Крисом все вышло с первого раза. С детьми всегда легче.

У меня сложились хорошие отношения с Эдом Кёртисом (член палаты представителей от вось-

---

[34] Примечания: 34
Фантастический фильм 1926 года, режиссер Фриц Ланг.

мого округа Огайо), который входил в комитет палаты по закону об исследовательской программе, и я знала, что он на короткой ноге с президентом Хаденом, поэтому попросила его обратиться к президенту. Он был настроен скептически, но в конце концов я его убедила. С его помощью мы с Чарли попали на прием к президенту Хадену, где показали ему фотографии транспортера личности, а также видео, демонстрирующее машину в работе, когда Чарли управлял ею дистанционно, и сказали, что у нас готов образец для первой леди и он отрегулирован конкретно под тот тип нейронной сети, какая установлена у нее в голове.

Мы надеялись, что он просто проявит интерес, не более того, и тогда мы получим возможность в дальнейшем показать ему образец, чтобы со временем добиться разрешения на его использование первой леди. Но, внимательно выслушав все объяснения, президент посмотрел на нас и спросил: «Он здесь?» А мы действительно привезли образец из Огайо, и он лежал на заднем сиденье арендованного грузового фургона. Мы сказали об этом президенту. Тогда он спросил: «Он готов к работе?» Я не сразу сообразила, что он хочет знать, может ли первая леди использовать его прямо сейчас. Сию минуту.

Я была настолько ошеломлена этим неожиданным вопросом, что даже не знала, как отвечать. Тогда президент перевел взгляд с меня на Чарли, а тот, благослови бог его простодушие, возьми да и скажи: «Конечно, сэр».

Четыре часа спустя мы были уже в Западной спальне, где в окружении команды медиков лежала первая леди, и готовили наш образец к синхронизации с ее нейронной сетью.

Дженис Мэсси:

Мне это показалось плохой идеей. Главе президентской администрации это показалось плохой идеей. Марио (Марио Шмидт, глава службы безопасности президента) едва не хватил удар, пока он пытался отговорить президента. Но того было не переубедить. Единственным, кто, возможно, сумел бы отговорить его, была сама Марджи, но она хотела этого, хотя, как мне кажется, больше ради мужа, чем ради себя.

Транспортер личности прикатили на тележке, источник питания для него — на другой тележке. Я спросила, как все это будет работать, и Чарли Зебринг ответил, что первой леди надо всего-навсего подключить эту штуку к своей встроенной сети, после чего она сможет управлять ею. Марио совершил последнюю попытку и сказал, что

транспортер личности может быть опасным или занесет вирусы в нейронную сеть первой леди. Тогда Ребекка Уорнер в довольно категоричной форме заявила, что с их стороны было бы верхом тупости пытаться передать первой леди вирус, находясь в Белом доме, где служба безопасности могла тут же расстрелять их обоих в упор. Категорично, как я уже заметила, но не лишено смысла.

Когда все было готово, Чарли Зебринг сказал Марджи, что она может подключаться в любое время, как только пожелает. Спустя минуту транспортер слегка вздрогнул и дернулся, потом поднял руку и поднес ее к самому лицу, как будто разглядывал. После чего сошел с тележки, на которой стоял, и все в комнате — все! — невольно отступили на шаг. Транспортер подошел к зеркалу у стены и почти целую минуту неподвижно стоял возле него, глядя перед собой. А потом, абсолютно в манере первой леди, обернулся через плечо и заговорил голосом Марджи.

Ребекка Уорнер:

Я помню, как она сказала: «Я похожа на Три-Пи-О»[35]. Когда об этом стало известно прессе,

---

[35] Примечания: 35

Андроид, персонаж «Звездных Войн».

транспортеры личности стали называть трилами. Мне это сокращение никогда не нравилось, но моего согласия никто не спрашивал.

Дженис Мэсси:

Президент не выдержал. Он просто упал на колени, не в силах с собой совладать. Марио кинулся было к нему, но Марджи сказала «нет», сама подошла к мужу, опустилась рядом с ним на колени, обняла его, погладила по голове и что-то тихо зашептала на ухо.

Каких-то пару минут казалось странным, что эта машина, этот робот, или как там вы его еще называете, стоит на коленях рядом с президентом Соединенных Штатов и утешает его. Но уже совсем скоро это больше не были робот и президент. Перед нами были муж и жена, бесконечно любящие друг друга.

Ребекка Уорнер:

Момент был, безусловно, приятный и очень неожиданный. Честно. Но все то время, пока я наблюдала за этой милой, трогательной сценой, я боролась с нестерпимым желанием расхохотаться во весь голос — такая уж я была. Потому что в моей голове тогда снова и снова крутилась одна и та же мысль: «Какую же хренову тучу денег мы

теперь заработаем!» Так и получилось.

Ирвинг Беннет:

Меня пригласила на пресс-конференцию в Белый дом Адриенна Маклафлин (пресс-секретарь Белого дома). Это было странно и разозлило корреспондента, который отвечал у нас за правительственные репортажи, но когда тебя зовут на пресс-конференцию в Белый дом, ты просто идешь, и все.

Когда я пришел туда, то заметил и других обозревателей и журналистов, пишущих на научно-технические темы, из разных изданий. Тогда я подумал, что мы услышим одно из тех редких объявлений, связанных с полетом на Марс или вроде того, которые никогда не оправдывают ожиданий, тем более сейчас, когда страна тратила столько денег на синдром Хаден.

Потом появился президент, и я с удивлением увидел, что впервые почти за два года этот человек выглядит по-настоящему счастливым. Он улыбался, приветливо махал журналистам, казался свежим и бодрым, как будто прекрасно спал всю ночь, чего тоже не бывало за последние два года. Он поднялся на трибуну, посмотрел на всех нас, как кот, съевший канарейку, и, прежде чем мы успели сесть обратно на свои места, объявил:

«Леди и джентльмены! Первая леди Соединенных Штатов Америки».

В зал вошел золотой робот, неторопливо поднялся к президенту, обнял его, потом встал рядом, положил руки на трибуну и спросил: «Ну и как я выгляжу?»

Я никогда не слышал на президентских пресс-конференциях такой абсолютной, такой мертвой звенящей тишины. А секунд через десять мы все заорали одновременно, перекрикивая друг друга, пытаясь задавать вопросы.

Ребекка Уорнер:

Пресс-конференция первой леди имела для нас огромное значение. Это очевидно. Но настоящим прорывом для нашей компании стала пресс-конференция с Крисом Шейном, которая состоялась две недели спустя. Ничто не может произвести большего впечатления на публику, чем первые шаги ребенка, сделанные благодаря твоему изобретению.

Мы немедленно подали заявку на патент, и, поскольку мы не получали никакого государственного финансирования по утвержденной исследовательской программе, нам не пришлось придерживаться установленной процентной ставки, когда другие компании стали обращаться

к нам за лицензией на технологию, а сделали они это мгновенно. К концу месяца мы с Чарли стали миллиардерами. Я купила у папы «ГринУэйв», закончила текущие контракты или откупилась от них и конвертировала все площади для производства транспортеров личности. «Зебринг-Уорнер» первым вышел на рынок и до сих пор остается крупнейшим на нем. Жаль, что Чарли не захотел всем этим насладиться.

Саммер Сапата:

Возможно, Чарли Зебринг — это типичный пример человека, не приспособленного к успеху. По-настоящему его интересовала только его работа — создание транспортеров личности, а не вся эта политика, в конце концов погубившая ту чистую радость творчества, о которой он говорил в своих редких интервью. Практически в одночасье из крошечной мастерской с двумя сотрудниками «Зебринг-Уорнер» превратилась в основу основ совершенно новой индустрии. Ребекка Уорнер справлялась с этим прекрасно, она словно родилась, чтобы управлять компанией.

Зебринг справлялся намного хуже, и все, кто его знал, говорили мне, что было поразительно, насколько быстро его начали тяготить внезапный успех и слава. За шесть месяцев после той

пресс-конференции первой леди он превратился в какого-то затворника, по работе общался только через электронную почту, избегал всех, кроме самых близких друзей. А потом сказал Уорнер, что хочет уйти и продаст ей свою долю в компании по существенно заниженной цене, что, справедливости ради, все равно оставляло его миллиардером, пусть и с меньшим количеством миллиардов. А еще через полгода он покончил с собой, так как считал, что родные и друзья третируют его, думая только о его деньгах. В предсмертной записке было всего пять слов: «Я думал, что помогаю людям».

И он действительно помог. Но сам стал жертвой того, что нагромоздилось вокруг этой помощи. По иронии судьбы человек, сделавший больше других, чтобы люди, запертые болезнью, освободились от одиночества, сам закончил свои дни одиноким и всеми заброшенным.

Часть пятая
Новый мир

Джозефина Росс, автор книги «Неизвестная страна: хадены и их мир»:

Немногие знают об этом, но слово «робот» пришло из пьесы, написанной в 1920-х годах чешским писателем Карелом Чапеком. По сюжету, человечество создает искусственных людей, чтобы те работали и прислуживали им, но в конце концов роботы поднимают восстание и становятся хозяевами Земли. Роботы в пьесе не были безмозглыми автоматами или просто машинами, как те, кого мы называем роботами теперь. Это были искусственные люди, обладающие разумом и свободной волей. По сути, они были очень похожи на людей с синдромом клетки, после того как те получили транспортеры личности.

И в конечном итоге мир все-таки дождался той самой «революции роботов», которую всегда себе представлял с помощью научной фантастики или всех этих фильмов, где машины рано или поздно пытались вытеснить людей. Только эта революция роботов не стремилась заменить

людей — она возвращала потерянных людей на их законные места, пусть и в телах роботов. Это была мирная революция роботов, к которой ни Чапек, ни кто-либо другой из авторов нас не подготовил.

Так что не было ничего удивительного в том, что вначале все это проходило не слишком гладко.

Террелл Уэльс, пациент с синдромом Хаден:

Конечно, взгляды замечаешь, но поначалу тебя это не колышет, потому что, как в моем случае, после целого года взаперти я снова мог ходить, разговаривать, видеть и осязать мир вокруг. Да пусть бы даже мой трил выглядел как мешок с навозом, мне было бы наплевать. Так что — да, я замечал взгляды, но не обращал на них внимания. Я наконец-то вышел из клетки.

Тем более что в самом начале люди просто смотрели, улыбались, просили вместе сфотографироваться или щелкали тебя, даже не спрашивая разрешения. Трилы тогда только появились и были диковинкой. Пару месяцев я ощущал себя знаменитостью местного масштаба, чем-то вроде хара́ктерного актера на телешоу. Но еще через несколько месяцев трилов вокруг стало гораздо больше, и все к нам привыкли. Так и началось:

типа ну, ты, робот, свали-ка с прохода, чтобы я мог зайти в магазин. Да оно и к лучшему, потому что быть местной знаменитостью некрупного пошиба не особо приятно.

Думаю, людей начали раздражать трилы примерно через год, после того как я приобрел свой. Ну, типа представьте: решаете вы с друзьями отдохнуть где-нибудь в кафе. Сидите общаетесь, народу битком, приходят новые люди, смотрят, где бы им примоститься, видят вашу компанию и думают: «Эта чертова железяка занимает место, где мог бы сидеть я».

Я помню тот первый раз, когда я сидел с друзьями в ресторане и какая-то женщина спросила, можно ли забрать мой стул. Я посмотрел на нее так, будто она попросила разрешения задушить моего кота, и сказал, что стул мне нужен самому. На что она ответила: «Но вы же на самом деле не здесь, значит он вам ни к чему». Тогда я послал ее подальше. Наверное, она пожаловалась администратору, потому что, когда я пришел в тот ресторан в следующий раз, там уже висела табличка, гласящая, что трилы обязаны уступать свое место, если об этом попросит человек. Надо же — «человек»! Я ушел и больше туда не приходил, но вскоре подобные таблички появились

во многих местах. В общем, если ты трил, то не имеешь права сидеть.

Эванджелин Дэвис, юрисконсульт Американского союза защиты гражданских свобод:

Я только начинала работать в союзе, когда стали поступать обращения от хаденов о тех инцидентах, связанных с требованиями уступать места здоровым людям, а несколько муниципалитетов даже выпустили указы, по сути утверждающие, что люди с транспортерами личности являются гражданами второго сорта.

Вы можете подумать, что все эти случаи элементарно разрешаются с помощью закона об американцах с ограниченными возможностями, однако необходимо учитывать ряд тонкостей. К примеру, некто с транспортером личности приходит в ресторан, но он не собирается там есть — его настоящее тело находится в этот момент где-то еще и принимает пищу как-то иначе. В сущности, этот человек, как безбилетный пассажир, просто занимает место и, по заверениям владельцев некоторых ресторанов и магазинов, приносит им убытки. Они заявляют, что имеют право просить таких людей уступать места тем, кто платит.

Кроме того, если транспортер личности заставили стоять, разве управляющий им человек

испытывает от этого какие-то неудобства? Владельцы трилов не могут испытывать физических затруднений, потому что их тела не находятся там. Если транспортер личности стоит, это совсем не значит, что человек, управляющий им, устает от этого. Получается, что, попросив трила стоять, вы причиняете ему не больше неудобств, чем если бы вы попросили здорового человека носить обувь. Вы можете возразить, что унизительно заставлять кого-то стоять, когда остальные из его компании сидят, но в барах и кафе часто попадаются группы вполне здоровых людей, которые собираются вокруг одного столика, кто-то сидит, кто-то стоит, и ни один не чувствует себя униженным. И так далее.

Все это в каком-то смысле кажется несерьезным и не стоящим обращения в суд. Но эти на первый взгляд мелочи имели по-настоящему огромное значение. Почти в одночасье мир создал, по сути, новую нацию — группу людей, чей совместный опыт в корне отличался от того, что кто-либо испытывал прежде. В Соединенных Штатах было примерно столько же хаденов, сколько религиозных евреев, и больше, чем мусульман. Их восприятие мира уникально, и в зависимости от того, как они представят себя этому миру — в

транспортерах личности или с помощью аватарок, — они будут испытывать то, чего никакие другие люди не испытают в той же мере; это же касается и нарушения их прав. У нас и у других правозащитных организаций появилась возможность, которой не было прежде, — пресечь дискриминацию еще до ее возникновения. Полагаю, в конце концов мы преуспели в этом больше, чем ожидали, но меньше, чем надеялись.

Террелл Уэльс:

В детстве я смотрел документальный фильм о том, как снималась «Планета обезьян» — самая первая, с Чарлтоном Хестоном. В фильме рассказывалось о том, как делали грим массовке, чтобы изобразить разные виды обезьян — шимпанзе, горилл и орангутангов, — а когда съемочная группа шла на обед, они разделялись. Люди, загримированные под горилл, садились с другими гориллами, шимпанзе — с шимпанзе.

То же самое стало происходить с хаденами. Кем бы ты ни был раньше, теперь ты становился прежде всего иным. И никто из твоих друзей-нехаденов не мог даже представить себе, что ты чувствуешь. В этом не было их вины. Они просто не понимали, что значит быть запертым в собственном черепе и не знать, сможешь ли

когда-нибудь еще с кем-то заговорить. Наверное, так же бывает с людьми, прошедшими войну. В конце концов ты начинаешь проводить все свое время с теми, кто тоже там был, потому что только они могут тебя понять.

Когда я видел других трилов на улице, мы обменивались дистанционными приветствиями, отправляя друг другу свои адреса. А позже заходили в «Агору», еще ту, первую версию, похожую на ролевую компьютерную игру, только без квестов, находили там друг друга и просто подолгу болтали. Наши аватарки на «Агоре» выглядели как мы сами еще до болезни — едва ли кто-нибудь тогда подделывал свои изображения, — и мы могли быть самими собой, пусть и не в полной мере, но хотя бы в той, чтобы чувствовать себя нормально.

Я уже не смогу вспомнить, когда начал думать о себе как о хадене. Это случилось как-то исподволь. Наверное, после того, когда я понял: сколько бы я ни притворялся, что мне не важно, что я выгляжу как робот, на самом деле это было важно — в том, что касалось отношения других людей. Что они думали обо мне и как на меня реагировали. И дело не только в том, можешь ли ты занимать место в «Старбаксе» или нет. Люди

перестали относиться ко мне как к человеческому существу. Один пьяный сукин сын как-то разбил пивную бутылку о голову моего трила, потому что хотел узнать, испытаю я боль или нет. Я чудом сдержался, чтобы не расквасить ему нос металлическим кулаком, и уж ему-то точно было бы больно.

Думаю, окончательно я осознал себя хаденом, когда однажды вечером мы пошли с моими бывшими одноклассниками в бар. Они все сидели, пили, трепались ни о чем, и я тоже сидел и как бы трепался ни о чем с ними, а на самом деле одновременно зашел на «Агору» и договаривался с тамошними друзьями, что мы замутим игру сразу, как только я смогу отделаться от своих «бодрячков» — так назывались наши знакомые за пределами хаденского мира. То есть я отбывал повинность с «бодрячками» и ждал, когда смогу вернуться в свой настоящий мир.

Наверное, я стал шимпанзе и хотел общаться только с шимпанзе.

Джозефина Росс:

Неправильно было бы думать о сообществе хаденов как об однородной группе только потому, что их поразила одна и та же болезнь. Фактически болезнь была единственным, что их

объединяло. В остальном хадены являются одним из самых разнородных сообществ, когда-либо существовавших в мире. Есть хадены богатые и бедные, образованные и невежественные, любого вероисповедания, цвета кожи, пола, сексуальной и политической принадлежности, возраста и предшествующего заболеванию состояния здоровья. По крайней мере, в Соединенных Штатах сообщество хаденов стало отражением общества в целом.

Вот почему в сообществе хаденов практически сразу же начались расколы, еще до того, как оно по-настоящему ощутило себя именно отдельным сообществом. И самый крупный раскол, сохранившийся и поныне, произошел между теми, кто бóльшую часть времени проводил в физическом мире с помощью транспортеров личности и ежедневного взаимодействия с родными и друзьями, не подверженными болезни, и теми, чья жизнь целиком проходила в том новом мире, который хадены только начали создавать посредством «Агоры», а также других виртуальных пространств и социальных групп, которые они сформировали.

Этот раскол был обусловлен, в частности, возрастными критериями, а также прочими факто-

рами, такими как, например, степень поддержки, которую кто-то мог оказать хадену в физическом мире, или особенности конкретной личности. Люди, по природе своей интровертные, чаще склонялись к тому, чтобы проводить бóльшую часть времени в виртуальном пространстве.

Конечно же, очень немногие хадены относили себя полностью либо к одному, либо к другому лагерю, но общее разделение существовало и оказало существенное влияние на то, как сообщество развивалось в дальнейшем.

Террелл Уэльс:

Следует учесть и то, что со временем физический мир просто начинает угнетать. Послушайте, в хаденском виртуальном пространстве у меня есть то, что я могу назвать домом, — это какая-то постоянная область памяти на сервере, которая принадлежит мне. И я могу создавать там все, что захочу.

Так что я построил себе дом из бревен на шести квадратных метрах виртуального Вермонтского леса[36]. Даже в то время, когда я только получил свое место на сервере, технология уже достигла

[36] Примечания: 36

Лес в штате Вермонт, имеющий дурную репутацию и даже названный, по аналогии с Бермудским треугольником, «Беннингтонским треугольником».

такого уровня, что можно было гулять среди деревьев, видеть подробно каждую мелочь, а также подключать данные всех остальных органов чувств. Ты мог устроить так, что в твоем мире каждый день распускалась молодая листва. Однажды я делал так примерно год. Рядом с моим домом течет ручей, ходят лисы и олени. Красота необыкновенная. И все это — мое. Может, оно и не настоящее и такого нет в физическом мире, но знаете что? Я сижу на своем крыльце, смотрю на лес вокруг и чувствую, что он вполне реальный. Я дома.

А потом приходится возвращаться обратно в физический мир. И там сразу же — распухшее бледное тело, не способное шевельнуться. Еда в него заходит по трубке, а через некоторое время по трубке же выходит. Это тело — мое тело, или, иначе говоря, я, — лежит в комнате, где полно медицинского оборудования и где стоит стул с зарядкой для трила. Я делю квартиру с тремя другими хаденами, и у нас еще есть комната для нашей сиделки. Это самая депрессивная в мире холостяцкая дыра. А потом я выхожу на улицу в своем триле и никогда полностью не забываю, что похож на элемент компьютерной графики из какого-нибудь старого научно-фантастического

фильма.

Так что скажите мне сами — где бы вы предпочли проводить время? В уютном бревенчатом домике посреди волшебного леса или в паршивой квартирке, набитой чуваками с трубками? По-моему, ответ очевиден.

Ирвинг Беннет:

Я собрал несколько историй о сообществе хаденов еще до того, как мы взяли на работу Танну Хью, тоже хадена, чтобы она могла вести репортажи, так сказать, изнутри. Поначалу, когда я только начинал писать о нем, для удобства читателей при описании хаденов я проводил параллель с сообществом глухих. Оно почти невидимо для посторонних, но внутри его присутствует очень сильное чувство идентичности, обусловленное тем общим, что есть у всех его членов, — глухотой.

Но внутри этого сообщества всегда были разногласия. Одни хотели учить детей языку жестов, другие — английскому. Одни ратовали за кохлеарные имплантаты, другие видели в этих приборах угрозу целостности сообщества. Одни не хотели замыкаться в узких рамках сообщества, другие считали, что глухим необходимо развивать свою собственную уникальную культуру.

Хаденское сообщество было во многом таким же — разумеется, со своими, только ему присущими отличиями. Но уже с самого начала было очевидно, что некоторые люди считали синдром клетки самым худшим, что случилось с ними в жизни, и отчаянно искали способ освободиться. Но появились и те, для кого полученная болезнь была самой большой удачей, ведь благодаря ей они внезапно обрели круг друзей и новые возможности, о которых раньше не приходилось и мечтать. Такие люди быстро предпочли виртуальный мир физическому и выходили в оффлайн только в случае крайней необходимости.

Состояние хадена они считали основой своей личности. И для них стало большим испытанием доказывать это другим людям — как в своем сообществе, так и вне его. Часто эта задача оказывалась непростой.

Лавана Деллинджер, пациент с синдромом Хаден:

Я встретила Майкла на «Агоре», на тусе для холостяков. Тогда еще казалось странным думать, что между хаденами возможны какие-то романтические отношения. Не только потому, что наши тела заперты болезнью, но и потому, что часто можно познакомиться с тем, кто находится где-то

за тысячу миль. А потом ты говоришь себе: разве это важно, что нас разделяет тысяча миль? Мы ведь все равно не собираемся гулять по улицам. Так что как-нибудь переживем.

Майкл мне сразу понравился. Он был такой забавный, умный, и мы оба обожали футбол, хотя я болела за «Джайантс», а он за «Райдерс». Я решила посмотреть на это сквозь пальцы, и мы начали встречаться. Примерно через год он сделал мне предложение, и я согласилась. Моя семья не слишком обрадовалась. Думаю, мама убедила себя, что я вроде как впала в кому (хотя я ходила к ней в триле каждый день) и Майкл просто воспользовался моей беспомощностью. Отец тогда серьезно поговорил с ней. У нас было две свадьбы. Одну мы сыграли в своих трилах в Первой баптистской церкви, вторую — на «Агоре», с друзьями-хаденами. После этого мы переехали в жилое крыло больницы Университета Джорджа Вашингтона.

Мы были женаты уже около года, когда однажды вечером неожиданно заговорили о том, каким хотели бы видеть наше будущее, и я сказала, что еще до болезни всерьез думала о детях, но теперь это невозможно, а Майкл меня сразу перебил — почему, дескать, невозможно. Я уже

хотела что-то ответить, но потом задумалась, да так и застыла с открытым ртом. Потому что с биологической точки зрения я вполне могла иметь детей. И у нас обоих не было ни одной причины, чтобы от них отказаться. Конечно, это было сопряжено с большими сложностями, ведь зачать ребенка традиционным способом мы бы не смогли из-за болезни. Но это не означало, что мы не могли иметь детей в принципе.

Поэтому мы пошли к нашему врачу и сказали, что хотим ребенка. Она посмотрела на нас так, будто мы на ее глазах превратились в пуделей. И после долгой паузы в конце концов выдавила, что нам надо все как следует обдумать. Тогда мы спросили — зачем? Мы взрослые, здравомыслящие люди, и мое тело вполне способно выносить ребенка, разве не так? Нам хотелось понять причины ее сомнений, но чем дольше мы разговаривали, тем более уклончивыми становились ее ответы и тем сильнее злилась я. Когда мы вышли из кабинета, мне хотелось или разреветься, или прикончить ее.

Но она стала лишь первой в списке. После этого мы разговаривали еще с пятью или шестью врачами в той же больнице, и никто из них не соглашался нам помочь. И не по медицинским

показаниям: несмотря на синдром клетки, в целом я была здорова и моя репродуктивная система работала прекрасно. Причина отказа заключалась в другом и была вполне очевидна. Как и то, что делать дальше.

Эванджелин Дэвис:

Дело «Деллинджер против больницы Университета Джорджа Вашингтона» стало для нас огромным шагом вперед. Оно напомнило всем, что хадены — это прежде всего люди с теми же правами и возможностями и что их нельзя просто так отбросить из-за каких-то предрассудков или необоснованных страхов перед возможной ответственностью.

Кроме того, важно отметить, что это дело предвосхитило многие другие дела, за которые мы потом брались. После нескольких судебных заседаний оно было обжаловано в Верховном суде, где все девять судей проголосовали в пользу истцов. Это стало серьезным прецедентом, на который можно было опираться. Мгновенно появилось огромное количество дел, связанных с хаденами.

А еще это было первое дело, по которому я выступала перед Верховным судом, поэтому я так хорошо все помню.

Лавана Деллинджер:

Мы назвали нашу первую дочь Эванджелин в знак благодарности.

Иметь детей-нехаденов для родителей-хаденов было настоящим испытанием. Очень трудно описать, насколько это странно — будучи в триле, держать крохотную дочурку возле своего настоящего тела, пока она сосет твою грудь. И даже выиграв суд, мы все равно постоянно ловили на себе косые взгляды, когда гуляли с Эвой в парке. Не раз и не два полиция просила нас доказать, что ребенок — наш. Иногда я держалась из последних сил, чтобы не стукнуть кого-нибудь.

От хаденов нам тоже доставалось: я получала сообщения о том, что, раз наши дети нехадены, мы не можем в полной мере быть преданы делу хаденов. А я им типа, простите, какому делу? Вы о чем? Послушайте, говорю, я, конечно, хочу вам помочь и все такое, но прямо сейчас мне нужно поменять подгузник. Моя дочь для меня важнее всех ваших «дел».

В конце концов люди о нас забыли, и очень хорошо. Теперь у нас две дочки и сын. Сын любит шутить, что у него две пары родителей, только одна из них нечасто выходит из дома. Ему эта шутка кажется смешной, хотя в ней мало забавного.

Мы действительно нормальная семья. А также наглядное подтверждение того, что даже в этом новом мире хаденов, или как вы его называете, люди просто пытаются жить своей жизнью. Так же как в любом другом мире, какой ни возьми.

Часть шестая
Двадцать пять лет

Моника Дэвис:

Ощущаю ли я, что прошло уже двадцать пять лет? Нет, и едва ли можно именно «ощущать» любые длинные отрезки времени, как бы долго они ни длились. Моя дочь родилась восемнадцать лет назад. Иногда я смотрю на нее, и мне кажется, что еще вчера она была младенцем. Прошлое имеет свойство сжиматься. Возможно, для того, чтобы можно было вычленить из него главное.

Но порой я вспоминаю, как же давно все это началось. В нынешнем году к нам пришла новая поросль терапевтов, и среди них одна девушка, которая заразилась синдромом Хаден еще в материнской утробе. Она большая умница, как и все эти молодые врачи, и она всю свою жизнь провела в триле. Как представлю, меня прямо дрожь пробирает, а ее, похоже, это совсем не заботит. Большинство ее коллег, которые вообще не помнят жизни до вируса, тоже считают это совершенно нормальным. Только глядя на них, ты действительно ощущаешь, что прошло два-

дцать пять лет.

Наташа Лоуренс:

Прошло уже двадцать пять лет, а у нас до сих пор нет эффективной вакцины, вот что по-настоящему меня беспокоит. И лекарства тоже нет. Единственное, чему мы научились, — это блокировать распространение эпидемии при очередной вспышке, а еще создали целый арсенал терапевтического оборудования, чтобы облегчить жизнь запертым. Мы не можем победить болезнь. Мы можем лишь сделать ее менее ужасной.

Да, для меня это выглядит как поражение. За прошедшие четверть века мы очень много узнали о мозге. Мы добились огромного прогресса в интегрировании этих мозговых протезов и создали целую индустрию вокруг обслуживания хаденов и облегчения их жизни. Но все равно каждый год сотни тысяч американцев заражаются новым штаммом вируса Хаден. Десятки тысяч умирают, десятки тысяч становятся запертыми.

Знаете, на что это похоже сейчас? На автомобильные аварии. Несмотря на то что машины снабжены системой автоматического управления, люди по-прежнему попадают в аварии, потому что на время отключают или вообще

отказываются от нее. Мы все еще теряем от десяти до двадцати тысяч людей в год в дорожных происшествиях, и никто не думает об этом как об эпидемии. Это просто высокая цена, которую мы платим за нашу работу, да и вообще за жизнь. Синдром Хаден тоже стал такой ценой. Хронической болезнью, охватившей всю нашу страну, как и всю планету.

Томас Стивенсон:

Насколько я понимаю — или, по крайней мере, мне так объяснили, — вирус синдрома Хаден очень быстро приспосабливается к новой среде и легко мутирует. От года к году и даже от сезона к сезону с ним происходит столько изменений, что мы просто не успеваем реагировать. Еще в самом начале я задавался вопросом, была ли скорость мутации, которую мы наблюдали в лаборатории, естественной, или же эти новые штаммы кто-то создавал намеренно и заражал ими людей. Мы действительно наблюдали его мутацию в лаборатории, только она шла не с той скоростью, с которой предположительно протекала в природе. Но наших данных, как часто бывает с этим вирусом, в конечном итоге оказалось недостаточно.

Элизабет Торрес:

У Маргарет Хаден был поздно диагностирован рак матки, а когда его обнаружили, метастазы уже проникли в печень, легкие и мозг. Я очень хорошо помню ее слова. Она сказала: «Лиз, это победа. Я прожила достаточно, чтобы умереть от совершенно другой болезни». И рассмеялась.

Сначала я подумала, что это ее способ зажечь свечу, вместо того чтобы проклинать темноту[37] — если вы знаете, о чем речь, — но потом поняла, что она имела в виду в тот вечер. Так она хотела напомнить всем, что болезнь, получившая ее имя и изменившая ее жизнь против ее воли, все-таки не подчинила ее. Маргарет прожила достаточно долго и умерла «нормальной» смертью. Может, для кого-то другого это не имело бы значения, но для нее значило очень много.

От синдрома клетки все же была одна маленькая польза. Ее транспортер личности позволил ей видеться с людьми до самого конца. Она никогда не скрывала того, что происходит с ее настоящим телом, но поскольку к тому времени все уже привыкли видеть ее в триле, она могла с его помощью попрощаться с теми, кто был важен для нее, и не беспокоить тех, кто этого не желал. Она никому

[37] Примечания: 37

«Лучше зажечь свечу, чем проклинать темноту». Изречение приписывается Конфуцию.

не хотела осложнять жизнь. И в этом была вся Марджи. Когда мы положили ее рядом с Беном, я точно знала, что для нее это счастливый финал.

Дуэйн Холмс:

В Вашингтоне никогда и ничего не забывают. Дэвид Абрамс тоже не забыл, как обошелся с ним президент Хаден, когда продвигал закон об исследовательской программе; и как только Хаден ушел из Белого дома, Абрамс тут же начал предпринимать попытки по сокращению его главного детища. То одно направление вдруг закроют, то другое. Обычная практика. Иногда он добивался, чтобы какой-нибудь проект перестали финансировать, иногда — нет. Твердое положение в округе позволяло ему чувствовать себя уверенно, поэтому можно было спокойно выжидать.

К тому времени, когда он переключился на сенат, он уже достаточно укрепил свое положение за счет сокращения программы. Он построил на этом свою избирательную кампанию и почти заручился поддержкой сената, но потом Бен Хаден умер, и на похоронах Марджи Хаден начала говорить о том, что закон об исследовательской программе — это «непреходящее наследие» ее мужа. Это сильно подкосило первую попытку Абрамса. И вдохновило его предпринять парочку

новых попыток, после чего он наконец добился значительной поддержки и в палате представителей, и в сенате, для того чтобы серьезно ограничить действие закона.

И в конце концов он таки добился своего. Закон Бена Хадена была заменен на «Вперед, к процветанию», какого бы хрена это ни значило. Теперь Дэйв Абрамс — народный герой: ну как же, он ведь снизил налоги, а это всегда беспроигрышный ход. Хаден тоже в свое время победил в первую очередь благодаря этому. Но я думаю, если застать Абрамса после двух-трех стаканчиков виски, правда непременно выплывет наружу. Он прекратил финансирование программы исследований только потому, что ненавидел президента Хадена всеми фибрами своей души, вот и все.

Ребекка Уорнер:

Закон об исследовательской программе нельзя было отменять, тем более так глупо. И программу бы не закрыли, если бы правительство разрешило нам свободно продавать трилы, а другим компаниям — их нейронные сети не только пациентам с синдромом Хаден. Нам всегда отвечали, что имплантированные нейронные сети слишком опасны для людей, чей мозг не подвергся изменениям под действием вируса,

а также что по политическим соображениям исследовательская программа может получать финансирование, только если трилы, нейронные сети и все остальное останется сугубо медицинским оборудованием.

Ну, я-то всегда считала это полной чушью и не стеснялась об этом говорить публично. Огромному числу самых разных людей трилы и нейронные сети могли бы реально помочь. Например, немощным старикам или тем, кого разбил паралич. Сколько раз восьмидесятилетние старики умоляли меня дать им трилы, потому что не хотели больше быть арестантами в домах престарелых. И я хотела дать им трилы! Но пока мы получали средства по исследовательской программе, мы были вынуждены соблюдать установленные правила. Деньги, которые ты получишь наверняка, греют больше, чем те, которые, может быть, получишь, а может, и нет. Все очень просто. Но в конечном итоге хаденов всего несколько миллионов. А пожилых людей в Штатах гораздо больше. Если бы можно было внести трилы в пакет их «Медикейда»[38], у нас бы в одночасье грянул новый экономический бум.

---

[38] Примечания: 38
Американская государственная программа медицинской помощи.

Закон Абрамса—Кеттеринг — худший из возможных способов перехода от государственного финансирования к частным предприятиям. У нас почти нет времени на подготовку. Наши клиенты оказались в затруднительном положении, потому что лишились средств из федерального бюджета. Клиентов, помимо хаденов, у нас нет, а стоимость разработок по созданию продукции для новых потенциальных клиентов попросту разорит нас. Я никогда не стыдилась называть себя консерватором и не была противницей отмены закона Бена Хадена. Но это следовало сделать более разумно. Нельзя обрушивать экономику только для того, чтобы заработать политические очки.

Следующие несколько лет будут тяжелыми. Что ж, поживем — увидим.

Хенг Чанг:

Для меня самым поразительным открытием последних двадцати пяти лет стало то, что нейронные сети не только дали хаденам возможность пользоваться компьютерами и транспортерами личности, заменяющими им тела, но и при определенных условиях позволили одному хадену перекрывать сознание другого в одном и том же мозге. Это выяснилось случайно и для большин-

ства пациентов с синдромом клетки не имело значения, так как их тела не могли двигаться. Но потом мы обнаружили, что у небольшого числа людей, которые поправились после второй стадии болезни, в мозгу произошли изменения, также позволявшие им делать это.

Вот так и появились интеграторы — люди, способные переносить других людей в своих головах. Здесь, в лаборатории, мы между собой называли это жутью. Было действительно жутко. Даже сейчас я с трудом себе представляю, что значит быть интегратором. То есть я понимаю, как это работает с технической точки зрения. Но почувствовать не могу.

Террелл Уэльс:

Это прозвучит странно от человека, большую частью своей жизни проводящего внутри робота, но я по-настоящему ощутил, что живу в будущем, только тогда, когда впервые использовал интегратора. Их очень мало, поэтому НИЗ устраивают лотерею, и, если выпадает твое имя, ты получаешь возможность провести с интегратором целый день. Мне повезло, я подсоединился и впервые за много лет оказался в настоящем, полностью работоспособном, живом человеческом теле.

Знаете, что я сделал прежде всего? Пошел в Международный дом блинов и сожрал столько блинов и сосисок, что моего интегратора чуть не стошнило. А потом выпил ледяной пепси-колы. И закурил.

Ну… Вряд ли стоит рассказывать, что я сделал после этого. Не вполне уверен, что это законно.

Но самое жуткое, что, пока я вовсю отрывался в интеграторском теле, он все это время был со мной. И я спросил себя, а что этот парень делает, пока люди используют его? Ему не скучно? Я уверен, что почти каждый хаден, которому повезло снова оказаться в настоящем человеческом теле, делает то же, что делал я, — ест, пьет и занимается сексом. Если не считать последнего, остальные занятия довольно однообразны. К тому же, если я почти довел его до тошноты, запихивая в него всю эту еду, сразу становится интересно, насколько часто с ним такое проделывают. Наверняка кто-то уже выходил за рамки дозволенного.

Хотя, конечно, очень глубоко я обо всем этом тогда не задумывался. Часики тикали, а мне столько всего хотелось успеть за сеанс. Но вы правы — из всего, что случилось после появления синдрома Хаден, только это заставило меня воскликнуть: «Ух ты, а мир-то и правда стал совсем другим!»

Крис Кларк:

Ну, сказать по правде, моя-то жизнь не изменилась ни на йоту. Мне еще целых пять лет ждать того дня, когда я смогу подать прошение о досрочном освобождении.

Ирвинг Беннет:

Когда я ушел из журналистики и стал преподавать, то использовал синдром Хаден в качестве примера того, что рано или поздно все становится частью повседневности. Когда вирус только появился, он был главной мировой новостью. Все о нем знали. Все так или иначе соприкоснулись с ним. Но потом он стал просто… еще одной составляющей жизни, тем, с чем мы сталкивались изо дня в день. Обычным делом. Едва ли не банальностью. Отрезок между сенсацией века и новостью, не стоящей внимания, оказался на удивление коротким.

Но потом я спрашиваю своих студентов, означает ли это, что надо перестать писать о синдроме клетки. И тут же говорю им, что те из них, для кого журналистика — истинное призвание, даже не задаются таким вопросом, потому что ответ на него очевиден. Писать об этом, безусловно, необходимо, причем каждый день. Цель нашей профессии не в том, чтобы искать сенсацию века.

Ее и без нас никто не пропустит. Мы должны в каждом обычном дне находить нечто такое, чтобы те, кто прочтет или прослушает вашу статью, были тронуты ею настолько сильно, что уже не смогли бы забыть о ней. Только тогда эта история станет частью их жизни. А может, даже их собственной историей.

Кто-то из студентов при этом смотрит на меня так, словно я стараюсь их обмануть. Многие откровенно скучают. Но в каждой аудитории обязательно находится один или двое, кто понимает, о чем я пытаюсь сказать. Именно ради них я работаю. Именно они, покинув университетские стены, выйдут в большой мир, посмотрят на хаденов или на кого-нибудь еще и поймут, что есть еще очень много историй, о которых надо рассказать.

И я с нетерпением буду ждать эти истории.

Напролом
Роман

Эта книга с огромной благодарностью посвящается сотрудникам издательства «Tor Books», которые работали над ней, как рок-звезды, хотя рукопись поступила к ним едва ли не в последний момент перед публикацией.

Спасибо вам, ребята. Вы сотворили настоящее чудо, и я вас обожаю. Пожалуйста, не злитесь на меня.

А издательским коллективам, которые выпускают мои книги по всему миру, хочу сказать: именно благодаря вам мои тексты находят своих читателей. Спасибо за все то, что вы делаете для меня.

Смерть Дуэйна Чэпмена

Так и не завоевавший никаких титулов, профессиональный игрок в хилкету пытался произвести впечатление в своей последней игре. А потом сделал нечто совсем неожиданное – умер.

Кэри Уайз, специально для «Хилкета ньюс»

К тому времени, когда Дуэйн Чэпмен умер на хилкетном поле, он успел лишиться головы дважды.

Третий раз был перебором даже для хилкеты, хотя цель этой игры и заключалась в том, чтобы оторвать голову выбранному сопернику, а потом пронести или забросить ее через несколько разных ворот, расставленных на поле. Компьютер, управляемый спецперсоналом из операторской, наскоро оборудованной в одной из ВИП-лож стадиона специально для этого товарищеского матча между «Бостон бэйз» и «Торонто сноубёрдз», должен был случайным образом выбрать из команды защиты одного игрока на роль «козла отпущения» в текущей игре, то есть того,

чью голову надлежало заполучить атакующей команде, в то время как его собственная команда препятствовала бы этому всеми доступными им средствами. Притом что с каждой стороны на поле выходило по одиннадцать участников, шанс получить эту роль одному игроку дважды, а тем более трижды за матч был практически нулевой.

Но случайность есть случайность. Иногда по воле колеса электронной рулетки игрок все же может быть выбран «козлом отпущения» три раза за один матч. Когда позже проверили игровой компьютер, выяснилось, что результаты никто не подтасовывал. Чэпмена он выбрал и в первый, и во второй, и в третий раз совершенно случайно.

И неплохо выбрал, надо признать. Чэпмен не был для «Бостон бэйз» ни ключевым игроком — эта честь принадлежала Ким Силве, только что подписавшей с руководством Северо-Восточного дивизиона пятилетний контракт на восемьдесят три миллиона долларов, — ни признанным мастером обороны, как Уэсли Гриффит, который славился тем, что в критических ситуациях заставлял неповоротливые танковые трилы двигаться с легкостью «скаутов».

Зато Чэпмен, возможно, был лучшим универ-

сальным игроком для «Бэйз», эдакой рабочей лошадкой. Он мог играть на всех позициях и во всех игровых трилах, хотя так нигде и не добился больших высот. «Его можно было поставить на любое место, дать любой трил, и он делал все как надо, — сказал на вечерней послематчевой пресс-конференции директор „Бостон бэйз“ Дэвид Пена. — Именно о таких парнях обычно говорят „командный игрок“».

Кроме того, за свои три сезона в Североамериканской хилкетной лиге Чэпмен заслужил репутацию весьма увертливого «козла отпущения»; он умудрялся убегать от погони все четыре минуты так называемого «капо», отрезка времени, отведенного атакующей команде на то, чтобы получить очки за его оторванную голову. Такое поведение могло бы раздражать зрителей, которые пришли поглазеть на кровь — пусть даже фальшивую, но все равно кровь, — но Пена, как любой другой ушлый директор на его месте, использовал талант Чэпмена для того, чтобы поставить соперника в тупик, тем самым вынудив его совершать роковые ошибки.

На том матче это проявилось в четвертом розыгрыше первой сорокапятиминутки, когда компьютер в первый раз выбрал Чэпмена «коз-

лом отпущения». Встреча началась с мощной атаки звезды «Бэйз» Ким Силвы, когда она на первой же минуте заполучила голову Тоби Уорнера, «козла» «Сноубёрдз», потом как молния влетела на территорию соперника и пронесла трофей через внешние ворота всего за тридцать семь секунд из четырех минут, отведенных на коду, заработав десять очков для своей команды.

«Сноубёрдз» ответили тоже сильно, обезглавив Джерарда Маттиса из «Бэйз» за две минуты, но потом им пришлось долго пробиваться через защиту, и в результате лишь на третьей минуте и сорок седьмой секунде коды они смогли забросить гол во внутренние ворота, за что получили шесть очков. Зато они отыгрались в следующем розыгрыше, когда не дали «Бэйз» оторвать голову Нэт Гусман, но для выхода вперед им по-прежнему не хватало пяти очков.

Когда в четвертом розыгрыше «козлом» был выбран Чэпмен, они на пару с Пеной не дали им такой возможности. Вместо того чтобы просто поставить Чэмпена в центре поля лицом к воротам команды, Пена устроил из своих игроков нечто вроде полосы препятствий для «Торонто», через которую им пришлось пробиваться к своей жертве. Как большой любитель истории, он лю-

бил называть это «битвой при Азеркуре».

Сначала Лори Хэмптон и Уида Кимбро метким выстрелами из арбалетов обезвредили Консепьсона Рэйбёрна и Элроя Джила, лучших торонтовских «охотников за головами», а потом их товарищи по команде сошлись с соперниками врукопашную, позволяя Чэпмену в главном триле с легкостью уйти от Брендона Суареса и Септембер Виджил, которые управляли «танками». К тому времени, когда Суаресу все-таки удалось снести Чэпмену голову, период «капо» почти закончился и Чэпмен одержал свою маленькую победу.

Во второй сорокапятиминутке Чэпмен снова стал «козлом отпущения», уже в первом розыгрыше, только на этот раз ему повезло гораздо меньше. Рэйбёрн, который, как он сам позже признался, был очень зол из-за того, что стал жертвой арбалетной стрелы, схватил меч вместо своего любимого молота, прошмыгнул мимо «танка» Джалисы Асеведо и «воина»[39] Доннелла Месы, бросился на Чэпмена и отрубил ему голову всего через каких-то двадцать секунд после начала «капо». Сорок секунд спустя он отважился атако-

[39] Примечания: 39

«Танки», «скауты», «воины» — модели игровых трилов, созданные специально для выполнения разных задач.

вать верхние ворота, голова Чэпмена пролетела сквозь кольцо, после чего «Сноубёрдз» заработали максимально возможные восемнадцать очков и уверенно вышли вперед.

В интервью после игры Рэйбёрн заявил журналистам, что Чэпмен прямо-таки вопил от боли, когда ему отрубали голову.

— Я никак не отреагировал, — сказал он. — Думал, он просто пытается сбить меня с толку, ведь мы все так делаем. И в любом случае «козлу отпущения» должно быть больно. Именно поэтому мы не отключаем чувствительность.

На этом нужно остановиться особо. Правила Североамериканской хилкетной лиги обязывают всех игроков оставлять в трилах определенный уровень болевой чувствительности — по крайней мере пять процентов от стандартной восприимчивости, и большинство хилкетистов настраивают свои игровые модели на диапазон от пяти до десяти процентов. Объясняется такое требование тем, что боль, пусть и ничтожно малая, привязывает игроков к реальности и напоминает им о том, что их трилы очень даже уязвимы для физического воздействия, а ремонт и обслуживание стоят недешево.

Когда после розыгрыша голову Чэпмена снова

приделали к его трилу, он сразу подошел к Пене и пожаловался на аномальную боль. Директор отправил его к Ройсу Зигелю, главному специалисту «Бэйз» по технической поддержке на поле.

— Он сказал, что чувствовал боль сильнее обычного, — сообщил Зигель на послематчевой пресс-конференции. — Я провел диагностику трила, но никаких неполадок не обнаружил.

Зигель связался с Альтоном Ортицем, работником патронажной службы, который наблюдал за телом Чэпмена в Филадельфии. (В отличие от большинства товарищей по команде, Чэпмен не возил свое тело на матчи из-за аутоиммунных проблем. Он управлял трилом удаленно с помощью выделенных линий, чтобы минимизировать лаги.) Ортиц также не нашел никаких проблем. В следующем розыгрыше Чэпмен вернулся на поле, на этот раз команда играла в нападении.

Когда Пену спросили, почему нельзя было заменить Чэпмена после жалоб на растущую боль, тот просто ответил: «Дуэйн не просил».

Почему он не попросил? Есть несколько возможных причин. Во-первых, как и многим крепким спортсменам без особых регалий, ему полагались бонусы по результатам игры в дополнение к стандартной сумме контракта. Хотя

это был товарищеский матч и его итоги не шли в зачет сезона, но они шли в его личный зачет. Иными словами, он просто хотел больше заработать.

Вторая причина заключалась в том, почему «Бэйз» и «Сноубёрдз» в принципе играли в столице. СХЛ планировала создать новые команды в Вашингтоне, а также в Филадельфии, Остине и Канзас-Сити и уже к концу сезона полностью укомплектовать их. Для такого игрока, как Чэпмен, этот матч мог стать пропуском на роль ключевой фигуры в одной из новых команд. Ведь там собралось все руководство лиги, а также несколько потенциальных владельцев новых франшиз, инвесторов, включая любимца Вашингтона Маркуса Шейна, а еще возможные тренеры и директора будущих команд. Чэпмен просто мог решить, что оставаться на поле — это лучший способ привлечь их внимание и заслужить место в списке.

Наконец, есть третья причина. Как сказала после матча Ким Силва: «Ты играешь, превозмогая боль. Всегда».

Конечно, это девиз для любого спортсмена в любом виде спорта. Но для хилкетистов он особенно актуален. Они знают, что одновременно и пре-

восходят обычных спортсменов, и уступают им. Кроме того, они хадены, а значит, принадлежат к той небольшой части граждан, чьи тела полностью обездвижены, в то время как их сознание свободно перемещается по миру как в сетевом пространстве «Агоры», так и в материальном мире, где им на помощь приходят их трилы.

Именно из-за трилов, то есть попросту роботов, чьи тела по большому счету устроены эффективнее человеческих, многие, в том числе профессиональные спортсмены-нехадены, заявили, что хилкетисты вообще никакие не спортсмены, а что-то вроде геймеров, которым просто сделали громкую рекламу.

Это, естественно, раздражает самих игроков, болельщиков и многих хаденов. В самом деле, если, например, пилотов «Формулы-1» считают спортсменами, то чем хуже хилкетисты? Спросите любого из них, и он вам скажет, сколько сил отнимает этот спорт. Пусть их тела неподвижны, но усилия, необходимые для того, чтобы управлять трилом в течение полутора часов за игру (не говоря уже о тренировках и прочей сопутствующей работе), требуют физических и умственных затрат. Это тяжелый, изнурительный труд. Они чувствуют усталость, ломоту в мышцах. А когда

сильные удары следуют один за другим, они чувствуют боль. Настоящую боль, как любой спортсмен.

Но они знают, как много людей не поверит, что это боль настоящая. Поэтому они терпят ее, терпят даже больше, чем это нужно, больше, чем, возможно, смогли бы вытерпеть спортсмены-нехадены, — только чтобы доказать свою правоту.

По одной из этих причин, а может, и по всем сразу Чэпмен вернулся на поле.

Опытные зрители сразу заметили, что с ним что-то не так. Комментатор ESPN Рошель Уэбб обратила внимание на то, что в новом раунде, где «Бэйз» были атакующей командой, Чэпмен то и дело отстает. «Чэпмен постоянно держится в хвосте, что совершенно для него несвойственно», — сказала она. Репортер из «Вашингтон пост» Дэйв Миллер заметил в прямой трансляции с сайта издания, что Чэпмен выбрал оружием арбалет. «Он выбирал арбалет всего три или четыре раза за всю карьеру, — съязвил он, — возможно, потому, что не способен попасть даже в стену сарая». Миллер был прав. Чэпмен выстрелил в Соню Спаркс, и стрела полетела чуть ли не в другую сторону.

Если бы матч проходил ровно, то отстраненность Чэпмена, возможно, стала бы главным событием вечера или, по крайней мере, достаточным поводом для Пены все-таки убрать его с поля, но примерно в то же время, когда Чэпмен решил отдохнуть в сторонке, Силва в очередной раз показала, за что «Бэйз» платят ей баснословные деньги, и в следующих двух атакующих розыгрышах принесла команде двадцать очков и вдобавок в одиночку не позволила Элрою Джилу атаковать верхние ворота.

Во время ее блестящих пробежек на Чэпмена почти никто не смотрел, а если и смотрели, то комментировали его поведение вскользь, потому что все внимание было приковано к Силве.

А потом Чэпмен стал «козлом отпущения» в третий раз.

Поначалу казалось, что он проделывает все обычные для такой ситуации трюки: уворачивается, петляет, отпрыгивает, бегает по полю, чтобы потянуть время.

Первым это понял Дэйв Миллер:

— Чэпмен просит тайм-аут? Но в хилкете нет тайм-аутов.

— Чэпмен протягивает руки к Рэйбёрну, — прокомментировал Уэбб в эфире ESPN, когда звезда

«Торонто» пошел в лобовую атаку. — Он словно пытается сказать: «Не бей меня».

Рэйбёрн бить не стал. Чэпмен высвободился из его хватки и столкнулся с Септембер Виджил, одним из торонтовских «танков».

Она обхватила его одной массивной рукой и притянула к себе.

Потом наклонилась и второй рукой оторвала ему голову.

— Я же не знала, — сказала Виджил после игры, и все, кто не верит в то, что трилы могут передавать эмоции, просто не видели ее уже в личном снаряжении, когда она сидела перед журналистами в абсолютном шоке. — Дуэйн закричал, когда я дернула его голову, но ведь мы все кричим, когда это происходит. Так положено. Нужно смутить противника, выбить его из колеи. Я думала, он просто хочет отвлечь меня.

Отвлечь не получилось. Она бросила голову Рэйбёрну, а тот пронес ее до ворот, заработав восемь очков для команды.

К тому времени Зигель уже точно знал, что с Чэпменом происходит что-то нехорошее.

— Мне позвонил Альтон, опекун Дуэйна, — рассказал он журналистам, — и сообщил, что его пульс и мозговая активность просто зашкалива-

ют. Я вывел его параметры на сетевые очки и сам в этом убедился. Альтон кричал на меня и требовал, чтобы я немедленно отсоединил Дуэйна от трила. Он был уверен, что дело в проводке или еще в чем-то. Но с трилом все было в порядке. Во всяком случае, диагностика ничего не выявила.

Однако Зигель все-таки отключил питание трила.

С точки зрения зрителей и остальных игроков, в этом не было ничего особенного. Игроки и раньше отсоединялись от своих трилов в случае проблем со связью или серьезных поломок. Во время перерыва на поле выехала тележка и отбуксировала обезглавленный трил под жидкие аплодисменты трибун. На оставшиеся минуты игры Пена выставил на замену Уоррена Мейера. И ничто не говорило о том, что в ста сорока милях от стадиона Дуэйн Чэпмен борется за свою жизнь.

Этот бой он проиграл — еще до того, как встреча закончилась со счетом 58: 41 в пользу «Бэйз». Пена узнал от Альтона Ортица на последних секундах игры.

Обычно после матча игроки сразу направляются в пресс-зону, задержавшись только для того, чтобы переключиться на личные трилы. В этот

раз все было по-другому. Игроков обеих команд, прямо в игровом снаряжении, собрали в раздевалках, где Пена и директор «Сноубёрдз» тихо объявили им о смерти Чэпмена.

Почти никто из игроков не захотел остаться на послематчевую пресс-конференцию; все в полной растерянности отправились по домам. Только Пена, Зигель, Силва, Рэйбёрн и Виджил встретились с журналистами, которые уже получили новости из своих источников.

— Мы пока не знаем, что именно случилось, — ответил Пена, когда его спросили, от чего умер Чэпмен.

Еще он сказал, что потребуется много дней или даже недель, чтобы выяснить причину столь внезапной смерти абсолютно здорового, если не считать синдрома Хаден, спортсмена. К расследованию будут подключены вашингтонская полиция, фэбээровский отдел по делам хаденов и сама лига.

Когда прозвучал вопрос о том, в какой степени смерть Чэпмена повлияет на лигу, он посмотрел на репортера как на насекомое и процедил:

— Да мне вообще по фиг.

Это был неожиданно грубый ответ на вполне обычный вопрос. Товарищеский матч между

«Бэйз» и «Сноубёрдз» задумывался как презентация самого быстроразвивающегося спорта Северной Америки, а также грандиозных планов по созданию уже к концу года четырех новых команд, открытых для инвестирования. Были приглашены представители из Китая, России и Германии, уже готовых к основанию одной или нескольких международных лиг в Европе и Азии. Матч с участием главной звезды Ким Силвы, который должен был стать триумфом СХЛ и мощной приманкой для щедрых вложений, омрачился первым случаем смерти игрока на поле.

А Чэпмен, этот крепкий, хоть и не титулованный спортсмен, мечтавший, что его звезда наконец взойдет, все-таки вписал свое имя в историю хилкеты, пусть и таким трагическим способом.

— В это просто невозможно поверить, — сказал заметно взволнованный Пена ближе к концу пресс-конференции. — Но это так похоже на Дуэйна. Он отдал игре и лиге всего себя. И так и не захотел уйти с поля.

Да, он не ушел с поля. До самой смерти.

Глава 1

Я едва не пропустил момент, когда умер Дуэйн Чэпмен.

Тогда я еще ничего не знал. Знал только, что опаздываю на «специальный товарищеский матч», куда должен был пойти вместе с мамой и папой. Североамериканская хилкетная лига ну очень сильно хотела заполучить моего отца в миноритарные акционеры новой вашингтонской команды и надеялась угодить ему приглашением в одну из ВИП-лож стадиона.

Лично я в этом сильно сомневался — как бывшей звезде НБА и нынешнему миллиардеру в сфере недвижимости моему отцу было не привыкать к шикарным ложам, и он не видел в них ровным счетом ничего особенного. А вот мои соседи по дому — все как один хилкетные фанаты, — узнав о том, что я пойду на игру, аж позеленели от зависти. И это никакая не метафора. Близнецы Джастин и Джастина перестроили светодиоды своего трила так, что они вспыхивали зеленым цветом каждый раз, когда я проходил мимо. Как по мне, так это было уже чересчур.

Из дома я вышел вовремя и успел бы к началу,

но у общественного транспорта оказались свои планы. Первую половину матча я провел в метро, окруженный пассажирами, которые излучали нарастающее волнение.

«Где ты?» — написала мне мама, когда игра уже началась.

«Застрял в метро, — ответил я. — Поезд остановился четверть часа назад. Теперь мы все смотрим друг на друга и решаем, кого съесть первым».

«Тогда ты в безопасности», — ответила она.

«Не будь так уверена, — отпарировал я. — Кое-кто уже поглядывает на мой трил, не иначе как хотят добраться до батареи».

«Ну, если выживешь, поторопись, — написала мама. — Вокруг твоего отца роятся немецкие бизнесмены, а меня одолевают рекламщики. Неужели ты пропустишь такое зрелище?»

«Я слышал, там рядом еще во что-то играют», — отправил я.

«Интересно во что?» — ответила она.

В конце концов поезд решил снова тронуться, и спустя десять минут я уже входил на стадион вместе с другими жертвами приостановки метрополитена, спешащими увидеть вторую сорокапятиминутку игры. Одни были в бело-

голубых цветах «Бостон бэйз», другие, как и их любимые «Торонто сноубёрдз», — в лилово-серых. Остальные облачились в багряно-золотистые оттенки «Вашингтон редхокс» — почему бы и нет, если ты в Вашингтоне?

— Я вам помогу! — помахала мне рукой дежурная у ворот.

Работы у нее было немного, потому что большинство зрителей уже сидели на трибунах. Я загрузил код своего билета на нагрудный монитор, чтобы девушка могла его просканировать.

— ВИП-ложа, прекрасно, — сообщила она. — Знаете, куда идти?

— Я уже бывал здесь раньше, — кивнул я.

Дежурная уже хотела что-то сказать, как вдруг сзади нас раздался шум. Я обернулся и увидел маленькую кучку протестующих с плакатами. «ДОЛОЙ ДИСКРИМИНАЦИЮ В ХИЛКЕТЕ!» — было написано на одном. «МЫ ТОЖЕ ХОТИМ ИГРАТЬ!» — возвещал другой. «ДАЖЕ БАСКИ НЕ ЛЮБЯТ ХИЛКЕТУ», — гласил третий. Охрана стадиона тут же начала оттеснять демонстрантов к выходу, что тем, разумеется, очень не понравилось.

— Я один плакат вообще не поняла, — сказала мне дежурная, когда их вытолкали за ворота.

— Какой именно? — уточнил я.

— Да про «баски» эти, — ответила она. — С остальными-то все понятно. В хилкету ведь играют только хадены, а им, — она махнула рукой в сторону протестующих, ни один из которых явно не был хаденом, — обидно. А вот третий о чем, не пойму.

— Слово «хилкета» пришло из баскского языка, — пояснил я. — И переводится как «убийство». Некоторым баскам не нравится, что этим словом назвали игру. Они считают, что их выставили в дурном свете.

— Почему?

— Не знаю. Я не баск, — сообщил я.

— В любом языке есть слово, означающее «убийство», — указала дежурная.

Я кивнул и посмотрел на отступающих демонстрантов. Заметив меня, они стали скандировать с удвоенной страстью. Наверное, посчитали, раз я хаден, то вся вина за их недовольство лежит на мне. Те из них, что были в сетевых очках, буравили меня взглядами, а значит, либо закачивали мое изображение, либо искали в сети информацию обо мне.

Ну а я был в новом триле, к тому же вне работы доступ к моей личной информации закрыт,

поэтому я мысленно пожелал им удачи. Потом поблагодарил дежурную и пошел на стадион.

Ложа с закусками и настоящим баром могла вместить несколько десятков человек. Это был практически конференц-зал отеля с видом на спортивное поле.

Я огляделся по сторонам в поисках родителей. Первым я увидел папу, что было вовсе не удивительно. Как бывший игрок НБА, он возвышался почти над всеми, где бы ни находился. К тому же Маркус Шейн был одним из самых знаменитых людей на планете, и его всегда окружала толпа.

Вот и сейчас поклонники выстроились вокруг него в два плотных кольца, держа в руках бокалы и глядя на него снизу вверх, пока он рассказывал одну историю за другой. Иными словами, папа находился в своей привычной обстановке.

При виде меня он помахал мне рукой, но к себе не позвал. Я знал, что это значит. Папа работал. Несколько окружавших его человек заинтересовались, кому это он машет, но, увидев какой-то незнакомый трил, тут же снова повернулись к папе. Меня это вполне устраивало.

— О, как кстати. Вот, возьмите, — сказал кто-то и ткнул в меня бокалом.

Я повернул голову и увидел солидного мужчи-

ну в костюме.

— Простите?

— Я допил, — сообщил он мне, помахав бокалом.

— Поздравляю.

Мужчина вгляделся в мой трил.

— Вы же официант, так? — спросил он.

— Не совсем, — признался я и подумал, не высветить ли на дисплее значок ФБР, а потом с удовольствием понаблюдать, как этот тип растеряется.

Но пока я раздумывал, появился какой-то человек в белой рубашке и фартуке.

— Позвольте, я заберу, — сказал он и взял бокал у типа в костюме.

— И принесите еще один, — проворчал тот. — Виски с колой. — С этими словами он пошел обратно к отцу.

— Простите, — сказал официант.

— Вы тут ни при чем, — ответил я, оглядывая ложу. — Надо же, как интересно.

— Что именно?

— Здесь полно нехаденов, которые пришли посмотреть, как играют хадены, и первое, что этот чувак делает, когда видит трил, — это протягивает ему свой пустой бокал, — кивнул я на

бокал, который официант держал в руке.

— Мне надо принести ему другой, — сказал тот.

— Ну да. Только постарайтесь удержаться и не плюнуть туда.

Официант хмыкнул и удалился.

Я приблизился к стеклянной стене, отделявшей ВИП-ложу от ее собственного балкона, и прошел туда через дверь. Меня тут же окатило ревом трибун. Если размер толпы мог служить каким-то индикатором, то лига явно не ошиблась с решением прийти в Вашингтон. Все трибуны были забиты под завязку.

— Я так и не понимаю, в чем суть игры, — сказал стоящий рядом со мной мужчина своему собеседнику.

— Все просто, — ответил тот и показал на бегущего по полю трила, чью голову окружали мелькающие красные огоньки. — Этот трил — «козел отпущения». Игрок, у которого в команде соперника надо оторвать голову. И пока они пытаются, его собственная команда делает все, чтобы им помешать.

— А когда оторвут, то попытаются забить ее в ворота?

— Верно. Забить, забросить или пронести в

руках.

— И у них у всех есть мечи, молоты, биты…

— Да, просто для забавы.

Его визави замолчал, переваривая полученную информацию.

— А почему «козел отпущения»? — наконец спросил он.

Второй мужчина пустился в пространные объяснения, но я уже не стал слушать и вернулся в ложу, чтобы найти маму.

Она сидела на месте, обращенном к игровому полю, с бокалом в руке, и напряженно улыбалась какому-то молодому хлыщу, который с неумеренным пылом что-то без умолку тараторил. Я узнал эту ее улыбку — обычно мама так улыбалась, когда хотела кого-то придушить. Нужно было срочно спасать ее от чересчур увлеченного юноши, а юношу — от нее, поэтому я торопливо направился к ним.

— Крис, ну наконец-то, — объявила мама, когда я подошел.

Я нагнулся и получил звонкий поцелуй в щечку. Она повернулась к своему соседу:

— Это Марвин Стивенс. Он работает в рекламном отделе лиги.

Парень встал и протянул мне руку, которую я

вежливо пожал.

— Как же я счастлив с вами познакомиться, Крис, — воскликнул он. — Я ваш фанат.

— Не знал, что у агентов ФБР бывают фанаты.

— О, это вовсе не из-за вашей работы! — поспешил заверить меня Стивенс и тут же явно испугался своей бестактности. — То есть я совсем не хотел сказать, что работа в ФБР плоха.

— Спасибо, — сухо поблагодарил я.

— Я имел в виду, когда вы были моложе.

— Ну да, и был знаменит тем, что был знаменит.

— Я совсем не это хотел сказать, — снова испугался Стивенс, — Просто… вы же были символом для всех хаденов.

Можно было, конечно, еще поиздеваться над этим Стивенсом и понаблюдать, сколько раз мне удастся вызвать выражение страха на его лице, но я сомневался, что все это доставит мне удовольствие.

К тому же он ведь сказал правду. В детстве я действительно был символом для всех хаденов, ребенком с плаката для огромного числа людей, запертых болезнью в собственных телах и использующих машины и нейронные сети для того, чтобы жить в этом мире, как делал я сам и

продолжаю делать до сих пор. Быть ребенком с плаката было неплохим занятием, но до поры до времени. Вот почему я перестал им быть и пошел работать в ФБР.

Я бы мог объяснить все это Стивенсу, который смотрел на меня с растущей тревогой, догадываясь, что сболтнул лишнего. Он ведь только пытался польстить мне, как и тысячи других людей, которые без всякого злого умысла невольно напоминали, что я теперь отношусь к категории бывших знаменитостей, и лишь потом понимали, что такой жизни я себе не желал.

Но разговор на подобные темы отнял бы слишком много времени и совсем не подходил для спортивных состязаний.

— Да, был, — ответил я. — Спасибо, что об этом упомянули.

Стивенс заметно расслабился и снова сел на свое место.

— Марвин как раз объяснял мне смысл хилкеты, — сообщила мне мама и махнула рукой в сторону поля, где игроки «Бэйз» и «Сноубёрдз» бегали друг за другом с оружием рукопашного боя. — Во всех подробностях.

— Это потрясающая игра! — воскликнул Стивенс. — Вам она нравится?

Я пожал плечами.

— Крис в детстве больше увлекался компьютерными играми, — сообщила мама.

— Но хилкета ведь, по сути, тоже компьютерная игра. Более того, Североамериканская хилкетная лига спонсирует несколько виртуальных лиг, чтобы помочь тренировать наших спортсменов и находить новые таланты. Как среди хаденов, так и среди нехаденов.

— Я сейчас столкнулся с несколькими нехаденами, протестующими за воротами стадиона, — заметил я. — Похоже, им не кажется, что они хорошо представлены в вашей лиге.

— Ну, причина в уровне квалификации, — признал Стивенс. — Нехадены пока отстают от управляемых трилов. Время реакции разное.

— Неужели, — сказал я.

— Во всяком случае, такова официальная точка зрения, — снова заволновался Стивенс, запоздало понимая, что́ сказал и как; мне даже стало любопытно, как долго он на своей работе. — На самом деле это действительно причина, а не просто отговорка для отказа. СХЛ открыта для всех подготовленных спортсменов — не только для хаденов.

— Приятно слышать.

— Управлять трилом очень непросто. Видите ли… — он сделал жест рукой в мою сторону, а вернее, в сторону моего трила. — Передвижение в транспортере личности без нейронной сети — тяжелая задача, требующая навыков и внимания. — Стивенс указал на поле, где под восторженный рев толпы «танк» из Торонто кулаками вышибал механический дух из игрока «Бэйз». — Когда я только начал работать в лиге, меня поместили в виртуальную реальность и заставили управлять трилом-«танком», чтобы я смог понять, что чувствуют игроки.

— Ну и как, получилось? — спросил я.

— Я врезался в стену, — признался Стивенс. — Несколько раз. У меня так ничего и не получилось. Поэтому я понимаю, что среди профессиональных игроков пока нет нехаденов. Это единственное место, где хадены имеют преимущество перед всеми нами. — В его глазах в очередной раз мелькнул испуг. — Ну, то есть не единственное, конечно…

При этих словах мама взглянула на меня, а потом передала свой бокал с кусочками льда Стивенсу.

— Будьте так любезны, подлейте мне еще, — попросила она.

Стивенс так торопился схватить бокал, чтобы поскорее уйти и освободиться из неловкой ситуации, что едва не упал.

— Кажется таким милым, — сказал я, глядя, как он припустил к барной стойке.

— Бестолковый, — ответила мама. — Уверена, его приставили ко мне, потому что он единственный чиновник в лиге, кого они могли без ущерба для себя закрепить за человеком, из которого хотят вытянуть деньги. — она мотнула головой на папу, окруженного кольцом поклонников. — Наверняка сочли его относительно безобидным.

— А они знают, кто ты? — спросил я.

— Знают, что я жена Маркуса. — Другой бы на ее месте пожал бы плечами, но мама лишь изящно махнула рукой. — Если они пропустили все остальное, это их проблема.

Моя мама, то есть Жаклин Оксфорд Шейн, входила в совет директоров «Шейн энтерпрайзис», являлась исполнительным вице-президентом Национальной ассоциации семей с хаденами, неутомимым организатором публичных пожертвований и отпрыском одной из старейших и обладающих огромным политическим влиянием виргинских семей. До того как познакомиться с папой и выйти за него замуж, она встречалась с

нынешним вице-президентом. По слухам, он до сих пор жалел, что тогда отпустил ее. О чем я уж точно не жалел. Меня бы здесь не было, останься она с ним.

— И как он, держится? — кивнул я в сторону папы.

— Все хорошо, — сказала она. — Он выполняет свою работу.

— Его богатый опыт участия в товарищеских матчах очевидно востребован международным бизнес-сообществом.

— Думаешь, нас пригласили сюда, потому что лига таким образом надеется произвести впечатление на твоего отца? — заметила мама и махнула рукой в сторону бизнесменов. — На самом деле нас пригласили, чтобы его присутствие произвело впечатление на них.

— Значит ли это, что папа собирается вложить капитал в новую команду?

Мама снова повела рукой в своей фирменной манере.

— Сейчас мы ведем подсчеты, — сказала она.

— И каковы результаты?

Ответа я не услышал, потому что к нам подошли два каких-то джентльмена, вежливо поклонились, а потом один из них заговорил по-японски.

— Мистер Фукуяма просит прощения за то, что прервал ваш разговор, — сказал второй, очевидно переводчик, — и хочет узнать, являетесь ли вы участником хилкетного матча.

Я уже понял, что сказал мистер Фукуяма, потому что мой встроенный переводчик выдал перевод, как только распознал, что ко мне обращаются не по-английски. Прежде чем ответить, я встал и слегка поклонился:

— Пожалуйста, сообщите мистеру Фукуяме, что я, к сожалению, не играю в хилкету.

— Этот робот — не игрок, — сказал переводчик японцу.

— Проклятье! — возмутился Фукуяма. — Мне обещали, что я непременно встречусь с игроками в эту поездку. Почему я должен вкладываться в Азиатскую хилкетную лигу, если мне даже не показывают товар лицом?

— Сэр, возможно, вы встретитесь с кем-нибудь из игроков после матча, — предположил переводчик.

— Хорошо бы, — сказал Фукуяма и кивнул на меня. — А у этого робота все же возьмите автограф. Я обещал внуку, что кто-нибудь из игроков для него распишется.

— Но он же не игрок, — сказал переводчик.

— Мой внук не поймет разницы.

Переводчик выудил из кармана пиджака ручку и маленький блокнот.

— Будьте любезны, автограф, — сказал он мне по-английски.

— Конечно, — ответил я, взял ручку и поставил подпись на страничке блокнота, а внизу приписал на английском: «Я не хилкетист»; потом закрыл блокнот и вернул вместе с ручкой переводчику, после чего они с Фукуямой поклонились и ушли.

— Да ты знаменитость, — поддела меня мама.

— Когда я только зашел в ложу, меня приняли за обслугу и пытались всучить пустой бокал, так что это уже рост по общественной лестнице.

— Кто принял?

— Вон тот. — я указал на типа в костюме, стоящего во внешнем кольце папиного окружения.

— Ах он, — сказала мама. — Я разговаривала с ним. Мелкий льстивый засранец.

— До того как нас прервали, мы говорили о результатах подсчетов, — напомнил я, чтобы сменить тему. — Ты как раз хотела их озвучить.

— Они весьма сомнительные.

— Даже так?

— СХЛ любит называть хилкету самым быстро-

растущим массовым спортом в Северной Америке, — сказала мама, — но всем другим массовым видам спорта по нескольку десятков лет, так что это чистой воды маркетинг. Да, посещаемость хилкетных матчей растет, продажа рекламной атрибутики тоже, но лига очень много тратит. У твоего отца есть сомнения по поводу целесообразности вложения средств в новую команду.

— Ты хочешь сказать, сомнения есть у тебя.

— У нас обоих, — ответила мама. — Лига просто пока не понимает, что мы с твоим отцом общаемся.

— Дело идет к прекрасной развязке.

— Там видно будет. — мама вдруг посмотрела на меня так, словно только что о чем-то вспомнила. — А где Лесли? Я думала, она собиралась прийти с тобой.

— Она занята.

Упомянутая Лесли была моей напарницей Лесли Ванн, мы вместе работали в ФБР, в отделе по делам хаденов.

— Занята? Чем же?

— Прячется от солнечного света. Мама, сегодня же воскресенье.

Мама деликатно фыркнула:

— Крис, ей бы следовало меньше засиживаться

по ночам.

— Я сообщу ей, что ты решила стать ее наставником.

— Знаешь, а я бы не отказалась. Лесли милая… — На этих словах я внутренне ухмыльнулся, ведь за год нашей с Лесли совместной работы прилагательное «милая» по отношению к ней употребили всего один раз — только что. — Но какая-то непутевая.

— Ей ее жизнь нравится.

— Что ж, если это делает ее счастливой, тогда конечно. Смотри-ка — наш трудный ребенок идет. — Мама указала на Стивенса, который возвращался с ее бокалом в руке.

Трибуны разразились неистовым ревом. И не потому, что мама получила свой бокал, а потому, что на поле Дуэйну Чэпмену оторвали голову.

— Терпеть не могу эти моменты, — поморщилась мама.

— Игрок не пострадал, — заверил ее Стивенс. — Выглядит жестоко, но ведь это всего лишь трил. Сам игрок и его настоящая голова в безопасности. В конце концов, он же хаден.

Мама молча смерила его взглядом.

— Ну… вы об этом и так знаете, — смущенно добавил Стивенс.

Мама продолжала не отрываясь смотреть на него.

— Мне надо вернуться к боссу, вдруг у нее есть ко мне какие-нибудь поручения, — пробормотал Стивенс и торопливо удалился.

Мама проводила его взглядом, потом снова стала смотреть на поле, где лежал обезглавленный трил Чэпмена. В то время как его голова, которой завладела команда противника, со скоростью один сокрушенный трил за метр продвигалась к воротам.

— Меня расстраивает вид обезглавленного трила на поле, — сказала мама. — Я сразу начинаю думать о тебе.

— Ни один из моих трилов еще ни разу не терял головы, — успокоил я ее.

— А когда ты на велосипеде выехал на дорогу перед грузовиком? — напомнила мама. — В восемь лет.

— Тогда мой трил столкнулся с грузовиком и развалился на куски, так что потеря головы уже не имела значения.

— Это-то меня и беспокоит, — сказала мама. — Конструкция трилов не подразумевает съемные части.

Я указал на поле, где «Бэйз» и «Сноубёрдз»

гонялись друг за другом с мечами и боевыми молотами.

— У этих трилов все иначе, — сказал я. — Отсечение голов или конечностей привносит в игру драматизм.

Будто в подтверждение моих слов, игрок «Сноубёрдз» мощным ударом отрубил руку одному из «Бэйз». Тот в ответ хрястнул обидчика по черепу молотом. Затем оба игрока кинулись к голове Дуэйна Чэпмена. Толпа восторженно завыла.

— Кажется, мне не очень нравится эта игра, — снова поморщилась мама.

— А вот все мои соседи ее просто обожают. Когда они узнали, что я собираюсь на матч, то даже сговорились между собой убить меня и забрать билет. Они настоящие фанаты.

— Но тебе-то самому она ведь не слишком нравится? Я заметила, как ты пожал плечами, когда Стивенс спросил, не болельщик ли ты. И я не припомню, чтобы она тебе в детстве нравилась.

— Мне больше нравился баскетбол, — заметил я.

— Естественно, — сказала мама. — Баскетбол очень много сделал для нашей семьи. Но ты не ответил на вопрос.

Я молчал, думая, как ответить на такой вопрос.

Длинный вариант ответа мог бы выглядеть примерно так.

У меня синдром Хаден. Я заразился им в таком юном возрасте, что даже не помню себя здоровым. С этой болезнью ты заперт в собственном теле, когда работает лишь мозг, а тело неподвижно. Хадены составляют около одного процента от населения планеты; только в Соединенных Штатах их примерно четыре с половиной миллиона — иными словами, почти население штата Кентукки.

Нельзя оставить без внимания то, что население Кентукки заточено в их головах, тем более если одной из жертв болезни стала Маргарет Хаден, в ту пору первая леди США, в честь которой синдром и получил свое название. Поэтому Соединенные Штаты и другие страны выделили огромные средства на создание специальной исследовательской программы, благодаря которой были созданы встроенные нейронные сети, позволившие хаденам общаться, онлайн-пространство «Агора», где мы могли существовать как отдельное сообщество, а также человекоподобный транспортер личности, больше известный как трил, давший нам возможность передвигаться и взаимодействовать с нехадена-

ми почти на равных.

Почему я сказал «почти на равных», думаю, понятно. Люди есть люди. Как это ни печально, многие из них не готовы относиться к роботу так же, как они относились бы к человеку на его месте. Мистер Скользкий Тип, который пытался всучить мне пустой бокал, едва я вошел в ложу, тому подтверждение.

При этом трилы действительно машины. Несмотря на то что в целом они рассчитаны на функционирование в стандартных пределах человеческой силы и скорости, для спорта трилы, как правило, не годны. Хотите, чтобы ваш сослуживец-хаден играл за офисную футбольную команду? Пожалуйста. А вот встать на вторую базу за «Вашингтон нэшионалс» — никогда. Да, это повлекло за собой судебные разбирательства. И оказалось, что в глазах закона трилы вовсе не то же самое, что человеческие тела. Для суда они как автомобили.

Другое дело — хилкета. Этот спорт был придуман для людей, управляющих трилами, то есть для спортсменов-хаденов. И он даже больше популярен среди нехаденов, а это означает, что игроки-хадены становятся настоящими знаменитостями за пределами хаденского сообщества.

Спустя всего десять лет после своего возникновения Североамериканская хилкетная лига уже насчитывала двадцать восемь команд в четырех дивизионах по всем Соединенным Штатам и Канаде; каждую игру сезона посещало в среднем пятнадцать тысяч зрителей, причем только пять процентов из них были хаденами, а ее спортсмены зарабатывали миллионы, и постеры с их изображениями украшали детские спальни. Это имело большое значение для хаденов и для всех, кому они были небезразличны.

Пока я смотрел, как голова Дуэйна Чэпмена летит в ворота, принося «Сноубёрдз» восемь очков, я, разумеется, не мог не думать о том, что игроки набирают очки, гоняясь друг за другом с холодным оружием и устраивая фальшивые казни, — вот почему хилкета так популярна. Это командная гладиаторская борьба на футбольном поле, с извращенной балльной системой. О таком градусе жестокости мечтает любая другая спортивная команда, но не может себе этого позволить, потому что люди, в отличие от трилов, смертны.

Получается, те, кто играет в хилкету, как бы не совсем люди. И это тоже важно для хаденов и всех, кому они небезразличны.

В общем, хилкета для хаденов — это одновременно и способ заявить о себе, и средство отчуждения.

Отсюда вывод: сложно все это.

Во всяком случае, для хаденов. Остальные же просто с любопытством наблюдают, как трилы отрывают друг дружке головы.

— Нормально отношусь, — наконец ответил я маме.

Она кивнула, отпила из бокала и снова махнула рукой на поле:

— Что там сейчас происходит?

Игра к тому времени приостановилась; обезглавленный трил Дуэйна Чэпмена погрузили на тележку и увезли с поля. Со скамейки запасных «Бэйз» вышел другой игрок.

Ответить я не успел — по встроенной связи позвонил Тони Уилтон, один из моих соседей по дому.

— Ты на стадионе? — спросил он.

— Да, в ВИП-ложе, — ответил я.

— Все, дружба врозь!

— Ты бы лучше пожалел меня. Тут полно всяких важных шишек.

— Какая интересная у тебя жизнь. Но как бы то ни было, тебе непременно стоит взглянуть

на хаденскую запись игры, если есть такая возможность.

— Почему?

— Потому что с Дуэйном Чэпменом происходит что-то очень странное. Мы смотрели платную трансляцию для хаденов. Так вот, сначала Чэпмен был там, а потом вдруг исчез.

— Его унесли с поля. То есть его трил.

— Правильно. Но характеристики и жизненно важные показатели игрока должны транслироваться на протяжении всего матча, независимо от того, на поле он или нет. Данные остальных игроков есть, а его пропали. Уже пошли разговоры. Вот я и хотел у тебя узнать, может, это просто глюк в нашей записи.

— Я проверю и перезвоню тебе, — сказал я и отсоединился.

— Все в порядке? — заметив паузу, спросила мама, когда я повернулся к ней.

— Нужно кое-что уточнить. Я сейчас.

Она кивнула.

Я открыл доступ к хаденскому просмотровому режиму.

Еще недавно пустое зеленое поле вмиг покрылось данными: обо всех игроках — тех, что на поле, и тех, что на скамейке запасных; о текущей

игре; о параметрах самого поля; о стадионе и степени его заполнения. Нынешними данными, данными за прошлые периоды, прогнозами, составленными при помощи программы искусственного интеллекта и социологических опросов.

Видеть все данные и саму игру можно было с любого угла, в том числе и глазами игроков на поле. Благодаря невероятному количеству камер, установленных по всему периметру площадки, а также объему информации, восполняющей и мгновенно воссоздающей то, что камеры упустили, ты мог виртуально ходить по полю во время игры, находясь таким образом в самой гуще событий.

Вот что представлял собой хаденский просмотровый режим.

На самом деле им могли пользоваться не только хадены. Помимо того что в противном случае это сочли бы дискриминацией, но и с точки зрения бизнеса такое ограничение не сыграло бы на руку любому спорту, где перевес болельщиков значительно смещался в сторону именно нехаденов. Люди платили за доступ немалые деньги, и было бы глупо отказываться от дополнительного дохода. Поэтому даже во время матчей на три-

бунах можно было видеть зрителей-нехаденов, поблескивающих сетевыми очками, с помощью которых они получали доступ к информации через хаденский режим.

Назывался он так не случайно, потому что был создан в расчете именно на хаденов — людей, давно привыкших жить в альтернативной электронной реальности; и то, что нехаденами воспринималось как безумное нагромождение данных, для них было вполне привычной ежедневной рутиной. Нехадены могли использовать этот режим, но предназначался он не для них. Им просто приходилось справляться с ним в меру своих способностей.

Как ни смешно, но именно трудности восприятия сделали хаденский просмотровый коммерчески привлекательным. Нехаденам он казался экзотикой и внушал ощущение, что с его помощью они смогут заглянуть в наш мир и понять, что мы на самом деле испытываем.

Ну да, конечно. Это как ходить в «Тако белл» где-нибудь в глуши Кинтана-Роо, а потом узнать, что этих «Тако белл», оказывается, тысячи.

Я подтянул данные на всех игроков «Бостон бэйз».

Тони не преувеличивал — сведения обо всех

членах команды приводились с утомительными подробностями. Тут была и всевозможная игровая статистика — от количества метров, что они пробежали за игру, до детального разбора любых повреждений, полученных их трилами, и скрупулезного описания всех ситуаций, когда они чуть не потеряли конечности или были полностью отключены; а также все мыслимые эпизоды спортивной карьеры в прошлом и настоящем, независимо от их значимости. Не говоря уже о данных по текущему состоянию здоровья, включая пульс и нейронную активность.

На первый взгляд все это могло бы показаться странным. Ведь хилкетисты играют в трилах и никак не задействуют свои настоящие тела. Но у трилов есть полноценные сенсорные вводы и выводы, поэтому хаден чувствует то же, что его трил, и это влияет на его мозг. А наше эмоциональное состояние, как и у всех людей, действует на физическое. Когда мы вовлечены в какой-то процесс, наш пульс учащается. Наша мозговая активность резко возрастает, когда мы чувствуем опасность или гнев. Всё как у всех.

И все эти показатели были приведены для каждого игрока «Бостон бэйз».

Кроме Дуэйна Чэпмена. Его данных я нигде не

обнаружил.

Я открутил запись на несколько минут назад, до того момента, когда Чэпмен точно был на поле. Его ячейка была на месте, только пустая. Кто-то еще до меня зашел туда и удалил все его данные из записи.

Это было глупо. Тысячи людей записывали игру с хаденского просмотрового режима для личного использования. Что им, разумеется, запрещалось, ведь, как гласил стандартный текст предупреждения, «все предоставленные материалы являются исключительной собственностью Североамериканской хилкетной лиги и не могут быть записаны или сохранены каким-либо способом и в какой-либо форме без письменного разрешения СХЛ и ее руководящих органов», но они все равно записывали. Что бы лига ни попыталась стереть, это почти наверняка уже было слито в общий доступ в «Агоре» и других онлайн-ресурсах.

И тем не менее данные стерли. Значит, для этого была причина.

Я посмотрел туда, где в окружении своей свиты стоял папа, и заметил, что чиновники лиги выдернули парочку каких-то людей из толпы папиных обожателей и оттащили их в сторону. Я запустил сканирование лиц и выяснил, что это

крупные шишки из СХЛ.

Один из них наклонился, чтобы услышать то, что ему шептал на ухо чиновник, перехватил мой взгляд и быстро повернулся ко мне спиной. Через минуту он уже выходил из ложи, и за ним — все остальные.

— Опаньки! — пробормотал я.

— Что случилось? — спросила мама, посмотрев на меня.

— Кажется, на поле произошло что-то очень нехорошее.

— С игроком, которому оторвали голову?

— Да. Вся информация о нем была стерта с записи хаденского просмотрового режима, а начальство из СХЛ только что покинуло ложу.

— Скверно, — согласилась мама.

— Я не знаю, законно ли это, — сказал я.

— Что — уходить из ложи?

— Нет. — Я было подумал, что мама шутит, но она просто пыталась понять то, что я хотел ей сказать. — Удалять данные из записи. Если это была официальная трансляция для лиги, можно ли было взламывать информацию, которую они по закону должны хранить.

— И что это значит?

— Это значит, что мне, видимо, придется за-

няться своей основной работой, — ответил я и открыл канал связи с напарником.

Она отозвалась не сразу.

— Ну вы и сволочь, Шейн, воскресенье же! — наконец услышал я голос Лесли Ванн.

— Простите, — пробормотал я. — Я подумал, мы могли бы получить сверхурочные.

— Что стряслось?

— По-моему, с одним из игроков на хилкетном матче произошло что-то плохое.

— Проклятье, Крис, — проворчала Ванн. — В этом весь смысл этой гребаной игры!

— Здесь другое, — сказал я. — Мне кажется, сейчас особый случай.

Ванн что-то недовольно пробурчала и отключилась. Значит, скоро прибудет, догадался я и вернулся в ложу, чтобы понаблюдать, как рекламщики развернут атаку на потенциальных инвесторов.

Глава 2

— Да уж, весело тут, — сказала Ванн, подойдя ко мне.

Вокруг нас царил настоящий хаос: чиновники лиги суетливо подталкивали будущих инвесторов в укромные уголки стадиона; столичные полицейские и сотрудники службы безопасности стадиона пытались успокоить толпы зрителей, напуганных известием о смерти Дуэйна Чэпмена; а журналистская братия сновала повсюду, выискивая сюжеты для репортажа.

— Вы уже в курсе? — спросил я.

— Да, узнала о смерти игрока, пока ехала сюда. Передавали прямую трансляцию пресс-конференции. Вы ее слышали?

— Ну да, — кивнул я, — между попытками с кем-нибудь поговорить.

— Они вас избегают? — спросила Ванн.

— Скорее, просто не обращают внимания, когда пробегают мимо.

— Вам стоит быть более решительным.

— Просто мне не стоит быть в теле андроида, вот и все.

— Учитывая то, где мы находимся, звучит как

насмешка.

— Если честно, у меня сегодня весь день такой, — пожаловался я.

— Еще бы, — согласилась Ванн и отступила в сторону, чтобы в нее не врезался какой-то проносящийся мимо чиновник. — Почему вы не остались вместе с родителями? Уверена, как раз сейчас в этом лабиринте им пудрит мозг какой-нибудь функционер из лиги.

— Во-первых, вы нарисовали жуткую картину, и я вам этого не забуду. — (На эту угрозу Ванн никак не отреагировала.) — А во-вторых, я наивно полагал, что кто-то непременно захочет помочь агенту ФБР.

— Угу, — промычала Ванн. — Так что давайте-ка вы найдете родителей и выясните, что им там наплели об этой истории, а я пока прижму кого-нибудь из этих клоунов, что носятся под ногами, и заставлю отвести к тому, с кем можно поговорить.

— Вряд ли я найду их в таком бедламе, — ответил я.

Ванн долго смотрела на меня.

— Крис, есть такая штука — телефон называется, — наконец выдала она и решительно двинулась на поиски жертвы.

«Понятия не имею, где мы, — написала мама в ответ на мое сообщение, и я испытал мимолетное, хотя и совершенно напрасное чувство собственной правоты. — Но, думаю, не слишком далеко от ВИП-ложи».

«Я найду тебя», — написал я и оглядел бесконечные коридоры.

А потом вспомнил, что я — доверенное лицо своей матери, и вывел ее локацию на внутренний экран.

Программа сообщила, что мама находится на стадионе. Спасибо, помощь просто неоценимая.

— Простите? — вдруг раздался рядом чей-то голос.

Я поднял голову и увидел перед собой молодую женщину в строгом костюме.

— Да, — ответил я.

— Это ведь вы были недавно в ВИП-ложе?

— Да, был.

Она вздохнула с облегчением.

— Мне велели всех собрать. Пожалуйста, пройдите со мной, — сказала она, поманив меня рукой, и я, заинтригованный, пошел следом.

Мы пришли в небольшой конференц-зал, до отказа набитый немецкими, японскими и прочими потенциальными инвесторами, судя по

их лицам одинаково недовольными тем, что их там собрали.

— Мы начнем собрание инвесторов буквально через минуту, — сказала моя провожатая и куда-то растворилась.

Я огляделся вокруг. Все богачи среднего уровня, откуда бы они ни были, выглядят одинаково. В основном это мужчины, преимущественно немолодые, а их постные физиономии словно говорят, что они напрасно теряют здесь свое время.

Вдруг дверь резко распахнулась, и в зал решительно вошел тот самый тип, который пытался всучить мне пустой бокал в ВИП-ложе.

— С большинством из вас мы уже встречались, а для тех, кто меня не знает, представлюсь. Меня зовут Маккензи Стодден, я глава отдела франчайзинга СХЛ, — сказал он, взойдя на кафедру у дальней стены комнаты. — Для начала хочу поблагодарить всех вас за то, что вы собрались здесь, с нами, на этом одном из самых успешных предсезонных матчей.

— Что за хрень вы несете? — выкрикнул с места один из предполагаемых инвесторов. Судя по говору, он не был ни японцем, ни немцем, а приехал прямиком из Джерси. — На вашем гребаном поле только что игрок умер.

— В самые последние секунды, — уточнил Стодден. — А до этого момента игру посмотрело рекордное для предсезонной игры количество зрителей как на стадионе, так и через потоковый протокол, к тому же значительно выросло количество платных подписок на хаденский просмотровый режим.

— А потом ваш игрок отдал концы, — не унимался инвестор из Джерси.

— Да! — подтвердил Стодден. — Эта трагическая случайность опечалила и повергла в шок каждого сотрудника лиги. — В его собственном голосе при этом не прозвучало ни шока, ни печали; таким тоном, на мой взгляд, говорил бы продавец какой-нибудь элитной продукции на стадии заключения сделки, кем он, по сути, и являлся. — Дуэйн Чэпмен пользовался у нас огромным уважением, и на открытии сезона в эту пятницу в Бостоне мы перед игрой непременно отведем время, чтобы вспомнить и его самого, и его достижения. Но ни я лично, ни лига в целом не хотим, чтобы этот несчастный случай отодвинул на задний план те инвестиционные проекты, которые хилкета предлагает вам как потенциальным получателям франшизы как в Соединенных Штатах, так и в рамках междуна-

родных лиг, которые мы планируем основать.

— От чего умер игрок? — спросил кто-то, как мне показалось, с русским акцентом.

— Сегодня вечером Чэпмена будет осматривать медицинский эксперт в Филадельфии, — сказал Стодден.

— Это не ответ. Вы уже должны знать.

— Было бы безответственно с моей стороны делать предположения.

— А для меня и для всех остальных здесь было бы безответственно инвестировать в лигу, которая не делится информацией.

— Послушайте, — со вздохом произнес Стодден. — Мы не хотим, чтобы это просочилось в прессу, но у Дуэйна были проблемы с женой, и он прибегал… ну, скажем так, к «самолечению», — думаю, такой термин здесь уместен. Это начало сказываться на его игре в предсезонных тренировках. Он получил предупреждение, и мы думали, что этого достаточно. Но, вероятно, ошиблись.

— Быть под кайфом и умереть во время матча — не одно и то же, — заметил джерсиец.

— Я говорю о том, что его привычки уже давно влияли на его физическое состояние, но результат мы увидели только сегодня.

— Получается, это его личные проблемы — не лиги, — сказал кто-то еще, и по голосу невозможно было понять, сарказм это или просто утверждение.

— Нашей лиге уже больше десяти лет, — сообщил Стодден. — За все это время, при том оснащении и тренировках, что мы применяем, и том круге поставщиков, с которым работаем, у нас ни разу не было случая смерти игрока. Мы уверены, что хотя кончина Дуйэна, безусловно, трагедия, но она не что иное, как всего лишь досадный сбой. Аномалия. И вы, как будущие франчайзеры, не должны волноваться, что она каким-то образом сможет повлиять на наши планы расширения.

— Вы предлагаете нам просто забыть о том, что случилось? — сказал русский.

— Разумеется, нет! — воскликнул Стодден. — Будьте абсолютно уверены, что лига проведет тщательное расследование этой трагедии и не допустит ее повторения впредь. Мы быстро оправимся от этой ситуации и станем еще лучше и сильнее.

— Что случилось с данными Дуэйна Чэпмена? — спросил я.

— Простите? — Стодден вгляделся в меня, и на

мгновение показалось, что присутствие трила на собрании инвесторов сбило его с толку.

— На протяжении всей игры транслируются данные о физическом состоянии каждого игрока, включая пульс и мозговую активность, — сказал я. — Когда трил Чэпмена унесли с поля, его данные исчезли. Хотя для всех остальных игроков они остались на месте.

— Постойте… вы же официант, кажется? — проговорил Стодден, вроде как узнавая меня.

— Вообще-то, я из ФБР, — сообщил я, и вдруг все в зале повернулись в мою сторону. — И я действительно хотел бы знать, что случилось с тем каналом данных.

— Это был один из способов привлечь их внимание, — сказала Ванн, когда я поделился с ней недавними событиями; мы стояли в одной из опустевших частных ВИП-лож и ждали, когда туда придет представитель лиги, чтобы с нами поговорить. — Я-то просто угрожала шестеркам, чтобы добраться до вышестоящего начальства, но у вас тоже получилось.

— Интересно, как этот тип Стодден мог одновременно заявить, что не знает, от чего умер Чэпмен, и обвинять того в его собственной смерти, — сказал я.

— Вы говорили, он занимается франшизами, так? — спросила Ванн, и я кивнул. — Тогда сообщать правду — не его работа. Его работа — не дать деньгам ускользнуть.

— Думаю, я изрядно подпортил его планы, — сказал я.

— Ну да. Зато мы теперь знаем, почему к нам придет поговорить какая-нибудь важная шишка.

Дверь открылась, и в ложу вошли мужчина и женщина. Женщина с улыбкой подошла к Ванн и протянула ей руку:

— Агент Ванн, я — Коррета Барбер, заместитель вице-президента СХЛ по рекламе. — Ванн пожала ей руку, и Барбер переключилась на меня, чтобы тоже обменяться рукопожатиями. — Агент Шейн, очень приятно. А это Оливер Медина, главный юрист лиги. Мы можем присесть? — Она указала на небольшой круглый столик; мы сели.

Барбер повернулась ко мне.

— Агент Шейн, насколько я знаю, ваше выступление на встрече инвесторов вызвало небольшой переполох, — сказала она.

— У меня не было таких намерений, — ответил я. — Я просто поинтересовался, куда делись данные.

— Вы должны знать, что та встреча носила частный и сугубо конфиденциальный характер, — подал голос Медина.

— Шейна туда привел ваш сотрудник, — вмешалась Ванн.

— Меня не спрашивали, являюсь ли я инвестором, — добавил я. — Спросили только, был ли я в ВИП-ложе какое-то время назад. Я был.

— Вам известно, кто родители Шейна, — сказала Ванн. — По-вашему, они не общаются с собственным ребенком?

— И тем не менее я рассчитываю, что вы отнесетесь к полученной там информации как к не подлежащей разглашению, — объявил Медина.

— Вы можете рассчитывать на все, что вам угодно, — отрезала Ванн и повернулась к Барбер. — Но теперь это дело будет вести ФБР. И если уж об этом зашла речь, может, вы потрудитесь объяснить, почему вы пытались скрыть обстоятельства смерти Дуэйна Чэпмена, удалив канал с его данными?

— Разумеется, мы не пытались скрыть то, что случилось с Дуэйном Чэпменом, — сказала Барбер. — Мы бы и не смогли этого сделать. Мы просто защищаем его частную жизнь и частную жизнь его семьи.

— Его частную жизнь, — повторила Ванн.

— Именно, — кивнула Барбер.

— Мисс Барбер, сорок тысяч зрителей на трибунах видели, как Чэпмен умер.

— Сорок тысяч зрителей видели, как с поля вывезли какой-то трил, — парировала Барбер. — Это совсем не одно и то же.

— Вы транслируете данные о сердечном ритме и мозговой активности своих игроков восьмидесяти тысячам зрителей по цене 29,95 доллара за игру или 39,95 за три игры в один день, — отчеканила Ванн. — Если бы вы могли продать сведения о том, когда игроки мочатся, вы бы сделали это.

— Мне кажется, вы недооцениваете всю серьезность и трагичность ситуации, — нахмурилась Барбер.

— Агент Ванн всего лишь хотела сказать, что еще совсем недавно охрана частной жизни не являлась предметом заботы СХЛ, — вмешался я.

— Думаю, вы ошибаетесь.

Я покачал головой:

— Я проверил, редактировались ли когда-либо прежде каналы данных кого-нибудь из игроков. Вы располагаете записями хаденского просмотрового режима за восемь лет, и за все это время вы ни разу не удалили ни один канал данных.

— Раньше у нас никогда не умирал игрок на поле.

— Значит, у вас такой регламент? — спросила Ванн. — Кто-то умирает — и вы изымаете запись? Это прописано в уставе СХЛ?

— Мне надо уточнить, — покраснев, ответила Барбер. — Но, по моему мнению, как только стало ясно, что Дуэйн в беде, было вполне разумно удалить запись.

— Почему? — с прищуром посмотрела на нее Ванн.

— Да потому, агент Ванн, чтобы его семья не узнала о его смерти из этого чертова канала! — рявкнул Медина. — Чтобы им сообщил кто-то из нас, а не какой-нибудь спортивный комментатор или случайный тролль с «Агоры»!

Ванн смерила его взглядом:

— Понятно.

— Похоже, сострадание вам не свойственно, — сказал Медина, обращаясь к ней. — Возможно, вы бы предпочли, чтобы его матери или сестре рассказал какой-нибудь тролль.

— Если вы стремились избежать этого, вы могли бы удалить запись начиная с момента его смерти, — заметил я. — Но вы убрали ее целиком, с самого начала игры.

— И что с того? — изрек Медина.

— У вас умер игрок. Вы располагаете записью прямой трансляции, в которой есть все данные о его физическом состоянии. Но потом вы ее изымаете. И никто не знает, что вы с ней сделали.

— Ну да, — ухмыльнулся Медина, — исказили запись, которую уже все видели.

— Но только ваша считается официальной и имеет юридическую силу, — напомнил я. — Которой нет даже у записей ваших партнеров по вещанию.

— И ни у кого нет никаких материалов начиная с момента, когда вы удалили канал, — добавила Ванн.

— Смерть Дуэйна была несчастным случаем, — сказала Барбер.

— Да, — согласилась Ванн. — Но, увы, у нас нет официальной записи, чтобы это подтвердить. Вот почему мы здесь, мисс Барбер. В ту самую минуту, когда лига удалила запись, у нас появились основания считать, что это не было несчастным случаем.

— Если вы предполагаете, что лига каким-то образом замешана в причинении смерти по неосторожности, мы прекращаем этот разговор прямо сейчас, — объявил Медина.

Ванн повернулась ко мне:

— Вот что значит настоящий адвокат.

— А я и не сомневался, — ответил я.

— Мистер Медина, — снова обратилась Ванн к юристу, — вы, безусловно, можете прекратить этот разговор прямо сейчас. Но тогда я сделаю то, что считаю нужным, — получу ордера на каждый бит информации, касающейся смерти Дуэйна Чэпмена, а также на все, что, по моему мнению, хотя бы отдаленно связано с его смертью, то есть на очень многое. Кроме того, я обращусь в департаменты полиции Вашингтона и Филадельфии, и, поверьте мне на слово, будет очень и очень много шума. Что наверняка не понравится вашей лиге, особенно сейчас, когда вы пытаетесь выкачать деньги из потенциальных инвесторов, которые и так уже нервничают из-за смерти игрока.

Барбер казалась испуганной. Медина присутствия духа не терял и был просто раздражен. Он все понял.

— Чего вы хотите? — наконец спросил он.

— Чтобы для начала вы сказали нам, кто на самом деле удалил данные.

Медина посмотрел на Барбер и кивнул.

— Запись приказал удалить заместитель комиссара СХЛ Кауфман, — вздохнув, сказала она.

Я быстренько нашел в сети фото довольно молодого человека.

— Почему? — спросила Ванн.

— Потому что он дурак, — ответил Медина и поднял руку, видя, что Ванн хочет возразить. — Знаю-знаю. Но это правда. Он увидел трансляцию, понял, что Чэпмен умирает, и запаниковал. А потом велел главному инженеру изъять канал. Ей не хотелось это делать, но выбора не было.

— Как ее зовут? — спросил я.

— Жизель Гурвиц, — ответила Барбер.

— Она здесь?

— Думаю, да. Может, сейчас уже вернулась в отель.

— И она поговорит с нами? — спросила Ванн, обращаясь к Медине.

— Да, я не стану возражать, — ответил он.

— А как насчет канала с данными Чэпмена?

— Что вы имеете в виду?

— Он нам нужен.

— Зачем?

— Вы, вероятно, пропустили ту часть разговора, когда мы говорили, что содержащиеся в нем материалы могли быть подтасованы, — сказала Ванн.

— Его должны посмотреть наши эксперты, — добавил я. — Нам надо удостовериться. И к тому

же понять, что произошло после того, как канал изъяли.

— Я опасаюсь утечки информации, — сказала Барбер.

— Снова возвращаетесь к своему старому приему с защитой частной жизни? — улыбнулась Ванн.

— Послушайте, это не просто красивая фраза! — возмутилась Барбер. — Мы действительно не хотим, чтобы семья Дуэйна вдруг обнаружила, что эти материалы попали в общий доступ и стали темой для всеобщего обсуждения.

— Значит, вы не собираетесь возвращать запись? — спросил я.

Барбер уже открыла рот, но Медина быстро положил ей руку на плечо, и она промолчала.

— Мы очень скоро вернем тот отрывок записи, где Дуэйн участвует в игре, — сказал юрист. — Без него мы не сможем подтвердить общую статистику матча. Что касается остального, то я считаю целесообразным пока это не обнародовать.

— Нам нужны все данные, — повторила Ванн.

— Они будут у Жизель, — сказал Медина. — Обращайтесь к ней и проверяйте то, что вам надо. Но я хочу вас предупредить, агент Ванн.

— Слушаю.

— Если потом эти материалы вдруг обнаружатся в сети, я это так не оставлю.

Глава 3

Вестибюль отеля «Хилтон» выглядел так, будто там проходила какая-то пресс-конференция. Кругом было полным-полно репортеров и журналистов всех рангов, которые пытались найти хоть кого-нибудь для получения любой информации, в то время как перед зданием отеля телевизионщики и корреспонденты стримингового вещания со своими командами расталкивали друг друга, чтобы вести съемку.

— Не многовато ли шума, — пробормотала Ванн, когда мы вышли из такси.

— Для лиги это первая смерть игрока и последняя игра предсезонья, — напомнил я. — А они сейчас активно привлекают новые средства. Так что это новости федерального значения.

В ответ Ванн что-то пробурчала, и мы вошли в отель через вращающуюся дверь. К нам сразу обратилась пара десятков глаз, и уже через секунду с помощью сетевых очков мы были опознаны как агенты ФБР, а я вдобавок еще и как тот, кем я, собственно, и являлся.

— О нет, — обреченно вздохнула Ванн, и нас тут же обступила толпа журналистов, забрасывая

вопросами.

— Почему смерть Дуэйна Чэпмена расследует ФБР? — прокричал один, когда мы пытались протолкнуться к лифтам.

— Без комментариев, — сказала Ванн.

— Есть основания полагать, что смерть Чэпмена была насильственной? — заорал другой.

— Без комментариев, — повторила Ванн и нажала кнопку лифта.

— Агент Шейн, ваш отец может стать одним из инвесторов лиги, допустимо ли в таком случае ваше участие в расследовании?

— Без комментариев, — ответил я.

— Крис, вы с кем-нибудь состоите в любовных отношениях?

— Что? — удивился я. — Вы серьезно?

— Но вы же по-прежнему знаменитость.

— Боже правый, без комментариев, — выдохнул я.

Ванн втащила меня в лифт и яростно сверкала на журналистов глазами, пока не закрылись двери.

— Да, вы по-прежнему знаменитость, — насмешливо сказала она мне, когда лифт поехал.

— Вовсе нет, — возразил я.

— Не думаю, что это вам решать.

— Для меня все это не важно.

— У вас такое было каждый день?

— В детстве я навидался всяких журналистов, — сказал я. — Но так, как сейчас, уже перебор.

Ванн кивнула.

— Надо было пустить в ход пожарный шланг, — предложила она.

— Да, на один раз помогло бы, — согласился я. — Но потом стало бы еще хуже. Журналисты не прощают, когда их поливают из брандспойта.

Жизель Гурвиц была хаденом, и ее «номер» в «Хилтоне» представлял собой шкаф для зарядки с индукционным ковриком на полу. Мы встретились в гостиничном конференц-зале, который лига забронировала для совещаний.

— Спасибо, что встретились со мной здесь, — сказала она, когда мы все сели после взаимных приветствий. — Появляться в вестибюле сейчас совсем не хочется.

— Вполне можно понять, — поддакнул я.

— Медина объяснил, чем вызвано наше появление? — спросила Ванн.

— Да, — кивнула она. — Вам нужна запись с данными Чэпмена.

— И еще мы хотели спросить вас, почему ее удалили.

— Ах это. — Модель ее трила была снабжена мимикой, и на его лице появилась недовольная гримаска. — Это все Кауфман. Я отговаривала его.

— Почему же он все-таки это сделал?

— Запаниковал. Мы с Тейлор, моей помощницей, наблюдали за каналами игроков из комментаторской кабины, когда он ворвался туда и приказал мне удалить канал Чэпмена из общего потока. Именно ворвался — с треском распахнул дверь и с порога заявил: «Удалите канал Чэмпена. Весь».

— А вы заметили, что к тому времени показатели жизнедеятельности Чэпмена пошли вразнос? — спросил я.

— Конечно, но такое бывало и раньше, — ответила Гурвиц. — В смысле, умирать-то никто не умирал. Но отклонения от нормы у игроков во время игр уже имели место. В прошлом сезоне у Клементе Сальсидо прямо посреди матча случился припадок. Он играл за «Мехико-Сити». Его трил просто упал и затрясся, а показатели мозговой активности демонстрировали что-то несусветное.

— И никто вам тогда не приказывал вырезать запись.

— Наоборот — велели привлечь к ней вни-

мание, — сказала Гурвиц. — Технически мы можем взять данные любого конкретного игрока и прикрепить их так, чтобы все, кто приобретает хаденский просмотровый режим, их видели. Директор по вещанию приказал нам сделать это, а потом передать в таком виде нашим сетевым партнерам. Сказал, для пущего драматизма. Сволочью был порядочной.

— А что случилось с игроком? — спросила Ванн.

— Сальсидо отправили на скамейку запасных до конца сезона, а потом вообще списали. Страховая компания лиги была против его дальнейшего участия в играх. Они боялись, что следующего припадка он не переживет.

— То, что происходило с Чэпменом, было похоже на тот случай? — спросил я.

— Я не помню, — ответила Гурвиц, разведя руками. — Мне очень жаль. Это было довольно давно. Тем более я технарь, а не врач.

— Вы можете дать нам запись того происшествия с Сальсидо?

— Разумеется, но только по собственной инициативе. Вообще-то, я не обязана этого делать. Вы можете получить все материалы самостоятельно. Они находятся в публичном архиве лиги. Мы

никогда не удаляли записи — до сегодняшнего матча.

— Почему же сейчас удалили? — спросила Ванн.

— Узнайте об этом у Кауфмана.

— А вы сами не спрашивали почему?

— Конечно спрашивала. А он сказал: «Удали эту гребаную запись, или ты уволена». Он же босс. Во всяком случае, один из них. Мне не хотелось из-за этого потерять работу. — Гурвиц кивнула мне. — Уж вы-то должны меня понять.

Я кивнул в ответ. Год назад конгресс одобрил законопроект Абрамса—Кеттеринг, согласно которому были значительно урезаны правительственные ассигнования на людей с синдромом клетки. А эта болезнь обходилась недешево, даже с поддержкой государства.

Год — не такой уж большой срок, но его хватило, чтобы многие хадены внезапно почувствовали, как пошатнулся их мир. Наверняка должность главного инженера СХЛ приносила Гурвиц немалый доход, и для организации, делающей ставку на спортсменов-хаденов, было вполне естественно обеспечивать своих сотрудников-хаденов солидными льготами.

Теперь же и она, и большинство других хаде-

нов остались без страховки. Необходимость принятия билля Абрамса—Кеттеринг аргументировали тем, что благодаря прогрессу в медицине и технологиях хадены уже были способны конкурировать с другими более-менее на равных, поэтому государство могло сократить службы, созданные для их поддержки за последние двадцать лет.

В теории это звучало вполне разумно. Однако, судя по замечанию Гурвиц, на практике все обстояло иначе.

Хотя что я мог знать об этом? Я — государственный служащий с превосходным социальным пакетом и неприлично крупным трастовым фондом в придачу.

— Вы не боялись, что из-за удаления записи у вас будут неприятности? — спросила Ванн.

— Нет. Разве что небольшие. Кроме меня, в комментаторской кабине сидели еще шесть человек, и все они слышали, как Кауфман приказал мне удалить канал Чэпмена. Думаю, ему было бы трудно свалить все на меня, если бы начались проблемы. — Она чуть помолчала. — А что, они все-таки начались? То есть, понятное дело, начались, раз вы здесь. Но мне нужно знать, действительно ли все так серьезно. Я не хочу

потерять работу.

— Проблемы есть, — ответила Ванн. — Но вряд ли у вас. А вот у Алекса Кауфмана — возможно.

Гурвиц заметно расслабилась:

— Ну, если вам нужен Кауфман, то он остановился в отеле.

— Похоже, вы только что толкнули вашего босса под автобус, мисс Гурвиц, — улыбнулась Ванн.

Послышалось едва заметное дребезжание, когда трил Гурвиц изобразил улыбку.

— Агент Ванн, сегодня он угрожал уволить меня, — сказала она. — Думаю, будет справедливо заставить его немного поволноваться.

На звонок Кауфман не ответил, но через минуту прислал мне сообщение. Очевидно, отсеивал звонки. «Я ждал вас, — написал он. — Но прямо сейчас собираюсь в душ. Не могли бы вы подняться минут через пятнадцать? Номер 2423».

— Он встретится с нами через пятнадцать минут, — сказал я Ванн, когда мы возвращались в вестибюль.

— Хорошо. Мне надо покурить.

— Бросить не думали?

Ванн окинула меня тяжелым взглядом.

— А бросить бы стоило, — добавил я.

— Я так и буду на вас смотреть, — предупре-

дила она.

— Да, знаю.

Двери лифта открылись, и мы пошли к выходу из вестибюля, чтобы Ванн могла покурить. Журналисты, приставшие к нам раньше, теперь были заняты какой-то шишкой из лиги, поэтому мы проскочили незамеченными.

— Вы уже посмотрели запись? — выпустив облако дыма, спросила Ванн.

Гурвиц переслала мне запись напрямую через наши трилы. Сама она взяла ее из облачного архива СХЛ, а я загрузил прямо во встроенную память своего трила.

— Нет, — ответил я. — Хочу подрядить Тони, чтобы изучил как следует. Он сможет определить, подделывали ее или нет.

Ванн кивнула. Тони Уилтон был не только моим соседом по дому, но еще и компьютерным гением, который постоянно выполнял заказы от федерального правительства. Умный и легкий в общении, он имел все нужные допуски секретности, а часть его гонорара шла на коммунальные платежи. Так что нанимать его было выгодно со всех сторон.

— Но запись-то хоть полная? — спросила она.

— Насколько я могу судить, да. И уже очень

скоро мы увидим, что случилось с Чэпменом.

— Увидим, что у него был такой же припадок, как у того парня.

— Сальсидо, — подсказал я.

— Верно. — Ванн снова выдохнула дым. — У хаденов подобные приступы случаются чаще из-за того, что синдром вызывает изменения в мозге, а также из-за встроенных нейронных сетей. — Она посмотрела на меня. — У вас такое бывало?

— Припадок?

— Ну да.

— Нет. А у вас? — спросил я.

Ванн заразилась синдромом Хаден будучи подростком и прошла ранние стадии болезни — первую, похожую на грипп, и вторую, более болезненную, с признаками менингита. В отличие от многих, у кого заболевание прогрессировало после второй стадии, она не перешла в состояние запертых, вирус не вызвал ни значительных ментальных нарушений, ни каких-либо когнитивных расстройств. По всем внешним признакам она вполне легко отделалась.

Тем не менее болезнь все-таки перестроила мозг. И теперь в ее голове была нейронная сеть, оставшаяся после работы интегратором — она была из тех немногих, кто, пройдя болезнь, пол-

ностью сохранил двигательные функции и мог давать свои тела напрокат хаденам в случае необходимости или для того, чтобы позволить им чувствовать то же, что и обычный человек.

— Нет, — ответила она и подняла руку с сигаретой. — Но у меня свои лекарства.

— А если запись покажет, что это был припадок, что тогда? — спросил я.

— Тогда Дуэйну Чэпмену просто не повезло.

— Еще будет вскрытие. Об этом говорили на пресс-конференции.

— Правильно. И оно, скорее всего, подтвердит, что это был обычный приступ.

— Тогда почему Кауфман вдруг так перепугался?

— Вероятно, он идиот, как юрист и говорил. Увидел, как один из игроков отдает концы на поле, вспомнил, что лига как раз сейчас задабривает потенциальных инвесторов, включая твоего отца. Как там все прошло, кстати?

— Мама сказала, что они с отцом поехали домой. Какой-то чинодрал из лиги пытался уговорить их остаться еще ненадолго. Думаю, после таких событий они, как никогда, нуждались в его репутации.

— После таких событий ваш отец мог запросто

потребовать пост комиссара и получил бы его, да еще и торжественную церемонию в придачу.

— Вряд ли ему нужна такая работа.

— Это потому, что ваш папа умный. Итак, мы идем навестить Кауфмана, он признает, что дал волю эмоциям и поступил как идиот, что, конечно, печально для него, но не является преступлением. И покончим с этим.

— Хорошо, — согласился я.

— И это будет означать, что вы напрасно притащили меня сюда в воскресенье.

— Прошу прощения.

— Я спала.

— Когда я звонил, был разгар дня. Половина пятого. Поэтому я не буду особенно переживать.

— Я поздно легла.

— Мама говорит, для вас это не редкость.

— Она не моя мама, — улыбнулась Ванн, бросила на землю окурок и раздавила его. — Ладно, пошли к Кауфману.

— Еще рано.

— Я хочу вернуться домой и лечь спать. Даже если Кауфман не совсем одет, я вряд ли увижу что-нибудь новое.

Дверь номера 2423 оказалась незапертой. Защелка замка была задвинута внутрь, что поз-

воляло открыть дверь снаружи. За ней слышался шум воды в душе.

— Я же говорил, что еще рано, — сказал я.

Не обращая на меня внимания, Ванн постучала в дверь и позвала Кауфмана, но, не получив ответа, проделала все это во второй раз. Снова никто не ответил. Ванн вынула из кобуры пистолет и посмотрела на меня, взявшись за ручку двери.

— Где ваше оружие? — спросила она.

— Дома, — ответил я.

— Вы на службе.

— Вообще-то, не был, — напомнил я. — А потом все изменилось. И возвращаться домой за оружием было уже некогда.

Ванн наклонилась к лодыжке, извлекла из-под штанины маленький пистолет и протянула мне.

— Надо же, у вас и правда кобура на лодыжке, — изумленно выговорил я.

— Да. Идем. — Мы открыли дверь и осторожно вошли внутрь.

В комнате никого не оказалось, что, в общем-то, меня не удивило, так как в ванной работал душ. Постель была скомкана. Похоже, в ней спали. На полу возле кровати валялись рубашка, пиджак, брюки и галстук. На тумбе под телевизором лежали бумажник и очки.

Во всем этом наборе явно чего-то не хватало.

— Крис, — позвала Ванн и кивком указала на ванную.

Не хватало ремня. Один его конец был привязан к лейке душа, из которой все еще текла вода и которую под тяжестью груза чуть вырвало из стены, но недостаточно, чтобы не удержать висящего на другом конце Алекса Кауфмана. Он был, несомненно, мертв. Но Ванн все же подошла и убедилась в этом.

— Да, хреновые дела, — заключила она, выходя из ванной и пряча пистолет в кобуру.

Я посмотрел на нее:

— Надеюсь, версию о «невезении» мы больше не рассматриваем?

Ванн окинула мой трил взглядом.

— Новый трил, — заключила она.

— Да.

— Как у него с записью и сканированием?

— Укомплектован полностью, — заверил я. — Записываю с тех пор, как мы вошли в номер.

— Сканируйте все, включая ванную. Я хочу собрать как можно больше информации до того, как сюда явится полиция и все изгадит. А потом сделаете кое-что еще.

— Что именно?

— Отправитесь в Филадельфию.

— Сегодня?

— Да. Надо поговорить с женой Дуэйна Чэпмена. До того, как кто-нибудь из лиги отговорит ее от разговора с нами. После этого, — она кивнула на тело Кауфмана, — они точно захотят заткнуть всем рты.

Глава 4

Через час я уже был дома, чтобы приготовиться для поездки в Филадельфию. В прихожей меня ждала торжественная встреча.

— Рассказывай все! — потребовали близнецы — ну, или один из них.

Джастин и Джастина делили один транспортер личности на двоих; никогда нельзя было сказать, кто из них управляет трилом в данный момент, и через какое-то время ты просто переставал гадать и относился к их трилу как к близнецам. Мне сказали, что близнецы делили один трил не просто так, и обещали объяснить причину, но с тех пор я уже год как жил с ними и еще с тремя хаденами в одном доме, а никто так ничего и не объяснил. Но, честно говоря, мне на этот счет больше нравилось строить предположения, чем знать точный ответ.

— Крис вам ничего не расскажет! — прокричал Тони из гостиной. — Это секретная информация!

— Не секретная! — прокричал я в ответ и снова повернулся к близнецам. — Но едва ли я пока знаю о Дуэйне Чэпмене больше, чем вы.

— Ходят разные слухи… — сказали близнецы,

отступая назад, чтобы я мог пройти в дом.

— Не сомневаюсь. — Я прошел в гостиную, где трилы двух других моих соседей — Тони и Тайлы Гивенс — играли в бильярд.

Элси Кёртис, наша совсем новая соседка, нашла подработку в Сингапуре; ее график не совпадал с нашим, и в последнее время мы редко виделись.

То есть на самом деле мы, конечно, видели ее каждый день. Тело Элси находилось в ее комнате, вместе с ее домашним трилом. Мы навещали ее по несколько раз на дню, меняли все нужные мешки, а Тайла, будучи единственным врачом среди нас, проверяла, нет ли каких-либо отклонений в ее физическом состоянии. Элси тоже проверяла всех нас, но обычно тогда, когда мы спали.

В этом и заключался весь смысл совместного проживания: шесть хаденов жили вместе и ухаживали за телами друг друга. Это было дешевле и приятней, чем нанимать приходящих сиделок, особенно теперь, когда Абрамс—Кеттеринг урезал медицинские субсидии хаденам. Теперь приходилось экономить каждый цент.

Это касалось моих соседей. Мое тело по-прежнему находилось в доме моих родителей в Северной Виргинии, и о нем заботились два человека, наня-

тые на полный день. Вообще-то, рано или поздно я собирался перевезти его в наш общий дом, но никак не мог решить этическую проблему: то ли иметь двух персональных опекунов, в то время как у соседей не было ни одного, то ли уволить людей, к которым привязался за долгие годы, и нести ответственность за то, что они потеряли работу. А новую едва ли так просто найдут, потому что после принятия билля Абрамса—Кеттеринг у хаденов стало меньше денег на домашний уход.

Легче было оставить пока все как есть. И пусть это малодушие.

Да и моих соседей, думаю, это вполне устраивало. Они получили лишнюю пару рук и глаз для заботы о своих телах, а в их графике ежедневного ухода было на одно тело меньше. Вдобавок я платил за самую большую комнату в доме. По всему выходило, что я образцовый сосед.

— Мы видели тебя в новостях, — нацеливая кий на шар, сообщила Тайла. — Как тебя с напарницей обступила толпа журналистов, пока вы ждали лифт.

— А потом вы обнаружили того мертвого чиновника СХЛ в его номере, — добавил Тони.

— Слухи-то ходят, — повторили близнецы.

— Не хочу умножать их количество, — отве-

тил я.

— Говорят, это было убийство, поэтому вас и привлекли.

— Это не так, — сказал я близнецам. — Нас привлекли, потому что Дуэйн Чэпмен умер при необычных обстоятельствах.

— Чиновник тоже, — добавил Тони.

— Убийство и есть необычное обстоятельство, — указали близнецы.

— Не такое уж необычное, — возразила Тайла — она работала в одной из вашингтонских больниц скорой помощи, поэтому имела право так говорить.

— Пока нельзя с уверенностью утверждать, что это было убийство, — сказал я. — В обоих случаях. К тому же, пока трил Чэпмена был в Вашингтоне, его тело находилось в Филадельфии. А когда в деле фигурируют несколько штатов, ФБР всегда участвует в расследовании.

— Им даже не пришлось вас вызывать, — сказал Тони. — Ты уже был там.

— Проклятье! — выругалась Тайла, промазав и уступив право удара Тони. — Да, трудный денек у тебя выдался, — сказала она.

— Он еще не закончился, — обрадовал я. — Мне придется ехать в Филадельфию, надо поговорить

с женой Чэпмена.

— Охренеть! — воскликнула Тайла. — Это уже совсем не смешно.

— По слухам, они давно вместе не живут, — сказали близнецы.

— А эти слухи не сообщают почему? — спросил я.

— Все как обычно — измены, глупость, поклонницы. А еще напряг в отношениях, потому что он хаден, а она нет.

— Как собираешься попасть в Филадельфию? — забив шар в лузу, спросил Тони.

— В местном отделении ФБР есть гостевой трил. Использую его. Но до этого, Тони, я должен поговорить с тобой наедине.

— Сначала мне надо разделаться с Тайлой, — пробормотал Тони и нанес удар, его шар стукнулся о восьмерку, которая стояла напротив левой боковой лузы, и закатил ее внутрь. — Черт!

— Ты что-то сказал? — спросила у него Тайла.

— Это Крис меня сглазил, — ответил Тони и посмотрел на меня. — Ты же меня сглазил, да?

— Ну извини.

— Я требую компенсации!

— Думаю, то, о чем я собираюсь с тобой поговорить, тебя утешит, — заверил я.

Гостевой трил филадельфийского отделения ФБР оказался последней моделью «Зебринг-Уорнер Галавант», что меня слегка озадачило. «Галавант» входил в линейку средней ценовой категории со средними техническими характеристиками, а так как гостевые трилы поступали в ФБР, как правило, путем гражданско-правовой конфискации, то в их число обычно попадали либо едва работающие образцы, изъятые у уличных правонарушителей, либо дорогущие навороченные тачки правонарушителей рангом повыше. А в случае «Галаванта» — либо какой-нибудь хаден из пригорода ввязался в некое сомнительное предприятие, либо здешнее начальство действительно приобрело гостевой трил, а финансовый отдел утвердил только этот.

Трил находился в кладовке. Подключившись, я первым делом заметил, что зарядки осталось тринадцать процентов. Я глянул вниз и увидел, что трил смещен с индукционной пластины грудой каких-то коробок.

— Вот черт! — выругался я, сгреб коробки в сторону и встал двумя ногами на пластину.

Я надеялся, что это высокоскоростное зарядное устройство, но на индикаторе ничего не изменилось. Тогда я проследил, куда ведет сетевой

шнур. Оказалось, он не включен в розетку. Я снова чертыхнулся, подключил его и вернулся на пластину. На ней тут же появилось сообщение о том, что полная зарядка будет достигнута через восемь часов.

Двери кладовки открылись, и внутрь заглянул какой-то пожилой мужчина.

— Эй! Здесь есть кто? — сказал он.

— Вы не знаете, где-нибудь в офисе есть скоростное зарядное устройство? — спросил я.

— А что случилось-то?

— Вы агент? — Я с трудом удержался, чтобы не застонать от отчаяния.

— Нет, э-э…

— Агент Шейн.

— Нет, агент Шейн. Я сторож. Тут почти никого нет. Сегодня же воскресенье. Я даже не знал, что вы здесь. Просто услышал шум.

— Простите, — сказал я.

— Ничего страшного. Я было подумал, может, крысы опять вернулись. — Он распахнул дверь пошире и держал ее, чтобы я смог выйти.

В коридоре я сразу подгрузил карту скоростных индукционных устройств, находящихся поблизости. Не нашлось ни одной. Отделение ФБР располагалось в центре Филадельфии. В этом

районе было полно госучреждений и музеев, но не так уж много мест, открытых воскресным вечером. По всему выходило, что придется заряжаться в машине, которую для меня зарезервировало бюро.

— У меня нет никаких уведомлений о том, что для вас зарезервирован автомобиль, агент Шейн, — сказал мне офицер охраны в вестибюле, куда я спустился, чтобы узнать, где находятся машины.

— Я отправил запрос одновременно с запросом на трил, — сообщил я.

— Не сомневаюсь, — ответил охранник, — но, к сожалению, ваш запрос не попал ко мне, поэтому я не могу открыть для вас машину.

Я вывел свое удостоверение ФБР на маленький нагрудный дисплей «Галаванта»:

— Вы можете проверить, что я именно тот, за кого себя выдаю. Не считая того факта, что я мог загрузиться в этот трил только с помощью зашифрованной сети ФБР.

— Я вам верю, — сказал офицер. — Просто я в буквальном смысле не могу открыть машину без кода авторизации.

— Мне вроде как позарез нужна машина, — признался я. — Не только чтобы добраться до места

назначения, но и чтобы зарядить этот трил.

— Хотите, я вызову вам такси? Вы могли бы зарядиться там.

— Да, пожалуйста. — Я не стал закатывать скандал, ведь, в конце концов, охранник все делал правильно.

Через пять минут перед зданием ФБР остановилось такси. Я вышел на улицу и легонько постучал по стеклу со стороны пассажирского места.

— В этом такси, случайно, нет индукционной пластины?

— Чего нет? — растерянно переспросил шофер.

— Не важно, — сказал я и продиктовал ему адрес дома Дуэйна Чэпмена.

Пока мы ехали, я отключил все возможные системы трила для экономии энергии. Вечер предстоял долгий, но он мог стать парадоксально коротким, не сделай я этого.

Возле дома Чэпмена скопилась толпа репортеров и хилкетных фанатов, одетых в цвета «Бостон бэйз». Филадельфия пока не обзавелась своей хилкетной командой, хотя, как и Вашингтон, числилась в списке кандидатов для ее создания. А вот в Питтсбурге были «Питбулс», и тот факт, что Питтсбург получил сборную по хилкете

раньше Филли, очень раздражал многих филадельфийцев.

Я вывел удостоверение ФБР на нагрудный дисплей трила и, проталкиваясь через толпу, приблизился к крыльцу. Дверь открылась раньше, чем я постучал, и из нее вышел мужчина в медицинском костюме.

— Агент Шейн? — спросил он.

— Да, это я.

— Заходите, пожалуйста, — кивнул он.

Мы вошли внутрь.

— Меня зовут Альтон Ортиц, — сказал мужчина и протянул мне руку, которую я пожал. — Я был одним из тех, кто заботился о Дуэйне.

— Знаю, — ответил я. — Очень сожалею о вашей утрате.

— Спасибо. Это был тяжелый день.

— Разумеется.

— Мне известно, что вы хотите встретиться с Марлой, но она сейчас занята.

— Разговаривает с полицией?

— С ними она уже говорила. Сейчас беседует с представителем лиги.

— Хмм, — промычал я.

Весь смысл этой встречи состоял в том, чтобы опередить лигу, успеть до того, как они заткнут

ей рот. Я мысленно напомнил себе связаться с полицией Филадельфии и узнать, кто занимается убийством Чэпмена, чтобы потом сравнить рассказы вдовы.

— С юристом? — спросил я Ортица.

— Наверное. Думаю, он пришел поговорить о пособии по случаю потери кормильца. — Ортиц махнул рукой в сторону гостиной. — Если хотите, можете подождать ее здесь, а я скажу ей, что вы ждете.

— Вообще-то, я хотел бы взглянуть на комнату мистера Чэпмена, если вы не возражаете.

Ортиц ненадолго задумался, потом снова кивнул:

— Хорошо. Хотя полиция ее уже осматривала.

— Не сомневаюсь. Пожалуйста, не беспокойтесь, я буду аккуратен.

Комната Дуэйна располагалась на первом этаже дома, там, где традиционно находилась столовая. В этом был некий резон, так как площадь кухни могли использовать и как хранилище, и как комнату отдыха для сиделок. Вдоль стены стояло три транспортера личности: один — стандартной топовой модели, другой — повышенной прочности, сконструированный специально для активного отдыха, и третий слишком броский,

даже слегка нелепый, который я определил как «официальный» трил для торжественных приемов и других особых событий. В дальнем углу комнаты стояла опустевшая «колыбель» незнакомой мне модели.

— Это «Лабрам», — ответил Ортиц, когда я спросил его о ней. — Компания производит их специально для лиги. У всех игроков такие.

— Весьма специфичный рекламный контракт, — заметил я.

— Не в этом дело. — Ортиц покачал головой. — «Колыбели» «Лабрам» снабжены специальными системами и мониторами для передачи информации и для защиты от мошенничества.

— А что, в хилкете часто мошенничают?

— Агент Шейн, это профессиональный спорт. Желающих попробовать всегда хватает.

Я кивнул в сторону пустой «колыбели»:

— А Чэпмен?

Ортиц улыбнулся и покачал головой:

— Ну нет, приятель. Кто-кто, но только не он. Дуэйн следил за своим здоровьем и никакой дряни не принимал, как другие. — Он показал на свисающую над «колыбелью» капельницу. — Использовал только одобренные лигой добавки и капельницы.

Я подошел к «колыбели», чтобы рассмотреть пакет капельницы поближе. На нем тоже стоял логотип «Лабрам».

— А вне карьеры Чэпмен был таким же принципиальным? — спросил я.

— Что вы имеете в виду?

— Ходят слухи, что он упорно боролся с трезвостью. — Я кивнул на портрет Марлы Чэпмен на стене. — Из-за проблем дома.

На лице Ортица промелькнула тень.

— Думаю, мне не стоит говорить об этом, — сказал он.

— Я спрашиваю не потому, что хочу услышать последние сплетни. А потому, что хочу знать, почему ваш друг умер во время игры, которая не должна была его убить.

— Спросите у Марлы, — после долгого молчания ответил Ортиц. — Но вы должны знать, агент Шейн: я находился рядом с Дуэйном почти все время, что он бодрствовал, и все то время на поле, когда он тренировался или играл. Если бы Дуэйн принимал допинг — как профессиональный игрок или ради развлечения, — я бы узнал об этом первым. А я про это ничего не знаю. Он этим не грешил.

— А чем грешил?

— Я же сказал — спросите у Марлы. Кстати, пойду узнаю, не освободилась ли она.

Я кивнул, и Ортиц направился на кухню, где Марла разговаривала с представителем лиги. А я пока воспользовался возможностью и спокойно заснял комнату, чтобы потом изучить все как следует.

Закончив, я подошел к фотографии Марлы Чэпмен на стене. С портрета на меня смотрела молодая привлекательная женщина, эдакий образец американской чирлидерши, ни дать ни взять. Она не была хаденом, отчего их брак с Чэпменом казался довольно нетипичным. Как правило, в таких смешанных браках один из партнеров заражался уже после свадьбы. Конечно, никто не запрещал хаденам и нехаденам знакомиться, встречаться или жениться — если всё по обоюдному согласию, пожалуйста, делайте что хотите и будьте счастливы, вы же взрослые люди, — но, как и в тех случаях, когда супруги были из разных социальных слоев, здесь возникали сложности.

И если на этот раз слухи не врали, то данная конкретная пара таких трудностей не перенесла.

В комнату вернулся Ортиц и сообщил, что Марла готова меня принять. Я последовал за ним на

кухню, где на пороге столкнулся с представителем лиги, которого Ортиц тут же повел к выходу из дома. Чиновник показался мне недовольным. А лицо сидящей за кухонным столом Марлы Чэпмен явно говорило, что она недовольна их разговором. Когда она посмотрела на меня, мне стало понятно, что мое появление ее тоже не обрадовало.

— Миссис Чэпмен, меня зовут Крис Шейн, я агент ФБР из отдела по делам хаденов, — представился я.

— Я знаю, кто вы, — сказала она и отвернулась, рассеянно водя пальцем по ободку маленькой рюмки, стоявшей перед ней. — Дуэйн когда-то был вашим фанатом. — Она показала на свободный стул рядом, приглашая меня сесть.

— Примите мои самые глубокие соболезнования, — усевшись, сказал я.

— Спасибо, — отстраненно и сдержанно ответила она.

— Надеюсь, с лигой все вопросы улажены? — спросил я, кивая в сторону входной двери.

— Вы об этом придурке? Все нормально. Он просто пытался подкупить меня.

— Чем же?

— Пособием по потере кормильца.

— Он угрожал невыплатой?

— Нет. Насколько я знаю, у них нет таких полномочий. Но он предлагал мне дополнительные выплаты за молчание.

— Лига не может помешать вам разговаривать с нами.

— Не с вами. — Чэпмен ткнула пальцем в направлении двери. — С ними. С прессой, окопавшейся на моем крыльце.

— И зачем это лиге?

— Потому что они хотят выставить моего мужа трагической фигурой, а не лживым сукиным сыном, каким он был. — Она посмотрела мне в глаза, и я снова поразился, насколько она красива, хотя и очень измучена. — Агент Шейн, можно мне задать вам один вопрос?

— Конечно.

— Личный.

— Пожалуйста. Отвечу, если смогу.

— Когда о хадене можно сказать, что он лживый сукин сын?

— Боюсь, я не понимаю вопроса.

Она ткнула пальцем в мой трил:

— Возьмем вас. Вы ходите в управляемом механизме. И если вы, находясь в этом управляемом механизме, заведете с кем-нибудь интрижку,

будет ли это действительно интрижка? Будет ли это секс? Настоящий секс? — Она подняла руку и показала в сторону комнаты, где стояла «колыбель» ее мужа. — Я хочу, чтобы вы ответили мне: как по-вашему, можно мне злиться на своего мертвого мужа, который трахался с кем-то за моей спиной, или я должна изображать безутешную вдову только потому, что это не считается сексом, если ты был в теле робота?

— Миссис Чэпмен… — не сразу начал я.

— Просто Марла.

— …мне кажется, я недостаточно компетентен, чтобы судить о ваших отношениях.

— Ерунда. Вы хаден. Как и мой муж. Он заболел в три года. Мы познакомились в колледже. И я стала встречаться с парнем в триле. Вы и представить себе не можете, сколько дерьма я за это огребла. В первый же год на День благодарения мой кузен спросил у меня, каково это — крутить любовь с ходячим вибратором.

— И что вы ответили?

— Ничего не ответила. Врезала как следует, вот и все.

— Вполне заслуженно, — улыбнувшись про себя, заметил я.

— Я полюбила Дуэйна за то, кем он был, и мне

было наплевать, что он в триле. — Чэпмен снова начала водить пальцем по ободку рюмки. — А потом он вступил в лигу, и у него начали появляться другие. Он, конечно, мог все отрицать, и как тут докажешь, правда? — Она наклонилась ко мне. — Вы ведь можете уйти в «Агору» или подгрузиться к другому трилу, если захотите. Можете сказать, что спите, тренируетесь на поле, играете, да что угодно — никто из нас все равно не узнает правды. По крайней мере, пока вы не проколетесь и владелец квартиры, которую вы снимаете для своих утех, не позвонит вам на служебный номер и не скажет, что соседи жалуются на шум, а на звонок, как на грех, ответит жена.

— Сочувствую вам.

— Я тоже себе сочувствую. Но я по-прежнему хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос.

Я молчал примерно минуту, а потом сказал:

— Миссис Чэпмен, у вас с мужем были определенные договоренности на этот счет. Я имею в виду интимную сторону вашего брака. То, с кем и как вы оба проводите свое время. Если ваш муж нарушил эти договоренности, значит он предал вас. Считается это сексом или нет, в данном случае несущественно.

— То есть вы все-таки назвали бы его *лживым*

сукиным сыном?

— Да, — ответил я. — Если он так поступал, значит он был лживый сукин сын.

— Спасибо, — поблагодарила Марла и допила содержимое рюмки. — Ну, так что вы хотели спросить?

— Вы были сегодня здесь, когда с мужем случился приступ?

— Нет. В дни игр в доме слишком много людей. Альтон, его опекун. Вы уже познакомились. — (Я кивнул.) — Обязательно кто-нибудь от лиги для наблюдения за Альтоном и Дуэйном, чтобы они не попытались использовать запрещенные стимуляторы или еще что-то в этом духе. Приятели Дуэйна со всей округи, которые смотрят игру на нашем стодюймовом экране в гостиной. Они тащатся оттого, что могут вволю орать на Дуэйна, когда он совершает ошибки. Обычно их собирается пятеро или шестеро. Так что — нет. Я на это время отправляюсь по магазинам, или где-нибудь обедаю, или иду в кино с подругами, а домой возвращаюсь, когда игра заканчивается и все уходят.

— Значит, сегодня…

— Сегодня я пошла в кино со своей подругой Карен и отключила телефон.

Она замолчала и начала вертеть в руках уже пустую рюмку; ее глаза наполнились слезами, но она справилась с собой. Отвернулась, часто заморгала, потом снова посмотрела на меня.

— А когда я включила телефон, то узнала, что Дуэйн мертв, — сказала она.

— Вы сказали что-нибудь мужу перед тем, как уйти из дома?

— Только то, что я собираюсь в кино.

— Значит, вы не ссорились? — спросил я.

— Нет. То есть… сегодня не ссорились, — уточнила она. — А вообще-то, серьезная ссора была не так давно.

— Из-за той квартиры?

— Нет. Простите, что так плохо объясняю. Дуэйн не знал, что мне стало известно о его изменах. Я сама узнала об этом только на прошлой неделе. И я не хотела, чтобы он понял, что я догадалась. Я собиралась сделать ему сюрприз на бракоразводном процессе.

— Миссис Чэпмен, может, вам стоит прямо сейчас позвонить адвокату? — спросил я.

— Зачем? — ответила она. — Я его не убивала, агент Шейн. Меня даже здесь не было, когда он умер. И можете мне поверить — я хотела, чтобы он жил. Чтобы он прочувствовал весь ад развода.

Мне не нужен адвокат.

— У Дуэйна были какие-нибудь пристрастия? — решив сменить тему, спросил я.

— Кроме секса? Нет. Он никогда не пил и не употреблял наркотиков, даже в колледже. Уже тогда мечтал попасть в лигу. Говорил, что не хочет потерять преимущество.

— А как насчет того, чтобы усилить преимущество?

— Вы имеете в виду препараты, повышающие работоспособность? — Она покачала головой. — Их он тоже никогда не принимал. Лига проверяла все, что Дуэйн отправлял в свое тело через питающие трубки и капельницы. И то, что из него выходило, тоже проверяла. «Колыбель», что вы видели, находилась под постоянным наблюдением. Альтону после каждой игры приходилось отправлять мешки с первой мочой и калом в лигу для проверки. И это касалось не только Дуэйна. Лига поступает так со всеми своими игроками. Дуэйн никогда бы не стал рисковать. Он понимал, что он не знаменитость.

— Как раз такие игроки обычно и рискуют, — возразил я. — Они знают, что в любой момент могут вылететь из лиги.

Чэпмен снова покачала головой:

— Вы не знали Дуэйна. Он бы не стал. У лиги есть одна специальная питательная добавка, которую они используют, ее получают все игроки, кроме звезд — у тех свой собственный рацион, и его состав тоже надо утверждать у руководства лиги. Так вот, эта добавка была единственным дополнением, которое Дуэйн вводил в свое тело помимо обычного питания.

— И что в нее входит? — спросил я.

— Не знаю. Витамины, электролиты. Дуэйн всегда говорил, что это, по сути, хаденский изотоник. А почему вы спрашиваете?

— Ваш муж умер на глазах огромного числа людей. Мне очень жаль, но мы должны полностью убедиться, что это был несчастный случай, а не что-либо другое.

Чэпмен кивнула и показала рукой в сторону комнаты мужа.

— Все, что попадало в тело Дуэйна, еще там, — сказала она. — Попросите Альтона, и он даст вам расписание с подробным перечнем всего, что ему давали и когда.

— Спасибо, непременно попрошу, — заверил я. — Также меня интересует квартира, о которой вы упомянули.

— Что именно вас интересует?

— Если он скрывал ее от вас, возможно, там есть нечто, чего вы не должны были видеть?

— Вы имеете в виду, кроме тех, с кем он трахался? — спросила Чэпмен.

— Да, кроме них, — ответил я.

Она пожала плечами:

— Так идите и посмотрите.

— Нам нужен ордер, — сказал я. — От местного судьи.

— Вам не нужен ордер. Я разрешаю вам зайти туда.

— Если он скрывал квартиру от вас, то, возможно, снял ее через третье лицо.

Чэпмен вдруг рассмеялась:

— А что вы еще могли подумать, верно? Но, если вы помните, я сказала, что тот звонок от владельца квартиры был сделан на служебный номер. У нас общий бизнес — компания, которая занимается инвестициями и ценными бумагами. Мы были равноправными партнерами. Он снял ту квартиру через компанию. То есть в договоре аренды мое имя.

Глава 5

— Вы же говорили, у вас есть зарядная плата, — сказал я новому водителю, садясь в такси.

— Зарядник сзади, — ответил он.

— Это для телефона.

— Ну да, я так и сказал — зарядник, — кивнул он.

Я вздохнул и назвал ему адрес: Натрона-стрит в районе Строббери Мэншн. Таксист вбил данные в программу, запустил автопилот, а сам уткнулся в свой телефон. Я посмотрел на уровень энергии трила — оставалось уже меньше десяти процентов. Скоро можно будет начинать обратный отсчет. Просто супер. Я подгрузил карту, чтобы поискать доступные зарядные станции между мной и тайной квартирой Дуэйна Чэпмена, и нашел две, обе в закрытых магазинах. Филадельфия начинала меня раздражать.

На внутреннем экране выскочило окно звонка с незнакомым нью-йоркским номером. Сначала я сомневался, отвечать или нет, но любопытство победило.

— Меня зовут Лори Уилкерсон, я из «Нью-Йорк таймс», — сообщил человек на другом конце

линии. — Я надеюсь поговорить с вами о расследовании смертей Дуэйна Чэпмена и Алекса Кауфмана.

— Откуда у вас этот номер? — спросил я.

— Эти две смерти как-то связаны? — сказал он вместо ответа.

— Без комментариев, — ответил я, дал отбой и тут же переключил телефон в пассивный режим, при котором звонки и текстовые сообщения, поступившие от всех, кто не входил в особый список контактов, просто записывались в журнал регистрации вызовов.

Когда я открыл журнал, то увидел, что он стремительно заполняется эсэмэсками и запросами на вызов. Тогда я закрыл его и связался с Ванн.

— Мой номер только что слили прессе, — с ходу выдал я.

— Ни хрена себе шуточки, — проворчала Ванн. — Мой телефон последние десять минут просто разрывается. Вам еще повезло, что дозвонились. Я уже собралась его отключить, к чертям.

— Что случилось?

— Все просто с ума посходили, — сказала она. — Это уже превратилось в какой-то скандал федерального масштаба. Очевидно, наш дорогой

директор опять сболтнул лишнего. — Ванн не слишком жаловала Гиббса Эблемара, нынешнего главу ФБР. — Ничего нового, учитывая, сколько глупостей он наговорил за последние полтора года. Заявил, что расследование смерти Чэпмена имеет первостепенное значение.

— Это значит, у нас забирают дело?

Ванн фыркнула:

— Это значит, нам лучше не облажаться, если не хотим искать новую работу. Для одного из нас это будет проблемой. Как у вас дела?

Я рассказал ей новости.

— А еще мой трил скоро отрубится, а зарядить негде.

— Зарядите в такси.

— Такси в Филадельфии на удивление недружелюбны по отношению к хаденам. Не говоря уже обо всем остальном городе.

— Ну, вы же едете в тайное любовное гнездышко хадена. Полагаю, уж там-то возможностей будет предостаточно.

— Едва ли это будет удобно, — заметил я.

— А разрядиться посреди расследования удобно?

— Вы правы.

— Тем более это беспроводной процесс. Можете

просто сказать, будто не знали, что стоите на зарядке.

— Как продвигается расследование? Есть что-нибудь новенькое? — спросил я, проигнорировав ее реплику.

— Кауфмана отвезли на вскрытие. Эксперты говорят, может быть, начнут заниматься им завтра. Я не почувствовала, что они так уж торопятся. Наверняка считают это обычным самоубийством.

— А мы считаем иначе?

— Нет, но им не дышит в затылок глава ФБР, только что объявивший по национальному телевидению о том, что ставит это дело в разряд ключевых.

— Верно подмечено, — поддакнул я.

— Еще бы не верно! К счастью, криминалисты в Филли более расторопны. Они уже обследовали тело Чэпмена и завтра вышлют нам предварительный отчет.

— То есть мне вернуться.

— Я тоже приеду. Хочу сама забрать отчет.

— Зачем?

— Затем что глава ФБР дышит нам в затылки.

— Кажется, это становится навязчивой идеей.

— Сама не понимаю почему, — съязвила Ванн. — Еще одно — я приказала конфисковать

игровой трил Чэпмена. Главный инженер «Бэйз» утверждает, что с ним все в порядке, но я не уверена. Ваш сосед разбирается в трилах?

— Тони? — спросил я. — Конечно. Он писал программы по крайней мере для нескольких крупных производителей транспортеров личности.

— Добавьте к его списку задач проверку трила.

— И что ему искать?

— Прежде всего то, что могло повысить болевую чувствительность.

— Это займет время. Трилы очень сложно устроены, к тому же доступ к их софту и железу обычно запрещен.

— Хотите сказать, нам потребуется ордер?

— Нет — только то, что придется проводить обратный инжиниринг.

— Надо связаться с производителем и узнать, пойдут ли они навстречу.

— Думаю, они испугаются ответственности за разглашение коммерческой тайны, — сказал я.

— Тогда мы заставим их бояться ответственности за препятствие федеральному расследованию.

— Очень гуманно, — съехидничал я.

— Глава ФБР… — начала Ванн.

— Дышит нам в затылки, — договорил я. — Ладно, я понял.

— Я знала, что вы понятливый. Сворачивайте там свои дела и поскорее возвращайтесь. Я забронировала нам время в визуализационной аппаратной завтра с утра пораньше. Вам, мне и вашему соседу Тони.

Я сверился со своей встроенной картой:

— Мы почти приехали. Мне надо найти владельца квартиры, чтобы он меня впустил. Я там все осмотрю, отсканирую и отмечу то, что будет важно для завтрашнего совещания.

— Ну да, дело нехитрое, — сказала Ванн.

— Не сглазьте.

Мы свернули на Даймонд, выехали на Натрона-стрит и увидели горящий дом.

— Эй, — сказал мне водитель, указывая на пожар впереди. — Это, случайно, не ваш?

Адрес был определенно мой, и дом точно горел, а собравшаяся вокруг небольшая толпа на кого-то орала.

— Да не вернусь я туда ни за что! — кричал какой-то пухлый коротышка. — Я едва выбрался.

— Это же ваш дом, — напомнили ему из толпы. — Вы хозяин.

— Я не хозяин, а управляющий!

— И вы так просто позволите ей умереть?

— Пожарные уже едут.

— Они не успеют добраться сюда! — закричал кто-то.

— Да им ехать-то от Йорк-авеню всего, — сказал управляющий.

— Ту пожарную часть уже два года как закрыли, придурок!

— Я все равно туда не пойду!

— Я пойду! — громко объявил я.

Все обернулись ко мне.

— Я — агент ФБР, — сказал я.

— Вот пусть федерал и идет! — крикнул управляющий.

— Кто там остался? — спросил я.

— Старушка на четвертом этаже, — ответил мне какой-то мальчишка.

Я повернулся к управляющему.

— Шаника Миллер, — кивнул тот. — Все вышли, осталась только она.

— Точно все?

— Да, — заверил управляющий. — Я на первом этаже, Уэверли — на втором. — он указал на всхлипывающую пару, стоящую на тротуаре; маленькая кудрявая собачка вылизывала лицо одного их них, пытаясь утешить. — Шаника — на

четвертом.

— А на третьем кто? — спросил я.

— Тот парень умер! — крикнули из толпы.

— Но не от пожара! — тут же завопил управляющий.

Я протянул руку:

— Ключи.

Управляющий вручил мне связку ключей с цветовой маркировкой.

— От четвертого этажа красные, — сообщил он.

— Сколько длится пожар?

— Да минут пять, — ответил управляющий. — Начался откуда ни возьмись, мать его!

Я посмотрел на здание. Стекло входной двери лопнуло, осколки валялись повсюду. Из окон валил дым.

— Плохая идея, — сказал я себе и прыгнул в разбитую дверь.

Обоняние и боль я отключил, но все равно чувствовал жар, поднимаясь по лестнице. Дверь квартиры на втором этаже была распахнута, и оттуда вырывалось пламя. Квартира Чэпмена на третьем этаже была закрыта. Пока я поднимался выше, я никак не мог решить, что же делать: окажись дверь Шаники Миллер также закрытой,

я мог лишь усилить огонь из-за притока кислорода с лестницы и тем самым, вместо того чтобы спасти пожилую женщину, убить ее.

Но проблема решилась сама собой, когда я добрался до четвертого этажа. Миллер лежала на лестничной площадке без сознания; дверь за ее спиной была слегка приоткрыта. Я предположил, что она попыталась спуститься по лестнице, но даже не успела одолеть первую ступеньку, наглотавшись дыма. А может быть, с ней случился сердечный приступ или еще какая-нибудь напасть.

Впрочем, гадать было некогда. Огонь все еще набирал силу. Я наклонился, поднял женщину на плечи обычным приемом пожарных при спасении раненых и пошел вниз — так быстро, как только мог; отдельные ступеньки скрипели под ногами. На первом этаже двери пришлось в этот раз открыть, так как прыгнуть с грузом за спиной я бы вряд ли смог.

Ко мне сразу же бросились несколько человек, сняли с меня Миллер и отнесли ее на безопасное расстояние от горящего здания. Я снова включил чувство обоняния и едва не задохнулся от вони горящего пластика и раскаленного металла. Сразу возникла мысль, что местное отделение ФБР едва

ли обрадуется тому, что я сотворил с их трилом.

Кто-то тронул меня за руку. Это был мальчик, который печально показывал пальцем на окно третьего этажа. Там что-то двигалось. Я присмотрелся получше.

— У Чэпмена что, есть кот? — громко проговорил я, ни к кому не обращаясь.

— Вы его вытащите? — спросил мальчишка.

Я выругался про себя, а вслух спросил у стоявшей рядом женщины:

— Пожарные скоро приедут?

— Это же Строббери Мэншн, — ответила та. — Пока они сюда доберутся, от дома одни головешки останутся.

«Ну, мне же все равно туда нужно», — подумал я и нашел управляющего в толпе.

— Какого цвета ключи от третьего этажа?

— Зеленого, — ответил он. — Вы снова туда пойдете?

— Там кот, — сказал я.

— Я бы на вашем месте не пошел, — предостерег он.

— Да, потому что ты засранец! — крикнул кто-то из толпы, на что управляющий скривился и больше не подавал голоса.

Мой второй подъем наверх был более риско-

ванным, более жарким и дымным. Я на ощупь вставил зеленый ключ в замочную скважину, отпер дверь и уже приготовился открыть и закрыть ее как можно быстрее, чтобы не дать свежему кислороду еще сильнее раздуть пламя, как вдруг в открывшуюся со скрипом щелочку мимо моих ног пулей прошмыгнул кот и устремился вниз по лестнице. Я захлопнул дверь, подбежал к лестничному пролету и, глянув вниз, только успел увидеть, как он вылетел из разбитых входных дверей на улицу. Какое-то время я тупо стоял на месте, но потом все-таки вспомнил, зачем я здесь, вернулся к квартире и быстро вошел внутрь.

Первым, что я увидел, были дым и выставленные в гостиной трилы, вид которых не оставлял никаких сомнений в их предназначении. Один из них по всем анатомическим признакам был мужчиной, второй — женщиной, еще два — неопределенного пола, но с некой областью в нижней части живота, напоминающей складки и канавки. Три канавки, разделенные двумя дугообразными складками. Такого я еще не видел.

Я сфотографировал их и двинулся дальше по квартире, фиксируя все остальное как можно быстрее, ведь дом как-никак горел. Нужно было просто тупо все заснять, а уж потом изучать бо-

лее внимательно. Такой вариант меня вполне устраивал, особенно когда я дошел до спальни, заполненной секс-игрушками, потом до гостевой комнаты, превращенной в карцер, и наконец до кухни, больше напоминавшей галерею эротического искусства.

Конечно, я никого не осуждал. Просто для одного раза это было как-то многовато.

Кроме того, меня удивило, что на первый взгляд, да и за дымом тоже, мне не попадалось ничего, что могло хоть как-то помочь в расследовании. У Чэпмена, понятное дело, были задвиги, но они явно не имели отношения к его смерти. Получалось, что мой приход, какие бы драматичные обстоятельства его ни сопровождали, был бесполезен.

«Но ты же сам в это не веришь», — промелькнуло у меня в голове.

Я действительно не верил. Конечно, совпадения случаются, но когда всего за восемь часов происходит смерть Чэпмена, самоубийство чиновника хилкетной лиги и пожар в тайном любовном гнездышке Чэпмена, на простое совпадение это уже не тянет.

— Что-то я упускаю, — пробормотал я вслух и решил сделать еще один круг по квартире, после

чего поднял голову, чтобы начать съемку.

Один из трилов, что я видел в гостиной, теперь стоял в коридоре и смотрел на меня сквозь дым.

«Что за черт?» — подумал я, сделал шаг вперед и тут совершенно неожиданно пол вдруг провалился под моими ногами, и я рухнул в квартиру четы Уэверли на втором этаже, где огонь был гораздо сильнее, чем наверху. Я перекатился на спину и посмотрел на то, что осталось от потолка Уэверли и пола Чэпмена. Тот же трил смотрел на меня сверху. А потом исчез.

Мой трил известил меня, что я горю.

«Это знак», — решил я, кое-как встал, и встроенные системы тут же сообщили, что энергии у меня осталось на тридцать секунд.

— Твою ж мать! — крикнул я и бросился к окнам, собираясь выпрыгнуть наружу, чтобы не похоронить трил под обломками горящего здания.

Это был прекрасный план, подпорченный разве что тем фактом, что система управления питанием трила явно переоценила запас оставшейся в нем энергии. Я понял это, когда добежал до горящей гостиной Уэверли, со вкусом обставленной мебелью в стиле модерн, и в этот момент трил отрубился. Последним, что я увидел с его помо-

щью, было охваченное пламенем знаменитое кресло Эймса с подставкой для ног, на которое трил и рухнул. А потом меня вышибло из трила в мое лиминальное пространство — частную зону, которую имели все хадены в нашей социальной сети «Агора».

Там я завис на пару минут. А потом, хотя мне очень не хотелось этого делать, вывел окно «Ависа», прокатной компании, где у меня был открыт кредит.

— Добро пожаловать в «Авис»! — прозвучал голос бота — человек отвечал на запрос только в самых сложных случаях. — Чем могу помочь?

— Я хочу нанять трил, — сказал я. — И машину. И то и другое в Филадельфии и, если возможно, поближе к Строббери Мэншн.

Глава 6

— Выглядите усталым, — заметила Ванн, когда на следующее утро я вошел в визуализационную аппаратную, расположенную в цокольном этаже здания ФБР, где они с Тони Уилтоном и техником из визуализационной лаборатории Рамоном Диасом уже ждали меня.

— Да я в этом гребаном роботе, — буркнул я. — Как я могу выглядеть усталым?

— Горбитесь.

— Не горблюсь я, — сказал я и выпрямился.

— Угу, — промычала Ванн и отхлебнула кофе.

— Крис вернулся домой в два часа ночи, — сообщил Тони.

— Ты что, ябедничаешь на меня? — с удивлением спросил я.

— Просто объясняю.

— Значит, ты тоже не спал, — возмутился я.

— Он же не горбится, — показала Ванн на трил Тони.

— В защиту Криса замечу, что я не прыгал в горящие дома и не спасал из огня старушек и котиков, — сказал Тони.

— А потом не составлял объяснительные для

полиции и пожарных о том, что взятый взаймы трил сгорел при пожаре, — добавил я.

— Из чего, вероятно, следует, что по возвращении в Филадельфию мы получим приглашение от главы тамошнего управления ФБР и должны будем объяснить ей, почему вы допустили, чтобы их трил стоимостью в пятьдесят тысяч долларов превратился в кусок расплавленного металла, — сказала мне Ванн.

— Можете доложить ей, что, если бы они подключили свою чертову индукционную пластину к розетке, этого бы не случилось.

— Ну уж нет. Все это вы ей скажете сами. Думаю, будет весело.

— Ребята, пора начинать, — предупредил Диас. — Аппаратная забронирована на час, а у нас куча материалов.

Ванн кивнула и повернулась к Диасу:

— Давай номер отеля.

Диас запустил визуализационное оборудование, и из проекторов появилось то, что я наснимал накануне, — гостиничный номер Алекса Кауфмана, полупрозрачный, уменьшенный вдвое, включая ванную, где с лейки душа свисало тело Кауфмана.

— Господи боже, — прошептал Тони и закрыл

лицо руками.

— Прости, — сказал я.

— Думаю, мне стоит попросить прибавки за то, что приходится на такое смотреть.

— Всё, собрались, — приструнила Ванн.

— Вы были там после наших ребят и полиции, — повернулся я к ней. — Что скажете?

— Ну, вашингтонская полиция ничего не изгадила, что само по себе уже чудо. — Ванн показала рукой на виртуальный труп Кауфмана. — Все наши, полицейские и медэксперты сошлись на том, что это, похоже, не самоубийство. Нет никаких отметин на теле, предполагающих насилие или борьбу с кем-то еще; в номере также нет следов постороннего присутствия. Очевидно, придется ждать официального заключения. Мы поднялись в номер через десять минут после того, как он нам написал, и застали его уже мертвым.

— Получается, он написал мне СМС, а через минуту взял ремень и удавился, — заключил я.

— Думаете, это мы его спровоцировали?

— Возможно. — Я показал на телефон Кауфмана, лежащий на крышке унитаза. — Но мне кажется, он уже залезал в петлю и взял телефон после моего сообщения.

— То есть прервал свое важное занятие, чтобы

написать ответ? — съехидничала Ванн. — И телефон специально захватил в ванную, чтобы не скучно было вешаться.

Я ткнул пальцем на ее карман, где она всегда носила телефон.

— Вы же свой везде носите. — Я посмотрел на Рамона. — И Рамон, держу пари, тоже. — Тони я намеренно не включил в эту компанию, потому что он был в триле, а у нас телефоны встроенные.

— Я точно беру мобильник, когда иду в ванную, — подтвердил Рамон.

— Ага, но ты же идешь туда облегчиться, а не сводить счеты с жизнью, — сказала Ванн, на что он только пожал плечами.

— Я к тому, что он мог сделать это просто по привычке, — сказал я. — Возможно, даже не задумываясь.

— Значит, Кауфман паникует из-за записи, убирает ее, потом возвращается в отель, раздевается, берет ремень и телефон, идет в ванную, обвязывает ремень вокруг душа и своей шеи, отвечает на сообщение, просит нас прийти через пятнадцать минут, а потом убивает себя.

— Именно так.

— Слишком сложно, — заметила Ванн.

— Разве имеет значение, собирался ли он повеситься до того, как мы позвонили, или после? — спросил я.

— Если мы пытаемся выяснить, почему он убил себя, то имеет. И вот еще что. — Ванн показала на дверь с задвинутым язычком замка. — Он хотел, чтобы в номер могли зайти без проблем. Было ли это сделано для нас? Или для кого-то еще? А если для кого-то еще, то для кого? И зачем?

— Вы разговаривали с чиновниками СХЛ, — сказал я. — Что они думают обо всем этом?

— Они потрясены, — ответила Ванн. — По-настоящему, это не просто слова. О Кауфмане уж точно никто не мог подумать, что он повесится в гостиничной ванной. — Она показала на изображение Кауфмана перед нами. — Никогда не впадал в депрессию, всегда был полон энергии и все такое прочее. Судя по всему, эдакий ловкач.

— Что это значит?

— Думаю, это значит, что он был порядочной сволочью, из тех, кто с усердием делает свою работу и всегда добивается своего.

— Он был женат? Или встречался с кем-нибудь? — спросил я. — Может, они поссорились, поэтому он и полез в петлю?

Ванн покачала головой:

— Нет. У него только родители и сестра. Лига их уже известила. Я поговорю с ними сегодня или завтра.

— Кто-нибудь проверял его телефон? — спросил Тони. — Кауфман мог звонить или писать кому-то из родных или знакомых… перед тем как… ну это… — Он махнул рукой в сторону висящего тела.

— Телефон был заблокирован, — ответила Ванн.

Тони присмотрелся к изображению телефона.

— Есть несколько способов обойти блокировку такого аппарата, — сказал он.

— Полагаю, никто из двух правоохранительных структур, проводящих осмотр, не захотел нарушать конституционные права личности, — заметила Ванн.

— Понятно, — кивнул Тони.

— Перед тем как прийти сюда, я запросила ордер на обыск, — сообщила Ванн. — Когда мы его получим, то обратимся к провайдеру.

— Если телефон ему выдала лига, ордер может и не понадобиться, — заметил Диас.

Ванн выразительно глянула на меня, выгнув бровь.

— Я займусь этим, — пообещал я и снова пока-

зал на изображение. — Есть ли вероятность, что кто-нибудь заходил туда до нас?

Ванн кивнула Диасу, и на виртуальном экране появилось изображение гостиничного коридора перед номером Кауфмана, запущенное на большой скорости.

— Это запись с камеры наблюдения на этаже, сделанная за час до нашего прихода. Вот Кауфман. — Она указала на человека, с комичной поспешностью заскочившего в номер. — Кроме него, никто не входил и не выходил из этой двери до того, как мы появились. В другие номера люди входили и выходили, но в эту вошли только он и мы.

— А что говорят криминалисты? — спросил я.

— Говорят, проверка отпечатков пальцев и прочих данных займет какое-то время. У сети отелей хранятся отпечатки пальцев всего персонала, и это, по крайней мере, поможет нам сократить список людей, заходивших в номер. Но, во всяком случае, пока нет никаких оснований считать, что там произошло нечто другое, а не то, что представляется очевидным.

— Где тело Кауфмана сейчас? — спросил я.

— В вашингтонском бюро судмедэкспертизы. Сегодня обещали выслать предварительный

отчет, включая результаты токсикологического анализа. Так что мы ждем ордеров и отчетов от криминалистов и судмедэкспертов.

— Да, — сказал я. — Сегодня у нас понедельник, девять часов тринадцать минут утра. Скорее всего, ордера мы получим раньше остального. И я сразу же свяжусь с лигой, как только мы закончим здесь.

Тони взглянул на Диаса, и тот убрал изображение номера, заменив его длинной бирюзово-оранжевой полосой с двумя колонками, помещенными одна над другой. В первой отображался сердечный ритм, во второй — мозговая активность. Ванн вопросительно посмотрела на Тони.

— Это стандартный графический дизайн, который лига использует для показа параметров игрока, — пояснил тот. — Такой способ проще, чем извлечение исходных данных для визуального наблюдения за ними.

— Как-то по-уродски выглядит, — сказала Ванн.

— Это всплывающее окно.

— Я и говорю — по-уродски, — повторила Ванн.

— Ладно, давайте я покажу вам три фрагмен-

та. — Лента видеоданных быстро прокрутилась вперед, а потом замедлилась. — Дуэйн Чэпмен был «козлом отпущения» трижды за игру. То есть игроком защиты, чью голову используют в качестве мяча.

— Вы еще будете учить меня правилам хилкеты, — проворчала Ванн.

— Послушайте, — сказал он. — Далеко не все их знают.

— Я, например, — вставил Диас.

Тони махнул рукой в его сторону, словно говоря: «Вот видите?»

— Итак, здесь это произошло в первый раз. — он показал на изображении. — Можно заметить, что пульс учащается и активность мозга лишь слегка колеблется. Это потому, что, когда отрывают голову, боль небольшая. Они просто убавляют чувствительность, но не совсем, а чтобы заставить игрока избегать ее. То есть она остается на уровне ощущения примерно как от пощечины, так называемая «умная боль». Это отображается в основных показателях состояния организма резкими скачками, которые идут на спад, потому что, когда трилу отрывают голову, его сенсорная система отключается.

— Почему? — спросил Диас.

— Потому что, когда игра еще только появилась, выяснилось: если этого не сделать, то кто-нибудь из команды противника обязательно спляшет на обезглавленном теле — просто так, забавы ради. Бывают еще те мудаки.

— Значит, сердечная и мозговая активность растет, а потом падает, — заключила Ванн.

— Все верно, а теперь взгляните, что произошло, когда Чэпмена выбрали во второй раз. — Лента промелькнула и снова замерла. — Теперь скачки сердечного ритма и работы мозга значительно выше, и они не падают, как это было в первый раз, когда трилу оторвали голову. В той мере, в какой эти показатели коррелируют с болью, он испытывал ее гораздо сильнее, и она полностью не прошла.

— Кто-то подрегулировал болевую чувствительность в его триле, — сказал я.

Хадены, использующие трилы, могут уменьшать или увеличивать болевой порог трила. Сбавлять его до нуля глупо — как и в человеческом теле, боль предупреждает об опасности, и ты можешь серьезно повредить машину, а ремонт стоит дорого, — хотя иногда возможность понизить порог бывает кстати. Разумеется, можно и повысить, но мало кто на это идет.

— Ты, конечно, можешь так думать, но тот чувак из «Бэйз», который у них отвечает за всю технику на поле, утверждает, что трил досконально проверяли. По крайней мере, так он сказал в интервью, я сам читал сегодня утром. И о том, что все данные есть у лиги. Они всегда отслеживают настройки трилов и веб-каналы, потому что искушение доработать стандартные параметры очень велико.

— Как в автогонках, да? — сказал Диас. — Всем приходится соревноваться на одинаковых моделях.

— Точно, — подтвердил Тони. — В данном случае есть четыре базовые модели и еще несколько разрешенных модификаций, но все должно находиться в строго определенных пределах. В случае нарушения всех наказывают. А уж главного по техчасти точно уволят. Так что ему врать невыгодно.

— Если это не трил, тогда что? — спросила Ванн.

— Точно не знаю, но что-то явно серьезное. — Тони снова начал прокручивать ленту, но уже медленнее. — Показатели Чэпмена так и не пришли в норму после того, как он во второй раз стал «козлом отпущения». Наоборот, они становились

все хаотичнее и в среднем росли. Поэтому, когда его выбрали в третий раз, вот здесь, — Тони показал на третий заметный скачок на диаграмме, — его жизненные показатели уже были близки к тем, что мы видели на втором скачке. А после третьего все вообще пошло вразнос.

Тони был прав. После третьего скачка показатели Чэпмена продолжало колбасить — резко и хаотично.

— Вот здесь канал обрубили. — Тони показал на отметку в потоке данных. — Здесь, — он показал на еще одну отметку, — у него произошла остановка сердца. А здесь, — третья отметка, — полностью прекратилась мозговая активность.

— Когда он умер, — сказала Ванн.

— Да, когда смерть стала неизбежной.

— То есть ты хочешь сказать, что Чэпмен умер от боли? — спросил я.

— Вообще-то, нет, — ответил Тони. — Мы знаем, что он испытывал боль, потому что на вчерашней пресс-конференции нам об этом сказали. — Он махнул рукой на ленту, теперь неподвижную. — Но эти данные не указывают на боль явно, хотя, безусловно, подразумевают ее наличие. Особенно показатель «мозговой активности», отражающий состояние мозга в целом, но не отдельных его

участков.

— Иными словами, показуха, — сказала Ванн.

— В основном да, — согласился Тони. — Которая, кстати, неплохо продается. Мы видим, что с мозгом Чэпмена что-то происходило, но что именно, наверняка сказать не можем.

— Кроме того, что он испытывал боль.

— Кроме того, что эти данные убеждают всех в том, будто он ее испытывал, — поправил Тони. — Так или иначе, боль — это лишь симптом. Вообще-то, я бы сказал, что Чэпмен умер от остановки сердца. От инфаркта. Спросите у судмедэкспертов в Филадельфии, они подтвердят.

— Как вы думаете, эти данные могли подделать? — спросила Ванн.

— Нет, или тот, кто сделал это, настоящий мастер своего дела, — ответил Тони. — Конечно, это предварительные выводы, основанные на беглом осмотре. Позже я проведу более основательные тесты. Но даже если их подделали, то для того, чтобы показать уже известный нам факт: Чэпмен умер вскоре после того, как его трил увезли с поля. Поэтому, если их действительно изменили, сразу возникает вопрос — для чего?

— То есть мы возвращаемся к нашей первоначальной теории: Кауфман приказал изъять

данные, потому что по-настоящему испугался, — заключил я.

Ванн покачала головой:

— Мы и не переставали так думать. Вопрос заключался в том, чего именно он испугался. И почему из-за этого даже покончил с собой.

— Если действительно покончил.

— Наверняка, — сказала Ванн и кивнула в сторону ленты данных. — Если всю свою жизнь он был заносчивым, самовлюбленным засранцем — а все, с кем я вчера разговаривала, утверждали именно это, — то здесь точно есть нечто, что заставило его совершить такой крутой вираж.

— И что будем делать? — спросил я.

— Пока остановимся на этой мысли и посмотрим, что вы привезли из Филли.

Я кивнул и переправил информацию Диасу, который тут же убрал с виртуального экрана данные Тони и вывел снимок горящей квартиры Чэпмена. В воздухе замерли дым, пламя и копоть.

— Ничего себе! — воскликнул Тони.

— Спасибо, — скромно ответил я. — И я там был.

— Что нашли? — спросила Ванн.

— Да, по сути, ничего. Похоже на обычное тай-

ное гнездышко для встреч с поклонницами.

— Откуда вы знаете, как выглядят тайные гнездышки для встреч с поклонницами?

— Если помните, я когда-то тоже был знаменитостью. Так что эта сфера жизни для меня не в новинку.

Ванн внимательно посмотрела на меня, наклонив голову набок:

— Так у вас… тоже было такое гнездышко, Крис?

— Шутите?

— Шучу, но, возможно, процентов на пять по-настоящему интересуюсь.

— Я бы поднял до десяти процентов, — добавил Тони; Диас молчал, но явно чувствовал неловкость.

— Вы оба просто несносны, и мой ответ — нет, — сказал я. — Кстати, я действительно считал эту квартиру тайным гнездышком до тех пор, пока там не нарисовался кто-то еще и не привел в действие один из трилов.

— Который? — спросила Ванн, и я показал на трил с канавками внизу; она вгляделась в изображение. — Не знаю такой модели.

— Я вообще ни одну модель там не узнал, — сказал я.

— Вот этот похож на продукцию «Ван Димен». — Тони показал на трил с пенисом.

— А вы-то откуда знаете? — удивилась Ванн.

— Очевидно, потому, что находился в непосредственной близости от одной из таких же.

— Так-так, любопытно, — сказала Ванн.

— Хотите узнать о моем сексуальном опыте?

— Ну уж нет, — раздраженно отмахнулась Ванн. — Лучше расскажите про эту компанию.

— Нечего особо рассказывать, — сказал Тони. — Существует рынок сбыта для подобных образцов, крупные фирмы не хотят с этим связываться, поэтому «Ван Димен» получила патент на свою технологию и вносит изменения в конструкцию трилов. Делает модели обоих полов.

— А это что? — Ванн показала на трил с канавками.

— Никогда таких не видел, — пожал плечами Тони. — Но, судя по всему, они для тех же целей.

Ванн посмотрела на меня:

— Крис?

— Уже ищу, — ответил я и подгрузил окно компании. — Находится в Балтиморе.

— Что случилось с теми трилами из квартиры Чэпмена? — спросила Ванн.

— Сгорели. Я попросил полицию Филли кон-

фисковать остатки.

— Завтра заберем тот, что на ходу, и на обратном пути из Филли нагрянем в «Ван Димен», — решила Ванн. — Что-нибудь еще?

— Видео из дома Чэпмена.

— Давайте посмотрим.

Я переслал запись Диасу, и перед нами возникла комната.

— Ну и что, — после короткого молчания наконец сказала Ванн. — Комната как комната.

— Я тоже так подумал, — согласился я.

— Кто-нибудь хочет высказаться? — спросила Ванн у Тони и Диаса.

— Вообще-то, да, — сказал Тони.

— Слушаю.

— Можно увеличить вон тот пакет с внутривенным?

Ванн кивнула Диасу, и он увеличил масштаб изображения. Она посмотрела на меня, я пожал плечами.

— Тут что-то не так. — Тони показал на пакет.

— Что именно? — спросила Ванн.

— Марка не та.

Ванн нахмурилась:

— Объясните толком.

— В такие пакеты помещают добавки, кото-

рые лига разрешает игрокам использовать во время матча для поддержания сил, внимания и всего остального. Ну так вот, у самых известных хилкетистов есть рекламные контракты на их собственные добавки. Они не используют те, что утверждает лига, то есть «Тайгертон». А на этом пакете логотип «Лабрам». У Чэпмена не было контракта с «Лабрам».

— Понятно, и что? — спросила Ванн. — Может, Чэпмен просто захотел разнообразия.

Тони покачал головой:

— Это вряд ли. На СХЛ могли подать в суд за то, что Чэпмен не использовал «Тайгертон» во время игры. А руководство команды могло оштрафовать Чэпмена за то же самое, если только он не заключил собственный рекламный контракт. Но у него не было такого контракта.

— То есть вы хотите знать, почему вдруг произошла замена? — кивнула Ванн.

— А еще — что в пакете, — добавил я и повернулся к Диасу. — Пожалуйста, верните снова квартиру Чэпмена.

Появилось изображение.

— Теперь гостиную в натуральную величину.

— Что вы ищете? — спросила Ванн.

— Вот это. — я показал на коробку в углу комна-

ты, рядом с трилами, частично скрытую висящим дымом. — На ней написано: «Лабрам».

— Внутри может быть что угодно, — заметила Ванн.

— Может, — кивнул я. — Но там явно что-то конкретное. — Я показал на транспортировочный код на крышке коробки. — И мы узнаем, что именно, отследив по этому коду. А пока… — Я попросил Диаса еще раз вернуть изображение квартиры Чэпмена и снова навести зум на пакет с питательной смесью. — На каждом пакете свой собственный серийный номер. С его помощью мы узнаем, из какой он партии и когда был произведен. Этого будет достаточно, чтобы понять, был он доставлен Чэпмену напрямую или через кого-то.

Ванн нахмурилась.

— Думаете, это может иметь какое-то отношение к его смерти? — спросила она.

— Не знаю, — ответил я. — Но если Тони прав и этих пакетов действительно не должно быть здесь, надо выяснить, почему они попали к Чэпмену. Нам неизвестно, по какой причине его тело вдруг слетело с катушек во время игры, и мы не можем принимать каждое объяснение на веру. Мы должны выяснить, что происходило с

его телом и с его трилом. Поэтому мы добудем этот пакет и проверим его содержимое. А еще получим отчет от судмедэксперта в Филадельфии. И поговорим с теми, кто заведует трилами в «Бостон бэйз».

— Вы разговаривали с опекуном Чэпмена?

— С Альтоном Ортицем? Да.

— И он ничего не сказал о том, что содержимое пакетов было другим?

— Нет.

— Может, стоит спросить его еще раз?

— Обязательно спросим, когда будем в Филли ждать отчета экспертов. А между делом попросим кого-нибудь из наших тамошних коллег в управлении заехать в дом Чэпмена и забрать пакет как вещественное доказательство.

Ванн чуть улыбнулась:

— Позвольте, я этим займусь. Едва ли они будут рады вашему появлению после того, что вы сделали с их казенным трилом.

— Пожалуй, вы правы.

— Также нужно вернуться в Строббери Мэншн и поговорить с соседями, выяснить, что происходило в любовном гнездышке Чэпмена и отчего загорелся дом.

— Да, — согласился я. — Ну а по делу Кауфмана

что предпримем?

— Ах это… — протянула Ванн и посмотрела на меня. — Не знаю, Крис. А что, по-вашему, следует предпринять?

На самом деле у Ванн, разумеется, были мысли по этому поводу. Просто она, как старшая, проверяла своего младшего напарника, то есть меня. Так было и год назад, когда наши деловые отношения только-только начинались, и так продолжалось до сих пор. Наверное, если бы мы работали вместе десять лет, я бы все равно постоянно держал экзамен.

— Получить ордера на обыск или разрешение от лиги, а еще заключение патологоанатома здесь, в Вашингтоне, и отчет криминалистов.

— А как насчет того, что связывает Чэпмена и Кауфмана?

— Ладно, поймали, — признался я. — Но в любом случае мой день уже расписан.

Ванн хмыкнула, а потом снова повернулась к Диасу:

— Верни номер в отеле. — Появилось увеличенное изображение. — Мне кажется, мы кое-что упустили, — сказала она мне.

Я внимательно оглядел комнату и через пару минут объявил:

— Ничего не нахожу.

— Потому что у вас как у хадена это белое пятно. — Ванн показала на кровать. — Постель в беспорядке.

— Ладно, и что с того?

— Верни материал с камеры наблюдения в коридоре, — сказала Ванн Диасу, и тот поместил запись на отдельный виртуальный экран. — Вот Кауфман входит в номер. Примерно за сорок пять минут до нашего появления.

— Значит, лег вздремнуть, — решил я.

— На пару минут? А ведь у него был нелегкий день.

— Тем более есть причина поспать.

— Судя по тому, как все о нем отзываются, Кауфман был не из тех, кто любит поспать днем.

— Может, в номере еще не убирали с утра? — предположил Тони.

— Сколько длится эта твоя запись из коридора? — спросила Ванн у Диаса.

— Часов шесть, — ответил тот.

— Отмотай назад — посмотрим, заходила ли туда горничная.

Диас быстро прокрутил запись до того момента, когда в коридоре появилась тележка с инвентарем для уборки и горничные, двигаясь задом

наперед, стали входить и выходить из номеров. Очень скоро тележка остановилась возле дверей Кауфмана и внутрь вошел кто-то из персонала.

— Вот и ответ, — сказала Ванн.

— Это ничего не доказывает, — не сдавался я. — Несмотря на ваши домыслы о том, что он был за человек, может, Кауфман действительно любил вздремнуть при каждом удобном случае?

— Полиция уже окончательно освободила номер? — не обращая внимания на мои слова, спросила Ванн.

— Не знаю пока.

— Узнайте. Если нет, еще раз отправьте туда группу криминалистов. Если да, все равно отправьте. И скажите администрации отеля, чтобы в соседний номер персонал тоже не пускали, до тех пор пока наши люди его не осмотрят.

— Почему?

Ванн показала на изображение:

— Взгляните повнимательнее.

С трудом подавив раздражение, я снова посмотрел на виртуальный экран и на этот раз, примерно через минуту, увидел то, чего не заметил сразу.

— Внутренняя дверь.

— Да, внутренняя дверь, — подтвердила

Ванн. — Которая ведет в соседний номер, если клиент хочет снять оба, и таким образом получается двухкомнатный номер. Или если кто-то хочет получить смежный номер, чтобы была возможность переходить из одного в другой, не выходя в коридор и тем самым не привлекая к себе внимания.

— Так себе теория, — заметил я.

— Возможно, — кисло улыбнулась Ванн, и по ее лицу я понял, что она уже созрела для новой порции никотина. — Но давайте убедимся. Давайте узнаем, кто снял соседний номер. Может, нам повезло и они еще не выписались. Давайте сделаем все это до того, как отправимся в Филли.

— Я так понимаю, «давайте» — это ко мне, — сказал я.

— Правильно понимаете.

— Тогда машину до Филли ведете вы. И назад тоже.

— Я в любом случае собиралась это сделать. Потому что, пока я буду за рулем, вы займетесь кое-чем еще.

— Чем же?

— Поговорите со своими родителями.

Глава 7

Служебная машина, на которой мы, как правило, ездили, была в ремонте. Ванн отправилась в гараж управления добывать другую. Мне не хотелось стоять рядом и ждать, пока закончится ее перебранка с механиками из-за того, какую машину взять. Обычно она не стеснялась в выражениях, механики гаража тоже не отставали, и я в конце концов чувствовал себя как маленький ребенок, переживающий из-за ссоры родителей. Так что я попросил ее забрать меня возле главного входа, а сам решил прогуляться, наслаждаясь типичным для Вашингтона теплым и душным днем. Люди вокруг уже заметно потели. Я понизил теплоощущение и с некоторой гордостью подумал о том, что в жизни хадена все-таки есть свои преимущества.

Но моя радость тут же угасла, когда ко мне бросилась небольшая группа репортеров и начала засыпать меня вопросами о ходе расследования. Очевидно, мой трил уже стал узнаваем.

— У меня нет никаких комментариев, — подняв руки, заявил я.

— Да ладно, Крис! — сказал один из репорте-

ров; я пробил его лицо по базе и узнал, что это Дейв Миллер, который писал о хилкете для «Вашингтон пост». — Ваши пресс-секретари и так не слишком разговорчивы.

— Возможно, потому, что расследование еще продолжается, — ответил я, — а в таких случаях распространяться у нас не принято.

— Если оно продолжается, значит ли это, что смерть не была естественной?

— Вот достойный пример провокационного вопроса, — сказал я. — Может, вы еще спросите, перестал ли я избивать своего партнера?

— Значит, вы подтверждаете, что у вас есть партнер? — спросил Миллер, довольно ухмыляясь двусмысленности вопроса.

— А как насчет Кауфмана? — выкрикнул другой репортер, проходящий по базе как Кэри Уайз из «Хилкета ньюс».

— Представляете, по нему тоже ведется следствие, как ни странно. А что мы с вами уже знаем о том, как принято поступать в таких случаях?

— Так скажите не под запись, — предложил Уайз.

Все как один на этой импровизированной пресс-конференции застонали и уставились на него.

— Что такое? — озираясь, растерянно спросил Уайз.

— Вы, наверное, новичок? — добродушно спросил я.

— Нет, — настороженно ответил он.

— Кретин, из-за тебя Крис теперь точно ничего не скажет ни под запись, ни по-другому, — проворчал кто-то из них.

— В точку, — похвалил я и указал на камеры видеонаблюдения, развешенные повсюду вокруг нас. — Вот вам профессиональный совет: никогда не просите федерала сказать что-нибудь не под запись на публике, перед микрофонами и видеокамерами, да вдобавок у входа в самое настоящее управление ФБР.

— Когда ФБР обнародует официальное заявление? — спросила Леона Гарса из WTTG[40].

— Справьтесь у нашей пресс-службы.

— Мы справлялись. Они ничего не говорят.

— Может, попросить их рассказать не под запись? — предложил я.

— А как насчет вчерашних протестующих? — спросил Уайз.

— Каких протестующих?

---

[40] Примечания: 40
Вашингтонский телеканал.

— Тех, что вчера протестовали против хилкетного матча. Вы будете это как-то связывать со вчерашними событиями?

— Это довольно неопределенный вопрос, — ответил я после секундной заминки.

— Зато протестующие вполне определенные! — сказал Уайз. — Им кто-то щедро заплатил.

— Ну ладно, всё, — вмешался Миллер, вставая между мной и Уайзом. — Крис, если не хотите говорить о расследовании, расскажите, по крайней мере, о том, как вы спасли женщину на вчерашнем пожаре в Филли.

Раздался звук автомобильного гудка — это подъехала Ванн.

— За мной приехали. — Я помахал им на прощание и пошел к машине.

Миллер начал возмущаться, требуя ответа на свой вопрос. Но я лишь продолжал махать, пока не скрылся за дверцей.

— Вы популярны, — заметила Ванн.

— Не я, а наше расследование. — Я пристегнулся и оглядел машину. — Очень мило. Лучше, чем наша обычная.

— Ну да, — ответила Ванн, отъезжая от тротуара. — Они пытались мне всучить эту чертову «фиесту». Так и хотелось кого-нибудь там при-

стрелить.

— Это же просто машина.

— И это говорит тот, кому не надо напрягать спину три часа до Филли и столько же обратно.

— Мы могли бы попросить наших коллег из тамошнего управления подменить нас, — предложил я. — Устроили бы с директором сеанс видеопереговоров.

— Хорошая попытка увильнуть, — с усмешкой сказала Ванн. — Вообще-то, я знаю, кто ведет дела хаденов в Филли. Рэйчел Рамси.

— И?

— Едем, — отрезала Ванн.

— Уже год, как я ваш напарник, и, как мне кажется, за все это время вы ни разу не отзывались по-доброму хоть о ком-то в правоохранительных органах.

Ванн выудила пачку сигарет из кармана жакета.

— К вам я ненависти не испытываю, — сказала она.

— Это обнадеживает.

— Я покурю по дороге.

— А ведь они терпеть не могут, когда вы это делаете. Механики из гаража даже наорали на меня, видимо решив, что таким способом смогут

воздействовать на вас. Я им сказал, что это не поможет. Но они все равно наорали.

— Простите.

— Поэтому они и пытались впарить вам «фиесту». Что случилось с вашей электронной сигаретой?

— Сломалась.

— Купите новую.

— Они дорогие.

— А обычные сигареты дешевле — по двенадцать баксов за пачку? По-моему, у вас проблемы с составлением бюджета.

— Пресса что-нибудь выудила из вас? — сменила тему Ванн.

— Нет, — ответил я. — Я могу справиться с прессой, тем более когда их не много. Хотя один из них задал довольно странный вопрос. Из «Хилкета ньюс». Слыхали про такую?

— Вообще-то, нет.

— Во время матча перед стадионом собралась толпа протестующих, которые заявляли, что хилкета ущемляет права нехаденов. Уайз, ну, этот репортер из «Хилкета ньюс», намекал, что это просто толпа хулиганов, кем-то организованных за хорошие деньги.

— Ну и хрен с ними.

— Их действительно наняли?

— Нет. Не могу найти зажигалку.

— Парни из гаража будут счастливы.

— Остановимся у ближайшего магазина.

— Вы ведете, — сказал я, — ваше право.

— Значит, тех смутьянов наняли, — пробормотала Ванн. — Что с того?

— Мне показалось, Уайз намекал на какой-то зловещий замысел.

— И дальше что?

— Никаких «дальше», просто он хотел знать, будем ли мы это тоже расследовать.

— Думаю, у нас и без того хватит дел. И кстати, эти демонстранты не так уж не правы. Хилкета действительно ущемляет права.

— Чепуха. Из всех крупных видов спорта в стране в хилкете меньше всего дискриминации. В ней нет никаких запретов на участие ни по гендерному, ни по расовому, ни по половому признаку.

— Зато быть хаденом лучше всего.

— Это все равно что говорить, будто бы в баскетболе есть дискриминация, потому что во всем составе «Вашингтон визардз» нет ни одного игрока ниже шести футов.

— Искусственная нейронная сеть в голове не

является обязательным требованием для игры в НБА.

— Не является, тебе просто надо иметь несколько поколений генетического отбора за плечами, чтобы получить свои два метра роста, — парировал я. — В обоих случаях это нечто совершенно от тебя не зависящее. Генетика или заразная болезнь, из-за которой ты вынужден вставить в мозг опасный имплантат, чтобы существовать в этом мире. Одно хуже другого.

— Ничего из этого не означает, что в хилкете нет дискриминации, — сказала Ванн.

— Охренеть! — воскликнул я. — Вы, случайно, в колледже не были одной их тех сволочей, которые обожают играть в эдакого адвоката дьявола?

— Не была, но несколько таких от меня в глаз получали. — Она аккуратно засунула сигарету обратно в пачку. — Вы прервали меня своим праведным гневом до того, как я успела закончить мысль. А мысль такая. Протестующие не ошиблись — в хилкете есть дискриминация, да и вообще, кому какое дело, потому что это не юридическая дискриминация, а дискриминация по степени мастерства, как и в любом другом большом спорте. Шесть футов роста, конечно, здорово помогают в профессиональном баскетболе, но

есть куча игроков и ниже ростом, но мастерства им не занимать. То же самое и в хилкете.

— То есть, получается, — сказал я после короткой паузы, — я зря на вас наорал?

— Получается так.

— Но вы же спорили!

— Ну… — Она сунула пачку сигарет в карман жакета. — Я сейчас слегка на взводе.

— Нужно срочно найти этот ближайший магазин.

— И то правда, — согласилась Ванн и снова повела машину. — Тут есть один недалеко. А вы, пока я туда еду, навестите своих родителей и поговорите с ними. Когда вернетесь, я уже буду не такая дерганая.

Так я отправился к родителям.

Что не составило никакого труда, потому что, в отличие от большинства хаденов, у меня было несколько трилов.

На пассажирском сиденье служебной машины ФБР, следующей в Филадельфию, остался мой основной трил, модели «Зебринг-Уорнер 680XS». Я получил его, продав свой 660XS, тоже относительно новый, но быстро износившийся из-за моей работы. Модель 680XS, как я уже раньше говорил Ванн, была снабжена всеми возможными

наворотами.

Второй трил, производства «Камен зефир», тоже был неплохой модели, но конкретно этот уже много раз побывал в ремонте. Он оставался в доме родителей, потому что я любил у них бывать, а иногда просто не хотелось проделывать довольно долгий путь, находясь в 680XS. К тому же мое биологическое тело по-прежнему лежало в Виргинии, даже несмотря на то что я снял комнату в Вашингтоне и мой основной трил хранился там. Если вдруг мне по какой-либо причине требовалось быстро оказаться рядом со своим телом, я перескакивал в «Камен зефир».

(У меня имелся и третий трил, сделанный компанией «Бруммель Майер-Вон III», который хранился в нашем загородном доме в долине Джексон-Хоул. Эта модель была специально сделана для занятий лыжами и другими видами зимнего спорта. «MB III» — это, по сути, такой снегоход для хаденов. Я уже упоминал о том, что наша семья богата. Время от времени мы совершаем возмутительные поступки богачей, такие как покупка домов в Джексон-Хоул или собственного до абсурда узкоспециализированного оснащения. Я даже лыжи-то не особо люблю.)

Нехаденов наша способность почти мгновенно

переходить от одного трила к другому приводит в замешательство. Они считают ее чем-то вроде телепортации. Мне то и дело приходится объяснять, что это все равно как переключаться с телефона на планшет, хотя, надо признать, некий вопрос соизмеримости здесь все же присутствует, ведь одно дело — переводить взгляд с экрана на экран, и совсем другое — когда чье-то сознание как будто кочует между механическими телами. Которые к тому же могут находиться на разных концах света. Если подумать, это действительно некая разновидность телепортации.

Но ведь на самом деле ни я, ни другие хадены вообще никуда не перемещаемся. Мы всегда находимся в одном и том же месте — в наших телах. Мое лежит в загородном доме моих родителей в Северной Виргинии, в навороченной «колыбели» экстра-класса, установленной в солнечной комнате, где нанятый персонал круглые сутки поочередно наблюдает за его состоянием и где также сидит трил в индукционном зарядном кресле, на случай если он мне понадобится. Сейчас был как раз такой случай.

Я не просто сваливался им на голову. Хотя мое биологическое тело оставалось там, большую часть времени, когда я бодрствовал, я теперь

проводил с Тони и другими соседями по нашему дому. И за исключением каких-то непредвиденных ситуаций, связанных с моим телом, старался заранее предупреждать родителей о своем визите. Всегда ведь есть риск появиться в неподходящее время. Эта фраза может относиться к разным обстоятельствам, но в данном конкретном случае она должна была означать — нагрянуть неожиданно в тот момент, когда папа пытается работать.

Но когда я сообщил маме о том, что хочу к ним заглянуть, она просто ответила: «Ждем тебя. Думаю, отцу пригодится твоя точка зрения в разговоре с одним из его гостей».

Я понял, что это означало, когда встретился с папой и его гостями в «зале трофеев». Это была комната, в которой он хранил памятные вещи, связанные с его карьерой в НБА и бизнесом. Здесь он обычно сбивал спесь с разных миллионеров и миллиардеров, с которыми встречался. Чаще всего это срабатывало. Да, может, вы и миллиардер. Ну а что вы скажете о миллиардере с четырьмя чемпионскими кольцами НБА, как у папы? Нет у вас таких? Тогда сядьте и помолчите.

— Крис! — разулыбался папа при моем появлении и встал с дивана, где он сидел вместе с

двумя гостями — пожилым мужчиной и молодой женщиной, причем лица обоих показались мне знакомыми. — Мальчик мой, — воскликнул он, подойдя ко мне и заключая меня в объятия, — как я рад тебя видеть!

— Ну да, мы же так давно не виделись, — пошутил я.

— Понимаю, ты дразнишь меня, но мы ведь действительно не виделись с тобой вчера, — сказал папа.

— Да вроде нет, — согласился я.

Папа кивнул и протянул руку в сторону гостей:

— Позволь представить тебе Уэнделла Гордона, комиссара Североамериканской хилкетной лиги, а также Амели Паркер, главу одной молодой компании, которая именует себя «МобилОн».

И тут я понял, откуда знаю эту парочку. Гордона я видел вчера на матче. Это был тот большой начальник из СХЛ, который пялился на меня, когда его помощник рассказывал ему на ушко о Дуэйне Чэпмене. Возможно, тогда Гордон не понял, что в том триле был я.

Женщину я тоже узнал, но не как Паркер, которую никогда раньше не встречал, а как интегратора — это такие люди, кого хадены нанимают, чтобы пользоваться их телами. В мозг

всех интеграторов тоже встроена нейросеть, позволяющая хаденам связываться с их телами и управлять ими с небольшой помощью самих интеграторов. Встречаются они достаточно редко — в США сейчас около десяти тысяч интеграторов, — поэтому каждый из них стремится набрать побольше постоянных клиентов, которые потом пользуются их услугами в разное время.

Конкретно этим интегратором была Лена Фаулер, относительно недавно переехавшая в Вашингтон. Я узнал ее, потому что несколько месяцев мы с Ванн расследовали дело об электронном мошенничестве, в котором фигурировала ее клиентка. Ту клиентку признали виновной, и теперь она отбывала трехлетний срок в федеральной спецтюрьме для хаденов. Так что, по крайней мере, какое-то время она не смогла бы воспользоваться услугами Фаулер.

— Мистер Гордон, мисс Паркер, — поздоровался я, кивнув обоим, но, согласно общепринятым правилам, не подал виду, что узнал Фаулер, так как она работала на клиента, а мне был представлен именно клиент. — Сэр, примите мои соболезнования в связи с кончиной Дуэйна Чэпмена и Алекса Кауфмана.

— Спасибо.

— И благодарю вас за то, что лига согласилась помочь ФБР в расследовании их смерти.

Гордон на секунду растерялся, видимо не сразу связав мой нынешний образ с тем, что он видел вчера в ВИП-ложе.

— Да-да, — пробормотал он, — мы рады помочь.

— Надеюсь, вы понимаете, что я не смогу раскрыть вам никакой информации о ходе следствия, это же касается и моих родителей.

— Конечно, — сказал Гордон, и я снова кивнул.

— Уэнделл и Амели тут активно убеждают меня присоединиться к вашингтонской хилкетной команде в качестве миноритарного владельца, — сообщил папа. — Миноритарного во всех смыслах[41]. Ведь так, Уэнделл?

Папины слова явно привели гостя в замешательство, но он быстро овладел собой.

— Да, полагаю, это правда, — сказал он и повернулся ко мне. — Из всех видов спорта в стране хилкета сейчас развивается быстрее остальных, и мы гордимся, что наши игроки и болельщики принадлежат к самым разным слоям населения.

---

[41] Примечания: 41

Одно из значений слова «миноритарный» — принадлежащий к национальному меньшинству. Отец главного героя намекает на свой цвет кожи.

Но в том, что касается собственников, ситуация не столь благоприятная.

— Он имеет в виду то, что почти все владельцы команд СХЛ — белые мужчины и практически ни у кого из них в семье нет хаденов, — с улыбкой пояснил папа.

— Это пережиток первых этапов финансирования и становления руководства, — торопливо пояснил Гордон. — В ту пору мы были амбициозны, но недостаточно мудры. Теперь же мы намерены слегка расширить круг владельцев команд.

— То есть вы хотите сделать моего отца совладельцем вашингтонской команды, потому что он черный и потому что я его сын, — сказал я.

— Да, — вмешалась Паркер, не дожидаясь, пока опешивший от моей прямоты Гордон найдется с ответом. — И если бы это было единственной причиной нашего интереса к вашему отцу, то есть, конечно, к обоим вашим родителям, тогда вы могли бы с полным правом уличить лигу в чистой воды формализме. Точно так же вы могли бы уличить ее в формализме по отношению ко мне, ведь я — хаден. Но на самом деле все далеко не так однозначно. Ну подумайте сами, Крис. — Она картинно показала рукой на папу. — Это

же Маркус Шейн. Четырехкратный чемпион в составе «Визардз». Если кого-то по-настоящему и можно назвать живой легендой Вашингтона, так это вашего отца. Он больше, чем кто-либо другой, знает и об этом городе, и о том, как здесь ведут дела, и о спортивной жизни.

— Вот что значит качественный подхалимаж, — сказал папа.

— Спасибо, я стараюсь, — рассмеялась Паркер.

— Амели, может, вы расскажете Крису о «МобилОн»? — Папа повернулся ко мне. — Крис, Амели сейчас находится на втором этапе финансирования своей компании, и независимо от того, что происходит с лигой, я собираюсь стать инвестором. Мне будет любопытно послушать, что ты думаешь о ее бизнес-модели.

Я наклонился к папе и прошептал ему на ухо:

— Вообще-то, я хотел поговорить с тобой.

— Знаю. Мы здесь уже почти закончили, — прошептал он в ответ, а потом добавил уже в полный голос, обращаясь к Паркер: — Ждем вашу презентацию, Амели. Если можно, коротко.

— Она уместится всего в три слова, — ответила Паркер. — Совместное пользование трилами.

— Что-что, простите? — не понял я.

— Все просто, — продолжила Паркер. — С при-

нятием Абрамса—Кеттеринг наступил уникальный момент в истории транспортеров личности. До вступления АК в силу, — (меня даже слегка покоробило оттого, что закон Абрамс—Кеттеринг свели к такому жаргонному сокращению), — трилы могли принадлежать только семьям с хаденами и только хадены имели право их использовать, а продажная цена на них в значительной степени субсидировалась с помощью налоговых льгот и займов под низкие проценты. Теперь этих субсидий нет, а значит, реальная цена взлетит. Это плохо как для большинства хаденов, которые отныне не смогут позволить себе трилы, так и для производителей трилов, потому что продажи в одночасье обвалились. «МобилОн» поможет решить обе эти проблемы.

— Будете сдавать трилы хаденам напрокат?

— Предложим подписку, дающую доступ к трилам.

— «Сдавать напрокат» — короче, — заметил я. — К тому же компаний с подобными услугами и так хватает.

— В том-то и разница, — улыбнулась Паркер; она явно хорошо подготовилась к своей презентации. — Вы нанимаете трил, если едете в другой город и хотите избежать расходов на транспор-

тировку своего собственного трила или если ваш основной трил находится на техобслуживании. «МобилОн» может вообще избавить вас от необходимости иметь собственный трил.

— Зачем? — внутренне содрогнувшись, спросил я.

— Потому что из-за Абрамса—Кеттеринг трилы стали слишком дорогим удовольствием для большинства хаденов, — заметил папа.

— Именно так, — подтвердила Паркер. — Мы можем хоть весь день обсуждать философские аспекты этой проблемы, но факт все равно останется фактом: большинству хаденов — то есть большинству из нас, Крис, — покупка и обслуживание трилов больше не по карману. Да и нужны ли они всем? Сколько времени в день хадены обычно проводят в своих трилах?

— Я в своем постоянно. Я ведь агент ФБР.

Паркер подняла руки, словно признавая эту истину.

— Разумеется, вы не являетесь нашей основной целевой аудиторией, — согласилась она. — Но, как показывают наши исследования, хадены теперь проводят все меньше времени в трилах и все больше в «Агоре». — так она выражала признательность папе, который год назад крупно

вложился в главную социальную сеть хаденов. — или другими способами ведут свой бизнес в виртуальном мире. Я это знаю не понаслышке. Я свой трил почти не использую.

Меня так и подмывало изобличить ее в том, что она произносит свою речь, находясь в интеграторе, стоимость которого в расчете на одного человека была на порядок выше, чем использование трила с любой периодичностью. Но я воздержался и вместо этого только спросил:

— И вы считаете, что такая услуга станет востребованной у людей, которые все это время пользовались собственными трилами?

— Мы считаем, что хадены, как и все остальные, ценят выгоду. И мы также считаем, что производители транспортеров личности будут счастливы получить массового покупателя трилов до появления нового рынка сбыта.

— Она имеет в виду, что трилами будут пользоваться нехадены, — пояснил папа.

— Совершенно верно, — сказала Паркер. — АК открыл рынок для нехаденов, и уже очень скоро они поймут все преимущества трилов, — это лишь вопрос времени. Речь идет и о стариках, и о тех, кто не может передвигаться не из-за синдрома клетки, а по каким-то иным причинам, и

об абсолютно здоровых людях, которые хотели бы путешествовать на дальние расстояния, но не имеют либо времени, либо финансовых возможностей на полноценный отпуск. Не пройдет и десятка лет, как начнется настоящий бум трилов. Конечно, какая-то часть новых пользователей захочет иметь собственные. Но остальным будет достаточно просто доступа.

— Значит, ваша бизнес-модель состоит в том, чтобы, воспользовавшись стесненными обстоятельствами хаденов, перестроить производство трилов под свои параметры, а хаденов в этой отрасли тем самым отодвинуть на второй план? — сказал я.

— Не я принимала этот закон, Крис, — ответила Паркер усталым тоном, заставляющим предполагать, что ей слишком часто приходилось изображать сожаление по этому поводу. — Мы работаем в том мире, который существует. А для него это не просто реальность — это новые возможности.

— Что ты об этом думаешь, Крис? — спросил папа.

— Мисс Паркер, — обратился я к ней, — я думаю, вы держите руку на финансовом пульсе нашего времени.

Паркер улыбнулась.

— Ну а теперь — что ты на самом деле думаешь? — спросил папа, попрощавшись с Гордоном и Паркер и заверив их, что уже очень скоро сообщит о своем решении насчет новой команды.

— Мне противна даже сама мысль обо всем этом, — ответил я.

— Так я и думал, — кивнул папа. — Но она ведь права, как ни крути. Спрос на трилы резко упал. Хадены действительно проводят все меньше времени в физическом мире.

— Потому что больше не могут позволить себе трилы, — указал я.

— Да, Амели тут слегка приукрасила вектор причинно-следственных связей, — согласился папа. — Но куда этот вектор ни поверни, все говорит в пользу «МобилОн».

— Это все очень смахивает на мироедство, — сказал я. — Она не собирается помогать хаденам. Она просто хочет оказаться в первых рядах, когда все, кому не лень, захотят нанимать трилы.

— Значит, по-твоему, ее бизнес сбросит хаденов со счетов?

— Нас уже и так сбросили. К тому же трилы гораздо важнее для хаденов, чем она утверждает. Для нас это не просто вид услуги.

— Я знал, что тебе не понравится, — задумчиво кивнул папа. — Так и сказал Амели: Крису, скорее всего, не понравится. Она очень хотела выслушать твое мнение, поэтому я и заставил ее устроить эту презентацию для тебя. Но я не ожидал, что ты так разозлишься.

— Просто я не в духе сегодня, — признался я. — Мы с Ванн как раз недавно говорили о протестах против хилкеты — многие считают дискриминацией то, что в нее не могут играть нехадены, а теперь я узнаю об этом проекте, который, по сути, заставит хаденов сдавать внаем свое пребывание в физическом мире, до тех пор пока нехадены окончательно не задвинут их на обочину жизни. Я чувствую, как нас медленно, но верно выталкивают за пределы нашего же пространства.

— Добро пожаловать в клуб, — вздохнул папа. — Ну, в определенном смысле, конечно. К счастью, нам с тобой есть где развернуться.

— Об этом я тоже думал, — сказал я. — Так, значит, ты собираешься вложиться в эту компанию?

— Надо еще все как следует обмозговать, — ответил папа. — А теперь пойдем-ка к нашей маме. О чем ты хотел с нами поговорить?

— Да, в общем-то, о том же, что и ты со мной,

пап. Хотел узнать ваше мнение.

Глава 8

Когда я вернулся в трил, Ванн даже вздрогнула, отчего машина резко вильнула в сторону и виляла, пока ее не выровняла электронная система удержания на полосе.

— Господи боже мой! — воскликнула Ванн.

— Но вы же знали, что я вернусь, — сказал я.

— Правильно, но вы сначала сидели тут без движения почти полтора часа, а потом вдруг дернулись…

— Прошу прощения, если напугал.

— Да ладно. Что узнали от родителей?

— Лига по-прежнему гнет свою линию про «домашние проблемы» и «следствие самолечения».

— Вы, конечно, разубедили своих родителей?

— Нет, — ответил я. — Следствие еще не закончено.

— Надо же, какой принципиальный, — проворчала Ванн.

— Надеюсь, вы не удивлены?

— Нет, просто еще раз убедилась, насколько мы с вами разные. Кстати, возможно, лига отчасти права — по крайней мере, в том, что касается запрещенных веществ.

— Вы имеете в виду тот замененный пакет с добавками? — спросил я.

— Именно что с добавками, — произнесла она так, как будто слово было заключено в кавычки. — Да, это я и имела в виду. Вполне возможно, что в пакете для капельницы содержалось нечто, не прошедшее одобрения лиги.

— То, что могло увеличить его болечувствительность и вызвать сердечный приступ?

— Это явно не тот эффект, на который рассчитывали, — сказала Ванн.

— Я вообще не знаю ничего, что могло бы привести к такому результату.

— Вот и я не знаю, Крис, но это ведь не совсем по нашему профилю, как вы считаете?

Я на секунду задумался, а потом меня осенило.

— Погодите-ка, — сказал я Ванн и набрал номер.

— Ты меня разбудил, — ответила Тайла Гивенс, моя соседка по дому.

— Так полдень же, — удивился я.

— Я работаю в больнице. У нас долгие дежурства. Вот скоро опять надо идти на дежурство. Так что тебе повезло — держал бы ты свое тело тут, я бы сейчас пошла в твою комнату в триле и наподдала бы тебе как следует.

— Прости. У меня совсем короткий вопрос. Медицинский.

— Лично для тебя или по работе? — спросила Тайла.

— По работе.

— Значит, мне заплатят за консультацию, как Тони?

— Конечно, нужно просто заполнить все эти формы для получения правительственного контракта, а также пройти проверку на благонадежность. Если хочешь, я могу выслать все бланки сегодня же.

— Давай уже свой дурацкий вопрос, — вздохнула Тайла.

— Ты же знаешь о специальных лекарствах для хаденов, так ведь? — спросил я.

— Да, потому что я врач и хаден.

— Можешь припомнить какие-нибудь препараты, которые повышают чувствительность хаденов к боли?

— То есть кроме тех, что делают то же самое для всех остальных, а не только хаденов?

— Точно.

— Средств, нацеленных конкретно на это, не знаю. С точки зрения медицины подобной задачи никогда не стоит. Но вот в качестве побочного

эффекта это может быть у нескольких лекарств. Названия сейчас не скажу, потому что ты меня разбудил и у меня мозги не работают.

— А могут эти средства использоваться как допинг? — спросил я.

— Типа на хилкетном поле? — спросила Тайла.

— Ну, не обязательно на хилкетном.

— Ага, я так и поняла.

— Это чисто гипотетический вопрос.

— Само собой, — с явным сарказмом ответила Тайла. — Короткий ответ: «нет». Более длинный ответ будет посложнее, к тому же вопрос для него ты так и не задал.

— Какой вопрос?

— Повышает ли какой-нибудь препарат чувствительность хадена к боли?

— Я об этом и спросил! — возмутился я.

— Нет, ты спросил, известен ли какой-нибудь препарат с таким действием. То есть вопрос в том, знаем ли мы препарат, способный на это, или является ли повышение болевого порога заведомым предназначением препарата либо побочным эффектом от его применения.

— И в чем разница?

— В том, что мозг каждого хадена уникален, — сказала Тайла. — Болезнь в каждом отдельном

случае перестраивает наше серое вещество абсолютно по-разному, и восстанавливается каждый мозг тоже по-своему. Как результат — мозг любого хадена идиосинкразичен, то есть сугубо индивидуален. Это одна из причин, почему хаденов так сложно лечить. Реакция на одинаковое лекарство у одного хадена может совершенно не совпадать с реакцией другого хадена, не говоря уже о нехадене.

— То есть ты хочешь сказать, что аспирин может сделать хадена чувствительнее к боли? — спросил я.

— Пожалуй, аспирин или другие средства, созданные для ослабления боли, — нет. Но любой другой препарат, индивидуально понижающий болевую переносимость, — да, конечно. Маловероятно, но возможно. Это я и имела в виду, когда говорила об уникальности.

— Значит, теоретически хаден может принять допинг, ни у кого другого не вызывающий побочных эффектов, а сам получить реакцию на него, которой не будет у других.

— Да, — сказала Тайла. — Допинг или любой другой препарат. Теперь ты знаешь, Крис, почему твои врачи всегда очень и очень осторожны с твоими лекарствами.

— Сможешь выслать мне названия известных препаратов для хаденов, которые имеют болеутоляющие свойства?

— Крис, это уже настоящая работа.

— Ты будешь моей любимой соседкой.

Тайла снова тяжело вздохнула:

— Да ну тебя. Ладно, что-нибудь нарою. Только не сейчас. Пойду досыпать. А все звонки от тебя заблокирую, так и знай.

— Договорились. Сладких снов.

Тайла что-то пробурчала и отключилась.

— Значит, это могло произойти от чего угодно, — заключила Ванн, после того как я пересказал ей наш с Тайлой разговор.

— В общем, да, — подтвердил я. — И если в той капельнице с добавками было что-то другое, причем намеренно туда помещенное, значит Марла Чэпмен и Альтон Ортиц мне солгали.

— Или они просто не знали.

— Марла Чэпмен могла не знать, — сказал я. — Дуэйн многое скрывал от нее. Но как мог не знать Ортиц? Это же его работа.

Ванн пожала плечами:

— Сегодня у нас по плану визит к Ортицу, так что спросим его снова. Только на этот раз разговор не будет милым. Но сначала заглянем к

филадельфийским судмедэкспертам. Нет смысла играть с Ортицем в плохого и хорошего копа, если у нас не будет никаких козырей.

— Как будто вас это когда-нибудь останавливало, — заметил я.

— Да, но у нас сегодня очень плотное расписание, — сказала Ванн. — И я не хочу задерживаться в Филли ни одной лишней минуты.

— Препараты? Какие препараты? — спросила Сара Пауэлл, судмедэксперт, занимавшаяся Чэпменом.

Она приняла нас в своем офисе, что меня очень обрадовало. Я был не большой любитель ходить по моргам.

— Вы нам скажите, — посоветовала Ванн.

— Что ж, если вы имеете в виду легкие наркотики, то первичная токсикологическая экспертиза не обнаружила в организме мистера Чэпмена ничего подобного, — сказала Пауэлл. — Мой предварительный осмотр также не указывает на долговременные пристрастия к наркотикам либо алкоголю.

— То есть ни цирроза печени, ни чего-либо в том же духе?

— Цирроза точно нет. Печень мистера Чэпмена в идеальном состоянии. Это не редкость для

хаденов. По статистике, они гораздо меньше употребляют алкоголь, чем все остальное население. Думаю, потому, что это слегка затруднительно.

— Если очень захотеть, то можно, — сказал я.

— Конечно, — допустила Пауэлл. — Я не говорила, что такого вовсе нет. Просто уровень несопоставим с нехаденами. Возвращаясь к вашему вопросу: хотя я и не нашла следов алкоголя или наркотиков, но в организме мистера Чэпмена обнаружились медикаментозные вещества, соответствующие его статусу как хадена, а также кое-что еще. Он страдал аутоиммунным заболеванием и принимал соответствующие лекарства.

— Мы можем получить их список? — спросил я.

— Он будет в полном отчете.

— Что-нибудь еще? — спросила Ванн.

— Спрашивайте конкретней, — посоветовала Пауэлл.

— Чэпмен был профессиональным спортсменом. Вы обнаружили что-нибудь, похожее на допинг?

— За сегодняшний день вы уже третья, кто спрашивает об этом, — нахмурилась Пауэлл.

— Кто были те двое?

— Первый сказал, что он юрист и представляет

спортивную лигу, куда входил мистер Чэпмен.

— Оливер Медина? — спросил я.

Пауэлл кивнула:

— Верно.

— А второй?

— Вроде репортер. Позвонил на мой личный номер, чем по-настоящему меня разозлил. Этот номер знают лишь самые близкие. Вот только имя вылетело из головы. Начинается на «к».

— Кэри Уайз, — подсказал я.

— Вы их знаете? — растерялась Пауэлл.

— Мир тесен, по крайней мере, когда это касается смерти Чэпмена, — заметила Ванн. — Что вы им сказали?

— Ждать моего предварительного публичного отчета, он появится на этой неделе.

— Нам вы скажете то же самое?

— Я не скажу того, чего не знаю. Мне неизвестно, что квалифицируется как допинг для спортсменов-хаденов. Никогда не сталкивалась ни с чем подобным в своей практике, — сказала Пауэлл и, взглянув на меня, добавила: — Без обид.

— Да я и не обиделся, — заверил я. — Тем более что я вообще ни капли не спортсмен.

Пауэлл улыбнулась и снова повернулась к

Ванн:

— Мы много занимаемся клиническими исследованиями по использованию легких наркотиков, и мы знаем историю болезни мистера Чэпмена, так что нам понятно, какие специфические препараты надлежит искать. Все остальное, когда нужно искать то, не знаю что, займет немного больше времени.

— То есть вы хотите сказать, что нам придется подождать?

— Я хочу сказать — если вы знаете, что мне следует искать, то скажите, и я поищу.

— Агент Шейн, вам известно, сколько сейчас стоит трил? — спросила у меня Лара Бёрджесс, глава филадельфийского отделения ФБР.

Мы с Ванн пришли туда к назначенному часу, и я уже заранее был готов к головомойке. Кроме нас троих, в кабинете находилась Рэйчел Рамси, тоже местный агент, о которой, как я уже знал, Ванн была невысокого мнения.

— Очень хорошо известно, мэм, — ответил я. — И мне также известно, что конкретно та модель, которую я позаимствовал в вашем офисе, стоит около пятидесяти тысяч долларов.

— Вы понимаете, что наш нынешний президент и конгресс не горят желанием увеличивать

бюджеты правительственных учреждений? — продолжала свой допрос Бёрджесс. — Транспортные средства за пятьдесят тысяч долларов уж точно не растут на деревьях. — Она указала на Рамси. — Как по-вашему, если бы агент Рамси взяла машину за полсотни тысяч долларов и въехала на ней в столб, ей бы это сошло с рук?

— Справедливости ради надо отметить, что агент Шейн спас женщину из горящего дома, когда та была без сознания, — вступилась за меня Ванн.

— А потом вернулся в здание, — добавила Рамси, и Ванн бросила на нее свирепый взгляд.

— Чтобы спасти кота, — сказала Бёрджесс. — Если бы агент Шейн уничтожил трил за пятьдесят тысяч долларов для того, чтобы спасти пожилую даму, этого разговора бы не было. Но, думаю, вы все согласитесь, что, как бы мы, возможно, ни обожали наших домашних питомцев, очень немногие из них стоят того, чтобы уничтожать государственное имущество за пятьдесят тысяч долларов. А в данном случае это был даже не ваш кот, агент Шейн.

— Где он, кстати? — спросила Рамси.

— Убежал.

— Понятно, — хмыкнула Рамси.

— Вы предприняли какие-нибудь шаги по информации, что я вам отправила? — спросила Ванн.

— Вы о капельнице с добавками?

— Да, и о штрихкоде на коробке, которую агент Шейн нашел в квартире.

— Мы отправили нашего сотрудника за пакетом и отследили код на коробке, — сказала Рамси. — Тот пакет из партии, произведенной компанией «Лабрам» три недели назад. Коробка, предположительно, была частью поставки, отгруженной в «Бостон бэйз» две недели назад.

— Что насчет содержимого пакета? — спросила Ванн.

— Ребята из лаборатории исследуют его прямо сейчас.

— То есть резонно предположить, что пакет взяли из той коробки.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила Бёрджесс.

— То, что, вернувшись в горящее здание и проведя осмотр комнаты, агент Шейн добыл важнейшую для следствия информацию, — ответила Ванн. — Дело не в спасении кота. У нас две смерти при подозрительных обстоятельствах, а это вещественные доказательства.

— Агент Шейн, — холодно глядя на меня, произнесла Бёрджесс, — вы действительно считаете, что код на коробке стоит моего транспортного средства за пятьдесят тысяч долларов?

— Не могу сказать, мэм, — ответил я. — Расследование еще продолжается. Но это, несомненно, открывает новые возможности для следствия.

— Интересно какие?

— Капельница с добавками не той марки, которую должен был использовать Чэпмен. — Я повторял то, что сегодня рассказал Тони, но Бёрджесс этого не знала, а я не собирался ее посвящать. — Коробка, очевидно, с самого начала предназначалась для «Бостон бэйз», то есть для кого-то из игроков. Вероятно, от него Чэпмен и получил добавки. Мы выясним, у кого из игроков «Бэйз» заключен рекламный контракт на использование капельниц «Лабрам», и, скорее всего, проследим цепочку дальше. Тем более если эксперты из вашей лаборатории найдут в содержимом этого пакета что-нибудь интересное. Я не знаю, стоит ли штрихкод на коробке какого-нибудь трила, но это точно зацепка.

Бёрджесс посмотрела на Рамси, та пожала плечами.

— Пакет уже у нас, — сказала она. — Информа-

ция на штрих-коде полезна, но мы бы и без нее все узнали. Чэпмен играл за «Бэйз». Так или иначе, остальных игроков имеет смысл проверить.

— Согласна, — сказала Бёрджесс. — Агент Шейн, с вашей стороны было безответственно возвращаться в тот дом. И теперь в этом офисе больше нет трила, а агент Рамси, — она кивнула на свою подчиненную, — должна выполнять дикое количество бумажной работы, чтобы объяснить, как он сгорел и почему мы имеем право подать заявку на другой. Это также означает, что до того, как наша заявка будет одобрена и мы получим новый трил, всем агентам-хаденам, включая вас, агент Шейн, у кого возникнет необходимость работать в нашем управлении, придется нанимать себе средство передвижения, а значит, изрядно попотеть, оформляя все нужные бумажки. Думаю, вы знаете, какой это геморрой.

— Да, мэм, — подтвердил я.

— Я объявляю вам выговор с занесением в личное дело, — сообщила Бёрджесс. — и будьте уверены: если бы вы не спасли ту пожилую женщину из огня, дело бы не ограничилось выговором. Я бы добилась вашего увольнения. Агент Шейн, мне наплевать на то, кто вы и кто ваш отец. Агенты живут на свою зарплату, а нало-

гоплательщики верят, что мы не потратим их деньги на каскадерские трюки вроде спасения котов. Вы меня поняли?

— Да, мэм.

— Отлично. Сегодня же я отошлю уведомление о взыскании в вашингтонское управление.

— Я бы на вашем месте не стала этого делать, — заметила Ванн.

— Простите? — повернулась к ней Бёрджесс.

— Вы меня слышали.

— Слышала. Просто хотелось бы знать, почему вы решили, что меня интересует ваше мнение, агент Ванн.

— Я посчитала нужным высказать свое мнение, мэм, потому что Шейн может не понимать вашего замысла, зато понимаю я.

— И в чем же мой замысел, агент Ванн?

Ванн ткнула оттопыренным большим пальцем в сторону Рамси:

— Вы пытаетесь прикрыть ее тупую задницу.

— Да ладно тебе, Ванн! — сказала Рамси. — Не будь смешной.

— Эта идиотка отвечает за трил, ведь так? — не обращая на нее внимания, спросила Ванн у Бёрджесс. — Потому что именно она ведет здесь дела хаденов. Как только вы подпишете приказ

о вынесении выговора, мэм, Рамси напишет ходатайство о том, чтобы официальная ответственность за состояние трила была возложена на Шейна, а не на нее, и тогда стоимость нового снимут с вашингтонского отделения, а не с вашего.

— Шейн действительно вернулся в горящее здание, — напомнила Рамси. — Может, для вас это мелочь, но для меня — нет.

— Отчего сгорел трил? — спросила у меня Ванн.

— Оттого что иссякла батарея, — ответил я.

— А отчего иссякла батарея?

— Оттого что, когда я прибыл, в триле оставалось тринадцать процентов заряда, — сказал я. — Он стоял не на индукционной пластине, которая вообще не была включена в сеть.

— Она включена, — заволновалась Рамси.

— Сейчас — да, — согласился я. — Потому что я ее включил.

— И у вас есть запись того, как вы это делали, — подсказала мне Ванн.

— Я был при исполнении, — кивнул я. — Конечно, я записывал.

Ванн повернулась к Бёрджесс:

— Если бы Шейн получил полностью заряжен-

ный трил, как этого требуют правила ФБР, нам бы не пришлось собираться здесь для этой милой беседы.

— Агент Шейн мог подождать, пока трил зарядится, но он решил идти, — заметила Бёрджесс. — Более того, он мог не возвращаться в здание, и тогда бы трил разрядился уже за пределами огня, но он опять-таки поступил по-своему. В результате мы все же собрались здесь для этой милой беседы. Агент Ванн, я понимаю, чего вы добиваетесь. Ваше желание обелить своего напарника достойно восхищения, но это не умаляет фактов.

— Фактов? Хорошо, вот вам такой факт для разнообразия. Если вы попытаетесь навесить все это на Шейна, вы и Рамси будете привлечены к ответственности за нарушение ЗАИ.

— Чего-чего? — брякнула Рамси.

— Закон о правах американцев с инвалидностью, — сказала Ванн. — Возможно, ты о нем даже слышала.

— Разумеется, я знаю этот закон! — возмутилась Рамси.

— Отлично. Потому что, предоставив Шейну для работы трил с недостаточной зарядкой, ты участвовала в дискриминации и тем самым впря-

мую ущемила его права. — Ванн посмотрела на Бёрджесс. — А когда вы, мэм, пытаетесь навесить на Шейна прокол вашей подчиненной, вы также участвуете в дискриминации.

— Это натяжка, — проворчала Бёрджесс.

— Возможно, — согласилась Ванн. — Но, как вы сами отметили, с бюджетом у нас тоже натяжки. А вы собрались высосать полсотни тысяч баксов из вашингтонского офиса. Я знаю моих боссов. Они очень обрадуются возможности пустить в ход жалобу Шейна о нарушении ЗАИ и не покрывать ваши затраты. В то время как вы будете выглядеть последними сволочами в попытке спихнуть некомпетентность Рамси на хадена. К тому же на очень известного хадена, хотя вы из кожи вон лезли, чтобы побольнее ударить его за это. Но, увы, вы проиграли. — При этих словах Ванн лучезарно улыбнулась. — И уж поверьте мне, одними выговорами вы точно не отделаетесь.

Бёрджесс и Рамси молчали секунд пятнадцать. Потом Бёрджесс повернулась ко мне:

— И вы намерены поддержать эту дурость, агент Шейн?

— Но мне ведь и в самом деле дали трил с тринадцатью процентами зарядки, когда я проводил расследование и каждая секунда была на счету, —

напомнил я, и мои слова повисли в тишине.

— Ну и ну, — только и выговорила Бёрджесс.

— Значит, будем считать вопрос улаженным, — решила Ванн и обратилась к Рамси: — Что нам известно о пожаре?

Судя по ее взгляду, Рамси очень хотелось послать Ванн вместе с ее вопросом куда подальше, но она все же справилась с собой и сухо проговорила:

— Эксперты пожарной службы считают, что это короткое замыкание. Проводка в здании старая и не соответствует нормам. Возможно, она просто не выдержала, так как нагрузка на нее в квартире Чэпмена была очень высокой.

— Из-за всех этих трилов, — добавила Ванн.

Рамси кивнула:

— Их там было несколько. Если все они одновременно подключались к индукционным пластинам, могла случиться перегрузка. Или достаточно было скачка напряжения, если кто-нибудь включал питание, чтобы система вышла из строя.

— В здании не было предохранителей? — спросил я.

Рамси пожала плечами:

— Я же говорила — несоответствие нормам.

— Кто-нибудь уже говорил с той пожилой дамой? — спросила Ванн.

— С Шаникой Миллер, — подсказал я.

— Она пока без сознания, — ответила Рамси. — Из больницы позвонят, когда она очнется и сможет разговаривать с нами. Пожарные и полиция тоже хотят поговорить с ней.

— Что насчет владельца и управляющего?

— Пока не можем найти обоих, — ответила Рамси. — Владелец, по слухам, проводит отпуск в Амальфи, где бы это ни было.

— В Италии, — подсказал я. — Раньше наша семья ездила туда на каникулы.

— Как мило, — скривилась Рамси. — Управляющий, которого зовут Вуди Пул, тоже свалил, хотя, кажется, уже не в Италию. Полиции он сказал, что собирается к сестре, но ни адреса, ни телефона не оставил. Его мы найдем.

— Вы изъяли трилы из квартиры? — спросил я.

— Да. Они нужны вам прямо сейчас?

— Только заводские номера и регистрационные номера транспортного средства. Пока этого достаточно.

— Я вышлю, — сказала Рамси.

— Спасибо, — поблагодарил я.

— А теперь, если нам больше нечего обсуждать,

думаю, мы закончили, — снова подала голос Бёрджесс. — И кстати, агент Шейн…

— Да, мэм?

— Впредь, перед тем как появиться в нашем офисе, берите трил напрокат.

— Пора поговорить с Альтоном Ортицем, — напомнил я Ванн.

— Я бы хотела сначала взглянуть на место пожара, — объяснила Ванн. — Это по пути.

— Не совсем.

— Все равно по пути, — решила она.

Мы стояли перед сгоревшим зданием, где раньше находилось любовное гнездышко Чэпмена. Все вокруг него было усыпано углями и обломками.

Ванн достала сигареты.

— Курить на пепелище, — заметил я. — Как мило.

— Все, что могло сгореть, уже сгорело. — она закурила и огляделась вокруг. — Да, район тут не ахти.

— Кажется, для таких есть выражение «требует благоустройства».

— Почему он свил любовное гнездышко именно здесь, как по-вашему? — спросила Ванн. — Профессиональные спортсмены не славятся финан-

совым благоразумием.

— А как же мой отец? Он зарабатывал миллионы и жил в крошечном доме, потому что все деньги вкладывал.

— Думаю, вы не будете спорить, Крис, что ваш отец — исключение, причем во многих отношениях. — Ванн сделала еще одну затяжку.

— Чэпмен был профессиональным спортсменом, но он не был звездой, — сказал я. — Ему хорошо платили, но не такие огромные деньги, как некоторым топовым игрокам лиги. Вероятно, это просто было ему не по карману.

— Или же здесь была вовсе не ловушка для малолетних фанаток, как вы решили.

— Я могу еще раз показать вам съемку квартиры. Там все было оборудовано для сексуальных утех.

— А кто говорил, что не было? Может, просто не для многих глаз. — Ванн снова затянулась и обвела глазами пожарище. — Это не похоже на то место, куда водят людей, чтобы произвести на них впечатление своими звездными возможностями. Такие места обычно держат в секрете.

— Мне кажется, вы придаете слишком большое значение району.

— Возможно. — Казалось, Ванн хотела сказать

что-то еще, но передумала.

— Что… — начал я, но она приложила палец к губам, словно прислушиваясь к чему-то.

Я тоже прислушался и вдруг услышал мяуканье.

— Это же кот! — воскликнул я и пошел на звук.

Можно было не утруждаться. Из тени между мусорными баками рядом с двумя соседними зданиями пулей вылетел черно-белый кот, подбежал ко мне и с настойчивым мяуканьем начал тереться о мои ноги.

— Он помнит, что вы его спасли, — глядя на кота, сказала Ванн.

Я опустился на колени, чтобы погладить животное, кот запрыгнул мне на спину, а потом перебрался на плечи.

— Нет, — сказал я, — просто он помнит, что его хозяин — трил.

Кот спрыгнул на землю и с надеждой посмотрел на меня.

— Мы не можем оставить его здесь, — добавил я.

— Потому что он — важный свидетель? — чуть улыбнулась Ванн.

Я взял кота на руки, почесал ему шею, он с готовностью выгнулся, показав ошейник и при-

цепленную к нему бирку, которую мой сканер тут же определил как хранилище данных.

— Очень даже может быть, — ответил я.

Глава 9

— Господи! — вздохнула Ванн, когда мы ехали к дому Альтона Ортица. — Этот кот у вас всего четверть часа, а вы его уже балуете.

— И вовсе я его не балую, — сказал я, поглаживая кота, который с довольным урчанием лежал у меня на коленях; на бирке значилось: «Пончик», и я решил, что так зовут моего нового друга.

— Вы только что накормили его тунцом! Заставили меня остановиться, чтобы купить тунца, и накормили его.

— Это не значит, что я его балую. Я его просто покормил.

— Тунцом, а не кошачьим кормом!

— У него был тяжелый день, — гладя Пончика, напомнил я.

— Вы не понимаете. Если накормить кота тунцом, он уже не захочет обычного корма. Попробуете дать ему обычную кошачью еду, и он будет смотреть на вас с немой укоризной. А если не дадите ему тунца, он пойдет и нагадит вам в ботинки.

— Вы все это знаете из личного опыта?

— Возможно.

— Я в триле. А трилы обычно не носят ботинки.

— Кот найдет, куда нагадить.

— Я предупрежу Марлу Чэпмен насчет тунца, — серьезно заявил я.

Ванн коротко взглянула на меня, потом снова стала смотреть на дорогу.

— Хотите оставить кота вдове Чэпмена?

— Кот нам не нужен, — сказал я. — Нам нужна только эта бирка.

— И вы думаете, Марла Чэпмен обрадуется такому подарку? Миссис Чэпмен, это кот, которого ваш муж держал в тайной квартире, где трахался с другими. Его зовут Пончик.

— Возможно, я еще не так хорошо все обдумал, — ответил я после минутной заминки.

— Возможно, — согласилась Ванн.

— Вы хотите кота? — спросил я ее.

Она искоса взглянула на меня:

— Он не на моих коленях сидит.

— Потому что вы за рулем. Включите автопилот, и тогда посмотрим.

— Нет.

— Это все из-за той старой травмы с тунцом?

Ванн промолчала, потому что мы как раз сворачивали с Крессон-стрит на Леверинг, где жил

Ортиц.

— Глядите! — воскликнул я и указал пальцем в окно.

По улице, в том же направлении, куда ехали мы, шел Альтон Ортиц с пакетами еды из супермаркета. Мы обогнали его, проехали дальше и остановились в нескольких домах от места, где он жил.

Кот не проявил желания выходить из машины, и мы оставили его внутри. Когда мы подошли к дому Ортица, он уже стоял на небольшой веранде и собирался войти.

— Мистер Ортиц, — окликнул я его. — Меня зовут Крис Шейн, я из ФБР. — Я вывел значок на нагрудный дисплей. — Мы разговаривали вчера.

— Вы тогда были в другом триле, — сказал Ортиц.

— Ну да, иногда я их меняю.

— А с тем что случилось?

— Сгорел при пожаре.

Ортиц улыбнулся.

— Вы провели увлекательные двадцать четыре часа, агент Шейн, — сказал он.

— Да уж, — кивнул я. — А это мой напарник, агент Ванн. Мы хотели бы задать вам пару вопросов.

— О Дуэйне? — спросил Ортиц.

— Да, и еще кое о чем.

— Хорошо, — кивнул Ортиц. — Подождите секундочку, только открою дверь, — сказал он, поставил на пол пакеты и стал перебирать ключи.

Мы начали подниматься к нему. Когда мы были уже на веранде, Ортиц вдруг бросил ключи, перепрыгнул через ограждение и приземлился на южной стороне, намереваясь бежать к соседскому крыльцу.

К сожалению, он не учел того, что навес над крыльцом соседа окажется на уровне его лица, потому что Леверинг-стрит шла под уклон и дом стоял чуть ниже, чем его собственный. Ортиц со всего размаха врезался лбом в навес, странно вывернулся и потерял равновесие. Он рухнул на бетонные ступени крыльца и скатился к кромке тротуара, тихонько застонав.

— Даже не знаю, что с этим делать, — призналась Ванн через секунду.

Я спустился с крыльца и подошел к Ортицу, который сидел на земле, прижимая к груди руку.

— Как вы? — спросил я.

— Кажется, руку сломал, — ответил он.

— Это потому, что вы пытались убежать от нас.

Не расскажете почему?

— Агент Шейн, я больше не буду с вами говорить без адвоката! — сказал Ортиц.

— Вы точно этого хотите? — спросила Ванн с веранды. — Ортиц, мы не собирались вас арестовывать. Мы просто хотели задать пару вопросов. А теперь вы сидите на тротуаре с покалеченной рукой, потому что пытались убежать от нас. Это весьма странное поведение. Но если вы поговорите с нами, мы легко сможем все уладить. И мы все сойдемся на том, что вы просто нечаянно упали, а вовсе не пытались убежать от федеральных агентов.

Ортиц взглянул на нее, все еще держа согнутую руку.

— Хорошая попытка, — сказал он и снова повернулся ко мне. — Больше ни слова без адвоката. Я под арестом?

Я посмотрел на Ванн:

— Мы хотим его арестовать?

— Ну, с формальной точки зрения он пытался скрыться от правосудия, — ответила она. — Убежал от нас, когда мы хотели его допросить.

— Не думаю, что это можно считать побегом, — сказал я. — Скорее, прыжком и падением.

— Как вам угодно, — согласилась она.

Я снова посмотрел на Ортица, который все так же бережно прижимал к груди руку.

— Давайте сначала вызовем ему «скорую», а там посмотрим, — предложил я.

— Вы же понимаете, что это значит? — спросила Ванн.

— Просветите.

Она ткнула пальцем в сторону Ортица:

— А то, что завтра нам придется вернуться сюда и все-таки допросить этого придурка. — Она полезла в карман за сигаретами. — Черт, как же я ненавижу этот город.

Главный конструктор компании «Ван Димен концептс» Демаркус Хинсон был обаятелен, словоохотлив и полон решимости рассказать нам все о своей работе по изготовлению трилов с фальшивыми половыми органами.

— Некоторых людей оскорбляет то, чем мы занимаемся, — говорил он, проводя для нас экскурсию по производственному цеху.

Хотя, пожалуй, слово «цех» было чересчур громким для такого места. Мастерская «Ван Димен» состояла из десятка цифровых фабрикаторов, которые на соответствующих печатающих устройствах делали металлические и неметаллические детали для трилов, а потом соединяли

их с помощью роботов. Перед мониторами со скучающим видом сидели операторы и следили за тем, чтобы технологический процесс проходил в соответствии со стандартом. Две станции контроля на первый взгляд казались никем не занятыми, но внимательный глаз обязательно бы заметил, что это не так. Ими управляли хадены, работая удаленно.

— Потому что вы приделываете к трилам гениталии? — уточнила Ванн.

— Да, но не только поэтому, — ответил Хинсон. — Их больше возмущает то, что мы разделили трилов по признаку пола. Или, точнее говоря, дали понять, что у них вообще есть пол. Хотя он, разумеется, был и до этого. — Он махнул рукой в сторону одного из фабрикаторов, где как раз шла сборка трила. — И конечно же, дело тут не только в гениталиях. Наши модели снабжены полноценной чувствительностью по всему телу, как и большинство трилов, но с особым упором на те области, которые в наибольшей степени способствуют сексуальному возбуждению. Когда производишь такое, волей-неволей наживаешь врагов.

— А кому вообще какое дело?

Хинсон пожал плечами:

— Все как обычно — одним не дают покоя их религиозные убеждения или так называемые моральные принципы. Другим просто не по себе, оттого что люди, которых они считали инвалидами, могут обладать высоким либидо и вести бурную сексуальную жизнь. Есть и такие, кто упорно считает хаденов бесполыми существами во всех смыслах этого слова. И они очень расстраиваются, когда хадены отказываются жить в соответствии с их представлениями. Наконец, есть просто люди, которым стремно видеть роботов с яйцами. — Хинсон рассмеялся над собственной шуткой. — Так что всяких хватает.

— А среди хаденов недовольные есть? — спросил я.

Хинсон повернулся ко мне:

— Представьте себе, есть. На нас постоянно жалуются хадены-пуристы — те, что вообще отказались от трилов. Говорят, мы пытаемся подогнать хаденов под общие, нехаденские стандарты сексуальности. — Он снова пожал плечами. — Лично я не вижу никакого смысла в таких протестах. Мы обслуживаем тех, кто хочет приобрести именно наши трилы. Не хотите — не пользуйтесь. И даже если кто-то пользуется, совсем не обязательно применять их «общепринятыми» способами.

Наши трилы позволят таким клиентам раскрыть свою сексуальность совершенно по-новому. А иногда и получить те ощущения, которые просто исключены со стандартными биологическими моделями полов.

— Вы имеете в виду ваши трилы с канавками? — спросил я.

— Не представляю, как вы о них узнали, — нахмурился Хинсон. — Это экспериментальные образцы. Все, кто согласился участвовать в испытаниях, дали подписку о неразглашении.

Я отправил ему фотографию трилов из квартиры Чэпмена:

— Я видел их лично.

Хинсон вгляделся в снимок на планшете:

— Но… эта комната горит?

— Горит, — подтвердил я. — Значит, это ваши трилы?

— Они определенно выглядят как наши, — сказал Хинсон и ткнул пальцем в трил с пенисом. — Это «Гейбл». А это «Бетти». — Он показал на трил с вульвой. — Мы называем модели с явно выраженными половыми органами по именам актеров золотого века кинематографа.

— А за основу настоящие брали? — как ни в чем не бывало спросила Ванн.

— О, нет, конечно. Я хотел сказать, не самих этих актеров конкретно. Базовые модели выполняются в соответствии со среднестатистическими пожеланиями разных слоев населения. Но мы также принимаем и спецзаказы. Можем сделать ваши собственные гениталии или выбрать из тех образцов, права на использование которых приобрели у взрослых актеров или прочих знаменитостей. Почему вы улыбаетесь, агент Ванн?

— Мне бы и в голову не пришло примерить чьи-то гениталии, — ответила Ванн.

— Добро пожаловать в будущее, — объявил Хинсон и улыбнулся в ответ.

— А что скажете о двух других? — спросил я, показав их на планшете.

Хинсон сразу перестал улыбаться.

— У них пока нет официального названия, — сказал он.

— И они не напоминают никого из актеров золотого века? — съязвила Ванн.

— Мы пытаемся уйти от идентичности частного характера, — ответил Хинсон. — Часть наших клиентов просят у нас модели, которые могли бы обеспечить им полноценные эротические удовольствия, не скованные никакими устаревшими проблемами привычных гендерных ролей.

Мы подготовили несколько проектов, и это один из тех, который проявил себя лучше всего как с эстетической, так и с функциональной точки зрения.

— Функциональной? — удивился я.

— Да. Некоторые более ранние модели неопределенного гендерного типа вынуждали испытателей двигаться способами, которые они отнюдь не считали сексуальными. Гребневые же модели в ряде позиций позволяют выполнять вполне традиционные движения.

— Нетрадиционные гениталии для традиционного секса, — констатировал я.

— Конечно! — воскликнул Хинсон. — Мы гордимся тем, что имеем возможность угодить нашим клиентам. Но люди часто рабы своих привычек, будь они в трилах или в своих собственных телах. А исполняя частные заказы, мы думаем и о массовом потребителе.

— Насколько массовом? — спросила Ванн, обведя глазами небольшую мастерскую.

— У нас избранная клиентура, но мы думаем о расширении производства. Принятие закона Абрамса—Кеттеринг означает, что уже через пару лет у нас появится новая категория заказчиков. Нехадены всех мастей. Часть из них захотят

приобрести трилы для своей сексуальной жизни. Потому что их тела дряхлеют, становятся немощными. Или они просто захотят воплотить в жизнь свои фантазии. — Он показал рукой на планшет. — Кто-то будет не прочь испытать что-то новенькое во внегендерном теле. Мы будем готовы к любым запросам и никогда не спросим, по какой причине он возник.

— Думаете, найдется много охотников для секс-роботов? — спросила Ванн.

— Мы надеемся на лучшее, — ответил Хинсон. — Хоть нам и приходится быть реалистами. — Он кивнул на фабрикаторы. — Когда мало заказов и мы в простое, то сдаем оборудование в аренду. Иногда делаем специализированные трилы для крупных производителей как субподрядчики. Например, «Зебринг-Уорнер» заказывал нам трилы для хилкеты. А прямо сейчас мы отрабатываем очень приличный заказ по производству базовых трилов для весьма серьезной компании. Это связано с одной новой прокатной фирмой.

— «МобилОн»? — спросил я.

Хинсон на мгновение опешил, но быстро взял себя в руки.

— Наверное, мне не стоило этого говорить, —

сказал он, что прозвучало как признание.

— Давайте вернемся к тому, с чего начали. — Ванн показала на фото в планшете.

— Что вы хотите знать?

— Один из них заработал, пока я находился в квартире, — сообщил я.

— Значит, вы были в той квартире, — сказал Хинсон.

— Да.

— Во время пожара.

— Да.

Хинсон окинул мой трил оценивающим взглядом.

— В другом триле, — уточнил я.

— Это я и хотел сказать, — пробормотал он. — Знаете, боюсь, я больше ничем не смогу вам помочь. Если вы тогда находились в квартире, то наверняка уже знаете, кто был нашим тестировщиком.

— К тому времени он был уже мертв, — сообщила Ванн.

— Простите?

— Это трилы Дуэйна Чэпмена. В воскресенье он умер. А вечером того же дня этот трил разгуливал по горящей квартире. У нас есть веские основания считать трил причастным к поджо-

гу. По крайней мере, мы хотели бы прояснить несколько вопросов.

— Понятно, — кивнул Хинсон. — Если Чэпмен тестировал для нас эти трилы, вы хотите, чтобы я вам сказал, кто еще логинился в его аккаунт, чтобы тем самым получить доступ к трилам.

— Верно.

Он развел руками:

— Боюсь, я не могу этого сделать без ордера. По понятным причинам наши клиенты хотели бы сохранить свою анонимность. Само собой, это распространяется и на тех, кому они предоставляют свои трилы для тестирования.

— Тут есть один нюанс, — заметила Ванн. — Дуэйн Чэпмен купил у вашей компании эти пробные образцы и держал связанный с ними аккаунт на ваших серверах, значит вы могли бы получить фидбэк. Однако выяснилось, что он не покупал их лично. Он купил трилы через свою компанию со сквозным налогообложением, которой владел вместе с женой. И ей как собственнику нужна информация. Поэтому она попросила нас добыть ее.

— Это правда? — глядя на меня, спросил Хинсон.

— Можем позвонить ей, если хотите, — ответил

я. — А еще лучше — ее адвокату. Он скажет вам то же самое. — По дороге к Хинсону мы позвонили Марле Чэпмен.

— Думаю, мне стоит посоветоваться с юристом, — нерешительно глядя на нас, проговорил Хинсон.

— Только поскорее, — посоветовала Ванн, — а то у нас там кот в машине.

— Это же кот, — сказала Тайла, когда я с трудом зашел в дом, держа Пончика, кошачий лоток и несколько банок тунца.

— Твои дедуктивные способности настоящего ученого не перестают меня восхищать, — ответил я; Пончик вырвался из моих рук, шлепнулся на пол и с урчанием направился к Тайле.

— Я не помню, чтобы мы на собрании жильцов обсуждали появление кота, — сказала Тайла.

— Он не навсегда.

Тайла ткнула пальцем на кошачий туалет:

— Твои покупки говорят совсем о другом.

— Этот кот — важный свидетель, — сообщил я. — В расследовании.

— Свидетель?

— Точно.

— Шутишь?

— Лишь отчасти.

— А мы тогда кто? Конспиративная квартира для котов-свидетелей?

На втором этаже послышался скрип двери, и из комнаты близнецов вышел их трил.

— Это что, кот?! — завопили они.

— О боже, — выдохнула Тайла.

— Он не навсегда, — предупредил я близнецов, пока они с шумом топали по лестнице.

— Почему нет?

— Он — свидетель для ФБР, — сказала Тайла.

— У нас кот по программе защиты свидетелей?! — Близнецы с восторгом воззрились на Пончика, а тот пристально смотрел на них.

— Давайте-ка все успокоимся, — предложил я.

— А можно он поживет в нашей комнате? — спросили близнецы.

— Что там происходит? — закричал сверху Тони.

— У нас тут кот-беглец! — закричали близнецы в ответ.

— Что?

— Он не беглец! — закричал я.

— Он просто свидетель, — добавила Тайла.

— Из твоих уст это звучит как-то глупо, — сказал я.

— Ну да. — Тайла наклонилась и почесала Пон-

чика за ушком.

На лестнице появился Тони.

— У нас не было собрания насчет кота, — объявил он, спускаясь вниз.

— Он не навсегда, — повторил я.

— Но он же может остаться, — не унимались близнецы.

— А где его хозяин? — спросил Тони.

— Мертв. Это кот Дуэйна Чэпмена.

— Бедный котик осиротел, — запричитали близнецы.

— Прекратите, — попросил я.

— Почему он у нас? — спросил Тони.

Я присел, отстегнул ошейник Пончика и протянул его Тони.

— Это хранилище данных, — сказал он.

— Угу, — промычал я. — Как думаешь, можно туда залезть?

— А ты мне заплатишь?

— Ну, ФБР заплатит.

— Тогда может быть. Через какое-то время.

— А как с котом? — спросила Тайла.

Я посмотрел на близнецов и вручил им лоток, наполнитель для кошачьего туалета и банки с тунцом.

— Уи-и-и! — завизжали близнецы.

— Ушам своим не верю, прямо как дети, — пробормотала Тайла, но близнецы уже тащили свою добычу вверх по лестнице. — Это все ты, — сказала мне Тайла.

— Полностью признаю свою вину, — ответил я.

— Ты же знал, что они захотят оставить кота.

— Он же не навсегда, — в который раз повторил я.

— Ну да, ну да, — кивнула Тайла. — Его хозяин мертв, а близнецы носятся с ним, как восьмилетки. Разумеется, не навсегда.

— Прости.

— Я тебе еще это припомню, когда попрошу о собаке. Прямо на ближайшем собрании.

— Вполне справедливо.

— О большой собаке!

— Я люблю больших собак.

— Так-то лучше, — пригрозила Тайла и удалилась.

— Лично я не любитель собак, — сказал Тони.

— Тайле не говори, — посоветовал я.

— Без тебя знаю. Что-нибудь еще интересное произошло, кроме приобретения осиротевшего кота?

Я уже хотел ответить: «Да, но рассказать тебе не могу», как пришел звонок на встроенный те-

лефон. Я посмотрел на номер звонившего.

«А вот это точно что-то интересное», — подумал я и, жестом попросив Тони помолчать, ответил на звонок.

— Крис Шейн слушает.

— Здравствуйте, агент Шейн. Это Ким Силва, мы с Дуэйном играли в одной команде.

— Да, я знаю. Мои соболезнования.

— Спасибо. Уверена, вам уже известно, что мы с Дуэйном были любовниками.

— Да, я обратил на это внимание, — ответил я.

Согласно информации, полученной от Хинсона, Ким за последний год много раз загружалась в трилы из квартиры Дуэйна Чэпмена.

— И вы также догадались, что это я управляла трилом, который вы видели в горящей квартире.

— Догадался, вы правы. Я хотел бы задать вам несколько вопросов — об этом и не только.

— Я поговорила с юристами и менеджерами команды, — сказала Ким, — и мы все вместе решили, что самым разумным для меня будет сотрудничать с вами. Вам будет удобно встретиться завтра? В одиннадцать утра на тренировочной базе «Бэйз»?

— Да, конечно, — заверил я.

— Спасибо, агент Шейн. Я… — замялась она.

— Что-нибудь еще, мисс Силва? — спросил я.

— У меня немного странный вопрос…

— Ничего, — сказал я, — спрашивайте.

— Когда вы были в квартире Дуэйна, вы, случайно, не видели моего кота?

Глава 10

Я оставил Пончика с близнецами, пошел в свою комнату, установил трил на подзарядку, а потом открыл проход в пещеру.

Конечно, это была не настоящая пещера. Моя «пещера» была личным пространством, которое я создал для себя в «Агоре», сообществе, где хадены проживали свои виртуальные жизни.

Каждый хаден заводил собственное личное пространство. Одни — в основном те, кто заразился уже в зрелом возрасте, — со скрупулезной точностью воспроизводили там свои дома или местности, хорошо знакомые им по их прошлой, дохаденской жизни. Другие — кто заболел в детстве и весь жизненный опыт получал уже в «Агоре» — создавали более абстрактные, часто экстравагантные или даже издевательские по отношению к самой идее «личных пространств» уголки. Один мой приятель по колледжу описывал свое пространство как «неевклидов верблюжий желудок». Не поручусь за правдивость того описания, но оно было таким же до отвращения претенциозным, как и манера его подачи.

Мое личное пространство находилось где-то

посередине между двумя крайностями — не дом и не топологическая прихоть, а темная, безмолвная пещера, увеличенная копия знаменитых новозеландских пещер Вайтомо. Где-то в вышине, со скрытого мраком купола, мне подмигивали смоделированные светлячки. Внизу текла подземная река, воспроизводя идеальный уровень природного шума для создания атмосферы покоя и тихого созерцания.

Которую я собирался нещадно разрушить, открывая новости о смерти Дуэйна Чэпмена.

Собственно, даже не сами новости о его смерти, поскольку почти всю информацию, относящуюся к этому событию, я уже или и так знал, или должен был скоро узнать. Я больше искал разного рода комментарии, мнения, гипотезы и просто высосанные из пальца слухи.

Далеко ходить не пришлось.

Для начала — «Вашингтон пост», «Нью-Йорк таймс», «Бостон глоб», «Спортс иллюстрейтед», ESPN[42] и прочие авторитетные издания в печатном, аудио- и видеоформате. Все публикации были разделены на привычные категории: репортажи с сухим изложением фактов, отклики на

---

[42] Примечания: 42
Американский кабельный спортивный канал.

событие, документальные очерки, скорбные комментарии и несколько заметок с рассуждениями о том, как смерть Чэпмена повлияет на работу СХЛ. Более прямодушные издания цитировали утешающие слова фэбээровского пресс-атташе, который не сказал ровным счетом ничего по существу. В этом он был большой мастер. «Пост» и другие местные СМИ отметили, что дело ведем мы с Ванн, а также что мой отец думает стать совладельцем новой вашингтонской команды СХЛ, еще не получившей названия. Никаких мрачных домыслов на тему о том, что это может означать, никто себе не позволил.

Зато позволили «Хилкета ньюс» и ей подобные второразрядные газетенки. Больше всех старался Кэри Уайз, пытаясь связать мое участие в расследовании и деловые контакты моего отца. Получалось не слишком убедительно, потому что не хватало материалов для скандала. Но я все же взял этот факт на заметку как потенциальную угрозу, ведь при большом желании из любой мелочи можно раздуть настоящую сенсацию.

После таких выводов вполне логично было перейти к менее солидным сайтам, которые буквально кишели устными и письменными гипотезами от болельщиков, возомнивших себя

журналистами, или от двинутых на почве политики горлопанов. Я быстро прокручивал эти творения, отмечая отдельные перлы, чтобы позже почитать уже более внимательно следующее.

Что Чэпмена убили, так как он слишком много знал о грязных делишках лиги.

Что его убили, потому что он сливал тактику «Бостон бэйз» другим командам за деньги.

Что он покончил с собой в знак протеста против коммерциализации хилкеты по сравнению с тем временем, когда это был просто спорт.

Что его убили, чтобы освободить место для кого-то из нехаденов, и что он был лишь первой жертвой.

Что его заказала жена, так как он ей изменял, — эту версию я пометил звездочкой, и не потому, что считал Марлу Чэпмен виновной в смерти мужа, а потому, что хотел понять, как широко распространились слухи о неверности Чэпмена.

Что его убили из-за страхового договора с лигой, потому что у нее проблемы с деньгами, — эту версию я тоже отметил, чтобы потом проверить, как на самом деле обстоят дела с финансами у лиги и у «Бостон бэйз».

Что смерть Чэпмена — это кара господня за то, что хаден женился на нехадене.

Что смерть Чэпмена — это кара господня за безнравственность СХЛ и распущенность спорта высшей лиги в целом.

Что смерть Чэпмена — это дело рук террористов, которые покушаются на американский образ жизни (на мексиканский и канадский, надо думать, тоже, так как в этих странах у лиги тоже были команды).

Что смерть Чэпмена связана с исключением из лиги Клементе Сальсидо. Эту версию выдвинул один из болельщиков «Мехико-Сити ацтекс». Ее я тоже отметил звездочкой и тут же вызвал Тони. Тот откликнулся сразу:

— Я пока не взломал твой носитель.

— Я не об этом, — ответил я. — Хотел спросить, что там с отчетом по каналу данных Дуэйна Чэпмена.

— Как раз сейчас собираюсь отправить его тебе и Ванн. — Словно по волшебству, тут же пришел запрос, извещающий, что на мою почту выслан зашифрованный файл с отчетом. — В общем, я уверен, что канал никаким изменениям не подвергался. Его просто тупо изъяли из публичного доступа. И еще там нет ничего, кроме того, что мы уже и так узнали сегодня утром.

— А другие каналы могут показать то, чего мы

не знаем? — спросил я.

— Конечно. Я же тебе говорил, что конкретно эти каналы делаются в основном для развлечения зрителей. Но у лиги есть и более подробные записи для контроля за состоянием организма игроков. Сердце, мозг, разные другие органы. Так они проверяют, чтобы не было случаев допинга или еще чего-то незаконного.

— Мы сможем их получить?

— Наверное. Но, скорее всего, потребуется ордер.

— Ладно, займусь этим. А ты пока сможешь кое-что для меня сделать?

— Когда?

— Да когда угодно.

— Значит, сейчас, так хоть сверхурочные получу, — решил Тони. — Что делать-то надо?

— Сможешь найти публичный канал Клементе Сальсидо с его последней игры? Он играл за «Ацтеков».

— Да знаю я, за кого он играл, — обиделся Тони. — Чего искать-то?

— Просто взгляни и, если что-нибудь покажется необычным, дай мне знать.

— Ладно, хочешь быть загадочным — на здоровье.

— Это же не трудно?

— Нет, просто так дольше искать. Поищу, пока буду пытаться крякнуть твой кошачий ошейник.

— А с ним в чем загвоздка?

— «В чем загвоздка», — передразнил Тони. — В другой раз, когда захочешь ковырнуть намертво защищенное оборудование, Крис, дай мне знать. — Он дал отбой, а я вернулся к чтению грязных сплетен.

У меня не было цели, перелопачивая весь этот шлак, поверить хоть во что-нибудь. Я просто хотел оценить настроения, которые сложились вокруг первой смерти хилкетиста на поле.

Через пару часов чтения я убедился, что эта история захватила внимание целой страны. Все крупные новостные издания, освещавшие в том числе и спортивные события, напечатали материалы на эту тему, а говорливое блогерское сообщество с энтузиазмом их поддержало. Впрочем, пока ничего откровенно шокирующего или из ряда вон выходящего никто не опубликовал. Даже идиотские конспирологические теории были вполне себе адекватными, насколько вообще могут быть адекватными конспирологические теории.

Это меня слегка удивило. Любителям строить

теории заговора здесь было где разгуляться. Взять хотя бы смерть Алекса Кауфмана, наступившую сразу после смерти Дуэйна Чэпмена. Ни для кого не являлось секретом, что мы расследуем оба этих дела. Однако кроме «Пост» и «Глоб», да еще скупого сообщения от Ассошиэйтед пресс, очень немногие отреагировали на смерть Кауфмана, разве что перепечатали новость от АП. Самый обширный материал под громким заголовком «Смерть Алекса Кауфмана могла бы стать сенсацией, но умер Чэпмен» вышел в «Пост». Думаю, они там слегка перегнули палку и, по сути, признались, что смерть Кауфмана на фоне трагедии с Чэпменом им совершенно неинтересна.

А еще это означало, что пресс-служба СХЛ очень хорошо выполняла свою работу, отводя внимание от Кауфмана как одного из членов руководства лиги. Это не означало, что новость о Чэпмене меньше вредила их имиджу — как-никак известие о смерти игрока на поле не лучший вариант в любой формулировке, — но так они хотя бы могли держать под контролем только одно событие.

Хотя, конечно, тоже до поры до времени. Скоро эксперты дадут заключение по кровати Кауфмана в отеле, а также по смежному номеру. Вот

тогда и поглядим.

Я еще немного посмотрел и послушал посты с комментариями, оценивая разные точки зрения, а потом закрыл все окна одновременно, отчего мгновенно наступившая тишина показалась почти физически осязаемой. После этого я зашел на универсальный фанатский сайт, который вполне ожидаемо назывался «Хилкетопедией».

На страничке Дуэйна Чэпмена сразу выскочил его аватар, созданный по образу и подобию его физического тела, и фотография, на которой он управлял игровым трилом, перепрыгивая через Марсело Гиббонса из нью-йоркской команды во время одного из матчей своего первого сезона. Это была одна из его лучших игр, в то время когда он еще подавал большие надежды. Однако настоящей звезды из него не получилось. Он был достаточно хорош, чтобы оставаться в составе «Бостон бэйз», но никто из менеджеров не боялся, что его переманит другая команда, когда истекал срок контракта и он переходил в статус свободного агента.

А вот Ким Силва, его подруга по команде и, как теперь выяснилось, любовница, была именно таким игроком, которого руководство очень боялось потерять. Ее страничка на «Хилкетопедии»

содержала длинный список ее заслуг, рекордов, наград и прочих спортивных достижений. И если Чэпмен был просто одним из игроков, то Силва — тем человеком, вокруг которого строилась вся игра команды.

По-другому и быть не могло. Ведь только благодаря ей на чемпионате прошлого сезона, в общем-то, посредственные «Бэйз» выиграли у Лос-Анджелеса, команды гораздо более заслуженной и сыгранной. Именно с ее появлением «Бэйз» вошли в высший дивизион. А без нее остались бы в лучшем случае середнячками.

Явное лидерство Силвы в лиге щедро оплачивалось. Кроме того, что с ней был заключен бьющий все рекорды баснословный контракт, ее имя вдобавок использовалось для рекламы разного рода продукции, не всегда связанной с хилкетой. К примеру, она поддерживала пепси, хотя особое очарование этого напитка чаще всего было недоступно хаденам. Мы просто не могли пить газировку. Во всяком случае, большинство из нас. Силва заболела синдромом клетки довольно рано и едва ли успела прикипеть к этой дряни, но если компания выбрала ее «лицом бренда», это было их личным делом.

Страница Силвы в «Хилкетопедии» отобража-

ла полный список ее рекламных контрактов с приблизительной оценкой годовой стоимости каждого. Как у многих спортсменов высшего эшелона, ее доход от рекламы значительно превышал ее годовой заработок в лиге. Я прокручивал список, складывая в уме цифры.

И вдруг остановился, когда увидел, что у Силвы было соглашение с компанией «Лабрам» о рекламе их добавок для капельниц. То есть тех самых добавок, которые использовал Чэпмен в день своей смерти.

— А вот это уже любопытно… — пробормотал я вслух, ни к кому не обращаясь.

Наши ребята как раз сейчас проверяли содержимое капельницы на предмет чего-нибудь необычного. И если окажется, что Силва делила свои припасы с Чэпменом, для нее это будет иметь весьма существенные последствия. Может, она еще и поэтому вдруг так хотела поговорить с нами?

Я закрыл сайт «Хилкетопедии» и начал, по своему обыкновению, выводить на виртуальный экран изображения всех персонажей, с которыми мы уже имели дело в ходе расследования. Дуэйн Чэпмен. Его жена Марла. Его помощник Альтон Ортиц. Алекс Кауфман. Чиновники Североаме-

риканской хилкетной лиги Маккензи Стодден, Оливер Медина и Коретта Барбер. Комиссар СХЛ Уэнделл Гордон. Потом неохотно добавил к ним своих родителей. Я не пытался таким образом составить список подозреваемых или людей, вовлеченных в мутные дела, а хотел лишь выстроить связи между ними. Чтобы понять, не упустили ли мы с Ванн чего-нибудь важного.

А я нутром чувствовал, что мы действительно что-то упустили. Пока наше расследование можно было описать одним словом — «облом». Две подозрительные смерти, пожар в квартире, изъятый из доступа поток информации, кот с базой данных в ошейнике да еще толпа триловизвращенцев. И вместе с тем никаких веских оснований считать, что Дуэйн Чэпмен умер насильственной смертью. Максимум, что мы имели, — это запись СХЛ, показывающая, что его мозговая активность резко выросла. Но мы пока не могли это связать ни с каким внешним воздействием.

Я смотрел на лица, выстраивая линии связей между всеми этими людьми. Что-то в этой схеме упорно настораживало.

«Ну конечно», — вдруг дошло до меня. Я уже собрался добавить еще один портрет, но помешал

сигнал входящего вызова.

— Крис, это Амели Паркер. Мы познакомились сегодня в доме ваших родителей.

— Я помню.

— Хорошо, — сказала она. — Я хотела узнать — вы в данный момент очень заняты?

— Просто смотрю кое-какие фотографии, — ответил я и добавил ее фото к своей схеме. — А что такое?

— Я бы хотела встретиться и поговорить.

— Прямо сейчас?

— Да, если можно.

— Это касается нашего расследования?

— Нет. Ничего общего.

— Тогда о чем будет разговор?

— О будущем. Моем и, возможно, вашем.

Глава 11

Ослепительно-белое солнце, осенний ветер, скользнувший по лицу, и вот я уже на заднем сиденье фаэтона «крайслер-ньюпорт» 1940 года, который катил по частной дороге, ведущей к внушительному особняку, из тех, что обычно принадлежат потомкам графов или «баронов-разбойников»[43].

Вдоль дороги росли деревья, в основном клены, одетые в красно-оранжевую осеннюю листву. Каждый лист был не похож на другой и тихим шорохом откликался на пролетающий мимо ветерок, разнося легкий прелый запах. Я отвернулся от окна и увидел шофера, сидящего за рулем фаэтона, вернее, его спину. Каждая ниточка в ткани его костюма была воспроизведена с мельчайшими подробностями, так же как его кожа и короткие волоски на затылке. тисненая красная кожа заднего сиденья выглядела настолько натурально, что мне казалось, я вот-вот почувствую запах коровьей шкуры, если наклонюсь ближе.

---

[43] Примечания: 43

Собирательное название предпринимателей США периода 1870–1890 годов.

«Ладно, Паркер, — подумал я. — Ты явно потратила кучу денег на свое личное пространство».

И фаэтон, и шофер в униформе, и эта дорога с кленами, и древесный запах ветра, да и сам ветер не были настоящими. Как и тот внушительный дом, к которому я направлялся. Все это было смоделировано Амели в ее персональном пространстве, так же как моя пещера Вайтомо.

С той лишь разницей, какой объем вычислительных мощностей был на это потрачен. Паркер смоделировала не просто комнату, или дом, или пещеру, а целые гектары земли и всего на ней с воссозданием мельчайших подробностей. Не просто деревья, а каждый листик на них. Не просто листик, но и запах, который он издает. Не просто запах, но и ветерок, который доносил его до меня или до кого-то еще, когда мы проезжали мимо в смоделированной машине сороковых годов прошлого века, издававшей все положенные звуки и даже хруст гравия под колесами.

Такой уровень детализации личного пространства требует больших денег. Можно создать комнату с множеством реалистичных деталей. Можно даже создать довольно большую территорию, если знаешь, как удешевить процесс, оставляя четким лишь то, что попадает в поле

обзора, а все остальное представить лишь характерными очертаниями, до тех пор пока вы туда не посмотрите. Моя пещера тоже большая, но темная и изолированная. Единственная реалистичная деталь в ней — платформа над рекой. Все остальное — сама пещера, река, светлячки в вышине — сгенерированы с необходимым минимумом подробностей.

Но если хочешь больше, чем «необходимый минимум», если тебе нужны буквально миллиарды листиков, травинок и кусочков гравия, тогда будь готов заплатить. И мало того, что ты выложишь кругленькую сумму за само моделирование. Ты должен будешь платить за содержание и обслуживание такого пространства. Когда я выхожу из своей пещеры, она переходит в режим ожидания. А вот Амели Паркер, как я все больше убеждался, глядя на ее владения, оставляет их функционировать и без своего присутствия.

За хранение данных надо платить.

И каждый хаден об этом прекрасно знает. В сообществе, где все возможно и где любая ваша фантазия может стать реальностью, именно хранение базы данных с высоким уровнем детализации является одним из немногих доступных способов продемонстрировать свое благососто-

яние.

Однако, как это ни парадоксально, очень мало кто из по-настоящему богатых хаденов так поступал, или, если быть более точным, мало кто пускал на подобные территории людей, не входящих в тесный круг ближайших друзей. Большинство состоятельных хаденов заказывали вполне благоустроенные, но скромные в плане обработки данных личные пространства для встреч с деловыми партнерами и новых знакомств. Но как только они понимали, что тебя можно допустить в святая святых, ты попадал на настоящую планету, которую они моделировали, начиная с создавших ее тектонических сил.

То, что Амели Паркер пригласила меня в свое обильно детализированное личное пространство, могло означать одно из двух. Либо она после единственной встречи уже считала меня близким другом, либо она была из нуворишей, которые и понятия не имели, как поступают хадены с деньгами.

Фаэтон объехал фонтан напротив особняка и остановился возле ступеней парадного входа. Шофер, который, как я теперь увидел, очень смахивал на знаменитого актера 1960-х годов Роберта Редфорда, открыл для меня дверцу и приложил

пальцы к козырьку фуражки, когда я выходил из машины. После того как я начал подниматься по мраморным ступеням к ожидавшей меня наверху Паркер, он сразу же уехал.

— Спасибо, что приехали, Крис, — сказала она и протянула мне руку.

— Вы просили — я приехал, — ответив на рукопожатие, сказал я. — Только вот на автомобиль с шофером не рассчитывал.

— Для вас — все только самое лучше, — улыбнулась она. — Вам нравится мой дом?

— Весьма впечатляюще. — Я услышал вдали звук удалявшегося фаэтона.

— Хотите сказать, что это дурной тон — выставлять личные пространства размером с поместье в первую же встречу.

— На самом деле это не первая наша встреча, — напомнил я.

— Да, не первая, — согласилась Паркер. — А еще я считаю такое поведение богатых хаденов лицемерным. Вы знаете, что у меня есть деньги. Я знаю, что у вас есть деньги. Мы оба можем себе все это позволить. — Она широким жестом обвела дом и окрестности. — Какой смысл притворяться, что мы живем как-то иначе?

— Вы эпатируете старую финансовую аристо-

кратию, — сказал я.

— Чихать я на них хотела. — Паркер снова показала на дом. — Идемте?

Внутри также была воссоздана обстановка жилища праздного богача — чуть больше роскоши, чем это было необходимо, но все же не полная безвкусица. Подробностей я не успел разглядеть, так как мы быстро прошли через холл и вышли на задний двор, примыкавший к озеру с пирсом. Возле пирса стояла большая яхта.

— Мы что, поплывем на ней? — спросил я.

— Мне кажется, это будет чудесно. Если только у вас нет водобоязни.

Я пожал плечами:

— Ну, утонуть-то я все равно не смогу.

Паркер рассмеялась и направилась к яхте, поманив меня рукой. Когда мы благополучно забрались на борт, яхта сама отшвартовалась от причала и заскользила по озеру.

— Должна признаться — это пространство для меня относительно новое, — сказала Паркер.

— Понятно, — кивнул я.

— Крис, я, как и вы, выросла в богатой семье. Но, в отличие от ваших родителей, мои так целиком и не приняли хаденскую сторону моей личности. Они заставляли меня сосредоточиться

на материальном мире, а с «Агорой» разрешили познакомиться лишь в общих чертах.

— Звучит невесело.

— Конечно, они хотели для меня только добра. Но если тебе хотят добра, это вовсе не означает, что тебе не делают зла. Я пропустила уймищу всего, что́ мои ровесники-хадены воспринимали как должное. И ведь самое смешное, что компания моих родителей, помимо всего прочего, очень успешно обслуживает хаденский рынок. Но мои мама и папа относятся к той категории людей, которым не нравится то, чего они не могут понять. Знаете таких? Они очень консервативны. Думают, что «Агора» — это то место, где меня непременно обманут или внушат радикальные идеи.

— Если честно, и то и другое там вполне возможно, — сказал я.

— «Агора» — это дом для миллионов людей, — возразила Паркер. — Конечно, там может такое случиться. Но это может также случиться и в так называемом реальном мире. В этом смысле большого различия нет.

Я обвел глазами озеро:

— И когда же вы все это сделали?

— Пару лет назад. После того как моя первая

компания стала публичной и я смогла построить что-то без денег семьи. Знаете, это ведь непрерывная имитация.

— Я догадался.

Паркер кивнула:

— Значит, вы понимаете, что это значит. Я все сделала сама, поэтому родителям было не на что жаловаться. Ладно-ладно, это неправда. Они, конечно, были недовольны. Но мы сошлись на том, что я их сюда не приглашаю.

— Справедливо, — рассмеялся я.

— Теперь вы знаете, почему я так нагло нарушила все правила и похвасталась этим местом перед вами, Крис. Не для того, чтобы произвести впечатление. Я понимаю, это вряд ли возможно. Так я хочу показать вам, кто я. Это моя декларация независимости, если хотите. И может быть, это вас впечатлит.

— А почему вы так хотите впечатлить меня?

— Есть причины. В свое время вы о них узнаете.

Я не стал давить на нее, а только спросил:

— А вам самой нравится ваша декларация?

— Честно говоря, это такой головняк! — со смехом призналась Паркер. — Постоянство дорого стоит. Программа то и дело распадается, а зна-

чит, то в одном месте, то в другом приходится восстанавливать. На прошлой неделе полетела программа, отвечающая за ветер, и все остановилось на два дня, пока я не нашла программистов и они не выяснили, в чем дело. Листья и птицы застыли в воздухе. Но даже когда все работает на полную мощность, я вынуждена кое на чем экономить. — Она показала на озеро. — Нырнете глубже чем на три метра и тут же вылетите из симуляции. Вас просто выкинет из нее полностью.

— Хорошего мало, — заметил я.

— Если кто-то хочет искупаться, приходится предупреждать, чтобы не напугать гостей.

— Вы всегда можете урезать размеры.

— Могу, но не хочу. Да, это головняк, но это мой головняк, понимаете?

Я кивнул, и несколько минут мы молчали, любуясь ее головняком, воплощенным в имитации.

— Даже если мне все это очень нравится, вы едва ли пригласили меня сюда, чтобы доставить мне удовольствие, — сказал я наконец.

— Вы правы.

— Тогда зачем?

— Вам нравится ваша работа в ФБР, Крис? — спросила Паркер.

— Вполне, — ответил я. — В ней есть победы

и разочарования, как в любой другой работе, но мне интересно, да и люди, с которыми я работаю, нравятся.

— Вы все время находитесь в тени.

— Это как раз преимущество. Я устал быть ребенком с плаката для всей нации.

— Но вы же понимаете, что не перестали им быть. Конечно, последние несколько лет вы сторонились публичности, но, даже как скромный агент ФБР, вы все еще в свете прожекторов. Вы со своим напарником умеете наделать много шуму. Взять хотя бы прошлогоднее дело Лукаса Хаббарда. Отправить самого знаменитого в мире хадена в тюрьму — это, по-вашему, прятаться от публичности? А теперь вы расследуете смерть Дуэйна Чэпмена, сенсацию последних дней.

— Мы не выбираем дела, — сказал я. — Берем, какое дают.

— Да, но ваши дела упорно возвращают вас под свет софитов, — заметила Паркер. — В общем, вы знаете мою компанию, «МобилОн».

— Ту, куда вы хотите привлечь деньги моего папы? — уточнил я. — Трилы напрокат?

— Да. А если точнее, трилы по первому требованию. Когда мы начинали, мы много думали о возможных партнерах, с которыми будем сотруд-

ничать — не только в плане финансирования, хотя это тоже очень важно. Мы думали о тех, кто сможет стать лицом нашего бренда и будет представлять наши услуги широкой публике. Поэтому несколько месяцев назад мы заплатили «Гинзберг ассошиэйтс», чтобы они провели для нас голосование по вопросу: «Кто из хаденов США вызывает у вас наибольшее уважение и восхищение».

— Не слышал о таком опросе.

— Он проводился в узком кругу. Хотите узнать, какое место вы заняли? — спросила Паркер.

— Судя по тому, что вы пригласили меня для разговора, полагаю, довольно высокое.

— Если не брать в расчет хилкетистов, которые, в общем-то, стоят особняком, вы четвертый из наиболее обожаемых хаденов США, Крис. Точнее, четвертый среди хаденов и третий среди нехаденов. Просто удивительно.

— Ну, это все отголоски былой славы, — сказал я.

Она покачала головой:

— Мы тоже так думали. Но потом решили углубиться в эту тему. Оказалось, что ваше нынешнее занятие только прибавило вам очков. Как ни странно, людям нравится, что, повзрослев, вы

пошли на настоящую работу, а не стали пользоваться незаслуженным богатством. Оказалось, что, когда вы арестовываете плохих парней и отправляете их в тюрьму, вы тем самым только улучшаете свой имидж.

Я внезапно вспомнил того репортера в холле отеля, который уверял, что я все еще знаменит.

— В ФБР есть и другие агенты-хадены, — сказал я Паркер.

— Конечно. Но таких, как вы, больше нет. Я в этом убеждена. Ваша слава не меркнет. И даже растет. Вы — это по-прежнему вы, Крис. Если мы говорим о знаменитостях.

— Хорошо, и что?

— Мне интересно, нравится ли вам ваша нынешняя работа.

— Но ведь, как оказалось, это она делает меня знаменитым.

Паркер улыбнулась:

— Думаю, мы сможем предложить кое-что получше.

— Ну, наконец-то переходим к делу.

— «МобилОн» — серьезная компания, Крис. Она будет работать на текущий спрос, а также на тот, которого пока нет, но скоро появится. На этом новом рынке очень важно быть первым. А

для этого нужна хорошая осведомленность.

— Вы хотите наживаться на тех, кто слишком беден, чтобы позволить себе собственный трил, — сказал я.

Паркер снова покачала головой:

— Мне известна ваша точка зрения. Вы ее озвучили в нашем утреннем разговоре. Но я позволю себе повторить, Крис. Не я приняла закон Абрамса—Кеттеринг, а конгресс. И теперь хадены поставлены перед выбором: либо тратить на трил больше денег, чем они могут себе позволить, либо безвылазно находиться в «Агоре». — Она показала рукой на озеро. — Для кого-то из нас это не проблема. Но вы же сами отметили, что большинству хаденов все еще приходится жить в материальном мире. «МобилОн» даст им такую возможность.

— И вы хотите нанять меня, чтобы я заставлял людей поверить, что им будет лучше без самого необходимого?

— Лучше так — чтобы вы помогли людям понять, что есть и другие варианты, кроме жизни в долг и затворничества.

— Мы говорим об одном и том же.

— Не думаю. Так или иначе, это лишь одна сторона. Есть и другая. Когда нехадены начнут

пользоваться трилами, а мы с вами знаем, что это произойдет очень и очень скоро, понадобится человек, которому они поверят, на кого будут опираться, осваивая новые для себя технологии.

— Понятно, — кивнул я. — Значит, вот кто ваша настоящая цель.

— Разумеется, — уже с легким раздражением ответила Паркер. — Я вам скажу так, Крис. Этот рынок надо будет кому-то обслуживать. Технология, прежде доступная только хаденам, станет общим достоянием. Трилы смогут использовать все. И кто, по-вашему, должен извлекать прибыль из этой ситуации? Компания, созданная и управляемая хаденами, или нехадены, кому нет дела до наших потребностей, кто вытеснит нас на обочину и будет просто делать деньги? Крис, мы заслуживаем того, чтобы стать первыми на новом рынке.

— И первыми разбогатеть.

— Да! Ну, то есть стать еще богаче. — Она немного помолчала, глядя в сторону, потом заговорила снова: — Я все понимаю, Крис. Вас беспокоят этические вопросы. Вы не доверяете «МобилОн». Но это одна из причин, по которой я хочу видеть вас в нашей команде. Чтобы вы держали нас в узде. И чтобы все остальные знали, что вы держите нас в

узде. Это хорошо как для самой компании, так и для ее публичного образа.

— А еще помогло бы вам с моим отцом.

— В смысле?

— Он ведь пока не решил, становиться вашим инвестором или нет.

— Дело не в этом. Хотя, конечно, если вы к нам присоединитесь, договориться с ним будет легче. Я не стану разубеждать вас в обратном, ведь вы умный человек, и это было бы оскорбительно с моей стороны. Но уверяю вас — мое предложение останется в силе независимо от того, станет ваш отец нашим инвестором или нет. Я по-прежнему приглашаю вас в свою команду.

— Я не могу участвовать в рекламной деятельности. Это запрещено правилами ФБР.

— Поэтому я и спрашивала, довольны ли вы своей работой.

— Достаточно доволен, чтобы не бросать ее ради рекламных денег.

— А как насчет рекламных денег и доли? — спросила Паркер. — По нашим расчетам, уже через пару лет после того, как мы выпустим акции «МобилОн» в свободную продажу, рыночная капитализация в сотню миллиардов долларов уже не будет фантастической цифрой. Вы сами

станете миллиардером, Крис. Без всякого трастового фонда.

— Два с половиной процента за то, чтобы быть вашим рекламным лицом?

— Не совсем. За такой кусок пирога мы захотим вас всего с потрохами. У вас будут и другие обязанности. Заниматься лоббированием в конгрессе, писать статьи во все издания и вообще всегда отправляться туда, куда вам скажут. Вы будете работать, а не просто улыбаться и махать ручкой. Но оплата будет того стоить.

— Если вы преуспеете.

— Как я уже сказала, — улыбнулась Паркер, — новый рынок очень скоро откроется. Уже открывается. И прямо сейчас решается вопрос, кто придет на него первым. Мы в выгодном положении. Если присоединитесь вы, будет еще лучше.

— А как я объясню свой уход тому, кто рассчитывает стать одним из совладельцев лиги, дело которой я сейчас расследую?

— Ну а как вы объясняете то, что ведете дело лиги, совладельцем которой надеется стать ваш отец? Можете оправдать одно, значит сможете оправдать и другое. Я хочу внести ясность, Крис: мое предложение никак не связано с вашим расследованием. Моя доля собственности в хилкете

совсем из другого источника. Это семейные деньги. А ваше расследование сможет продолжаться и без вас. Агент Ванн знает свое дело, не так ли?

— Как я понимаю, вы ждете от меня быстрого ответа, — сказал я.

— В следующий понедельник у меня несколько встреч с потенциальными инвесторами. Я была бы счастлива сообщить им, что вы с нами.

— Я не смогу уволиться за неделю.

— Да, но вы можете подать заявление. Для меня хватит и этого.

— То есть вы хотите ответ к понедельнику.

— Вообще-то, я бы с удовольствием услышала его прямо сейчас.

— Я не могу принимать решение в такой спешке.

— Хорошо, тогда в воскресенье днем. А еще лучше в пятницу вечером. Я буду на первой игре сезона «Бостон бэйз», но приму ваш звонок.

— Вы сказали, что провели тот опрос несколько месяцев назад, — сказал я.

— Да.

— Тогда почему вы связались со мной только сейчас, когда я в самом разгаре расследования, к которому вы, по меньшей мере, имеете отношение? Почему не пару месяцев назад, когда ничего

этого еще не случилось?

— Хотите правду? — спросила Паркер.

— Конечно.

— Вы — четвертый в списке самых авторитетных хаденов США. До вас мы связывались с первыми тремя.

— Что ж, это справедливо, — улыбнулся я.

— Простите, — сказала Паркер.

— Но я же сам сказал, что хочу правду.

— Да, сказали, — подтвердила Паркер. — Теперь вы знаете. Надеюсь, это вас убедит в том, что у мен нет никаких зловещих планов на будущее.

— Возможно.

— Вы уверены, что не хотите ответить прямо сейчас?

— Уверен. — Я встал и подошел к борту. — Три метра, говорите?

— Что? Ах да. Вы можете подождать, когда я верну лодку обратно.

— Думаю, не стоит утруждаться, — сказал я.

Среди хаденов считалось дурным тоном загадочным образом возникать в чужом личном пространстве и так же исчезать из него. Большинство из нас пользовались для этого специальными входами, которые открывал владелец. Паркер использовала автомобиль на дороге. Мне

это показалось слишком долгим путем.

— Как хотите, — сказала она. — Известите меня о своем решении как можно скорее, Крис. Не хочется лишний раз напоминать, но от вашего ответа слишком много зависит.

Я кивнул и прыгнул в воду, заскользил вниз, ощущая мокрую одежду на теле. Вода выглядела чистой, и я видел дальше чем на три метра, различая в глубине темное размытое дно. Казалось, нет никаких причин, чтобы я не мог добраться до него.

Кроме того факта, что через три метра я попал из воды в какое-то безликое серое пространство. Дно было иллюзией, как и все остальное. Я начал подниматься от дна озера, направил свое виртуальное тело вверх и увидел яхту, которая качалась на поверхности, удаляясь от меня все дальше и дальше, до тех пор пока я внезапно не обнаружил, что стою в своей пещере. Не лежу, не падаю, не делаю что-то еще, а просто стою. Меня бесцеремонно вышвырнуло из пространства Паркер и вернуло в свое.

«Просто неверный код», — подумал я.

Поступил сигнал вызова. Кто-то пытался до меня дозвониться. Оказалось, Ванн.

— Где вы были? — спросила она, когда я ей

перезвонил.

— Выслушивал предложение о новой работе, — ответил я.

— Что?

— Долго рассказывать.

— И от кого?

— От Амели Паркер. Она владелец компании, хочет, чтобы мой отец стал их инвестором.

— Амели Паркер, — повторила Ванн.

— Да. Вы ее знаете?

— В некотором смысле, — уклончиво сказала она. — Пришли результаты экспертизы по кровати Кауфмана в отеле. Оказалось, в ней был кто-то еще. Хотите угадать кто?

— Это точно не Амели Паркер. Она хаден.

— Да, не Амели Паркер, — согласилась Ванн. — Это некая особа по имени Лена Фаулер.

— Интегратор, — сказал я.

— Ну да, интегратор, а что такого? Угадайте, кто один из ее главных клиентов?

— Если вы сейчас скажете: «Амели Паркер», мне станет очень неловко.

— Считайте, что уже стало. Но это еще не самое интересное.

— Неужели? Слушаю внимательно.

— Я получила предварительный отчет об Алек-

се Кауфмане от судмедэксперта в Вашингтоне.

— Не тяните уже.

— Возможно, это было не самоубийство.

Глава 12

Я вытянул фотку в поле обзора:

— Да, вижу рентгенограмму шеи Алекса Кауфмана. И что я должен здесь обнаружить?

— Смотрите на четвертый позвонок, — сказала Ванн.

Мы направлялись к дому Лены Фаулер в Арлингтоне; машину вела Ванн. Было утро вторника, и мы рассчитывали, что успеем с ней поговорить до того, как я должен буду появиться в Бостоне для встречи с Ким Силвой. Пробок на дороге в это время дня не было, так что все вполне могло получиться.

— Это который? — спросил я.

— Как ни странно, четвертый сверху.

— Вы очень любезны, — сказал я. — Вот он. Что искать-то надо?

— Повреждения.

— Понятное дело, — кивнул я. — От веса тела Кауфмана и от ремня.

Ванн покачала головой:

— Может, и от этого. Но эксперт считает, что повреждения могло вызвать что-то еще, а повешение их только усугубило.

— И от чего могли появиться такие повреждения, по его мнению?

— От удара тупым предметом. Похоже, кто-то саданул его по загривку.

— Но на теле нет никаких следов борьбы.

— Правильно, — согласилась Ванн. — Кто бы это ни был, он сначала вырубил Кауфмана или оглушил его, а потом затянул ремень у него шее.

Я добавил на экран фото Кауфмана в морге:

— Они должны были действовать очень быстро. Если бы между первым ударом по шее и увечьями от ремня прошло хоть какое-то время, остались бы следы.

— Да, — подтвердила Ванн. — Поэтому я и сказала, что ударом его, скорее всего, только оглушили, но не убили. Иначе наш эксперт разделил бы эти два события по характеру синяков и кровоподтеков. А этого не произошло.

— Тогда почему вы все-таки считаете, что ему сначала вломили по шее? — спросил я.

— Эксперт сказал, что одно только повешение, да еще тем способом, какой выбрал Кауфман, не должно было так сильно повредить позвонок. Тело ниоткуда не падало, резким рывкам не подвергалось. Куда падать-то, если он в ду́ше повесился. Хотя в принципе он, конечно, мог

удавиться и одновременно сломать себе шею.

— Только медленнее и не с такими переломами.

— Так сказал эксперт.

— Но он не уверен.

— Нет. Он сказал, что повреждение могло быть вызвано тем, что Кауфман дернулся, а труба в ду́ше держала. Еще сказал, что у Кауфмана могла быть давняя травма шеи или болезнь костей, поразившая шейный отдел или весь позвоночник, и это стало причиной. Обещал подумать еще.

— То есть версия самоубийства все-таки не исключается? — сказал я.

— Если не учитывать тот факт, что Фаулер была в его постели за несколько минут до того, как он себя порешил.

— Значит, вы думаете, Фаулер его убила?

— По крайней мере, я бы хотела услышать от нее обратное.

Дом Фаулер в Арлингтон-Вьюс стоял недалеко от шоссе Коламбия-Пайк в окружении таких же благоустроенных, но невыразительных кирпичных зданий типичной пригородной застройки, через дорогу от начальной школы. Просто идеальное место для молодой семьи, которой у Фаулер, судя по ее интеграторскому досье, не было.

— Когда-нибудь хотели иметь дом в пригороде? — спросил я у Ванн, когда мы подошли к двери Фаулер.

— Это несовместимо с моим образом жизни, — ответила она.

— Уверен, где-нибудь рядом есть бар.

— Супер, — сказала Ванн. — Я выросла в пригороде. Так что мне хватило. — И постучала в дверь.

Открыла сама Лена, посмотрела на нас и на секунду обернулась через плечо. Потом снова повернулась к нам с мрачным лицом.

— Я с клиентом, — сухо сказала она.

Это означало, что, когда мы разговаривали, из ее тела на нас смотрел какой-то другой человек.

— Прямо сейчас? — уточнил я.

— Да.

— У себя в доме? — спросила Ванн.

— Мы собирались выходить.

Ванн взглянула на меня. Хотя никто не запрещал клиентам коннектиться с интегратором у себя дома или у него, обычно это происходило уже в том месте, куда они направлялись, или очень близко от него. У интеграторов была почасовая оплата. Никто не хотел тратить большие деньги просто на дорогу.

— Мы не против поговорить с вами в присутствии вашего клиента, если вы сами не возражаете, — сказала Ванн.

Фаулер аж перекосило. Мы и так уже поставили ее в крайне неловкое положение, вынудив выйти на поверхность во время сеанса и тем самым грубо нарушить все условия договора. А допрос при клиенте был вообще немыслим.

Полагаю, именно поэтому Ванн об этом и заговорила. Хотела разозлить Фаулер любым способом.

— Прошу прощения, я сейчас, — сказала Фаулер и закрыла перед нами дверь.

Мы переглянулись и стали ждать. Примерно через минуту Фаулер вышла и снова закрыла дверь — уже за собой.

— Агент Ванн, агент Шейн, что бы это ни значило, давайте побыстрее.

— Значит, вы нас помните, — сказала Ванн.

— Этого я видела вчера. — Фаулер ткнула пальцем в мою сторону. — А вас помню по процессу над моим клиентом.

— Приятно, когда о тебе помнят.

— Для кого как, — сказала Фаулер. — Чего вы хотите?

— Мы хотели бы задать вам несколько вопро-

сов об Алексе Кауфмане, — сообщил я и кивнул на дверь. — Может, мы войдем?

— Нет, не войдете, — заявила Фаулер.

— Почему? — спросила Ванн.

— Потому что я так сказала, агент Ванн.

— Вы знали Алекса Кауфмана? — продолжила Ванн, решив начать допрос прямо у крыльца.

— Само собой, знала. Иначе вас бы здесь не было.

— Тогда вы, вероятно, знаете и о его смерти.

— Слышала.

— Для женщины, которая за несколько минут до самоубийства была в его постели, вы поразительно легко об этом говорите, — сказала Ванн и после паузы добавила: — Если только вы не находились там от имени своего клиента.

— Даже если и так, вам прекрасно известно, что я не могу об этом говорить.

Интеграторы одалживали свои тела хаденам при помощи синхронизации нейронных сетей, встроенных в мозг обеих сторон. Однако соединение не было безупречным, поэтому, чтобы помогать хадену управлять его телом, интегратор всегда присутствовал при сеансе, просто его сознание отходило на второй план. Ввиду крайне доверительного характера этой работы,

закон защищал их отношения правом на неприкосновенность, так же как отношения врача и пациента или адвоката и обвиняемого.

— А если бы вы действовали не от имени клиента? — спросил я.

Фаулер повернулась ко мне.

— Тогда можете быть уверены: что бы нас с Алексом ни связывало, я бы не стала с вами говорить об этом без присутствия своего адвоката, — отчеканила она.

— Мы и без адвоката видим, что вы не слишком расстроены, — заметила Ванн.

— Агент Ванн, я не считаю вас специалистом в понимании того, как люди проявляют свое горе, — ответила Фаулер.

— Но вы не отрицаете, что видели Алекса Кауфмана перед самой его смертью?

— Разумеется, нет. Теперь я совершенно уверена, что у вас уже есть доказательства моего присутствия как в его номере, так и в соседнем.

— Который тоже был оплачен Кауфманом?

— Да.

— А зачем он снял второй номер? Вы ведь живете неподалеку.

— Надо было у него спросить, агент Ванн.

— Боюсь, это слегка затруднительно, мисс

Фаулер.

— Да уж конечно.

— Не показалось ли вам, что Кауфман чем-то расстроен или обеспокоен? — спросил я.

— Вы имеете в виду, перед тем как он повесился в ванной на собственном ремне? — с легким недоверием уточнила Фаулер.

— Ну да.

— Я не собираюсь строить догадки о его душевном состоянии, — сказала Фаулер. — Скажу лишь одно: когда я уходила, он был жив.

— Вы не очень-то торопитесь нам помочь, — заметил я.

— Из чего вы можете предположить, что это моя принципиальная позиция, агент Шейн. Помимо того что я свято соблюдаю тайну отношений «интегратор—клиент», я еще и никогда не разговариваю с органами правопорядка ни о чем, кроме общих тем.

— Что ж так? — поинтересовалась Ванн.

— Считайте это моими либертарианскими убеждениями.

— А я уж было подумала, что это как-то связано с перечнем ваших клиентов, — сказала Ванн. — Вчера вечером я просматривала ваше досье. Люди, с которыми вы интегрируетесь, — это весь-

ма сомнительные личности, Фаулер. И не только здесь, в Вашингтоне. Когда вы находились в Денвере, список ваших личных клиентов включал тех, кто сейчас отбывает срок в местах не столь отдаленных.

— А еще он включал директоров крупных технологических компаний, художников и прочих вполне законопослушных граждан, — ответила Фаулер. — О вас я тоже кое-что знаю, агент Ванн. От своего клиента, которого вы упрятали в тюрьму. Вы ведь раньше тоже были интегратором. Думаю, вы продолжаете им оставаться, хотя больше и не практикуете. Давайте пройдемся по списку ваших бывших клиентов. Там что, одни святые? Едва ли.

Ванн изменилась в лице. Она перестала быть профессиональным интегратором после того, как одна из ее клиенток попыталась сбросить ее тело под поезд метро. Хотела получить опыт смерти, не умирая при этом сама. Смерть интегратора прекрасно подходила для этой задачи. К счастью, попытка провалилась.

— Мы закончили? — спросила Фаулер. — Меня ждет клиент.

— До того как стать интегратором в Денвере, вы служили в армии, — сказала Ванн.

— Да, и что?

— Более того — это армия оплатила вам курсы интеграторов и последующую стажировку.

— Да, оплатила. Я прошла школу подготовки офицеров запаса при Техасском университете, после чего получила назначение в Форт-Беннинг, где помогала армейским офицерам с синдромом клетки. Вам наверняка все это известно.

— Иначе говоря, вы получили назначение в Институт западного полушария по сотрудничеству в сфере безопасности.

Фаулер улыбнулась:

— В чем вы меня подозреваете, агент Ванн? То, что там во время холодной войны была «Школа Америк»[44], теперь ничего не значит. Те дни давно миновали.

— Не сомневаюсь, — сказала Ванн. — Но, как я понимаю, для повышения качества обслуживания тех, с кем вы там интегрировались, вы прошли и некий курс спецподготовки. Рукопашный бой. Приемы пыток. Что-то в этом роде.

— Какое же у вас богатое воображение, агент Ванн. Мое служебное досье находится в откры-

---

[44] Примечания: 44

Специализированное учебное заведение, основанное в США в 1946 году; в годы холодной войны готовило кадры для антикоммунистических режимов.

том доступе. Можете заглянуть туда на досуге. А впредь, если вы еще раз захотите поговорить со мной, договаривайтесь через моих адвокатов. Или вы намерены арестовать меня прямо сейчас?

— Нет, — ответила Ванн. — Не прямо сейчас.

— Хорошо. Тогда проваливайте с моего крыльца. — Фаулер повернулась и шагнула в дом, не оборачиваясь на нас.

— Какой-какой институт западного полушария? — спросил я, когда мы с Ванн остались вдвоем.

— Институт западного полушария по сотрудничеству в сфере безопасности, — сказала Ванн, сходя с крыльца. — Там мы учим людей из других стран обеих Америк, как убивать тех, кто им неугоден.

— Я не знал, что мы все еще этим занимаемся.

— Мы никогда и не прекращали, — сказала Ванн. — Просто не распространяемся на эту тему.

— Вы правда считаете Лену Фаулер убийцей? — спросил я.

— Меня бы не удивило наличие у нее некоторых навыков, которые она не использует в своей нынешней работе.

— И она вспомнила о них, чтобы убить Алекса Кауфмана? Но зачем? Он ведь вроде не враг государства.

— Из списка ее клиентов ясно видно, что Фаулер перестала быть ура-патриотом уже довольно давно.

— Вы всерьез думаете, что она его убила? Вот так пришла и сломала ему шею?

— По крайней мере, она точно знает, почему он умер.

— Даже если и так, вы же не надеялись, что она признается прямо на своем крыльце?

— Конечно нет. Я знала, что она не скажет ничего полезного.

— Тогда зачем мы вообще сюда ехали?

— Потому что я хотела посмотреть, каким будет ее следующий шаг.

— Иногда я вас совсем не понимаю, — сказал я.

— Это несложно, — ответила Ванн и полезла в карман за сигаретами. — Что бы там ни произошло с Кауфманом, она была в номере именно для этого или хотя бы должна знать что-то очень важное для нас. С нами она говорить не станет. Но тот, с кем она поговорит в самое ближайшее время, нам точно поможет.

— Вам понадобится разрешение на прослушку

ее телефонов.

— Я получила его вчера вечером после нашего с вами разговора. У судьи Казниа передо мной должок.

— Фаулер наверняка уже догадалась, что у вас оно есть. Она, вообще, похоже, из тех, кто всех и во всем подозревает.

Ванн кивнула:

— Я не исключаю тот вариант, что Фаулер правильно оценивает масштаб нашего внимания к ней и понимает, что мы пасем ее с самой смерти Кауфмана и что мы нашли ее отпечатки в обоих номерах. Это еще одна причина нашего появления здесь. — Ванн мотнула головой в сторону дома. — Кстати, вы заметили, как она обернулась, когда первый раз открыла нам дверь?

— Да.

— Полагаю, у нее там гости. Какая-то встреча. И клиент среди них.

— Значит, о чем бы они ни говорили, это подпадает под отношения «клиент—интегратор» и не подлежит разглашению.

— Если только они не замышляют преступление, — сказала Ванн. — Хотя это трудно доказать, если даже и так. — Она достала зажигалку и прикурила.

— И что вы собираетесь делать?

— Отгоню машину за пару кварталов, вернусь сюда пешком, спрячусь в кустах и буду ждать, когда кто-нибудь выйдет.

— А если нет никакой встречи?

— Значит, подышу свежим утренним воздухом.

— А как насчет меня?

— Насчет вас? — переспросила она. — Вы отправляетесь в Бостон.

— Да, но мой трил-то останется здесь. Я думал, мы вернемся в офис.

— Сюрприз.

— А машина с выключенным трилом внутри типа не вызовет подозрений?

— Хорошо подмечено, — согласилась Ванн.

— И что с этим делать?

Прежде чем ответить, Ванн смачно затянулась.

— Полагаю, на такой случай всегда есть багажник, — наконец сказала она.

Глава 13

В багажник мой трил не поместился. Поэтому я вызвал такси и поехал к родителям. По пути набрал Тони.

— Есть какие-нибудь подвижки с тем хранилищем данных на ошейнике? — спросил я его.

— Никаких, — ответил он. — Пытаюсь крякнуть обычными приемчиками, но ничего не выходит. Вижу, что там что-то есть, и даже могу сказать, какого размера файл, но открыть его не получается.

— А в чем проблема-то?

— В алгоритме шифрования — вот в чем. Чтобы получить доступ, нужен ключ шифрования, это вообще не фокус, но вся загвоздка в том, что вводить его нужно через другое определенное устройство, которого у нас нет.

— Значит, определенное устройство.

— Точно. Оно должно законнектиться с хранилищем через «ближнюю бесконтактную связь». Их надо поместить на расстояние не больше двух метров друг от друга, и хранилище откроется.

— И что, это нормальная практика? — спросил я.

— Вполне. Производители телефонов уже десятки лет делают что-то подобное, чтобы можно было разблокировать телефон с помощью надежного устройства вроде домашнего компьютера или известной беспроводной сети. С точки зрения безопасности я бы не посоветовал этот способ, потому что в массе случаев эти так называемые «надежные устройства» совершенно не защищены. Но у нас этого устройства просто нет, поэтому и говорить не о чем. Если только ты не вынес что-то из того пожара.

— У нас только обугленные остатки трилов.

— Насколько обугленные?

— Все, что не из металла, превратилось в пепел.

— Ну да, тогда, наверное, ничего не выйдет.

— Я все равно мог бы подбросить тебе, если хочешь попробовать.

— Крис, это ты хочешь попробовать — не я. Это же твои заморочки.

— Слушай, повозись еще немного, а? Может, найдешь другой способ взломать?

— Ладно, повожусь. Только не питай особых надежд.

— Постараюсь сдержать грядущее разочарование.

— Вот это правильно. А у меня ведь есть для тебя и хорошие новости. Ну, то есть в определенном смысле хорошие.

— Звучит интригующе, — пошутил я.

— Ты просил меня глянуть на канал с данными Клементе Сальсидо с последней игры и сравнить с каналом Дуэйна Чэпмена. Я глянул.

— И?

— Тебе краткий ответ или подлиннее?

— Начни с краткого.

— Есть некоторое сходство.

— Так. Теперь подлиннее.

— Есть такой же скачок мозговой активности, какой мы видели у Чэпмена. Может, не столь резкий и интенсивный, но он был и привел к приступу.

— И никто раньше этого не заметил?

— Об этом тебе надо спросить у врачей, которые его наблюдали. Но даже если они и заметили, то, скорее всего, не придали этому значения как чему-то из ряда вон выходящему. Или кто-нибудь сказал типа: «Ага, так вот как это выглядит, когда приступ вот-вот случится», а потом и думать забыл. Я-то ведь тоже заметил сходство только потому, что ты меня попросил.

— Я не говорил тебе, что именно искать.

— Не говорил. Но ты просил поискать что-нибудь необычное, вот я и смотрел очень внимательно. Сомневаюсь, что кто-то еще изучал данные Сальсидо с таким же рвением.

— Думаю, мне стоит поговорить с Сальсидо.

— На твоем месте я бы тоже так поступил, — согласился Тони.

— Ладно, продолжай взламывать хранилище.

— Ага, — пообещал Тони. — Ты когда домой вернешься?

— Сегодня, наверное. А что?

— Хотим провести собрание насчет Пончика. Близнецы наотрез отказываются его отдавать.

В ответ я только захихикал.

— Что сделала Амели Паркер? — переспросила мама.

Мы были в моей комнате, и мама меня стригла. Хотя почти все мои ощущения были переключены на трил, я все же чувствовал, как ее руки движутся над моими волосами, как берут прядки одну за другой, чтобы пройтись по ним триммером. Мама всегда считала, что короткая стрижка — это более практичный выбор, а я не возражал. Некоторых хаденов не слишком волновала их внешность, ведь их тела обычно оставались на одном месте, но я не видел причины, почему я

не могу выглядеть достойно во всех своих ипостасях.

К тому же мне нравилось, когда мама меня подстригала. Она, конечно, могла попросить кого-то другого. Кроме того что в доме постоянно дежурил кто-то из двух опекунов, нанятых моими родителями для ухода за моим телом, так у мамы и папы еще было по своему личному парикмахеру, которые приходили по первому требованию. Любой из них мог привести меня в нормальный вид без всяких проблем. Но именно это мама предпочитала делать сама.

Хадены иногда страдают от нехватки человеческого прикосновения. Когда твое тело неподвижно и ты используешь трил, чтобы передвигаться по миру, люди часто забывают, что ты сам по-прежнему находишься в своей настоящей оболочке и продолжаешь испытывать те же чувства, что и любой другой человек. Тела хаденов реагируют на прикосновение. И это прикосновение необходимо хаденам, как и всем остальным.

Подстригая мне волосы, мама таким образом продолжала сохранять связь со мной — в буквальном и в переносном смысле. Были, конечно, и другие способы. Но этот оставался особенно ценным, потому что такой простой и обыденной

процедурой все мамы на земле выражают любовь к своим детям.

Ну и отцы тоже, разумеется, — давайте не будем сексистами.

Кстати говоря, папа тоже однажды попытался подстричь мне волосы. Кончилось все довольно плачевно.

— Предложила мне работу, — ответил я. — Быть рекламным лицом «МобилОн», или, иначе говоря, продавать свое знаменитое имя. За хорошее жалованье и процент. Обещала, что я стану миллиардером совершенно самостоятельно.

Папа, сидевший тут же на диване, презрительно фыркнул.

— Она амбициозна, этого не отнимешь, — сказал он.

— А ты, значит, не думаешь, что этот бизнес начнет приносить сотни миллиардов долларов прямо со старта? — спросил я с нарочитой серьезностью.

— Я думаю, что она не рассказала тебе о конкурентах, — заметил папа. — Несколько крупнейших производителей трилов уже предлагают услугу подписки. И в отличие от «МобилОн», у них уже есть инфраструктура на местах, чтобы клиенты могли получать трилы незамедлитель-

но. Амели потребуется как минимум полтора года для того, чтобы вывести свои объемы на тот уровень, на который она рассчитывает.

— Она уже заключает контракты на субподряд с мелкими компаниями, которые выпускают трилы по спецзаказам, — сообщил я. — Я вчера был в «Ван Димен», и там один из сотрудников проболтался, что они подписали с ней контракт.

— А, это те, что секс-трилы штампуют? — воскликнул папа.

— Маркус! — урезонила его мама.

— Я же не говорю, что секс-трилы — это плохо, — сказал папа. — Но они точно не обеспечат запросов Амели ни в краткосрочной перспективе, ни позже, когда трилами наконец начнут пользоваться нехадены.

— Поэтому мы и сказали, что ей нужно попытаться стать партнером одного из крупных производителей трилов, когда она пришла к нам за финансированием, — добавила мама.

— А она ответила, что не хочет, — кивнул папа. — По ее мнению, крупные фирмы скоро начнут терять свои позиции, и тогда она сможет получать от них более выгодные предложения, чтобы дополнить рынок моделями собственного производства.

— Это чересчур оптимистично, — откликнулась мама, орудуя триммером; я чувствовал его жужжание.

— Мама правильно говорит, — заметил папа.

— Почему оптимистично? — спросил я.

— Потому что все значимое укрупнение в отрасли уже произошло, — пояснил папа. — Оно началось еще до того, как билль Абрамса—Кеттеринг стал законом, и закончилось спустя несколько месяцев после его принятия. Часть слияний еще формально продолжается из-за ряда нормативных процедур, но скоро все завершится.

— А рынок тем временем уже отреагировал снижением цен на акции, — добавила мама. — Оставшиеся компании провели сокращения, уволив часть работников и урезав производство.

— То есть никакого обвала не предвидится? — уточнил я.

— Нового обвала — нет, — ответила мама. — И это означает, что Паркер делает ошибочную ставку, когда отказывается стать партнером еще существующего производителя.

— То есть, как я понял, стать миллиардером мне не светит.

— А ты ведь и не рассчитывал на это, верно?

Мама посмотрела на меня, то есть на самом деле отвернулась от меня и переключила свое внимание с моего настоящего тела на трил. На тот, в котором я появился, потому что мой домашний трил сидел на зарядном стуле в углу. Имея несколько тел, можно запутаться в них, пока не привыкнешь.

— Я думала, тебе нравится твоя работа, — сказала мама.

— И в деньгах ты вроде не нуждаешься, — добавил папа.

— Мне действительно нравится моя работа, — ответил я. — И в деньгах я не нуждаюсь. Но, должен признать, Амели хорошо знала, на какие рычаги давить. Когда я был в ее личном пространстве, она рассказывала, как создала его при помощи своих собственных средств, заработанных ее первой компанией, а не взятых у семьи.

— Да неужели? — пробормотала мама, снова сосредотачиваясь на моей прическе.

— Что ты хочешь этим сказать?

— А то, что Амели не сочла нужным сообщить тебе, что изначальным инвестором ее первой компании был семейный бизнес, — ответил за нее папа.

— И что через пару лет они выкупили у дочери

ее компанию с большой выгодой для нее, — продолжила мама.

— Вполне законная сделка, возможно оправданная с точки зрения бизнеса, и уж точно кумовство в чистом виде, — закончил папа.

— А что за бизнес у ее семьи? — спросил я.

— «Лабрам индастриз», — сказал папа.

— Я их знаю. Они ведут дела с СХЛ.

Папа кивнул:

— «Колыбели» и прочее специальное оборудование. Не только для СХЛ. У них целая линейка товаров для «активного образа жизни», предназначенная для хаденов. Это не основное их направление, главным образом они занимаются строительством и перевозками. Но после рождения Амели компания пришла и на этот рынок.

— И как же со всем этим совмещаются добавки для спортсменов? — спросил я, вспомнив о капельнице в доме Чэпмена. — Их-то не назовешь оборудованием.

— Это и есть прежний бизнес Амели, — пояснила мама. — Когда «Лабрам» взял его под свое крылышко, они объяснили свое решение тем, что такой продукт станет логичным дополнением к спортивному инвентарю. Может, даже искренне так считали.

— А что думали инвесторы?

— Ничего не думали, — сказала мама. — «Лабрам» — частная компания. Собственность семьи.

— Если они купили ее предыдущую компанию, то могут купить и эту, — заметил я. — Если только она сама от нее не откажется.

— Крис, — усмехнулся папа, — если они и купят, то уж точно не за сотню миллиардов долларов. Хотел бы я заглянуть в их гроссбухи.

— Зачем? — спросил я.

— Чтобы узнать о них побольше, прежде чем заводить с ними дела.

— Не знал, что ты собираешься заводить с ними дела, — сказал я.

— Это связано с лигой хилкеты.

— Я слышал, Амели Паркер собирается стать партнером в вашингтонской команде.

— Тут немножко другое, — заметила мама. — Она хочет вложить свои деньги. Но сама компания «Лабрам» намерена крупно вложиться в план расширения лиги на Европу и Азию.

— Это оборонительный ход, — заметил папа. — Они хотят знать, что останутся главными поставщиками «колыбелей» для игроков, а еще намерены сделать свои добавки обязательными для иностранных лиг.

— Вот такая договорная игра, — сказала мама.

Она уже закончила с моей прической, отложила машинку и начала стряхивать волоски с моей шеи. Скоро должен был появиться робот-пылесос, чтобы очистить пол.

— А почему вас так волнуют иностранные лиги? — спросил я папу. — Ведь вашингтонская команда войдет в Североамериканскую лигу.

— Правильно, — кивнул папа. — Но организационная структура выстроена так, что все действующие лиги становятся филиалами СХЛ. Все доходы от франчайзинга, мерчандайзинга и чего бы то ни было еще идут головной корпорации. То есть вся прибыль в один котел.

— А это нашей лиге сейчас просто необходимо, — заметила мама.

— Мне казалось, ты говорила, что с финансами у лиги все нормально, — напомнил я.

— Я говорила, что положение близко к критическому. А последние пару дней более внимательно изучала их бухгалтерские книги.

— И что?

— А то, что кризис уже наступил. И в следующие пару лет их ждет финансовый крах.

— Да еще какой, — поддакнул папа.

— Но почему? — спросил я.

— Во-первых, из-за цен на недвижимость и налогов, — сказала мама. — А во-вторых, из-за Абрамса—Кеттеринг.

Я недоуменно посмотрел сначала на нее, потом на папу:

— А как одно с другим связано-то?

— Просвети нашего отпрыска, дорогая, — с улыбкой обратился к маме отец.

— Крис, лиге не принадлежит ни один из стадионов или других площадок, где проходят игры, — начала мама. — Она арендует их либо у муниципальных властей, либо у других спортивных клубов. Причина в том, что до принятия Абрамса—Кеттеринг правительство предоставляло значительные льготы тем организациям, которые, кавычки открываются, способствовали здоровью и процветанию граждан, страдающих синдромом Хаден, кавычки закрываются. Хилкетная лига с формальной точки зрения была такой организацией. Поэтому они получали налоговые послабления, кредиты и даже частично прямое финансирование спорта от дяди Сэма.

— И не могли построить на эти средства стадионы?

Мама покачала головой:

— Вложения и строительство окупились бы

только в том случае, если бы компания получала прибыль от доходов, связанных с хаденами.

— То есть ты можешь построить стадион для хилкеты, но ты не можешь использовать его ни для каких других целей, — наконец понял я.

— Именно так, — подтвердил папа. — Но если ты снимаешь площадку или арендуешь ее, то получаешь налоговые льготы от суммы аренды.

— Мало того, — добавила мама, — Тот, кто сдает эту площадку, также получает преференции в случае, если дает лиге скидку. Если это власти штата или муниципалитет, они получат возмещение от федерального правительства, если частная компания — налоговую субсидию. Поэтому лиге выгоднее арендовать стадион, а не строить, а владельцам стадионов выгоднее брать с нее низкую арендную плату.

— Но это же… злоупотребление федеральной программой! — воскликнул я. — Она же вроде создавалась, чтобы открывать детские оздоровительные лагеря для хаденов и еще чего-то подобного, а не для стяжателей из профессионального спорта.

Папа согласно закивал.

— Теперь ты понимаешь, почему Абрамс—Кеттеринг прошел в конгрессе, — сказал он. — Вместо

любой программы, хоть как-то выгодной хаденам, мы получили этот мартышкин труд.

Я снова повернулся к маме:

— И теперь, после того как Абрамс—Кеттеринг прошел, цены на аренду взлетят.

— Да. — Она взглянула на мою шею, нахмурилась и сняла оттуда завиток волос, который раньше не заметила; я почувствовал, как ее пальцы нежно отбросили его в сторону. — Большинство контрактов со стадионами действуют для конца сезона, а когда их начнут перезаключать, цена подскочит в два, а то и в десять раз.

Я тихонько присвистнул. От трила это прозвучало не слишком естественно, но по-другому я не мог выразить свои чувства.

— И это еще только верхушка айсберга, — сказал папа и посмотрел на маму. — Ты ему про зарплаты расскажи.

— Для зарплат что, тоже налоговые льготы? — недоверчиво спросил я.

— У них льготы буквально на все, — сказала мама. — На зарплаты, технический персонал, медикаменты, услуги сиделок, профподготовку, транспортировку трилов на игру и после игры.

— А мне больше всего нравится льгота на хаденский просмотровый режим, — заметил

папа. — Его создавали, чтобы помочь хаденам прочувствовать игру; стоимость разработки и внедрения была целиком субсидирована. А лига взяла и открыла к нему платный доступ. И теперь каждый заработанный с этого цент — чистая прибыль.

— И все это исчезнет в следующем налоговом году, — добавила мама. — А лига сама по себе никогда не была прибыльной. Она приносила какой-никакой доход, только пока работал механизм ухода от налогов, и даже тогда едва сводила концы с концами. Но праздник кончился. Команды в Мексике и Канаде еще на подъеме, но основная часть лиги здесь, в США. Ей придется несладко.

— И ты все еще хочешь стать их инвестором? — спросил я у папы после короткой паузы.

— По-твоему, это плохая идея? — сказал он.

— Я вдруг испугался за свой трастовый фонд, — ответил я.

Папа рассмеялся.

— А ты что думаешь? — я повернулся к маме.

— Я тоже не в восторге от этой идеи, — сказала она. — И мне не нравится, как лига упорно замалчивает эту тему. Вчера я хотела напрямую поговорить с этим мерзким прохвостом Маккен-

зи Стодденом, а он только увиливал от ответа.

Я вспомнил Стоддена, того начальника по связям с инвесторами, который так удивился, обнаружив, что я не из обслуги.

— Что он сказал?

— Пытался уверить меня в том, что все это часть долгосрочного плана развития, что, разумеется, неправда, а потом отфутболил наверх, чтобы я поговорила с главным юристом.

— С Оливером Мединой, — уточнил я.

— Верно. Тот еще типчик. Для начала напомнил мне, что все наши переговоры с лигой охраняются соглашением о конфиденциальности, — думаю, это он упомянул из-за тебя, Крис, — а потом намекнул, что весь свой здешний опыт они намерены распространить на остальной мир.

— Какой именно? Аферы с налоговыми льготами и правительственными субсидиями?

— Так и есть, — заметил папа. — Если ты заметил, лига строит свои планы по расширению именно в тех странах, где программы поддержки хаденов все еще работают и сохранены налоговые стимулы.

— Они хотят перераспределить затраты, чтобы сгладить удар, полученный в США, где-нибудь еще, — добавила мама. — Но для этого им нужно

выжить, до тех пор пока не заработают лиги в Европе и Азии.

— Как они намерены выживать? — спросил я.

— Ты же видишь — расширяют лигу, — сказал папа. — Минимальный взнос для инвесторов вашингтонской команды — десять миллионов, причем сразу. Для иностранных инвесторов — сто миллионов и половину сразу.

— И вы оба думаете, что это сработает?

— Если лига в ближайшие несколько недель сумеет осуществить свои финансовые планы как в США, так и за границей, она, возможно, продержится на плаву еще пару лет. Возможно. Что будет потом, зависит от того, выдвинут ли в других странах некий эквивалент билля Абрамса—Кеттеринг. И если выдвинут, то как долго будут его принимать.

— Заметь, лига вполне могла бы найти способ стать прибыльной без государственной поддержки, — сказала мама.

— И стать первой профессиональной лигой, которой это удалось, — уточнил папа.

Мама закатила глаза, и он повернулся ко мне:

— Мне тоже не нравится, как лига ведет дела. Я не верю, что она когда-нибудь начнет приносить доход. Кроме того, я не хочу терять деньги. Но я

был бы доволен, если бы это стало долгосрочной, безубыточной инвестицией. Я бы хотел, чтобы здесь появилась своя команда. Думаю, это будет хорошо и для Вашингтона, и для местных хаденов.

— До поры до времени, — заметила мама.

— Что это значит? — спросил я.

— Мама хотела сказать, что лига намерена в будущем более активно привлекать для игр спортсменов-нехаденов здесь, в США, — пояснил папа. — У них уже есть так называемые экспериментальные лиги, куда может войти любой. Но теперь они говорят, что действительно собираются их использовать. Типа планировали их использовать с самого начала.

— Они считают, что, когда нехадены начнут играть в хилкету, «экспериментальные лиги» станут очень популярными и посещаемость резко вырастет. Ну и, естественно, прибыль тоже, — сказала мама.

— Ты же сама хотела, чтобы они зарабатывали, не опираясь на помощь государства, — напомнил ей папа.

— Вот такая я противоречивая натура, — ответила мама и повернулась ко мне. — Прости, Крис. Не уверена, что ты рассчитывал попасть на

бизнес-конференцию, пока я тебя стригу.

— Да уж, в парикмахерской такие темы не обсуждают, — признал я. — Но поскольку я тут собираюсь в Бостон — поговорить с Ким Силвой, наверняка окруженной чиновниками из лиги, это может пригодиться. Не волнуйтесь, я не стану им говорить, что вы нарушили соглашение о конфиденциальности и все мне рассказали.

— Я и не волнуюсь, — сказала мама. — Ты член правления нашего семейного бизнеса, хоть и без права голоса. Мы можем говорить с тобой, о чем хотим.

— Я все равно им не скажу, что разговаривал с вами.

— Жаль. Но решение мудрое. — Мама показала рукой на мою голову. — Ну и как тебе стрижка?

— Отлично, как всегда.

Мама улыбнулась и поцеловала меня в макушку.

Глава 14

Я подключился к гостевому трилу, который «Бостон бэйз» оставили для меня в своем административно-учебном центре в Альтоне, и был удивлен, обнаружив, что это самая настоящая скаутская модель для игры в хилкету.

— Ух ты! — воскликнул я и поднял руки, чтобы рассмотреть их получше.

Потом я вдруг заметил еще один ожидавший меня трил. Ее идентификатор выдал имя: Ким Силва.

— Добро пожаловать, агент Шейн. — Она была не в игровой модели, а в сдержанно-изысканном «Зебринг-Уорнере». — Похоже, вас удивил наш гостевой трил.

— Я… ну… — пробормотал я. — А это правда игровой? То есть он что, действительно настоящий?

— Типа того, — ответила Силва. — Его используют наши учебные команды. Для учебных игр.

— Круто, — сказал я.

— Мы знали, что вам понравится, — ответила Силва и протянула мне руку. — Очень приятно познакомиться, агент Шейн.

— Мне тоже, мисс Силва, — сказал я и пожал руку. — Должен признаться, все мои соседи чуть не умерли от зависти, когда узнали, куда я собираюсь.

— Можете сказать им, что в моей команде многие тоже чуть не умерли от зависти, когда узнали, что я с вами встречаюсь. У меня на стене когда-то висела ваша фотография. Та самая, с папой.

— Ах эта…

Когда я был маленьким, отец запечатлел момент, как я в своем детском триле протягиваю цветок папе римскому. Фото попало во все новостные ленты и стало одним из самых знаменитых портретов с хаденами, сделанных когда-либо. Мой папа любил шутить, что оно оплатило мое обучение в колледже.

— Жаль только, что нам пришлось познакомиться при таких печальных обстоятельствах, — сказала Силва.

— Да, — согласился я. — Примите мои соболезнования.

— Спасибо, — ответила Силва и ненадолго замолчала. — Это нелегко.

— Я знаю.

— На самом деле мне пока нельзя с вами говорить, — сказала Силва. — О Дуэйне и обо всей

этой трагедии. Медина меня убьет.

— Что ж, он лишь соблюдает протокол, — сказал я. — Я с удовольствием подожду официального начала беседы. Вы же хотите меня проводить?

— Ну да, — подтвердила Силва. — Меня попросили сказать вам, что разговор немного отложится. Медина и Боб Крайсберг сейчас на более важной встрече, и она затягивается.

— Надеюсь, все в порядке? — сказал я.

Боб Крайсберг был владельцем «Бостон бэйз».

— Крика там много, так что, думаю, далеко не все в порядке.

— А что конкретно?

— Я не прислушивалась. Просто я ждала в приемной Боба достаточно долго, а потом его помощница предупредила о возможной задержке и передала, что Медина попросил меня на это время составить вам компанию.

— Я бы мог просто посидеть в холле.

— Думаю, Медина не хотел оставлять вас без присмотра. Так что простите — я за вами пошпионю.

— Все нормально, — успокоил я ее и вспомнил, что надо запустить быструю диагностику на этом триле, чтобы проверить, есть ли в нем защищенный канал связи. Он был. — Уверен, мы найдем

вполне невинные темы для милой беседы, пока они не освободятся.

— Хотите, я проведу для вас экскурсию? — спросила Силва. — Покажу наше тренировочное поле. Обычно я все время там, когда прихожу сюда.

— Это было бы чудесно, — сказал я.

— А вы знаете, что было в этом здании, до того как его заняли «Бостон бэйз»? — спросил я, осматриваясь по сторонам, пока мы шли.

— Оно было частью то ли Бостонского университета, то ли Гарварда. Они же рядом. На самом деле оно, наверное, и сейчас принадлежит какому-то из этих университетов. Думаю, лига его просто арендует.

— В этом есть резон, — заметил я, вспомнив разговор с родителями о налоговых послаблениях для лиги.

— Скорее всего, Бостонского, — решила Силва. — Боб там учился, и его просто распирает от гордости.

— Понятное дело, — поддакнул я.

— Ну, не знаю. Я-то сама в колледж не ходила. Начала играть в хилкету сразу после школы.

— И вас не заботит отсутствие востребованной профессии? — пошутил я.

— Знаете, я думаю, что как-нибудь обойдусь, —

лукаво ответила она, и я понял, что шутка удалась.

— Ну и хорошо.

— Хотя кто-то имеет побольше, конечно, — осмелилась она, решив, видно, тоже проверить меня на чувство юмора.

— Но вы всего добились сами.

Силва пожала плечами:

— Это лишь игра, и только. — она показала на стены с фотографиями команды, сделанными во время игр. — Мы же тут не проблемы мирового голода решаем.

— Игра тоже может быть важным занятием, — заметил я. — Хилкета очень много значит для огромного числа хаденов. Я бы даже сказал — для многих из нас. Вы — настоящая звезда спорта.

Она рассмеялась:

— Мне просто нравится надирать людям задницу. В хилкете это законно, да еще и деньги платят.

— И что, так много ярости? — снова пошутил я.

— Вы себе даже не представляете, — ответила Силва.

Мы пришли в ту часть здания, где проходили тренировки.

— А где все? — спросил я.

Это была переоборудованная бейсбольная площадка, огороженная большими металлическими щитами. Казалось, что ты попал на какой-то промышленный склад, и никаким духом романтики здесь даже не пахло.

— Сегодня тренировки начнутся после двух. Пена дал нам пару дней передышки, чтобы мы пришли в себя после смерти Дуэйна.

— Резонно, — согласился я.

Силва покачала головой:

— Глупо. Теперь у нас мало тренировок, и все будут забивать себе головы мыслями о Дуэйне, а значит, ходить расстроенными и несчастными. И я больше всех. А в пятницу у нас игра, там из нас всю дурь и выбьют. Надо бы, наоборот, удвоить тренировки. — она вдруг осеклась. — Это же не значит, что мы о Дуэйне говорим, правда?

— Наверное, нет, — предположил я.

— Хорошо. — Она показала рукой на поле. — Не хотите пробежаться?

— Простите?

— Вы же в «скауте». Они очень быстрые. Быстрее большинства трилов. Попробуйте.

— Думаю, не стоит.

— Очень даже стоит. Поле вы не испортите. Оно для этого и сделано. А у вас, скорее всего, не

будет другой возможности побывать в настоящем скаутском триле, если только вы не решите вступить в лигу. — Она показала на дальнюю стену за воротами с натянутой сеткой. — Сами увидите, как быстро вы сможете туда добежать. Ну же, давайте.

Я взглянул на нее, пожал плечами и рванул с места так быстро, как только мог, к дальней стене поля.

Через четыре секунды лицо моего трила с размаху уткнулось в пол, и я услышал за спиной заливистый смех Силвы.

— Не вижу ничего смешного, — с притворной серьезностью объявил я.

— Мне очень жаль, — сказала Силва, подходя ближе. — Вернее, мне совсем не жаль.

— Я так и понял. Вы же с самого начала знали, что произойдет, — сказал я, с трудом принимая вертикальное положение.

— Это не только с вами так. Все падают, когда пытаются в первый раз пробежаться в «скауте». Он бежит с совершенно другой скоростью. Ты понятия не имеешь, где у тебя центр тяжести.

— И приземляешься на лицо, — продолжил я.

— Ну да. Кто угодно приземлится. Люди думают, что сложнее управлять «танками», потому

что они такие большие и мощные. — Она ткнула пальцем в мой трил. — Но на самом деле «скаут» куда сложнее. Это настоящая заноза в заднице.

— И в лице тоже.

Силва кивнула:

— Управление «скаутом» — это настоящее искусство. Вот я, например, не умею. Поэтому я и прикипела к универсальной модели или иногда в «танке» играю. Для «скаута» надо очень быстро соображать.

Я чуть обдумал ее слова.

— Значит, вы позволили им поместить меня в «скаут» только затем, чтобы привести сюда и посмотреть, как я упаду лицом вниз?

— Не стану ни отрицать, ни подтверждать это. Скажу лишь, что мы часто оставляем посетителям скаутские трилы. А еще часто приводим сюда и предлагаем побегать.

— А я-то считал себя особенным.

— Ну, если хотите почувствовать себя особенным, тогда держитесь! — Трил Силвы внезапно дернулся и застыл в позе спокойного ожидания.

— Э-эй. — Я помахал рукой перед ее лицом — никакого ответа.

— Я тут! — крикнула Силва, появляясь в танковом триле из смежной комнаты, где, как я сразу

догадался, был склад.

Она доковыляла до меня — быстрее, чем я ожидал от «танка», — и подняла вверх два орудия, зажатых в массивных кулаках.

— Боевой молот или меч, — сказала она. — Выбирайте.

— Что?

— Боевой молот или меч? — повторила Силва.

— Меч? — робко предположил я.

— Хороший выбор, — похвалила Силва и протянула мне меч, который я нерешительно взял. — Ну что, готовы?

— Готов для чего? — спросил я, и вдруг на шее моего трила замерцали красные огоньки.

Я посмотрел на «танк» Силвы и увидел, что на его шее тоже замигало колечко огней.

— На счет «три» попытайтесь отрубить мне голову, — сказала Силва.

— Вы серьезно? — не поверил я.

— Раз.

— Да вы точно не шутите!

— Два.

Я ухватил меч двумя руками и выставил перед собой, как… ну, как меч, наверное.

— Три! — объявила Силва, и в следующую секунду все мое поле обзора заполнил танковый

трил, несущийся на меня с боевым молотом в руке.

— Вот черт, — охнул я и повернулся, чтобы бежать.

И тут же получил удар молотом в бок. Мой трил магическим образом переместился метра на три в сторону, и меч выскользнул из рук. Я покатился по полу, вскочил и тут же получил новый удар — на этот раз в грудь. Меня подбросило в воздухе и швырнуло на спину. Я перекатился на бок и, к счастью, сделал это достаточно проворно, чтобы избежать следующего удара, который запросто бы разнес человеческий хребет, да и каркас трила, думаю, тоже, из чего бы его там ни делали.

Потом я кое-как умудрился встать на ноги и подбежал к упавшему мечу. Силва молча смотрела, как я подобрал его и принял боевую стойку.

— Весело, правда? — сказала она.

— Едва ли слово «весело» здесь уместно, — заметил я.

— Ой, да бросьте. На вашем триле даже боль не включена. Все же в порядке.

Она была права. Я вообще не чувствовал никакой боли, когда меня били.

— Это не по правилам, — сказал я ей.

— Хотите — включайте, — заявила Ким и кину-

лась на меня.

С трудом подавив естественное желание удрать со всех ног, я бросился ей навстречу с занесенным мечом. Расчет был такой: пронестись мимо и, не давая ей сделать удар, самому на бегу рубануть ее по шее.

Но как бы ни был безупречен план, Силва тут же раскусила его. Когда я подбежал, она качнулась ко мне, уже в следующую секунду молот уперся в мою грудь, и я снова отлетел в сторону.

На этот раз я, по крайней мере, удержал меч в руке и даже устоял на ногах, хотя и с большим трудом.

— Вы быстро учитесь, — отметила Силва и, кажется, хотела добавить что-то еще, поэтому я решил застать ее врасплох и очень удивился, когда комната вдруг завертелась.

«Ох ты ж, мать честная, — подумал я и понял, что вижу площадку с высоты птичьего полета. — Да она мне голову, на фиг, отрубила».

А затем пол с угрожающей скоростью понесся мне навстречу. Или, по крайней мере, навстречу моей голове.

Через секунду уголком одного глаза, не занятым созерцанием искусственного газона, я увидел ноги «танка».

— Броситься прямо на меня, несмотря на боевой топор, — сказала Силва. — Храбрая стратегия, агент Шейн.

— Я надеялся на элемент внезапности, — пробормотал я в газон.

— Если надеетесь на элемент внезапности, хорошо бы быть внезапным.

— Хороший совет, — ответил я. — Постараюсь запомнить для следующего раза.

Ким рассмеялась, после чего моя голова была поднята и поплыла в сторону моего трила.

— Это был такой чистый удар, — сказала она, — что ваше тело осталось на ногах. Большая редкость.

— Круто! — воскликнул я.

Силва снова засмеялась и прикрутила голову моего трила на место. Я слышал, как защелкнулся соединительный механизм, снова возвращая мне управление.

— Что ж, спасибо. Это были новые впечатления для меня, — сказал я, обращаясь к «танку».

— Я снова здесь, — ответила Силва из своего неигрового трила, и я подошел к ней. — Держу пари, вам впервые оторвали голову.

— Вообще-то, нет.

— Да ладно.

— Когда мне было восемь, в меня врезался грузовик. Голова отлетела. Хотя нарочно мне ее оторвали действительно в первый раз.

— И как?

— Хорошо, что болевая чувствительность была отключена.

— Тут вы правы. — Силва протянула руку и коснулась моей ладони. — Спасибо вам, агент Шейн.

— За что? — удивился я.

— За то, что позволили мне хорошенько вас отмутузить. После всего случившегося за последние дни мне это было необходимо. Я и сама не понимала, что необходимо, пока не начала. Прямо легче стало, честное слово.

— Рад помочь. Хотя считаю своим долгом предупредить: больше я на это не подпишусь. Во всяком случае, в «скауте» против «танка».

— Да бросьте! «Скауты» — лучшее оружие против «танков».

— Мой опыт заставляет сильно в этом усомниться.

— Даю подсказку. «Танки» супертяжелые. Если они упадут, им правда будет очень трудно подняться. Поэтому нужно забежать им за спину, наклониться пониже и подтолкнуть. А потом колотить их молотом по ногам, пока они не сва-

лятся. «Скауты» в этом большие мастера. Вся эта скорость превращается в силу.

— Вы могли сказать обо всем этом раньше.

— Могла, — согласилась Силва. — А как же тогда веселье?

Я уже хотел ответить, но она предостерегающе подняла руку. Пришлось ждать.

— Звонила Сандра, помощница Боба, — сказала она через минуту. — Они готовы нас принять.

Я оглянулся на оружие и танковый трил. Силва проследила за моим взглядом.

— Можно все оставить здесь, — сказала она. — Кто-нибудь уберет.

— Ладно, — ответил я.

— Агент Шейн, я очень рада, что мы с вами пообщались вот так, по-дружески. Я имею в виду, до этого официального разговора. А теперь нам пора, и, думаю, все будет уже не так по-дружески.

Глава 15

— Для начала я хотел бы заявить для протокола, что мисс Силва по своему желанию предложила эту встречу, чтобы ответить на ряд вопросов, — сказал Оливер Медина, когда я, Силва и директор «Бостон бэйз» Дэвид Пена садились за стол в комнате для совещаний.

— Хорошо, — отозвался я.

— А также что мисс Силва в любой момент может отказаться отвечать на вопрос, если решит, что это не в ее интересах.

— Мистер Медина, вы официально представляете мисс Силву в этом разговоре? — спросил я. — Насколько мне известно, вы занимаете должность главного юриста Североамериканской хилкетной лиги. Я должен убедиться, что вы здесь ради мисс Силвы, а не ради лиги.

— Я считаю, что между этими двумя аспектами нет никакого конфликта интересов, — ответил Медина.

— Не сомневаюсь, что именно так вы и считаете, — сказал я. — Но, может быть, нам стоит спросить у мисс Силвы?

Медина посмотрел на Силву, а та посмотрела

на меня.

— Я попросила Оливера быть здесь сегодня, — сказала она. — То есть, когда я сообщила Дэвиду и Оливеру о том, что хочу поговорить с вами, они оба выразили желание пойти со мной, и я согласилась.

— Вы были в квартире Дуэйна Чэпмена в субботу вечером? — спросил я.

— Да.

— Вы пользовались этой квартирой совместно с Дуэйном Чэпменом?

— Нет. Это была его квартира. Вернее, как я теперь поняла, его компании, которой они владели вместе с женой. Ситуация теперь по понятным причинам крайне неловкая. Но я хранила там кое-какие вещи и время от времени использовала ее как почтовый ящик.

— Что за вещи? — чуть подтолкнул я.

— Трил, разные личные мелочи и кота.

— Почему кота? — спросил я.

— У меня аллергия на котов, и я не могу их держать в своем собственном доме. Из-за осложнений, вызванных вирусом, аллергическая реакция очень сильная. Поэтому Пончик жил в квартире Дуэйна.

— Если там жил ваш кот, разумно было бы

предположить, что вы туда часто наведывались.

— Я бывала там часто не из-за кота, а потому что мы с Дуэйном были любовниками. И благодаря этому я действительно приходила туда достаточно часто, чтобы завести там кота.

— Агент Шейн, когда два человека по обоюдному согласию вступают в отношения, это не повод для федерального расследования, — заметил Медина.

— Для меня важно установить, насколько хорошо мисс Силва и мистер Чэпмен знали друг друга.

— Разумеется, они хорошо знали друг друга. Они ведь играли в одной команде.

— Мисс Силва, знали ли вы, будучи его другом и… — я кивнул на Медину, — партнером по команде, о том, что мистер Чэпмен страдал каким-либо недомоганием, которое могло стать причиной несчастья, произошедшего с ним в воскресенье?

— Нет, — ответила Силва. — У Дуэйна были кое-какие медицинские проблемы, связанные с последствиями вируса, но они никогда не вызывали подобных реакций. Он всегда был достаточно здоров и для игр, и для всего остального.

— Зачем вы пришли в квартиру после смерти

мистера Чэпмена?

— Мне нужно было забрать Пончика и личные вещи. Ведь это не моя квартира. Да и, честно говоря, мне не хотелось, чтобы Марла узнала о наших с Дуэйном отношениях. Я никогда ей не нравилась даже еще до того, как началась наша связь, и они с Дуэйном уже довольно давно были на грани разрыва.

— Он объяснил вам причину?

— Я знаю, что она обвиняла его в неверности, — ответила Силва. — И не без повода. Но были и другие моменты. Думаю, Марла чувствовала себя обманутой, потому что он так и не стал звездой, и вымещала на нем свое разочарование. Она мечтала совсем о другой жизни и надеялась, что он ей эту жизнь обеспечит. Дуэйн однажды сказал мне, что только поэтому она и вышла за него замуж, как он теперь понял. И я вам больше скажу: Марла вообще не любит хаденов.

— Значит, вы хотели забрать кота и личные вещи? — уточнил я.

— Да.

— А потом?

— Заказала машину до Бостона, чтобы Пончика и вещи отвезли сюда, а я бы их здесь перехватила, за городом. Пончика я собиралась отдать маме, а

все остальное — забрать домой.

— Далековато до Бостона машину заказывать.

— Я могу себе позволить.

— Я хотел сказать, почему вы не попросили кого-нибудь из друзей?

— Потому что никто из моих друзей не знал, что мы с Дуэйном больше чем партнеры по команде.

Я повернулся к Дэвиду Пене:

— Это правда? Действительно никто не знал?

— Я лично не знал, — ответил он. — Я не одобряю романов внутри команды. Когда отношения прекращаются, всегда наступает напряг. От этого никуда не деться. Но про этих двоих я точно не знал, как и все остальные в команде.

— Как вы наняли машину? — спросил я у Силвы.

— Через приложение. Пришлось довольно долго искать того, кто согласился бы поехать, но я хорошо заплатила.

— Чтобы все прояснить, — сказал я, — это вы подожгли квартиру — случайно или, может быть, намеренно?

— Нет, конечно, — ответила Силва. — Она уже горела, когда я появилась. Вы же были там и сами знаете.

— И когда вы направлялись в квартиру за сво-

ими вещами, вы не знали о том, что она горит?

— Понятия не имела.

— Как по-вашему, была ли у кого-нибудь причина поджигать здание, где находилась квартира Дуэйна?

— Вы предполагаете, что это был поджог, мистер Шейн? — спросил Медина.

— Я рассматриваю все варианты.

— Ничего не приходит в голову, — ответила Силва. — Разве что Марла могла настолько разозлиться.

— Вы считаете, это возможно?

— Дуэйн рассказывал про ее буйный нрав. Но едва ли она бы пошла на такое. Одно дело — злиться на мужа, и совсем другое — поджечь целый дом и поставить под угрозу жизни других людей.

— Что вы можете сказать о коробке с вашими добавками для капельницы, которая находилась в квартире?

— Я отправила ее туда сразу после того, как ее привезли сюда, в офис «Бэйз».

— Для чего?

— Меня попросил Дуэйн. Он хотел попробовать мои добавки.

— Но почему? — спросил я. — Мне кажется, он

должен был понимать, что использование чужих добавок грозит большими неприятностями с лигой.

— Не совсем так, — поправил меня Медина. — У него бы не возникло неприятностей непосредственно с лигой. Если бы компания «Тайгертон», наш основной поставщик добавок, доказала, что Дуэйн использовал продукцию другого поставщика, то смогла бы обвинить нас в нарушении контракта, и мы заплатили бы положенный штраф. А уже потом руководство «Бэйз» по своему усмотрению выписало бы штраф самому Чэпмену или придумало другое наказание.

Я повернулся к Пене:

— Вы бы оштрафовали его?

— Возможно, — ответил он. — Лига ждет от нас серьезного отношения к рекламным контрактам. Других игроков я за это штрафовал.

— На сколько?

— В последний раз на пять тысяч долларов. За первое нарушение.

— Пять тысяч долларов — не пустяк для такого игрока, как мистер Чэпмен, — сказал я. — Он не был ведущим игроком команды и не получал больших денег. — Я повернулся к Силве. — Поэтому я повторю свой вопрос. Зачем он так

рисковал?

— Потому что хотел хорошо сыграть, — ответила она.

— Это была просто предсезонная игра.

— Нет, не просто, — сказала Силва, и я услышал в ее голосе нотку раздражения. — Этой игрой лига надеялась привлечь новых возможных владельцев и инвесторов. На этой игре ваш отец, агент Шейн, и другие влиятельные люди могли бы увидеть его в прекрасной форме и пригласить в свою новую команду в качестве ключевого игрока. Дуэйн был далеко не глуп. Он понимал, что здесь, в Бостоне, ему никогда не попасть на ведущие позиции. Поэтому он хотел получить преимущество.

— Как ваши добавки могли обеспечить ему это преимущество?

— Никак, и я сказала ему об этом, когда он попросил. Когда рекламируешь какой-то продукт, ты должен притворяться, что лучше его нет на всем свете. Но я вас умоляю. Нет никакой принципиальной разницы между добавками «Лабрам» и «Тайгертон». Все это знают. И Дуэйн знал.

— Тогда почему он их попросил?

Силва рассмеялась:

— Вы же, наверное, знаете, как суеверны

спортсмены? Мы пойдем на все, если только будем верить, что это даст нам преимущество. Даже если здравый смысл говорит об обратном. Дуэйн знал, что наши добавки ничем не отличаются друг от друга. А еще знал, что со мной заключают многомиллионные сделки, а с ним нет. И ему казалось, если он одолжит пару пакетов с моими добавками, то получит частичку моей удачи. Может, так и было.

— Эффект плацебо, — сказал я.

Силва кивнула:

— Плацебо, проекция, суеверие — называйте как хотите. Поэтому я взяла одну из коробок и переслала ее в квартиру, а он использовал пакет в воскресном матче.

— Вы хотите сказать, что в пакете с добавками находилось некое вещество, которое спровоцировало такую реакцию? — спросил Медина.

— Я не могу этого утверждать, — ответил я. — Управление ФБР в Филадельфии сейчас исследует его в своей лаборатории, и скоро мы узнаем, что там было.

— А что стало со всей коробкой?

— Пожар сильно повредил квартиру, — напомнил я.

— Агент Шейн, когда мы вчера с вами созва-

нивались, я спрашивала о Пончике, — сказала Силва. — Вы ответили, что с ним все в порядке.

— С ним действительно все в порядке. Он сейчас у меня дома. Пользуется большим успехом.

— Очень хорошо. Когда я смогу забрать его?

— Наверное, через несколько дней, хотя, возможно, пройдет чуть больше времени.

— Почему такая задержка? — спросил Медина.

— Он важен для расследования.

— Да в чем важность-то? Помилуйте, это же просто кот!

— Понимаю, звучит несколько странно, — признал я и обратился к Силве: — Как бы то ни было, мы подержим его еще немного. Вернем вам сразу, как только сможем.

— Я беспокоюсь о нем.

— Мы кормим его тунцом, — успокоил я ее.

— Слушайте, ну это никуда не годится, — заявила Силва. — В тунце нет всех питательных веществ, что необходимы котам. И если вы перекормите его тунцом, у него будет ртутное отравление.

— А еще сырой тунец мешает усваиваться витаминам группы В, — неожиданно сообщил Пена.

Все с удивлением посмотрели на него.

— У меня мама — ветеринар, — сказал он.

Силва снова повернулась ко мне:

— Вот теперь я очень обеспокоена. И требую, чтобы мне вернули кота.

— Обещаю вам, что сегодня же куплю подходящий кошачий корм, — заверил я, хотя она по-прежнему казалась настороженной. — Хорошо. А теперь ответьте, вы знали Алекса Кауфмана?

— Заместителя комиссара лиги? Само собой, знала. И его самого, и большинство сотрудников его офиса. Хотя знакомство было шапочное. Да, мы иногда болтали с ним, но сейчас, хоть убейте, не вспомню о чем.

— Вам известно, в каких отношениях он был с Дуэйном Чэпменом?

— Друзьями они точно не были, — ответила Силва. — Агент Шейн, Кауфман был из породы карьеристов, и статус человека имел для него огромное значение. Со мной рядом он бы еще покрасовался, но никогда не стал бы тратить свое время на кого-то вроде Дуэйна.

— Вас это задевало?

— Поэтому я и не могу вспомнить ничего из наших с ним разговоров. А к чему такие вопросы? Думаете, его смерть как-то связана со смертью Дуэйна?

— Его смерть наступила сразу после смерти

мистера Чэпмена и сразу после того, как мистер Кауфман приказал изъять его канал из общего доступа.

— Я не знаю, зачем он это приказал, — сказала Силва. — Уж точно не потому, что они были друзьями, если вы на это намекаете.

— А почему, по-вашему?

— Вы же агент ФБР, — ответила Силва. — Вы мне и скажите.

— Агент Шейн, если позволите, — поднял руку Медина. — Для нас крайне важна конфиденциальность этой беседы. Уверен, вы отдаете себе отчет в том, что смерть Дуэйна и ваше расследование — это важные государственные новости и от внимания репортеров не ускользнул тот факт, что ФБР поручило это дело вам и вашему напарнику. У нас есть опасения, что в случае, если известия об отношениях Дуэйна и Ким просочатся в прессу, это создаст нестерпимую обстановку для всех. А также осложнит вашу работу. Как и нашу, разумеется.

— Мы не обсуждаем с кем бы то ни было ход расследования, пока оно не завершено, — сказал я.

— Тем не менее утечки случаются.

— Только не от меня. Я знаю, как обращаться с прессой. Был большой опыт.

— А ваш напарник?

— Мистер Медина, вы встречались с ней. Едва ли она произвела на вас впечатление человека, который заискивает перед прессой. К тому же вы однажды уже предупреждали нас о конфиденциальности, когда предоставили для просмотра канал с данными Чэпмена. И никакой утечки тогда не было.

— Мы просто не хотим новых неприятностей, — сказал Пена. — Неделя выдалась довольно трудной для всей команды. Дуэйн не был звездным игроком, но его все обожали. Многие из нас потеряли в это воскресенье друга, агент Шейн. Мы держимся с трудом. А у нас в пятницу игра.

— Я не могу поручиться, что утечек не будет, — сказал я. — В расследование вовлечены многие. Все, что я могу обещать, — это то, что ни от меня, ни от Ванн утечек не будет.

Медина кивнул:

— Значит, мы закончили, агент Шейн?

— Пока — да. Если у меня появятся новые вопросы к мисс Силве, я дам ей знать.

— Вы дадите знать мне, — поправил Медина.

Я посмотрел на Силву, и она кивнула в знак согласия.

— Если уж вы здесь, не хотите ли осмотреть

наши владения? — спросил Пена. — По крайней мере, мы могли бы показать вам тренировочное поле.

— Спасибо, — поблагодарил я и, взглянув на Силву, добавил: — Я уже видел его.

Когда я встал, Силва и Пена тоже встали, Медина — нет.

— Агент Шейн, можно перекинуться с вами словечком наедине? — сказал он.

— О чем вы хотели поговорить? — спросил я, когда Силва и Пена ушли.

— Слышал, вы с вашим напарником сегодня собираетесь допросить Альтона Ортица в Филадельфии?

— Да, как только я вернусь отсюда, мы с ней поедем разговаривать с ним.

— Надо же, агент Шейн, вы вечно так заняты.

— Вы даже не представляете себе насколько.

— Что ж, в таком случае позвольте избавить вас от долгого путешествия, — сказал Медина. — Говоря от имени его адвоката, хочу сообщить, что мы не можем предложить мистеру Ортицу встретиться с вами сегодня.

— Что значит «от имени адвоката»?

— Мистер Ортиц не мог позволить себе оплату юридических услуг и не хотел рисковать, прибе-

гая к услугам общественного адвоката, поэтому моя коллега из юридической службы лиги предложила ему свою помощь на благотворительной основе, иначе говоря, *pro bono*. Она знала, что я встречаюсь с вами сегодня, и просила поговорить от ее имени. Я вышлю вам все ее данные.

— И когда, по-вашему, мистер Ортиц будет готов ответить на наши вопросы?

— Даже и не знаю. Во всяком случае, сначала моя коллега должна поговорить с ним сама. По расписанию их первая встреча назначена на завтрашний день.

— Зато с нашим расписанием это никак не стыкуется.

— Сочувствую, агент Шейн. Но с точки зрения юридической ответственности нас вовсе не интересует ваше расписание.

— Я не понимаю, почему вы разрешили мне поговорить с Силвой, а с Ортицем — нет, — сказал я.

— Очевидно, потому, что не считал вашу с ней беседу сколь-либо опасной, — ответил Медина. — Она ни в чем не виновна, кроме того, что выбрала неподходящий объект для романа. Но мы не знаем, как обстоят дела с Ортицем. И пока не узнаем, вы не сможете с ним поговорить. И даже когда

узнаем, вы все равно, вероятно, не сможете с ним поговорить. Так уж это работает, мистер Шейн. Да вы наверняка и сами знаете.

Глава 16

— И кого же я здесь вижу? — спросил я у Ванн, пока она обедала во вьетнамской лапшичной лавке в Стерлинге, а я наблюдал, как она ест.

Ванн заехала за мной в дом моих родителей, когда я вернулся из Бостона. Она снова предложила мне багажник, но я отказался. Когда мы уселись, она прислала мне фотки.

— Эти два джентльмена — Мартин Лау и Евгений Кузнецов.

— Вы сфотографировали, как они выходят из дома Фаулер?

— Да.

— Они заметили вас?

— Нет. Я пряталась в засаде.

Я не отказал себе в удовольствии представить, как Ванн прячется в засаде.

— А Фаулер?

— Она так больше и не появилась, пока я была там.

Я кивнул:

— Так кто эти двое?

— Лау работает в сингапурской компании «Ричу энтерпрайзис», а Кузнецов — помощник Егора

Семенова, как бы олигарха из Санкт-Петербурга — того, что в России, а не во Флориде.

— Они плохие люди?

Ванн пожала плечами и ткнула палочками в еду:

— Смотря кого считать плохими. Я пробила обоих по нашей базе и базе Интерпола. Оба чистые. А вот те, на кого они работают, — мягко говоря, не очень. «Ричу» — это крупная корпорация, в недавнем прошлом вела весьма сомнительный бизнес, а Семенов еще тот мерзавец. Из тех, кто вежливо просит русское правительство арестовывать журналистов, сующих нос в их дела.

— И журналистов арестовывают?

— Нет, — ответила Ванн. — Но через неделю их вдруг находят мертвыми, да еще для пущей убедительности — ограбленными. Когда такое происходит один раз, можно списать на трагическую случайность. Но когда три раза подряд — это уже почерк.

— Понятно.

Ванн указала на мою голову, в которой, по ее разумению, сейчас висели высланные ею фотки, что так и было.

— Лау и Кузнецов — не боевики, а профессиональные адвокаты. Они не из тех, у кого есть

уголовное прошлое. А из тех, кто помогает другим такого уголовного прошлого избежать. Либо не допустить судебных процессов против их компаний и боссов — выбирайте что хотите.

— Тогда что связывает «Ричу» и Семенова, если они вынуждены посылать адвокатов в какой-то дом в виргинской глуши?

— Ничего, — ответила Ванн и отхлебнула глоток вьетнамского кофе. — С юридической точки зрения у «Ричу» и Семенова нет общих дел последние десять лет.

— Откуда нам знать? — спросил я.

Ванн невозмутимо посмотрела на меня:

— Повторяю еще раз: они не пай-мальчики.

— То есть из-за своего сомнительного бизнеса они у нас под пристальным наблюдением уже много лет, — расшифровал я.

— Да. Я попросила одну свою приятельницу в ЦРУ. Всего через пятнадцать секунд она прислала мне целую кучу документов.

— Ясно.

— Итак, легального общего бизнеса у них нет, — продолжила Ванн. — Однако и нелегального, по сути, тоже нет. Их сферы влияния и интересов почти не пересекаются. Семенов ведет дела преимущественно в России и странах Балтии,

«Ричу» — за редким исключением, в Сингапуре, Индонезии и Малайзии. У них практически нет точек соприкосновения.

— Тогда, значит, у них не что-то общее, а кто-то общий, — решил я.

Ванн, у которой был полный рот лапши, только кивнула.

— И у Фаулер тоже, — добавил я. — Если только этот кто-то не она сама.

Ванн наконец проглотила.

— Ну да, прошлое у нее вполне подходящее.

— Вы имеете в виду тот институт западного полушария, или как его там?

— Я имею в виду ее клиентуру. Процент всякой сволочи в ней намного выше среднего, что бы она нам ни плела.

— Ну, не то чтобы я принимал ее сторону… — начал я.

— О господи! — простонала Ванн и снова потянулась за кофе.

— …но ведь в ее словах был резон, когда она спросила, всех ли ваших клиентов в вашу бытность интегратором можно считать честными и открытыми. Хадены не более нравственны или законопослушны, чем любая другая часть населения. Поэтому у нас с вами есть работа.

Ванн поставила чашку на стол.

— Я не могу сказать, чем занимались мои клиенты в своей личной жизни, потому что мне это было до лампочки. Но я знаю, что, когда они были со мной, они не делали ничего противозаконного. Интеграторы ведь как адвокаты. Наш так называемый иммунитет в отношениях «клиент—интегратор» заканчивается, если мы помогаем клиенту стать участником преступления. Интеграторы остаются активными все время, пока клиент у них в голове. Мы помогаем им передвигаться в наших телах, и все, что они делают, мы делаем вместе с ними. И я бы никогда не рискнула загреметь в тюрьму ради клиента.

— То есть вы никогда не делали ничего незаконного ради клиента? — не унимался я.

— Еще до подписания контракта я всегда предупреждала клиентов о том, что, если они попытаются использовать мое тело для чего-либо, выходящего за рамки закона, я немедленно отключу их и сделаю соответствующую отметку в их учетной записи. Интеграторы не любят иметь дело с проблемными клиентами. То есть с такими, кто подстрекает нас нарушить закон.

— Знаете, а вы ведь так и не ответили на мой вопрос.

— Не ответила — значит, не хочу отвечать, — отрезала Ванн.

— Да бросьте. Срок давности, наверное, уже миновал.

— Точно миновал.

— Ванн!

Она неожиданно обвела глазами зал, а потом наклонилась ко мне:

— Ладно. Я однажды нюхала кокаин вместе с клиенткой.

— Настоящий кокаин?

— Ну вы и осел. Конечно настоящий. Я же не про соду говорю. — Она снова выпрямилась.

— Почему?

— Клиентка попалась любознательная, а я в то время баловалась коксом. Поэтому, когда она предложила мне штуку сверху, чтобы удовлетворить свою любознательность, я согласилась.

— А потом пошли и купили кокаин?

— Нет, просто взяла из заначки. Думаете, я добывала кокаин на улице? Там же в основном детскую присыпку толкают пополам с фентанилом. Так и кони двинуть можно.

— Ванн, мне так нравится, что я по-прежнему узнаю о вас что-то новое, — сказал я после короткой паузы.

— Ой, только не надо делать вид, будто вы потрясены. Вы знаете мое прошлое. Самое смешное, что клиентке ужасно не понравилось. Впала в какую-то жуткую паранойю.

— Печально.

— А я не удивилась. Кокаин не меняет человека, только сильнее выпячивает его настоящую сущность. — Она снова начала копаться палочками в лапше. — И я давно себе сказала: если ты интегратор, тебе не важно, преступники твои клиенты или просто говнюки, а вот если они, находясь в тебе, ведут себя как преступники или говнюки, тогда это очень важно. Я никогда никому не позволяла переступать эту черту. Сомневаюсь, что Фаулер может сказать о себе то же самое.

— Думаете, она помогает преступникам?

— Думаю, есть причина, по которой она не хочет разговаривать с правоохранительными органами, и это никак не связано с ее левыми взглядами.

— Вы нашли какую-нибудь связь между ней и двумя ее гостями?

— Нет. Зато нашла связь между одной из ее клиенток и ее гостями. Даю намек. Вы эту клиентку знаете.

— Амели Паркер?

Ванн ткнула в мою сторону палочкой:

— В точку! А если точнее, то между «Лабрам индастриз», «Ричу» и Семеновым.

— Что это за связи?

— «Лабрам» тесно сотрудничает и с тем и с другим, в основном в строительстве и перевозках. Но «Ричу» и Семенов вдобавок занимаются инвестированием и несколько лет назад сделали существенные вложения в стартап Амели Паркер.

— Тот самый, который у нее выкупил «Лабрам», — уточнил я.

— Вам и об этом известно? — удивилась Ванн.

— Утром обсуждали с родителями.

— Они должны знать, — кивнула Ванн. — «Ричу» и Семенов также вкладывают деньги в новую компанию Паркер и в расширение СХЛ за океан.

— «Лабрам» тоже, — добавил я. — За океан, в смысле.

— С какими же интересными персонажами собирается вести дела ваш папа, — заметила Ванн. — Не только с ними, конечно, есть еще куча народа, инвестирующего в СХЛ и в эту «МобилОн». Но вам все же стоит предупредить родителей.

— Они знают, — сообщил я.

Ванн снова кивнула:

— Ваши родители — умные люди.

— Спасибо, не жалуюсь, — ответил я, после чего за столом повисло молчание.

— Ну что? — наконец спросила Ванн.

— Я все-таки не понимаю, что это нам дает, — ответил я. — Положим, Фаулер действительно интегрировалась с Паркер и с типами этими встречалась, ну и что? Никаких законов она тем самым не нарушала. И это никак не объясняет нам, что она делала в постели Алекса Кауфмана, убила ли она его, или он повесился сам.

— Если она убила Кауфмана, то могла это сделать по приказу Паркер, — сказала Ванн.

— Или Паркер просто стала свидетелем. Надо установить, были ли они интегрированы в то время, когда это произошло. Понадобится ордер на клиентский журнал Паркер.

Ванн покачала головой:

— Я уже попросила судью Казниа дать разрешение на осмотр ее журнала звонков. Для клиентского журнала требуется больше доказательств.

— Значит, надо задерживать Паркер, — решительно заявил я.

— Вы очень удивитесь, Крис, но если Паркер до сих пор не окружила себя адвокатами со всех

сторон, то теперь уж точно это сделает. Если во время нашего визита она была интегрирована с Фаулер, то наверняка понимает, что у нас появятся вопросы к ее интегратору. Она не дура и способна связать одно с другим. Хотя, возможно, есть способ поговорить с ней без адвокатов.

— Какой?

— Да вот тут слушок прошел, будто бы она предложила вам работу.

— Шпионите, значит, втихаря.

— Мы — ФБР. Служба у нас такая. Вы должны сегодня же назначить ей встречу. У нас в расписании дыра, из-за того что разговор с Ортицем сорвался.

— Увы, я ее уже заполнил.

— И чем же, позвольте узнать?

— Встречаюсь с человеком, который, судя по ответу на мою просьбу, будет очень и очень рад меня видеть.

— Агент Шейн, как же я счастлив вас видеть! — воскликнул Клементе Сальсидо, когда я вошел в его личное пространство.

Оно было чистым, уютным, солнечным, незахламленным и абсолютно стандартным. Базовая модель сельского дома от компании «ПозитивСпейс», создающей личные пространства массо-

вого спроса для хаденов с умеренными доходами — хаденский эквивалент типовой застройки.

Хотя, пожалуй, не совсем типовой. На одной из стен висела фотография в раме. На ней был изображен трил, который стоял на самом краю обрыва и смотрел, как тихие волны внизу накатывают на берег. В углу белела надпись: *«Метро „Виста 3“. Представь, куда это тебя приведет»*.

Это была рекламная стена, как, вероятно, и все остальные стены здесь. С помощью рекламы Сальсидо, как и сотни тысяч других хаденов, мог снизить стоимость содержания своего личного пространства внутри «Агоры».

Пока я смотрел на снимок, реклама с обрывом прямо на моих глазах исчезла, сменившись новой фотографией — с подсолнухами.

— Наверное, вы не этого ожидали от бывшего хилкетиста, верно? — спросил Сальсидо, проследив за моим взглядом.

— Вы первый бывший хилкетист, которого я встретил, — честно ответил я. — Поэтому я не знаю, чего нужно ожидать.

— Мне нравится ваш ответ, — рассмеялся Сальсидо и показал на рекламу. — Она не так плоха, в общем-то. Если вас что-то раздражает, они меняют на что-нибудь другое. За первые несколько

дней программа выяснила, что я люблю пейзажи. С пейзажами на стенах жить можно.

— Да, пейзажи красивые, — согласился я.

— Агент Шейн, давайте выйдем во двор. Там рекламы гораздо меньше.

Действительно, во дворе рекламы не оказалось. Мы сели в плетеные кресла, наверху горело просто-таки зачетное солнце, а очень даже реалистичные птахи порхали среди вполне приемлемых кустов и деревьев.

— Когда я играл за «Ацтеков», пространство у меня было получше, — поерзав в кресле, сообщил Сальсидо. — Настоящая гасиенда. То есть целое поместье, а не только дом. И намного реалистичнее, с видом на имитацию Байя-де-Бандерас. Моя семья из Халиско. Я ездил верхом.

— Звучит здорово.

— Так и было. Но потом меня выкинули, дохода не стало, и пришлось решать: или потратить оставшиеся деньги на то, чтоб скакать на фальшивых лошадях по фальшивой равнине над фальшивым океаном, или дать моей семье приличный дом в реальном мире. — Он развел руками. — Как видите, я сделал выбор.

— Жалеете о нем?

Сальсидо улыбнулся:

— Я скучаю по лошадям. Но не жалею о том, что у моей матери, отца и сестры есть дом. Ладно, агент Шейн. Вы же пришли поговорить о том моем припадке, как я понимаю?

— Да.

— Что вы хотите узнать?

— Мне интересно, что послужило причиной.

— Мне тоже! — со смехом воскликнул Сальсидо. — За всю мою жизнь — и до того, как я подхватил вирус, и после него — у меня никогда не было припадков. И вдруг это случилось прямо на игре. Но после нее ни разу не повторилось.

— Вас обследовали врачи?

— Толпы врачей. Сначала врачи «Ацтеков». Потом целая бригада из «Города надежды». Делали кучу анализов. И врачи, к которым «Ацтеки» и страховые компании лиги заставили меня пойти, когда списали. И те, которых наняли мои адвокаты, после того как я подал иск против СХЛ и «Ацтеков» за дисквалификацию меня как игрока.

— И никто ничего не объяснил?

— Нечего было объяснять. Ни аномальной мозговой активности, ни физических изменений в структуре мозга, ни новых болезней. По меркам хаденов, я был совершенно здоров. Я и сейчас

здоров. Тот приступ появился неизвестно откуда и тут же прошел. — Он снова поднял руки, показывая на сборный дом перед нами. — А в итоге вот это.

— Значит, лига больше не хочет иметь с вами дел.

— Нет. Страховщики убедили их, что это рискованно. Официально контракт расторгли из-за «постоянных проблем со здоровьем», но ведь их же не было. Постоянных, я имею в виду. Вот я и подал в суд. Теперь со мной не хотят иметь дело еще и из-за иска. Я попал в черный список.

— Вам так сказали?

— Нет, конечно, — фыркнул Сальсидо. — Никто такого не скажет. Просто меня больше никуда не возьмут. Мне двадцать восемь, я здоров, я был крепким игроком, и со здоровьем нет проблем. Я отыграл пять сезонов за «Ацтеков». И с легкостью отыграл бы еще пять. Я был популярен, потому что большинство игроков из Штатов, а я мексиканец. Нет вообще никаких причин, чтобы я не мог играть. Только тот припадок да еще иск.

— И как продвигается процесс?

Он снова показал рукой на дом:

— Агент Шейн, я ведь вынужден терпеть все это не только из-за дома родителей. Адвокаты

стоят дорого. Я подал иски в Мексике и в США. Команда и лига будут тянуть так долго, как только смогут. Они пытаются разорить меня, чтобы я отозвал иски.

— Простите за вопрос, но как вы сейчас зарабатываете на жизнь?

— Устраиваю разные встречи, — ответил он. — В хилкетном триле мне появляться нельзя: они все лицензированы лигой, и я не могу постить свои снимки, где есть символика «Ацтеков» или лиги. Но я могу подписывать фотографии и позировать тоже могу.

— И что, за это хорошо платят?

Он пожал плечами:

— Лучше бы, конечно, я был в хилкетном триле, как раньше. Если приходишь в арендованном триле, народ не всегда верит, что это ты. И за фото тоже не всегда хотят платить. Но я могу продавать автографы и всякие сувениры онлайн. В общем, на адвокатов и родителей хватает, но не больше. Я бы хотел снова играть в хилкету.

— То есть, мистер Сальсидо, у вас никогда не было припадков ни до, ни после той единственной игры, и, как вы утверждаете, врачи не смогли найти причину того случая. Но как вы сами думаете — что могло его спровоцировать?

Сальсидо вдруг пристально посмотрел на меня.

— Это из-за Дуэйна Чэпмена, да? — спросил он.

— Да. Я расследую его смерть.

Он помахал пальцем у меня перед носом:

— Нет-нет, я же вижу. Что-то в его смерти было необычное, раз вы пришли ко мне. Что-то похожее на то, что произошло со мной. Иначе вас бы здесь не было. Я точно знаю. Я уже пытался привлечь ФБР. Но моих адвокатов даже на порог не пустили.

— Мне об этом ничего не известно.

— Ясное дело. Об этом я и говорю. — Он в отчаянии махнул рукой. — Поэтому вы и не обязаны мне ничего рассказывать. А вот я расскажу, потому что, если вы потом что-то найдете, мне это только поможет. В общем, так. Я думаю, что меня отравили.

— Как?

— Что-то в добавки подсунули, наверное.

— Как такое могло случиться?

— А как, по-вашему? Где-то по пути пакета из коробки до моих вен кто-то туда что-то подмешал.

— Вы говорили об этом вашим адвокатам или руководству лиги?

— Конечно.

— И что они ответили?

— В лиге сказали, что они не имеют к этому отношения. Проверили пакет, проверили у меня кровь и мочу и не нашли ничего, по их мнению, необычного. Через несколько месяцев адвокаты обратились к производителю — узнать, не осталось ли экземпляров из той партии, откуда был тот пакет. Нашлась целая коробка, ее тоже проверили.

— Тогда почему вы считаете, что яд содержался именно в добавках?

— А где еще? — удивился Сальсидо. — Ничего другого не меняли.

— Что вы имеете в виду?

— То, что за месяц до игры я перешел на другие добавки. Заключил рекламный контракт с «Лабрам». Мы пока не объявляли о нем, потому что компания хотела сделать из этого большое событие. Я стал первым игроком «Ацтеков» и первым мексиканцем, с кем они подписали контракт. Они собирались организовать вокруг меня целую кампанию. Потом случился этот припадок, меня сначала перевели в список травмированных игроков, а потом уволили. А когда уволили — «Лабрам» тоже уволил.

— Но вы сказали, что использовали эти новые

добавки целый месяц и никаких неприятных последствий не было, — напомнил я.

— Может, просто эффект от них так долго проявлялся, — предположил Сальсидо. — Я же вам говорю: пока я не пользовался добавками от «Лабрам», со мной все было нормально. А как начал пользоваться — случился приступ. Ничего другого не менялось — только это. — Он присмотрелся к моему лицу и улыбнулся. — А, ну все понятно.

— Что понятно? — спросил я.

— Я уже видел такой взгляд, когда на каждом углу повторял о своей «теории заговора пищевых добавок». Так и сказал этот гребаный адвокатишка из лиги, когда пытался уговорить судью отклонить мой иск.

— Оливер Медина?

— Так вы встречались с ним?! — воскликнул Сальсидо. — Я бы скормил его акулам, только они бы не стали его есть.

— Из профессиональной солидарности, — заметил я.

Сальсидо кивнул:

— Зачетная шутка. Но чем больше я знаю Медину, тем меньше это меня веселит. К счастью, судья не отклонил иск. Агент Шейн, поверьте, я очень хорошо понимаю, как звучит эта моя теория о

заговоре. Вы не первый, кто так на меня смотрит. Но других объяснений у меня просто нет.

— Хорошо, — согласился я. — Давайте чисто теоретически предположим, что «Лабрам» действительно что-то подмешала в вашу капельницу…

— Тогда встает вопрос: зачем? — договорил за меня Сальсидо, и я кивнул. — На это у меня тоже нет ответа. Смысла в том никакого. Это вредит репутации самого продукта, репутации спорта в целом, а все, вместе взятое, создает очень плохую рекламу «Лабрам». И зачем понадобилось делать это со мной или с «Ацтеками»? Я далеко не звезда, да и «Ацтеки» за выход в плей-офф не боролись.

— Да, все правильно. Для «Лабрам» не было смысла в таких махинациях.

— Так, может, это не они, а кто-то другой? Те, кто делал ставки на игру, например. Или тот, кто меня недолюбливал?

— А есть те, кто вас недолюбливает, мистер Сальсидо?

Он усмехнулся:

— Может, парочка недовольных мужей. Или кто-то из адвокатов лиги. Больше некому.

— То есть, не в обиду будет сказано, ни у кого не было серьезной причины портить ваши до-

бавки?

— Нет. И припадки у меня не случались ни до, ни после той игры.

— Может, просто не повезло.

— Может, и так, — сказал Сальсидо и наклонился ближе ко мне. — А может, и смерть Дуэйна Чэпмена — это всего лишь невезение. Может, мы оба с ним такие непрушники. — Он снова выпрямился. — Тогда зачем же вы здесь, агент Шейн? Едва ли вы пришли бы ко мне, если бы считали то, что случилось со мной и Чэпменом, обычным невезением. Все кажется невезением до поры до времени.

— И тем не менее его тоже исключать нельзя.

— Если так, то мои родители хотя бы получили дом, — ответил Сальсидо. — Но если это не просто невезение, а что-то другое, дайте мне знать. Особенно если это поможет мне выиграть иск. Я хочу поскорее вернуть своих фальшивых лошадей.

Я снова подключился к своему трилу в нашем кабинете и посмотрел на Ванн, которая сидела за столом напротив.

— Итак, нам срочно нужно получить из Филадельфии результаты анализов тех добавок «Лабрам», — заявил я ей.

— А, уже вернулись? — ответила она. — Хоро-

шо. Ну что, готовы?

— К чему?

— Первое — отчет от экспертов управления пожарной охраны Филадельфии о пожаре в квартире Чэпмена. Точно известно, что это электропроводка, возможно, поджог.

— Возможно?

— Да, и это следует из второго номера нашей программы. А именно: последние работы с проводкой выполнялись на прошлой неделе компанией «Электрикал энд вайринг АААСЕ», принадлежащей Педро Ортицу, который является…

— Братом Альтона, верно? — перебил я.

— Дайте мне договорить.

— Простите.

— Кузеном Альтона, и эта компания делает все электротехнические работы во всех домах, принадлежащих владельцу нашего дома.

— Надо же, какое совпадение.

— Совершенно уверена, что это никакое не совпадение. Я попросила управление полиции Филадельфии оказать нам услугу и вызвать его для допроса.

— А почему было не попросить ФБР?

— Я еще не закончила. Вы снова меня пере-

биваете.

— Пожалуйста, продолжайте.

— Это все хорошие новости.

Я молча ждал.

— Здесь нужно было поддержать беседу, — заметила Ванн.

— Вы так меня запутали, что я уже не понимаю, когда мне говорить, а когда молчать, — пожаловался я.

— Вы должны спросить: а какие новости плохие?

— Ага, ясно. Ну и какие же плохие новости?

— Плохие новости, а заодно и причина, по которой я больше никогда не попрошу филадельфийское управление ни об одном гребаном одолжении, — это то, что они облажались с анализом капельницы «Лабрам», которую мы им передали. Их лаборант, похоже, загрязнил образец. Теперь он нам нужен только лишь в качестве доказательства того, что все это филадельфийское управление ФБР надо сжечь, к чертям собачьим.

— Ну да, новости и правда скверные, — сказал я.

— Так и есть, — согласилась Ванн. — А теперь спросите меня, нет ли новостей еще хуже.

— Нет ли новостей похуже? — послушно спросил я.

— В общем, так, — сказала Ванн. — Тот репортер из «Хилкета ньюс» как-то пронюхал, что Чэпмен и Ким Силва трахались, и написал об этом на сайте издания.

— Это неприятно, но не ужасно.

— Адвокат лиги звонил нашему директору. Они вместе учились в Йеле. Он явно считает, что эту информацию журналистам слили вы.

— А вот это уже очень плохо, — признал я.

— Так что мы с вами через десять минут встречаемся с директором. Да, еще кое-что.

— О господи, — испугался я.

— Пропала Марла Чэпмен.

Глава 17

— Эй, а ты знаешь, что у Ким Силвы и Дуэйна Чэпмена был бурный роман? — спросили меня близнецы, когда я вечером пришел домой.

Едва я переступил порог, как они подбежали ко мне в сильном возбуждении.

— Крису наверняка это известно, — крикнула Тайла из гостиной, где они с Тони играли в карты.

— Это ты рассказал прессе? — спросили близнецы.

— Конечно нет, — ответил я.

— А на всех форумах говорят, что ты!

— Читал я эти ваши форумы. Там еще про то говорят, что НАСА нашли на Луне лицо Иисуса.

— Только на некоторых форумах, — возмутились близнецы. — Не на тех, что про тебя пишут.

— Ладно, если это вас утешит, СХЛ тоже думает, что я слил. Или Ванн. На меня сегодня двадцать минут орали в директорском кабинете по этому поводу.

— Значит, это ты! — обрадовались близнецы.

— Нет, — сказал я. — Я могу отчитаться за каждую секунду своего времени. В этом одно из

преимуществ хадена. Если понадобится, можно предоставить отчет за всю свою жизнь.

— А кто, по-твоему, мог это сделать? — спросил Тони и шлепнул карту на стол перед Тайлой.

— Есть кое-какие мысли. Но сказать не могу.

— Очень профессионально, — проворчала Тайла и отбила карту Тони.

— Ким Силва требует назад своего кота, — проходя мимо близнецов, сообщил я.

— Это кот Дуэйна Чэпмена, — возразили они.

Я покачал головой:

— Он жил в тайной квартире Чэпмена. Но его хозяйка — Силва.

— Но ему здесь нравится! Можешь сам у него спросить.

— И все же это ее кот, — напомнил я. — Я собираюсь вернуть его уже очень скоро.

— Но Тони еще не закончил с тем хранилищем на ошейнике!

— Спасибо, что донесли на меня, — сказал им Тони.

— Ты не можешь отдать кота, пока работа не закончена.

— Силва и вся их лига уже и так разозлились на меня ни за что ни про что, — сказал я. — Надо хоть кота вернуть, чтобы немного смягчились.

— Ну и ладно! — обиделись близнецы и потопали наверх — как я понял, чтобы побольше времени провести со своим любимцем.

— Говорил я тебе, что с этим котом одна морока будет, — сказал Тони.

— На самом деле это Тайла говорила, а не ты, — напомнил я. — Ты только жаловался, что мы не провели собрание насчет кота.

— И остаюсь при своем мнении, — заявил он. — А близнецы вообще обнаглели — заграбастали себе кота.

— Это кот, Тони, — сказал я. — Если бы Пончик захотел проводить время с тобой, он бы нарисовался в твоей комнате и сел на то, что для тебя важнее всего.

— Об этом и речь! Я все время пытаюсь приманить его в свою комнату, а близнецы сразу хватают его на руки и тащат к себе.

— Одно удовольствие наблюдать, какими вздорными детьми вы стали с этим котом, — заметила Тайла.

— Просто я считаю, что коты — это общественный ресурс, — объявил Тони и выложил очередную карту.

— Угу, — промычала Тайла и бросила карту на стол. — Только помни, что я говорила о собаке.

Большой собаке.

— Это через собрание жильцов, — сказал Тони.

— Я уже набрала голоса.

— Слушай, Тони, — начал я, чтобы сменить тему, — прошел слух, что ты так и не взломал хранилище данных.

— Не взломал, каюсь, — ответил он. — Но я же тебе говорил, что ничего не получится, если ты не найдешь мне аппаратный ключ. Поэтому совесть меня не особо мучает. Зато она, — он показал на Тайлу, — может сообщить тебе кое-что полезное.

— Правда? — я посмотрел на Тайлу.

— Помнишь, ты спрашивал, есть ли какие-нибудь препараты для хаденов, которые целенаправленно усиливают боль? — сказала она.

— Помню.

— Так вот что я тебе скажу. Во-первых, я ненавижу тебя за то, что ты заселил в мой мозг эту идею и последнюю пару дней все свое свободное время я убивала на то, что шерстила рассчитанную на хаденов фармакотерапию от и до. Ты спровоцировал во мне адскую смесь обсессивно-компульсивного расстройства, профессионального любопытства и моей страсти к дурацким головоломкам.

— Э-э… прости?

Тайла подняла руку:

— Во-вторых, я не нашла ни одного конкретного лекарства или терапии, созданных для усиления боли у хаденов. Но если покопаться в научных журналах, можно найти ссылки на экспериментальные способы лечения, которые вызывали всякую разную хрень. И мне кажется, я откопала для тебя то, что ты просил.

— Рассказывай.

— Лет пятнадцать назад «Нейросел» разработал лекарство, которое они назвали «аттентекс». Его создавали не для хаденов, а для всех, и целью была помощь детям с проблемами концентрации внимания. На нехаденов оно почти не действовало, а вот среди нашей братии показало некоторый прогресс, особенно когда его сочетали со слабой электростимуляцией лобных долей мозга. Без стимуляции лекарство вообще не оказывало никакого эффекта. А с ней часть пациентов, которые согласились на испытания, тут же вставали по стойке смирно.

— Конечно, у хаденов же нейронная сеть в мозгу, ее можно использовать для передачи направленной электростимуляции, — сказал Тони, хлопнув на стол карту. — Правда, надо написать маленькую программку, но в общем — ничего

сложного.

— Полагаю, есть какая-то причина того, почему я никогда раньше не слышал об этом аттентексе, — сказал я Тайле.

— Есть, — ответила она. — Побочные эффекты на стадии испытаний включали сильную тошноту, головокружение, чувствительность к свету и звуку и припадки.

— То есть внимание у тебя концентрируется, но на том, как тебе хреново, — заметил Тони.

— По сути, да, — согласилась Тайла и выложила карту; Тони выругался — игра явно складывалась не в его пользу. — Проблема «Нейросел», если верить той статье, состояла в том, что побочные эффекты усиливались при электростимуляции.

— На этом месте я навострил уши, — сказал Тони и махнул Тайле. — Ты ему про плато расскажи.

— Плато? — не понял я.

— Когда электростимуляцию применяли в совокупности с аттентексом, у людей начинались стрессовые реакции и очень медленно проходили, даже когда ее отключали, — пояснила Тайла. — Поэтому, когда ее снова включали…

— Побочные эффекты усугублялись, — закончил я. — Интересно.

— Вижу, это пригодится для твоего расследования, — заметила Тайла и повернулась к Тони. — Кто-то сейчас проиграет, но никак не хочет сдаваться.

— Мы всего второй кон играем из трех, — напомнил Тони.

— Но я-то все равно знаю, что выиграла.

— Информация об аттентексе есть в публичном доступе? — спросил я у Тайлы.

— Есть, — сказала она. — Как бы. Когда в «Нейросел» обнаружили, что аттентекс можно будет использовать для хаденов, они запросили финансирование на разработки у Национальных институтов здравоохранения, а это означало, что по Закону об исследованиях в области синдрома клетки они были обязаны выкладывать все сведения, в том числе побочные эффекты, в общегосударственную базу данных. Поэтому информация там есть. Только, чтобы найти ее, надо очень сильно постараться. База данных просто необъятная. Буквально миллионы страниц научных данных. Я нашла ту статью совершенно случайно, просто перешла откуда-то по ссылке. Возможно, я первый человек, кто прочитал ее после того, как ее загрузили в базу. А после разорения «Нейросел» почти наверняка первая.

— Они разорились из-за этого?

— Нет, — ответила Тайла. — Разработка аттентекса субсидировалась правительством, и к тому же они, наверное, взяли налоговый кредит на другие свои исследования, когда не добились результатов. Неудача с аттентексом им не навредила.

— Потому что до принятия Абрамса—Кеттеринг любая компания, которая просаживала кучу бабла на откровенное фуфло, обязательно придумывала какую-нибудь зацепку, связанную с хаденами, чтобы получать льготы, — добавил Тони. — Это был хорошо известный и всеми горячо любимый способ ухода от налогов. Именно поэтому билль и прошел в конгрессе.

Он положил на стол последнюю карту, Тайла тут же накрыла ее своей и подняла руки в победном жесте.

— Все не так, я узнавала, из-за чего они разорились, — сказала она мне. — Несколько лет назад новый директор попытался перепрофилировать компанию с фармацевтических разработок на потребительские товары вроде спортивных напитков и добавок, которые делались на основе уже существующей продукции. Дело не пошло. Акции обвалились, «Нейросел» был объявлен

банкротом и распродан по частям. Директор вышел из этой ситуации с золотым парашютом в пятьдесят миллионов долларов, то есть остался в шоколаде. — Она повернулась к Тони. — Кстати, ты платишь за завтрашнее кино.

— Так нечестно! — буркнул он.

— Если «нечестно» на твоем языке означает «проиграть абсолютно заслуженно, потому что ты отстой», тогда да.

Тони посмотрел на меня:

— Хочешь сыграть?

— Я лучше с Тайлой, — ответил я. — Похоже, она в этом лучше разбирается.

— Класс! Скоро у меня будет два бесплатных кинчика, — сказала Тайла и легонько пнула Тони ногой, сгоняя с места. — Садись, дорогой.

— Это что… танковый трил? — ахнули близнецы, глядя на улицу из окна, и у всех нас была ровно секунда, чтобы оторваться от игры, поднять головы и увидеть, как танковый трил вломился через окна в дом, разбрызгивая стекла по всей комнате.

Когда трил близнецов воздел руки, «танк» отшвырнул его в сторону, потом бросил что-то на пол и быстро отошел.

— Пожар! — завопила Тайла.

Это было какое-то зажигательное устройство, от которого сразу загорелся пол и ковер на нем, после чего пламя стремительно рванулось к дивану. Тайла очнулась от ужаса и побежала к огнетушителю на стене гостиной. В нашем доме они висели почти в каждом углу. Если ты хаден, ты окружаешь себя огнетушителями со всех сторон. Обездвиженное тело трудно спасать.

Тони бросился на помощь близнецам, их трил безуспешно пытался встать с пола. От удара в нем осталась внушительная вмятина. Я увидел, как «танк» с неожиданным проворством заковылял к лестнице.

Которая привела бы его прямиком к нашим телам.

— Блин! — охнул я и рванул к нему наперерез.

Конечно, я не рассчитывал, что смогу справиться с «танком» в одиночку или хоть как-то повредить его. Я хотел лишь по мере своих сил не пускать его на лестницу до тех пор, пока не подоспеет подмога.

Я толкнул его с разбега прямо в середину. Он слегка покачнулся, а потом съездил мне кулаком по голове. Я услышал и почувствовал, как в шее моего трила что-то хрустнуло, и внезапно обнаружил, что не могу повернуть голову влево. «Танк»

снова поднял кулак, но на этот раз я увернулся от удара и схватил его руками за шею, стараясь притянуть к полу.

«Танк» не ответил на мои старания, а вместо этого резко крутанулся вместе со мной и впечатал меня в ближайшую стену с такой силой, что посыпалась штукатурка. Я разжал пальцы и упал. «Танк» развернулся, чтобы снова пойти к лестнице, и…

…получил удар в табло огнетушителем, который держала Тайла. Она уже погасила огонь и теперь вовсю развлекалась, размахивая своим орудием. Тони перестал возиться с близнецами и оглядывался по сторонам в поисках подходящего предмета, чтобы помочь ей.

«Тони! Лестница!» — написал я ему по нашему местному каналу.

Мы завели его, чтобы общаться друг с другом, когда кто-нибудь из нас смотрит кино или рубится в игры на мониторах нижнего этажа или на случай, если вдруг захочется поболтать среди ночи, не мешая другим. Это легче, чем кричать, а иногда, как в такой ситуации, еще и безопаснее.

Тони понял, что я хотел сказать. Он кинулся к лестнице, а я прыгнул на кухню и схватил висевший там огнетушитель.

Когда я вернулся в гостиную, то увидел, как «танк» поднырнул под широкий замах Тайлы и буквально протаранил ее трил, потом схватил его двумя руками и швырнул через всю комнату.

«Блин!» — успела написать Тайла, прежде чем ее трил рухнул на пол.

«Танк» повернулся ко мне, и я вскинул руки с зажатым в них огнетушителем. Тогда он качнулся вперед, чтобы блокировать удар, и в этот самый момент я обрушил на него содержимое огнетушителя. Химический порошок полностью покрыл его лицо, закрыв поле обзора. Он попытался стряхнуть порошок с головы, но оказалось, что «танки» совсем не приспособлены для таких действий. Я подскочил ближе и начал изо всех сил лупить его по рукам.

«Что ты делаешь?» — написала мне Тайла; она уже встала на ноги.

«Это игровой трил, — ответил я. — Если он получает повреждения, то разваливается на части».

Она отреагировала мгновенно. Тут же схватила огнетушитель, распылила его прямо в лицо «танка», чтобы подбросить еще ослепляющего порошка, и начала колотить его баллоном по ближайшей ноге. Несколько секунд мы втроем скакали друг вокруг друга, а мы с Тайлой мерно

отсчитывали время ударами огнетушителей.

Потом из комнаты близнецов нарисовался Пончик и замяукал с лестницы, словно пытаясь сказать:

«Люди, вы там что, охренели?»

«Танк» вдруг рванулся, сбив меня и Тайлу с ног, и, пошатываясь, пошел вверх по лестнице к Пончику. Кот посмотрел на громыхающий «танк» и со страху припустил в сторону моей комнаты, которая находилась в дальнем конце второго этажа. Я кое-как встал и тоже начал подниматься по лестнице, ухватив «танк» за ноги.

«Вызывайте копов!» — написал я в домашнем канале.

«Уже», — ответили близнецы, и мне тут же прилетел удар здоровенного кулака, вынудив отцепиться от железных ног.

«Танк» наконец преодолел лестницу и сразу отлетел назад, одновременно с этим прозвучал оглушительный хлопок дробовика, который Тони хранил дома в целях самообороны. Заряд дроби попал «танку» в плечо, развернул его против часовой стрелки и отделил его левую руку от туловища; она ударилась о стену и загремела мимо меня по ступенькам.

Дробовик был однозарядным, и, пока Тони

пытался перезарядиться, «танк» рванул к нему, впечатал в стену и вышиб оружие у него из рук. А потом побежал мимо него к моей комнате.

— Что за фигня? — выкрикнул Тони, пытаясь встать, пока я ковылял к нему по лестнице.

Из моей комнаты донеслись звуки жуткого разгрома, обещавшие мне в скором будущем немалые расходы. Дверь громко хлопнула, но не закрылась — из-за сломанной ручки, которую я все собирался починить, да так и не собрался, а поскольку мое тело лежало не здесь, а у родителей, то не было особой нужды беспокоиться о приватности. Дверь снова приоткрылась, в образовавшуюся щелку выскочил Пончик и метнулся в соседнюю комнату, к Тони.

Потом дверь распахнулась, и за ней мы увидели громадную фигуру «танка». Он смотрел прямо на нас. За его спиной виднелось главное преимущество моей комнаты — эркер с видом на улицу.

— Бежим к нему! — сказал я Тони.

— Что? — не понял он.

— Ударим низко. Повторяй за мной!

Я бросился к «танку» так быстро, как только мог. Спустя миллисекунду с истошным криком ко мне присоединился Тони.

Извиваясь, чтобы не застрять, мы одновремен-

но протиснулись через дверной проем и тут же ударили «танк» под грудину. Он устоял, а наша инерция протащила нас всех троих к эркеру и небольшой нише для чтения рядом с ним и вышибла наружу, полностью разрушив и то и другое и лишив тем самым мою комнату основной рыночной заманухи.

Мы шлепнулись на тротуар. «Танк» был снизу. Долбануло его прилично — под собственным весом да еще двумя трилами сверху. Так прилично, что все его уцелевшие конечности отлетели и покатились по асфальту.

«Танк» завертел головой, пытаясь уползти от нас с Тони. Получилось не очень далеко.

А потом он вдруг замер. Тот, кто управлял им, отключился.

— Ты как? — спросил я у Тони.

— Думаю, ты должен мне новый трил, — пытаясь встать на ноги, сказал он, и я заметил, что его трил поврежден. — И себе, кстати, тоже, — добавил он, посмотрев на меня.

— Мне не привыкать, — ответил я и медленно принял сидячее положение, при этом внутри что-то заскрежетало, а в поле обзора одно за другим начали выскакивать сообщения о неисправностях.

Подошла Тайла в треснутом триле.

— Что это сейчас было? — спросила она.

— Мы выпрыгнули из окна «танком» вперед, — ответил я.

— Да нет. Что это вообще было? — Она синхронно крутанула руками.

— По-моему, кто-то пытался убить Криса, — сказал Тони; он все-таки умудрился встать, но его трил шатался.

— Не меня, — возразил я.

— Он забежал в твою комнату, — напомнил Тони. — Все там разнес. Если бы твое тело лежало там, как у всех нас, он мог тебя убить.

Я снова замотал головой:

— Он искал не меня.

— Тогда кого? Меня? Тайлу? Близнецов? Элси?

— Кое-кого другого.

— Больше нет никого, — сказала Тайла.

Я посмотрел на нее:

— Есть еще кое-кто.

— О нет. — До Тайлы наконец дошло, о ком я говорю. — Да ты шутишь, блин.

Я повернулся к Тони:

— Пончик пошел в твою комнату. Сделай одолжение, проверь, там ли он еще. Если там, задержи его, пожалуйста.

— Кот? — изумился Тони. — Думаешь, к нам вломились из-за какого-то кота?!

— Иди, пожалуйста, — попросил я.

Тони встал и заковылял в дом.

— Ты как? — спросил я у Тайлы.

— Ну, Крис, с тобой не соскучишься, — сказала она.

— Знаю. Извини.

На улице потихоньку начала собираться толпа, привлеченная шумом. Я понял, что скоро подтянется полиция.

— Думаешь, он правда пришел за котом? — спросила Тайла.

— «Танк» рванул за Пончиком сразу, как тот замяукал, — напомнил я. — Ты же сама видела.

— Знаешь, Крис, — расмеялась Тайла, — не знаю, как ты, а я в тот момент не очень обращала внимание на кота. Меня больше заботило, как половчее надрать задницу этому железному монстру.

— Тоже верно.

— Если ты прав, то кто бы это ни был, они бы с радостью поубивали нас всех, только чтобы добраться до этого кота. Даже дом подожгли.

— Думаю, они просто хотели отвлечь внимание.

— Да все я понимаю, — проворчала Тайла. — Только если бы не огнетушители в каждой комнате, мы бы все уже были мертвы. Включая этого тупого кота. Крис, меня только что чуть не убили из-за какого-то животного!

— Я не хотел подвергать вас опасности, — сказал я. — Сегодня же заберу отсюда кота.

Она снова засмеялась и показала на дом с выломанными окнами и закопченными стенами.

— А тебе не кажется, что нас всех отсюда придется забрать на какое-то время?

— Но ведь у нас же есть страховка? — пошутил я.

— Не думаю, что она покрывает ущерб от разбушевавшихся трилов.

«Эй, Крис, ты должен это увидеть», — написал мне Тони.

«Все в порядке?» — написал я в ответ.

«По сравнению с последними десятью минутами — да. С котом тоже все в порядке, только злится. Давай приходи сюда. Я тебе кое-кто покажу. Тебе понравится».

— Тони зовет, — сказал я Тайле.

Она кивнула:

— Иди. Я подожду полицию.

— Не давай им конфисковать его. — я кивнул

на «танк». — Это вещественное доказательство, и оно принадлежит ФБР.

— Так они меня и послушали, — сказала Тайла.

Я кое-как встал, дохромал до дома и, пробираясь через обломки, поднялся по лестнице. Уже наверху приостановился у комнаты близнецов:

— Эй, как вы там?

«Да ничего вроде, — написал кто-то из них, и меня снова удивило их странное решение делить один коммуникационный канал на двоих. — Хотя наш трил в хлам».

— Сочувствую.

«Да ладно, это даже круто, — написали они. — Как будто в кино попали. Теперь уже все закончилось. Как Пончик?»

— Нормально. В комнате у Тони.

«Если Тони хотел, чтобы Пончик к нему заходил, надо было просто попросить нас. Что ж мы, не понимаем, что ли?»

— Я ему передам.

«Крис?»

— Да?

«А так теперь всегда будет?»

— Очень надеюсь, что нет, — ответил я и поковылял в комнату Тони.

— Не выпусти кота, — предупредил он меня,

как только я открыл дверь.

И вовремя — Пончик уже сидел у входа на низком старте. Тони подошел и взял его на руки, кот начал громко возмущаться. Когда я плотно прикрыл за собой дверь, Тони поставил кота на пол. Тот сразу же подбежал к двери и замер возле нее, то и дело поглядывая на нас. «Дайте выйти, уроды», — явственно читалось в этом взгляде.

— Ты хотел показать мне разозленного кота? — спросил я.

— Нет. Я хотел показать то, что разозленный кот помог открыть.

— О чем ты?

— Заходи ко мне в кабинет, — сказал Тони и выслал приглашение в свое личное пространство.

Я вошел, и его комната в нашем доме, вместе с ним самим и Пончиком, вдруг исчезла, сменившись на огромный черный куб с неоновыми гранями.

— Гляди, — сказал он и кивнул на окно в мониторе, подвешенном в воздухе. Там был список файлов.

— Ты все-таки открыл его, — догадался я.

— В точку! Оказалось, чтобы открыть хранилище на кошачьем ошейнике, нужен был сам кот. У Пончика где-то вшит передающий ключ,

который, вероятно, питается от тепла его тела. Но опять же, чтобы хранилище открылось, кот должен был оказаться от него на расстоянии не больше двух метров. Если бы ты тогда не снял ошейник, не пришлось бы так долго париться.

Я показал на монитор:

— Что это за файлы?

— Ну, разные финансовые ведомости, сводные таблицы, письма с электронной почты, что-то вроде перечня транзакций, и, хотя я мало в этом понимаю, похоже, тебе надо тащить сюда бригаду экспертов по бухгалтерии, потому что никто не станет прятать всю эту хрень в кошачий ошейник просто по приколу.

— Что-нибудь отсюда можно скопировать?

Тони покачал головой:

— Ничего. Все файлы привязаны к носителю. Я, конечно, могу попытаться сделать скриншоты, но здесь наверняка стоит какая-нибудь защитная прога, которая этого не допустит. Думаю, их можно открыть только где-то вроде личного пространства. Попытаешься открыть на обычном мониторе — ничего не выйдет. Я и сам такое проделывал с разной служебной информацией, не предназначенной для чужих глаз.

— Но есть же какой-то способ обойти это.

— Обойти можно все, Крис. Но для этого понадобится время. Проще привести бухгалтеров сюда.

— А может, и нет, — пробормотал я.

— Ты это о чем? — спросил Тони.

— О том, что, кто бы это ни был, они приходили убить кота.

— Верно.

— То есть они знают, что Пончик нам полезен только живой.

— Да.

— Значит, я прямо сейчас пойду обратно вниз и скажу полицейским, что какой-то козел в танковом триле мало того что разгромил наш дом и поломал наши трилы, так еще и напугал нашего кота так, что тот выскочил на улицу, где его сбило машиной.

— Бедный наш котик, — сухо сказал Тони.

— Правильно. А после этого ты очень и очень тихо возьмешь нашего мохнатого друга и отнесешь в здание ФБР, где поработаешь с теми бухгалтерами, о которых ты только что говорил.

— Понял. Кстати, сейчас ночной тариф.

— Я рад, что ты еще способен думать о деньгах, — сказал я. — И перед уходом поговори, пожалуйста, с близнецами. Им и так досталось.

На улице я встретился с полицейскими, рас-

сказал им свою душераздирающую историю про кота, предварительно написав Тайле, чтобы поддержала мои показания, и успел аккурат к тому времени, когда подъехала Ванн.

— Вечерок у нас выдался просто на славу, — сказал я ей.

Ванн посмотрела на следы кровавого побоища, явно собралась отпустить какую-нибудь колкость, но сдержалась.

— Скоро вам станет еще веселей, — только и сказала она.

— Что случилось?

— Значит, вы еще не смотрели новости.

Я показал на искалеченный «танк» и наш несчастный дом:

— Было слегка не до того.

— Найдена Марла Чэпмен, — сказала Ванн.

— Где?

— Возле дома Ким Силвы. Она мертва, Крис. И похоже, она пыталась забрать с собой Ким.

— Значит, мы едем в Бостон, если я правильно понял?

Ванн покачала головой:

— В Бостон еду я. А потом в Бруклин, где дом Силвы.

— А я почему не еду?

— Во-первых, посмотрите на свой трил. Вы вывели из строя еще один.

— Ну, на этот раз у меня были помощники, — сказал я в свое оправдание.

— Во-вторых, вам не нужно в Бостон. Вы должны поговорить с Ким Силвой.

— Я думал, вы сказали, что Марла Чэпмен пыталась ее убить?

— Пыталась. Но попытка не удалась. Она сейчас в Бригеме, в реанимационном отделении Женской больницы. Жива, находится в сознании и хочет поговорить. Но только с вами, и больше ни с кем.

Глава 18

— Я не узнаю это место, — сказал я Ким Силве, войдя в ее личное пространство и оглядевшись вокруг.

Мы стояли на пляже, где прямо из песка росли ярко-зеленые деревья.

— Это потому, что его не существует, — сказала она. — Ну, то есть в таком виде не существует. Это Дофин-Айленд. В Алабаме.

— А куда он мог подеваться?

— Просто когда-то он был больше, — ответила она. — Это островная коса, от которой погода и океан постепенно отщипывают куски один за другим. Но когда я была маленькой, мы приезжали сюда. Еще до того, как я заразилась. Семья моей мамы была из тех краев, и каждое лето мы недели две гостили у моей двоюродной бабушки. Бегали по песку, гонялись за птицами. С тех пор как я заболела, я там ни разу не была. Я очень скучаю по этому месту.

— Красиво, — сказал я.

— Спасибо. Когда я подписала контракт с «Бэйз», я чуть ли не первым делом поменяла личное пространство. Я попросила своего дизайнера

изучить карты острова, сделанные в двадцатом веке, чтобы у меня он снова был целым. А еще попросила удалить все следы человеческого присутствия, кроме бабушкиного дома. — Силва показала куда-то на восток, в дальний конец пляжа. — Он вон там.

— Значит, здесь у вас вход для гостей, — сказал я и кивнул на клочок пляжа под нашими ногами.

— Вообще-то, кроме меня, здесь был только один человек — Дуэйн. Вы второй. Я впустила его сюда, потому что любила гулять с ним по пляжу.

Какое-то время мы любовались кроткими волнами смоделированного Мексиканского залива; по тихой сверкающей глади скользили пеликаны, то и дело окуная клювы в воду.

— Как вы себя чувствуете? — наконец спросил я.

— Прямо сейчас я ничего не чувствую, — ответила она. — У меня пуля в животе и несколько осколков стекла от окна, которое эта сука разбила выстрелом, но мне сделали блокаду ниже шеи, чтобы снять боль. Но на самом деле все не очень хорошо. Так что если я вдруг отключусь или вообще исчезну, то поэтому.

— Я понимаю.

— Как же мне хочется залезть в свой «танк»,

найти Марлу и отмутузить ее так, чтобы неделю не оклемалась.

— Она мертва, — сообщил я. — Ее тело нашли в вашем дворе.

Силва отнеслась к этой новости спокойно:

— Самоубийство?

— Все указывает на то.

— Но вы так не думаете.

— Я не знаю, — ответил я. — Мне интересно, что думаете вы. И почему вы хотели говорить только со мной?

— Давайте пройдемся, — предложила она и пошла вдоль берега — как я заметил, в противоположную сторону от бабушкиного дома.

— Вы встречались с Марлой? — спросила она, пока мы шли.

— После смерти Дуэйна, — ответил я.

— Она показалась вам человеком, склонным к самоубийству?

— По одной встрече трудно судить. Особенно в такой ситуации. Она уж точно была очень расстроена. И сердита.

— Сердиться она любила, — сказала Силва. — По крайней мере, по рассказам Дуэйна. Конечно, я тоже ее знала. В командах все всегда знают, кто у кого партнер. И как по мне, то она совсем не

была похожа на самоубийцу.

— Но ведь ее муж умер, и она узнала, что он изменял ей, — напомнил я.

— Она скорее бы захотела убить меня после такого известия, — сказала Силва. — Вот в это я как раз верю полностью. Тут ничего удивительного.

— Мисс Силва?

— Зовите меня «Ким». Все-таки вы в моем личном пространстве. А это значит, что можно просто по имени.

— Хорошо, Ким. Мне кажется, вы что-то хотите мне сказать, и все указывает на то, что лучше сделать это прямо сейчас.

Она остановилась и посмотрела мне в лицо:

— Во-первых, это вы рассказали прессе о нашем романе с Дуэйном? Только, пожалуйста, не лгите.

— Нет, не я.

Силва протянула мне руку с оттопыренным мизинцем:

— Клянитесь на мизинцах.

— Вы серьезно? — невольно улыбнулся я.

— Серьезно, Крис. Ведь это ничего, если я буду звать вас «Крис»?

— Я же называю вас «Ким», так что будет справедливо.

— Крис, прямо сейчас мое тело лежит в какой-то гребаной больнице. С пулевым ранением. И пока я мило болтаю тут с вами на пляже, мне больше всего хочется заорать, побежать куда-нибудь без оглядки и никогда не останавливаться.

— Пляж рано или поздно закончится, — заметил я.

— Это остров.

— Тоже верно.

Она тряхнула рукой:

— Я прошу вас поклясться на мизинцах, потому что я ранена, мужчина, которого я любила, мертв, и его жена тоже, я устала, и я не знаю, кому верить, но очень хочу поверить хоть кому-нибудь. Я хочу, чтобы вы стали этим человеком, Крис. Мне необходимо, чтобы это были вы.

Я сцепил свой мизинец с ее мизинцем.

— Клянусь на мизинцах, — сказал я, — что никогда не рассказывал о вас прессе. И вообще никому не рассказывал. Только своему напарнику. А она скорее столкнула бы репортера в лестничный пролет, чем стала говорить с ним.

— Как-то деспотично звучит.

— Нет, просто она слегка неуравновешенная. Репортеры — не единственные в списке тех, кто ее раздражает.

— Я шантажировала лигу, — призналась Силва.

— Как?

— Это сложно.

— Тогда расскажите как можно проще.

— Лигу основали плохие люди, и они хотят учредить новые зарубежные лиги, чтобы через них отмывать хренову тучу денег.

— У вас есть доказательства? — спросил я.

— Полно.

— Как вы их добыли?

— У меня есть один фанат в Санкт-Петербурге, который обожает проникать в секретные документы. Он предложил обменять их на какие-нибудь сувениры с моим автографом.

— Но вы его не просили.

— Да мне и в голову не пришло. Но когда они ко мне попали, я поняла, как их можно использовать.

— Ваш контракт.

— Что? Нет, — усмехнулась она. — Его я сама заработала. Не знаю, заметили ли вы, но в прошлом сезоне «Бэйз» попали на чемпионат только благодаря мне.

— Да, слышал, — улыбнулся я. — Но тогда что?

— Место для Дуэйна в одной из иностранных

лиг.

— Я думал, что он хотел перейти в какую-нибудь новую команду СХЛ, но здесь, в США.

Она покачала головой:

— Да, хотел, но он никогда бы не стал ведущим игроком СХЛ. Я любила его, но я также играла с ним каждую неделю и каждый день тренировалась. Он недотягивал до этого уровня. По крайней мере, в Штатах. Но он мог стать звездой где-нибудь в Европе или Азии. Мог бы помогать лиге развивать местные таланты сначала как игрок, потом как менеджер. Он бы получил все, чего желал. Это сделало бы его счастливым. И тогда мы были бы счастливы.

— Можно задать неделикатный вопрос? — спросил я.

— Какой?

— Разве вы не могли просто попросить? Вы ведь одна из крупнейших спортивных звезд. Неужели они не захотели бы порадовать вас? И вы были бы далеко не первой знаменитостью, совершавшей выгодную сделку ради любимого человека.

— Я просила. И мне было сказано, что так дела не делаются. Я попросила еще раз, и мне дали понять, что больше просить не надо. Тогда я сказала: что ж, прекрасно — и сообщила им, что

располагаю некими рычагами воздействия, и, если они не хотят, чтобы я их применила, им лучше сделать то, о чем я прошу.

— Полагаю, ваша угроза не подействовала.

— Вы правы, — улыбнулась Силва. — Зато после этого я поднялась на новую ступень. Если раньше я общалась только с Пеной и Крайсбергом, то есть с владельцем и тренером, то после того разговора начала иметь дело с Алексом Кауфманом.

— Почему Кауфман? — спросил я.

— Потому что именно он отвечал в лиге за создание иностранных команд. А еще потому, что он лучше всех умел продвигать трудные сделки и договариваться с несговорчивыми партнерами. Ну, вы понимаете. Одним словом, жулик.

— И он согласился осуществить ваш план? — спросил я.

— Мы пока только обсуждали его.

— А потом умер Дуэйн.

— Да. И следом за ним — Алекс. А потом вы нашли квартиру и наши трилы, после чего я оказалась замешанной в эту историю. Тогда Медина и посоветовал мне поговорить с вами, с условием, что в комнате будут присутствовать он и Пена. Хотел удостовериться, что я не буду говорить с вами об иностранных лигах.

— Медина знал, что вы шантажировали СХЛ.

— Конечно, он же главный юрист.

— И он также знал о планах отмывки денег через иностранные лиги.

Силва посмотрела на меня.

— Он же главный юрист, — повторила она.

— Зачастую очень многое в организации может происходить и без ведома начальства, — заметил я. — По крайней мере, без его прямого участия.

— Да бросьте. Если уж он знал о моей угрозе, то и обо всем остальном наверняка тоже.

— Медина не хотел, чтобы вы рассказали мне об иностранных лигах. Но вы рассказываете. Причем без присутствия адвоката, что с юридической точки зрения не слишком разумно. Я считаю своим долгом предупредить вас, потому что мы поклялись на мизинцах.

— Спасибо. — Силва наклонилась и подняла с песка раковину, изучала ее несколько секунд, а потом положила обратно. — Дуэйн мертв. Марла мертва. Алекс Кауфман тоже, хотя я совершенно не понимаю почему. Я пока жива, но меня точно хотят убить, — это ясно как божий день. Поэтому новости о нас с Дуэйном сразу же просочились в прессу. Чтобы дать Марле повод выстрелить в меня. Я ведь хаден, Крис. Мне трудно убегать и

прятаться. Обвинения за шантаж в такой ситуации пугают меня меньше всего.

— У вас по-прежнему есть те доказательства отмывания денег, — сказал я.

— Да, — глядя в сторону, подтвердила она.

— И вы хотите передать их нам.

— Да.

— И мы можем им доверять.

Она повернулась ко мне:

— Крис, у меня в животе дыра от пули. Уж, наверное, не из-за того, что моя информация — бред собачий. Поэтому мы сейчас с вами и разговариваем.

— Потому что информация — не бред собачий?

— Потому что я в больнице с дырой в животе. Медина — не хаден. Он забывает о том, что я могу поговорить с вами без его ведома. И уж тем более никому в голову не придет, что мы с вами разговариваем прямо перед операцией.

— А как вы поступите, если кто-нибудь спросит, разговаривали ли вы со мной или с агентом Ванн?

— Отмажусь как-нибудь, не привыкать.

— Разумно, — улыбнулся я.

— Крис, и еще одно, — сказала Силва.

— Да, Ким?

— Что бы вы ни задумали, поторопитесь. Думаю, они не оставят меня в покое. Я не хочу умирать.

— Только представьте — иметь восемьдесят миллионов долларов и все равно бояться за свою жизнь, — сказала Ванн. — Хотя, если подумать, вам такое представить не так уж сложно.

— Спасибо, — сухо ответил я.

Я стоял в своем личном пространстве, когда Ванн, находясь в Бостоне, зашла в него с помощью специальных очков. Ее аватар казался каким-то недоделанным. Сходство присутствовало, но образ был выполнен в стиле примитивной компьютерной анимации конца прошлого века. Тони тоже был с нами, выглядел как обычно. К тому времени уже миновала полночь.

— Однако ее страхи вполне обоснованны, — добавил я.

— Она сама виновата, — сказала Ванн.

— Это не совсем так.

— Хорошо, тогда позвольте спросить: положим, вам присылают кучу документов, подтверждающих, что ваш работодатель находится в сговоре с европейской и азиатской мафией. Неужели первое, что вы скажете себе, будет что-то вроде: «Какая удача! Теперь я начну шантажировать

моего босса этими обличительными бумажками, чтобы помочь своему любовничку, тем более что ни мой босс, ни мафия точно не станут возражать!»

— А ведь она права, — заметил Тони.

— Я бы так не сказал, — заупрямился я.

— Конечно, вы же с ней дали эту дебильную клятву на мизинцах, — проворчала Ванн. — Теперь вы лучшие друзья навек.

— Вы видели тело Марлы Чэпмен, — сказал я. — Это было самоубийство?

— Выглядело как самоубийство. Единственный выстрел в голову из того же пистолета, которым стреляли в окно дома Силвы в Бруклине. Выстрелы были произведены через окно спальни. Услышав их, Силва использовала домашний трил, чтобы заслонить свое тело. Мы увидели это в записи с камеры домашнего видеонаблюдения.

— А по стрелку что-то есть? — спросил я.

Ванн покачала головой:

— Ничего существенного.

— Значит, это мог быть кто-то еще, — заключил я. — Но если действовал профи, он должен был не просто палить в окно, а совершить еще одну попытку.

— Силва ранена, — напомнила Ванн. — Вам

трудно это представить, потому что вы гуляли по пляжу с ее виртуальной копией, но она действительно серьезно пострадала. Если бы пуля прошла чуть иначе, она была бы мертва. Ей просто повезло, что она выжила. Во всяком случае, пятничную игру она точно пропустит.

— Вы считаете, это было самоубийство? — не унимался я.

— Не могу сказать. Но мне интересно, как Чэпмен попала в Бостон. Ее машина осталась дома.

— Наняла машину до вокзала или до аэропорта, — предположил Тони.

— На ее счетах нет никакой платежной информации о покупке билетов на поезд или самолет. И она не проходила досмотр в аэропорту Филадельфии. Я заставила этих болванов из местного управления все тщательно проверить.

— От Филли до Бостона шесть часов на машине или поезде, — сказал я.

Ванн снова кивнула:

— Чтобы все сошлось по времени, Марла Чэпмен должна была отправиться в Бостон практически в ту же минуту, как узнала об измене мужа. Как-то чересчур.

— Значит, мы не думаем, что это самоубийство, — заключил я.

— Мы — нет. Вы и я. А вот бруклинская полиция думает, потому что они обнаружили ее труп с пистолетом в руке и дыркой в голове прямо перед домом Ким Силвы. Но, приняв во внимание тот факт, что самый крутой опыт криминальных расследований бруклинской полиции ограничивается их попытками найти тех, кто ворует почтовые пакеты из подъездов домов, я была вынуждена привлечь бостонское управление ФБР.

— Ну и как бостонское управление? — спросил я.

— По крайней мере, лучше, чем филадельфийское. — Она повернулась к Тони. — Расскажите, что у вас.

— Ну, во-первых, танковый трил, который порушил наш дом и пытался убить невинного кота, не имеет официального владельца. В базе транспортных средств его номер есть, но загружаются только данные об изготовителе. Некая мелкая мастерская из Балтимора.

— «Ван Димен», — сказал я.

— В точку! — Тони ткнул пальцем в мою сторону. — Это не первый раз, когда они возникают в вашем расследовании, поэтому на вашем месте в свой следующий визит туда я бы захватил ордера и пушки.

— Не слишком деликатно, — заметил я.

— Мой дом в руинах, сам я сейчас торчу в фэбээровской переговорной с котом и тремя бухгалтерами, так что мне не до деликатностей.

— Принято, — согласился я.

— Что еще? — спросила Ванн.

— К слову, о бухгалтерах. Они тут нашли кое-что очень любопытное. Крис, ты говорил, будто Силва считает, что ее документы уличают лигу в отмывании денег?

— Да, говорил, — подтвердил я.

— Увы, полицейское чутье ее подвело. Здесь нет ничего, впрямую указывающего на то, что лига отмывает деньги.

— Впрямую? — зацепился я.

— Ты правильно понял. Молодец. Итак, что мы имеем. Очень многое указывает на то, что грязные деньги поступают в некую стороннюю компанию и эта компания становится мощным инвестором зарубежных лиг.

— Дай угадаю, — сказал я. — Это «Лабрам».

— И снова в точку! Судя по тому, что бухгалтеры мне тут рассказывают, схема выстроена довольно умно. «Лабрам» ведет с этими теневыми компаниями вполне законный бизнес и взимает с них премию по стандартным расцен-

кам. Примерно треть или около того. Достаточно, чтобы хватануть неправедно нажитых денег, но недостаточно, чтобы это выглядело не как по учебнику, дескать, «проклятые капиталисты наживаются на бедных людях». «Лабрам» дает компаниям возможность расплачиваться в криптовалюте, поэтому они получают тот эквивалент, который дешевле всего приобрести, а потом влияют на рыночную конъюнктуру, чтобы поднять цену.

— И что, это так легко провернуть? — усомнилась Ванн.

— Как нефиг делать, — заверил Тони. — Вокруг полно болванов, возомнивших себя финансовыми гениями. Вам даже не придется делать ничего незаконного — просто сыграть на алчности недостаточно информированных людей. Главное — продать, пока все не обрушится.

— То есть «Лабрам» задирает цену, а потом спекулирует, — сказал я. — И где же здесь отмывание денег?

— Отмывание начинается тогда, когда «Лабрам» вкладывает свои средства в иностранные лиги. Они не делают инвестиций напрямую, а создают для этого некие общества с ограниченной ответственностью как форму помещения

капитала, оставляют за собой управление ими, а потом приглашают туда в качестве миноритарных партнеров те сомнительные компании, с которыми ведут бизнес.

— И поэтому через год или два после того, как иностранная хилкетная лига начинает работать, миноритарные партнеры продают свои доли назад компании «Лабрам», которая покупает их по непомерно раздутой цене, — сказала Ванн.

— По непомерно раздутой цене, которая соотносится с той премией, что они заплатили «Лабрам» за услуги, плюс некоторый процент за подготовительную работу с криптовалютой, — добавил Тони. — И — вуаля! Грязные деньги отмыты, все счастливы, все богаты, за исключением недоумков, которые поздно спохватились для того, чтобы избавиться от криптовалюты.

— Для отмывания денег на международном уровне как-то простовато, — сказала Ванн.

— Я излагаю вам лишь сокращенную версию, — заверил ее Тони. — Эти фрики от бухгалтерии говорят, что вся схема действительно почти гениальная, если так можно говорить о мошенничестве. И это даже не первый раз, когда «Лабрам» проворачивает такое.

— А когда в первый раз?

— Когда Амели Паркер открыла ту фирму по спортивным добавкам. Изрядная доля инвесторов, готовых вкладывать в стартап, оказалась из числа либо тех мутных компаний, с которыми «Лабрам» вела общий бизнес, либо их владельцев, принявших риск на себя. Они вложили средства, фирма ни шатко ни валко работала несколько лет и даже умудрилась не лопнуть, а потом явилась «Лабрам» и выкупила ее за бешеные деньги.

— Все делают бизнес, все счастливы, — резюмировала Ванн и повернулась ко мне. — А теперь, я полагаю, они намерены провернуть то же самое с «МобилОн». Той самой, куда Паркер хотела вас заманить.

— И еще долю прибыли обещала, — добавил я.

— Я бы на твоем месте не сомневался, — посоветовал Тони. — Доход настолько же гарантирован, как и то, что ты когда-нибудь поправишься.

— Но я-то ей не нужен. Если все это лишь схема по отмыванию денег, к чему тут знаменитость для рекламы? Или сторонние инвесторы вроде моих родителей?

— В этом и гениальность, — заметил Тони. — Получить известность, привлечь законные сторонние инвестиции, чтобы замаскировать грязные делишки.

— Как меня жестоко использовали! — воскликнул я и почти не шутил.

— Зато теперь знаете, на что годится ваша слава, — не удержалась Ванн.

— Получается, Североамериканская хилкетная лига тут совершенно ни при чем, — сказал я Тони, чтобы вернуть разговор в прежнее русло.

— Конечно, — ответил Тони. — Будем считать, что так.

— Чую скептицизм.

— Твоя подружка, с которой вы так трогательно поклялись на мизинцах, пыталась шантажировать лигу этой информацией, после чего ее любовник в скором времени неожиданно умер. За ним — начальник, отвечавший за зарубежные сделки. Следом — жена игрока, которая якобы пыталась убить соперницу. Да, и не будем забывать про то, что разрушили наш дом, чтобы прикончить какого-то гребаного кота. Так что — да, признаю. Версия непричастности лиги действительно вызывает у меня скептицизм.

— Вы не говорили Силве о том, что мы вскрыли ее банк данных? — спросила Ванн.

Я покачал головой:

— Нет. Но ведь она мне про него тоже не рассказала. Она хочет, чтобы мы думали, что

информация по-прежнему у нее.

— Ваша клятва на мизинцах построена на лжи, — сказал Тони.

— Она думала, что торгуется за свою жизнь, — напомнил я ему.

— Рядом с ней дежурят наши люди, — сказала Ванн. — И лежит она на частном этаже, куда не допускаются журналисты и фанаты. С ней все будет в порядке, если только туда не проберется ниндзя.

— Среди тех файлов, что ты открыл, есть что-нибудь впрямую уличающее лигу? — спросил я у Тони.

— Ваши эксперты еще просматривают их. Работы много.

— А как насчет самой компании «Лабрам»? — спросил я. — Чэпмен умер с добавками от «Лабрам» в организме. Интегратор Амели Паркер была с Кауфманом перед самой его смертью. А утром адвокаты сомнительных партнеров этой компании пришли к ней домой.

— Пока все это лишь косвенные доказательства, — ответила Ванн. — Если бы у нас были добавки, мы могли бы их проверить, но эти криворукие ушлепки из Филли запороли образцы. Вскрытие Чэпмена ничего не выявило. Вскрытие

Кауфмана дало неопределенный результат. И никакой закон не запрещает принимать у себя дома сомнительных адвокатов.

— Как-то многовато косвенного, — заметил я.

— И все равно недостаточно. Мы расследуем не отмывание денег, не шантаж и не безнравственное поведение интеграторов. Мы расследуем смерти Дуэйна Чэпмена и Алекса Кауфмана. На сегодняшний день у нас по-прежнему нет доказательств, что первый умер не от остановки сердца, а второй не покончил с собой. Сопутствующих обстоятельств вокруг обоих этих случаев выше крыши. Но нам необходимо связать их воедино.

— Что вы намерены предпринять? — спросил я. — У нас есть только Силва, все остальные либо сами юристы, либо находятся под юридической защитой.

— Начнем с мелких сошек, — сказала Ванн.

— Интересно, кто это. Ни адвокаты, ни чиновники к ним не относятся.

— Парочка все же есть.

— И что вы собираетесь с ними делать?

— Для начала напугать до смерти.

Глава 19

— Мистер Ортиц, я сегодня прилетела из Бостона, а мой коллега прибыл из Вашингтона, — объявила Ванн, наклонившись над столом. — Сообщаю вам это для того, чтобы вы поняли, насколько глубоко вы вляпались, если федеральные агенты были вынуждены заявиться сюда аж с Восточного побережья только для разговора с вами.

Педро Ортиц, кузен Альтона Ортица, сидевший напротив Ванн в комнате для допросов полицейского управления Филадельфии, выглядел так же растерянно, как любой, кто провел бы ночь в городской тюрьме по обвинениям, которых он даже не понял. Рядом с ним сидел его адвокат, совсем юнец в плохо сшитом костюме, явно чувствующий себя не в своей тарелке.

— А вы, — повернувшись к нему, спросила Ванн, — общественный адвокат или младший помощник?

— Да я как бы слу… — начал было общественный адвокат (как я предполагал), но Ванн резко перебила его, ткнув в его сторону пальцем.

— Это не тот, — сказала она Педро, — кто выта-

щит вас из дерьма, в которое вы попали.

— Я окончил Пенсильванский университет, — пробормотал адвокат.

— Вы сознаете, что вы в дерьме? — не обращая на него внимания, спросила она у Педро.

Тот посмотрел на нее, потом на меня и наконец на адвоката:

— Когда меня арестовали, то сказали, что за поджог, но…

— Агент Шейн, огласите ему весь список, — снова перебила Ванн.

— Итак, об обвинении в поджоге вы уже знаете, — начал я. — Кроме того, множественные обвинения в причинении ущерба частной собственности, покушение с целью убийства — также множественные обвинения, умышленное и непредумышленное убийство — и снова множественные обвинения, заговор с целью совершения поджога, заговор с целью совершения убийства и жестокое обращение с животными.

— С животными? — переспросил Педро.

— В квартире, которую вы подожгли, находился кот, — ответила Ванн.

— Я не знал про кота, — сказал Педро, после чего его адвокат тихонько застонал и слегка поерзал на стуле.

— То есть целый ряд обвинений, которые будут предъявлены вам городом, штатом, а также федеральными властями, не говоря уже о гражданских исках, о чем непременно позаботятся все жильцы подожженного дома во главе с его владельцем. У вас есть страховка, мистер Ортиц?

— Не настолько большая…

— Само собой, — кивнула Ванн и сложила руки на столе. — В общем, так. Вы можете рассказать нам все либо попытать счастья с сидящим здесь Кларенсом Дарроу[45]. Но прежде, чем вы ответите, хочу вам честно признаться. Вы нам не нужны. И даже ваш кузен не нужен, из-за которого вы в принципе здесь и находитесь. Так что, если вы согласитесь сотрудничать и расскажете то, что нас интересует, мы тоже пойдем вам навстречу. Ну а если нет…

— Тогда нам придется удовольствоваться вами, хотя и не хочется, — договорил я. — Так, по крайней мере, успокоим людей, чей дом вы сожгли.

— Позвольте, я поговорю с клиентом одну секунду, — сказал адвокат и, наклонившись, зашептал что-то Педро на ухо.

Тот немного послушал, потом скривился и по-

[45] Примечания: 45

Кларенс Дарроу (1857–1938) — американский юрист, один из самых известных защитников гражданских свобод.

смотрел на юношу.

— Ну, ты прям гений, — сказал он и повернулся к Ванн. — Этот умник считает, я должен заключить с вами сделку.

— Весьма разумно, — похвалила Ванн.

— Я требую неприкосновенности для своего клиента, — заявил адвокат.

— Не сомневаюсь. — Ванн посмотрела на Педро. — Мы слушаем вас.

— Пару лет назад Альтон мне сказал, что один его друг ищет квартиру, — сказал Педро. — Недорогую и без выкрутасов, просто место под офис. Он знал, что я часто делаю работы по электрике для владельцев домов и управляющих, могу присмотреть какой-нибудь уголок и замолвить за него словечко. Так я нашел ему то место на Натрона-стрит. Здание нормальное, только территория вокруг еще облагораживается. В общем, договорились. В благодарность Альтон сунул мне сотню, и на этом все. Так, иногда виделись на каких-то семейных встречах. И вот месяца два назад он снова приходит и просит об услуге. Оказывается, его друг в этой квартире спит с кем попало, и жена хочет прийти туда и сделать фотки, чтобы собрать доказательства для бракоразводного процесса. Я ему говорю: ладно, а я тут при чем?

А он такой, мол, надо рубануть электричество в квартире, чтобы она могла войти. Я спрашиваю, почему нельзя ключом, а он говорит, мол, парень этот вроде как не знает, что жена в курсе его делишек, поэтому надо держать все в тайне, и еще у него там сигнализация, потому что в квартире куча дорогущих трилов. А потом Альтон сказал, что хорошо заплатит.

— Сколько? — спросила Ванн.

— Две тысячи долларов. А у меня же сын в колледже. Ну так вот. Он мне говорит, в какой день любовница придет в квартиру, и я при следующей проверке системы устанавливаю одну такую примитивную программку, которая отключает электричество в квартире на тридцать минут. Программка эта изначально кривая, и мне приходится отключить несколько предохранителей во всем доме, чтобы она сработала, но это только на полчаса, поэтому я не очень волнуюсь. Сообщаю Альтону время, а себе пишу напоминалку, чтобы при следующей проверке все вернуть как было, а программу стереть. А потом вдруг узнаю, что квартира сгорела.

— Что, по-вашему, произошло? — спросила Ванн.

— Не знаю, — ответил Педро. — Система была

старая, и даже с программным управлением там все равно постоянно случались замыкания и разные другие проблемы. Наверное, кто-то просто включил слишком много приборов в одну розетку, вот провода и не выдержали.

— Вы подтвердите все это письменно, — сказала Ванн.

— Давайте ручку. Что бы там ни было, я вообще ни при чем. Я люблю кузена, но это уже не семейные дела.

— Кроме вашего кузена, никто не замешан? — спросила Ванн.

— Чего не знаю, того не знаю.

— Вы хотя бы слышали про Дуэйна Чэпмена? — спросил я.

— Это тот парень, что квартиру снял? Нет. Но я же не всех жильцов обязан знать. Работаю не на одном объекте — все время в разных домах. Иногда, конечно, приходится и в квартиры заходить. Если хозяев нет дома, впускает управляющий. У этого парня я был только один раз — на первой неделе, как он заселился, ему тогда понадобились мощные силовые розетки для трилов.

— А как насчет Марлы Чэпмен?

— Никогда с ней не встречался.

— Вы назвали ее подружкой Альтона, — напом-

нила Ванн.

— Ну да, назвал.

— Почему?

— Потому что так и было.

— Вы уверены?

— Да он сам мне сказал, когда я спросил, почему он так парится.

— И вы уверены, что у них был секс?

— Фоток-то у меня нет, если что, — сказал Педро. — Но да, черт возьми, уверен. Я вам так отвечу, мэм. Не сочтите меня сексистом, но мужик может предать своего друга, только если он трахает его жену. Других причин нет.

— Вы, случайно, не Пенсильванский университет окончили? — спросила Ванн следующего адвоката, которого мы встретили спустя два часа, на этот раз на другом конце города, в конференц-зале какого-то отеля, специально для этой цели снятом СХЛ.

— Нет, Джорджтаунский, — ответила адвокат, назвавшая себя Кешия Санборн. — Почему вы спрашиваете?

— Просто так, — ответила Ванн и переключила внимание на Альтона Ортица, который сидел тут же в деловом костюме. — Вы действительно хотите, чтобы ваши интересы здесь представляли

СХЛ и мисс Санборн?

— Да, — ответил Ортиц и растерянно посмотрел на Санборн.

— Агент Ванн, существует ли какая-либо причина, по которой вы решили начать эту абсолютно добровольную встречу с атаки на меня? — спросила Санборн. — Потому что такое начало вынуждает меня посоветовать моему клиенту не продолжать этот разговор.

— Я лишь хотела убедиться, что мистер Ортиц понимает, что с этого момента его интересы и интересы СХЛ расходятся. И поскольку вы, мисс Санборн, были настолько великодушны, что согласились взять это дело на безвозмездной основе, исключительно от щедрот своего сердца, думаю, мистеру Ортицу будет вполне резонно спросить себя, насколько ваши советы окажутся выгодными лично ему, а насколько — вашему работодателю.

— Что это значит? — спросил Ортиц.

— Это значит, что нам известно о вас и Марле Чэпмен, — сообщил я.

Ортиц изменился в лице.

— Мистер Ортиц, ваш кузен рассказал нам все, — сообщила Ванн. — О том, как Марла Чэпмен решила, что раз ее муж ходит налево, то,

справедливости ради, и она не должна лишать себя этой привилегии.

Я подтолкнул к Санборн конверт из плотной коричневой бумаги.

— Здесь распечатки переписки мистера Ортица и Марлы Чэпмен, — сказал я. — Мы получили ордер на досмотр ее телефона в рамках расследования ее смерти. Мистер Ортиц, примите мои соболезнования.

— Спасибо, — глухо выговорил он.

— Значит, вы были парой, — безжалостно наступала Ванн, наплевав на мои соболезнования. — И у нас есть данные под присягой письменные показания вашего кузена о том, что вы обратились к нему с просьбой нахимичить с электропроводкой в любовном гнездышке Дуйэна Чэпмена, что привело к возгоранию всего здания.

Я подтолкнул Санборн еще один конверт, теперь с показаниями Педро Ортица.

— Вдобавок к этому, — продолжала Ванн, — вы убегали от нас, когда мы пришли поговорить с вами на следующий день, что обычно не расценивается как поведение человека с чистой совестью.

— Агент Ванн, в чем вы обвиняете моего клиен-

та? — спросила Санборн.

— Мисс Санборн, важно не то, в чем я его обвиняю, а то, где здесь ваш интерес. — Ванн пристально посмотрела на нее. — Ваш и СХЛ. Но уж коли вы спросили, отвечу. Мы намерены обвинить вашего клиента в убийстве первой степени. У него были средства, мотив и возможность убить Дуэйна Чэпмена, и, кроме того, есть доказательства, свидетельствующие о том, что он планировал убийство заранее. По крайней мере, с тех пор, как начался их роман с Марлой Чэпмен. — Она снова переключилась на Ортица. — Вы решаете, что Чэпмен вам только мешает и что вы больше не хотите скрывать свои отношения с Марлой. Вы подмешиваете в его капельницу, к его обычным добавкам, нечто, что, по вашему мнению, может пройти все положенные в хилкете тесты, его настигает приступ и затем смерть, а вы с Марлой Чэпмен надеетесь жить в любви и согласии на полученную страховку и компенсацию от лиги. И вам бы все могло сойти с рук, если бы в квартире не случился пожар и кузен вас не выдал.

От изумления Ортиц несколько секунд не мог выговорить ни слова.

— Но это же… это просто бред! — наконец сказал он.

— Мы будем рады услышать от вас альтернативную версию событий, — любезно заметил я.

— Я ничего не добавлял в тот пакет! Проверьте сами!

— Не можем, — сказал я. — В лаборатории испортили тестовый образец. Как доказательство он теперь непригоден.

— Но ведь было же вскрытие, — напомнил Ортиц.

— Пока никаких убедительных результатов. — И это было правдой.

— То есть фактически у вас нет ничего на моего клиента, — сказала Санборн.

— У нас есть показания его кузена, его переписка и, как я уже говорила, его средства, мотив и возможность.

— Все это суд развеет в пыль, если вы будете настолько глупы и все же предъявите обвинения моему клиенту.

— Возможно, — согласилась Ванн. — Если только вы вообще собираетесь защищать его в суде. — Она повернулась к Ортицу. — Видите? В этом и причина, почему я думаю, что СХЛ, работодатель мисс Санборн, будет просто счастлива, если вы заключите со следствием сделку о признании вины, мистер Ортиц. Когда мы уйдем,

она начнет вам доказывать, причем весьма убедительно, что если дело дойдет до суда, то там, в сущности, будет представлено наше слово против вашего и наше слово возобладает. Поэтому она наверняка попросит вас подумать о признании вины, чтобы получить меньшее наказание, а прокуроры, разумеется, возражать не станут, так как это сэкономит государственные деньги. И все решится как нельзя лучше. Никто не будет больше ничего вынюхивать и выспрашивать. СХЛ сможет снова вернуться к своим важным делам по внедрению в Европу и Азию, которые были слегка осложнены нашим досадным расследованием.

Ортиц теперь смотрел на Санборн с откровенной злобой.

— Мне кажется, — сказал я, обращаясь к Ванн, — она уже преподнесла ему идею о признании.

— Ну надо же! — воскликнула Ванн. — А ведь вы правы. Даже общественный защитник Педро до такого не додумался.

Ортиц посмотрел на нас.

— Я не убивал Дуэйна. Он был моим другом, — сказал он.

— Другом, чью жену вы трахали, — подметила Ванн. — Не думаю, что он счел бы это проявле-

нием дружбы.

Ортиц закрыл лицо руками. Санборн откашлялась, собираясь что-то сказать, но Ортиц предостерегающе поднял руку, словно говоря: «Даже не думайте».

— У нас есть и другая версия преступления, — рискнул я.

— Какая именно? — спросила Санборн.

— Та, что также основана на пакете с добавками, — пояснила Ванн.

— Но вы сказали, что он испорчен.

— Я не говорила, что он был один.

— Испорченный пакет был частью определенной партии. Той, что предназначалась для Ким Силвы и была переправлена в квартиру Дуэйна Чэпмена, — сказал я.

— Да, — подтвердил Ортиц. — Я поехал туда и взял добавки для игры.

— Мистер Ортиц, к сожалению, коробка, из которой вы взяли пакет, сгорела во время пожара.

— А если найдется еще один пакет оттуда?

— Тогда, в зависимости от того, что мы в нем найдем, ваше имя в конечном итоге может быть снято с обвинения в убийстве, — ответила Ванн.

— Это хорошо, потому что я забрал два пакета, когда уходил из той квартиры, — сообщил Ор-

тиц. — Один из них все еще в доме Дуэйна.

— И вы можете попасть туда?

— Да, у меня остался код от двери.

— Отлично. — Ванн взглянула на настенные часы. — Сейчас половина первого. У нас с Шейном еще есть дело в Трентоне. Это займет пару часов. Давайте встретимся возле дома Чэпмена в шестнадцать тридцать, и вы впустите нас внутрь.

— Значит, вы не будете предъявлять мне обвинение в убийстве?

— Мистер Ортиц, это зависит от того, обнаружится ли пакет там, где вы говорите.

— Почему Трентон? — спросил я, пока мы ждали в машине в нескольких домах от дома Чэпмена.

— Я это сообщила час назад, а вы интересуетесь только сейчас? — сказала Ванн.

Она потягивала кофе из стаканчика, рука с сигаретой свешивалась из открытого водительского окна.

— Я с тех пор думал об этом.

— Это достаточно близкий путь, чтобы казаться правдоподобным, и достаточно далекий, чтобы занять много времени, — ответила она.

— Значит, конкретно с Трентоном ничего не связано.

Ванн скользнула по мне быстрым взглядом:

— Ни у кого конкретно с Трентоном ничего не связано, Крис.

Я уже собрался прокомментировать ее слова и вдруг заметил, как кто-то подошел к крыльцу Чэпмена и остановился у двери. Потом он набрал код и вошел внутрь.

— Надо же, а я ведь и правда должен вам доллар! — сказал я Ванн. — Никак не думал, что они действительно пошлют кого-то прямо к парадной двери.

Когда мы поспорили, я прикрепил маленькую веб-камеру со стороны двора и гаража и постоянно наблюдал за ней. Но так и не увидел ничего, кроме бродячих котов.

— Эти люди очень самонадеянны, — заметила Ванн. — К тому же мы сказали, что уедем из города. Зачем нам врать?

— Но о каких людях вы говорите?

— Это мы сейчас и выясним, — пообещала Ванн и вышла из машины.

Мы подошли к дому как раз в тот момент, когда посетитель уже выходил. Вернее, посетительница. Закрывая дверь, она смотрела в другую сторону, поэтому заметила нас, уже когда спускалась по ступенькам.

Это была Рэйчел Рамси из филадельфийского управления ФБР. В руке она сжимала пластиковую сумку. При виде нас на ее лице отобразилось удивление.

— Что вы тут делаете? — тупо спросила она.

— Мы только что вернулись из Трентона, — сказал я.

— А вот что ты тут делаешь, Рамси? — спросила Ванн.

— Я… — Она замялась на какую-то микроскопическую долю секунды, прежде чем продолжить. — Я проверяю кое-какую новую информацию, возникшую в деле смерти Марлы Чэпмен.

Ванн кивнула на сумку в ее руке:

— И ты сложила эту информацию в пластиковый мешок от «Вава»?[46] Не слишком ли небрежно вы обращаетесь с уликами, агент Рамси?

— Ванн, послушай, — начала Рамси.

— Нет, это ты меня послушай, — перебила ее Ванн. — Ты прямо сейчас передашь эту сумку агенту Шейну. Если там не добавки для капельницы, а что-то другое, я тебя прощу, мы вместе посмеемся над этим недоразумением, а потом ты расскажешь нам все, что вы нарыли по делу

---

[46] Примечания: 46

Американская сеть заправочных станций и магазинов товаров первой необходимости.

Марлы Чэпмен, потому что, как тебе наверняка известно, это дело ведем мы и вы действительно в первую очередь обязаны рассказывать нам то, что находите. Правильно я говорю, агент Шейн?

— В моей очереди сообщений нет ни одного от агента Рамси, — доложил я.

— Но если там и правда добавки для капельницы, Рамси, в чем я не сомневаюсь, ты выложишь нам все от слова до слова, начиная с того, кто приказал тебе забрать их из этого дома.

— А то что? — спросила Рамси.

Ванн закатила глаза:

— Да твою ж мать, Рамси! Ты что хочешь от меня услышать? Что я пристрелю тебя?

— Кстати, она может, — сообщил я.

— Могу, но не стану, потому что у нас нет времени на бумажную волокиту, — сказала Ванн. — И вообще на все это дерьмо нет времени. На тебя нет времени. Мне вообще на тебя насрать, Рамси. Мы потратили целый день, возясь с такими же никчемными уродами, только для того, чтобы добраться до тех, кто нам по-настоящему нужен. Ты всего лишь одна из их числа. Но, как я уже сказала сегодня такому же, как ты, — если тебе очень хочется, я оставлю все дела и сосредоточусь исключительно на твоей персоне.

— И тогда вы можете пожалеть, что вас не пристрелили, — добавил я.

— Не исключено, — согласилась Ванн. — Рамси, если бы у тебя там были не добавки, а что-то другое, ты бы уже передала свой мешок агенту Шейну. Так что кончай тянуть резину.

Во время этой сцены я наблюдал за Рамси. У нее на лице было все написано, а Ванн целый день только и делала, что давила на людей, не давая им времени подумать. У Рамси даже не было под рукой адвоката, который помог бы усмирить этот паровой каток. Она понимала, что попалась, что карьера ее летит под откос, что она, возможно, даже сядет в тюрьму, а Ванн будет только радостно гоготать, когда все это случится.

Насчет последнего я не сомневался.

Но зачем доводить до этого? Пришло время мне сыграть свою партию хорошего копа.

— Рамси, у вас еще есть шанс выпутаться из всего этого, — начал я. — Просто вы прямо сейчас скажите нам то, что мы хотим знать, и сотрудничайте с нами в дальнейшем. Сделайте так, а если кто-нибудь спросит…

— А спросят обязательно, — добавила Ванн.

— …то мы скажем, что вы все время работали на нас, — закончил я. — Разумеется, не во все-

услышание, чтобы не спугнуть тех, кто с вами контактирует. Просто соглашайтесь, и с вами все будет в порядке.

— А если откажешься, мы тебя спалим, — пообещала Ванн. — Дотла.

Рамси посмотрела на меня:

— Вы скажете, что я работала на вас?

— Да, с самого начала, — заверил я.

— Вы серьезно?

Я чуть было не сказал: «клянусь на мизинцах», но вовремя спохватился.

— Да, Рамси. Нам очень нужна ваша помощь. Прямо сейчас. Пока кто-то, из-за кого вы нарушаете закон, не понял, что вы обнаружены.

— Ага, — подтвердила Ванн. — Часики тикают.

Рамси посмотрела на нас обоих, вздохнула и отдала сумку «Вава». Я открыл ее. Там был второй пакет с добавками.

— Говори! — приказала Ванн. — Быстро и по делу.

— У меня не ладилось на работе, — сказала Рамси. — Плохие результаты аттестации: слишком много отгулов, потому что приходится ухаживать за больной мамой. У нее деменция как осложнение от синдрома Хаден, а уход стоит очень дорого, особенно теперь.

— После принятия Абрамса—Кеттеринг, — добавил я.

Она кивнула:

— То, что вы тогда сделали с нашим трилом, оказалось последней каплей. Ведь это я отвечала за него, и на меня все шишки посыпались. В общем, совсем стало хреново. И вот однажды я прихожу вечером домой, а под дверью конверт. Внутри неактивированная криптовалютная карта и записка с номером телефона. Я набираю номер, отвечает какой-то компьютерный голос. Говорит, что на карте достаточно средств, чтобы оплатить уход за моей мамой на полгода. Плата за один месяц уже доступна. Чтобы получить остальное, надо просто избавиться от образца капельницы Дуэйна Чэпмена.

— И вы пошли на это, — сказал я.

— Я была так зла на вас, — призналась Рамси. — Это же из-за вас меня чуть не уволили. А эта сволочь, — она показала на Ванн, — даже не дала мне списать убытки по сгоревшему трилу на вашингтонское управление. Так что конечно пошла. Подмухлевать с образцом и сделать так, что всё списали на обычный косяк лаборантов, было не трудно. Я отправила подтверждение выполненной работы, и остальные средства на

карте стали доступны.

— А вы не боялись, что это ловушка? — спросил я.

Рамси посмотрела на меня усталым взглядом:

— Агент Шейн, мне едва хватает средств на уход за матерью. Вы уж простите, что я не стала смотреть в зубы этому нежданному дареному коню.

— А с этим как было? — Ванн кивнула на сумку.

— Меньше чем полчаса назад на мой личный телефон пришла эсэмэска. Объяснили, что искать, дали код от двери и обещали четверть миллиона на другой криптовалютной карте, когда работа будет сделана.

— Что вы сделали с тем первым платежом? — спросил я.

— Ничего, — ответила Рамси. — Еще мало времени прошло.

— Ты не сможешь оставить себе эти деньги, — сказала Ванн.

— Конечно нет, — взглянув на нее, ответила Рамси.

— Вы должны были отдать пакет? — спросил я.

— Да.

— Когда?

— Не знаю. Я должна отослать фотографию,

подтверждающую, что он у меня, и чтобы там был виден штрихкод. А потом мы бы договорились о передаче.

Мы с Ванн переглянулись.

— И ты считаешь, это разумно? — спросила Ванн.

— Да ради бога, я же не собиралась встречаться с ними на пустой парковке посреди ночи, — сказала Рамси. — Может, я и не великий агент ФБР, но не круглая идиотка. Мы совершим обмен днем, где-нибудь в людном месте.

— Когда вы собираетесь с ними связаться? — спросил я.

— Вообще-то, я уже должна была отослать фотографию.

— Отправляй, — сказала Ванн.

Через девяносто секунд Рамси прочитала нам ответ:

— «Памятник Джорджу Вашингтону возле Индепенденс-холл. Через час».

Я повернулся к Ванн:

— Что будем делать?

Она смерила меня взглядом с головы до ног:

— Наймем вам трил.

Глава 20

Арендовать удалось трил производства «Зебринг-Уорнер пэллас», одну из их более-менее бюджетных моделей — других в прокатном бюро на Честнат-стрит все равно не было. Я заплатил грабительскую сумму за сверхсрочный заказ, подсоединился и сразу же вышел из гаража на улицу, направляясь на восток, к Индепенденс-холл.

— Все в порядке, я в прокатном триле, — сообщил я Ванн по внутренней связи.

— Хорошо, — отозвалась она.

Ванн находилась в вестибюле отеля «Монако», вне поля зрения. Мой личный трил остался в машине, которую я позаимствовал у родителей, чтобы доехать до Филадельфии, и теперь оставил на гостиничной парковке. Служащий с парковки очень нервничал из-за того, что пришлось вести машину с трилом на сиденье, но Ванн заранее накинула ему чаевые.

— Вы записываете? — спросила она.

— Да, — ответил я. — Но предупреждаю: модель не самая продвинутая, так что я бы не рассчитывал на идеальное качество.

— Главное, чтобы вы видели, ясно? — сказала

она. — Этого достаточно. Запишите саму передачу, а потом следуйте за тем, кто получит пакет.

— Я знаю свою работу, — напомнил я ей.

Асфальт Честнат-стрит сменился брусчаткой. Я вошел в парк, где в специальном павильоне висел «Колокол свободы», через улицу от Индепенденс-холл и памятника Джорджу Вашингтону. Вокруг было полно туристов и школьных групп, которых пасли раздраженные взрослые. Трилы попадались довольно часто, и я не выглядел слишком подозрительно в своем арендованном «пэлласе».

— Вижу Рамси, — доложил я Ванн.

Она топталась у восточной стороны памятника, глядя в телефон и пытаясь казаться спокойной.

— К ней кто-нибудь подошел? — спросила Ванн.

— Еще нет.

Кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся и увидел трех улыбающихся мне туристок.

— Простите? — сказал я.

Одна из них протянула мне телефон со словами:

— Можно фото?

Я пригляделся к ним и понял, откуда они приехали.

— Вы хотите, чтобы я сфотографировал вас, или

хотите сфотографироваться со мной? — выдал я уже по-испански через долю секунды после того, как послал текст встроенному переводчику.

Они изумленно уставились на меня, пораженные моими липовыми способностями.

— Если можно, нас троих, пожалуйста. На фоне Индепенденс-холл, — тоже по-испански сказала туристка, протянувшая мне телефон.

— Конечно, — сказал я. — Давайте перейдем улицу, так снимок получится лучше.

— Чем это вы там занимаетесь, черт вас дери? — спросила Ванн; ее аудиоканал был еще открыт, и она все слышала.

— Сливаюсь с толпой, если вы не против, — ответил я по внутренней связи.

— Идиот.

— Вообще-то, теперь у меня лучше точка обзора.

Я жестом попросил туристок встать перед памятником Вашингтону, направил телефон и сделал несколько снимков, так, чтобы Рамси тоже попала в кадр. Туристки улыбались, поправляли волосы и были безразличны ко всему, кроме своих будущих фотографий, как часто бывает с туристами. Потом они поблагодарили меня, забрали свой телефон и перешли к запад-

ной стороне памятника, где, держа телефоны на вытянутой руке, начали делать селфи, потому что как же без этого?

Я перестал глазеть на них как раз вовремя и когда снова посмотрел на Рамси, то увидел, что к ней направляется какой-то тип в толстовке с капюшоном. В руке у него тоже была пластиковая сумка из «Вава». Он приблизился к Рамси, протянул ей сумку, забрал у нее такую же, улыбнулся и пошел, не сказав ни слова.

— Все записал, следую за ним, — сообщил я Ванн.

Я шагнул за парнем в капюшоне и чуть не упустил из виду трил, который подошел к Рамси, достал из своего пакета пистолет и выстрелил сначала ей в голову, а потом в грудь.

Рамси упала. Туристки возле памятника и все, кто был рядом, завизжали и бросились врассыпную. Трил тяжело рухнул на землю, не выпуская пистолет. Кто бы ни был тот человек, который управлял им, отсоединился и бросил его на месте преступления. Это был очень дорогой способ убийства.

— Что случилось? — спросила Ванн.

Я понял, что она смотрела в окно и видела, как люди разбегались.

— Рамси застрелили. Трил.

— Я выхожу. Не потеряйте человека с пакетом!

— Рамси…

— Идите за пакетом, Крис!

Я увидел, как тот человек быстро пошел на восток по Честнат-стрит, потом свернул направо на Индепенденс, когда мимо него побежали люди. Я тоже побежал, направляясь в его сторону.

Когда я свернул за угол на Индепенденс, то увидел, что он уже на середине улицы и на ходу оглядывается прямо на меня. Потом он вдруг резко свернул влево и побежал. Я погнался за ним.

Модель «Зебринг-Уорнер пэллас» нельзя назвать быстрой даже с большой натяжкой. Но когда все время ходишь в триле, волей-неволей привыкаешь лавировать в большом потоке прохожих на оживленных тротуарах, в то время как нехадены в буквальном смысле идут прямо на тебя, потому что не считают нас полноценными людьми. Неумышленно. Просто это одно из свойств, которое живет в человеке где-то на подсознательном уровне, и он об этом даже не подозревает.

Хотя очень часто это все же делается намеренно. Сволочей хватает.

В общем, я бежал не быстрее того парня. Но

все-таки догонял его. Потому что у меня лучше получалось пробираться сквозь толпу, пока мы бежали.

Парень свернул направо, на Локаст, направляясь к Вашингтон-сквер. Здесь народу было поменьше, поэтому он прибавил скорость. Я увидел, как он на бегу выдернул из сумки пакет с добавками, а потом правой рукой полез в карман толстовки и вытащил нож. Он явно собирался разрезать пакет и уничтожить наше вещественное доказательство. К тому времени капюшон упал с его головы. Лица я не видел, но, когда он слегка повернулся в мою сторону, я заметил в его ухе наушник.

Он прыгнул на Шестую, потом, уворачиваясь от машин, рванул к Вашингтон-сквер и…

…споткнувшись о бордюр, растянулся во весь рост на тротуаре. Пакет с добавками и нож выпали из его рук и разлетелись в разные стороны.

«Какая удача», — подумал я и шагнул на Шестую, чтобы перейти дорогу и успеть надеть на парня наручники, прежде чем он опомнится и встанет, и вдруг услышал рев мотора за долю секунды до того, как какой-то автомобиль явно нарочно и совершенно беззастенчиво наехал на мой трил, отбросив его на несколько метров.

Когда я приподнял голову, то увидел, как парень, весь в крови, втискивается на заднее сиденье машины. Пакет с добавками был у него в руке. Я кое-как поднял трил с асфальта, а когда наконец встал, тот, кто был за рулем, снова дал по газам и наехал на меня второй раз. Трил тащило под рамой автомобиля, и его голова стучала о мостовую с такой силой, что я слышал, как бренчит под черепной коробкой, а потом соединение вдруг прервалось.

Арендный трил был разбит в хлам.

Я снова подключился к своему личному трилу, оставленному в машине на парковке отеля «Монако», выбрался на улицу и побежал к Индепенденс-холл, где уже было полно филадельфийской полиции и работников охраны парка. При виде меня один из полицейских преградил мне дорогу; я вывел значок ФБР на нагрудный дисплей и прошел через заграждение. Ванн стояла рядом с мертвым телом Рамси.

— Где пакет? — спросила она, увидев меня.

— Пропал. И парень, что взял его, тоже.

Она кивнула, а потом показала на Рамси:

— А вот это уже совсем грубо. Убить агента ФБР среди бела дня на глазах у всех.

— Не хотели оставлять свидетелей. — Я кивнул

на сумку, которую Рамси получила взамен своей. — Что там?

— Коробка с пончиками, мать их, — ответила Ванн. — Похоже, ей с самого начала ничего не светило. А эти сумки «Вава» нужны были только для того, чтобы они друг друга узнали.

В толпе полицейских началась какая-то суета, а потом мы увидели троих людей в штатском. Одним из них была Лара Бёрджесс, глава филадельфийского отделения ФБР. Их офис находился в двух кварталах отсюда. Можно было добежать, что они, похоже, и сделали. Двое сопровождавших ее мужчин наклонились к Рамси, а сама Бёрджесс повернулась к нам.

— Агент Ванн, — сказала она, — у вас ровно десять секунд, чтобы объяснить мне, какого хрена здесь происходит и почему один из моих агентов мертв.

— Директор Бёрджесс, агент Рамси мертва, потому что она за взятку согласилась уничтожить улики, необходимые для нашего расследования, а нанявшие ее люди заплатили ей двумя выстрелами в упор.

— Чушь!

— Шейн, — сказала Ванн.

— У меня есть запись ее признания, директор

Бёрджесс, — сообщил я. — Скажите, куда я могу его выслать.

Она растерянно посмотрела на меня, и я понял, что в последний раз, когда мы виделись, я был совсем в другом триле. Спустя секунду до нее дошло, но мне она ничего не ответила и снова повернулась к Ванн.

— Итак, директор Бёрджесс, — с готовностью сказала та, — ваш агент изо всех сил старалась провалить текущее расследование, и мы с вами обе знаем, что всего пару дней назад вы изо всех сил старались помочь ей в этом.

— Не забывайтесь, агент Ванн! — ледяным тоном произнесла Бёрджесс.

— Забавно, — сказала Ванн. — Ваш агент за взятку мешает нашему расследованию, ваша лаборатория по неосмотрительности позволяет вашему агенту испортить важнейшую улику, а вы сами пытаетесь прижать нас за явный косяк вашего сотрудника, после чего просите меня не забываться. Как насчет всего этого, Бёрджесс? В общем, так. У меня для вас два варианта. Номер раз — начиная с этого момента вы по первому требованию и без всяких проволочек предоставляете мне и Шейну все, что нам необходимо для выполнения нашей работы, и в таком случае

нам всем будет хорошо. Номер два — вы отказываетесь, и тогда я, мать вашу, после того как все это закончится, в лепешку расшибусь, но заставлю вас подать прошение об отставке, где вы напишете, что решили уйти из Бюро, чтобы больше времени уделять семье. В этом можете не сомневаться. Так что решайте, директор Бёрджесс, какой вариант для вас предпочтительнее. У вас ровно десять секунд.

Сказать такое о триле, конечно, нельзя, но я действительно смотрел на Ванн с нескрываемым восхищением. Одно дело — разыгрывать плохого копа перед электриком, медбратом или даже агентом ФБР. Но чтобы устроить настоящий разнос главе регионального отделения ФБР, нужна определенная наглость. А Ванн даже не моргнула.

Зато заморгала Бёрджесс.

— Чего вы от меня хотите? — спросила она.

— Я хочу, чтобы вы прямо сейчас взяли Альтона Ортица и Кешию Санборн и доставили их в офис бюро. Нам понадобится комната для допроса. Я хочу, чтобы ваша лаборатория, та самая, что запорола образцы, реабилитировалась и сделала для нас анализы. — Она показала на трил рядом с телом Рамси. — Я хочу, чтобы вы нашли все, что

есть по этому трилу, узнали, кто им управлял и из какого оружия была застрелена Рамси. А еще я хочу сэндвич, потому что так и не пообедала.

— Я все сделаю, — пообещала Бёрджесс.

— Прямо сейчас, — сказала Ванн.

— Я поняла вас, агент Ванн.

Ванн повернулась ко мне.

— Что вы хотите на Рождество? — спросила она.

— Пробить номерной знак машины, получить доступ ко всем камерам видеонаблюдения в этом районе, — ответил я. — И ориентировку на трех человек.

— Кто они? — спросила Бёрджесс.

— Скоро я вышлю вам портреты. Надо пробить их по базе. Еще мне нужен монитор. Можно поставить его в той комнате, которую вы выделите нам для допроса. И мне, э-э, надо, чтобы кто-нибудь забрал мой арендный трил, который я оставил на Шестой.

Бёрджесс посмотрела на меня:

— Оставили?

— Его сбила машина. Дважды. — Я показал в сторону Честнат-стрит, где находилось прокатное бюро. — Хорошо, если кто-нибудь объяснит им, что случилось с трилом.

— Надеюсь, вы не намекаете на то, что мы должны возместить ущерб из нашего бюджета, агент Шейн?

Я взглянул на Ванн, но она только пожала плечами.

— Нет, мэм, не намекаю. Ущерб я возмещу сам.

— Похоже, вам не слишком везет с трилами.

— Мэм, вы не первая, кто это заметил.

Бёрджесс кивнула:

— Агент Шейн, агент Ванн, я незамедлительно выполню все ваши требования. Только, Ванн, одна маленькая просьба.

— Слушаю.

— Попытайтесь не обращаться с моими сотрудниками так же по-свински, как вы сейчас обращались со мной. — Она кивнула на тело Рамси. — Мы все сегодня потеряли коллегу. Брала она взятки или нет — это отдельный вопрос. Но ее все любили. Если вы позволите себе дурно говорить о ней, не исключено, что кто-нибудь вас пристрелит.

— Ваши родители не учили вас посмотреть в обе стороны, прежде чем переходить дорогу? — спросила Ванн.

Она просматривала видео, где меня сбивает машиной, то и дело отматывая пультом изобра-

жение вперед-назад. Видимо, ей очень нравился момент, когда мой трил летел после резкого толчка бампером.

— Не думаю, что, посмотрев в обе стороны, я бы смог увернуться от машины, которая нацелилась конкретно на меня, — ответил я.

— Может, и не смогли бы, — согласилась Ванн.

Прежде чем она успела сказать что-то еще, в комнату в сопровождении двух офицеров вошли Альтон Ортиц и Кешия Санборн. Офицеры усадили их перед нами и сразу же ушли.

Кешия Санборн не стала терять время.

— Это возмутительно! — заявила она. — Мало того что вы притащили сюда моего клиента, так вы еще и меня…

— Рот закройте, — сказала ей Ванн и повернулась ко мне. — Покажите им.

Я вывел на монитор видео, на котором Рамси передавала сумку с добавками, а потом была убита выстрелами в голову и грудь. Ортиц поморщился. Санборн недоуменно смотрела на экран.

— Что это? — спросила она.

— Запись того, как была застрелена агент ФБР после передачи второго пакета с добавками некоему лицу, нанявшему ее для этой работы, — сообщила Ванн. — Того самого второго пакета,

мисс Санборн, который с большой вероятностью мог снять с вашего клиента обвинение в убийстве.

Санборн явно хотела ответить, но почему-то передумала.

— Ну надо же! Вы только взгляните! — заметила Ванн. — Всегда приятно видеть, когда адвокаты вспоминают о том, что тоже могут нуждаться в защите.

— Что происходит? — спросил у меня Ортиц.

— Если мы правильно понимаем, ваш адвокат передавала информацию о вашем деле некой третьей стороне, — ответил я. — И эта третья сторона неизменно пытается сделать из вас мальчика для битья в деле убийства Дуйэна Чэпмена путем искажения, уничтожения и сокрытия улик. — Я отмотал видео назад и остановил его. — Вот, например. Этот пакет с добавками для капельницы теперь исчез, и мы не знаем, где он.

— И если бы мы не солгали вашему адвокату о том, где будем находиться ближайшие два часа, мы бы сейчас все вместе рыскали по дому Чэпмена в напрасных поисках этой улики и даже не знали бы, что она украдена, — подключилась Ванн. — Мы бы не смогли найти ее, отчего пришли бы в ярость и подозревали бы вас, мистер

Ортиц. И тогда вы оказались бы в гораздо худшем положении, что позволило бы мисс Санборн снова подталкивать вас к признанию.

— Хоть что-нибудь из всего этого правда? — спросил Ортиц у адвоката.

— Альтон, послушайте… — начала Санборн.

Ортиц поднял руку.

— Вам достаточно было ответить «нет»! — сказал он. — «Нет», понимаете? В первую же секунду. Вы уволены, мать вашу!

Ванн постучала по стеклу смотрового окна, чтобы привлечь внимание ожидавших за дверью фэбээровцев. Один из них зашел в комнату.

— Выведите ее, но держите поблизости, — попросила Ванн, указав на Санборн.

Адвокат вышла, не проронив ни слова.

— Вы имеете право на адвоката, — напомнил я Ортицу.

— Ну да, — горько усмехнулся он, — до сих пор они мне так хорошо помогали. — Он обхватил голову руками и сидел так несколько секунд, потом опустил руки, глубоко вздохнул и посмотрел на нас. — Задавайте свои вопросы.

— Почему вы убегали от нас в тот первый раз? — спросила Ванн.

— Потому что сгорела квартира Дуэйна, а я по-

думал, что ваши ребята знают про моего кузена.

— Вы же не просили его поджигать квартиру, — сказал я.

— Нет, но она сгорела. Увидев вас, я запаниковал. Других оправданий у меня нет.

— Вы знали о том, что у Дуэйна роман с Ким Силвой?

— Да, знал. Мы были друзьями. Он сразу мне сказал.

— А у вас, в свою очередь, был роман с Марлой Чэпмен?

— Да.

— Почему? — спросила Ванн.

Ортиц растерянно посмотрел на нее:

— Что значит «почему»? Так получилось, наверное. Дуэйн развлекался на стороне, у меня ни с кем не было отношений, Марла сделала первый шаг — так все и началось. Я не придавал этому большого значения.

— Вы любили Марлу Чэпмен? — спросил я.

— Нет. Любовь тут ни при чем. Марла была зла на мужа, я хотел трахаться. Она мне нравилась. Думаю, и я ей нравился, но все же она в первую очередь мстила Дуйэну.

— И вы спокойно это приняли? — спросила Ванн.

— Агент Ванн, я не горжусь тем, что получал удовольствие от секса, — сказал Ортиц. — Но это правда.

— Значит, вы не хотели смерти Дуйэна? — спросил я.

— Да нет, конечно. И Марла никогда не хотела, если это ваш следующий вопрос.

— То есть она не хотела его смерти, но хотела с ним развестись, — уточнил я. — И вы согласились ей помочь.

— Агент Шейн, я совершенно точно знаю, что их брак долго бы не продлился, — сказал Ортиц, — и я не видел ничего ужасного в том, чтобы помочь им обоим покончить с этим раз и навсегда. Это как отлепить пластырь.

— И вы попросили своего кузена о помощи в тот самый день, когда умер Дуэйн.

— Я попросил Педро еще раньше. Просто так получилось, что отключение электроэнергии было назначено на этот день.

— Чертовски странное совпадение, — заметила Ванн.

Ортиц умоляюще сложил руки.

— Даже не знаю, что вам на это ответить, агент Ванн, — сказал он.

— Как вы познакомились с мисс Санборн? —

спросил я.

— Она сама связалась со мной. Сказала, что лига очень обеспокоена моим положением, и предложила бесплатную помощь. У меня ведь нет денег на адвокатов. Конечно, я с радостью согласился.

— И что вы рассказали ей? — спросила Ванн.

— Как это «что рассказал»? Всю правду рассказал: про нас с Марлой, про Дуэйна и Ким Силву и про то, что Дуэйн тайком воспользовался ее добавками.

— Но вы не рассказали ей о втором пакете, — напомнил я.

— Просто вылетело из головы. Я рассказал ей о квартире и для чего она была нужна. Даже про этого тупого кота рассказал.

— Про кота? — переспросил я.

— Ну да, — сказал Ортиц. — Силва держала кота в той квартире. Дуэйн еще мне говорил, что она якобы приготовила ему какой-то сюрприз, но, чтобы все получилось, кот должен быть жив и здоров, поэтому с ним нужно хорошо обращаться.

— Что за сюрприз?

— Не знаю. Дуэйн, скорее всего, тоже не знал. У этого кота в ошейнике была встроенная база данных, может, сюрприз с этим связан, но Дуэйн

никогда не спрашивал у Ким, что там.

— А с котом-то он хорошо обращался? — спросила Ванн.

— Да откуда мне знать? Наверное, хорошо, раз они с Силвой продолжали встречаться. Вы же не будете трахаться с тем, кто ненавидит ваших домашних питомцев? Кстати, а что с котом?

— Умер, — глянув на меня, сказала Ванн.

— Кто-то убил кота? Господи боже!

— Силва думает, что Дуэйн любил ее, — сказал я Ортицу.

Он пожал плечами:

— Может, и любил.

— И это все, что вы можете сказать?

— Она ему нравилась. И у них были похожие… вкусы, назовем это так. Дуэйн ведь был слегка чокнутым. Вы же видели трилы в той квартире? — (Я кивнул.) — Он перепробовал их все, любил примерять разные роли. С Марлой такое было бы просто невозможно.

— Потому что у нее там всегда все было одного пола, — сказала Ванн.

— Потому что Марла очень обыкновенная, — ответил Ортиц. — Ей нравилось только то, что нравилось, и ничего больше.

— А вас это устраивало.

— Я и сам человек простой. А вот Дуэйн — совсем другое дело, и Ким привлекала в нем именно его неординарность. По-вашему, это любовь? Я так не думаю. Но Дуэйну было хорошо с ней.

— Вы считаете, Марла Чэпмен могла выстрелить в Силву? — спросил я.

— Кто знает? Она, конечно, очень злилась. Но в доме не было оружия, и я почти уверен, что она не умела стрелять. И уж стопудово была не из тех, кто кончает с собой. Представить, что она попыталась отомстить Ким, я могу легко. Если не убить, то хотя бы причинить боль. Но уж точно не так, как рассказывают. И наверняка после этого не стала бы стрелять в себя, поверьте мне.

— И вы все это обсуждали с Санборн.

— Мы почти не говорили о смерти Марлы, но об остальном — да, — признался Ортиц. — А почему не обсудить? Она мой адвокат, вернее, была моим адвокатом. Я ведь думал, она на моей стороне. — Он замолчал и посмотрел на экран, где в застывшем кадре Рамси передавала сумку «Вава» парню в капюшоне. — Значит, говорите, это все из-за меня?

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

Он указал на Рамси:

— Если бы я не сказал про второй пакет Сан-

борн, эта женщина была бы сейчас жива. Ее смерть на моей совести.

— Агент Рамси сама сделала свой выбор, — заметила Ванн.

— Пусть так, но если бы я не рассказал адвокату про пакет, ей, возможно, не пришлось бы стоять перед выбором.

— Мистер Ортиц, вас просто использовали, вот и все, — сказала Ванн. — Если вам хочется винить себя за то, что вас одурачили, это ваше дело. Но лучше не надо.

Ортиц кивнул и посмотрел на нас обоих по очереди.

— И что теперь? — спросил он.

— Мы не собираемся вас задерживать, если вы об этом, — ответил я. — Но мне кажется, вам лучше остаться здесь на пару дней, чтобы быть под нашей защитой.

— Потому что кто-то может попытаться меня убить, как убили Дуэйна и Марлу?

— Думаю, разумнее будет подстраховаться, — заметил я.

— Это точно, — согласился Ортиц и снова взглянул на экран. — Значит, тот парень забрал пакет.

— Да.

— И не осталось никаких доказательств, что это не я убил Дуэйна?

— Пакет был нужен нам не для того, чтобы доказать вашу невиновность, — сказала Ванн. — А для того, чтобы доказать вину кого-то другого.

— Но у вас и этого нет. — Он показал на монитор. — И того парня вы не взяли.

— Нет, — подтвердил я.

— Получается, у вас нет ничего.

Я повернулся к Ванн:

— Мы можем ему показать?

— Почему нет? — ответила она.

Я взял со стола портфель Ванн и вынул из него пластиковый запечатанный пакет для улик со шприцами внутри.

— Что это? — спросил Ортиц, когда я положил пакет перед ним.

— Шприцы с добавками для капельницы, — сказал я. — Перед тем как организовать передачу, мы взяли немного из того пакета. Сейчас эту смесь исследуют в лаборатории.

— Видите? Мы все-таки не такие тупые, — добавила Ванн.

Глава 21

— Давайте покончим с этим поскорей, — объявила нам Бёрджесс, вытаскивая разлинованный блокнот. — Первое. Предоставленный вами пакет для капельницы содержит некий фармацевтический состав, зарегистрированный как «аттентекс». Кстати, лаборатория благодарит вас за конкретное направление поиска. Это очень ускорило работу.

— Всегда рады помочь, — сказала Ванн.

Бёрджесс бросила на нее короткий взгляд — видимо, чтобы оценить степень сарказма, но все же продолжила:

— Второе. Судмедэксперт также повторно проверила кровь на содержание аттентекса. И ничего не нашла.

— Да ладно, — не поверил я.

— Не нашла, — повторила Бёрджесс. — Однако в крови обнаружились компоненты аттентекса. Видимо, со временем он разрушается. Она начала мне рассказывать что-то про водородные связи, но я сказала, что мне нет до этого дела, и попросила просто выслать полный отчет, что она и сделает через несколько минут. А если коротко,

то скоро в вашем распоряжении будет настоящая улика.

— Неплохо, — сказал я. — Что еще?

Бёрджесс перевернула страницу блокнота:

— Номерной знак, который вас интересовал, был снят с другой машины несколько дней назад, так что здесь, скорее всего, тупик, хотя автомобиль с таким номером прошлой ночью камеры засекли на Масс-Пайк. Съезд Брайтон—Кембридж. Он проехала без оплаты, поэтому номер был сфотографирован для оформления штрафа.

— Это бы объяснило появление Марлы Чэпмен возле дома Ким Силвы, — сказал я Ванн.

— Возможно, — согласилась она.

— Теперь о тех троих в машине, — продолжала Бёрджесс. — Очаровательные люди, между прочим. Агент Шейн, человек, за которым вы гонялись по городу, — это Кристиан Эриксон, типичная уголовная шваль, был осужден на короткие сроки за разные мелкие преступления по всему Восточному побережью. Мы пасем его вместе с полицией Филадельфии. Они ведут наблюдение за ним по его последнему адресу.

— Он там не появится, — сказала Ванн.

— Не надо переоценивать его умственные способности. Этого вовсе нельзя исключать. Во-

дителя зовут Терри Эббот. Несколько лет назад отсидел за нанесение телесных повреждений, но с тех пор вел себя тихо. До этого времени, конечно. Долго работал таксистом, но недавно устроился водителем в компанию «Ливитт шиппинг».

— Она занимается чем-то незаконным? — спросил я.

— За то время, что вы отвели нам на поиски, мы ничего не обнаружили, — ответила Бёрджесс. — Это местная компания, существует примерно с тридцатых годов прошлого века, лет десять назад ее купила одна международная корпорация.

— Какая?

Бёрджесс перелистнула еще одну страницу:

— «Ричу энтерпрайзис»? Не знаю таких.

— Она находится в Сингапуре, — подсказал я.

— И вы вот так, с ходу, выдаете эту информацию, агент Шейн? — удивилась Бёрджесс.

— Неделя была длинной.

— Не сомневаюсь. Полиция Филадельфии тоже ищет мистера Эббота. Третий персонаж был для нас загадкой, так как у него нет криминального прошлого и он ни разу не засветился в наших базах данных. Но поскольку вы, агент Шейн, достаточно долго стояли неподвижно, чтобы сделать довольно четкий снимок…

— Я не просто так встал перед едущей машиной, — объяснил я Ванн, но она только пожала плечами.

— …мы пошли дальше и запустили поиск изображений в интернете. И благодаря волшебной силе социальных сетей получили некоего Филиппа Такера, уроженца Ипсвича, Англия, чьи онлайн-профили представляют его как помощника-референта Мартина Лау, который, в свою очередь, является…

— Юрисконсультом «Ричу энтерпрайзис», — договорил я.

— Вообще-то, у меня написано: «Ливитт шиппинг», но да, — сказала Бёрджесс. — Ни Лау, ни Такер не граждане США, поэтому, когда они попытаются покинуть страну, наши коллеги на пограничном контроле пригласят их для беседы.

— Они уже покинули, — заметила Ванн.

— Возможно, — согласилась Бёрджесс. — В этом случае вернутся они не скоро. — Она положила блокнот на стол. — А теперь скажите, что это все значит для вас?

— Это значит, директор Бёрджесс, что пора пригласить сюда мисс Санборн.

— Ванн, сегодня погиб один из моих агентов. Я должна знать почему.

— Приведите Санборн, Бёрджесс, — сказала Ванн. — И оставайтесь в комнате.

— Хорошо. — Бёрджесс встала. — К вашему сведению, Санборн уже обзавелась адвокатом.

— Замечательно, — сказала Ванн. — Мы любим адвокатов.

— Мисс Санборн нечего вам сказать, — заявил адвокат Санборн, до невозможности липкий тип, назвавшийся Доусоном Кёртисом.

Он сидел рядом со своей клиенткой, которая, как и было обещано, не открывала рта. Они находились с одной стороны большого стола в комнате для совещаний, мы с Ванн и Бёрджесс — напротив.

— Мне и не нужно, чтобы она говорила, — ответила Ванн. — Единственное, что мне нужно от вас обоих, — чтобы вы слушали. И смотрели. — Она положила перед ними пакет для улик со шприцами внутри. — Это улика, которая доказывает, что Чэпмена убил не Ортиц, а кто-то другой. Мы добыли ее вопреки попыткам вашей клиентки ее уничтожить. У нас есть ордера на проверку ее телефонов, компьютеров и прочего барахла для коммуникации, которым она пользовалась последние три года. Ее бывший клиент Альтон Ортиц теперь сотрудничает с нами и уже пе-

речислил нам все, чем он делился с ней как со своим адвокатом.

— Кстати, он сейчас под федеральной защитой очень далеко отсюда, — вставил я.

— Несомненно, — подтвердила Ванн. — Потому что из-за вашей клиентки погиб федеральный агент и мы располагаем доказательствами, связывающими ее с нападением на еще одного федерального агента…

Я помахал им рукой.

— …и это не считая целого ряда других обвинений. — Ванн посмотрела на Санборн. — Вы находились в комнате, когда мы зачитывали обвинения вашему бывшему клиенту. Бóльшая их часть теперь достается вам.

— И еще другие, — осмелился я.

— Да как много-то! — подхватила Ванн. — Поэтому мне совсем не нужно, чтобы вы говорили и вообще делали хоть что-нибудь, Санборн. Вы уже попали. И материала у нас хватит, чтобы вы просидели в тюрьме до второго пришествия. Вас привели сюда вовсе не для разговоров, Санборн. А только лишь для того, чтобы я имела удовольствие сказать вам, с какой радостью я отправлю вас гнить за решеткой до конца вашей гребаной жизни. — Она рывком встала из-за стола, бросив

Кёртису: — Я закончила с вашей клиенткой.

— Подождите, — тихо сказала Санборн.

— С чего бы? — ответила Ванн. — Вы ведь не собирались говорить, Санборн.

— Подождите, — повторила Санборн, и в ее голосе послышались сдавленные рыдания.

Ванн молча ждала.

— Кешия, — заволновался Кёртис и, когда она подняла руку, тяжело вздохнул, но больше ничего не сказал.

— Вы говорили Альтону, что вас интересует не он, а фигуры покрупнее, — наконец произнесла Санборн.

— Это правда, — подтвердила Ванн. — Но только не после того, как прямо напротив Индепенденс-холл была застрелена агент ФБР. — Она показала на Бёрджесс. — Скажите присутствующей здесь главе департамента, что вы заслуживаете снисхождения после того, как одна из ее сотрудниц была убита при передаче слитой вами информации. Мне бы очень хотелось посмотреть, как вы это скажете.

Санборн посмотрела на Бёрджесс, но лицо той оставалось непроницаемым.

— Я не знала, что ее хотят убить!

— Хватит тут уже заливать! — взбеленилась

Ванн. — Дуэйн Чэпмен мертв. Марла Чэпмен мертва. Алекс Кауфман мертв. Ким Силва ранена в живот. Да еще ее кота кто-то пытался прикончить. — Она снова села. — И все это произошло до того, как вы совершили тот сегодняшний звонок. Так что не смейте врать, будто вы не знали, что смерть агента Рамси была частью плана.

Теперь Санборн действительно заплакала.

Мы немного понаблюдали за ее всхлипываниями, а потом Кёртис откашлялся и посмотрел на нас.

— Давайте поговорим о том, чего вы хотите, — сказал он.

Ванн показала на Санборн:

— Я уже всем довольна, мистер Кёртис.

Кёртис моргнул и спросил у меня:

— Агент Шейн?

— Мы хотим всё, — ответил я. — От начала и до конца.

— Это слишком много, — заметил Кёртис.

— Да, много, — подтвердил я. — Ваша клиентка останется здесь и расскажет сотрудникам управления ФБР Филадельфии все до последней мелочи. Зная при этом, что им известно о ее причастности к смерти их коллеги.

— И что будет потом, после того, как она рас-

скажет? — спросил Кёртис.

Я повернулся к Бёрджесс:

— Ваш агент — вам решать.

Бёрджесс посмотрела на Санборн как на насекомое и молчала почти целую минуту.

— Сначала пусть расскажет все, а потом поговорим, — наконец сказала она. — Но буду с вами предельно откровенной, мистер Кёртис, мисс Санборн. Кто-то обязательно проведет остаток жизни в тюрьме за смерть агента Рамси. Если ваша клиентка не хочет оказаться этим человеком, пусть она очень сильно постарается убедить меня в том, что это не должна быть она. Я понятно объяснила?

Кёртис кивнул.

— Вы не могли бы оставить нас на несколько минут? — попросил он.

— Приятно сознавать, что я не единственный человек, кого вы сегодня прессовали, — сказала Бёрджесс, обращаясь к Ванн, когда мы все втроем вышли из комнаты.

— Это мой подарок, — пожала плечами Ванн.

— Весьма своеобразный, — оценила Бёрджесс и кивком показала на Санборн, которая все еще плакала. — Хотите провести допрос?

Ванн покачала головой.

— Нам нужно еще встретиться с другими, пока они не успели согласовать свои показания, — ответила она. — К ней у меня только один вопрос, потом она ваша.

Кёртис посмотрел на нас через стекло и жестом пригласил вернуться в комнату.

— Как вы намерены поступить дальше? — спросил он, когда мы вошли.

— Это решать директору, — отрезала Ванн. — Мне нужно знать только одно: кому в лиге ваша клиентка передавала информацию?

— В лиге — никому, — ответила Санборн.

— Никому? — сухо переспросила Ванн.

Санборн помотала головой.

— Тогда объясняйте — кратко и по делу.

— У меня сотни тысяч долларов долга по займам на образование. Задолженность по кредитной карте. У моих родителей фиксированный доход, и мои брат с сестрой почти не помогают им. Я — младший юрисконсульт лиги, таким они много не платят. В общем, я на мели, ясно? В прошлом году ко мне обратились с одним предложением. Поделиться конфиденциальной информацией о делах лиги в обмен на помощь.

— Денежную помощь?

Санборн помотала головой:

— Позвонила мама и сказала, что какой-то неизвестный покупатель вдруг начал приобретать папины деревянные скульптуры за какие-то немыслимые деньги. Половину из них папа стал перечислять в счет погашения моих займов по образованию, потому что родители в таком случае освобождаются от налогов. Напрямую я ничего не получила, тем не менее сделка оказалась для меня выгодной.

— Кто покупатель? — спросил я.

— Он не знает. Все оформлялось через арт-дилера, — ответила Санборн и грустно усмехнулась. — Делать скульптуры из плавника было папиным хобби еще в моем детстве, но только сейчас загадочным образом на них возник спрос. Он даже в шутку стал называть себя Бабушкой Мозес[47].

— Почему вы? — спросила Ванн.

— Я работаю в офисе Оливера Медины. Вижу и слышу практически все.

— Но лига предложила вам защищать Ортица.

— Нет, я сама вызвалась. Медина посчитал это хорошей идеей. Он сторонник бесплатных юридических услуг.

---

[47] Примечания: 47

Анна Мэри Мозес (1860–1961) — американская художница-любительница, впервые написавшая картину в 76 лет и ставшая одним из основных представителей примитивизма в истории США.

— Кто давал вам задание? С кем вы контактировали? — спросила Ванн.

— Сейчас это в основном зашифрованные сообщения. Но в самый первый раз я разговаривала с одной женщиной. Она сказала, что представляет другую заинтересованную сторону. Мы тогда были в Вашингтоне, готовили почву для создания местной команды.

— Вы разговаривали с ней на деловой встрече? — спросил я.

— Нет, в баре отеля. Она купила мне выпивку, и я решила, что она хочет меня склеить. — Санборн опять усмехнулась. — Так, в общем-то, и было.

Я чуть подумал и вывел на монитор фотографию:

— Это она?

От изумления Санборн даже не сразу смогла ответить.

— Да, — наконец выговорила она. — Откуда вы знаете?

Ванн и Бёрджесс тоже повернулись, чтобы посмотреть на экран.

Это была Лена Фаулер.

Глава 22

— Слышал, ты разнес очередной трил, — сказал Тони.

Я связался с ним, пока мы с Ванн так быстро, как только могли, ехали к дому Лены Фаулер — благо движение на вашингтонских дорогах в этот ранний вечер было еще не таким оживленным. Ванн сидела за рулем. А поскольку это была машина моих родителей, я нервничал.

— Как ты узнал? — спросил я.

— Ты столько раз снабжал меня работой из вашего ведомства, что я уже обзавелся своими источниками. Так это правда?

— Не я разнес, а машина, — поправил я.

— То есть тебя сбило машиной.

— Дважды.

— Ну да, первый раз на пробу, а второй, чтобы, значит, наверняка? — спросил Тони. — Слушай, а на тебя ведь в детстве тоже машина наехала?

— Грузовик.

— Да без разницы. Три раза! Это же сакральная цифра, Крис. Поздравляю. Правда, довольно затратно получается. Может, найдешь хобби подешевле? Кокаин, например.

— Буду иметь в виду, — пообещал я. — Вообще-то, ты мне нужен по делу.

— Ну конечно! — воскликнул он. — Это одно из твоих качеств, которые я ценю больше всего.

— В пакете с добавками обнаружен аттентекс, — сообщил я.

— Разумеется, обнаружен. Как без него?

— Но аттентекс неэффективен без электростимуляции.

— Так нам сказала Тайла.

— Я хочу, чтобы ты прямо сейчас выяснил, как происходит эта самая электростимуляция.

— Насколько я понимаю, тебя интересует нечто, отличное от официальной версии о компании «Нейросел».

— Ты правильно понимаешь. И еще кое-что.

— Не могу дождаться.

— Узнай, как она могла быть проведена, чтобы подействовать на Дуэйна Чэпмена, на Клементе Сальсидо и на Ким Силву.

— И все? Я-то думал, ты попросишь что-нибудь по-настоящему заковыристое.

— Было бы круто, если бы ты дал ответ в ближайший час.

— Да без проблем, — ответил Тони. — Только и ценник будет соответствующий, так что го-

товься.

— Учитывая, сколько работы я тебе даю, мог бы и скидку сделать с объема.

— Вот уж нет. Знаешь старую поговорку? Быстро, качественно, недорого — выбери два. Ты выбрал быстро и качественно. Недорого только что за дверь вышло.

— Тогда пусть это хотя бы стоит моих денег, Тони, — попросил я.

— У меня по-другому не бывает, — заверил он и отключился.

— Тони все сделает, — сообщил я Ванн.

— Не понимаю, почему мы до сих пор не взяли его в штат, — ответила она.

— Я его как-то спросил. Он сказал, что консультантом больше заработает и допуск секретный у него уже есть, а это единственная крутая вещь, которую можно поиметь с нашей конторы.

— Не единственная. Можно еще в людей стрелять.

— Что в этом крутого? Кровь, смерть, куча бумажной волокиты потом.

Ванн посмотрела на меня:

— Крис, у меня и так паршивый день. Сделайте одолжение.

Мы свернули на улицу, где жила Фаулер, и тут

же увидели карнавал из красно-синих мигающих огней прямо перед ее домом.

— Твою ж мать, — выругалась Ванн и подъехала к заграждению на дороге.

К нам тут же направился коп, размахивая руками.

— Разворачивайтесь, — велел он.

Ванн выдернула из кармана бумажник и показала значок.

— Скажите, где припарковаться, — бросила она.

Полицейский не обратил на значок никакого внимания.

— Я сказал, разворачивайтесь, — повторил он.

— А я сказала: где мне припарковаться? — набычилась Ванн. — Офицер… э-э… — она присмотрелась к бейджу, — Уилер, если вы намерены и дальше мериться яйцами, уж поверьте, я найду способ, как сделать вас школьным охранником до конца вашего земного существования.

Уилер раздраженно посмотрел на нее.

— Вы что, действительно такая сволочь? — спросил он.

— Да, — ответила Ванн. — Я сволочь. А теперь скажите, где припарковаться.

Уилер решил, что мы не сто́им его времени, и

пошел к следующей машине, чтобы их тоже развернуть. Ванн решила, что мы уже на парковке, и вышла.

— Если нас увезет эвакуатор, платите вы, — предупредил я.

Ванн направилась прямиком к дому Фаулер и жестом поманила меня за собой. Внутри толпилась арлингтонская полиция; все пытались казаться важными, но на самом деле выглядели глуповатыми зеваками. Ванн нашла среди них главного и приказала вывести всех из помещения.

В общем, Фаулер мы нашли мертвой. Но этот труп оказался не единственным.

— Вам он не кажется знакомым? — спросила Ванн.

Она показала на человека, скорчившегося на полу гостиной. Примерно пол-лица у него было отхвачено ножом, все еще зажатым в руке Фаулер, но то, что осталось, действительно показалось мне знакомым.

— Терри Эббот, — сказал я.

Трудно забыть того, кто наехал на тебя дважды.

— Ну надо же. — Ванн прошла на кухню. — А тут у нас Филипп Такер. Мертвый как полено.

— Как это произошло?

— Похоже, зарезан. Судя по всему, те годы в «Школе Америк» научили ее неплохо обращаться с ножом.

Я посмотрел на Фаулер с дырой во лбу. Пулю, очевидно, выпустил Эббот, который еще сжимал пистолет. Другая рана зияла у Фаулер в боку. Я предположил, что она появилась первой.

— А вот и участник под номером три, — сообщила Ванн откуда-то из глубины дома.

Я нашел ее в уборной, где, втиснутый между унитазом и ванной, в луже крови, следы от которой тянулись до кухни, лежал третий.

— Мартин Лау, — узнал я.

— Эббот и Такер вернулись на удивление вовремя, чтобы закончить вот так, — сказала Ванн.

Снова подойдя к Фаулер, я наклонился и заметил что-то на ее запястье. Это был номер 73 495, написанный черным фломастером. Я подозвал Ванн, чтобы она тоже посмотрела.

— Это что, почтовый индекс? — предположила она.

Поиски в сети результатов не дали, я хотел сказать об этом Ванн, но она уже ходила по гостиной, заглядывая во все углы. Внезапно она резко развернулась и пошла в заднюю часть дома, я

встал и поплелся за ней.

Ванн стояла в спальне Фаулер и отодвигала дверь шкафа.

— Это здесь. — Она повернулась ко мне и ткнула пальцем в шкаф. — Вводите код.

Я подошел ближе. В шкафу был безопасный сейф с кодовым замком. Я набрал 73 495, дверь пискнула и открылась.

Внутри лежали пистолет с патронами и отдельно полный магазин, паспорт и свидетельство о рождении, еще один паспорт и еще одно свидетельство о рождении, уже с другой фамилией, пять тысяч долларов наличными, еще тысяча в евро и фунтах и большая папка с прилепленным на ней стикером.

На стикере было написано: «Агентам Ванн и Шейну, ФБР».

В папке лежал целый ворох компромата.

— Она знала, что мы придем, — быстро перебирая страницы, сказал я.

— Она просто видела, как растет гора трупов, — отозвалась Ванн. — И знала, что мы вернемся за ней.

— Там еще что-то есть, — заметил я и вытащил планшет.

Экран был черным. Я осторожно нажал кнопку

включения, и на экране появилось снятое на «рыбий глаз» изображение кухни и гостиной. Следы кровавой расправы деликатно остались за пределами основного фокуса над кухонным столом.

Ванн посмотрела на планшет и быстро вышла из комнаты. Секундой позже я увидел на экране, как она входит в гостиную.

— Это в реальном времени! — закричал я и, присмотревшись повнимательнее, увидел внизу экрана таймер. — Он записывает!

Ванн вернулась в спальню и кивнула на планшет:

— Сможете отмотать?

Я кивнул и потянул ползунок времени назад. По экрану спиной вперед побежала арлингтонская полиция, потом долго не было ничего, кроме мертвых тел. Вслед за этим мертвецы снова ожили и после нескольких минут запущенного в обратном порядке убийства уселись за кухонный стол. На этом месте я остановил перемотку, включил воспроизведение, и мы стали смотреть видео без звука.

За столом сидели все четверо, Фаулер и Лау явно ругались. Через какое-то время Лау что-то сказал Эбботу, сидевшему напротив Фаулер. Эббот выхватил пистолет и выстрелил в Фаулер.

Она резко наклонилась в сторону, нырнула под стол и откуда-то извлекла нож. Лезвие дернулось влево, резанув Лау по шее. Он упал со стула, зажал рану руками и отполз подальше от Фаулер.

Эббот выстрелил снова, по меньшей мере дважды, и оба раза промазал. Фаулер перекинула нож в другую руку и полоснула Эббота по лицу, срезав изрядную часть, а потом еще вонзила нож ему в шею. Такер к тому времени уже вскочил и в отчаянии пытался убежать от нее, но она настигла его и очень профессионально разрезала ему по меньшей мере три главные артерии. Поглощенная этим занятием, она не заметила, как лежащий на полу Эббот поднял пистолет, а когда повернулась, он выстрелил ей в лоб.

Фаулер упала, не выпустив ножа из руки. Эббот опустил пистолет и больше не шевелился.

— Зрелище не из приятных, — сказал я.

— Вы взяли запись? — спросила Ванн.

— Уже переписал себе.

Ванн кивнула и снова вышла из спальни. Я положил планшет на место, забрал пухлую папку с бумагами и прошел за ней в кухню. Она стояла, наклонившись над столом. Потом жестом предложила сделать то же самое.

К нижней поверхности стола скотчем был

приклеен короткоствольный револьвер. Рядом болтался обрывок скотча — на том месте, где раньше был нож.

— Почему она выбрала нож? — спросил я.

— Скорее всего, просто схватила то, что первое попалось под руку.

— Будь это револьвер, она могла бы выжить.

— Не думаю, что если бы она надеялась выжить, то рассказала бы нам про документы. — Ванн кивнула на цифры на запястье Фаулер. — А так у нее еще оставалась возможность для последнего маневра. Дескать, «если я отправлюсь в ад, то и вас прихвачу с собой».

— Как мило с ее стороны было подумать о нас в такой момент.

— Нам что теперь, почетный караул ей вызвать? — проворчала Ванн.

В дверях показался какой-то тип в штатском и злобно уставился на Ванн. По бокам от него стояли полицейские в форме.

— Какого хрена вы велели моим людям покинуть место преступления? — рявкнул он.

— Мне кажется, это глава арлингтонской полиции, — любезно сообщил я Ванн, и она смерила меня испепеляющим взглядом.

— Я задал вопрос, — угрожающе напомнил

тип.

— Я из ФБР, — ответила она. — Ваши люди уже могут вернуться. Мы узнали все, за чем пришли.

— Как вы держитесь? — спросил я. — Денек нам достался еще тот.

— Я бы покурила. — она многозначительно посмотрела на меня.

— Машина родителей, — напомнил я, когда мы свернули на Калорама-роуд.

— У ваших родителей наверняка уйма машин. Они даже не узнают.

— Я вам так скажу, — ответил я, когда машина сама припарковалась возле тротуара через дорогу от здания в тюдоровском стиле, куда мы и направлялись, — попробуйте привести аргументы подобного рода моей маме. Если она согласится с ними, курите в этой машине столько, сколько захотите. Но вы должны попытаться ее убедить.

— Я пас, — сказала Ванн.

— Знаете, а ведь вы очень нравитесь моей маме.

— Явно не настолько. — Она вышла из машины.

Мы перешли улицу и поднялись по ступенькам крыльца, сделанного в форме симпатичной башенки.

— Мы хотели бы видеть Амели Паркер, — сообщил я женщине, открывшей дверь.

— Уже почти одиннадцать вечера, — ответила она.

— Так и есть, — подтвердила Ванн. — Амели Паркер, будьте так добры.

— Ей нездоровится. Вы не можете войти.

— Еще как можем, — заявила Ванн и показала ей ордер, на который женщина безучастно смотрела несколько секунд.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Уинифред Гловер, я ночная сиделка мисс Паркер.

— Миссис Гловер, вам придется пустить нас, — сказал я. — У нас ордер на арест мисс Паркер.

Снова тот же безучастный взгляд.

— Как… как вы собираетесь ее арестовать? — наконец спросила она. — Она же хаден.

— Скоро приедет специальный транспорт. А вы пока, пожалуйста, проведите нас к ней, мисс Гловер.

На лице женщины отобразились искреннее страдание и растерянность. Ванн, которая уже начала дергаться от нехватки никотина, проявляла явное нетерпение. Я поднял руку, призывая ее не отрывать несчастной Гловер голову.

— В чем дело? — спросил я сиделку.

— Ее здесь нет, — с неожиданным пылом быстро заговорила она. — Я имею в виду ее тело. Оно исчезло. Ее «колыбель» для перемещений тоже. Когда я пришла на смену, мисс Паркер уже здесь не было. Я не знаю, где она.

— А обычно она где? — спросил я.

Гловер указала на большую комнату в глубине первого этажа. Ванн сразу направилась туда, а я снова обратился к Гловер:

— Вы спрашивали у дневной сиделки, где она может быть?

— Когда я пришла, Кэрол не было в доме. Никого не было. Я просто набрала код и вошла.

— Когда это было?

— В шесть вечера.

Ванн вернулась из комнаты.

— Все обесточено, — объявила она. — Я проверю весь дом.

— Мисс Паркер имеет привычку внезапно уезжать? — спросил я сиделку, когда она ушла.

— Нет, — ответила Гловер. — Она покидает дом — я имею в виду физически — только один или два раза в год, когда ее семья едет в отпуск куда-то достаточно далеко и у нее могут возникнуть проблемы с подсоединением к трилу. Последний

раз это было на прошлое Рождество, когда они уезжали с семьей в Патагонию.

— Как обычно происходят такие поездки?

— Конечно, она заказывает машину, чтобы ее забрали. А потом их семейная компания присылает за ней самолет. У них есть специально оборудованный для установки «колыбелей».

— Из какого аэропорта он вылетает?

— Когда я ездила с ней, мы обычно вылетали из Национального.

— Ванн! — завопил я.

— Надо же, опять ты! — сказал Тони, ответив на мой вызов. — Я тебе только что отправил то, о чем ты просил раньше.

— Спасибо, ты мне очень помогаешь.

— Если получил, что на этот раз? Уже почти полночь.

— Есть один вопрос, чисто гипотетический.

— Какой сюрприз.

— Предположим, ты или я летим на частном самолете из Национального аэропорта в сторону Сараева.

— Пункт прибытия довольно загадочный, ну да ладно.

— Если бы мы захотели законнектиться с нашим личным пространством, то смогли бы это

сделать?

— А частный самолет навороченный?

— Самый навороченный, какой только может быть.

— Чисто гипотетически — где этот самолет сейчас?

— Где-то между Ньюфаундлендом и южной оконечностью Ирландии.

— Ясно. Тогда, наверное, смогли бы. В зависимости от нахождения самолета сигнал пойдет либо по системе «воздух—земля», либо через спутник. В первом случае лаг будет минимальным. Во втором мы получим отставание в триста-четыреста миллисекунд, потому что скорость света все-таки существует.

— Хорошо, тогда еще один гипотетический вопрос.

— Да что ж такое-то!

— Допустим, что хаден, который скрывается от правосудия, летит в страну, с которой у Штатов нет договора об экстрадиции.

— Например, в Боснию и Герцеговину.

— Да, — подтвердил я.

— Теоретически.

— Верно. А теперь допустим, что у тебя есть ордер на доступ в его личное пространство, распо-

ложенное на сервере США, для входа на который у тебя тоже есть ордер.

— Какой я, однако, предусмотрительный.

— Но личное пространство закодировано.

— Насколько серьезно?

— Очень серьезно.

— А сервер какой? Расшаренный? И обслуживает его некая третья сторона, имеющая доступ?

— Частный сервер, личное пространство создавалось кем-то еще, но эксплуатируется лично владельцем. Никто не может зайти туда, если он не сообщит код.

— Тогда ваши ордера бесполезны. Если хотите, можно перевести сервер в автономный режим, тем самым отрезав вашему теоретическому беглецу путь в его личное пространство. Но если это новейшая кодировка, попасть в него скоро не получится. Тебе когда надо-то?

— Гипотетически — до того, как сядет самолет.

— Тогда точно нет. Это просто нереально.

— А если еще подумать?

— Ну, если найти того, кто делал это пространство и оставил лазейку, чтобы входить туда с «черного хода». Или если там есть какой-нибудь явный говнокод, который бьет все мировые рекорды. Или если наш теоретический преступник

оставил открытым приглашение для друга или родственника. Тогда возможно.

— Давай возьмем предпоследнее.

— Говнокод?

— Да. Насколько легко им воспользоваться?

Тони вздохнул, что для хадена было неестественно, но тем не менее эффектно.

— Бога ради, Крис, да скажи уже, что это за сервер, что надо искать и сколько у меня времени.

— То есть, я так понимаю, ты можешь это сделать?

— Ничего такого я не говорил. Я могу попытаться, а там поглядим. Короче, высылай все детали, чтобы я мог начать.

— Тони, ты лучший.

— Да, я лучший. Не забудь об этом, когда получишь от меня счет.

Я отсоединился и посмотрел на Ванн. Мы все еще были в доме Паркер. Гловер, не зная, чем нам еще помочь, приготовила для Ванн чай.

— Тони в деле, — доложил я. — Вы готовы?

Ванн кивнула и позвала:

— Миссис Гловер?

— Да, мисс Ванн. — Гловер появилась из кухни.

При слове «мисс» Ванн передернуло. Я благоразумно решил промолчать.

— Отец Амели ведь генеральный директор «Лабрам», не так ли?

— Директор, все верно. А дедушка — председатель правления.

— Вы знаете, как с ними связаться?

— У меня есть телефоны обоих, а еще мамы и сестры Амели для экстренных случаев.

— Давайте начнем с отца, — предложила Ванн.

— Мисс Ванн, уже очень поздно для звонков.

— Знаю. Но со мной он точно захочет поговорить.

Глава 23

Я поднялся через толщу воды и осмотрелся. Пристань с яхтой была примерно в сотне метров. Вполне можно доплыть — хоть виртуально, хоть вживую. Я лег на спину и стал неторопливо подгребать к берегу озера. Когда я ступил на землю, с одежды текло в три ручья, но сохла она с неправдоподобной скоростью. К тому времени, как я подошел к дому, она была уже совершенно сухой.

Никто из смоделированных слуг не обратил на меня внимания, когда я вошел в дом. То ли они попросту не видели меня, то ли их программы были написаны так, что они не должны были обращаться ко мне, если меня не было в числе приглашенных. Я встал напротив одного из слуг, чтобы понять, как он поступит, но, к моему изумлению, он проворно и совершенно равнодушно просто обошел меня. Значит, они меня видели. Просто не считали нужным замечать.

Со второго этажа послышалась музыка. Я пошел на звуки вверх по лестнице и обнаружил, что они доносятся из большой и весьма представительной библиотеки. Амели Паркер сидела

там в кресле с книгой в руках. Я пригляделся к корешку. Это был «Великий Гэтсби», и я решил, что это уже слегка перебор.

— Как вам роман? — спросил я.

Паркер вздрогнула и выронила книгу. Она смотрела на меня так, словно я был призраком, который, словно по волшебству, появился из ниоткуда, что, в общем-то, так и было, учитывая все обстоятельства.

— Как? — только и смогла выговорить она.

— Через озеро, — ответил я. — Вы же так и не закончили его программировать. Конечно, на самом деле все чуточку сложнее, но я воспользовался именно этим путем.

Она молчала, сверля меня тяжелым взглядом, но потом на ее лице снова отобразилась растерянность.

— Вы не можете выгнать меня, — продолжал я. — Я как компьютерный глюк, поэтому ваше пространство не зарегистрировало мое появление. В отличие от вашего сервера. И, кроме того, я здесь, потому что у меня есть ордер. Ваш сервер находится на территории Соединенных Штатов.

— Зачем вы здесь?

— Хочу поведать вам много чего любопытного. А потом дать шанс добровольно сдаться право-

судию.

— Сдаться? — улыбнулась Амели. — С какой стати?

Я прошелся по комнате, любуясь книгами на полках. Кожаные переплеты, упоительный смоделированный запах старой бумаги.

— Амели, это действительно великолепная библиотека.

— Спасибо.

— Вы убили Дуэйна Чэпмена, хотя и не намеренно, — сказал я. — Вашей мишенью был не он, а Ким Силва. Но вы не знали о том, что Силва и Чэпмен были любовниками. И о том, что она дала ему экземпляр добавок «Лабрам».

— Не понимаю, о чем вы говорите, — сказала Паркер.

Я протянул руку и взял с полки книгу, детские повести Кэтрин Валенте.

— Люблю эту книгу, — сказал я, показывая ей томик.

— Я тоже, — ответила она.

Я положил книгу на стол рядом с собой и продолжил:

— Несколько лет назад ваше молодое предприятие приобрело интеллектуальную собственность компании под названием «Нейросел», и в том

числе некий препарат, известный под маркой «аттентекс». В качестве составляющей ваших добавок он оказался бесполезен, потому что вызывал приступы и другие побочные эффекты. Но вы придумали, как использовать его иначе. Если иметь достаточно сведений о конкретных хилкетистах, можно подобрать состав их добавок так, чтобы аттентекс, который вы добавите туда, мог едва заметно тормозить их активность. Без электрического заряда, подаваемого на человека, который его принимает, этот препарат фармацевтически инертен, поэтому вы могли выбирать, когда и где его использовать. Он быстро всасывается в кровь и не виден для допинг-тестов, потому что никто не ждет положительных проб на аттентекс или его компоненты.

— Я не помню такого препарата, — заметила Амели.

— Увы, это не так, — сказал я. — А если точнее, то год назад вы испробовали его на Клементе Сальсидо. Он согласился рекламировать добавки «Лабрам», и компания располагала всей необходимой информацией, чтобы создать смесь, составленную конкретно под него. Вы получили эту информацию, запустили несколько пробных симуляций, чтобы понять, сколько вам потре-

буется аттентекса, для того чтобы снизить его показатели, и ввели препарат в добавки. Но вы ошиблись в расчетах, и на поле у Сальсидо случился приступ. После чего он был исключен из лиги.

— Крис…

— Зачем вы летите в Сараево? — спросил я.

— У меня там инвесторы. — Паркер явно встревожил неожиданный поворот в разговоре.

— Для «МобилОн»?

— Разумеется.

— У вас трудности с поиском инвесторов в Штатах?

— Я бы так не сказала, — ответила Паркер.

— А на самом деле они есть. по сравнению с финансированием вашего предыдущего стартапа, того, что вы продали, «Лабрам» значительно дороже его реальной стоимости, — напомнил я. — Многие компании, с которыми вы тогда сотрудничали, как видно, не слишком торопятся поддержать вас с «МобилОн». Ваши потенциальные инвесторы сомневаются, что она продержится достаточно долго для того, чтобы «Лабрам» смог выкупить ее по цене выше номинала. Слишком уж много крупных и сильных игроков приходит на рынок арендных трилов.

Поэтому, чтобы заманить их, вы решили предложить нечто особенное.

— Это бред.

— А именно возможность влиять на ход хилкетного матча, — продолжил я. — Не в Североамериканской лиге, куда у вас нет доступа и где рынок уже сформирован. Вы нацелились на вновь создаваемые европейские и азиатские лиги. Уже подписано соглашение, согласно которому «Лабрам» становится эксклюзивным поставщиком добавок и игровых «колыбелей» для всех новых лиг. Вовсю создаются общества с ограниченной ответственностью, чтобы финансировать новые команды. Ваша семейная компания сделала всю самую трудную работу, подготовив правильную почву. Вам осталось лишь извлечь из всего этого выгоду.

Паркер молчала.

— После истории с Сальсидо вы немного подправили дозировку аттентекса и наконец убедились, что результат можно продемонстрировать инвесторам. Вы сказали им, что последняя предсезонная игра года станет худшей в карьере Ким Силвы, что весь матч она будет отставать на долю секунды и оставаться на шаг позади. Перемены будут не так очевидны, чтобы вызвать

подозрения. Просто шаг назад от ведущего игрока к заурядному. Так сказать, от Ким Силвы к Дуэйну Чэпмену. Вы заверили их, что можно смело делать ставки. И часть из них сделали. Но вы не знали, что коробку с добавками «Лабрам», отправленную для использования в воскресном матче, ту самую, куда вы подмешали аттентекс, Силва отдала Чэпмену. Сама она в тот день использовала остатки добавок с прошлой недели. Их ведь всегда присылают больше, чем нужно хилкетистам. И приготовленный вами состав, тщательно выверенный специально для Силва, с учетом ее телосложения, ее обмена веществ и ее мозга, губительным образом подействовал на мозг Чэпмена. В результате он умер, а для Силвы тот матч стал одним из лучших в карьере.

— Ваш рассказ лишен смысла, — сказала Паркер. — Если эта смесь предназначалась для Силвы, она бы вообще никак не подействовала на Чэпмена. Вы сами говорили, что препарат эффективен, только если применяется вместе с другим элементом.

— Да, с электростимуляцией, — согласился я. — И поначалу это сбивало меня с толку. Поэтому я попросил моего друга Тони поискать, что общего у Сальсидо, Силвы и Чэпмена. Оказалось, что все

они во время игры использовали для своих тел «колыбели» производства «Лабрам». «Колыбель» следит за состоянием всего организма игрока. И год назад, как раз перед случаем с Сальсидо, был произведен апгрейд всех операционных систем «колыбелей» «Лабрам», после чего они получили возможность проводить слабую кратковременную электростимуляцию. В пояснениях к апгрейду было написано, что это поможет получить более точную информацию для стримов с данными игроков, которые лига продает болельщикам. Так и произошло, после чего другие производители «колыбелей» тоже поспешили апгрейдить свои операционки подобными стимуляциями. Но у вас была еще одна причина сделать это.

— То есть из ваших слов следует, что я поднастраивала «колыбель» какого-нибудь игрока прямо во время игры. Но это по-прежнему не объясняет смерть Чэпмена.

— Знаете, это меня тоже озадачило, — сказал я. — Ведь любая «колыбель», которая будет значительно отличаться от всех остальных, сразу привлечет внимание. Но мой друг Тони напомнил мне, что воздействию подвергнутся лишь те игроки, в чьи добавки подмешан аттентекс.

Значит, если включить электростимуляцию во всех «колыбелях» без исключения, никто ничего не заметит. Задумка весьма изобретательна, если только не испортить ее глупостью и жадностью. Нацельтесь на одного-двух игроков команды за матч, заставьте их играть ниже их обычного уровня или просто не давайте разыграться — и вы определите исход схватки. Именно вы будет решать, кто станет победителем, а кто проигравшим. — Я подошел к Паркер и сел в кресло напротив. — Идея сама по себе грандиозная, если, конечно, не принимать во внимание тот факт, что она безнравственна и незаконна, а также то, что вы сами все испортили и по ошибке убили игрока. Теперь вы должны как-то сгладить ситуацию перед потенциальными инвесторами «МобилОн», которым пообещали контроль над хилкетными матчами в обмен на финансирование.

— Ведь это те же инвесторы, которые вкладываются в иностранные лиги вместе с «Лабрам», верно? — сказала Паркер. — И они будут делать ставки на свои же матчи. Потому что только так можно не вызвать подозрений.

— Далеко не все ваши инвесторы захотят вкладываться в иностранные лиги, даже если они

давние партнеры «Лабрам», — напомнил я. — А те, что вложатся… Ну что ж, если они настолько умны, чтобы отмывать деньги через вашу семейную компанию, то им хватит изобретательности, чтобы разместить свои ставки без печальных последствий для себя. Амели, проблема не в том, кто ставит, а в том, куда вас завело ваше опрометчивое обещание. Каждый раз, когда вы пытались разрешить возникшую ситуацию, все только ухудшалось. В результате Чэпмен мертв, Кауфман тоже. От Кешии Санборн вы узнали о том, что у Ким Силвы есть документы, уличающие «Лабрам» в отмывании денег. Их публикация привлекла бы к вам излишнее внимание. Поэтому вы рассказали «Хилкета ньюс» об их романе и прибегли к услугам Мартина Лау, который должен был представить все так, будто Марла Чэпмен пыталась убить Силву, а потом покончила с собой. Вы заплатили Рэйчел Рамси за порчу пакета с добавками, а когда вдруг откуда ни возьмись всплыл еще один пакет, вы снова наняли ее и, после того как она украла для вас улику, убили. Это сделали лично вы, Амели. Трил, который был использован для ее убийства, и «танк», проломивший окно в моем доме, были изготовлены компанией «Ван Димен». Когда балтиморское

управление ФБР явилось к ним с ордерами, они выложили все. Оба трила управлялись вами. Так вот. Когда вы наконец поняли, что влипли очень серьезно и настало время свалить куда-нибудь подальше, вы натравили Лау и его подельников на Лену Фаулер, вашего интегратора. Вы привыкли к мысли, что из-за своего прошлого она всегда будет молчать, но тем не менее Фаулер знала гораздо больше, чем вам хотелось бы. Лау не представлял для вас угрозы, потому что его компания работала с «Лабрам», а вот Фаулер оставалась опасной. А дальше случилось то, что вынудило вас сейчас лететь в этом самолете в страну, которая не выдает преступников.

Несколько секунд она смотрела на меня с невозмутимым видом, только глаза выражали растерянность, но потом вдруг улыбнулась:

— Прекрасная история, Крис. Жаль только, вы ничего не сможете доказать.

— То есть?

— Сами прекрасно знаете. Говорите вы складно, но это всего лишь домыслы. У вас нет ни одного веского доказательства.

— Вы хотите сказать, что кот мертв, а также Фаулер и все остальные, кто мог бы изобличить вас?

— Понятия не имею, о чем вы, — ответила Паркер. — Зато отлично понимаю, что вы бы уже давно арестовали меня, будь у вас хоть что-нибудь. А раз ничего нет, то и говорить не о чем. Менее чем через два часа я буду в Сараеве. Думаю задержаться там на какое-то время. Говорят, это очень красивая страна.

— Да, красивая. Я бывал там.

— Можете навестить меня, — улыбнулась Паркер. — Мне по-прежнему нужна знаменитость для рекламы «МобилОн».

— Значит, вы не собираетесь являться с повинной?

— Нет, не собираюсь. Не вижу причин делать это.

— Спешу вас разочаровать. Первое — кот жив. — (Улыбка спала с ее лица.) — Более того, по всем признакам он довольно популярен среди фэбээровских экспертов по бухгалтерии, которые сейчас очень внимательно штудируют финансовые документы «Лабрам», включая те, что касаются покупки вашей прежней компании. Когда они закончат, Пончик снова воссоединится со своей хозяйкой, Ким Силвой. Разве это не чудесно? Получается, вы совершенно напрасно разгромили наш дом. Страховка, конечно, покро-

ет ремонт дома и трилов, а также оплату отеля для моих соседей, но страховые компании наверняка захотят возместить убытки. Так что будьте готовы получить иск.

Я сделал паузу, но Паркер молчала, и я продолжил:

— Второе. Лена Фаулер, до того как умереть, а также до того, как убить Мартина Лау, чья смерть, кстати, весьма огорчит «Ричу энтерпрайзис», оставила внушительную стопку документов, адресованных мне и агенту Ванн. Все эти документы о вас, Амели. Лена видела все ваши метания и понимала, как сильно рискует из-за вас. Она решила отплатить вам тем же.

— Я вам не верю, — сказала Паркер. — Но даже если бы верила, это уже не важно.

— Я знал, что вы не поверите, поэтому оставил кое-что про запас. Пока я добирался сюда, моя напарница беседовала с вашим отцом и посвятила его во все ваши дела. Оказывается, вы не были с ним вполне откровенны и не сообщили о том, какой дополнительный бонус предлагали будущим инвесторам «МобилОн». По сути, вы вообще держали членов своей семьи в полном неведении относительно того, чем занимались. В результате вы превратили «Лабрам» в объект

очень пристального внимания государства и полностью разрушили репутацию компании в глазах ее инвесторов и Североамериканской хилкетной лиги, которую она считала своим главным стратегическим партнером. Амели, ваш отец очень зол. А ведь вы летите на его самолете.

В глазах Паркер мелькнул испуг.

— Что это значит? — спросила она.

— Это значит, что вы летите не в Сараево. Примерно через полчаса вы приземлитесь в аэропорту Венеции. Там вас встретят несколько милых американцев, вы будете арестованы и, после того как самолет дозаправится и экипаж немного отдохнет, отправлены обратно в Вашингтон. Ваш отец отказался от вас, Амели.

— Он не мог! — сказала она.

— И тем не менее это правда, — заверил я. — Кроме того, он приписывает вам самые наглые из схем по отмывке денег, проводимых «Лабрам». Как и финансирование протестующих с антихаденскими лозунгами, которые отрабатывали свой хлеб перед каждой игрой. Очевидно, «Лабрам» платил им через какие-нибудь фиктивные общественные организации. Попытка выпихнуть хаденов из хилкеты, чтобы быстрее открыть рынок для нехаденов, не такая плохая идея. И

теперь это тоже на вас.

— Все это полная чушь! — возмутилась Паркер.

— Не стану отрицать, — вставая, заметил я. — Но кроме меня, есть и другие, кто не будет так великодушен. Знаете, Амели, у вас такая красивая библиотека. И такой красивый дом. На вашем месте я бы потратил оставшиеся несколько часов на то, чтобы насладиться всем этим как можно полнее.

— Благодарю за совет, — холодно ответила она.

— Не за что, — сказал я и пошел к двери, но, прежде чем выйти, остановился. — Ах да, Амели.

— Что?

— Спасибо, что предложили работу. Я вынужден отказаться.

Эпилог

Лицо Дуэйна Чэпмена высветилось на гигантском табло, и все болельщики «Бостон бэйз», пришедшие в ту пятницу на первый матч сезона, издали дружный радостный возглас. С поля им помахала Ким Силва, заявленная в списке травмированных игроков. Ликующие крики стали еще громче, потому что Силва была звездным игроком «Бэйз» и потому что теперь каждый фанат хилкеты на планете знал эту несчастную историю любви.

Мы с Ванн наблюдали за всем этим из ВИП-ложи владельцев команды. Так «Бэйз» решили отблагодарить нас за расследование убийств Дуэйна и Марлы Чэпмен.

— Красиво почтили память, — заметил я, показывая на поле.

— Нормально, — сказала Ванн.

Я взглянул на нее:

— Звучит не слишком убедительно.

— Думаете, я сюда за этим пришла? — Она кивнула на поле.

Дверь в ложу открылась, вошли Боб Крайсберг

и Оливер Медина. Заметив нас, Крайсберг тут же устремился в нашу сторону, по очереди протянул нам руку и стал рассыпаться в благодарностях за наши усилия. А когда упомянул Дуэйна Чэпмена, то даже прослезился. Мы вежливо слушали и выражали свои соболезнования. После еще нескольких минут благодарностей и нашего мягкого отказа от сезонных абонементов Крайсберг попрощался с нами и пошел здороваться с моими родителями.

— Что это было? — едва слышно прошептала мне Ванн.

— Все в порядке, — заверил я. — С вами ничего не случилось. Вы просто сделали очень счастливым пожилого человека, вот и все.

— Напомните мне больше такого не повторять, — сказала она.

К нам подошел Оливер Медина.

— Агент Ванн, — приветственно кивнул он. — Агент Шейн, — еще один кивок, но на мне адвокат решил задержать свое внимание. — Мне очень жаль, что ваш отец передумал вкладываться в нашу вашингтонскую команду, — сказал он.

— Мне кажется, у него есть сомнения в долгосрочной стабильности лиги, — ответил я.

— На этот счет он ошибается, но я могу его по-

нять, учитывая сложившиеся обстоятельства. В любом случае благодарю вас за все, что вы сделали для лиги. Вас обоих. Неделя была просто адская.

— Это точно, — подтвердил я.

— Она еще не закончилась, — добавила Ванн.

— В самом деле? — с любопытством взглянул на нее Медина.

— Один вопрос так и остается невыясненным, — сказала Ванн. — Смерть Алекса Кауфмана.

Медина поджал губы:

— Что ж, полагаю, он работал в паре с Амели Паркер. Она собиралась влиять на исход матчей, он продвигал соглашение «Лабрам» об эксклюзивной поставке добавок и «колыбелей», чтобы помочь ей. Это соглашение мы уже расторгли.

— Разумеется — чтобы спасти лицо, — заметила Ванн.

— Как я понимаю, это Паркер послала своего интегратора убить Кауфмана, а потом изобразить все так, будто он повесился, — сказал Медина. — Вы говорили, интегратор была в номере перед его смертью. Она прошла армейскую подготовку. А Паркер хотела убрать Кауфмана.

— Все верно, — кивнула Ванн, — за исключением вашего первого утверждения.

— Лена Фаулер пришла в номер Кауфмана не затем, чтобы его убить. Она была его любовницей, — пояснил я. — Они познакомились, когда Фаулер была интегрирована с Паркер, но потом у них начался роман уже без посторонних. На время вашингтонской игры он снял для нее смежный номер. И она его не убивала. Кауфман повесился, и она обнаружила его через несколько минут после этого.

— И откуда, позвольте спросить, вам это известно?

Ванн кивнула мне, и я передал Медине лист бумаги, который принес с собой, со словами:

— Разумеется, копия.

Медина нахмурился и взглянул на листок.

— Это предсмертная записка, адресованная Фаулер, — сказала Ванн. — Я хочу, чтобы вы обратили внимание на первое предложение. «Медина говорит, что все это ляжет на меня».

— Вы думаете, это может как-то впутать меня в делишки Алекса и Амели? — недовольно спросил он.

— Я думаю, что, когда Кауфман увидел, как Чэпмен упал замертво, он уже понял, что происходит, — сказала Ванн. — Препарат, который должен был замедлить Силву, вместо этого убил

кого-то другого. Я думаю, что он запаниковал и приказал изъять запись. А потом понял, что тем самым только усугубил ситуацию, и позвонил вам.

— Из чего следует, что вы были в курсе, — добавил я. — Либо вы уже знали о делах Паркер и Кауфмана, потому что помогали им, либо узнали потом.

— В любом случае, — подключилась Ванн, — вы не предприняли ничего, пока умирали люди. В том числе агент ФБР.

— А если вы знали, чем занимаются Паркер и Кауфман, то, вероятно, знали и о том, что Кешия Санборн все это время снабжала Паркер информацией, — продолжил я. — Как и о том, что она подталкивала Альтона Ортица к признанию, чтобы тем самым отвлечь наше внимание от Паркер.

— И от лиги, — добавила Ванн.

Медина выслушал нас и вернул мне листок.

— А почему Фаулер забрала записку из номера? — спросил он.

— Потому что записка была адресована лично ей, — ответил я, — и написана для нее.

Медина едва заметно пожал плечами:

— Если бы Фаулер не взяла записку или вообще

не заходила туда, вам бы не пришлось так долго ломать голову над причиной его смерти. Почему, по-вашему, она не осталась в номере, увидев, что произошло? Почему не вызвала полицию?

— Я не знаю, — признался я.

— А теперь мы никогда этого не узнаем, потому что они оба мертвы.

— Вы должны рассказать нам, о чем вы говорили с Кауфманом перед тем, как он повесился, — сказала Ванн.

— Само собой, я не стану этого делать, — ответил Медина. — Один из заместителей комиссара лиги обсуждал с главным юристом лиги некий внутренний вопрос. Причем, спешу заметить, вопрос, не до конца разрешенный. Даже если не брать во внимание очевидную в данном случае привилегию на сохранение адвокатской тайны, я посчитал бы крайне легкомысленным для себя обнародовать предмет нашей постоянной заботы.

— По словам Кауфмана, вы сказали, что все это ляжет на него, — напомнила Ванн.

— «Все это» — понятие весьма туманное, агент Ванн, — заметил Медина.

— Вы можете конкретизировать его для нас.

— Агент Ванн, мне казалось, я уже объяснил,

что такое привилегия на сохранение адвокатской тайны, — улыбнулся Медина. — Это может прозвучать странно, но я благодарен вам за вашу враждебность по отношению ко мне. Это значит, вы хотите сделать что-то хорошее для Алекса. Думаю, он бы это оценил. А еще он бы посоветовал вам не тратить свое время и не выдумывать несуществующие теории заговора на ровном месте. Но все равно бы поблагодарил.

— Если мы обнаружим, что вы хоть как-то замешаны в дела Паркер, ваша адвокатская привилегия полетит псу под хвост, — предупредила Ванн.

— Тогда мне лучше надеяться, что вы ничего не обнаружите, — добродушно ответил Медина. — А если вдруг обнаружите, то навесить на меня уж точно не сможете. Мое почтение, агенты, — кивнул он и направился к Крайсбергу.

— Самодовольный мерзавец, — сказала мне Ванн.

— Вы верите ему? — спросил я. — Верите в то, то он не знал?

— Он не сказал, что не знал. Он просто вежливо дал понять, что ничего не расскажет.

— То есть, вы думаете, он знал?

— Если бы не знал, это бы означало, что он не

на своем месте. А он очень даже на своем.

Я посмотрел на поле, где уже началась первая половина матча.

— Папа говорит, что лигу очень скоро ждет финансовый крах. Что иностранные команды ей нужны, чтобы продержаться на плаву, пока в хилкету не придут нехадены, тогда ситуация стабилизируется. Лига не могла не знать, что компании, которые «Лабрам» создавал под иностранные команды, были прикрытием для отмывания денег.

— Да, — согласилась Ванн. — Они знали.

— А если знали, то чем они отличаются от Паркер с ее грандиозными планами управлять играми ради наживы? Если они знали, что им все сойдет с рук и никто даже слова не скажет, неужели они бы этого не делали?

На поле игрок «Бостон бэйз» оторвал голову противника.

Толпа заревела.

— Кажется, мне срочно нужно закурить, — сказала Ванн.

Благодарности

Сначала я, как всегда, хочу от всего сердца поблагодарить тех, кто участвовал в создании этой книги. В издательстве «Tor» это прежде всего, конечно, мой редактор Патрик Нильсен Хайден и его помощница Анита Окойе; Ирен Гальо и Питер Лютьен, вновь создавшие просто чудесную обложку; Соня Фогель, которой пришлось охотиться за моими ошибками и несуразностями, коих, увы, оказалось немало; Хезер Сандерс, вдохнувшая в мою книгу жизнь; Алекс Саарела и Пэтти Гарсия, которые сообщили людям о существовании моей книги. И неизменно — Том Доэрти.

Также я благодарю Беллу Пейган и ее коллег из британского отдела «Tor» и Стива Фельдберга со всеми остальными из «Audible».

Моя бесконечная благодарность «Команде Скальци»: Этану Элленбергу, Биби Льюис, Джоэлу Готтлеру и Мэтту Шугармэну. Мои агенты и адвокаты просто чудо.

Написание этого романа заняло больше времени, чем обычно, в силу ряда причин, но главное

— это то, что две тысячи семнадцатый год был наполнен отвратительными событиями, когда ужасные люди пытались совершать ужасные поступки и зачастую добивались успеха. Трудно сосредоточиться, когда мир объят пожаром.

«Напролом» важен для меня не только потому, что я люблю мир этой книги и ее персонажей, но также потому, что он просто уже написан. В каждый свой роман я стараюсь внести что-то новое, изменить форму повествования или как-то иначе раздвинуть границы, чтобы вырасти как писатель и творческий человек. На этот раз такой новый опыт тоже был — опыт писать роман в то время, когда вся планета пытается отвлечь внимание на себя. Надеюсь, он мне пригодится, потому что две тысячи восемнадцатый едва ли будет лучше своего предшественника. Я бы очень и очень хотел ошибиться в своих прогнозах! В общем, поживем — увидим.

Друзья и семья помогли мне сохранить здравый рассудок в этот тяжелый год. Если бы я благодарил всех, этот список не поместился бы в книгу, но знайте: если вы считаете себя моим другом, ваша дружба была важна для меня в этот год, как никогда. Но больше всего я благодарен Мэри Робинет Коваль, которая вдохновила меня на эту

книгу в самый нужный момент.

В заключение выражаю свою неизменную благодарность моей жене Кристине. Процесс написания книг для большинства людей окутан тайной. Ты никогда не можешь сказать по обложке, сколько времени заняло создание книги — шесть недель, шесть месяцев или шесть лет — или в каком душевном состоянии находился ее автор, пока ее писал. Думаю, этот роман не исключение. Вы узнаете о том, что его написание заняло у меня больше времени, чем обычно, только потому, что я сам говорю вам об этом.

А Крисси знает, чего стоит мне каждый роман, ведь ей приходится жить со мной, пока я пишу, и она наблюдает почти все стадии процесса. С этим романом процесс получился особенно напряженным, если сравнивать с другими. Она прекраснейший человек, и я каждый день напоминаю себе, как мне невообразимо повезло, что мы вместе. Надеюсь, у каждого из вас в жизни есть такая же опора.

Джон Скальци, 20 декабря 2017 г.